РУССКОЕ СЛОВО

ІЮНЬ.

1863

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

См. на оборотѣ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

История девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Т. I. СПБ. 1863. Л. П—скій.

Торговыя преступленія. (Окончаніе). Н. В. Соколовъ.

Библіографическій листокъ.

Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ С. С. Дудышкинымъ 2 т. Санктпетербургъ, изданіе А. И. Глазунова. 1863. — Стихотворенія К. Павловой. Москва 1863. — Курсъ исторіи русской литературы (съ библіографическими указаніями). Сочиненіе К. Петрова. СПБ. 1863. — Исторія всеобщей литературы XVIII в. Г. Геттнера. Томъ 1 (Англійская литература). Изданіе Н. Тиблена СПБ. 1863. — Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Періодъ первый отъ паденія западной римской имперіи до Карла В. 476—771. СПБ. 1863. — Руководство къ изученію всеобщей исторіи для гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, Т. Б. Вельтера. Исторія среднихъ вѣковъ; переводъ съ нѣмецкаго 19-го изданія Л. Левенстерна и А. Карлова. Изданіе Д-ра Хана, СПБ. — Крестовый походъ императора Фридриха второго, разсужденіе В. Бильбасова, СПБ. 1863.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефрень.

Плачевный и въ то же время радостный финалъ французскихъ выборовъ. — *Національный историкъ* Тьеръ отвергнутъ, какъ императорскій присяжный.— Государственная мудрость г. Персиньи въ этомъ дѣлѣ. — Вмѣшательство полиціи въ назначеніе кандидатовъ. — Подлоги именъ въ спискахъ выборныхъ. — Чего желаетъ французское правительство и чего хочетъ парижская публика? — Назидательный выводъ изъ настоящихъ выборовъ Франціи. — Процессъ Фаусти въ Римѣ. — Католическіе ирландцы передъ судомъ протестантскихъ англичанъ. — Обвиненіе епископа Каленсо за неумѣстное толкованіе библіи. — Кризисъ Пруссіи и послѣдніе симптомы американской войны.

См. на оборотъ.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

РУССКАГО СЛОВА.

По случаю пріостановленія «РУССКАГО СЛОВА» на 8 мѣсяцевъ въ прошломъ 1862 году, Редакція почла долгомъ немедленно приступить къ удовлетворенію своихъ подписчиковъ за недоданныя книжки журнала. Съ этою цѣлью она повѣстила каждаго изъ тѣхъ своихъ подписчиковъ, адресы которыхъ были извѣстны Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», особеннымъ письмомъ, предложивъ на выборъ слѣдующіе три способа удовлетворенія: 1) или получить обратно деньги — 7 р. за недоданныя книжки; 2) или принять нижеозначенными изданіями *) на сумму, равную 7 р.; 3) или оставить слѣдующія къ возврату деньги на 1863 годъ, въ счетъ будущей подписки на «РУССКОЕ СЛОВО», изданіе котораго, по истеченіи запретнаго срока, должно было возобновиться съ 1 февраля настоящаго года. Срокъ удовлетворенія былъ назначенъ отъ іюля по 1 декабря, т. е. впродолженіи пяти мѣсяцевъ; по мнѣнію нашему этого времени было совершенно достаточно для заявленія желанія или требованія со стороны каждаго подписчика, какъ бы мѣстожительство его отдаленно ни было.

Кромѣ этого предложенія, сдѣланнаго въ особенныхъ письмахъ, адресованныхъ на имя каждаго подписчика, Редакція по нѣскольку разъ объявила о тѣхъ же условіяхъ во всѣхъ болѣе распространенныхъ газетахъ. Большинство гг. подписчиковъ благоволило отвѣтить Редакціи своевременно, оставивъ слѣдующія къ возврату деньги въ счетъ подписки на 1863 годъ. Нѣкоторые пожелали получить изданіями, которыя и были высланы имъ; потребовавшіе обратно деньги были удовлетворены согласно ихъ требованію.

Но не смотря на многія публикаціи и частныя письма, нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ до сихъ поръ не извѣстили Редакцію ни о своихъ адресахъ, ни о своемъ желаніи получать «РУССКОЕ СЛОВО». Не зная адресовъ (старые могли въ теченіи 8 мѣсяцевъ

---

*) Изданія, предложенныя для удовлетворенія гг. подписчиковъ, были слѣдующія: **Сочиненія А. Островскаго**, въ 2 большихъ томахъ, 3 р., съ пересылкою 3 р. 75 к. **Сочиненія А. Майкова**, въ 2 томахъ, 2 р., съ пересылкой 2 р. 75 к. **Повѣсти и разсказы М. Л. Михайлова**, въ 2 томахъ, 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к. **Сочиненія И. Панаева**, въ 4 томахъ, 3 р., съ пересылкой 4 р. 50 к. **Сочиненія Л. Мея**, въ 3 томахъ, 3 р. съ пересылкой 4 р. 50 к. **Памятники старинной русской литературы**, составленные подъ редакціей г.г. Костомарова и Пыпина, въ 2 большихъ выпускахъ, 3 р. съ пересылкой 3 75 к. На всѣ эти изданія, отлично выполненныя въ типографскомъ и хозяйственномъ отношеніи сообразно крайне-умѣреннымъ ихъ цѣнамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны. Та же уступка дѣлана и при удовлетвореніи гг. подписчиковъ за недоданныя книжки «РУССКАГО СЛОВА».

измѣниться), Редакція не рѣшилась высылать таковымъ подписчикамъ самый журналъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ нихъ извѣщенія *куда* и *на чье имя* адресовать его. Между тѣмъ въ послѣднее время мы получили нѣсколько писемъ, въ которыхъ упрекаютъ насъ будто бы за недовѣріе тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ мы не получили никакихъ отвѣтовъ и поэтому не выслали имъ «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ. Такой упрекъ намъ кажется неосновательнымъ. Если главная Контора пріостановила высылку тѣмъ изъ нихъ, которыхъ мѣстожительство не было заявлено ей, то это вовсе не потому, что не были получены отъ нихъ въ свое время добавочные 7 р., а по той очень понятной причинѣ, что Редакція доселѣ не знаетъ, кому и куда слѣдуетъ посылать книжки. Положимъ, что подписчикъ X получалъ «РУССКОЕ СЛОВО» въ 1862 году въ городѣ N; старый его адресъ въ книгахъ Конторы сохранился; но почему же знать, что и въ 1863 году господинъ X находится въ томъ же городѣ N? Вотъ это-то обстоятельство и заставило Редакцію пріостановить высылку журнала тѣмъ изъ подписчиковъ, которые не озаботились сообщить свои адресы своевременно. О недовѣріи же здѣсь не можетъ быть и помину.

Поэтому еще разъ просимъ покорнѣйше господъ, не отвѣтившихъ намъ доселѣ, прислать ихъ адресы, по которымъ и вышлются имъ книжки «РУССКАГО СЛОВА».

Съ тѣмъ вмѣстѣ Главная Контора «РУССКАГО СЛОВА» проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ, которымъ уже высылается «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ и которые не доплатили 7 р. къ оставшимся отъ прошлаго года, поспѣшить высылкою этихъ денегъ. Въ противномъ случаѣ Главная Контора, опять не зная положительно — желаютъ ли они получать журналъ за весь 1863 годъ или ограничатся полученіемъ только первыхъ шести книжекъ, будетъ поставлена въ затрудненіе рѣшить этотъ вопросъ. Высылка же денегъ разрѣшитъ наше сомнѣніе и доставка книжекъ будетъ продолжаться безостановочно.

Для скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ и требованій со стороны гг. подписчиковъ, подписавшихся въ книжныхъ магазинахъ, Редакція повторяетъ свою просьбу относиться съ этими жалобами и требованіями прямо въ Редакцію «РУССКАГО СЛОВА» (адресъ ея Почтовому вѣдомству извѣстенъ). Только тогда можно разсчитывать на безотлагательное исполненіе просьбъ иногородныхъ подписчиковъ, и на своевременные отвѣты по ихъ письмамъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

IЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

1863.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 19 іюля 1863 г

ДВА МГНОВЕНІЯ.

II.

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Половина двѣнадцатаго вечера субботы. По улицамъ ходитъ небольшими кучками народъ, тускло горятъ плошки у тумбъ; куполъ Исакія мрачно темнѣетъ на сѣромъ фонѣ неба; горятъ фонари, городовыхъ не видно... Тихо... Ударила пушка и далеко разнесся выстрѣлъ, огласивъ ночную тишь и замолкшія улицы Петрограда. Я подошелъ къ громадному собору; народъ, точно муравьи, безпокойно и торопливо шнырялъ во всѣ стороны между гигантскихъ гранитныхъ колоннъ. У дверей стояли мужики и бабы, держа въ рукахъ бѣлые узелки съ куличами и яйцами. Я вошелъ въ храмъ. Чуть слышно раздавался тонкій и звучный голосъ читальщика надъ плащаницею, подлѣ которой горѣли тысячи свѣчей. Съ высоты мрачныхъ, не освѣщенныхъ еще стѣнъ неподвижно и угрюмо глядѣли мрачныя иконы; тусклыя лампадки едва мерцали подлѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ... Звенѣли мѣдныя деньги, и неясный гулъ ходилъ по церкви — народъ ждалъ чего-то. Прогремѣла пушка — и разомъ, вспыхнувъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, засверкали свѣчи въ паникадилахъ; огоньки быстро - быстро перебѣгали съ свѣтильни на свѣ-

тильню. Головы безпорядочно заколыхались; народъ гудѣлъ и торопливо творилъ крестное знаменіе. Я крестился вслѣдъ за другими, точно по чьему-то приказанію.

— Эвона, эвона, эвона! говорилъ парнишка, поднявъ голову вверхъ и тыча пальцемъ по направленію бѣгавшихъ огоньковъ, которые вились тонкими змѣйками, кидались во всѣ стороны, разбѣгались и опять сбѣгались, зажигая приготовленныя заранѣе нитки, и наконецъ терялись совсѣмъ.

— Чего кричишь, лѣшій! замѣтилъ, вѣроятно, отецъ, дернувъ парнишку за вихоръ и хлопнувъ по головѣ. Молись, дуракъ.

Парнишка съ испугомъ глянулъ на старика, почесался, широко перекрестился и положилъ земной поклонъ.

— Должно, царь не будетъ!! говорила бородка, держа въ рукахъ еще не зажженную свѣчку и силясь глянуть впередъ черезъ головы народа... Потому—безъ него начинаютъ.

— Царь!... возразилъ отставной, презрительнымъ взглядомъ смѣрявъ бородку съ ногъ до головы. Нѣшто онъ можетъ быть здѣсь? Никогда царь не можетъ быть здѣсь... Своей нѣшто нѣту-штоличи!

— Да разѣ это не его! Всѣ церкви евоныя, потому онъ глава.

— А митрополитъ?

— Чево митрополитъ? Митрополитъ, значитъ, одна глава, выходитъ,, а царь другая... Тоже и двуглавый орелъ рисуется... Нѣча спорить, коли не знаешь...

Отставной сердито отвернулся и не сказалъ ни слова.

— Эко диво, глянь-кась Матюха! говорилъ армякъ молодому парню, указывая на паникадилы... Разъ въ годъ только и бываетъ такъ.

— А!!

— Разъ въ годъ.

— Въ коронацію, говорятъ, было.

— Ну, то въ коронацію; въ коронацію какъ не быть, все одно, что свѣтлое воскресенье. А то разъ въ годъ.

— Ай, батюшки, милые мои, задавилъ! Ой, пропади совсѣмъ, окаянный! Ой! кричала баба, стараясь поворотиться и подпаливая свѣчкой волосы сосѣду.

— Что ты, дрянь, свѣчку-то въ голову тычешь!.. У, шельма! говорилъ тотъ, ёрзая по опаленному мѣсту пальцемъ и поднося его къ носу. Воняло гарью.

— Дома бы на печи сидѣла, чѣмъ сюда лѣзть! продолжалъ онъ, садапувъ локтемъ въ бокъ бабы. Лѣшій! Въ непоказанное время свѣчку зажигаешь, тоже—усердіе показываетъ.

— Не ругайся! замѣтилъ сосѣдъ. Въ храмѣ господнемъ стоишь, не гдѣ нибудь.

— А тебѣ что?

— Грѣховодники вы этакіе, право! ругаться въ церковь божію ходятъ.

Спорящіе начали усердно креститься; перекрестился и увѣщатель.

У дверей стояли нищіе: слѣпые, хромые, старики и бабы. Нѣкоторые молча кланялись всякому проходящему, другіе держали вытянутыя руки съ ладонями, сжатыми на подобіе чашечки, и не двигались. Иногда въ одну изъ нихъ попадала маленькая мѣдная монета; тогда чашечка близко подносилась къ глазамъ, а оттуда отправлялась въ карманъ подъ сермяжный, изодранный балахонъ. Народу прибавлялось все больше и больше; давка становилась замѣтнѣе. Кое-гдѣ вскрикивали ребята, У прилавка со свѣчами особенно толпился народъ, и слышнѣе и чаще звенѣли мѣдныя деньги; чаще посылались къ олтарю пучки свѣчь, чаще раздавались судорожныя вскрикиванія.

Готовился крестный ходъ. Городовые волновались и преждевременно расталкивали толпу, очищая дорогу.

— Сторонись, сторонись! и возгласы: Ой,—не толкайся! слышались ежеминутно.

Толпа подавалась назадъ, снова напирала, и ближе стоявшіе къ начальству непосредственно отъ него получали пинки въ грудь и въ шею—куда доводилось.

Вышли архіереи, священники, дьяконы, дьяки, прислужники, пѣвчіе, и все это въ бѣломъ, въ бѣломъ... Народъ загудѣлъ пуще прежняго; городовые выходили изъ себя... Низенькая высохшая старушонка, кладя земной поклонъ, бормотала безсвязныя молитвы. А я стоялъ, и слушалъ, и безсмысленно глядѣлъ по сторонамъ.

— Ты чаво толкаешьси! кричалъ на городового парень, видно недавно пріѣхавшій изъ деревни и не знавшій еще, кàкъ надо обращаться съ начальствомъ.

Начальство равнодушно поглядѣло на дерзкаго новичка и равнодушно вымолвило:

— На съѣзжую сведу!!.

Парень почуялъ въ чемъ дѣло, встряхнулъ волосами и сталъ усердно молиться...

Я вышелъ изъ церкви вслѣдъ за процессіей. Мнѣ стало душно. Я сѣлъ въ углу на ступеньку и подперъ щеку ладонью. Народъ толпился подлѣ храма, слышны церковныя пѣсни, постепенно замиравшія, по мѣрѣ того, какъ отходила дальше процессія—и кромѣ ихъ ничего не слышно...

Я закрылъ глаза — и передъ мною предсталъ маленькій; бѣленькій городокъ, боязливо раскинувшійся въ глуши... Чистенькіе домики... свѣтъ въ окнахъ... ночь теплая и синее небо... звонятъ колокола, но не этимъ толстымъ, сердитымъ гуломъ, наводящимъ подобіе страха на душу; ихъ звонъ мягче и мелодичнѣе... Въ немъ можно разслышать что-то безотчетно веселое, какое-то лепетанье дѣтское, какія-то слова... То не небо ясное, не ночь теплая, то не звонъ мягкій и веселый—то молодость цвѣтущая, то сердце дѣтское и душа живая...

Румянѣетъ востокъ, взошло солнце — и тѣни, тѣни безъ конца расползлись все въ одно сторону по ярко красному, багровому фону. Я не сплю... да развѣ спится дѣтямъ въ ночь на свѣтлое воскресенье? Вотъ солнце стоитъ уже высоко... Жарко... По улицамъ ходитъ разодѣтый народъ,— шляпки, кокошники, цвѣтные сарафаны, шумящія ситцевыя платья и лихо заломленныя на бекрень фуражки. Смѣются,

орѣхи щелкаютъ, поютъ пѣсни. На базарѣ спозаранку музыка: слышенъ мѣрный, однообразный стукъ барабана и скрипъ мѣдной трубы... я стою у воротъ и нетерпѣливо дожидаю кого-то. Вотъ онъ показался изъ за угла,—ползетъ на рукахъ, подметая за собою пыль; упрется кулаками въ землю, закинетъ впередъ безногое туловище, и опять упрется, и опять вскинетъ... Онъ завидѣлъ меня издали и привѣтно киваетъ головою... Я бы побѣжалъ къ нему на встрѣчу, да не велѣно одному отходить отъ воротъ...

Это нищій—худой, безногій, старый. Каждую пасху приползывалъ онъ къ намъ откуда-то, оставался дня на три, на четыре и снова изчезалъ на цѣлый годъ.

— Здравствуй дѣдушка!

— Здрастуй, сударикъ, здрастуй!.. говорилъ старикъ, останавливаясь у воротъ и вытирая пыль съ мокраго лица. Здрастуй, родимонькой!.. Такъ дождался дѣдку... Ишь выросъ-то ты какъ за годъ!

Смотрю я на него: лице худое, старое, но такое серьозное и важное; на головѣ почти нѣтъ волосъ. Лобъ большой и открытый, умное лице; борода длинная и сѣдая... Старый сѣрый армякъ, въ родѣ солдатской шинели, съ мѣдными и оловянными пуговицами, изъ которыхъ нѣкоторыя едва болтаются, тотъ же, что и прошлый годъ и запрошлый; и пуговицы все тѣже, все также едва держатся... Въ рукахъ два маленькихъ костылька.

— Тебѣ, дѣдушка, приготовили яицъ и пасочки.

— Благодарствуй баринокъ, спасибо, что старика не забываешь, спасибо... Умаялся я маненечько... Отдохнуть бы... Ишь какъ паритъ ныньче...

— Пойдемъ во дворъ, отдохнешь.

Я отворялъ калитку и помогалъ старику пролезть во дворъ.

— А мы вѣдь, родной, и не похристосовались еще съ тобою, говорилъ старикъ, подползая къ небольшому сарайчику, гдѣ ужъ для него заранѣе приготовлена была постель.

— Ну, Христосъ воскресе!

— Воистинну воскресе, дѣдушка! отвѣчалъ я, наклоняясь къ старику и три раза цѣлуясь съ нимъ.

— Не знаю, было яичко (подлѣ церкви купилъ), да не

раздавилось-ли, говорилъ нищій, начиная отыскивать рукою карманъ, откуда доставалъ красиво-расписанное яйцо, а я бѣжалъ въ комнаты, крича: «Маменька, нищенькій пришолъ.» Мнѣ давали Пасхи, яицъ, вина; все это я несъ къ старику и начиналъ его угощать. Между тѣмъ какъ онъ принимался за свой завтракъ, я бралъ его маленькіе костыльки и, воображая себя безногимъ, начиналъ подражать нищему, ползая на рукахъ, при чемъ, конечно, испачкивался страшно. На это старикъ замѣчалъ мнѣ, что «не слѣдъ такъ баловать, что рубашечка да штаники денежекъ стоютъ папенькѣ да маменькѣ, а денежки охъ какъ трудно доставать!» Но эти замѣчанія говорились такимъ ласково-важнымъ тономъ, что я нарочно продолжалъ ползать на колѣняхъ, лишь бы старикъ дѣлалъ наставленія Натѣшившись вдоволь, я садился рядомъ съ нищимъ и просилъ его разсказать что-нибудь. Я любилъ его слушать; въ словахъ его чуялось что-то прямое, искреннее, задушевное, что приковывало къ себѣ ребячье сердце.

— Дѣдушка, гдѣ это ты бываешь цѣлый годъ? Отчего только на пасху заходишь къ намъ? забрасывалъ я его вопросами.

— Охъ, далеко хожу я, родной! отвѣчалъ дѣдъ; благочестивыхъ людей навѣщаю; люди добрые убогихъ не гнушаются—вотъ хоть ты съ родителями... къ злымъ людямъ не хожу... Ну ихъ къ Богу! Не хочу! Вотъ ты, родной, пуще всего къ убогимъ любовь имѣй. Тебѣ господь далъ и хлѣбушка, и горницу теплую, и кроватку мягкую и вотъ хоть рубашечку новенькую; а убогій ничего этого не имѣетъ. Вотъ хоть я... И ногъ у меня нѣту, работа не въ моготу, а хлѣбушка тоже всякому ѣсть хочется... А вѣдь и мы, сударикъ, живали когда-то, да!.. Махонькой ты ещо, понимать всего не могишь, а то мы тоже живали... Какъ же! Охъ, какъ живали-то, родимонькой, во-какъ! Прошло да распрощалося—вотъ оно что! Оно, коли на добрыхъ людей посмотришь, сердцу-то какъ ровно и ничего. А какъ видишь, что вокругъ тебя въ радости да веселіи пребываютъ, а ты, какъ словно песъ смердящій, ползаешь въ забвеніи—такъ вѣдь во-какъ тяжко станетъ, такъ вотъ тебѣ подъ сердце и подступаетъ тоска!.. Горе!.. Да, махонькой ты ещо, понимать всего

не могишь... выростешь, господь дастъ—все узнаешь... Только на всю жисть зарокъ себѣ положь — убогаго да нищаго не гнушайся!..

Старикъ стукнулъ по камню яйцомъ и принялся сдирать съ него скорлупу. Я глядѣлъ въ его строгое, умное лицо, едва понимая половину изъ сказаннаго; мнѣ не того хотѣлось — онъ сказки зналъ хорошія.

— Дѣдушка, разскажи мнѣ что-нибудь, просилъ я старика, придвигаясь къ нему ближе и зная заранѣе, что онъ не откажетъ моей просьбѣ.

— Гм! произнесъ онъ наконецъ, продолжая сдирать красную скорлупу въ яйца. Какую же разсказать тебѣ ноньче? Нѣшто про безногаго?

— Ну разскажи про безногаго. А это хорошая?

— Я больше другой такой и не знаю—вотъ какая хорошая!

Старикъ опять задумался.

— А отчего ты, дѣдушка, у насъ такъ рѣдко бываешь, спрашивалъ я въ ожиданіи сказки.

— Погоди, родной, что же нибудь одно давай разсказывать... Дай-ка-сь надумаю.

Нищій началъ сказку. Годъ спустя я узналъ, что это совсѣмъ не сказка, а дѣйствительная исторія его жизни. Затронутый за живое моими разспросами и постоянными выраженіями дѣтской любви, старикъ воодушевился и не могъ скрыть того что я, можетъ быть, и не понялъ бы, еслибъ тогда зналъ, что это не сказка, а дѣйствительная жизнь.

— Ну слушай, родимонькой: скажу тебѣ быль, не сказку, и будетъ прозываться эта быль Еремою—безногимъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, за глубокими морями, за широкими лѣсами, за моремъ за окіяномъ стояла деревня, вотъ къ примѣру, какъ наши деревни бываютъ — все мужики да бабы жили. Жили не вѣкъ и не два, и бѣды-горя не знали. Сами-себѣ господа, сами себѣ и слуги—въ довольствѣ жили. А такъ на краю деревни изба стояла, и жилъ въ этой избѣ мужикъ съ бабой, не то чтобы старые, не то чтобы и молодые; а былъ у нихъ сынишка — вотъ ровно какъ ты, такъ подросточикъ.

И ужъ какъ любили они другъ друга, просто и сказать нельзя,—въ великомъ согласіи жили. Ну, ладно. Вотъ жили они въ великомъ согласіи и бѣды-кручины не знали, а на парнишка своего глядѣли, и наглядѣться не могли... Любъ былъ имъ...

Не годъ и не два жили они—ни-тебѣ раздору, ни-тебѣ спору; одна душа да и полно... Ерема былъ мужикъ здоровенный: плечи—косая сажень, ручищи здоровыя, ходилъ разваливаясь. А на ту пору Агаряны супостаты и пишутъ ихнему царю, что такъ молъ и такъ: снаряжайся да войско набирай; хотимъ погубить все твое царство, коли даромъ не отдашь! Ну, а нѣшто есть на свѣтѣ такой дуракъ, чтобъ взялъ, да и отдалъ понапрасну царство свое. Вотъ ладно! Снаряжаться такъ снаряжаться. Пошли и наборы... Набирали ото всѣхъ концовъ царства—и тутъ ужь тебѣ ни деньгами не откупишься, ни слезами не отплачешься, ни молитвами не отмолишься—иди да и полно! Знать, молъ, ничего не знаемъ... Ну, хорошо! Набрали войско большущее — тьма тьмою; да нѣтъ, не хватаетъ! Агаряны эти знай подступаютъ и ужь вошли въ ихнюю землю. Что станешь дѣлать! Подошла Свѣтая недѣля а мужикамъ и праздникъ не въ праздникъ... Что ужъ тутъ, коли гибель на носу сидитъ! Живого не оставятъ, не то что... Ладно! Разсылаетъ царь гонцевъ по царству съ листами; такъ молъ, и такъ: «други мои милые, други любезные! наступаютъ на насъ Агаряны нечестивые, камня на камнѣ хвалятся не оставить. Встань каждый, кому дорога земля родная, пролей кровь свою на полѣ бранномъ, царствіе небесное получишь, къ лону божію пріобщишься...» И—и, батюшки мои! Какъ загудетъ, какъ загудетъ — бѣда! «Идемъ да и только—всѣ за одно. Парни молодые, покидали семьи, въ ополченцы записываться пошли. Пошли да и пошли... Счетомъ не сосчитать, гадкой не угодать, видимо-невидимо. Приходитъ къ Еремѣ староста. «А что же ты, дядя?»—«Такъ молъ и такъ, Федоръ Никитичъ (староста прозывался) не ладно мнѣ, говоритъ, идтить въ ополченцы.» «Что такъ?»—«Да такъ, сами извольте разсудить: баба на рукахъ, да парнишка — самъ третей выходитъ. Да при томъ же того гляди, что на нашу деревню наѣдутъ окаянные, на пути стоитъ; либо зарѣжутъ

всѣхъ, либо въ полонъ возьмутъ, а то такъ на-утекъ, коли силъ не хватитъ».

— Ладно, говоритъ, не найдутъ. Ступай—живъ вернешься... Ерема видитъ, что староста больно ужъ назойливо пристаетъ, на своемъ крѣпко стоитъ — взялъ эдакъ, погладивъ бороду, распрямился да и говоритъ:

— А что же, молъ, самъ-то ты, Федоръ Никитичъ, ась? Небось не йдешь! У тебѣ-то есть на кого и избу оставить. Что изъ своихъ никого не пустилъ, коли самому не въ охоту идтить?

— Мнѣ, говоритъ, (это значитъ, староста ему); мнѣ, говоритъ, нужно мѣсто свое знать. Потому — я начальство. Коли сюда найдутъ, нужно команду принять.

— Да вотъ еще, молвитъ Ерема; я не слыхалъ, чтобъ былъ отъ царя приказъ такой — вольнаго и невольнаго въ охоту забирать.

И-и батюшки!!. какъ осерчалъ, какъ закричитъ: да какъ ты смѣешь, да нѣшто ты знаешь грамоту, да нѣшто видалъ государевы приказы, да я тебя въ солдаты, мужичонка ты поскудный, куча ты навозная...

— Нѣтъ, братъ, погоди, говоритъ Ерема; ты по напрасну не лай человѣка, а въ солдаты отдать не смѣешь, потому— тебя самаго къ суду потянутъ.

Выбѣжала жена: видитъ—дѣло не ладно:

— Иди, говоритъ, Еремушка; ступай дальше отъ грѣха, Господь съ нимъ!

А тутъ еще парнишка заревѣлъ, словно почуялъ что-то, баба убивается, староста кричитъ: — таково Еремѣ больно стало, ажно слеза прошибла.

— А, говоритъ, пропадите вы всѣ окаянные—не пойду да и баста! Хоть ты не токма-что къ становому, хоть ты къ кому ступай, такъ не пойду!

Взялъ этакъ бабу втолкнулъ въ избу, да дверьми съ сердца прихлопнулъ, ажно стеклы задрожали... А по селу стали гуторить, то староста не одного Ерему въ ополченцы наровитъ, еще мужиковъ уговариваетъ, да силой, слышь, сулитъ отдать, которые согласія не показываютъ... Ужъ былъ-ли подлинно такой приказъ — не знаю; только должно не

былъ, потому — ополченцемъ и прозывается тотъ, кто по своей охотѣ идетъ... Ноньче не знаю, а прежде такъ было. Ну, ладно! Такъ-ли, не такъ-ли, а дѣло дрянь выходитъ. Призадумался Ерема: сѣлъ на лавку, да и голову свѣсилъ, точно какъ въ пѣснѣ поется: «что Иванушка не веселъ, что головушку повѣсилъ?» Думу думаетъ. И такъ ему тяжко стало на сердцѣ, такъ горько, что свѣту не радъ. Тутъ къ нему бѣлка подошла, на покосы завсегда ходилъ съ нею, ровно какъ съ пріятелемъ, стала хвостомъ вилять да ластиться; онъ ее этакъ ногой толкнулъ да еще заругался, та завизжала. Сынишка подбѣгъ.

— Тятька, говоритъ, чего плачешь?

— Врешь, бѣсенокъ, не плачу... Ступай къ маткѣ, —такъ и прогналъ.

Думалъ, думалъ да и выдумалъ. Пошелъ къ одному мужику, къ другому, къ десятому—сталъ сходъ собирать. Собрались. «Такъ и такъ, говоритъ, заступитесь, православные,— староста обижаетъ.» Взялъ да и поклонился на всѣ стороны... Самъ третей живу въ избенкѣ, въ ополченцы неволятъ. Что дѣлать? заступитесь!

Стали мужики промежь себя толковать: одинъ говоритъ, становому надо дать знать, другой—въ губернію, третій — къ самому королю-царю. Ерема стоитъ да стоитъ, да слушаетъ, а старосты не видать; либо дома сидитъ, боится, либо поѣхалъ куда съ жалобой... Толковали, толковали мужики да и надумали: идти всѣмъ гуртомъ къ старостѣ. Пошли. Крикъ, шумъ, — ровно какъ сами Агаряны идутъ... ладно, и Ерема идетъ съ ними .. Вотъ около старостиной избы остановились, да и не знаютъ, что дѣлать — ужь не вернуться-ли. А староста должно видитъ да не выходитъ, мошенникъ — боится... Одинъ-то изъ мужиковъ и говоритъ: «пойду, ребята, позову; пускай выходитъ да отвѣтъ держитъ». Ему и кричатъ: «погоди, погоди, дай маленько надуматься»... Такъ и не дали пойти, А староста, должно, смекнулъ, что мужики трусятъ, вышелъ подъ навѣсъ, посмотрѣлъ на всѣхъ да какъ крикнетъ: «вамъ что нужно? Ахъ вы, мошенники этакіе, а!!. Нешто не знаете, что я васъ теперь по военному положенію въ двадцать четыре часа?.. Вонь отсюда!» Батю-

шки мои! Какъ кинутся всѣ врозь, въ разсыпную бѣжать. Опосля, ужъ какъ стали собирать, кто былъ на сходкѣ,—нѣтъ виноватаго. Этотъ говоритъ—не былъ, тотъ—не былъ, никого не было—и полно. Вотъ разбѣжались всѣ — остался одинъ Ерема, словно колъ середи двора. Стоитъ...« А, говоритъ, такъ это все ты?—Ладно!.. Ты теперь у меня и красной шапки не минешь... Погоди!.. Ишь, говоритъ, когда вздумалъ народъ бунтовать!» Ерема ему:—«бунтовать я не бунтовалъ, Федоръ Никитичъ, а что на тебя такъ—жалился, потому—обижаешь крѣпко».—«Ладно! Погоди ты, ужо»!..

Видитъ Ерема—староста телѣжку закладаетъ къ становому ѣхать, да такъ сердито: то дугу дернетъ, то лашаденку подъ бокъ ногой угодитъ, то шапку въ сердцахъ поправить спѣшитъ...

Пошелъ Ерема домой и къ мужикамъ не забѣжалъ, потому—все одно, выдади,—какъ на оборванной рѣпищѣ остался. «Экая напасть! думаетъ самъ про себя. Вотъ такъ напасть! Ни съ того, ни съ другого такая бѣда приключилася. Ну вотъ ладно! Какъ же быть-то? Пошелъ въ избу; жена встрѣчаетъ,—что, да какъ? А вотъ такъ-то,—взялъ да и разсказалъ все. Та опять въ слезы, а парнишка за нею; глядя на нихъ, и Ерему слеза прошибла. Да пересилилъ, ровно какъ ничего не бывало.

Вотъ, родимонькой ты мой, въ тотъ же день Ерему въ ополченцы забрили... Надѣли на него армякъ сѣрый, шапку съ крестомъ, стали ружью обучать. «Обучили кое-какъ и прямо подъ пули подъ непріятельскія .. Богъ ты мой милостивый! Ну вотъ тебѣ адъ настоящій—да и полно. Тутъ тебѣ пуль свисту, тутъ-тебѣ крику, тутъ-тебѣ слезъ!.. Тотъ мать вспоминаетъ, тотъ брата, тотъ сестру, а тотъ какъ ровно звѣрь на человѣка лѣзетъ — примѣръ подаетъ, храбрость, выходитъ, показываетъ... Просто, глядѣть бы не сталъ, ей Богу! Адъ настоящій! Да не долго промаялся такъ Ерема, одно то, что привыкъ, а другое—оторвало ему ядромъ непріятельскимъ обѣ ноги, почти что по животъ по самый. Свезли его въ лазаретъ, положили... Только-только что дышалъ, какъ духъ еще держался... Долго-ли, коротко-ли пролежалъ онъ такимъ манеромъ, а таки выздоровѣлъ. Ногъ-

то ему не приставили, да въ тѣлѣ душу оставили. Съ тѣхъ поръ такъ и сталъ прозываться Еремою-безногимъ... Ну, да ему-то еще съ полугоря! Думаетъ, приплетусь кое-какъ домой, деньжонки небольшія оставались—стану жить. А то можетъ, еще и награда отъ царя выйдетъ. Вотъ ладно... Пустился онъ въ путь дороженьку, а дорога не близкая... Ползъ онъ не день и не два, ползъ онъ годъ цѣлый. Гдѣ кто подвезетъ, на телѣжку посадитъ, хлѣбомъ-солью накормитъ, гдѣ кто добрымъ словомъ подкрѣпитъ. Ползетъ такимъ манеромъ мой Еремушка безногій,—руками упирается, на Господа Бога не ропщетъ, думаетъ радость найтить, какъ доползетъ до дому. Вотъ и доползъ... Смотритъ, села-то ужъ и въ поминѣ нѣтъ, только улица видна... Ни избъ нѣту, ни заборовъ, ничего нѣту, а на мѣстахъ ихнихъ кучи лежатъ, бревна обгорѣлыя валяются, да трубы кое-гдѣ уцѣлѣли... Ахъ ты, горе кручинное! головушка пропащая!... Остановился Ерема и глядитъ издалеча на деревню, возроптал на Господа Бога... «Вотъ, подумалъ онъ, говорилъ-вѣдь, что найдутъ нехристи окаянные, живого не оставятъ... Ну, доплелся до добра!... Ахъ ты, пропади ты совсѣмъ, право!.. Видитъ Ерема, что ничего не осталось, однако ползетъ къ самой деревнѣ. Ползетъ къ самой деревнѣ и видитъ — у обгорѣлой избы сидитъ кто-то. Вглядѣлся — знакомый...

— Здорово, Тереха!...

— А тотъ смотритъ на него — ровно не узнаетъ.

— Дядю Ерему помнишь?

— Тотъ все смотритъ — то на лицо его, то на ноги.

— Неужто ты? спрашиваетъ.

— Да вотъ я и есть.

— Ну, дядя, дождались добра!... А правда твоя, что найдутъ окаянные. . Нашли!...

— Гдѣ же другіе-то?

— Да гдѣ другіе! Кто сгорѣлъ, кого убили, кто утекъ...

— А жена?...

Какъ сказалъ это слово, такъ словно задрожалъ весь.

— Убили, Еремушка, съ парнишкой убили... Тутъ недалечка и лежатъ въ одной ямкѣ, опосля ужъ схоронили. Хошь, проведу? Я камышекъ положилъ для примѣты...

— Веди, Tepexa, веди! говоритъ Ерема, а у самого сердце такъ и колотится; кабы, кажись, ноги—такъ бы и побѣжалъ хоть къ могилкѣ.

— Ну, привелъ... Глядитъ Ерема — земля еще свѣжая... Вползъ на самую верхушку, да и сидитъ... Поглядѣлъ этакъ по сторонамъ... все пусто кругомъ, пни обгорѣлые, вонь этакая смердящая, псы лаютъ да вороны каркаютъ...

— Эхъ, пропади совсѣмъ, окаянный! подумалъ про себя, да и опять возропталъ на Господа Бога... Тяжко стало.

— Ну, прощай дядя! молвилъ Tepexa; пойду домой... Тутъ недалеко покамѣсть въ чужой избѣ живемъ,—приходилъ поглядѣть, не осталось-ли чего; да нѣтъ—все забрали...

— Прощай, Tepexa, спасибо! ступай съ Богомъ...

Пошелъ Tepexa, а Ерема одинъ остался... Остался, да и думаетъ: «чтожъ, съ сумой по свѣту идти? хоть бы руками могилку выкопать, да на нихъ поглядѣть». Сталъ было ужь и рыть, да умаялся, изъ силъ выбился—такъ и бросилъ, не дорылъ... А на дворѣ все темнѣе да темнѣе становится—смеркается. Стало и прохладнѣе, роса пала... А Ерема все сидитъ на могилкѣ, да на небо смотритъ... «Ну, думаетъ себѣ, не умѣлъ ты впору дѣла повести, не осилилъ себя, — самъ собою и виноватъ, выходитъ... Теперь—безногій, сила прежняя ушла... Живи какъ знаешь, да себя проклинай!...»

Вотъ, родимонькой ты мой, слѣзъ Ерема съ могилки, перекрестился, поклонъ положилъ, да и поползъ.

И самъ-себѣ не зналъ онъ, куда ползетъ, до какого мѣста доплетется. И ползаетъ онъ съ этой поры съ мѣста на мѣсто, изъ села въ село, изъ города въ городъ,—такъ и проводитъ жизнь нищенскую... Ползаетъ онъ зиму - зимскую, лѣто-лѣтинское, весну красную, осень ненастную, — и нѣтъ ему ни спокою, ни пристанища, живетъ на рукахъ людей добрыхъ... И доплетется онъ такъ до могилки своей, до гробовой доски, идѣже нѣсть ни печалей, ни скорбей.

Старикъ замолчалъ. Сидя на камнѣ и подперши подбородокъ руками, глядѣлъ я пристально въ его лице... Онъ кончилъ, а я все еще слушалъ его; мнѣ казалось, что онъ еще что нибудь скажетъ... Онъ поглядѣлъ на меня, взялъ къ себѣ на руки и, добродушно смѣясь, проговорилъ:

— Что, небось Еремушку-безногаго жалко, а?

Онъ нагнулъ надъ моимъ лицомъ свое лицо, такъ что сѣдая борода его лежала у меня на щекѣ, и поцѣловалъ меня...

Я тяжело вздохнулъ и молчалъ, все смотрѣлъ на старика и хотѣлъ что-то спросить. Что-то не понималось, что-то было темно, чего-то не могъ я себѣ объяснить... Это недоумѣніе выразилось чисто-дѣтскимъ вопросомъ:

— Дѣдушка, а какъ звали Еремушкина сына?

— Степой, родимонькой, Степой прозывался. Эхъ, ужъ и парень бы изъ него вышелъ бравый!... Ну, да что ужъ... Только ты родной, какъ встрѣтишься когда съ Еремой, не гнушайся его, призрѣніе окажи... На всю жизть себѣ зарокъ положь—убогаго да нищаго не гнушайся... Потому—онъ есть неимущій, сирота:—безъ крова, безъ хлѣба...

— Отчего же онъ, дѣдушка, безъ хлѣба?

— Махонькой ты еще—понимать всего не могишь. А выростешь, Господь дастъ, все узнаешь.

На другой же день старикъ ушелъ отъ насъ... Какъ я его ни удерживалъ остаться еще хоть на день, онъ твердилъ одно, что надо и честь знать, что если Господь дастъ, увидимся на другой годъ.

Онъ выползъ за ворота, попрощался со мной, перекрестился и сталъ взбивать туловищемъ пыль по дорогѣ, упираясь въ землю руками... Я долго слѣдилъ за нимъ, пока онъ совсѣмъ не изчезъ изъ глазъ и пока снова не осѣла на тихомъ воздухѣ взбитая имъ пыль.. Я вошелъ во дворъ, и весь этотъ день мнѣ было почему-то особенно грустно — конечно только до слѣдующаго утра...

Но годъ прошелъ быстро, какъ вообще быстро несется время въ молодости и снова наступило свѣтлое воскресенье... То же солнце, пѣсни тѣ же, и тотъ же лепечущій колокольный звонъ... Я опять стою у воротъ, но старика нѣтъ. Прошло утро, полдень прошелъ и только подъ вечеръ другого дня я увидѣлъ своего стараго друга... Онъ ползъ медленно, такъ что я не вытерпѣлъ и, вопреки приказанію, побѣжалъ къ нему на встрѣчу... Мы горячо обнялись... Но я взглянулъ въ его лицо—и какую перемѣну замѣтилъ въ

немъ!... Щеки его совсѣмъ пожелтѣли и провалились; широкими и толстыми складками лежало на скулахъ тѣло, образуя глубокія морщины; носъ заострился и потемнѣлъ; худоба покрыла все лицо его...

— Здраствуй родной, здраствуй, голубь мой!... Замѣшкался я ноньче; хотѣлъ было...

Онъ говорилъ прерывающимся голосомъ и не могъ досказать фразы; продолжительный приступъ судорожнаго кашля не далъ ему говорить.

Мы кое-какъ добрели съ нимъ до его обычнаго мѣста. Онъ съ какою-то злостью отбросилъ отъ себя костыльки и прямо легъ на постель... Смотрю я на него: ужъ и волосы не тѣ, борода совсѣмъ бѣлая, а армякъ все тотъ же, и все тѣ же готовыя ежеминутно оторваться пуговицы, мѣдныя и оловянныя...

— Совсѣмъ... умаялся... я... говорилъ онъ съ разстановкой, тяжело дыша и невольно закрывая усталые вѣки... Еле-еле... добрелъ... къ тебѣ, родной... охъ!...

И опять судорожно на нѣсколько минутъ закашлялся...

— Дѣдушка, что ты, что съ тобою? говорилъ я съ безпокойствомъ, пристально всматриваясь въ лицо нищаго и стараясь угадать его желаніе.

Онъ какъ-то лѣниво и отчаянно махнулъ рукой... И еще рука эта висѣла въ воздухѣ съ недоконченнымъ жестомъ, а ужъ грудь опять качалась, издавая рѣзкое, непріятное и зловѣщее хрипѣнье...

Я, по обыкновенію, хотѣлъ было принести ему яицъ, пасхи, но онъ на отрѣзъ отъ всего отказался и опять закрылъ глаза. Потемнѣвшіе вѣки ихъ сдѣлались почти прозрачны, какъ-то синевато-прозрачны.

— Должно... простудился маненько... выговорилъ онъ съ трудомъ, закашливаясь сильнѣе прежняго, причемъ сѣдая, плѣшивая голова его, колыхаясь отъ кашля, чуть не касалась земли... Невзначай... въ лужицу попалъ... охъ! .. попалъ въ лужицу... народу не было... вытащить некому... всю ночь въ водѣ провалялся... А холодно было...

Я глядѣлъ на него и не говорилъ ни слова. Я готовъ былъ зарыдать—уже нижняя губа дрожала...

Садилось солнце, наступили сумерки; старику становилось все хуже и хуже. Позвали лекаря. Пришелъ.

— Ну-ка, старина, повернись сюда! сказалъ онъ, подходя къ больному...

— Не могу, ваше благородіе... силы нѣту...

— Да вы за чѣмъ меня призвали? спросилъ тотъ;—смѣяться, что-ли? Экую штуку выдумали! мертваго воскресить...

Онъ какъ-то омерзительно улыбнулся, поглядѣлъ на насъ и пошелъ прочь.

Становилось темнѣе и темнѣе, ночь наступала. Я не отходилъ отъ больного ни на шагъ... Онъ приходилъ въ безпамятство, а потомъ все упрашивалъ меня идти спать. Онъ мучился до слѣдующаго дня.

Наступило утро третьяго дня праздника... Больному сдѣлалось сравнительно легче. Снова спозаранку запѣлась пѣсня, застучалъ мѣрно, однообразно барабанъ и заскрипѣла мѣдная труба... Солнце свѣтило и, длинными полосами сквозь щели двери пробивался свѣтъ въ комнату, ложась по полу.

— Вотъ, говорилъ старикъ,—радуются... молодые... Охъ, родной мой! Мы тоже жили... во-какъ жили, да!.. Охъ!.. Помнишь Еремушку-безногаго? Это вѣдь... и есть я самый, да... Сгубилъ себя на вѣки... да!..

Дыханье его становилось тяжелѣе. Онъ закрылъ глаза и сталъ шарить рукою, бормоча что-то. Я подалъ свою руку... Онъ сжалъ ее крѣпко-крѣпко, насколько хватало его силъ... А губы бормотали что-то, и едва можно было разслышать нѣкоторыя слова:

— Не гнушайся нищаго... Зарокъ положь...

Замолчалъ—и умеръ.

А барабанъ все также стучалъ мѣрно, однообразно, и все также скрипѣла мѣдная труба...

III.

Предсмертный бредъ.

Возвращаясь однажды домой отъ Б....выхъ, я предлагалъ себѣ довольно странные вопросы: «Дуракъ ли я отъ природы, или начинаю сходить съ ума?» Эти вопросы конечно очень интересовали меня и мнѣ захотѣлось попробовать рѣшить ихъ. Молодые Б....вы и въ особенности Катя подозрительно на меня посматриваютъ, чего прежде совсѣмъ не было. Непонятныя полуулыбки, странныя останавливанья другъ друга, когда я начинаю говорить о чемъ нибудь, пустые разговоры и очевидное нежеланіе входить со мною въ споръ — все это меня безпокоитъ. Катя же просто дичится меня, точно ей со мною страшно, неловко, досадно и скучно... Скучать она можетъ только съ дуракомъ—я въ этомъ убѣжденъ искренно. Ergo—я долженъ быть дуракъ.

Но въ этомъ врядъ-ли природа виновата. Сколько могу припомнить, меня въ дѣтствѣ не считали дуракомъ; напротивъ, покойный отецъ часто, бывало, бралъ меня на руки и любовался моимъ высокимъ открытымъ лбомъ... Вѣроятно, чтобъ придать ему большую красоту, онъ приглаживалъ къ верху мои волосы и говорилъ матушкѣ: «голова будетъ! съ способностями мальчикъ!» Послѣ этого обыкновенно цѣловалъ меня и отсылалъ за книжку. Четырехъ лѣтъ читалъ я довольно свободно; лѣтъ семи поступилъ въ пансіонъ, потомъ

въ гимназію; далѣе сдѣлался студентомъ, и въ моемъ кандидатскомъ дипломѣ стоитъ предметовъ двадцать, въ которыхъ я оказалъ отличные успѣхи. Теперь мнѣ двадцать девятый годъ—и, до сихъ поръ нигдѣ еще не служилъ. Я еще на студенческой скамьѣ воспиталъ въ себѣ отвращеніе къ службѣ и какъ ни казалась она мнѣ необходимою по выходѣ изъ университета, но я не измѣнилъ своей антипатіи: два мѣсяца прожилъ сухоядѣніемъ, а на службу не поступилъ. Мнѣ предлагали хорошее мѣсто здѣсь, въ Петербургѣ; еще лучшее сулили народинѣ,—но я отказался. Съ тѣхъ поръ былъ я въ разладѣ съ отцомъ, который долго упрекалъ меня въ лѣни, въ желаніи ничего не дѣлать, въ недостаткѣ любви къ родителямъ и въ грубомъ эгоизмѣ. Но этого послѣдняго во мнѣ никогда не было; я не дорожилъ своей личностью и всегда, въ случаѣ дѣйствительной нужды, готовъ былъ ею пожертвовать. Но я сознавалъ полную свою неспособность къ службѣ. Я чувствовалъ, что всегда буду чиновникомъ сквернымъ, лишнимъ, безполезнымъ и только стану другимъ мѣшать. Красива ли подобная роль и что отъ нея представлялось мнѣ въ будущемъ, напрасно я писалъ обо всемъ этомъ отцу; онъ не хотѣлъ понять меня и на смертномъ одрѣ, какъ передавала мнѣ потомъ матушка, все говорилъ о моей потерянной будущности.

Однакожъ я, кажется, вхожу въ лишнія подробности... Это ничего... Время отъ времени не худо вспоминать свое былое и объяснять имъ настоящее.

Еще учившись въ университетѣ, я печаталъ въ газетахъ небольшія замѣтки по общественнымъ вопросамъ и замѣчалъ, что редакціи принимали ихъ съ охотой. Съ развитіемъ моего нравственнаго кругозора, замѣтки эти принимали мало по малу положительный характеръ, обращаясь въ большія статьи; такъ что я, получивъ кандидата, принялся за серьозную работу. Плодомъ тяжелаго, трехмѣсячнаго труда было: изслѣдованіе о религіозныхъ вѣрованіяхъ въ связи съ народнымъ благосостояніемъ. Это изслѣдованіе, носившее болѣе общественный, чѣмъ ученый характеръ, утвердило за мною кандидатскую степень, но по разнымъ обстоятельствамъ не могло быть напечатано. Тогда я въ одинъ вечеръ написалъ жидень-

кую рецензію какой-то исторической книжонки и получилъ за нее (какъ теперь помню) сорокъ три рубля, которые и прожилъ въ два съ лишнимъ мѣсяца. Въ это время я ничего не дѣлалъ: ходилъ по городу, топталъ мостовую да перебиралъ въ головѣ дороги, на одну изъ которыхъ нужно было стать, чтобъ не умереть съ голоду. Впрочемъ, тогда же у меня складывался планъ новаго сочиненія, которое наконецъ было напечатано, но въ весьма сокращенномъ и извращенномъ видѣ; эта работа рѣшила мое призваніе: я сталъ записнымъ литераторомъ. Нѣсколько потомъ неудачныхъ попытокъ и даромъ потраченнаго времени поколебали было меня. Мнѣ стало досадно на самоуправство, съ какимъ искажались мои статьи въ редакціяхъ, и я однажды, въ припадкѣ накипѣвшей злобы, далъ себѣ слово не брать пера въ руки; но я уже втянулся въ эту работу, она стала моей потребностью, да и ѣсть все таки хотѣлось...

Потребность эта проявлялась однакоже страннымъ образомъ. Взглядъ мой на событія развивался довольно быстро и незамѣтно сталъ расходиться со взглядомъ редакціи; накипала въ сердцѣ безпричинная по-видимому злоба и статьи стали «отдавать желчью», какъ выразился редакторъ.

— Такъ какъ вы, прибавилъ онъ, чувствуете себя не въ состояніи поддѣлаться подъ наши воззрѣнія, то намъ необходимо разстаться...

Это меня сперва взорвало; но потомъ я нашелъ, что редакторъ поступилъ какъ нельзя благороднѣе.

Между тѣмъ я начиналъ убѣждаться, что у насъ литературными и журнальными работами жить невозможно. Чѣмъ человѣкъ порядочнѣе, чѣмъ устойчивѣе его убѣжденія, тѣмъ большимъ случайностямъ подверженъ его трудовой доходъ. Такими противорѣчіями встрѣчала меня жизнь дѣйствительная. Взглядъ, вынесенный изъ небольшого кружка университетскихъ товарищей, большею частью страшныхъ идеалистовъ, измѣнялся совершенно. Точно я начиналъ учиться съизнова, а все предыдущее пропало безъ пользы. Эти противорѣчія ложились въ основу моей литературной дѣятельности.

А время шло... Каждый наступающій день заставлялъ съ улыбкой сожалѣнія и злобы смотрѣть на прошедшій. Я рав-

номѣрно старѣлъ лицемъ, старѣлъ и убѣжденіями, холодѣлъ восторгъ юности, оптимизмъ замѣнялся строгой критикой, отъ которой меня самаго часто прохватывала дрожь. Ко всему этому я вездѣ чувствовалъ себя одинокимъ. Правда, во многихъ изъ окружающихъ я находилъ себѣ симпатію, но это была симпатія не сердца, а головы,—да и не головы, а отвлеченнаго принципа, моды. Иные считали мои убѣжденія крайними и, находя во мнѣ перемѣну за послѣднее время, рѣшались говорить со мною о погодѣ, театрахъ, дороговизнѣ и проч.—для того быдто бы, чтобъ не раздражать меня лишній разъ. Съ этими я скоро покончилъ. Тогда я познакомился со многими изъ литераторовъ — но и здѣсь не нашелъ того, чего хотѣлось... А хотѣлось мнѣ живого оклика на задушевныя вѣрованія; хотѣлось, чтобъ хоть одна душа въ мірѣ поняла меня и сказала: «тяжело тебѣ, дружище! тяжело одному дѣло дѣлать... Давай руку! давай работать вмѣстѣ: ты мнѣ братъ, и я тебѣ братъ. Пойдемъ».

Часто думалось мнѣ, отчего не избралъ я поприще ученое, которое, при моей любви къ наукѣ и желаніи трудиться, совершенно удовлетворило бы меня. Я потомъ понялъ, что она не по мнѣ. Мнѣ кажется, что исключительно ученое поприще требуетъ почти полнаго отреченія отъ интересовъ современной будничной жизни; требуетъ труда усидчиваго, отвлеченнаго холоднаго и равнодушнаго. А я воспитался иначе: я еще на университетской скамьѣ связалъ себя съ теченіемъ живой жизни, втянулся въ ея интересы; а потомъ ужь и не могъ раздѣлаться съ ними. У меня сильно лежало сердце къ этой уличной жизни и я видѣлъ тамъ много такого, о чемъ иной не помышлялъ никогда. *Она* для меня сдѣлалась наукой и изучать ее было несравненно труднѣе всѣхъ прочихъ наукъ вмѣстѣ.

И среди этой-то борьбы и неопредѣленно-тоскливыхъ ощущеній я познакомился съ Катей.

Прошлаго года я уѣзжалъ изъ Петербурга. Б....вы жили на дачѣ и тамъ первый разъ я встрѣтился съ Катей; она вышла изъ института и жила гувернанткой у какихъ-то важныхъ господъ. По возвращеніи въ Петербургъ, я зашелъ къ Б.... вымъ и увидѣлъ Катю. Меня особенно заинтересовала въ ней частая и очевидно-тяжелая задумчивость; за то, когда она смѣялась, что впрочемъ было довольно рѣдко,—ея смѣхъ былъ такъ искрененъ и чистосердеченъ, что на чужой душѣ становилось весело и легко. Катя была круглая сирота, съ своими барами не ладила; а лучшей доли не ждала отъ будущаго. Я часто заглядывался на ея высокій, открытый лобъ и внимательно вслушивался въ ея, порою восторженыя, порою невыносимо-тоскливыя рѣчи. Бывали минуты, когда все ей не нравилось, все было гадко. Эти минуты находили на нее припадками. Мнѣ сначала было жалко Катю, а потомъ... потомъ я полюбилъ ее. Такъ всегда бываетъ.

Помню я одинъ вечеръ вскорѣ послѣ нашего знакомства. Мы ходили съ нею вдвоемъ по залѣ Б....выхъ. Ходили — и молчали.

— О чемъ вы думаете? спросилъ я, чтобъ начать разговоръ.

— Ни о чемъ.

— Сядемте, сказалъ я, остановившись у дивана и находя случай очень удобнымъ, чтобъ поговорить съ Катей. Мы сѣли.

— Вы здѣсь ночуете? спрашивалъ я.

— Нѣтъ, надо скоро идти. Вы меня вѣрно проводите.

— Вамъ не хочется уходить отсюда, Катерина Петровна?

— Что дѣлать—служба! сказала она засмѣявшись; а потомъ прибавила: здѣсь я отдыхаю, а послѣ отдыха работа кажется легче. Вотъ къ концу недѣли очень тяжело становится... да что дѣлать!

— И у васъ нѣтъ ничего лучшаго впереди?

— Ничего, сказала она, покачавъ головой и стала смотрѣть внизъ. Я глазъ съ нея не спускалъ.

— Гдѣ же мнѣ еще дорога? говорила она потомъ... это общая наша участь... Говорить можно о многомъ, мечтать еще больше, да изъ этого ничего не выходитъ.

— Послушайте-ка, Иванъ Степанычъ, сказала она вдругъ

поднявъ голову;—вы человѣкъ развитой, пишете статьи и вѣрно много объ этомъ думали;—какое-нибудь убѣжденіе должно же быть у васъ: чѣмъ бы вы совѣтовали мнѣ заняться? Я знаю, что занятія съ дѣтьми очень почтенный трудъ тогда только, когда занимаешься самостоятельно, не поддѣлываясь подъ великосвѣтскій тонъ хоть моихъ господъ. Но вѣдь такихъ гувернантокъ выгоняютъ изъ дому..

Я хотѣлъ было говорить, но она перебила меня.

— Погодите, сперва выслушайте, войдите въ мое положеніе...

И вслѣдъ за этимъ она надавала мнѣ столько самыхъ сложныхъ и тяжелыхъ вопросовъ, что я не находилъ имъ отвѣта. Странное дѣло! случись это нѣсколько лѣтъ тому назадъ—я бы вылился цѣлымъ потокомъ словъ; но теперь я молчалъ, какъ дуракъ. Прежде у меня были болѣе стойкія убѣжденія относительно этого рода вопросовъ; теперь же онѣ, вмѣсто того, чтобъ окрѣпнуть,—расшатались жизненными опытами, а въ замѣнъ себя ничего не оставили. Я долго молчалъ; она ждала отвѣта.

— Не знаю, Катерина Петровна,—выговорилъ наконецъ я.

— Не знаете? спросила Катя, внимательно и съ удивленіемъ посмотрѣвъ на меня... Видно было, что она не такого отвѣта ожидала.—Отчего же это?

— Тоже не знаю.

Она опустила глаза и стала щипать рукавъ платья. Въ моей головѣ ходили безтолковѣйшія мысли. Я видѣлъ, что ей было досадно на меня.

— Кто же знаетъ послѣ этого? говорила Катя тихо, не поднимая глазъ, будто сама съ собою. Тонъ словъ ея звучалъ такой фразой: «а какъ я на тебя надѣялась!»

— Катерина Петровна, сказалъ наконецъ я,—вопросы, которые вы мнѣ задали, тяжелы... На нихъ теперь можно отвѣчать или молчаніемъ или общими мѣстами. Причины нашего горя лежатъ не въ насъ съ вами, а въ цѣломъ обществѣ, въ цѣлой жизни. Неужели вы удовлетворились бы, еслибъ я въ отвѣтъ на вашу тоску сталъ вамъ совѣтывать работать, заниматься, надѣяться на лучшее? Вѣдь вы это и безъ меня знаете.

— Знаю, да изъ этого ничего не выходитъ.

— Погодите, выйдетъ,—говорилъ я, чтобъ чѣмъ-нибудь успокоить ее.

— Мы живемъ въ скверное, скучное и туманное время.

— Оно пройдетъ... дайте срокъ.

— И до конца жизни остается только надѣяться на лучшее и все ждать срока... А годы проходятъ.

— Что дѣлать!

— Но вѣдь это скучно и тяжело.

— Скучно и тяжело, Катерина Петровна...

Она задумалась... Потомъ опять начала:

— Значитъ, мы для себя почти ни на что не можемъ разсчитывать?

— Почти ни на что.

— Остается головой въ стѣну?

— Да, или пулю въ лобъ... Но вы видите, что вы живы пока; значитъ намъ не совсѣмъ прискучила жизнь, значитъ мы еще надѣемся на что-то.

— Скажите, Иванъ Степанычъ, зачѣмъ вы статьи пишете?

— Потому что больше ничего не умѣю дѣлать; я пишу, другой служитъ, третій наушничаетъ, четвертый воровствомъ промышляетъ: у каждаго своя спеціальность и каждый живетъ ею.

— Вы всегда такъ думали?

— Нѣтъ, прежде нѣсколько иначе... Прежде я думалъ приносить пользу.

— Кому?

— Всѣмъ, кто сталъ бы читать меня... А потомъ, когда придвинулся ближе къ жизни,—увидѣлъ, что я пишу только для самого себя; что одни не читаютъ моихъ статей вовсе; другіе читаютъ на сонъ грядущій; третьи чтобъ похвастать начитанностью; четвертые по необходимости. Пробовалъ совсѣмъ бросить писать, да жить нечѣмъ; точно такъ какъ вамъ единственное средство къ жизни быть гувернанткой.

— Но скажите мнѣ, Иванъ Степанычъ, вѣдь не всѣмъ же одинаково тяжело?

— Еслибъ было тяжело всѣмъ, тогда было бы больше

условій на сторонѣ поворота къ лучшему; значитъ, вообще было бы лучше.

— Голова болитъ отъ этихъ странныхъ противорѣчій, сказала Катя.

— Что дѣлать! не у васъ однихъ болитъ она.

— И неужели нѣтъ выхода?

— Для кого? для васъ, напримѣръ, есть. Когда надоѣстъ вамъ эта одинокая, докучная тревога и захочется подѣлиться ею съ кѣмъ-нибудь близкимъ; когда ваше личное, себялюбивое чуство потребуетъ удовлетворенія,—вы полюбите кого-нибудь, выйдете замужъ и законопатьтесь въ семейной норкѣ. Тамъ пойдутъ дѣти и тогда никто не помѣшаетъ вамъ приносить имъ пользу сообразно вашимъ силамъ и способностямъ; заживете счастливо:—вотъ и выходъ.

— Неужели этимъ и кончится все?

— А то чѣмъ же? увидите...

— Вы говорите противъ себя...

— Покрайней мѣрѣ не противъ васъ.

— Но какая же цѣль жизни? допытывалась Катя.

— Стараться, чтобъ всѣмъ было одинаково хорошо.

— И этого можно достигнуть?

— Современемъ, когда люди станутъ человѣчнѣе, умнѣе и меньше будутъ походить на волковъ.

Задумалась Катя.

— А до тѣхъ поръ ждать? спросила она.

— И злиться, сколько душѣ угодно, добавилъ я.

Мы замолчали, потому что договорились до послѣдняго слова, договорились до собственныхъ ощущеній... Я видѣлъ, что Катѣ тяжело... Я хотѣлъ было начать разговоръ въ другомъ тонѣ, думалъ все сказанное обратить въ шутку; но слова не шли съ языка и я только внутренно бѣсился.

— Все, что не подвержено пока ничьему контролю, началъ я наконецъ,—это—чувство наше; ему мы можемъ дать просторъ полный и оно вознаградитъ насъ за многое... Чувство, Катерина Петровна, душа всего живущаго... Съ нимъ все кажется легкимъ... Оно родитъ любовь, а любовь облегчаетъ много бѣдъ. Если вы не любите теперь, то полюбите

послѣ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше накопится въ душѣ вашей бѣдъ и горя.

Я много говорилъ въ подобномъ родѣ и не разбиралъ уже, что лилось изъ сердца, что изъ головы... Но въ ту минуту во все сказанное я вѣрилъ чистосердечно...

Часовъ около одинадцати Катя собралась идти. Я взялся проводить ее до дому. При входѣ на освѣщенную лѣстницу, по которой жили ее баре, она нерѣшительно остановилась, подумала и потомъ сказала:

— Пройдемтесь немного, еще рано.

Я подалъ ей руку и мы пошли... Въ продолженіи получасовой ходьбы мы не сказали ни слова... Взойдя во второй этажъ, она взяла мою руку и крѣпко пожала ее... А я, дуракъ, на этомъ пожатіи основалъ цѣлую систему моихъ отношеній къ Катѣ. Дуракъ, дуракъ!..

Въ этотъ вечеръ я воротился домой часу въ четвертомъ, все бродилъ по улицамъ,—и просидѣлъ за работой до шестаго. Но изъ работы моей ровно ничего не вышло... Когда я прочиталъ написанное, то увидѣлъ галиматью невообразимую. Мнѣ самому показалось страннымъ, когда я захотѣлъ дать себѣ отчетъ въ написанномъ. Точно не моя рука наставила эти буквы и не моя голова связала ихъ въ слова и фразы.

Но, добравшись смысла, я увидѣлъ, что время пропало совершенно даромъ. Въ написанномъ вылилось такъ много желчи, злобы и ребячьяго отчаянія, что оно не могло попасть въ печать. Тогда я сталъ шагать по комнатѣ; мнѣ показалось, что въ головѣ родятся рифмы и просятся на бумагу; что въ нихъ нѣтъ и признака недавней злобы; что онѣ звучатъ теплымъ воздухомъ, свѣтлымъ небомъ, Италіей. Но когда я взялся за перо, то вышло вотъ что:

Тамъ жизнь, луна, растутъ лимоны,
Тамъ соловьи поютъ любовь;
А здѣсь ты слышишь стоны, стоны,
И видишь льющуюся кровь...

Гдѣ я слышалъ стоны и видѣлъ кровь,—я не могъ понять. И отчего, думалъ я, съ жизни съѣхало на кровь, а съ соловьиныхъ пѣсень—на стоны. Неужели только для рифмы? Я сталъ передѣлывать, но ничего не выходило... Тогда я съ досадой швырнулъ перо и разорвалъ въ клочки бумагу. Но въ памяти уже успѣлъ врѣзаться этотъ проклятый стихъ:

А здѣсь ты слышишь стоны, стоны,
И видишь льющуюся кровь...

На улицахъ уже кричали разнощики, когда я ложился въ постель и закутывался въ одѣяло; но крики ихъ отдавались въ моихъ ушахъ стонами и опять лѣзъ въ голову проклятый стихъ... Съ каждымъ біеніемъ пульса точно молоткомъ заколачивали мнѣ въ уши слова: стонъ, стонъ, стонъ... Я едва заснулъ въ то утро.

Помню я еще одинъ вечеръ; до сихъ поръ онъ не казался мнѣ заслуживающимъ вниманія... Я собрался къ Б....вымъ; но такъ какъ было довольно рано, а дома сидѣть не хотѣлось, то я и пошелъ по обыкновенію шляться.

Было еше свѣтло — только что зашло солнце. Проходя по одному изъ самыхъ глухихъ переулковъ, куда прикорнула горемычная бѣдность да убожество горькое, я увидѣлъ бѣгущаго по дорогѣ мальчика. Онъ летѣлъ прямо ко мнѣ, точно его гналъ кто-то. Я не успѣлъ посторониться, какъ онъ

наскочилъ на меня, остановился и поднялъ разгорѣвшееся личико.

— А у тятьки корова!! сказалъ онъ прерывающимся отъ усталости голосомъ — и пустился бѣжать дальше...

Я остановился и глядѣлъ ему вслѣдъ. Эта странная встрѣча привела меня въ самое непріятное расположеніе духа, такъ что я, вмѣсто Б....выхъ, хотѣлъ поворотить домой; но тамъ началась бы еще большая тоска.

Зачѣмъ я не спросилъ у мальчика, гдѣ живетъ его тятька? Зачѣмъ я не порадовался его радостью? думалось мнѣ... Не радость, а темное и мрачное горе легло на сердцѣ.

У Б....выхъ была Катя и еще какой-то молодой человѣкъ, какъ я потомъ узналъ,—недавно кончившій курсъ въ университетѣ. Онъ былъ у нихъ въ домѣ второй или третій разъ, но я его не встрѣчалъ прежде. Наружность его показалась мнѣ симпатичной въ высшей степени. Эта симпатичность увеличивалась, когда онъ говорилъ о чемъ нибудь. Тонъ искренняго убѣжденія, проникавшій его рѣчи, придавалъ имъ теплоту и обаяніе. Разсказомъ о самомъ незначительномъ случаѣ онъ очаровывалъ всѣхъ... Онъ вообще довольно легко смотрѣлъ на вещи и относился къ нимъ поверхностно. Въ томъ, что для иного составляло жизнь, онъ успѣлъ находить только смѣшныя или ничего незначущія стороны. И я, ни въ чемъ не согласный съ нимъ, слушая его, невольно соглашался. Онъ, видно, много читалъ, много слышалъ, видѣлъ, и все это—читанное, видѣнное и слышанное ловко уложилось въ головѣ его, хотя не проникло въ сердцѣ, не вошло въ плоть и кровь... Онъ умѣлъ играть чужимъ чувствомъ.. Напримѣръ, разсказываетъ какой нибудь возмутительный фактъ; строитъ на немъ цѣлую теорію; говоритъ горячо, съ убѣжденіемъ; разжигаетъ возбужденное чувство; заставляетъ страдать и болѣть душой слушателя,— потомъ останавливается и читаетъ на лицахъ впечатлѣнія разсказа... И вотъ, мало по малу, начинаетъ разговоръ въ другомъ родѣ... Все сказанное обращено въ шутку; нравственное чувство слушателей успокоивается, вступаетъ въ обычныя границы и каждый внутренно говоритъ ему спасибо за возбужденную и вновь успокоенную грусть. Такимъ

образомъ онъ заставлялъ дважды себѣ симпатизировать... Фамилія его была—Оглобинъ.

Я въ тотъ же вечеръ составилъ полное о немъ понятіе. Подобные ему люди ни на что серьезное не годятся. Передъ дѣломъ они трусятъ и оказываются чистыми теоретиками. Они своей особой олицетворяютъ переходъ отъ слова къ дѣлу. Они только въ душѣ умѣютъ возбудить жажду дѣятельности и въ этомъ — смыслъ ихъ существованія. Но они могутъ оказаться и положительно полезными, когда другіе что нибудь сдѣлаютъ. Вообще они способны быть только продолжателями и никогда коноводами. Такимъ казался мнѣ Оглобинъ.

Ушелъ онъ отъ Б....выхъ довольно рано — торопился куда-то. Его усердно упрашивали погодить хоть минутку. Среди оставшагося общества долго царило молчаніе; мнѣ казалось, что каждый думалъ въ ту минуту: зачѣмъ такъ скоро ушелъ Оглобинъ? Славный человѣкъ»! И я думалъ то же самое.

Я ушелъ изъ гостинной въ залу и закурилъ папироску. Скоро ко мнѣ подошла Катя.

— Я читала ваши новыя статьи, сказала она; вы все то же говорите, Иванъ Степанычъ.

— Все то же-съ, Катерина Петровна.

— И вамъ не наскучило это? спрашивала она.

— Наскучило да больше нечего дѣлать.

— Все тотъ же лѣсъ, говорила Катя, темный, непроходимый.

— Все тотъ же...

— На что же вы надѣетесь?

— Не знаю.

— И въ обѣихъ статьяхъ, продолжала Катя, столько желчи и злобы, что я весь день не могла ничѣмъ заняться,—скучно было....

— Вы первый разъ видѣли Оглобина? спросила вдругъ Катя.

— Первый разъ.

— Ну какъ онъ вамъ нравится?

— Симпатичный молодой человѣкъ.

Катя ушла въ гостинную и на лицѣ ея не было горькаго выраженія, какъ прежде.... Позвали пить чай. Б....вы говорили объ Оглобинѣ. Я задумался, вспомнивъ встрѣчу съ мальчикомъ. Незамѣтно для меня всѣ замолчали. И среди этой напряженной тишины изъ груди моей безсознательно вырвался стихъ: «А здѣсь ты слышишь стоны, стоны»... Но пробужденный звукомъ собственнаго голоса, я очнулся и взглянулъ на окружающихъ. Вѣрно на лицѣ моемъ было что-то странное, потому что всѣ вдругъ фыркнули. Дѣвицы и дамы, закрывъ платками лицо, повыбѣгали изъ столовой. Молодой Б....въ съ улыбкой спросилъ меня:

— Что съ вами, Иванъ Степанычъ?

— Что такое? спросилъ я, оглядываясь во всѣ стороны. Недоумѣніе вѣроятно увеличило мой смѣшной видъ.

— Да что съ вами? Иванъ Степанычъ!.. спрашивалъ Б....въ.

— Да Боже мой, что же такое! говорилъ я, не на шутку испугавшись.

— Жаль его бѣднаго! разслышалъ я изъ другой комнаты голосъ Кати.

«Ну, подумалъ я, ужь если дошло до сожалѣній — все пропало! Охъ это проклятое сожалѣніе! Меня до сихъ поръ всѣ жалѣли и ни отъ кого не слышалъ я искренняго сочувствія.. Катя тоже жалѣла меня. Это дурной знакъ».

Я прошелъ изъ столовой въ гостинную. На лицахъ еще были слѣды недавнихъ улыбокъ. Положеніе мое было глупое въ высшей степени. Я началъ было какой-то разговоръ, но самъ увидѣлъ, что говорю чушь. Пробовалъ было разсказать о встрѣчѣ съ мальчикомъ, такъ порадовавшей меня; но разсказъ не произвелъ ровно никакого впечатлѣнія. Мнѣ слѣдовало бы тогда же пойдти домой; но я дожидался ухода Кати, чтобъ проводить ее. Ночь была звѣздная; снѣгъ лѣжалъ на улицахъ. Мы тихо шли съ Катей по тротуару; она опиралась на мою руку.

— Скажите ради Бога, что случилось сегодня за чаемъ? допытывался я.

— Вздоръ! сказала она, засмѣявшись.

«Прежней искренности нѣтъ уже»! мелькнуло у меня въ головѣ и отозвалось на сердцѣ.

— Катерина Петровна, началъ я, собравшись съ духомъ; замѣчали ли вы вотъ какое странное явленіе въ жизни: вообразите, что вы полюбили кого нибудь, и что любовь начинаетъ облегчать ваше горе горькое; единственно въ ней сосредоточилась вся ваша жизнь,—и вдругъ вы замѣчаете, что человѣкъ, любимый вами, не обращаетъ на васъ вниманія, а увлекся другой, которая къ нему также холодна, какъ онъ къ вамъ. Такимъ образомъ выходитъ весьма странное тріо, которое могло бы быть пріятнымъ, еслибъ роли распредѣлились иначе. Не правда-ли это часто случается?

Катя шла молча.

— И не правда ли, говорилъ я, если вдуматься глубже въ дѣло, то можно замѣтить, что отношенія людей устанавливаются на совершенно случайныхъ началахъ, которыя могутъ быть и не быть, смотря по обстоятельствамъ. Ужь если чувство человѣка зависитъ не отъ него самого, если у насъ нѣтъ свободной воли, такъ слѣдовало бы отъ рожденія назначать человѣку пару. А то я, положимъ, люблю васъ; а вы любите другого, который на васъ, можетъ быть, и смотрѣть не хочетъ. А вѣдь изъ этихъ отношеній складывается большая часть жизни человѣка. Не правда-ли?

— Правда, прошептала Катя и крѣпче оперлась на мою руку.

— Но вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ я,—эти случайныя отношенія не совсѣмъ случайны. Напримѣръ, я замѣчаю, что человѣкъ, смотрящій на жизнь скептически, не можетъ разсчитывать на сочувствіе. Онъ только съ перваго раза обращаетъ на себя вниманіе — и то своей оригинальностью; дальше онъ становится скучнымъ, надоѣдаетъ,—правда? спросилъ я неровнымъ голосомъ.

Катя молчала.

— Всмотритесь вы въ себя, говорилъ я съ слезами на глазахъ; вамъ гораздо пріятнѣе сойтись съ человѣкомъ, у котораго вы предполагаете встрѣтить что-то иное, не то что есть у васъ самихъ. Вы надѣетесь услышать отъ него утѣшеніе въ тоскѣ,—да тоска и сама пропадаетъ въ его

присутствіи... А что можетъ сказать вамъ человѣкъ, который только и знаетъ, что злится и которому грозитъ смерть отъ расширенія печени и разлитія желчи; въ глубинѣ такого человѣка не таится ничего непонятнаго, — онъ весь видѣнъ съ перваго раза: злоба — всегда злоба. Правда, Катерина Петровна?

— Я... не знаю... робко отвѣтила Катя, и я замѣтилъ, что ей было тяжело отвѣчать мнѣ. Мы дошли до ея дома. Я хотѣлъ провести ее на лѣстницу, но она предупредила меня.

— Прощайте, Иванъ Степанычъ! сказала Катя, подавая мнѣ руку. Благодарю васъ, прибавила она, взбѣжавъ на верхъ.

Я пошелъ домой.

И вотъ между нами все кончено... Все кончено, — а и было ли начало?

Однако на дняхъ я опять зашелъ къ Б....вымъ. Катя избѣгала не только разговора, но и встрѣчи со мной. Я цѣлые часы молчалъ. Сколько разъ порывался я заинтересовать ее какимъ нибудь разсказомъ, заставить ее хоть слушать меня; но все было напрасно и при томъ ужасно глупо. Мои веселые разсказы производили, вѣроятно, впечатлѣніе музыки на кладбищѣ; а употребляешь много уловки, чтобъ заставить снова обратить на себя вниманіе Кати, — но уловки выходили дѣтскія, школьническія. Онѣ, навѣрное, только отталкивали ее отъ меня. На что глупѣе—я старался поддѣлаться подъ тонъ и манеры Оглобина!.. «Насильно милъ не будешь»! утѣшалъ я себя; но отъ этого боль въ душѣ не уменьшалась... И въ самомъ дѣлѣ, что ей за удовольствіе придвинуться къ живому мертвецу, отъ котораго воняетъ

могилой и трупомъ... Но это убѣжденіе было еще не утѣшительнѣе.

— Что васъ давно въ печати не видно? спросилъ меня Б....въ.

— Лѣнь одолѣла, сказалъ я равнодушно.

Всѣ въ этотъ вечеръ были со мною холодны и не обращали на меня никакого вниманія. Я испытывалъ чувство, похожее на то, которое томитъ человѣка, случайно попавшаго въ компанію, гдѣ, кромѣ его одного, всѣ пьяны. Нужно или самому напиться, или уйдти. Я сдѣлалъ послѣднее; но дома мнѣ тоже нечего было дѣлать. Какая-то необыкновенно омерзительная тоска ѣла меня и спирала въ груди дыханіе. Я хотѣлъ хоть водки выпить, но не оказалось денегъ.... А по комнатѣ валялись конченныя работы, которымъ однакоже не удалось увидѣть свѣту божьяго. Что дѣлать! Я было сѣлъ за столъ и принялся писать о крайней необходимости воспитывать дѣтей въ вѣрѣ, благочестіи и добрыхъ дѣлахъ; но нагородилъ такой чепухи, что самъ смѣялся; хотѣлъ было начать передѣлку конченныхъ работъ, но приходилось или все начинать съизнова, или говорить совсѣмъ другое. Тоска и необыкновенное отвращеніе отъ всего!..

Положеніе мое не улучшается ни въ какомъ отношеніи. Пора подвести итогъ моей жизненной дѣятельности. На бумагѣ оно выходитъ красивѣе... И такъ:

Къ журнальной и вообще литературной работѣ я не способенъ, потому что не позволяютъ передавать другимъ того, что я знаю; поэтому она начинаетъ оставлять меня безъ хлѣба; наконецъ она просто надоѣла мнѣ и опротивѣла.

Служить я тоже не могу по вышеизложеннымъ причинамъ. Служба мнѣ не по нраву.

Къ труду ручному тоже не способенъ, какъ по недостатку свѣдѣній, такъ и по отсутствію силы физической, растраченной большею частью на вздоръ и глупости.

Жизнь семейная для мертвеца не годится. Съ мертвецомъ жить тяжело; да еслибъ и легко было, такъ нѣтъ денегъ; а безъ денегъ плохо.

Воромъ, наушникомъ и проч. быть также не способенъ: не пріучали съ молодости.

Куда бы еще? Больше не куда. Не куда — теперь кажется все ясно....

Никогда я не сознавалъ себя человѣкомъ наиболѣе безполезнымъ, какъ въ настоящую минуту: жить одному тяжело, а больше не съ кѣмъ и нечѣмъ. Всему есть предѣлы... Случалось мнѣ долго засиживаться у знакомыхъ. О всемъ переговорено, ни одного слова новаго не скажешь; остается уходить вонъ, чтобъ не надоѣсть до смерти и себѣ и другимъ.. «Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ необходимое звено», — это вѣрно сказано. А я какой-то обломокъ, трезвый среди пьяныхъ, или пьяный среди трезвыхъ....

Послѣднія строки вышеприведенныхъ записокъ были написаны дня за три до появленія въ газетахъ извѣстія о смерти Ивана Степанова Ходыкина. Онъ застрѣлился у себя въ квартирѣ; пуля попала прямо въ сердце. «Тѣло предано землѣ безъ вскрытія», говорилось въ газетахъ.

Въ день похоронъ собралось на квартиру Ходыкина много знакомыхъ. Была и Катя. Въ воздухѣ не пахло ладаномъ, не раздавался монотонный голосъ выпившаго читальщика, не пѣли «со святыми упокой» и «вѣчная память».

Когда стали заколачивать крышку гроба, послышалось

глухое и сдержанное рыданіе... То плакала Катя. А о чемъ она плакала, Господь ее вѣдаетъ.

Гробъ несли на рукахъ до самой могилы; здѣсь раздавались громкія рѣчи въ память покойника... Могилу засыпали, провожавшіе разошлись въ разныя стороны.

Теперь надъ могилой стоитъ кѣмъ-то поставленный крестъ, окрашенный бѣлой краской, на которомъ краснымъ карандашемъ нацарапано: «Рабъ божій Иванъ». На крестѣ виситъ вѣнокъ изъ иммортелей, которыя, какъ извѣстно, не вянутъ и заставляютъ предполагать, что могила посѣщается. Обманывать себя такимъ образомъ успокоительно и для сердца. Однако дорожка къ могилѣ заростаетъ колючей травой лѣтомъ и засыпается непроходимымъ снѣгомъ зимою.

П. Гайдебуровъ.

СЪ БЕРЕГОВЪ ВОЛГИ.

(ОЧЕРКЪ).

Давно я хотѣлъ хоть на нѣсколько дней оторваться отъ столичной жизни, отъ ея пыли и толкотни, отъ ея гнилыхъ чердаковъ и подваловъ, отъ ея заученныхъ фразъ и безцвѣтныхъ лицъ. Страшно наскучила мнѣ эта форменная жизнь, не представлявшая ни труда—по сердцу, ни цѣли—по душѣ. Сильно тянуло меня изъ этого каменнаго острога на привольные луга Волги,—туда, гдѣ я провелъ лучшіе годы своей молодости, гдѣ развились мои первыя силы, гдѣ я началъ любить и ненавидѣть. Здѣсь я оставилъ за собой все, что было самаго дорогого для меня—могилу моей любимой матери и тотъ маленькій, какъ будто случайно забытый среди широкой рѣки, островъ, на которомъ я получилъ первый горячій поцѣлуй отъ моей милой Кати. Кати давно нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, а островъ по прежнему зеленѣетъ и попрежнему манитъ меня къ нему робкое юношеское чувство. Больше двѣнадцати лѣтъ прошло съ того времени, какъ я оставилъ эти мѣста, а какъ живо помнится все, что я пережилъ здѣсь отъ первой слезы и до послѣдней радости. И куда судьба ни бросала меня, я никогда не забывалъ ни этого бѣднаго села, ни этого дикаго поля, покрытаго кой-гдѣ вѣтряными мельницами да калмыцкими кибитками *), ни этой бѣдной сосновой

(*) На степномъ берегу Волги между Астраханью и Саратовомъ кочуютъ киргизы и калмыки, живущіе и лѣтомъ и зимой въ палаткахъ, обтянутыхъ толстыми кошмами изъ верблюжей шерсти; эти палатки на туземномъ языкѣ называются *кибитками*.

избы, откуда выбѣгала Катя на вечернія свиданія со мной. Удивительная сила молодыхъ впечатлѣній! Чего не вынесешь потомъ, чего только не перезабудешь изъ послѣдующихъ приключеній, а впечатлѣнія юности на всегда остаются свѣжими, какъ вешніе цвѣты. И вотъ я опять на берегахъ Волги! «Славно заживется здѣсь», думалъ я, приставая на лодкѣ къ песчаной отмели, которая лежала подъ самымъ селомъ, раскинутымъ на отлогой мѣстности.

Но я долженъ познакомить читателя съ нѣкоторыми подробностями этой мѣстности. Лѣвый берегъ Волги представляетъ сплошную песчаную степь, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ; дика и однообразна картина этого дѣвственнаго края, почти безводнаго и лишеннаго всякой растительности. Бывало ѣдешь цѣлые дни, и ничего не видишь кругомъ себя, кромѣ сухихъ солончаковъ да бугровъ земли, насыпанныхъ у глубокихъ поръ барсуковъ; только кой-гдѣ усталый глазъ остановится на колодцѣ съ длиннымъ шестомъ или на перекати-поле, несущемся по вѣтру; въ лѣтній жаркій полдень степь обращается въ могилу: ни одного звука не слышно, ни одной капли воды, ни одной свѣжей былинки не видно на ней. Мѣдный цвѣтъ неба и раскаленная атмосфера придаютъ самый грустный видъ этому безграничному кладбищу. Населеніе этого края отличается тѣмъ же степнымъ характеромъ: въ глуби этой приволжской Сахары кочуютъ азіятскія племена всевозможныхъ оттѣнковъ, а по берегу разбросаны нѣмецкія колоніи, русскія села и хутора. И кого только здѣсь не встрѣтишь!—И выходца Малороссіи, и бѣглаго сибиряка, и бродягу, зашедшаго сюда съ дикаго сѣвера, и разбойника, укрывшагося отъ наказанія, и мирнаго хлѣбопашца, бѣжавшаго къ приволью. Откуда стеклись эти люди и что ихъ загнало сюда—никто этого не знаетъ; но вся эта смѣсь національныхъ типовъ, одежды, жилищъ и говоровъ сливается въ одну общую массу, отличную отъ остальныхъ частей Россіи. Здѣсь чувствуется больше простора на землѣ и болѣе отваги въ характерѣ жителей... Тамъ, гдѣ Волга распадается на два рукава, круто поворачивая отъ сарептской колоніи къ каспійскому морю, луговая сторона принимаетъ видъ болѣе оживленный; все побережье Ахтубы покрывается большими селами, гдѣ нѣкогда жили вольные чумаки, переселенные съ Днѣпра и Дона,—великолѣпными сѣнокосами, озерами и рыбацкими притонами; здѣсь встрѣчаются и лѣсъ, и высокія сочныя травы. А какое раздолье для охотника въ этомъ непочатомъ краю! Въ степи ходитъ

разный звѣрь стадами, а на озерахъ до холодной осени плаваетъ тьма птицъ. Въ одной изъ такихъ мѣстностей, на рубежѣ астраханскихъ и саратовскихъ степей, я провожу нынѣшнее лѣто и подъ тѣнью стараго, давно знакомаго мнѣ, вяза пишу вамъ этотъ незатѣйливый очеркъ.

Село В., въ которомъ я живу, раскидывается полукругомъ надъ самымъ берегомъ Ахтубы. Высокая бѣлая церковь съ зеленой оградой составляетъ единственный предметъ, выходящій изъ обыкновенной рамки бѣдной сельской обстановки. Кругомъ церкви лежитъ широкая площадь, поросшая лебедой и крапивой; дальше тянутся крестьянскія избы, малороссійской постройки, крытыя камышомъ, съ расписными ставнями и воротами; кой-гдѣ торчатъ скворешницы, флюгера и трещотки, украшающія собой плетни и заборы. Влѣво отъ ограды виднѣется черезъ улицу поле, голое, какъ будто выжженное пожаромъ. Во всемъ селѣ ни одного деревца, за исключеніемъ палисадника, примыкающаго къ дому попа и отѣненнаго корепастнымъ вязомъ. По концамъ села стоятъ ветхія, закоптѣлыя и дырявыя избенки, похожія скорѣе на кучи сору, чѣмъ на человѣческое жилье. Въ лѣтній полдень я испытываю здѣсь нестерпимый жаръ, отъ котораго некуда укрыться; при малѣйшемъ вѣтрѣ поднимается пыль столбомъ по селу и застилаетъ отъ глазъ самые близкіе предметы. Но за то какой славный видъ съ горы на быструю рѣчку, текущую по песчаному руслу; за рѣкой темнѣютъ густые лѣса, въ которыхъ по вечерамъ мелькаютъ огоньки рыбаковъ, а вправо лежитъ островъ, отдѣленный отъ села узкимъ протокомъ и длинной песчаной косой. Все какъ было за двѣнадцать лѣтъ прежде, такъ и осталось; только я не нашелъ ни одной души изъ людей близкихъ мнѣ.

Майскимъ вечеромъ, часовъ въ девять, я вошелъ въ село и очутился совершенно одинъ среди чужаго міра.

Кто зналъ меня прежде, тѣхъ не было въ живыхъ, а другіе позабыли. Когда я поровнялся съ домомъ, гдѣ жилъ мой отецъ и гдѣ я выросъ, сердце мое болѣзненно сжалось. Но надо было подумать и о ночлегѣ. Встрѣтивъ близь церковной ограды нищаго съ сумой и на костыляхъ, я обратился къ нему съ вопросомъ:—Гдѣ бы мнѣ провести ночь и у кого остановиться?

— Иди до батьки, отвѣтилъ старикъ, подозрительно оглянувъ меня и показавъ на деревянный домъ съ высокимъ мезониномъ.

Пошелъ я до батьки. У воротъ его, въ которыя я довольно

крѣпко постучался, бросился на меня мохнатый песъ, едва не хватившій за икру и залился такимъ пронзительнымъ лаемъ, что индѣйскій пѣтухъ, гдѣ-то недалеко сидѣвшій на нашестяхъ, проснулся и въ свою очередь загорланилъ. Ворота отворились, и я попросилъ позволенія видѣть хозяина. Меня молча подвели къ низенькому крыльцу, за которымъ сидѣло большое семейство священника—его жена и пятеро дѣтей, и во главѣ ихъ самъ батька. На крыльцѣ, подъ открытымъ небомъ, по сосѣдству съ двумя щенками, стоявшими въ сторонѣ и съ бурой свиньей, спокойно лежавшей у амбара, совершался патріархальный ужинъ. Когда я подошелъ къ крыльцу, отецъ Н—ръ привсталъ и, посмотрѣвъ на меня рѣзкимъ вопросительнымъ взглядомъ, остановился прямо передо мной. Я извинился, что нарушилъ тихую трапезу хозяина и сказалъ свое имя.

Имя мое тотчасъ разсѣяло недоумѣніе священника и произвело на него замѣтно хорошее впечатлѣніе. Онъ въ первый разъ видѣлъ меня, но зналъ моего отца, по смерти котораго онъ принялъ это мѣсто и поселился въ его же домѣ.

— Вы не сынъ ли покойнаго отца К? — спросилъ онъ. обратившись ко мнѣ съ довольно-приторной улыбкой.

— Такъ точно; и вотъ пріѣхалъ изъ Петербурга взглянуть на старое пепелище, гдѣ я родился.

Слово *Петербургъ* видимо отдало самое магическое дѣйствіе въ этомъ захолустьѣ и на меня разомъ обратились взоры всѣхъ, кто только присутствовалъ за ужиномъ. Даже бурая свинья, какъ мнѣ показалось,—и та приподняла голову, чтобы взглянуть на такого рѣдкаго гостя.

—Не укажете ли мнѣ, батюшка, продожалъ я, почище домъ, гдѣ бы я могъ недѣли на двѣ расположиться здѣсь, не стѣсняя никого своимъ присутствіемъ?

— Кромѣ моего дома вамъ негдѣ остановиться, и вы доставили-бы мнѣ особенное счастіе, если бъ не побрезгали моей хатой. Ужъ нечего и говорить,—послѣ Петербурга покажется вамъ здѣсь жутко, но вѣдь вы будете у себя, да и въ томъ же домѣ, гдѣ провели ваше дѣтство. Почтите меня вашимъ согласіемъ, дорогой Григорій Ивановичъ.

Я, конечно, охотно принялъ предложеніе отца Н—ра и попросилъ

его объ одномъ — не измѣнять для меня ничего въ своемъ домашнемъ быту.

— Да можетъ и измѣнилъ бы кое-что для добраго гостя, но вѣдь мы живемъ здѣсь, какъ въ аравійской пустынѣ, прибавилъ онъ съ очевидной замашкой на ученость. — Село наше хоть и большое, а кромѣ бубликовъ ничего не производитъ; понадобится ли щепотка манной крупы или полфунтика изюму — вотъ и шлешь работника верстъ за 30 въ городъ. Ужъ вы не взыщите, Григорій Ивановичъ, на нашей скудной хлѣбъ-соли.

Пока происходило это объясненіе съ отцомъ Н—ромъ, незамѣтно для меня явился столъ, поставленный на томъ же крыльцѣ, но подъ навѣсомъ, и покрытый бѣлой скатертью. Вмѣсто деревянныхъ ложекъ и блюдъ были поданы глиняныя тарелки и оловянныя ложки. Попадья и кухарка засуетились до того, что послѣдняя, проходя широкимъ дворомъ съ кринкой молока, наткнулась на щенка, растянувшагося среди дороги, и шлепнулась почти плашмя на землю.—Ишь, лѣшій, нашелъ гдѣ лечь, право лѣшій, сказала наскоро оправившаяся кухарка и дала щенку такого пинка, что тотъ заголосилъ неистовымъ визгомъ.

— А вотъ и ужинъ готовъ; съ дороги-то вамъ не мѣшаетъ закусить, сказалъ батька, подводя меня къ столу, на которомъ струился апетитный паръ отъ шипѣвшей на сковородѣ яишницы.

За столомъ стояли только два березовыхъ некрашенныхъ стула, изъ чего я заключилъ, что мы будемъ ужинать вдвоемъ и что семейство хозяина не удостоено нашего общества.

— Вотъ видите, батюшка, на первыхъ же порахъ я начинаю стѣснять васъ. Отчего бы не остаться здѣсь вашимъ дѣтямъ и супругѣ, какъ это было до моего появленія. Мнѣ пріятно познакомиться со всѣмъ вашимъ домомъ.

— Это ничего, ей-Богу ничего, Григорій Ивановичъ; они тамъ на кухнѣ, по-своему; ребятишки-то у меня озорные, а жена домовитая, да немножко ражая,—чужихъ не любитъ. Намеднись обѣдалъ у меня становой, такъ она спросту-то отколола при немъ такую рацею, что не подари я ему соврасаго жеребенка, такъ онъ и подъ судъ упёкъ бы меня.—Нѣтъ, ужъ они тамъ, добавилъ отецъ Н—ръ и повернулъ разговоръ на другіе предметы.

Ужинъ нашъ, состоявшій изъ молока и яишницы, шелъ довольно весело. Я разсказалъ отцу Н—ру про свое житье-бытье въ Петер-

бургѣ, познакомилъ его съ столичной обстановкой, съ положеніемъ и дѣятельностію тѣхъ людей, которыми онъ особенно интересовался и на которыхъ смотрѣлъ съ берега Ахтубы сквозь самые тусклые очки. Все это было для него ново и занимательно. А между тѣмъ теплая приволжская ночь одѣла темнымъ пологомъ окрестности села. На улицахъ было тихо, какъ въ гробу; только церковный сторожъ по временамъ стучалъ въ доску, или издалека доносился до насъ крикъ ночной птицы. Въ домѣ священника давно все заснуло, а мы сидѣли за столомъ. Наконецъ, изъ сосѣдней комнаты стѣнные часы прохрипѣли двѣнадцать, и отецъ Н—ръ поднялся съ своего стула.

— Пора и успокоиться вамъ, Григорій Ивановичъ, сказалъ онъ; вѣдь вы устали послѣ неблизкаго пути. Я велѣлъ приготовить вамъ постель на *свѣтелкѣ;* тамъ не такъ душно, да и комаровъ поменьше. Вотъ я отыщу фонарь и провожу васъ на сонъ грядущій.

Когда я вошелъ въ *свѣтелку*, гдѣ нѣкогда спалось такимъ крѣпкимъ юношескимъ сномъ, я нашелъ ее въ томъ же видѣ, въ какомъ она была за двѣнадцать лѣтъ. Тѣ же голыя стѣны, законопаченныя паклей, тотъ же маленькій столикъ, за которымъ я плакалъ въ хорошій весенній день надъ псалтыремъ, заучивая его непонятныя страницы, тотъ же узенькій балконъ, прямо противъ церкви и тотъ же старый вязъ, нѣсколько подросшій и наклонившій свои вѣтви изъ палисадника на балконъ. Вотъ и колокольня, все та же бѣлая, мѣстами съ облупившейся краской, по которой я съ удивительнымъ искусствомъ акробата совершалъ свои ночныя путешествія во время припадковъ лунатизма. Оставшись одинъ и расположившись на довольно сносной постели, я почувствовалъ сильную усталость и надѣялся скоро заснуть. Но не тутъ-то было. Раздраженная мысль притокомъ новыхъ впечатлѣній, перемѣшанныхъ съ воспоминаніями о прошломъ, волновала кровь и нервы; но это были не мечты молодой фантазіи, а дѣйствительные образы, съ которыхъ время и житейскіе опыты сняли таинственный идеальный покровъ. Тѣ же сцены и событія, которыя прежде вовсе не казались грустными, теперь приняли самый мрачный характеръ; умъ разрушилъ дѣтскія вѣрованія и наивныя понятія, и на мѣсто ихъ поставилъ строгій взглядъ на прожитые годы. Какъ осенній холодъ, оголяя деревья, даетъ имъ естественные размѣры, такъ и возмужалая мысль распоряжается съ юношескими воспоминаніями. А припомнилось мнѣ теперь многое, чего я и не хотѣлъ бы припоминать. То ворвется въ голову горе-

мычная мать, которая бывало, провожая своихъ сыновей въ училище, пѣшкомъ идетъ за ихъ повозкой далеко въ поле, и потомъ на взрыдъ заплачетъ, покидая ихъ на дорогѣ; то представится пьяный дѣдъ, суровый деспотъ семьи, бившій и ломавшій все, что не падало ницъ передъ его дикой волей; то промелькнетъ страшный образъ отца, избитаго дѣдушкой и въ свою очередь жестоко обходившагося съ женой, которая по цѣлымъ днямъ пряталась отъ побоевъ и оскорбленій... А вотъ, не знаю откуда, является передо мной блѣдный и больной мальчикъ, привязанный къ ножкѣ стола и до крови изсѣченный дѣдомъ за кражу яблока или за тайкомъ сорванную дыню. Этотъ мальчикъ, забитый до чахотки, на седьмомъ году своего возраста былъ отданъ отцу однимъ киргизомъ въ голодный годъ за мѣшокъ муки и обращенъ почти въ крѣпостное состояніе. Я помню, какъ онъ умиралъ, всѣми забытый, постоянно повторяя въ горячечномъ бреду: «пустите меня на волю!» Такъ одинъ за другимъ проходили передо мной суровые и темные образы моего прошлаго. Я метался всю ночь, и только къ утру, когда холодный воздухъ освѣжилъ разгоряченную кровь, сталъ забываться; но воображеніе продолжало работать и во снѣ. Я вздрагивалъ и просыпался, когда личность Кати представлялась мнѣ то вся покрытая пятнами крови, измученная и исхудалая, то веселая и смѣющаяся, какъ площадная плясунья передъ толпой народа. Долго меня мучило это тяжелое видѣніе, пока церковный колоколъ, зазвонившій почти надъ самой моей головой, не возвратилъ меня къ дѣйствительности.

На другой день я проснулся истомленный, какъ будто наканунѣ прошелъ пѣшкомъ верстъ тридцать или подпимался на высокую гору. Хозяинъ мой, успѣвшій съѣздить и воротиться изъ какой-то ближней деревни, давно слѣдилъ за моимъ пробужденіемъ; онъ подсылалъ то маленькую свою дочь, то сына, чтобы узнать, не проснулся ли я и не желаю ли чего нибудь. Когда я всталъ и одѣлся, былъ уже полдень; солнце сильно пекло и въ воздухѣ было душно.

— А мы нынче вечеромъ, сказалъ вошедшій ко мнѣ батька, ѣдимъ на тоню; вы ужъ не откажите, Григорій Ивановичъ, сопутствовать намъ. Другихъ развлеченій у насъ не дождетесь.

Дѣло было слажено такъ, чтобы запастись ведромъ водки, необходимыми съѣстными припасами и на всю ночь отправиться къ рыбакамъ, которые во время лѣтнихъ улововъ, обыкновенно распо-

лагаются станами по берегу Ахтубы. Нечего и говорить, что я съ удовольствіемъ согласился поѣхать. За свѣтло вечеромъ мы плыли уже по рѣкѣ, огибая длинный островокъ, лежавшій между селомъ и противоположнымъ берегомъ, гдѣ находилась рыбацкая тоня. Вечеръ какъ нельзя лучше благопріятствовалъ нашей прогулкѣ. На водѣ была тишь, а въ небѣ свѣтила полная луна; передъ нами играла рыба, просыпавшаяся подъ ударами веселъ, а по сторонамъ вертѣлись прожорливыя чайки. Гребцы, хвативъ по чаркѣ вина, грянули пѣсню, которая далеко, неумолкаемымъ откликомъ понеслась по окрестному лѣсу. Разумѣется, мои спутники не ощущали и сотой доли того наслажденія, какое испытывалъ я въ эту минуту. Но не знаю почему,—можетъ быть потому, что воображеніе любитъ контрасты,—мнѣ вдругъ представился Невскій проспектъ въ Петербургѣ, и я инстинктивно отплюнулся, перенеся свой взглядъ на грандіозно-спокойную картину приволжскаго берега. Часа черезъ два мы причалили къ крутому обрыву, на который надо было взбираться, хватаясь за вѣтви высокой ветлы, стоявшей на-половину въ водѣ. Всходить было очень неловко, но это единственное мѣсто, гдѣ лодки могли подойдти къ самому берегу.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей пристани, на возвышенной площадкѣ, обставленной березникомъ и молодой листвой, былъ раскинутъ живописный станъ рыбаковъ. По срединѣ его пылалъ огонь, на которомъ готовился рыбачій ужинъ изъ трепетавшей еще стерляди въ огромномъ котлѣ, привѣшенномъ къ деревянному треножнику; не вдалекѣ стоялъ походный шалашъ, около котораго лежали въ кучѣ снасти, бредни и разные снаряды рыбацкаго ремесла. Вправо по берегу былъ развѣшенъ на разстояніи трехъ или четырехъ сотъ саженей мокрый неводъ, унизанный снизу круглыми черепками, а сверху пробковыми поплавками, съ большимъ боченкомъ, привязаннымъ у самой *мотни*. Влѣво виднѣлись тонкія жерди, расположенныя въ видѣ сушилъ, на которыхъ висѣла распластанная рыба мелкаго разбора; тутъ же стояли широкіе чаны, наполненные жиромъ и икрой, а въ сторонѣ были ссыпаны вороха рыбьихъ костей и чешуи. Въ полуверстѣ, какъ я потомъ узналъ, находился садокъ, величиной съ порядочное озеро, куда спускалась крупная и дорогая рыба, сберегаемая до осени, — осетры, бѣлуги, бѣлорыбицы и т. п. Артель рыбаковъ, отдыхавшая передъ начатіемъ тони, разбивалась на отдѣльные кружки; иные лежали на травѣ, потягивая свои люльки, иные спали въ

шалашѣ, кто починялъ сѣти, а кто сидѣлъ у огня и подкладывалъ въ него сухой хворостъ. На встрѣчу намъ, когда мы подъѣхали къ берегу, вышелъ сѣдой, но свѣжій старикъ, съ энергическимъ выраженіемъ на лицѣ и, какъ видно было по всему, необычайной физической силы. Это былъ старшина стана, главный коноводъ артели, всѣмъ извѣстный рыбакъ, котораго звали на селѣ *дядя-мастакъ*. Въ дядѣ-мастакѣ я немедленно узналъ своего стараго пріятеля, повѣреннаго всѣхъ моихъ юношескихъ думъ и надеждъ. Съ нимъ я проводилъ по нѣскольку дней на охотѣ, съ нимъ я любилъ бродить по лѣсу и купаться; къ нему я скрывался отъ угрожавшихъ мнѣ побоевъ моего свирѣпаго дѣда; ему первому я разсказывалъ о всемъ, что меня занимало, радовало или печалило; по праздникамъ я приносилъ ему половинную долю своихъ подарковъ и вдвойнѣ праздновалъ тотъ день, когда старикъ оставался доволенъ мной. И дядя-мастакъ умѣлъ цѣнить мою дѣтскую привязанность къ нему; онъ не разъ спасалъ меня отъ домашнихъ невзгодъ, выпрашивалъ меня у отца въ лѣтнюю пору для прогулокъ по окрестностямъ села, бралъ меня съ собой на рыбныя ловли, на сѣнокосы, устроивалъ для меня разные сюрпризы, въ родѣ вѣтрянаго змѣя или маленькаго бредня. Простота и искренность обхожденія его нравилась дѣтскому чувству, и я бывало, зѣвая надъ латинскимъ Гораціемъ, только и думалъ о томъ, какъ бы половчѣе улизнуть къ дядѣ-мастаку. Однажды бродя съ нимъ по лѣсу и собирая какія-то ягоды, я снялъ сапоги, давившіе мнѣ ноги, и шолъ по травѣ совершенно босой; присѣвъ отдохнуть на полусгнившемъ пнѣ, я вдругъ почувствовалъ сильный уколъ въ правую ногу и въ то же время холодную дрожь по всему тѣлу. Быстро оглянувшись, я увидѣлъ сѣрую тонкую змѣю, переползавшую черезъ мою ногу; по лѣсу раздался рѣзкій истерическій крикъ, на который немедленно прибѣжалъ дядя-мастакъ и, взглянувъ на меня, понялъ въ чемъ дѣло. Крошечная ранка на ногѣ не успѣла еще закрыться, какъ появилась опухоль. Ядъ мгновенно заразилъ кровь, потому что въ нѣсколько минутъ воспаленіе охватило всю верхнюю часть ноги между пальцами и щиколками.

— А чертова гадюка! вскричалъ дядя-мастакъ на своемъ полумалороссійскомъ нарѣчіи и бросился отыскивать змѣю. Шагахъ въ двадцати онъ настигъ ее съ ружейнымъ шомпаломъ въ рукѣ и изрубилъ ядовитое животное въ мелкіе куски. Затѣмъ воротившись ко мнѣ, онъ взялъ меня на руки и почти бѣгомъ пустился къ близь

лежавшему озеру. Долго онъ искалъ какую-то траву, наконецъ нашелъ ее, сорвалъ нѣсколько вѣтокъ, и тутъ же, посадивъ меня къ себѣ на колѣни, приложилъ ихъ къ больному мѣсту; затѣмъ перевязавъ ногу платкомъ и туго стянувъ его повыше щиколокъ, дядя-мастакъ донесъ меня на рукахъ до самой лодки и отправился домой. Вѣроятно, опасаясь тревоги матери и отца, онъ не сказалъ имъ ничего и оставилъ меня въ своей хатѣ. Двое сутокъ онъ безотлучно находился у моей постели, прикладывалъ разныя припарки, бинтовалъ опухшія части ноги, поилъ меня теплымъ молокомъ и все это дѣлалъ молча и угрюмо; только на третій день поутру, осмотрѣвъ ногу и замѣтивъ опавшую опухоль, онъ повеселѣлъ и утѣшилъ меня скорымъ выздоровленіемъ. Дѣйствительно, къ вечеру воспаленіе совершенно пропало и я могъ встать съ постели, не ощущая особенной боли. Этотъ случай самъ по себѣ спасительный для меня, показалъ мнѣ ясно, какъ глубоко и искренно любилъ меня дядя-мастакъ.

Когда я познакомился съ нимъ, ему уже было болѣе шестидесяти лѣтъ, но на видъ никто не далъ бы ему и пятидесяти. Только легкая просѣдь въ бородѣ напоминала о томъ, что дядя-мастакъ давно уже перешагнулъ за вторую половину своей жизни. Дѣятельность этого человѣка была изумительная; онъ спалъ не болѣе пяти часовъ въ сутки и рѣдкій день не исхаживалъ верстъ по двадцати пѣшкомъ. И гдѣ только бывало не встрѣтишь дядю-мастака! онъ и на мельницѣ, и въ кузницѣ, онъ первый явится и на пожаръ, и на уличную драку пьяныхъ мужиковъ; сломается ли возъ на дорогѣ, дядя-мастакъ откуда ни возьмись—поправляетъ изломанный возъ; провалится ли кто въ прорубь, онъ и здѣсь поможетъ. А спросите: «кто сдѣлалъ эту красивую лодку?» — Дядя-мастакъ, отвѣтятъ вамъ.— «Кто починилъ это ружье?»—Опять дядя-мастакъ.—«Кто построилъ эту мельницу?» — Дядя-мастакъ. И на всемъ селѣ не было ни стараго, ни малаго, кто бы не зналъ дядю-мастака и не обращался къ нему за какимъ нибудь совѣтомъ или съ какой нибудь просьбой. Спеціальнымъ занятіемъ дяди-мастака была рыбная ловля: рыбакомъ онъ былъ едва ли не съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, и въ этомъ отношеніи не было мастера равнаго ему. Онъ зналъ берега Ахтубы, какъ свои пять пальцевъ; онъ былъ живой лѣтописью всѣхъ замѣчательныхъ происшествій въ рыбацкомъ промыслѣ; онъ помнилъ, гдѣ и когда поймали самаго большаго осетра, и кому его

продали; онъ помнилъ каждаго хорошаго рыбака по имени и могъ разсказать его жизнь до мельчайшихъ подробностей; съ математическою точностью онъ предсказывалъ хорошіе и дурные рыболовные годы и почти безошибочно ставилъ свою тоню тамъ, гдѣ ожидался на это лѣто лучшій уловъ. Но кромѣ этого занятія, дядя-мастакъ промышлялъ почти всѣми сельскими ремеслами: онъ былъ и столяръ, и кузнецъ, и мельникъ, и даже сапожникъ. Когда онъ предвидѣлъ неудачливый годъ для рыбной ловли, онъ не трогалъ своего невода и предавался другимъ работамъ. Кажется, онъ могъ бы скопить себѣ безбѣдное крестьянское состояніе, но кромѣ чистой хаты и четырехъ лодокъ у дяди-мастака не было ни копѣйки за душой. И жилъ онъ одинъ, какъ бездомный бобыль, проводя дни на работѣ и ночуя, гдѣ случится. Куда же дѣвалъ дядя мастакъ свои прибыльные заработки? - никто этого не зналъ, кромѣ круглыхъ сиротъ-дѣвушекъ, изъ которыхъ ни одна не вышла замужъ, не получивъ подъ строгимъ секретомъ приданаго отъ дяди-мастака. Со всѣми онъ былъ добръ и обходителенъ, но никогда не ломалъ шапки передъ сельскими властями и обращался съ ними съ явнымъ пренебреженіемъ. Хотя бы самый закадычный другъ его сдѣлался головой или десятскимъ, дядя-мастакъ больше не хотѣлъ знать его и прекращалъ съ нимъ всякія отношенія. «До биса пившолъ» говорилъ онъ, и за тѣмъ больше не вспоминалъ о немъ. Неизвѣстно, откуда шла эта антипатія, но дядя-мастакъ разсказывалъ мнѣ, какъ одна власть заѣла его отца, а другая пустила по міру цѣлую семью его роднаго брата.

Настоящая моя встрѣча съ дядей-мастакомъ была совершенно нечаянная. Прошло нѣсколько минутъ, пока онъ вглядѣлся въ меня и узналъ, что это былъ дѣйствительно я. Но когда онъ узналъ, строгія черты его лица измѣнились и въ глазахъ отразилось глубокое внутреннее волненіе.

— Здоровъ булъ, дядя-мастакъ, сказалъ я, подходя къ нему ближе.

— Неужто мой сердечній Грицко? — спросилъ онъ какъ будто про себя и потомъ прибавилъ: — якъ же ты выросъ, мой милый паничъ; давай же поздороваемся по-старому.

И мы обнялись крѣпко. При этомъ дядя-мастакъ почти забылъ о присутствіи моихъ спутниковъ и, не обративъ на нихъ никакого вниманія, громко закричалъ своей артели:

— Эй, хлопцы! Поднимайте большой неводъ и готовьтесь на великую тоню.

И дядя-мастакъ засуетился, раздавая приказанія каждому рыбаку отдѣльно. Покончивъ свои распоряженія, онъ подошелъ къ отцу Н—ру, и снявъ шапку, попросилъ у него благословенія; затѣмъ привелъ его въ шалашъ и велѣлъ приготовить ужинъ. Пока устроивали его на разостланномъ зипунѣ, стаскивая все, что было лучшаго у рыбаковъ, дядя-мастакъ возвратился ко мнѣ и сказалъ:

— Ходимъ до берега; побалакаемъ.

Когда онъ это говорилъ, въ голосѣ его слышалось плохо сдержанное нетерпѣніе старика, хотѣвшаго вспомнить о быломъ. Въ этомъ быломъ, конечно, не было ничего похожаго на тотъ житейскій драматизмъ, который придаетъ поэтическій характеръ воспоминаніямъ, но все же была своя доля не даромъ пережитыхъ впечатлѣній. Какъ ни мелка была будничная жизнь дяди-мастака, но онъ тѣмъ болѣе дорожилъ ею, чѣмъ менѣе зналъ другіе жизненные интересы. Притомъ же онъ встрѣтился съ Грицкомъ, за котораго нѣкогда по-своему думалъ, волновался и надѣялся; теперь онъ увидѣлъ во мнѣ не мальчика, не юношу, бѣгавшаго къ нему за разрѣшеніемъ самыхъ ничтожныхъ недоумѣній, а человѣка, способнаго понимать его и даже иному поучить. Была въ этомъ нетерпѣніи и частица обыкновеннаго человѣческаго самолюбія; дядѣ-мастаку было пріятно узнать, въ какой степени я воспользовался его совѣтами и какъ далеко ушелъ на пути житейскихъ успѣховъ. «А что же вышло изъ Грицка?» — вѣроятно, онъ думалъ въ это время и спѣшилъ убѣдиться. Усѣвшись на опрокинутой лодкѣ, подъ песчаной кручей, мы отдались неудержимому потоку вопросовъ, восклицаній, объясненій; эта простая бесѣда становилась тѣмъ оживленнѣе, чѣмъ ближе касалась нашихъ взаимныхъ отношеній. Я долженъ былъ сообщить дядѣ-мастаку все, что случилось со мной болѣе замѣчательнаго въ эти двѣнадцать лѣтъ, а онъ разсказалъ мнѣ о своемъ *маяченьѣ*, какъ онъ выражался; и когда рѣчь дошла до его любимицы, до его «доброй голубки», до Кати, голосъ старика задрожалъ, лицо подернулось сумракомъ и, подъ лучомъ луны, блеснула слеза на глазахъ никогда не плакавшаго дяди-мастака. «А ну ихъ до биса! загубило и мою добрую голубку чортово сѣмя», заключилъ онъ и по какому-то невольному движенію сжалъ свой пол-пудовой кулакъ.

Потомъ дядя-мастакъ замолчалъ, и когда я просилъ его продолжать, онъ, взглянувъ на зардѣвшійся востокъ, отвѣчалъ: — Пора бросить тоню. Да оставайся, Григорій Ивановичъ, у меня, якъ було прежде; побалакаемъ ночьку. Ажъ тоби не привыкать спать и на сѣнѣ.

Приглашеніе это было сдѣлано такъ задушевно, что отказаться отъ него было бы бо̀льшей грубостью, чѣмъ плюнуть въ лицо великосвѣтскому льву, говорящему пошлую вѣжливость на паркетѣ.

Между тѣмъ рыбаки приступили къ дѣлу; одни разбирали неводъ, накидывая его на лодки; другіе, отъѣхавъ отъ берега, забрасывали его въ воду. И когда правое крыло невода захватило уже огромное пространство рѣки, лѣвое еще лежало на берегу. Работа происходила тихо, такъ тихо, что не слышно было ни плеска веселъ, ни говора рыбаковъ. Дядя-мастакъ стоялъ на пригоркѣ и отдавалъ приказанія знаками; по жесту его руки поднимались багры, опускались якоря, сновали взадъ и впередъ лодки, и когда весь неводъ былъ закинутъ въ рѣку, дядя-мастакъ, оглянувъ сцену дѣйствія однимъ взглядомъ, замѣтилъ:

— А ну, помогай Боже, щобъ уловъ булъ съ осетромъ. И, помолчавъ немного, прибавилъ: *буде.*

Тоня дѣйствительно удалась какъ нельзя лучше. Болѣе ста стерлядей крупной мѣры попалось въ неводъ; лещи, судаки, щуки, сомы и проч. въ полусонномъ состояніи выбрасывались на песчаную отмель; мелкую рыбу захватывали черпаками и выкидывали назадъ въ воду. Наконецъ появилась главная часть невода — мотня, въ глубинѣ которой метался и осетръ. Дядя-мастакъ былъ очень доволенъ послѣдней добычей и на радости пригласилъ рыбаковъ распить ведро привезенной нами водки. Затѣмъ начался раздѣлъ пойманной рыбы: большую часть ея отдали отцу Н—ру съ его причтомъ, а осетра и двѣ лучшихъ стерляди предложили мнѣ; но я отказался отъ подарка и просилъ дядю-мастака передать мою долю отцу Н—ру.

Къ двумъ часамъ ночи въ станѣ рыбаковъ все успокоилось. Спутники мои, забравъ свою добычу, такъ дешево пріобрѣтенную ими, отправились восвояси; я остался одинъ съ дядей-мастакомъ. Въ шалашѣ было приготовлено мнѣ ложе изъ душистаго сѣна, покрытаго бѣлымъ парусомъ. Вмѣсто подушки, была положена мягкая сѣть, а одѣяломъ послужилъ новый, бѣлый кафтанъ моего стараго друга. Посреди шалаша былъ разведенъ огонь, отъ котораго под-

нималась струя дыма и прогоняла комаровъ, безпощадно кусавшихъ въ эту пору. Когда мы улеглись, я попросилъ дядю-мастака разсказать мнѣ о судьбѣ Кати, невыходившей весь день изъ моей головы. Я мелькомъ узналъ о ея смерти; но гдѣ и какъ она умерла, кто былъ виновникомъ этой молодой погибшей жизни—все это оставалось тайной для меня. Я оставилъ Катю на семнадцатомъ году своей жизни, и съ тѣхъ поръ больше не видѣлъ ее. Первая наша встрѣча была у дяди-мастака; долго мы краснѣли другъ передъ другомъ и долго не могли обмѣняться и парой словъ. Бывало, подъ вечеръ такъ и тянетъ къ старику, чтобы взглянуть на Катю, заговорить съ ней; а придешь, увидишь ее, куда и смѣлость дѣвалась! «Нѣтъ ужъ, бывало думаешь себѣ,—теперь непремѣнно заговорю съ Катей и подарю ей эту алую ленту, нарочно купленную для ея черной косы»; а встрѣтишь ее, и опять ни слова и опять покраснѣешь. Такъ прошло нѣсколько дней, хотя я каждый вечеръ находилъ случай увидѣться съ Катей. Наконецъ дядя-мастакъ помогъ нашему сближенію. Это было накапунѣ Троицына дня, когда старикъ имѣлъ обыкновеніе отправляться на ближайшій островокъ, за березкой для украшенія своей одинокой хаты. Занемогъ старикъ еще съ утра и не зналъ, кого послать нарубить ему березки. Въ это время пришла къ нему Катя и вслѣдъ за ней прибѣжалъ и я. Дядя-мастакъ, не думая долго, велѣлъ намъ идти къ лодкѣ и принести ему березокъ. Нельзя было не послушаться старика; оба мы любили его, а для Кати онъ былъ настоящимъ отцомъ: лучшая лента въ ея косѣ куплена дядей-мастакомъ; лучшія монисты на ея шеѣ были подарены имъ; и когда умерла восьмидесятилѣтняя Грачиха, у которой выросла Катя круглой сиротой, дядя-мастакъ пріютилъ ее у своей сосѣдки, старой просвирни, построилъ имъ сосновую хату и не спускалъ съ глазъ свою «голубку». Бывало, передъ праздникомъ ѣдетъ старикъ въ городъ, Катя напередъ знаетъ, что дядя-мастакъ привезетъ ей обнову; вернется ли онъ съ тони, непремѣнно зайдетъ къ просвирнѣ и положитъ на крылечкѣ связку живыхъ стерлядей; соберется ли онъ въ поле, лучшій арбузъ сбережетъ для Кати.

И вотъ, когда дядя-мастакъ велѣлъ намъ ѣхать за березкой, мы стыдливо посмотрѣли другъ другу въ глаза и, не сказавъ ни слова, отправились къ лодкѣ. Подошли мы къ берегу молча; но когда

я увидѣлъ, что лодка стояла далеко отъ берега и входить въ нее надо было по водѣ, я сказалъ Катѣ:

— Катя! я перенесу тебя на рукахъ до лодки; ухватись мнѣ за шею.

И не дожидая отвѣта, я подхватилъ ее и донесъ до лодки. Кто знаетъ силу перваго прикосновенія къ любимому существу, кто испыталъ это прикосновеніе въ молодости, тотъ повѣритъ, что въ другой разъ ничего лучшаго не испытываешь въ жизни и ужъ никогда не забываешь этой минуты. Я почувствовалъ на своей щекѣ дыханіе Кати, объятіе ея руки на моей шеѣ, услышалъ ея голосъ, обращенный ко мнѣ: «постой, Гриша, ты уронишь меня», и въ это мгновеніе открылась передо мной какая-то новая, дотолѣ неиспытанная жизнь. Для юноши довольно одной такой минуты, чтобы стать въ самыя независимыя и близкія отношенія къ дѣвушкѣ; робкое и пугливое чувство уступаетъ мѣсто полной откровенности, тѣмъ болѣе свободной, чѣмъ болѣе чистой. Усѣвшись въ лодкѣ, мы уже разговаривали, какъ старые знакомые, у которыхъ было много такого общаго, о чемъ можно говорить не умолкая. Когда мы вышли на островокъ и когда изъ виду исчезло все село, мы очутились совершенно одни, да,—одни, среди свѣжаго раздражающаго воздуха, среди таинственнаго шопота деревьевъ и ароматомъ курившейся зелени. Нарубивъ березокъ и переносивъ ихъ въ лодку, я нарвалъ пучекъ незабудокъ и принесъ ихъ Катѣ; она сидѣла на травѣ и плела васильковые вѣнки для кивота дяди-мастака. Я взялъ одинъ изъ нихъ и положилъ на голову Кати. Она сняла вѣнокъ и посмотрѣла на меня. Я сѣлъ у самыхъ ея ногъ и не помню, какъ ея коса попала ко мнѣ на колѣни и какъ ея огненная щека очутилась на моемъ плечѣ; но я помню хорошо то впечатлѣніе перваго поцѣлуя, въ которомъ таится такая бездна жизни. Идеалисты и поэты не поняли значенія перваго поцѣлуя и опошлили его своимъ мистическимъ взглядомъ; а вѣдь онъ ничто иное, какъ усиленное волненіе крови, гальваническое сотрясеніе нервовъ, такъ что въ эту минуту организмъ живетъ самой полной жизнію, какой достаточно при другомъ настроеніи для цѣлаго года. И какъ свѣтло онъ отражается на всемъ окружающемъ! Вечеръ показался намъ такимъ чуднымъ, какого я больше нигдѣ не видѣлъ, ни прежде на этомъ островѣ, ни послѣ—бродя по склонамъ итальянскихъ Альпъ или по берегу Неаполитанскаго залива...

— Пора домой, Гриша; здѣсь становится страшно, сказала Катя, какъ будто встрепенувшись отъ сна.—Ты дѣду не скажешь? и потомъ, подумавъ прибавила: а если и скажешь, я не перестану тебя любить.

Пока продолжались мои каникулы, которые я протянулъ до поздней осени, мы видѣлись съ Катей часто и уже не скрывали отъ дяди-мастака своихъ истинныхъ чувствъ. Старикъ не сомнѣвался въ чистотѣ ихъ, и потому не мѣшалъ свиданіямъ. Не знаю отчего, но въ это время Катя стала быстро развиваться. Гибкій станъ ея поднялся; сквозь смуглый цвѣтъ лица началъ пробиваться нѣжный румянецъ; въ правильныхъ и тонкихъ чертахъ показалась оконченность женскихъ формъ; въ голосѣ, въ походкѣ, во всѣхъ движеніяхъ обнаружилась энергія, дававшая знать, что Катя изъ числа тѣхъ натуръ, которыя не гнутся, а ломаются подъ тяжестію жизни.

Скоро наступила и осень. Какъ ни хотѣлось мнѣ отлынять, но отецъ приказалъ собраться въ два дня и, поручивъ меня попутчику, отправилъ въ школу, исполненную всевозможныхъ мерзостей. Я не сказалъ Катѣ, что ѣду надолго; напротивъ я увѣрилъ ее, что скоро ворочусь и останусь съ нею навсегда.

— Нѣтъ, Гриша, сердце мое чуетъ, ты не воротишься, говорила она, заливаясь слезами; и долгимъ, тоскующимъ взглядомъ провожала меня въ далекій путь.

И сердце Кати подсказывало ей правду; я больше не увидѣлъ ея. На другой годъ, передъ самимъ отъѣздомъ домой, я получилъ письмо, въ которомъ глухо говорилось, что Катя умерла; другимъ письмомъ подтверждался тотъ же слухъ и передавались нѣкоторыя подробности самой смерти... За тѣмъ наступило время гнетущей тоски; черезъ недѣлю я заболѣлъ бѣлой горячкой и пролежалъ каникулы въ больницѣ. Въ тотъ же годъ умерла и моя мать; возвращаться на берега Волги было не зачѣмъ, и я рѣшился исполнить давно задуманную мысль—отправиться въ университетъ. Съ тѣхъ поръ я ничего не слышалъ о Катѣ, хотя она часто вспоминалась мнѣ въ грустныя минуты и часто видѣлась во снѣ. Понятно, что при встрѣчѣ съ дядей-мастакомъ мнѣ хотѣлось узнать о послѣднихъ дняхъ Кати, и никто лучше его не могъ передать мнѣ этой печальной, но обыкновенной исторіи нашей женщины. Вотъ что разсказалъ мнѣ дядя-ма

стакъ въ своемъ шалашѣ, по временамъ прерывая свой разсказъ слѣдующимъ восклицаніемъ:—«А быть же ему, чортову сыну, въ пеклѣ!»

Этотъ чортовъ сынъ былъ никто иной, какъ богатый хохолъ, голова села В...., которому власть и деньги открыли дорогу къ самодурству и вліянію въ своемъ кругу. Сама по себѣ грубая и жестокая натура, онъ сдѣлался еще хуже, забравъ въ свои руки нѣкоторую долю самоуправства. Ползая передъ людьми, поставленными выше его, онъ въ то же время былъ наглымъ деспотомъ своей семьи и всего, что стояло ниже его. На селѣ не любили его, но многіе зависѣли отъ него и потому молчали. Кто не уживался съ нимъ, того онъ преслѣдовалъ до тѣхъ поръ, пока не разорялъ до тла; и разоривъ, торжествовалъ, находя въ этомъ особенное удовольствіе для себя. Разъ для потѣхи гостей онъ велѣлъ сжечь на рѣкѣ свое судно, нагруженное льномъ; въ другой разъ, также во время пирушки, онъ приказалъ своему паробку побороться съ цѣпнымъ псомъ, обѣщавъ первому лучшую невѣсту на селѣ, если только онъ одолѣетъ пса... У Богдана Куцаго (такъ звали голову) было двое сыновей, изъ которыхъ старшій былъ отпѣтый дуракъ и безшабашный пьяница. Потакаемый отцомъ, не стѣсняемый никѣмъ и ничѣмъ, онъ дѣлалъ все, что хотѣлъ; не только женщины и дѣвушки, но даже собаки боялись его, когда онъ проходилъ по селу. А безобразнѣй ничего нельзя было и представить себѣ! горбатый, съ кривыми ногами, съ передернутымъ лицомъ и постоянно съ синяками подъ глазами, онъ даже, по мнѣнію своего отца, «уродился въ лѣшаго». Но пришла пора женить старшаго сына, и отецъ положилъ выдать за него Катю.

Катя, какъ я уже сказалъ, была круглая сирота; никто не зналъ ни ея отца, ни матери и никто не могъ сказать, откуда и когда она появилась на селѣ. Одни говорили, что ее нашли въ крещенскіе морозы на церковной паперти: другіе увѣряли, что Катю поднялъ дѣдъ Слѣпченко у околицы и отдалъ ее бездѣтной вдовѣ—старой Грачихѣ. Но извѣстно было всѣмъ, что Грачиха пріютила Катю на десятомъ году ея возраста, а до тѣхъ поръ она жила, какъ живутъ бѣдныя дѣти, переходя изъ однихъ рукъ въ другія, питаясь тѣмъ, что дадутъ и оставаясь тамъ, гдѣ Богъ послалъ. Грачиха держала Катю въ холѣ и въ волѣ, но скоро умерла и покинула ее опять

безпріютной. Послѣ того приняла ее къ себѣ просвирня, какъ бѣдную наймичку; съ ранняго утра была Катя на посылкахъ, поспѣвая вездѣ, куда только ни совали ее; она носила воду, убирала хату, гоняла просвирнину козу въ поле и смотрѣла за огородомъ. Много горя натерпѣлась она у бабуси Бублихи (такъ величала Катя свою хозяйку); много слезъ повыплакала она послѣ привольнаго житья у Грачихи, пока не узналъ и не полюбилъ ее дядя-мастакъ. Но теперь не было и его близко Кати, а наступило для нея самое лихое время. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда дядя-мастакъ, дождавшись зимняго пути, отправился въ городъ съ рыбой и остался тамъ на всю зиму, до вешняго половодья. Какъ нарочно, въ эту пору Богданъ Куцый сталъ сватать Катю за своего старшаго сына. Почему выборъ палъ на нее и чѣмъ она понравилась Куцому, никогда не говорившему съ ней да едва ли и видѣвшему ее—рѣшить было трудно; не спрашивалъ онъ Катю и о согласіи ея, а призвалъ къ себѣ Бублиху и, подаривъ ей двухъ барановъ, произнесъ свою волю и велѣлъ готовиться къ свадьбѣ. Бублиха была баба жадная, да и трусливая. Пришла она домой такая веселая и объявила Катѣ, что Богъ ей послалъ негаданное счастіе—сдѣлатся жинкой сына Куцаго. Когда услышала объ этомъ Катя, залилась она горькими слезами и, упавъ къ ногамъ Бублихи, умоляла не губить ея молодость. Но не слушала ее Бублиха и не тронулась ея слезами. Не спалось Катѣ цѣлую ночь и все думалось, какъ бы избавиться отъ постылаго брака; да ничего не придумалось и заснула она тяжелымъ сномъ. На третій день рано утромъ поднялась Бублиха и велѣла Катѣ одѣться по праздничному и встрѣтить сватовъ съ веселымъ лицомъ. Явились и сваты, да не нашли Кати; забилась она въ темную клѣть и пролежала тамъ до поздняго вечера... Ужъ и разозлилась же Бублиха и начала она поносить свою наймичку всякими скверными словами. А когда узналъ Богданъ Куцый, что его сваты вернулись безъ почета, затопалъ онъ на всю хату и грозилъ сжить съ бѣлаго свѣта Бублиху, если она не уговоритъ Катю идти за мужъ за его «лѣшаго».

И пошелъ шумъ и стонъ въ хатѣ Бублихи. Не проходило дня, чтобы Катя не была обругана или побита. Длинная коса ея была повырвана, лицо исхудалое и больное, глаза впалые; не пила, не ѣла она по цѣлымъ днямъ, и кто бы теперь узналъ въ ней преж-

нюю Катю? Такъ прошли святки; не показывалась она нигдѣ — ни у подругъ своихъ на вечеринкахъ, ни на улицѣ въ хороводахъ; не слышно было ни ея звонкаго голоса на свадебной пѣснѣ, ни ея веселаго смѣха въ кругу молодыхъ паробковъ. Но не было больше силъ выносить лай и побои Бублихи, и Катя согласилась идти за Купаго, но съ тѣмъ, чтобъ свадьбу отложили до весны; а въ это время, думала она, воротится дядя-мастакъ и выручитъ ее изъ бѣды. Но наступила и весна, глянуло теплое солнышко, разлилась рѣка на широкую даль, а дяди-мастака все не было. Вотъ подошелъ и свадебный день. Бублиха приготовилась справить пиръ, какъ слѣдуетъ; самъ Богданъ Купый навѣстилъ ее и ласково говорилъ съ Катей; къ вечеру наполнилась хата Бублихи подругами Кати, родными и знакомыми жениха. Всѣ были веселы; только одна невѣста смотрѣла какимъ то глубокимъ и зловѣщимъ взглядомъ. Поздно ночью разошлись гости, и когда заснула Бублиха, Катя тихонько встала съ постели и упала передъ образомъ. Долго и жарко молилась она, а звѣздная тихая ночь глядѣла въ узенькое окошко, передъ которымъ вся бѣлая стояла Катя на колѣняхъ... Окончивъ молитву, она наскоро одѣлась и неслышными шагами вышла на улицу. Оглядѣвшись кругомъ, она быстро направилась къ хатѣ дяди-мастака; тамъ въ отсутствіе его жилъ одинъ рыбакъ; Катя постучалась въ дверь и разбудила его, попросивъ впустить ее въ хату. Дверь отворилась, и Катя, припавъ къ тому мѣсту, гдѣ дядя-мастакъ такъ часто заплеталъ ей въ косу новую ленту или цвѣтокъ, громко зарыдала... Потомъ, положивъ въ столъ монисты, ленты и другіе подарки, принятые отъ дяди мастака, она сорвала сухую вѣтку съ стараго вѣнка, лежавшаго на кивотѣ и, прощаясь съ рыбакомъ, сказала ему:—«а якъ побачишь дида, скажи ему, щобъ молился за свою Катю»;—и немедленно вышла изъ хаты. Рыбакъ, ничего не понявшій изъ всей этой сцены, перевернулся на другой бокъ и заснулъ утреннимъ крѣпкимъ сно ъ.

А на востокѣ загоралась чудная весенняя заря. Въ воздухѣ было свѣжо и спокойно; полноводная рѣка лежала чистымъ и неподвижнымъ кристалломъ у подножія села. Вершины лѣса начинали покры ваться розовымъ цвѣтомъ восходившей зари. Еще нѣсколько минутъ, и началось бы общее пробужденіе природы, загорѣлся бы ясный день, свѣтя безразлично па слезы и радости жалкаго люда. Но Катя спѣшила спуститься къ берегу; грудь ея широко дышала, впивая ве-

сенній воздухъ; обогнувъ село берегомъ, она взбѣжала на крутую кремнистую гору, и тамъ остановилась на нѣсколько мгновеній... Затѣмъ раздался рѣзкій крикъ и опять все смолкло. Только на рѣкѣ стали расходиться широкіе круги, да бурлакъ, давно проснувшійся на близь стоявшей баркѣ, замѣтивъ паденіе чего-то тяжелаго въ воду, посмотрѣлъ на рѣку и невольно перекрестился.

Грицко.

ОТЦАМЪ.

Вы, отжившія прошлаго тѣни, —
Мы душою въ грядущемъ живемъ;
Васъ страшитъ рой предсмертныхъ видѣній, —
Новой жизни разсвѣта мы ждемъ.

Вы томитесь подъ игомъ преданій
И въ наросшей вѣками грязи, —
Наша жизнь — жизнь надеждъ, упованій,
Все святое для насъ — впереди.

Путь предъ вами одинъ — покаянье,
Ваша сила — въ глаголѣ молитвъ;
Трудъ, борьба — это наше призванье,
И мы сильны для будущихъ битвъ;

Сильны вѣрой живой въ человѣка,
Сильны ъ правдѣ любовью святой,
Сильны тѣмъ, что насъ ржавчина вѣка
Не коснулась тлетворной рукой...

Мы-ли, вы-ли въ бою побѣдите —
Мы враги и въ погибели часъ:
Вы отъ насъ состраданья не ждите,
Мы не примемъ пощады отъ васъ!...

Ив. Г.—М.

ПАМЯТИ САМОУБІЙЦЫ.

Не виднѣлося слезъ на глазахъ,
Когда горемъ убитые братья
Хоронили бездушный твой прахъ —
Дрожь носилась па блѣдпыхъ губахъ,
Да въ груди накипали проклятья...

Въ чудный міръ свой красна и свѣтла
Жизнь тебя молодая манила,
Но судьба надъ тобой не спала,
И въ борьбѣ съ грубой силою зла
Ненасытной рукою сразила...

Въ душной сферѣ насилья и лжи
Палъ ты жертвой святаго безумья,
И съ отчаяпьемъ мрачнымъ въ груди
Прошептавъ роковое „прости"
Ты не медлилъ въ напрасномъ раздумьѣ...

Чистой кровью твоей заклейменъ
Еще разъ темный міръ преступленья,
Къ жертвамъ праведнымъ прежнихъ временъ
Твой безсильный прибавился стонъ,
Тщетно къ небу взывающій мщенья!...

Ив. Г.—М.

УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА.

Есть цѣлая физіологическая школа, которая утверждаетъ, что процессъ мысли человѣка зависитъ отъ присутствія въ его мозгу фосфора. Мнѣніе это можетъ быть вполнѣ справедливо; но до сихъ поръ оно все еще считается гипотезой, потому что въ подтвержденіе его не представлено никакихъ точныхъ доказательствъ. Если вскрыть всѣ человѣческія головы и выложить изъ нихъ мозгъ, то наблюдатель найдетъ въ немъ сѣрое и бѣлое вещество. На видъ эти вещества не представляютъ различія ни въ мозгу идіота, ни въ мозгу генія. Очень можетъ быть, что эта неподмѣченная разница происходитъ отъ недостатка наблюденій; очень можетъ быть, что мозгъ умнаго человѣка плотнѣе и богаче содержаніемъ нервныхъ клѣточекъ и трубокъ; и хотя дѣланныя съ этой цѣлью микроскопическія наблюденія не показали никакой разницы въ строеніи мозга умныхъ и глупыхъ людей, но это могло случиться или отъ неумѣнья приняться за наблюденія, или отъ недостатка предварительныхъ знаній.

Если строеніе мозга не значитъ въ этомъ случаѣ ничего, то отчего же происходитъ разница въ качествѣ мыслей? Френологи старались объяснить ее формой мозга и, слѣдовательно, видомъ черепа. И точно, есть нѣкоторые внѣшніе признаки, которыми идіотъ или дуракъ отличается отъ человѣка болѣе умнаго. Довольно взглянуть на черепъ идіота и не идіота, чтобы увидѣть эту разницу. У идіота особенно развиваются лицевыя кости и малъ черепъ, такъ что вся голова его напоминаетъ голову антропоморфной обезьяны; у не идіота, напротивъ, при маломъ развитіи лица большое развитіе че-

репа. Но это только общіе признаки, опредѣляющіе крайности. Точныхъ же признаковъ, по которымъ умнаго человѣка можно бы отличить отъ дурака, не существуетъ. Иногда умный человѣкъ имѣетъ небольшой сжатый лобъ, а дуракъ, напротивъ, лобъ высокій и открытый. Точнѣе отличаютъ умныхъ людей отъ дураковъ по блеску и силѣ выраженія глазъ. Но и этотъ признакъ нельзя считать безошибочнымъ. Такимъ образомъ и тутъ наука еще не владѣетъ положительными указаніями.

Разумѣется несомнѣнно, что разница въ проявленіяхъ мозга должна зависѣть отъ разницы въ качествѣ его вещества. Такъ, дерево отличается качествами отъ желѣза, желѣзо отъ золота, воздухъ отъ воды. Но въ чемъ же причина качественнаго различія вещества мозга? Отчего оно зависитъ? Если оно зависитъ отъ болѣе тонкаго развитія нервной системы и всего чувствующаго организма человѣка, то какъ достигнуть этого развитія? Та же физіологическая школа говоритъ, что все зависитъ отъ пищи; что животныя, питающіяся исключительно растительной пищей, и по наружности, и по своимъ нравственнымъ качествамъ нисколько непохожи на животныхъ плотоядныхъ; что люди, питающіеся вѣчно однимъ хлѣбомъ и картофелемъ, непохожи на людей, пищу которыхъ составляетъ мясо, кофе. Но такъ ли это? Будто бы корова только потому корова, что ѣстъ вѣчно траву; а левъ потому левъ, что ѣстъ всегда мясо? Корову нельзя начать кормить мясомъ, потому что ни ея зубы, ни желудокъ не устроены для мяса; нужно измѣнить весь организмъ коровы, чтобы она могла измѣнить пищу. Съ какими постепенностями ни пріучай корову къ новой пищѣ—изъ этого не выйдетъ ничего, и нѣтъ никакихъ доказательствъ для того, чтобы утверждать, что перемѣной одной пищи можно изъ коровы сдѣлать льва. Точно также и льва нельзя превратить въ корову. Указываютъ на англичанъ, нѣмцевъ, французовъ. Дѣйствительно, и по наружности, и по внутреннимъ качествамъ въ нихъ большая разница. Но будто бы она произошла отъ пищи? Наблюденія даютъ отрицательный отвѣтъ и провѣрить его весьма нетрудно. Славянъ укоряютъ вообще въ неэнергичности, вялости, пассивности. Если эти качества существуютъ и въ русскихъ, неужели они произошли отъ пищи? Дѣйствительно, нашъ крестьянинъ питается по преимуществу растительной пищей; у него въ году 200 постныхъ дней, когда пища по видимому не вознаграждаетъ потерь его организма. Однако изъ этого не слѣдуетъ,

чтобы организмъ его не вознаграждался вполнѣ въ дѣйствительности. Корова и левъ питаются различными предметами, но оба живы; оба они должны извлечь изъ своей пищи такое количество питательныхъ веществъ, какое для нихъ необходимо. Если бы этого не было, то наступила бы страданіе голодомъ и за тѣмъ, при продолжающемся недостаткѣ, голодная смерть. Но этого нѣтъ. Вся разница только въ количествахъ питательныхъ веществъ, въ разныхъ объемахъ пищи. Отъ этого коровѣ нужно пудъ сѣна и цѣлый ушатъ пойла, а льву довольно пяти фунтовъ мяса. Съ этимъ разнымъ количествомъ пищи организмъ сдѣлаетъ то, что ему нужно, и извлечетъ всѣ тѣ вещества, какія необходимы ему для возстановленія костей, нервовъ и мускуловъ. Разумѣется, такія условія, требующіяся для химическаго разложенія этихъ веществъ и для усвоенія ихъ организмомъ, потребуютъ и другихъ условій въ процессѣ пищеваренія. Оттого что коровѣ приходится извлечь небольшое количество питательнаго вещества изъ большого объема пищи, она все свое время тратитъ на ѣду, такъ что въ ея жизни нѣтъ ни одной минуты, кромѣ сна, когда бы она не ѣла. Цѣлый день она занята тѣмъ, что или ѣстъ траву, или жуетъ жвачку. Животныя, получающія пищу болѣе питательную, имѣютъ въ своей жизни болѣе свободнаго времени. Собаки, кошки не ѣдятъ цѣлый день. Изъ процесса пищеваренья и ѣды у нихъ не выходитъ исключительное занятіе. Самое пищевареніе, незатрудняемое большимъ объемомъ пищи, совершается у нихъ легче, и у нихъ остается время еще и для другихъ занятій. Въ этомъ случаѣ пища, въ примѣненіи къ человѣку, важна больше въ экономическомъ отношеніи. Человѣкъ, питающійся исключительно растительными веществами, долженъ ѣсть больше и чаще. У него тратится на ѣду гораздо больше времени. Вотъ почему русскій рабочій,—если онъ питается хлѣбомъ съ лукомъ и квасомъ,—завтракаетъ два раза, потомъ обѣдаетъ, затѣмъ ѣстъ еще разъ (поужинъ) и наконецъ ужинаетъ. Если бы всю пищу растительнаго свойства, поглощаемую русскимъ крестьяниномъ, оцѣнили сравнительно съ равнымъ ей по питательности объемомъ пищи животной, то разумѣется оказалось бы, что болѣе питательная пища дешевле пищи менѣе питательной. Но не смотря на то, рабочій все-таки не согласится на замѣну одной другою. Желудокъ его привыкъ съ самой первой молодости къ ощущенію обремененія, и сытостью онъ считаетъ такое состояніе, когда наполнитъ желудокъ туго, до самаго верха пищевода. Въ

этомъ случаѣ русскій крестьянинъ подходитъ близко къ животному травоядному, ибо онъ не только ѣстъ часто, оставляя ровно столько свободнаго времени, сколько нужно, чтобы заготовить себѣ пищу, т. е. или ѣстъ или работаетъ для ѣды; но и самая ѣда, въ своемъ послѣдующемъ процессѣ, обнаруживаетъ на него подобное же вліяніе, какое пища обнаруживаетъ на травоядныхъ животныхъ: обремененіе желудка, ослабляя дѣятельность нервовъ и мышцъ, возбуждаетъ сонливость, неповоротливость и лѣнь. Пища болѣе питательная обнаруживаетъ иныя послѣдствія. Англичанинъ, поѣвшій своего густого, питательнаго супу и кровяного мяса, или французъ, поѣвшій хотя и много хлѣба, въ родѣ русскаго, но хлѣба пшеничнаго, а не чернаго, поѣвши мяса и выпивши вина, чувствуетъ себя послѣ ѣды такимъ же бодрымъ, какъ и до ѣды.

Вліяніе пищи на энергію мышцъ и нервовъ очевидно есть; и постоянное обремененіе желудка, повторяемое часто и производящее сонливость, должно дѣйствовать на весь чувствующій организмъ и на отправленія головнаго мозга. Но есть ли основаніе утверждать, что при другой пищѣ въ проявленіяхъ мозга обнаружится совсѣмъ иная сила и нервы станутъ работать иначе? Если бы исключительно пища обнаруживала подобное вліяніе, то подобно шапкамъ, которыми френологи думали выдавливать на черепахъ извѣстныя шишки и давать людямъ извѣстныя способности, можно бы пищей измѣнять національности людей, и по произволу приготовлять изъ русскаго нѣмца, изъ нѣмца русскаго, изъ француза англичанина и т. д. Что одна пища не обнаруживаетъ еще такого сильнаго вліянія на измѣненіе чувствующаго организма человѣка, можно убѣдиться тѣмъ, что сословія русскихъ, выдѣлившіяся изъ простонародья лѣтъ за 200 или за 300 и постоянно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пользовавшіяся сравнительно значительнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ и удобствами жизни, не обнаружили еще до сихъ поръ той интеллектуальной силы, какой отличаются англичане, нѣмцы, французы. Если бы подобная сила существовала, то что помѣшало бы русскимъ открыть законъ всеобщаго тяготѣнія, придумать гипотезу системы міра, создать математику, физику, химію, изобрѣсти паровую машину, пароходъ, желѣзныя дороги, электрическій телеграфъ, фотографію? Но ничего подобнаго русскій не придумалъ, очевидно потому, что у него не было еще для этого силы. Такимъ образомъ хорошая пища до сихъ поръ еще не обнаружила вліянія на увеличе-

ніе энергіи мозга, не создала людей ни замѣчательно энергическаго характера, ни замѣтно большаго ума. А между тѣмъ есть факты, что люди, постоянно питавшіеся растительной пищей, создавали цѣлыя массы энергическихъ людей. Такъ раскольники изъ простонародья сжигались цѣлыми десятками и обнаруживали большую нравственную силу во времена ихъ преслѣдованія; такъ изъ простонародья вышелъ Ломоносовъ, Кулибинъ, Кольцовъ. Наконецъ нѣмцы, французы, англичане, живущіе въ Россіи, находятся въ русскомъ климатѣ и на русской почвѣ; на нихъ падаетъ и такой же снѣгъ, и дождь, какъ на русскихъ, такой же дуетъ на нихъ и вѣтеръ, и помѣщаются они въ домахъ русскаго устройства, и топятъ печи русскими дровами; наконецъ ѣдятъ то же мясо, тотъ же хлѣбъ, и пьютъ ту же воду и то же вино,—а между тѣмъ каждый изъ нихъ остается все тѣмъ же нѣмцемъ, французомъ и англичаниномъ. Иностранцы, при извѣстныхъ условіяхъ сохраняютъ у насъ свой типъ въ первобытной чистотѣ даже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Чтобы нѣмецъ сдѣлался русскимъ, нужно помѣстить его ребенкомъ между русскими, и тогда въ двадцать лѣтъ своего возраста онъ потеряетъ признаки нѣмецкой породы. Но и тутъ нужно, чтобы онъ находился въ русскомъ общественномъ заведеніи. Прежде нѣмцы русѣли особенно скоро и совершенно—въ кадетскихъ корпусахъ: пища ли была причиной такого превращенія? Ѣлъ и пилъ то же самое и товарищъ нѣмца—русскій, а нѣмцемъ не вышелъ. И съ русскимъ можно сдѣлать подобное же превращеніе, если увезти его ребенкомъ къ иностранцамъ и разъединить совершенно съ русскими. Очевидно, что одной пищей превращеніе не достигается, а нужны еще какія-то условія. Если бы дѣйствовала одна пища, то любого русскаго можно бы превращать въ англичанина среди киргизской степи.

Что въ этомъ случаѣ не значитъ ничего природа и климатъ — это также не подлежитъ сомнѣнію. Природа, формирующая человѣку особенное міросозерцаніе, достигаетъ этого только въ томъ случаѣ, когда она можетъ поразить его воображеніе какими нибудь чрезвычайными явленіями. Нужно чтобы горы были очень высоки, чтобы они подѣйствовали на воображеніе; и нужно чтобы человѣкъ не понималъ ничего изъ его окружающаго, чтобы его фантазія населила ихъ особенными силами, управляющими его судьбой. Нужно чтобы солнце слишкомъ пекло землю и создавало чудеса растительности, чтобы человѣкъ обоготворилъ его. Да и то подобныя представленія были

возможны только въ тѣ отдаленныя эпохи, когда человѣкъ, не владѣя никакими знаніями, жилъ въ первобытномъ дикомъ состояніи. Но тамъ, гдѣ нѣтъ ни особенно высокихъ горъ, гдѣ солнце не поражаетъ своимъ чрезвычайнымъ вліяніемъ на растительность, гдѣ не бьютъ изъ земли ключи горючей нефти или горящаго газа, гдѣ не водится ни исполинскихъ черепахъ, ни крокодиловъ, ни слоновъ и львовъ, и гдѣ человѣкъ легко овладѣлъ окружающей его природой, — она совсѣмъ безсильна надъ нимъ. Разумѣется, значеніе климата отвергать нельзя, и ворчливость и бранчивость американокъ есть полное основаніе приписывать сухому сѣверо-восточному вѣтру; но дѣло въ томъ, что однимъ вѣтромъ, съ какой бы стороны онъ ни дулъ, тоже не сдѣлаешь нѣмца англичаниномъ. Если бы русскіе вздумали помѣняться съ англичанами землей и тѣ согласились бы на это, то разумѣется наши переселенцы сдѣлали бы изъ Англіи Россію, а англичане изъ Россіи — Англію. Это можно подтвердить тѣмъ фактомъ, что русскіе крестьяне, перебираясь въ дома нѣмецкихъ колонистовъ, задѣлываютъ тотчасъ досками окна, чтобы свѣту шло меньше и чтобы окно имѣло русскій фасонъ; — строятъ русскія печи, полати и даже превращаютъ дома въ курныя избы. Такой примѣръ есть въ петербургской губерніи, на р. Гусинкѣ, гдѣ колонисты, недовольные мѣстностью, оставили свои дома и въ нихъ поселили псковичей. Ясно, что подобное же преобразованіе случилось бы съ домами и даже съ полями англичанъ, если бы русскіе заняли Англію; каждый народъ сохранился бы тѣмъ, что онъ есть: англичанинъ остался бы англичаниномъ, нѣмецъ нѣмцемъ, французъ французомъ и русскій русскимъ.

Но что же значитъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ? Эти различныя названія народовъ въ сущности имѣютъ такое же значеніе, какъ и слово сталь, рѣка, домъ, рыба. Ими опредѣляется различіе понятій о нравственныхъ качествахъ людей. Если бы нравственныя силы каждаго народа опредѣлить съ математической точностью и выразить цифрами, то образовалась бы прогрессія, въ которой каждая національность получила бы свое опредѣленное мѣсто. Что въ представленіи національности составляется понятіе о различіи нравственныхъ силъ народа, ясно изъ того, что при словѣ англичанинъ никто не вообразитъ себѣ ни киргиза съ его кочевымъ бытомъ, ни индійца, ни казанскаго татарина; никто не станетъ представлять ни неба Англіи, ни тамошней почвы и растительности, ни тамошняго

скотоводства. Въ представленіи рисуется вся сила народа съ его учрежденіями, торговлей, промышленностью, образованіемъ, т. е. та умственная сила, которая дѣлаетъ Англію первой страной Европы. Представленіе о другихъ націяхъ можетъ быть другого рода. Говоря о Германіи, вмѣстѣ съ ея философіей, рисуется и нѣмецкій гемютъ, и скромныя нѣмочки, и патріотическія гимнастическія общества, и разведеніе дуба для будущаго германскаго флота, и wasser-suppe. Съ словомъ французъ является опять понятіе о единствѣ, но также и о красномъ винѣ, о ясномъ небѣ, о персикахъ и абрикосахъ, и о безсиліи народа. Въ представленіи о народѣ только тогда является прежде всего его климатъ, холодный или теплый, его небо, туманное и дождливое или голубое, когда климатическія особенности страны составляютъ все, что есть въ ней замѣчательнаго. Но если въ народѣ есть струя своей жизни и сомобытность проявленія умственныхъ и нравственныхъ силъ, то, забывая климатъ, представляешь себѣ только эти силы. Представленіе въ совокупности этихъ силъ и составляетъ типъ націи. Можетъ легко случиться, что подъ представленіе объ англичанинѣ и не подойдетъ всякій англійскій машинистъ или рабочій: а все таки и на него, пока его не узнаешь лично, переносишь представленіе объ англійскомъ типѣ, и на рабочемъ отражается свѣтъ его страны, хотя онъ можетъ быть не имѣетъ и сотой доли того содержанія, какое ему придается. Обратное этому случается съ русскими, путешествующими за границей; даже на нашихъ ученыхъ и спеціалистовъ смотрятъ тамъ иногда очень съ-высока и говорятъ тономъ покровительственнаго вниманія, точно предъ ученымъ французомъ явился киргизъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Нѣмцы въ этомъ отношеніи добродушнѣе. Говоря объ Англіи, какъ о передовой странѣ Европы, я этимъ вовсе не хочу сказать, чтобы Англія въ цѣлой своей совокупности достигла высшаго развитія своего мозгового вещества; ея развитіе въ этомъ отношеніи только сильнѣе, чѣмъ другихъ націй. Подобная однородность въ развитіи какъ мозгового вещества, такъ и нервовъ, прямо зависящая отъ разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе благопріятствующихъ развитію, и составляетъ національность. Какъ въ морѣ или въ океанѣ разная температура воды и большее или меньшее количество находящагося въ ней кислорода, смотря по глубинѣ, опредѣляетъ возможность существованія, въ разныхъ слояхъ, тѣхъ или другихъ растеній, — такъ и совокупность разныхъ условій, при кото-

рыхъ сложилась жизнь людей, позволяютъ жить въ этой средѣ только извѣстнымъ народамъ или національностямъ. Чтобы извѣстный народъ могъ жить, не теряя своего типическаго вида, въ другой мѣстности, нужно, чтобы обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ его умственная жизнь, непремѣнно существовали въ этой мѣстности. Если обстоятельствъ этихъ нѣтъ, то и человѣкъ измѣнитъ свою породу. Подобное измѣненіе съ цѣлыми массами людей совершается весьма туго; но за то легко удается съ отдѣльными личностями. Поэтому, нѣмецкіе колонисты, населившіе Саратовскую губернію, сохранили почти въ чистотѣ нѣмецкій типъ того времени, къ которому относится ихъ переселеніе въ Россію, но не похожи на нынѣшнихъ германскихъ нѣмцевъ, и поэтому же отдѣльный человѣкъ, поставленный въ другую среду, скоро теряетъ свою національность, какъ это мы видимъ на легко русѣющихъ отдѣльныхъ нѣмцахъ. Этой же одинаковостью среды объясняется причина того обстоятельства, что люди одной національности имѣютъ такое сильное влеченіе другъ къ другу. Люди сближаются потому, что они сложены изъ одного матеріала, что имъ нуженъ одинъ воздухъ, одни условія общежитія; они сближаются потому, что совокупность даетъ имъ силу для защиты себя противъ внѣшней силы, которая бы вздумала разрушить или измѣнить среду, необходимую для ихъ существованія. По тому же закону, по которому однородные люди сближаются, образуя большіе или меньшіе кружки и цѣлыя національности, по тому же закону можетъ совершаться и выдѣленіе изъ національности отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ космополитизмъ есть то свойство человѣка, по которому онъ, выдѣляясь изъ одной среды, помѣщается въ условія болѣе для него благопріятныя. Очевидно, что на такъ называемыхъ космополитовъ, или людей легко отрѣшающихся отъ своей національности, нападать такъ же несправедливо, какъ несправедливо обвинять сосну, зачѣмъ она держится на песчаной почвѣ, а не на суглинкѣ. Это выдѣленіе изъ одной среды бываетъ или такого рода, что человѣкъ пріискиваетъ условія болѣе развитой жизни, или обратно; совершенно также, какъ человѣкъ изъ простого быта доходитъ до удобствъ жизни аристократической, случается что и люди аристократическаго слоя опускаются до простого крестьянскаго быта. Въ подтвержденіе этого можно привести много фактовъ. Я видѣлъ жену одного посланника, бывавшую при разныхъ дворахъ Европы и много лѣтъ жившую за границей, кото-

рая, на старости, не перемѣняла бѣлья и жила въ кухнѣ, имѣя рядомъ большой домъ со всѣми удобствами. Если космополитизмъ такое свойство человѣка, по которому онъ ищетъ себѣ лучшаго, то очевидно, что нѣтъ основанія дѣлать человѣку зло, лишая его этого права. Поэтому въ западныхъ государствахъ свободный переходъ людей изъ одной мѣстности въ другую не стѣсненъ, и англичанинъ или французъ могутъ отправиться навсегда въ Германію, а нѣмецъ можетъ переселиться въ Англію, во Францію, даже къ готтентотамъ, если ему тамъ болѣе по душѣ, чѣмъ среди цивилизованнаго населенія своей родины.

Какой именно изъ факторовъ обнаруживаетъ преимущественное вліяніе въ развитіи отдѣльнаго лица и цѣлыхъ національностей, сказать также нельзя, какъ нельзя сказать, что дѣйствуетъ главнѣйше на развитіе семени—свѣтъ, теплота или влажность? Всѣ три фактора дѣйствуютъ одинаково; устраните одинъ изъ нихъ, и развитіе семени станетъ невозможнымъ. Тоже самое и съ человѣкомъ: всѣ факторы, обусловливающіе его матеріальное благосостояніе, одинаково ему необходимы для его полнаго развитія. Но человѣкъ не древесное семя, которому нужны только свѣтъ, теплота и влажность. Сѣмя пассивно подчиняется окружающей его природѣ и само не можетъ сдѣлать ничего для увеличенія или уменьшенія вліянія своихъ факторовъ. Въ человѣкѣ процессъ развитія сложнѣе, и каждому отдѣльному лицу или индивидууму, при его общемъ физіологическомъ сходствѣ съ другими, ему подобными, нужны свои собственныя, ему только одному необходимыя условія развитія. Это различіе требованій каждаго отдѣльнаго лица легко замѣчается въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ—въ его пищѣ, образѣ жизни, занятіяхъ. Поэтому, никакъ нельзя утверждать, что полезное одному будетъ непремѣнно полезно и другому, или что путь развитія, которымъ шелъ одинъ человѣкъ, долженъ быть такимъ же путемъ и для другого. Здѣсь тотъ же законъ, по которому лѣтній дубъ развивается при однихъ условіяхъ, зимній при другихъ, пробковый при третьихъ, красильный при четвертыхъ. Каждый изъ нихъ дубъ, и между тѣмъ у каждаго изъ нихъ свои особенности. Украшать природу можно было только въ то время, когда человѣкъ, не понимая, что значитъ искуство и природа, думалъ, что ее можно улучшить тѣмъ, что онъ понималъ подъ именемъ искуства. Улучшеніе есть развитіе, а развитіе живетъ своимъ собственнымъ закономъ, внутренней силой

каждаго отдѣльнаго организма. Высшій предѣлъ развитія, до котораго дойдетъ организмъ, создаетъ и понятіе объ его красотѣ и будетъ дѣйствительной его красотой, потому что красота есть крайнее развитіе организма, послѣ котораго оно останавливается. Устроитель Версальскаго сада разумѣется могъ воображать, что акаціи, обрѣзанныя въ видѣ забора, красивѣе акацій, развивающихся вполнѣ свободно, или букъ, искаженный уподобленіемъ его исполинскому грибу землянаго цвѣта, пріятнѣе для глазъ бука, выросшаго въ родномъ ему лѣсу. Такое заблужденіе относительно деревъ теперь уже не существуетъ, хотя и есть еще сады съ стриженными деревьями. Теперь красивымъ деревомъ считаютъ то, которое обнаружило вполнѣ свои типическія особенности и представителемъ дубовъ считается исполинскій дубъ, развившій свои могучія вѣтви, а не изуродованный дубъ, который украшатель природы старался превратить въ грибъ, или въ шаръ. И въ чемъ тутъ украшеніе, или улучшеніе, что одна форма, высшая по развитію, замѣняется другой — низшей? Единственное украшеніе, какое позволяетъ теперь человѣкъ съ деревьями, заключается въ томъ, чтобы помочь имъ дойти до ихъ полной силы и вслѣдствіе того получить отъ нихъ большую выгоду. Такъ доставленіемъ полной свободы вѣтвямъ яблони заставляютъ ихъ нѣжить другъ друга и не мѣшать росту одной на другой, а плодамъ открывается этимъ полное свободное вліяніе солнечнаго свѣта и теплоты.

Такимъ образомъ отвлеченное и смутное понятіе о красотѣ и украшеніи смѣнилось яснымъ понятіемъ о пользѣ. Человѣку нужна польза и выгода, и въ этомъ заключается сущность всѣхъ его стремленій. Польза же и выгода заключаются въ доставленіи организму всего того, что доставляетъ ему пріятное и лишеніе чего порождаетъ непріятность ощущеній, и что служитъ человѣку путеводителемъ въ его дѣйствіяхъ и стремленіяхъ. Вслѣдствіе того, что каждый человѣкъ есть отдѣльная физіологическая особь, и правильное сужденіе о своей личной пользѣ можетъ имѣть только онъ самъ. Дубъ или яблоня лучше знаютъ, куда пускать имъ свои корни и гдѣ развивать мочки для извлеченія изъ почвы питательныхъ веществъ; направлять ихъ корни—напрасной трудъ, потому что этимъ принесется дереву не польза, а вредъ.

Разумѣется, не у всѣхъ людей развиты одинаково способности понимать свою пользу, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что другіе

люди могутъ понимать за нихъ лучше. Неспособность эта замѣчается у людей, находящихся на низкомъ уровнѣ матеріальнаго благосостоянія. Такъ остякъ, при своемъ жалкомъ бытѣ, такъ тупъ, что во многихъ случаяхъ даже не обнаруживаетъ способности добыть себѣ средства существованія и мретъ съ голоду. Подобное состояніе умственныхъ способностей является у людей, когда слишкомъ сокращенъ предѣлъ ихъ дѣятельности. Въ этомъ случаѣ всѣ способности дѣйствуютъ у человѣка на близкомъ разстояніи, и у него не существуетъ вниманія къ предметамъ, неимѣющимъ прямого отношенія къ его матеріальному быту. Чтобы человѣкъ имѣлъ возможность расширять свои понятія, нужно, чтобы онъ могъ понять, отъ какихъ близкихъ и далекихъ причинъ зависитъ его благосостояніе, и чтобы онъ имѣлъ возможность соприкосновенія съ большимъ числомъ предметовъ и явленій, вліяющихъ на его бытъ. Чѣмъ шире свобода человѣка, тѣмъ больше возможность развитія и тѣмъ человѣкъ умнѣе, т. е. онъ лучше и обширнѣе понимаетъ свою пользу, сильнѣе развиваетъ и разнообразитъ свои потребности и умѣетъ имъ удовлетворить. Расширеніе круга дѣятельности развиваетъ въ человѣкѣ и такъ называемыя нравственныя понятія. Расчетъ заставляетъ человѣка обратить вниманіе на свои дѣйствія и отношенія къ людямъ и избрать изъ нихъ тотъ способъ дѣйствій, который приноситъ ему большую пользу. Тикимъ образомъ формируется въ человѣкѣ честность, добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязательствъ, благородство, гордость. Всѣ эти качества, какъ признакъ цивилизаціи народа, возможны исключительно при полной независимости человѣка и являются только съ личной свободой, которая научаетъ человѣка расчитывать правильно и смотрѣть далеко. При широкой дѣятельности, увеличивающей матеріальное благосостояніе человѣка, въ немъ являются новыя потребности, а съ ними и необходимость извлечь большую пользу изъ окружающей его природы. Человѣкъ не можетъ остановиться на щахъ и кашѣ. Кромѣ удовлетворенія чувству голода, въ человѣкѣ является и чувство вкуса: и въ этомъ случаѣ человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ чисто-физіологическаго закона, по которому здоровое питаніе тѣла и привильное пищевареніе возможны, кагда пища вкусна. Невкусную пищу человѣкъ не ѣстъ. Разумѣется, развитіе вкуса можетъ быть весьма различно; но и въ немъ есть постепенность, которая отъ щей и каши приводитъ сначала къ телячьимъ котлетамъ, а потомъ къ рябчикамъ и наконецъ къ фран-

цузскимъ соусамъ. Рядомъ съ улучшеніемъ пищи улучшается и вся внѣшняя обстановка жизни человѣка. Но чтобы человѣкъ могъ достигнуть этого, ему необходимо умѣть извлечь пользу изъ окружающихъ его предметовъ самымъ выгоднымъ образомъ. А это возможно только при знаніи истинныхъ свойствъ предметовъ, окружающихъ человѣка. Когда человѣкъ достигнетъ этого періода развитія, т. е. пойметъ выгоду знанія, то онъ стоитъ уже твердо на пути прогресса; ему остается только увеличивать массу своихъ свѣденій и употреблять ихъ для своей личной пользы. Слѣдовательно, отъ знаній зависитъ прямо возможность увеличенія матеріальнаго благосостоянія и улучшеніе быта человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Въ опредѣленіи истинныхъ свойствъ и качествъ предметовъ и условій жизни, человѣкъ руководствуется своими личными внутренними силами, т. е. своими способностями. Никто не можетъ сказать ему—ищи непремѣнно здѣсь, а не тамъ. Какъ въ пищѣ и одеждѣ каждый знаетъ лучше что ему нужно, и нѣтъ никакого основанія заставлять человѣка ѣсть щи, когда онъ хочетъ ѣсть кашу, или надѣвать шубу, когда ему не холодно, такъ и въ процессѣ знанія. Кто говорилъ Копернику, что онъ дѣлаетъ вздоръ и ищетъ истину не тамъ, оказался только самъ неразумнымъ человѣкомъ. Кто считалъ Колумба сумасшедшимъ, оказался только самъ человѣкомъ малаго ума. Кто имѣлъ право руководить Уаттомъ, при изобрѣтеніи имъ паровой машины? Кто могъ сказать Фультону, Стефенсону или Моору, что имъ слѣдуетъ составлять не тѣ, а другія комбинаціи и только тогда они придутъ къ своей цѣли? Какъ ни одному человѣку не возможно распоряжаться въ желудкѣ другого и управлять ходомъ его пищеваренія, такъ точно никто не можетъ распоряжаться процессомъ мысли въ мозгу человѣка. Если бы въ внутреннихъ процессахъ человѣка нужно было постороннее вмѣшательство или посторонняя помощь, то организмъ человѣка былъ бы открытъ, подобно кухонной плитѣ, на которой готовятся разныя кушанья, и тогда бы всякій, разумѣется, могъ сказать, что въ одну кострюлю нужно прибавить воды, въ другую масла, подъ третьей развести большой огонь. Но организмъ человѣка запертъ на глухо; никто не видитъ, что въ немъ происходитъ, и знаетъ это только тотъ, кому принадлежитъ организмъ. Впрочемъ вмѣшательство обыкновенно и не происходитъ въ изысканіяхъ такихъ людей какъ Коперникъ, Лаплассъ, Ньютонъ, потому что большинство понимаетъ, что это не ихъ ума дѣло. Но за то тѣмъ силь-

нѣе вмѣшательство и стремленіе къ руководженію такихъ людей, мысли которыхъ доступны большинству. Въ этомъ случаѣ каждый считаетъ себя умнѣе своего сосѣда и даже считаетъ своимъ долгомъ помочь ему, хотя въ сущности онъ только мѣшаетъ. Какъ въ дѣлѣ Коперника онъ одинъ могъ знать, куда онъ идетъ, такъ и въ менѣе крупныхъ изысканіяхъ людей обыкновеннаго ума только они одни знаютъ, чего они ищутъ и гдѣ вѣрнѣе найти. Отдѣльные люди, какъ пѣтухи, роются въ землѣ, отыскивая что имъ нужно, и если каждый изыскатель въ отдѣльности не творитъ еще великаго дѣла и занятъ мелочью, то въ цѣломъ объемѣ всего труда народа создается все таки то, что называется общимъ благосостояніемъ и къ чему стремится каждый человѣкъ въ отдѣльности.

Кромѣ этого физіологическаго основанія есть еще и другое, въ которомъ физіологическій процессъ играетъ тоже роль начальной причины. Обыкновенно руководительство берутъ на себя люди предъидущаго поколѣнія, чтобы помочь людямъ поколѣнія послѣдующаго. Основаніе ихъ для этого права—въ томъ, что они знаютъ больше, чѣмъ знаютъ молодые. Но въ томъ вопросъ: точно ли они знаютъ больше и знаютъ лучше, что нужно молодымъ или вообще тѣмъ людямъ, которыхъ они считаютъ неспособными устроиться своими собственными силами? Прежде всего можетъ быть несходство организмовъ. Старый человѣкъ любитъ тепло, ищетъ солнца, стремится на югъ; молодой ищетъ холода, и его тянетъ на сѣверъ. Старому нужна пища горячительная, молодому нужна пища прохлаждающая. Старый погруженъ въ вопросы метафизическіе и этимъ путемъ ищетъ знанія, молодой ходитъ по землѣ и ищетъ отвѣтовъ въ физіологіи и въ изученіи естественныхъ наукъ. Старый жилъ въ одинъ періодъ времени и пріобрѣлъ познанія своего времени; молодой развивается въ другое время, когда половина прежнихъ знаній оказалась недостаточной, когда къ нимъ прибавилась масса новыхъ свѣденій, не могшихъ уже вмѣститься въ головѣ человѣка предъидущаго поколѣнія, потому что мозгъ его растратилъ всѣ свои силы и не могъ къ прежнимъ знаніямъ присоединить новыхъ. Въ чемъ же можетъ быть тутъ помощь человѣка, желающаго непремѣнно руководить, управлять, вести на помочахъ? Организмы ихъ другого склада, нуждается онъ въ иныхъ потребностяхъ и условіяхъ жизни и общежитія; мозги ихъ обнаруживаютъ силу совсѣмъ разныхъ характеровъ и разнаго размѣра; между уровнемъ знаній одного и другого времени лежитъ проме-

жутокъ въ двадцать или тридцать лѣтъ, такъ что считавшееся необходимымъ въ періодъ предъидущій, можетъ оказываться ошибочнымъ и слѣдовательно вреднымъ въ періодъ послѣдующій. Руководительство при такомъ различіи организмовъ и ихъ потребностей приводитъ къ тому же результату, къ какому приводитъ желаніе посадить другого на стулъ, когда онъ хочетъ ходить, или заставить человѣка ѣсть, когда онъ хочетъ спать. Противодѣйствіе потребностямъ организма и его физіологическимъ отправленіямъ порождаетъ въ человѣкѣ чувство непріятнаго, значитъ—приноситъ человѣку вредъ, разстройство, и въ немъ является стремленіе освободиться отъ своего наставника и поставить себя внѣ этихъ мѣшающихъ ему условій. Въ этомъ причина, почему иногда мужъ, очень любящій свою жену, но незнающій этого простого физіологическаго закона, становится мучителемъ, и почему жена, вмѣсто любви, чувствуетъ къ нему ненависть. Въ этомъ же причина, почему дѣти весьма чадолюбиваго и въ то же время весьма неразумнаго отца бѣгаютъ его и ищутъ случая быть отъ него подальше. Этой же причиной объясняются и многія явленія въ жизни цѣлыхъ народовъ. Слѣдовательно, руководительство, какъ противодѣйствіе потребностямъ человѣческаго организма, есть вредное для него дѣйствіе; полезность же его является только въ томъ случаѣ, когда оно содѣйствуетъ развитію, чего разумѣется и добиваются всѣ руководители, не зная, какъ достигнуть этого. Дистиженіе же цѣли весьма просто, если руководительство будетъ заключаться исключительно въ устраненіи всего того, что можетъ мѣшать развитію. Такъ дѣйствуетъ теорія садоводства, и законы ея давно уже извѣстны въ сельскомъ хозяйствѣ. Каждое растеніе, прежде чѣмъ оно разводится, должно быть изучено вполнѣ; садовникъ узнаетъ, на какой растетъ оно почвѣ, сколько нужно ему свѣта, влажности, теплоты, и посадивъ его, старается доставить ему все то, въ чемъ оно нуждается и устранить все то, что ему не нужно, слѣдовательно вредно. Было бы неблагоразумно, если бы садовникъ, выдумавъ изъ своей головы условія, по его мнѣнію вполнѣ соотствующія свойствамъ растенія, посадилъ бы его въ глину, когда ему нуженъ черноземъ; держалъ бы его въ тѣни, когда оно нуждается въ свѣтѣ, и поливалъ бы его, когда ему не нужна поливка. Вся задача садовника въ томъ, чтобы не выдумывать ничего изъ своей головы, наблюдать растеніе и недавать ему одного, когда ему нужно другое. За человѣкомъ не нужно и такого ухода, потому что посто-

роннее наблюденіе замѣняется въ немъ потребностями его собственнаго организма, которыя онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто либо другой; слѣдовательно, организму нужно только дать свободу развитія и больше ничего. Все остальное слѣлаетъ знаніе т, е. та масса свѣденій, какія будутъ предоставлены человѣку и какія, смотря по характеру и силѣ его ума, будутъ имъ усвоены. Слѣдовательно, роль руководителя можетъ быть только въ томъ, чтобы доставить познанія тому, кѣмъ ему желательно руководить; и если онъ не можетъ сдѣлать этого, то ему и дѣлать нечего. Такимъ образомъ не чье либо руководство создаетъ интеллектуальнаго человѣка, а создаютъ его тѣ понятія и свѣдѣнія, какія онъ въ состояніи усвоить. Незнаніе этого закона развитія человѣка бываетъ причиной того, что многіе добродушные мужья такъ не кстати гордятся тѣмъ, будто бы они развили своихъ женъ. Ошибочность такого самообольщенія заключается въ томъ, что жена развилась сама самой, потому что организмъ ея владѣлъ мозгомъ и нервами способными къ развитію, и она, наблюдая жизнь и людей, научилась тому, чего не знала до замужства. Заслуги же мужа могли заключаться лишь въ томъ, что онъ не былъ помѣхой.

Человѣкъ, развившійся при условіяхъ вполнѣ благопріятныхъ для его развитія и владѣющій всѣми знаніями, отъ которыхъ зависитъ его матеріальное благосостояніе, есть совершенный человѣкъ своего времени, стоящій въ ровень съ вѣкомъ. И когда человѣчество во всемъ своемъ объемѣ дойдетъ до того, что каждый отдѣльный человѣкъ достигнетъ такого развитія, то на землѣ явится общее благоденствіе и всѣ силы природы будутъ служить человѣку. Но о такомъ слишкомъ отдаленномъ счастьи въ наше время не слѣдуетъ даже и мечтать, потому что этимъ отнимется время отъ занятій болѣе полезныхъ. Въ наше время относительнымъ числомъ развитыхъ или близко подходящихъ къ нимъ людей какого нибудь народа можно только измѣрять умственные силы этого народа. Только въ этомъ разъясненіе той причины, по которой Англія стоитъ выше Франціи, Франція выше Турціи. Почему это такъ и должно быть, такъ легко увидѣть изъ слѣдующаго расчета. Въ Англіи, не считая Шотландіи и Ирландіи, считается 19 миллъоновъ жителей, значитъ—столько же отдѣльно мыслящихъ человѣческихъ мозговъ. Если всѣ эти мозги вынуть изъ головы и, разложивъ ихъ отдѣльными кучками, предположить, что каждый мозгъ думаетъ не только самъ по себѣ, но думаетъ исключительно свою думу, безъ всякой связи съ думой дру-

гого мозга, то явится 19 мил. отдѣльныхъ силъ, дѣйствующихъ въ разныя стороны и уничтожающихъ силы другъ друга. Т. е. англійскаго мозга и англійской мысли на землѣ какъ бы не существуетъ. Очевидно, что такой выводъ не вѣренъ; ибо жизнь Англіи и ея вліяніе чувствуется вездѣ, въ каждой политической и промышленной точкѣ земного шара. Слѣдовательно ясно, что 19 мил. англійскихъ мозговъ дѣйствуютъ въ другомъ сочетаніи и именно въ такомъ, какого не существуетъ ни въ какомъ другомъ народѣ, потому что ни одинъ народъ не ровняется силой съ Англіей. Чтобы опредѣлить это сочетаніе, необходимо знать точное число людей, отъ которыхъ зависитъ существующій въ Англіи порядокъ, и принимающихъ участіе въ дѣлахъ, касающихся улучшенія матеріальнаго благосостоянія страны. Хотя число такихъ дѣятелей и не опредѣляется ни одной статистикой, тѣмъ не менѣе есть нѣкоторая возможность опредѣлить его приблизительно. Въ Англіи въ верхней и въ нижней палатахъ считается 658 членовъ. Люди эти заняты исключительно дѣлами общественнаго быта. Въ своихъ занятіяхъ они, какъ извѣстно, служатъ проводниками только тѣхъ мыслей и стремленій, которыя они подмѣчаютъ или сами въ остальной массѣ населенія, или которыя будутъ имъ заявлены, какъ желаніе народа. Слѣдовательно, каждый отдѣльный мозгъ каждаго отдѣльнаго англичанина работаетъ одной своей частью въ пользу общаго стремленія и представляетъ извѣстную силу, совокупностью которыхъ свершается измѣненіе въ учрежденіяхъ и облегчается дальнѣйшее развитіе народа. Участіе этого рода тѣмъ значительнѣе и сильнѣе, чѣмъ больше денежныя средства человѣка. Такихъ независимыхъ людей, считая всѣхъ тѣхъ, чей капиталъ составляютъ ихъ умственныя средства, какъ литераторы, ученые, адвокаты, художники и т. д., такъ и людей, живущихъ оборотами капитала вещественнаго, какъ купцы, негоціанты, фабриканты, заводчики, землевладѣльцы, хозяева, ремесленники,—считается въ Англіи болѣе 5 мил. человѣкъ. Эти люди составляютъ главную силу, участвующую въ прогрессивномъ движеніи страны; ими опредѣляется умственная дѣятельность народа, составляется общественное мнѣніе, обсуживаются вопросы общественнаго быта и ими же опредѣляется главнѣйшее направленіе дѣятельности парламента. При такой силѣ участія очевидно, что по меньшей мѣрѣ двѣ трети мозга каждаго такого англичанина работаютъ въ пользу общественныхъ вопросовъ и только одна треть остается занятой дѣлами, имѣющими

къ нимъ слабое отношеніе. Но и эти 5 мил. не составляютъ изолированного особняка, неимѣющаго никакого отношенія къ слою населенія, находящемуся ниже ихъ. Люди, поставленные обстоятельствами въ зависимое положеніе, какъ все рабочее населеніе, считая не только фабричныхъ и замледѣльческихъ, но всѣхъ ремесленниковъ, приказчиковъ и вообще всѣхъ людей, живущихъ на условной платѣ у хозяевъ, имѣютъ тоже значительную долю вліянія на характеръ и направленіе мыслей и стремленій пятимилльоннаго слоя, лежащаго на нихъ. Митинги и сборища простого народа по вопросамъ болѣе или менѣе близкимъ къ его быту указываютъ на дѣйствительность этого вліянія. Такимъ образомъ и тутъ по меньшей мѣрѣ треть мозга каждаго англичанина работаетъ въ общемъ направленіи. Сдѣлавъ разсчетъ всей массѣ мозга, направленной на устройство общаго матеріальнаго благосостоянія, окажется слѣдующее: если отъ всѣхъ 19 мил. отдѣльныхъ кучекъ мозга отнять ту часть, которая работаетъ въ общемъ направленіи, и сложить въ одну кучу; а въ другую кучу сложить мозгъ остальной и затѣмъ ту и другую привести въ кубическую мѣру, то получится дѣйствующаго мозга 733 куб. саж; и недѣйствующаго 1007 куб. саженъ, или дѣйствующій мозгъ составляетъ 45 % всего англійскаго мозга. Параллель, сдѣланная съ Германіей или съ какимъ нибудь другимъ народомъ, приведетъ къ другому выводу. Въ Германіи 70,000,000 народу; масса нѣмецкаго мозга составляетъ 6379 куб. саженъ; но эта масса, сравнительно большая, не обнаруживаетъ той силы, какая видна въ англійскомъ мозгѣ. При однокачественности мозговъ, Германія во всѣхъ бы отношеніяхъ была настолько впереди Англіи, насколько богаче ея мозгомъ, т. е. болѣе чѣмъ въ три съ половиной раза. Но факты слишкомъ противорѣчатъ этому, потому что ни въ открытіяхъ научныхъ, ни въ изобрѣтеніяхъ, ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ литературѣ, ни вообще въ матеріальномъ благосостояніи, Германія не только не превосходитъ Англію въ три съ половиной раза, но даже не можетъ съ нею и сравняться. Германія представляетъ совокупность отдѣльныхъ нѣмецкихъ національностей. Каждая изъ нихъ заключена въ особыхъ предѣлахъ и составляетъ отдѣльную силу, дѣйствующую въ своихъ собственныхъ интересахъ. Совокупнаго стремленія частей къ достиженію какой нибудь одной общей цѣли не существуетъ, потому что мозги каждой отдѣльной національности не только работаютъ отдѣльно, но еще и противодѣйствуютъ стремленіямъ другихъ однородныхъ національно-

стей. Отъ этого происходитъ то, что половина силъ уничтожаетъ другъ друга, такъ что вся умственная дѣятельность, не смотря на ея энергію, представляется какъ бы несуществующей. Однимъ словомъ, Германія въ этомъ отношеніи представляетъ совершенно явленіе такого рода, какъ если бы взять двое вѣсовъ, одни не занятыя ничѣмъ, а на чашки другихъ вѣсовъ положить на каждую по пуду. И тѣ и другіе вѣсы будутъ находиться въ горизонтальномъ положеніи и слѣдовательно очевидно, что для достиженія подобнаго результата не было никакой необходимости дѣлать усилія для подниманія и установки пудовыхъ гирь. Такимъ образомъ, для нашего вывода, вмѣсто 6379 к. с. нѣмецкаго мозга, остается только 3189 саж.

Но и силы этого мозга должны дѣйствовать при иныхъ комбинаціяхъ, потому что если бы дѣйствующая часть его равнялась, какъ у англичанъ 45% всей массы, то это составило бы 1343 куб. саж. т. е. объемъ почти вдовое большій противъ дѣйствующаго мозга Англіи, и слѣдовательно вдвое противъ нея сильнѣйшую. Такой выводъ однако не подтверждается фактами; слѣдовательно очевидно, что онъ или невѣренъ, если принимать за размѣръ силы одинаковыя единицы, — или же сила германскаго мозга значительно слабѣе силы мозга англійскаго. Послѣднее вѣроятнѣе и вотъ почему. Если для краткости сравненія силъ націй, мы примемъ только размѣры ихъ государственныхъ доходовъ, и для параллели съ Англіей возмемъ отдѣльныя, болѣе сильныя, государства Германіи, то окажется, что въ Пруссіи при 17 милльонахъ населенія доходъ составляетъ 126 м. талеровъ, въ Австріи при 37 м. жителей доходъ 198 м. талеровъ, въ Англіи при 19 м. населенія 495 м. талеровъ доходу, т. е. что доходы Англіи, принявъ въ той и другой странѣ ровное число жителей, больше доходовъ Пруссіи почти въ четыре раза и больше доходовъ Австріи въ пять разъ. Изъ этого видно, что въ Англіи гораздо больше общественныхъ потребностей, и больше средствъ для ихъ удовлетворенія. Такая значительная разница въ средствахъ, — въ пять разъ больше Австріи и въ четыре раза больше Пруссіи, — можетъ существовать только при большихъ производительныхъ силахъ страны и при болѣе развитыхъ способностяхъ и энергіи умственной дѣятельности населенія! И Австрія не отказалась бы имѣть въ годъ доходъ, соотвѣтствующій доходу Англіи, т. е. 990 м. талеровъ; но только такую сумму нельзя собрать съ народа никакими прямыми и косвенными налогами, не переморивъ четверти населенія съ

голоду. Очевидно, что качество англійскаго мозга далеко выше качества мозга нѣмецкаго, и въ отношеніи своей экономической дѣятельности долженъ быть отъ 400 до 500% сильнѣе мозга германскаго; слѣдовательно, чтобы Германія имѣла возможность сравниться съ Англіей въ результатахъ своихъ производствъ, нужно ей имѣть населеніе отъ 280 до 350 милльоновъ.

Такимъ образомъ характеръ и размѣръ результатовъ человѣческой дѣятельности зависитъ отъ качества мысли т. е. отъ силы мозга. Если бы продолжать сравненіе Англіи съ другими націями, переходя отъ народовъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ къ кочующимъ и дикимъ, то образовалась бы полная, непрерывная послѣдовательность перехода отъ ума самаго сильнаго къ мозгу слабому, граничащему съ полной тупостью понятій. Разумѣется, способность мозга къ дѣятельности болѣе или менѣе сильной должна обнаружиться въ его строеніи или составѣ и можетъ быть изслѣдована. Но подобныя изслѣдованія надъ человѣкомъ производить не совсѣмъ удобно, потому что человѣкъ не можетъ оказать физіологамъ въ этомъ отношеніи такой услуги, какую оказываютъ имъ лягушки. Поэтому наблюденій надъ мозгомъ умныхъ и глупыхъ людей почти не существуетъ и нѣтъ ни опытовъ, ни наблюденій надъ превращеніемъ глупыхъ людей въ умныхъ. А между тѣмъ переходъ этотъ существуетъ постоянно и изъ поколѣнія въ поколѣніе мозгъ человѣка совершенствуется и пріобрѣтаетъ большую силу. Если бы сила эта зависѣла исключительно отъ присутствія въ мозгу фосфора, то послѣ нѣсколькихъ опытовъ не трудно бы найдти средство вводить фосфоръ въ мозгъ человѣка. Но, къ сожалѣнію, подобная роль фосфора не опредѣлена еще съ той несомнѣнной достовѣрностью, какая нужна для права на подобныя наблюденія и опыты.—Нужно, значитъ, отказаться отъ опытовъ съ фосфоромъ и подумать о другихъ средствахъ. Средства эти могутъ указать только наблюденія. Заслуги френологовъ въ этомъ отношеніи были очень слабы, потому что вопросъ о причинѣ большей или меньшей силы мозга остался ими нетронутымъ. Физіологи, утверждавшіе, что пища, имѣя вліяніе на качество нервовъ, мускуловъ и мозга, даетъ ему силу, хотя отчасти и справедливы, но объясненіе ихъ недостаточно, потому что слишкомъ тѣсно. Одна пища обнаруживаетъ только слабое вліяніе, и факты убѣждаютъ въ томъ, что вмѣстѣ съ пищей нужно и еще что-то, ибо хорошо кормленные люди бываютъ часто умственно слабѣе людей,

питавшихся дурно. Это *что-то* есть не только пища и питье, но полное и совершенное удовлетвореніе матеріальныхъ потребтостей человѣка съ его ранняго возраста. Но и одна улучшенная матеріальная обстановка, безъ дѣятельности самого мозга, не ведетъ къ его развитію. Потребность этой дѣятельности такое же необходимое условіе человѣческаго организма, какъ потребность въ пищѣ и снѣ, какъ потребность развивать силу мускуловъ и мышцъ. Ребенокъ укрѣпляетъ и развиваетъ свои члены безпрестаннымъ движеніемъ и въ день онъ пробѣгаетъ сравнительно въ пять разъ большее пространство, чѣмъ въ состояніи пройдти взрослый человѣкъ. Точно такая же дѣятельность замѣчается и въ мозгу ребенка, когда въ немъ наступаетъ пора развитія мысли. Отцы и матери должны это знать очень хорошо, потому что не разъ дѣти ставили ихъ въ тупикъ своими вопросами. Болѣе находчивые отдѣлываются обыкновенно отвѣтомъ—скажу, когда выростешь. Но и этотъ отвѣтъ удовлетворяетъ не всякаго ребенка. Особенно пытливому скажи непремѣнно: почему и какъ? Чтобы подобная потребность—понять сущность предметовъ и связь между ними могла пріостановиться въ своемъ развитіи, а наконецъ и совѣмъ заглохнуть, нужны особенныя обстоятельства. Этихъ обстоятольствъ въ жизни человѣка не мало. Въ средѣ людей съ средствами, гдѣ матеріальная обстановка вполнѣ удовлетворительна, задержка мысли ребенка и притупленіе его способностей достигается воспитаніемъ, т. е. ознакомленіемъ его съ приличіями, съ условіями общежитія и ученьемъ, притупляющимъ мозгъ; а въ быту людей недостаточныхъ —подобнымъ же невѣжествомъ родителей и нуждой. Нужда въ этомъ случаѣ —главный дѣятель. Завися въ своемъ существованіи отъ малаго числа предметовъ, его окружающихъ, человѣкъ обращаетъ все свое вниманіе только на нихъ; это малое число предметовъ, возбуждающее малое число вопросовъ и мыслей, сжимаетъ его кругозоръ до того, что онъ считаетъ лишнимъ спрашивать о чемъ-нибудь неимѣющемъ видимой для него связи съ этими предметами. Отсюда —то равнодушіе простого человѣка ко всему, что не относится прямо до его быта, и то полное незнаніе всего, что не касается домашняго хозяйства, какое замѣчается въ русской, деревенской женощинѣ. Ее безполезно спрашивать, кто у нихъ исправникъ, становой или волостной писарь, сколько верстъ до ближайшаго села или ближайшаго города. Ничего этого она не знаетъ, да и къ чему ей знать. Хлѣбовъ она отъ этого не научится печь

лучше; щи ея не сдѣлаются вкуснѣе, куръ и яицъ не прибавится и коровы не станутъ давать молока больше. Ребенокъ, выростающій среди такого тѣснаго круга понятій, скоро удовлетворитъ свою потребность знанія, скоро порѣшитъ всѣ вопросы,—и за тѣмъ съ притупленнымъ мозгомъ и нервами, неспособными уже принимать новыхъ впечатлѣній, вступаетъ въ періодъ зрѣлости и, равнодушный ко всему, что не его поле и не его изба, свершаетъ свое земное поприще. Сынъ его, родившійся при условіяхъ той же бѣдности, разучается тоже скоро предлагать вопросы, также тупѣетъ и становится равнодушенъ ко всему и тѣмъ же порядкомъ, какъ и его отецъ, доживаетъ свой вѣкъ. И внукъ, и правнукъ, и проправнукъ, воспитанные въ бѣдности, идутъ тѣмъ же путемъ; такъ что цѣлый рядъ поколѣній стоитъ на мѣстѣ и своимъ размноженіемъ увеличиваетъ массу бѣдныхъ, не развитыхъ и затупленныхъ нуждой людей. Подобная задержка въ развитіи, на перекоръ заявленнымъ человѣкомъ въ молодости способностямъ и пытливости, можетъ продолжаться цѣлыя столѣтія. Чтобы онъ могъ выйдти изъ такого положенія, ему нужно имѣть возможность увеличить свое матеріальное благосостояніе, расширить кругъ своей дѣятельности, войдти въ столкновеніе съ большимъ числомъ предметовъ. Однимъ словомъ, онъ долженъ имѣть возможность разстаться съ бѣдностью. Вотъ почему мнѣніе, что простому народу нужно давать прежде всего воспитаніе и образованіе, ошибочно. Простому человѣку, къ какой бы онъ націи ни принадлежалъ, нужно прежде всего доставить просторъ въ его экономической дѣятельности и средства къ улучшенію его быта. При этомъ новомъ положеніи въ немъ явится и потребность предлагать вопросы и узнать то, чего онъ не знаетъ

Совершенно побобное же ослабленіе дѣятельности мозга можетъ случиться при условіяхъ по видимому весьма благопріятныхъ для его развитія—при матеріальномъ довольствѣ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ не добываетъ средства для своего существованія своимъ личнымъ трудомъ, какъ это вообще бываетъ съ женщиной, или когда человѣкъ, находясь въ зависимомъ положеніи, живетъ на задѣльной платѣ, или на жалованьи. Кругъ дѣятельности такихъ людей бываетъ ограниченъ весьма тѣсными предѣлами. Привычка относиться только къ тому, что непосредственно окружаетъ человѣка, т. е. къ весьма малому числу предметовъ, даетъ всей его дѣятельности и мыслямъ частный, спеціальный характеръ. Человѣкъ

знаетъ очень хорошо близкіе къ нему предметы, но не знаетъ ничего, что дальше ихъ, и не можетъ составить въ своихъ понятіяхъ никакой связи причинъ и послѣдствій совершающихся предъ его глазами явленій. Онъ смотритъ на нихъ также равнодушно и безучзстно, какъ земледѣлецъ на явленія, неимѣющія прямой связи съ его пашней. Но чтобы ослабить до такой степени энергію мозга, недостаточно одного воспитанія, отучающаго человѣка отъ мысли: нужно, чтобы самый мозгъ его обладалъ въ извѣстной степени способностью потерять свою силу. И мозгъ, какъ мускулы и нервы, можетъ бороться съ разрушающими его вліяніями только до извѣстной степени. Правда, что нѣтъ такого желудка, который нельзя бы разстроить, и нѣтъ токого мозга, который нельзя бы довести до отупѣнія; но крѣпкій желудокъ можетъ перенести много, точно также какъ и крѣпкій мозгъ; слабый же скоро теряетъ свою силу. Слѣдовательно очевидно, что качество вещества играетъ здѣсь весьма важную роль, и притупляются легко только слабые мозги.

Желаніе подобнаго, намѣреннаго притупленія способностей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ національностей допустить нельзя. Оно не подкрѣпляется никакими фактами, хотя отдѣльные частные случаи и могли существовать. Если мать разстроиваетъ желудокъ своему ребенку пряниками, то она дѣлаетъ это не потому, чтобъ пожелала ему зла, а потому что любитъ его, но только не знаетъ какъ умнѣе выказать свою любовь. Тоже самое и относителтно цѣлыхъ народовъ. Разбирая существующія учрежденія, находишь въ нихъ постоянное стремленіе защитить слабаго отъ притѣсненій сильнаго, устроить миръ и правду, усилить матеріальное благосостояніе народа. Если иногда результаты не соотвѣтствуютъ стремленіямъ, то это происходитъ единственно отъ ошибочнаго пониманія сущности того, чего хотятъ достигнуть люди, т. е. отъ недостатка знаній. Ошибокъ этого рода бываетъ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше сила мозга, дѣйствующаго въ этомъ направленіи. Сила же его независимо отъ качества мозга зависитъ отъ его массы. Въ Англіи, гдѣ только 45% всей массы мозга дѣйствуетъ въ одномъ направленіи, а 55% стоятъ внѣ этого движенія, уровень общаго довольства долженъ стоять на 55% ниже той высоты, на которой ему слѣдуетъ быть, чтобы довести матеріальное благосостояніе страны до нормальнаго положенія. Въ Германіи, гдѣ 50% мозга уничтожаютъ свою силу, а изъ остальныхъ 50% только четвертая доля можетъ быть принята

активной, и матеріальное довольство стоитъ на соотвѣтствующей высотѣ. Изъ этого расчета можно видѣть, насколько ошибоченъ обыкновенно принятый пріемъ для опредѣленія экономической силы и матеріальнаго благосостоянія какого-нибудь народа. Для опредѣленія того и другого берутъ цифры производительности и торговли какого либо народа, и съ этими цифрами сравниваютъ производительность другихъ народовъ. При такомъ сравненіи, можно сказать безошибочно, какой народъ производитъ больше, какой меньше; но еще нельзя сказать: производитъ ли народъ все то, что бы онъ могъ произвести. Изъ сравненія воды Черной Рѣчки съ водой Екатеринискаго канала можно только сказать, какая изъ нихъ чище; но чтобы узнать, какая изъ нихъ чиста и здорова, нужно знать составъ и всѣ свойства воды годной въ пищу. Поэтому и матеріальное благосостояніе опредѣляется не сравненіемъ промышленной производительности разныхъ народовъ, а числомъ единицъ мозга, дѣятельность котораго направлена на устройство матеріальнаго довольства страны. Поэтому же, когда вмѣсто 45% общей массы мозга будутъ дѣйствовать въ Англіи въ этомъ направленіи 55%, станетъ ясно, что довольство страны возвышается и довольство это будетъ становиться тѣмъ выше и выше, чѣмъ больше станетъ увеличиваться процентное отношеніе мозга дѣйствующаго къ мозгу недѣйствующему. Когда такимъ образомъ весь недѣйствующій мозгъ превратится въ дѣйствующій, страна достигнетъ того довольства, какого она въ состояніи достигнуть по качеству своего мозга. При этомъ можетъ случиться, что народъ не одолѣетъ всѣхъ преградъ, не узнаетъ всего, что бы ему нужно знать; въ такомъ случаѣ будетъ очевидно, что мозгъ народа недостаточно силенъ и что для этого народа дальнѣйшій прогрессъ невозможенъ. Подобный фактъ, случавшійся уже нѣсколько разъ въ исторіи народовъ, остановившихся на пути своего развитія и изчезнувшихъ, повторится наконецъ и съ Англіей. Разница будетъ только въ томъ, что народы, изчезнувшіе съ лица земли, не дистигнувъ полнаго развитія, или остановившіеся въ своемъ развитіи, пришли къ такому состоянію только потому, что не обнаружили никакихъ общихъ усилій достигнуть благоденствія, что громаднѣйшая относительно масса мозга не имѣла никакой возможности проявить и развить свою дѣятельность; относительно же Англіи останется убѣжденіе, что каждый отдѣльный ея мозгъ употребилъ всѣ свои силы, чтобы устроить бытъ страны; и если это не удалось, то не отъ не-

достака совокупныхъ усилій, потому что всѣ работали, а отъ недостатка силы.

Тѣ же причины, отъ которыхъ зависитъ успѣшность развитія какой-нибудь отдѣльной національности, обусловливаютъ силу прогресса всего человѣчества. Отдѣльная страна идетъ тѣмъ скорѣе впередъ, чѣмъ развитѣе въ ней мозгъ каждаго отдѣльнаго человѣка и чѣмъ онъ дѣятельнѣе участвуетъ въ общемъ стремленіи къ достиженію матеріальнаго благосостоянія. Тоже самое и съ совокупностью національностей. Изъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ міра ни одинъ не дѣйствуетъ особнякомъ; и если бы подобный порядокъ могъ явиться когда-нибудь, то каждая національность создала бы свой Китай и прогрессъ прекратился. Система изолированнаго дѣйствія существуетъ теперь, въ большей или меньшей степени, въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, преимущественно въ дѣлахъ экономическаго порядка. Но она существуетъ потому, что законы экономическихъ отношеній не для всѣхъ еще доступны и она перестанетъ существовать, когда большинство будетъ имѣть больше свѣденій. Потому что каждая національность находится въ своемъ особенномъ уровнѣ матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія; общія усилія человѣчества на пути прогресса не только не отличаются совокупностью стремленій, а напротивъ еще являются задержки общему прогрессу. И здѣсь свершается то же, что въ Германіи, гдѣ половина мозга по той же причинѣ оказывается инертивной и только четверть мозга остальной половины обнаруживаетъ прогрессивное движеніе. Не смотря однако на это, движеніе не прекращается, и національности, отличающіяся большими интеллектуальными силами, идутъ довольно быстро впередъ; а все то, что послѣдуетъ за ними, тѣмъ же шагомъ отстаетъ все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ англы, явившіеся въ Британію въ половинѣ VI вѣка, находились въ то время вѣроятно на той же степени умственнаго развитія, какъ и монголы; но монголъ сохранился тѣмъ же монголомъ и до нашихъ дней, между тѣмъ какъ англичанинъ сталъ первымъ человѣкомъ цивилизованнаго міра. Можно привести еще примѣръ менѣе рѣзкій. Австрія въ концѣ прошедшаго столѣтія, до изобрѣтенія машинъ, была почти въ ровень съ Англіей, и въ 80 лѣтъ отстала отъ нея въ пять разъ. Ни въ чемъ такъ не легко отставать народамъ другъ отъ друга, какъ въ развитіи мозга. Если сила каждаго мозга какого-нибудь народа въ 25 лѣтъ увеличится на

единицу, то при 37-ми-милльонномъ населеніи, какъ въ Австріи, это дастъ 37 м. единицъ; а въ 75 лѣтъ 111 м. единицъ, Но если народъ въ это время стоитъ на мѣстѣ, или подвигается впередъ несоразмѣрно съ силой всего своего мозга, то ему нетрудно отстать на 111 м. единицъ. Отсталость или движеніе впередъ тѣмъ легче и тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ каждый отдѣльный мозгъ имѣетъ больше способовъ къ своему развитію, или лишенъ ихъ. И какъ при милльонныхъ населеніяхъ странъ число приростающихъ единицъ развитія въ короткое время можетъ достигнуть огромнаго размѣра, то понятно, почему иногда страна, въ какія-нибудь десять,—двадцать лѣтъ, дѣлаетъ или громадный шагъ впередъ, или отстаетъ громадно отъ другихъ. Въ этомъ причина, почему между западной Европой 1863 г. и Европой 1763 года нѣтъ рѣшительно никакого сходства и почему Европа въ послѣдніе сто лѣтъ ушла дальше, чѣмъ прежде въ 900 лѣтъ. Этотъ прогрессъ былъ бы еще больше, если бы усилія всѣхъ національностей отличались одинаковой энергіей. Но какъ это невозможно, потому что нынѣшнее различіе разныхъ народовъ основывается именно на несходствѣ ихъ интеллектуальныхъ силъ, то слѣдствіемъ его является тотъ порядокъ, по которому усилія болѣе прогрессивныхъ націй не достигаютъ тѣхъ результатовъ, какихъ бы можно было ожидать отъ нихъ.

Не смотря на отсталость нѣкоторыхъ болѣе слабыхъ національностей, они будутъ идти впередъ, насколько позволятъ имъ ихъ способности; но настоящими двигателями прогресса останутся пока передовыя національности. Они только прокладываютъ путь; остальныя же, усвоивая чужія мысли, содѣйствуютъ исключительно ихъ дальнѣйшему развитію и разнообразію приложенія. Этимъ «свойствомъ усвоенія мыслей» піонеровъ цивилизаціи отличается особенно нѣмецкая національность, которая, при всемъ ея развитіи, не прорубаетъ въ переднихъ рядахъ дорогу прогрессу. Особенное качество нѣмцевъ въ этомъ случаѣ—въ томъ, что они немедленно, почти безъ всякаго промежутка, пользуются всякой новой мыслью, обѣщающей пользу, и только въ этомъ причина, почему они примыкаютъ такъ плотно къ передовымъ цивилизующимъ народамъ. Но чѣмъ больше промежутокъ усвоенія, и чѣмъ меньшая масса мозга какого-нибудь народа усвоиваетъ новое знаніе, тѣмъ онъ слабѣе и тѣмъ онъ дальше отъ высшаго уровня знаній своего времени.

Изъ того, что мозговое и нервное вещество каждаго народа постоянно

утопяется въ своей впечатлительности, есть по видимому возможность опредѣлить, во сколько времени болѣе слабая національность достигнетъ высшаго уровня своего развитія,—не того однако уровня, къ которому подойдетъ опять передовая національность, а только—высшей точки знаній, существующей въ извѣстное время въ ней самой. Основаніемъ расчета можетъ служить прогрессія, размѣръ показателя которой зависитъ отъ противодѣйствія развитію знаній. Противодѣйствіе это зависитъ исключительно отъ размѣра отсталости знаній большинства и отъ его количественнаго отношенія къ числу передовыхъ интеллектуальныхъ силъ народа. Такимъ образомъ, если изъ тысячи человѣкъ только десять будутъ поставлены въ уровень современныхъ знаній, т. е. 1 $^{0}/_{0}$ и населеніе увеличивается ежегодно тоже на 1 $^{0}/_{0}$, то размѣръ поступательной силы прогрессіи опредѣлится показателемъ 1,—или 98, 9 $^{0}/_{0}$ населенія будутъ на вѣчныя времена находиться на самомъ низкомъ уровнѣ знанія; при отношеніи 100 къ 1000, или десяти процентовъ, явится уже показателемъ 11, величина въ десять разъ большая, и прогрессія пріобрѣтаетъ такую силу быстроты, что въ 50 лѣтъ вся тысяча становится на одинъ уровень. Тогда противодѣйствіе прекращается, потому что вся тысяча понимаетъ одинаково основныя условія, отъ которыхъ зависитъ ея благоденствіе, и за тѣмъ совскупными усиліями старается достигнуть того предѣла знаній и развитія, на которомъ стоитъ нація передовая. Какъ близко подойдетъ она къ ней или насколько она ее обгонитъ,—будетъ зависѣть отъ умственныхъ силъ народа и его энергіи.

ОТЖИВАЮЩІЯ СЛОВА.

Исторія не говоритъ ничего, сколько у перваго человѣка было словъ; но разумѣется ихъ было мало, потому что у него было мало понятій. Съ расширеніемъ понятій стали являться новыя слова, а по мѣрѣ знанія или придумывались новыя слова, или прежнія получали иной смыслъ. Съ вновь придуманными словами случалось тоже самое, — они съ теченіемъ времени служили для обозначенія уже не тѣхъ понятій, для которыхъ были придуманы. Такъ, словомъ «земля» опредѣлялось первоначально понятіе о плоскомъ кружкѣ, который, какъ пробка, плаваетъ на водѣ; за этой водой стоятъ столбы, а на нихъ, въ видѣ свода или крышки, лежитъ небо. Теперь слово «земля» существуетъ по прежнему и если есть люди, имѣющіе о ней подобное ошибочное представленіе, за то есть и такіе, которымъ хорошо извѣстно, что земля не плаваетъ въ океанѣ, подобно деревянному кружку въ кадкѣ съ водой. Съ словомъ «небо» случилось подобное же измѣненіе. Небо для знающихъ людей уже не голубой, твердый куполъ, а только воздухъ, атмосфера земли. Въ томъ, что съ перемѣной смысла не мѣнялось самое слово, лежитъ одна изъ причинъ медленнаго распространенія между людьми познаній. Если бы съ новымъ понятіемъ о небѣ и землѣ явились для обозначенія ихъ и другія слова, то очевидно, что люди разныхъ понятій скоро перестали бы понимать другъ друга; тогда по необходимости пришлось бы имъ объясняться, и не знающій узналъ бы свою ошибку. Этого однако не случилось, и нынче, употребляя одни и тѣже слова, люди говорятъ не рѣдко о разномъ и не замѣчаютъ

даже, что они не понимаютъ другъ друга. Особеннымъ постоянствомъ въ сохраненіи смысла отличались только слова, относящіяся непосредственно къ домашнему быту. Словами столъ, стулъ, кровать, стаканъ, обозначаются и нынче тѣ же предметы, которыми обозначали ихъ двѣсти, триста лѣтъ назадъ. Предметы эти, хотя и измѣнялись въ своихъ частностяхъ и достигли весьма большаго разнообразія въ формахъ и украшеніяхъ; но стулъ и бѣдняка и богача служитъ для одной цѣли, и имѣетъ однѣ и тѣ же главныя основныя части. Причина одинаковости пониманія этихъ словъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы смыслъ ихъ былъ легко доступенъ всякому уму; а исключительно въ повсемѣстномъ распространеніи этихъ предметовъ, сдѣлавшихся существенной необходимостью каждаго человѣка, ставшаго выше простого кочевого быта. Дикарю столъ, стулъ и кровать покажутся предметами весьма странными и даже, понявъ хорошо ихъ назначеніе, онъ не легко освоится съ ихъ употребленіемъ; а между тѣмъ тотъ же дикарь, воспитавшись съ молоду среди народа высшей цивилизаціи, безъ труда привыкаетъ спать на кровати и сидѣть на стулѣ. Совершенно такое же отношеніе существуетъ у людей къ понятіямъ имъ неизвѣстнымъ, или мало распространеннымъ. Понять новый смыслъ стараго слова вовсе не труднѣе, чѣмъ составить себѣ понятіе о стулѣ, столѣ, часахъ. Для этого нужно только одно — способность организма почувствовать удобство и понять выгоду. Но какъ есть дикари, которые во всю жизнь свою не могутъ привыкнуть къ употребленію стола, стула, ножей, вилки, находя болѣе удобнымъ сидѣть на землѣ, сложивъ ноги калачемъ, и брать пищу всѣми пятью пальцами, такъ точно есть люди, которымъ настолько же трудно усвоить новый смыслъ, приданный старому слову. Между тѣмъ тотъ же самый смыслъ дается безъ всякаго труда человѣку, познакомившемуся съ нимъ съ молоду; такъ, каждый десятилѣтній ученикъ знаетъ нынче, что земля имѣетъ круглый видъ и что она обращается вокругъ солнца, точно будто бы онъ самъ совершилъ путешествіе съ Магелланомъ, занимался вычисленіемъ долготъ и широтъ и наблюденіемъ надъ неподвижными звѣздами.

Неудобство, происходящее отъ разнаго пониманія однихъ и тѣхъ же словъ, постоянно огорчало ученыхъ. Незнакомство большинства съ новыми понятіями мѣшало общедоступности многихъ сочиненій, пораждало недоразумѣнія, безполезные споры. Особенная сбивчивость

и смутность понятій существуетъ въ словахъ и терминахъ экономической науки и въ выраженіяхъ, относящихся къ понятіямъ нравственнаго порядка. Причина въ томъ, что слова, относящіяся сюда, укоренялись въ массахъ народа еще въ томъ смыслѣ, какой придавался имъ въ самомъ началѣ цивилизаціи новой Европы. Понятіе и выражающее его слово, обращаясь въ народѣ гораздо болѣе тысячи лѣтъ, становилось для него также привычно и получало такое же распространеніе, какъ мебель и посуда въ домашнемъ быту. Послѣ подобной привычки переходъ къ усвоенію новаго понятія для однихъ былъ также труденъ, какъ для взрослаго дикаря—привыкнуть къ столу и вилкѣ; а для другихъ былъ совершенно невозможенъ, потому что новое понятіе до нихъ не достигало. Отъ этого, когда разсуждали съ человѣкомъ о капиталѣ и сбереженіи, онъ думалъ, что съ нимъ говорятъ о сундукѣ, набитомъ деньгами, потому что только въ этой формѣ онъ усвоилъ себѣ понятіе о капиталѣ; а когда съ нимъ говорили о матеріалистѣ, то онъ представлялъ себѣ человѣка, который вѣчно ѣстъ и думаетъ только объ ѣдѣ. Часто отъ непониманья истиннаго смысла слова, многіе люди съ самодовольствомъ приписывали себѣ весьма непохвальныя качества. Все это происходило только отъ незнакомства съ значеніями словъ, какія имъ приданы въ послѣднія восемьдесятъ лѣтъ, когда усилившееся развитіе знаній научило понимать многія явленія въ природѣ и въ жизни нѣсколько иначе, чѣмъ понимали ихъ до того времени. При малой способности людей придумывать для каждаго новаго понятія новое слово и явившейся оттого необходимости изворачиваться старыми, ученые стали называть свои термины и техническія слова «выраженіями научными.» Этимъ они хотятъ показать, что придаютъ слову послѣднее понятіе, созданное новѣйшимъ знаніемъ, и въ противоположности тому, слова, употребляемыя неправильно и какъ выраженіе отсталыхъ понятій, называютъ «разговорными или общеупотребительными.» Истинный смыслъ этихъ выраженій, хоть и замаскированный, весьма ясенъ: напримѣръ, фраза — «вы употребили разговорное выраженіе» — значитъ въ сущности — «вы худо понимаете, что вы говорите.» И дѣйствительно, если человѣкъ на просьбу оказать третьему лицу свою помощь отвѣчаетъ «вы знаете, я эгоистъ,»—онъ говоритъ этимъ «вы знаете, что во мнѣ нѣтъ способности понять положеніе этого человѣка». Но едва ли человѣкъ думалъ отозваться о себѣ такимъ образомъ; слѣдовательно очевидно,

что онъ понималъ смыслъ употребленнаго имъ слова совсѣмъ иначе.

Если люди не знаютъ, что значитъ парадоксъ, операція, меридіанъ; даже если они не знаютъ, что значитъ перпендикуляръ или треугольникъ,—въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды; но если человѣкъ не понимаетъ, что значитъ эгоизмъ, вредъ, польза, милосердіе, если онъ употребляетъ безъ разбора эти слова, какъ украшеніе своей рѣчи, онъ показываетъ этимъ, что не доросъ до правильнаго пониманья гражданскихъ отношеній и подобенъ дикарю, непривыкшему къ постели и стулу. Подобное непониманіе есть признакъ того возраста человѣка, когда для него нѣтъ другого руководителя въ жизни, кромѣ сердечности. Въ постепенномъ ходѣ развитія этотъ возрастъ называется дѣтствомъ; онъ независимъ отъ числа лѣтъ. Дитя, расправившее свои мускулы настолько, что уже начинаетъ бѣгать и лазить, вмѣстѣ съ тѣмъ и начинаетъ періодъ своей исключительно сердечной жизни. Его маленькій мозгъ работаетъ только въ одномъ своемъ углу, который зовется сердцемъ; части мозга, создающія разсудочность, дѣйствуютъ у ребенка слабо. Этотъ періодъ въ отдѣльномъ человѣкѣ можетъ продолжаться до глубокой старости, но онъ же можетъ обнимать собой и жизнь цѣлаго народа. Когда былъ открытъ Отаити, мореплаватели пришли въ восторгъ отъ счастливаго населенія острова. Очачаровательный климатъ, сильная растительность, доставлявшая человѣку все ему необходимое, почти безъ всякихъ съ его стороны усилій, и счастливое населеніе, проводившее все время въ любви, играхъ и удовольствіяхъ, поставили европейцевъ въ полное недоумѣніе. Явились даже мечтатели, вообразившіе, что открытъ земной рай, съ тѣмъ первобытно счастливымъ человѣкомъ, о которомъ такъ любили разсуждать въ концѣ прошедшаго столѣтія. Очарованіе продолжалось однако не долго. Скоро узнали, что кажущееся счастье происходитъ отъ легкомыслія, что въ народѣ живетъ развратъ, что рядомъ съ сердечной мягкостью есть поразительная грубость чувства, что внукъ совершенно спокойно убиваетъ своего немощнаго дѣда, отецъ—своего новорожденнаго сына. Все это разумѣется находило оправданіе въ религіозныхъ представленіяхъ народа, въ его міросозерцаніи; но все это еще не было райскимъ счастьемъ и идеаломъ гражданскаго благополучія. Пришлось остановиться на убѣжденіи, что народъ этотъ находится въ періодѣ дѣтства, что для него еще не наступила пора разсудочной жизни,

что онъ въ дикомъ состояніи. Этотъ сердечный періодъ, какъ и бѣдность матеріальная, можетъ преслѣдовать человѣка всю его жизнь; онъ можетъ продолжаться и у цѣлаго народа сотни лѣтъ. Условное понятіе о времени здѣсь также не примѣнимо, какъ нельзя сказать, сколькихъ лѣтъ дитя достигнетъ полнаго развитія своихъ умственныхъ силъ. Математикъ Керо пятнадцати лѣтъ былъ уже членомъ парижской академіи.

Ошибочность мысли, что непосредственнымъ творчествомъ, вслѣдствіе одного обаянія природы, человѣкъ дойдетъ до истины, доказана давно. Древніе Греки могли думать такимъ образомъ, не считая этого заблужденіемъ, потому же, почему они не понимали и вреда рабства. Эсхилъ и Шекспиръ поражаютъ громадой своей силы; но причиной ея не обаяніе природы, а обширность ума. Они видѣли и понимали то, чего другіе по слабости ума понимать не могли. Непосредственное отношеніе къ природѣ существуетъ дѣйствительно; но пониманье ея и отношеній между людьми дается не творчествомъ, возбуждаемымъ обаяніемъ природы, а научными надъ ней наблюденіями. Эта способность наблюденія и оцѣнки явленій, фактовъ, групировки ихъ и составленія общаго понятія и вывода является въ человѣкѣ крѣпкаго ума и въ тотъ періодъ его жизни, когда исключительная сердечность уступила свое мѣсто размышленію. Эсхилъ и Шекспиръ могли создавать свои великія произведенія, потому что они были геніи; а геній не значитъ сильно развитая чувствительность: это умъ обширнаго размѣра. Ни одинъ изъ этихъ людей не открылъ секрета своихъ пріемовъ наблюденій жизни, но открытіе и не повело бы ни къ чему. Очевидно только то, что они наблюдали и имѣли способность видѣть тамъ, гдѣ другіе ничего не видали. Этой способностью наблюдать и понимать смыслъ наблюдаемаго опредѣлялась зрѣлость и сила ума людей. Проявляясь въ высшей степени въ геніѣ, она спускается постепенно, и кончается совершеннымъ перевѣсомъ чувства надъ разсудкомъ, занимаемомъ въ ребенкѣ.

Для людей съ сильно развитыми сердечными наклонностями разсудочность имѣла всегда что-то холодящее, отталкивающее. Ихъ плѣняла жизнь среди разныхъ фантастическихъ образовъ и представленій, создаваемыхъ ихъ воображеніемъ. Они находили въ этомъ теплую, услаждающую атмосферу, въ которой человѣкъ жилъ подобно улиткѣ въ своей раковинѣ, или подобно тому нѣмецкому студенту, который создалъ себѣ жизнь во снѣ; добился, что сны его имѣли

непрерывную связь; полюбилъ во снѣ, наслаждался, и когда предметъ его страсти умеръ, онъ не перенесъ этого горя, созданнаго фантазіей, и умеръ самъ въ дѣйствительности. Людямъ съ такими наклонностями настоящая жизнь должна казаться мало привлекательной; но гдѣ же взять жизнь другую, кромѣ той, какая есть? Ихъ огорчаетъ, что люди злы, что они вредятъ другъ другу, что кругомъ эгоизмъ, что нѣтъ дружбы и любви, т. е. всего того, что способно создать человѣку довольство и покой. Но развѣ то же самое не огорчаетъ и всѣхъ? Развѣ и Шекспиръ и всѣ люди высокаго ума не замѣчали тѣхъ же недостатковъ? Развѣ устраненіе всего мѣшающаго довольству и наслажденію не составляетъ сущность прогресса? Нѣмецкій студентъ разумѣется весьма искусно разрѣшилъ свою задачу. Но что бы случилось съ человѣкомъ, если бы всѣ люди вздумали устроиваться такимъ образомъ? И люди поняли, что имъ спать нельзя, что воображеніе рисуетъ ошибочные образы, что оно закрываетъ правду,—и прогрессъ основался на мѣрахъ дѣйствительнаго улучшенія быта, дѣйствительнаго улучшенія отношеній между людьми, которое можетъ быть достигнуто только устраненіемъ всякой лжи и всякаго вреда, который люди дѣлаютъ другъ другу.

Ложь всякихъ видовъ, эгоизмъ, враждебность не составляютъ свойствъ разсудочной части ума; они создаются его сердечной стороной; они—качество такъ называемаго сердца. Вотъ почему въ людяхъ, находящихся въ первомъ періодѣ своего развитія, когда въ своихъ дѣйствіяхъ они руководствуются исключительно сердечными влеченіями, должно быть всегда больше вреднаго въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ, чѣмъ когда они достигнутъ періода разсудка. Непосредственное чувство, какъ и моральные принципы не обуздываютъ вредныхъ порывовъ; они безсильны противъ нихъ. Злой ребенокъ, предоставленный себѣ, остается злымъ; онъ съ наслажденіемъ мучитъ маленькихъ животныхъ и радуется, сдѣлавъ кому нибудь непріятность. Управляемый вѣчно сердцемъ, онъ не пойметъ никогда, что есть дурнаго въ его поступкахъ. Если вмѣсто этого возмемъ человѣка добраго, то и онъ, руководствуясь однимъ общимъ правиломъ, что слѣдуетъ дѣлать всѣмъ добро, будетъ ходить весь свой вѣкъ ощупью. И что значитъ добро? Что значитъ зло? Сердцемъ онъ не разрѣшитъ этихъ вопросовъ. По сердечному влеченію, онъ дастъ нищему копѣечку; по сердечному влеченію, безтолковая мать обкормитъ въ порывѣ нѣжности своего ребенка, и въ минуту досады сдѣлаетъ его ка-

лекой. Оттого, что сердце руководитъ людьми въ первый періодъ ихъ развитія и что этотъ періодъ обнималъ человѣчество въ теченіе многихъ вѣковъ, люди создали сожалѣніе, сострадание, милосердіе, т. е. разные виды отношеній, приносившихъ человѣчеству исключительно вредъ. И люди называли это добромъ. Отношенія стали лучше, когда явилась у людей способность понимать ихъ, и только съ этихъ поръ началась истинная нравственная культура человѣка. Только разсудочность показала, что многое, что считалось добромъ, есть зло, и многое, что считалось зломъ, есть добро.

Если собрать всѣ слова, выражающія нравственныя понятія, то окажется, по видимому, весьма труднымъ найти въ нихъ внутреннюю связь. Уваженіе, личное достоинство, эгоизмъ, самолюбіе, неблагодарность, неблагоразуміе, умъ, глупость, добро зло, добродѣтель, вѣжливость, великодушіе, несчастный, жалкій, состраданіе, милосердіе,—всѣ эти слова вяжутся съ большимъ трудомъ. Они, какъ шестьдесятъ химическихъ элементовъ, стоятъ отдѣльными особняками, точно каждое изъ нихъ создалось особымъ нервомъ человѣческаго организма и особымъ узелкомъ мозга. Но химики давно уже предполагали, что природѣ не зачѣмъ было употреблять такое большое число началъ и что все существующее создалось гораздо проще, чѣмъ сложными камбинаціями множества элементовъ; что все зависѣло отъ разнообразія сочетаній немногихъ веществъ. Подобная же мысль будетъ вполнѣ справедлива и въ примѣненіи къ нравственнымъ понятіямъ. Въ ихъ кажущемся разнообразіи выражалось только наслоеніе словъ, передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе, однимъ народомъ другому, со времени еще греческой и римской цивилизаціи, возникавшихъ изъ одного основнаго понятія. Какъ до сихъ поръ во всѣхъ странахъ цивилизованной Европы приписывается мѣсяцу особенное вліяніе на растительность, животныхъ и человѣка; какъ до сихъ поръ вѣрятъ, что дерево, срубленное въ полнолуніе, портится скорѣе дерева, срубленнаго въ новолуніе; что въ новолуніе гніетъ скорѣе всякая живность; что луна вымораживаетъ огородныя овощи; что горохъ нужно сѣять въ новолуніе, а бобы въ полнолуніе,—такъ точно живутъ еще въ общежитіи и нравственныя понятія древняго міра. Гораздо больше двухъ тысячъ лѣтъ люди вѣрятъ въ таинственную силу мѣсяца; серьезные умы Греціи, какъ Плиній, были твердо убѣждены, что бобы слѣдуетъ сѣять въ полнолуніе, и если нынче этого убѣжденія не раздѣляютъ люди, знакомые съ физикой,

то для незнакомыхъ убѣжденія Плинія остаются такими же истинами, какими они были и для его современниковъ. Точно такой же живучестью отличаются и понятія, касающіяся общественной и частной нравственности. Но въ древнемъ мірѣ они создались политическимъ и экономическимъ его устройствомъ; въ древнемъ мірѣ жило рабство, были патроны и кліенты, а дѣйствительно свободныхъ людей не существовало даже между гражданами; если извѣстнаго рода понятія существовали въ обществѣ при такихъ условіяхъ, необходимость ихъ существованія очевидна: но если они продолжаютъ существовать въ гражданскихъ обществахъ, раздѣленныхъ отъ древняго міра цѣлыми вѣками, то нужно предположить, или—что новое общество устроено по старымъ началамъ, или—что для старыхъ понятій не кончилось ихъ время.

Такая постановка вопроса однако нѣсколько рѣшительна. Нужно припомнить, что съ возрожденіемъ наукъ Европа не знала другой мудрости и науки, какъ ту, которую оставили греки и римляне. Заблужденія, распространявшіяся этимъ путемъ, были такъ велики, имъ учили во всѣхъ школахъ все подрастающее столько вѣковъ, что не только въ прошедшемъ столѣтіи, когда естествознаніе получило особенное развитіе, но даже и нынче приходится бороться съ воображаемыми истинами мудрецовъ и ученыхъ прежняго времени. При такомъ систематическомъ воспитаніи людей въ ошибочныхъ понятіяхъ и при перевѣсѣ стремленія къ моральному развитію въ ущербъ развитія разсудочнаго, должна была создаться та смутность понятій, которая такъ мѣшаетъ распространенію истинъ, созданныхъ новыми знаніями. Въ этомъ—начало борьбы стараго и новаго, которой такъ отличается цивилизованная Европа въ послѣднее столѣтіе.

Сердечные люди стоятъ крѣпко за преданья своей старины и, не имѣя другого оружія противъ противной партіи, укоряютъ ее въ безнравственности. Но поставить вопросъ такимъ образомъ—значитъ къ старымъ трудностямъ прибавить новыя. Это—повтореніе спора о добрѣ и злѣ, къ которому присоединили еще новый споръ о нравственности и безнравственности. Какъ въ математикѣ невозможны вычисленія съ разнородными величинами, такъ и въ разрѣшеніи настоящаго вопроса споръ не подвинется до тѣхъ поръ впередъ, пока бойцы не будутъ сражаться на одной и той же почвѣ. Въ метафизическихъ предѣлахъ не существуетъ точекъ опоры; въ этой обширной

области фантазіи каждый умъ создаетъ то, что ему пріятнѣе; можно найти тамъ разныя вѣроятія и правдоподобныя объясненія, но отъ нихъ еще далеко до положительнаго знанія. Отъ этого изученіе природы шло прежде такъ медленно и было полно баснословныхъ разсказовъ и преданій, и сдѣлало быстрые успѣхи съ половины прошедшаго столѣтія, когда наблюденіе и опытъ смѣнили праздную работу умозрѣній. Чтобы убѣждать въ чемъ нибудь, необходимы доказательства; но гдѣ ихъ взять въ области метафизики? Чтобы найти разрѣшеніе задачи, надо пользоваться математическимъ методомъ, т. е. помощью извѣстнаго опредѣлять неизвѣстное и рядомъ послѣдовательныхъ переходовъ, отъ вновь опредѣленныхъ извѣстныхъ къ новымъ неизвѣстнымъ, добраться до конечнаго вывода. Такая работа невозможна только при совершенномъ отсутствіи всякихъ знаній,—значитъ у какихъ нибудь караибовъ или готтентотовъ, но не въ Европѣ. Тѣмъ, что уже извѣстно вполнѣ объ организмѣ человѣка и о законахъ, управляющихъ его экономической дѣятельностью, дана людямъ полная возможность раздѣлаться съ ошибочными понятіями стараго міросозерцанія и идти въ жизни путемъ болѣе мирнымъ и пріятнымъ. Разумѣется, что понятіе о добрѣ и злѣ, о нравственности и безнравственности могутъ при этомъ нѣсколько измѣниться; но развѣ они не мѣнялись и раньше? Есть люди до того сердечные и склонные ко всякаго рода привязанностямъ, что они съ великимъ трудомъ и послѣ сильныхъ убѣжденій со стороны своихъ домашнихъ, разстаются съ своими совсѣмъ избитыми туфлями, не смотря на то, что новыя много лучше. Для такихъ людей отрѣшиться отъ стараго понятія, при всей очевидной для нихъ справедливости понятія новаго, такъ же страшно, какъ отправиться во внутрь Африки, или на югъ Америки, гдѣ можетъ быть придется столкнуться съ какими нибудь дикими, воинственными племенами, или еще хуже, съ людоѣдами. Заманчива Америка; ну, а если съѣдятъ? Групируя слова по отношенію ихъ къ сердечности и къ разсудочности, т. е. на основаніи древнихъ представленій и новыхъ знаній, является возможность найти въ этихъ двухъ группахъ связь и зависимость понятій одного отъ другаго. Слова и понятія перестаютъ казаться какими-то отдѣльными химическими началами, въ нихъ начинаешь уже видѣть исторію нравственнаго развитія человѣчества. Какъ въ напластованіи слоевъ земли видна постепенность періодовъ развитія материка и даже въ обломкахъ камней, сваленныхъ въ кучу, геологъ укажетъ,

какіе изъ нихъ принадлежатъ къ какому періоду, такъ и въ словахъ, собранныхъ безъ порядка, есть возможность открыть ту постепенность понятій, которыми человѣкъ шолъ отъ сложнаго и туманнаго къ ясному и простому.

Первоначальныя отношенія людей заключались въ томъ, что сильный бралъ слабаго или побѣдитель побѣжденнаго и дѣлалъ его своимъ рабомъ. Это значитъ, что побѣдитель хотѣлъ сидѣть сложа руки, а рабъ долженъ былъ снабжать его всѣмъ необходимымъ. Такая форма отношеній, видоизмѣняясь отъ разныхъ историческихъ причинъ, потеряла свою дикую суровость, но не вымерла еще окончательно. Въ настоящее время у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ домашняя прислуга напоминаетъ во многомъ эти смягченныя временемъ отношенія. Сходство не въ томъ, что она моетъ тарелки, полы, подаетъ кушанье; а въ той нравственной подчиненности, при которой все личное прислуги не должно существовать въ присутствіи ея господъ. Для обоюдныхъ отношеній не существуетъ ни писанныхъ условій, ни писанныхъ законовъ; все опредѣляется личными качествами той и другой стороны, т. е. съ одной—способностью понравиться и угодить, съ другой—способностью оцѣнить услугу и наградить. Между этими двумя крайними періодами зависимыхъ отношеній тянулся къ Европѣ цѣлый рядъ вѣковъ, когда древній рабъ, измѣнившись въ крѣпостного, служилъ основой всего общественнаго быта и всѣхъ гражданскихъ учрежденій. Время это кончилось вполнѣ для Европы только очень недавно. Положеніе крѣпостныхъ было всегда лучше положенія прислуги. Если крѣпостной иногда и работалъ слишкомъ много на своего господина; если онъ падалъ иногда до весьма глубокой бѣдности,—онъ былъ все таки свободнѣе и самостоятельнѣе. Его обязанностью было исполнить извѣстный урокъ или условіе договора; но онъ не находился постоянно на глазахъ своего барина; ему не было необходимости ломать свою нравственную природу, чтобы приноравливаться вѣчно къ неровному характеру или капризамъ своего господина, не имѣя никакого права заявить, когда бы то ни было, свою личную самостоятельность. Его самостоятельность должна была ступшовываться совершенно, и человѣкъ становился только орудіемъ произвола, капризовъ и прихотей своего господина. Но, при большей относительно свободѣ, положеніе крѣпостного было все таки печально, и зависимость его велика. И онъ могъ понравиться или не понравиться; и онъ изъ боязни злого господина,

который могъ лишить его послѣдняго, долженъ былъ искать спасенья въ угожденіи ему и въ той формѣ уничиженія, какая могла обѣщать ему большій успѣхъ, или же расчитывать на возбужденіе сострадапія и милосердія. Возбуждая жалость, человѣкъ становился такъ ничтоженъ и безсиленъ въ глазахъ своего господина, что въ томъ уже являлось великодушіе и онъ считалъ постыднымъ и недостойнымъ своего званія наказывать несчастнаго, раскаявшагося въ своей винѣ. Это прощеніе обязывало прощеннаго чувствомъ благодарности къ своему великодушному господину. Случалось ли господину быть въ бѣдѣ или въ опасномъ положеніи, тотъ же крѣпостной проявлялъ чувство самопожертвованія и, рискуя собственной жизнью, спасалъ своего повелителя. Даже въ Америкѣ, гдѣ между черными невольниками и ихъ бѣлыми господами, невозможно бы предполагать никакой нравственной связи, негры высказывали нерѣдко замѣчательную готовность жертвовать собой для господина, отъ котораго они не видѣли никогда другой благодарности, кромѣ плети. Такая практическая школа жизни, построенная на нѣсколько измѣненной теоріи древняго міра, воспитывала милльоны людей, въ теченіе многихъ вѣковъ, въ отношеніяхъ той зависимости, гдѣ все опредѣлялось личнымъ чувствомъ, гдѣ все зависѣло отъ любви или ненависти, отъ способности понравиться или не понравиться. Судьба не однихъ крѣпостныхъ была подчинена этому закону исключительно сердечныхъ отношеній: ему былъ подчиненъ всякій, потому что рядомъ со всякой силой стояла другая большая. Въ этотъ періодъ личной подчиненности слабаго сильному, человѣчество развивалось, какъ тропическій лѣсъ, гдѣ палканы, пизанги, драконники, анакардіи, исполинскія смоковницы, вьющіяся банистеріи, паулиніи, бинваніи — все тянется и ширится само по себѣ, старается забраться къ свѣту и чему не удастся осилить другихъ, то или гибнетъ отъ недостатка солнца или пропадаетъ заглушенное своими сосѣдями.

При несвободныхъ отношеніяхъ людей, руководящей нитью поступковъ могъ служить только моральный принципъ. Любовью и добротой людей оцѣнялись ихъ дѣйствія, и кто умѣлъ любить и не дѣлать зла ближнимъ—считался добродѣтельнымъ. Въ противоположность этому являлся злымъ, эгоистомъ и своекорыстнымъ—тотъ, кто, какъ вьющееся тропическое растеніе, глушилъ своихъ сосѣдей, или подобно чужеядному лишаю, тянулъ всѣ силы и подтачивалъ

жизнь тѣхъ, кто былъ въ его власти. Русская жизнь, богатая, какъ кажется, тоже фактами разнообразныхъ отношеній подобнаго рода, не выработала однако достаточно словъ для обозначенія всѣхъ тонкостей многоразличныхъ сердечныхъ ощущеній. Человѣкъ, возбуждавшій сочувствіе, могъ быть только или очень могучъ или несчастенъ. И то и другое слово могутъ имѣть весьма жалкій смыслъ; но для опредѣленія промежуточныхъ степеней и перехода отъ несчастнаго положенія къ положенію противоположному, не существуетъ выраженій. Наконецъ, самая жалость можетъ возбуждаться или глубокимъ нравственнымъ паденіемъ человѣка, или его физическими страданіями и матеріальными лишеніями. Для опредѣленія размѣра участія тоже не достаетъ словъ; мы только чувствуемъ соболѣзнованіе, или состраданіе; мы помогаемъ, или даемъ милостыню. Для обозначенія промежуточныхъ степеней между бѣдностью и нищетой у насъ также нѣтъ словъ. Все это могло произойти только потому, что постепенности переходовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ отъ бѣдности къ нищетѣ, у насъ или не существовало, или же по недостатку такого развитія сердечности, у насъ ускользали тѣ промежуточныя степени, для выраженія которыхъ такъ богаты языки нашихъ западныхъ сосѣдей. Всѣ размѣры моральнаго принципа обнимаются въ русскомъ языкѣ весьма небольшимъ запасомъ словъ. Мы можемъ быть злы или своекорыстны, добры или добродѣтельны; къ несчастнымъ и жалкимъ мы питаемъ соболѣзнованіе или состраданіе; къ виновнымъ — милосердіе; къ неблагодарнымъ — прощеніе и великодушіе. Бѣдность эта происходитъ отъ однообразія нашей прошедшей исторической жизни и отъ несложности прошлыхъ гражданскихъ отношеній. У нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, у которыхъ въ теченіе уже трехъ столѣтій, шла постоянная болѣе или менѣе сильная выроботка новыхъ условій гражданскаго общежитія, каждый вѣкъ создавалъ перемѣны въ понятіяхъ, учрежденіяхъ и придумывалъ для нихъ новыя выраженія. Отъ этого, прослѣживая постоянно мѣнявшійся смыслъ словъ, находишь то напластываніе понятій, которыми опредѣлялись ступени переходной эпохи въ исторической жизни Запада. Но совершенно новый смыслъ начали получать слова только съ совершеннымъ прекращеніемъ феодальныхъ отношеній, т. е. съ началомъ развитія личной свободы и съ тѣхъ поръ, когда экономическая наука указала основныя положенія, отъ которыхъ зависитъ матеріальное довольство людей.

Никогда западная Европа не дѣлала такихъ быстрыхъ успѣховъ въ своемъ развитіи, какъ со времени разъясненія экономическихъ явленій Адамомъ Смитомъ и дальнѣйшей разработки ихъ новой экономической школой. Причина этого въ томъ, что прежде, при томъ же общемъ стремленіи людей къ матеріальному довольству, у нихъ не было формулы для выраженія своего стремленія; люди чувствовали, что имъ что-то нужно и чего-то не достаетъ, но не знали и не понимали, чего именно. Смутное и неопредѣленное понятіе о добрѣ и злѣ нисколько не уменьшало трудности задачи и не уменьшало ни зла и не увеличивало добра. Размѣръ добродѣтели, существовавшей на землѣ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, оставался все тотъ же. Да и какъ было ему уменьшиться, когда никто не понималъ, что значить добродѣтель, что значить зло и что значить добро. Произвольнымъ толкованіямъ было открыто огромное поле и каждый умствовалъ, насколько у него доставало силъ. Все это прекратилось, когда стало извѣстно, что въ экономическомъ смыслѣ добро есть выгода, зло — есть убытокъ; въ физіологическомъ отношеніи добро есть пріятное ощущеніе, а зло—ощущеніе непріятное; что добро и зло въ примѣненіи къ общимъ человѣческимъ отношеніямъ слѣдуетъ понимать, какъ пользу и вредъ. Послѣ этого стало уже вполнѣ очевиднымъ, въ чемъ заключается гражданская добродѣтель каждаго человѣка, и чѣмъ должны опредѣляться взаимныя отношенія людей.

Принципъ экономической выгодности только потому и могъ обнаружить повсемѣстное вліяніе на умы, что въ немъ заключалась та общая міровая формула, которую такъ долго не могли найти люди. Выгода и убытокъ одинаково понятны какъ жителю Гренландіи, такъ и жителю Москвы, Петербурга, Лондона, Мадрида. Каждый изъ нихъ стремится къ улучшенію своего быта и каждый изъ нихъ направляетъ на это всю свою дѣятельность. Слѣдовательно онъ очень хорошо понимаетъ, что всякая помѣха есть убытокъ, потеря; а все, что способствуетъ успѣху предпріятій, есть выгода. Также общедоступно и понятіе о пріятномъ и непріятномъ, о пользѣ и вредѣ. Всѣ эти слова возбуждаютъ несмутную и неопредѣленную чувствительность, а точное, опредѣленное понятіе, и своей осязательностью становятся одинаково общепонятными всякому уму. Когда вопросъ о добрѣ и злѣ получилъ такую математически-точную формулу, онъ тѣмъ самымъ вышелъ изъ математическихъ предѣловъ

и получилъ качество научной разрѣшимости, которой онъ прежде не имѣлъ.

Но важность подобной постановки вопроса заключалась не въ томъ, что онъ изъ сферы умозрѣній былъ перенесенъ на почву практической жизни; а въ томъ, что явилась возможность точнаго опредѣленія всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ экономическое развитіе какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлыхъ обществъ. Наука опредѣлила эти условія; и освобожденіе человѣка изъ прежней личной зависимости, если не дало ему полной возможности, то по крайней мѣрѣ значительно облегчило достиженіе высшаго, противъ прежняго, матеріальнаго благосостоянія. Подобное измѣненіе гражданскихъ отношеній и указаніе на болѣе выгодное сочетаніе ихъ, сдѣланное новыми знаніями, дало прежнимъ словамъ нравственнаго порядка совсѣмъ иной смыслъ, а многія изъ нихъ сдѣлало и излишними. Если же, не смотря на все это, однимъ попрежнему кажутся болѣе удобными слова «добро и зло», а для другихъ яснѣе смыслъ словъ «вредъ и польза», то это происходитъ вовсе не отъ внутренняго качества самыхъ словъ и выражаемыхъ ими понятій; а отъ условій организма тѣхъ лицъ, которымъ они недоступны, или же отъ недостаточнаго распространенія въ большинствѣ новыхъ понятій. Старую мебель держатъ нерѣдко совсѣмъ не потому, чтобы она была красива и удобна, а только потому, что ее замѣнить нечѣмъ. Кромѣ того, исключительно экономическое сбъясненіе многихъ словъ придаетъ имъ въ глазахъ нѣкоторыхъ слишкомъ суровый характеръ, такъ что они приписывали сторонникамъ новыхъ понятій ту жестокость, безсердечность и даже кровожадность, которой въ нихъ вовсе нѣтъ. Это происходило только оттого, что, понимая слабо смыслъ выраженій экономической науки, люди не были знакомы съ тѣмъ, что извѣстно о свойствахъ человѣческаго организма изъ физіологіи. Только поэтому, когда Бентамъ распространялъ мнѣніе, что польза есть руководящая нить личныхъ дѣйствій человѣка, могъ явиться подобный афоризмъ: «если ты переходишь черезъ рѣку по перекинутому бревну и встрѣчаешься на срединѣ съ другимъ человѣкомъ, то столкни его, чтобы пройти самому.» Нынче нѣтъ необходимости придумывать подобные афоризмы, потому что ни одна изъ наукъ, касающихся общественныхъ отношеній, не соединяетъ съ понятіемъ о пользѣ и выгодѣ непремѣнной необходимости—топить своего про-

тивника; напротивъ они указываютъ средства, какъ имъ разойтись не только безъ вреда другъ другу, но даже съ выгодой.

Когда стало извѣстно, что личная зависимость человѣка не только убыточна для него, но убыточна и для всѣхъ; когда узнали, что безъ личной свободы прогрессъ не возможенъ и что человѣкъ постепенно лишается всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для общаго благосостоянія и возможны при свободномъ развитіи,—то очевидно, что все мѣшающее этому развитію стали считать вреднымъ. Прежде человѣкъ, доведенный до нищеты или больной, могъ считаться жалкимъ и несчастнымъ, могъ возбуждать чувство состраданія, сожалѣнія. Но при свободныхъ отношеніяхъ людей всякое состраданіе, или сожалѣніе, стало чувствомъ оскорбительнымъ для того, кого сожалѣли. Въ немъ выражалась старая идея зависимости и подчиненности, напоминалось отношеніе господина къ своему крѣпостному, барина—къ лакею. Но кромѣ этого слова жалкій, несчастный не выражаютъ никакой точной мысли. Ими опредѣляется понятіе о чемъ-то худомъ; но что именно худого въ положеніи человѣка — бѣденъ ли онъ, умираетъ ли съ голоду, болѣнъ, обиженъ ли кѣмъ нибудь, исколоченъ ли,—понять нельзя. Если словомъ «жалкій» думаютъ опредѣлить невыгодное экономическое положеніе человѣка, то этимъ оно нисколько не опредѣляется; потому что нельзя видѣть ни степени бѣдности человѣка, ни даже того, что онъ бѣденъ вообще. Точно также неопредѣлительны выраженія «жалкій и несчастный»; если ими хотятъ указать на болѣзнь, или на другое тяжолое положеніе человѣка. Ни политическая экономія, ни физіологія, ни другія знанія не знаютъ людей жалкихъ и несчастныхъ, потому что ихъ нѣтъ; а есть только люди бѣдные или богатые, здоровые или больные, сильные или слабые, полезные или вредные. Для каждаго соціальнаго положенія человѣка, для каждой степени его экономическаго, физіологическаго, умственнаго и вообще всякаго развитія, существуютъ точныя выраженія, которыми можно обрисовать вѣрно положеніе человѣка. Слова «жалкій, несчастный» годились въ то время, когда людямъ, лишеннымъ всякой самостоятельности, было необходимо состраданіе, милосердіе, прощеніе; когда только одна покровительственная помощь могла спасти человѣка отъ нищеты, или избавить его отъ затруднительнаго положенія. Но ничего этого не нужно для человѣка, находящагося въ возможности самобытнаго независимаго развитія: онъ не можетъ быть ни жалокъ, ни несчастенъ; ему не нужно ни состраданіе, ни мило-

сердіе. Положеніе человѣка въ жизни можетъ быть иногда очень глупымъ, весьма убыточнымъ и неловкимъ. Но это положеніе не даетъ еще никому никакого права выказать человѣку свое превосходство, сожалѣніемъ или состраданіемъ оскорбить его чувство независимости. Справедливо укоряютъ французовъ въ томъ, что они вѣчно шумѣли о равенствѣ, много изъ-за него пролили крови; но что въ нихъ никогда не было истиннаго пониманія свободы и органической потребности независимости. Въ однихъ англичанахъ живетъ еще нѣсколько это чувство. Потребность самостоятельности въ дѣйствіяхъ и мысляхъ есть признакъ извѣстной зрѣлости человѣка; тогда какъ сремленіе къ равенству также хорошо умѣщается между дикими, какъ и между цивилизованными народами. Черный житель южной Африки не понимаетъ свободы; но ему понятно равенство, потому что всѣ его одноплеменники одинаково съ нимъ ровны, одинаково съ нимъ бѣдны и невѣжественны. Одинаковость правъ и равенство условій гражданской жизни могутъ удовлетворять вполнѣ идеи равенства, и въ то же время не давать еще свободы. Чтобы дорости до потребности независимости нужно много выстрадать и много передумать; но и это дается не всѣмъ людямъ и не всѣмъ народамъ. Наука, выработавшая взглядъ на необходимость человѣческой самостоятельности для возможности общаго прогресса и достиженія общаго благосостоянія, пришла къ нему тѣмъ длиннымъ путемъ наблюденій, какой подготовила ему вся прошлая исторія человѣчества, его потери, лишенія, нищета. Сравненіе тѣхъ, кто имѣлъ возможность раздѣлаться со всѣми помѣхами и достигнуть извѣстной степени развитія и матеріальнаго благосостоянія, съ тѣми, кто по своимъ правиламъ не имѣлъ этой возможности, показало отчего зависитъ развитіе и при какихъ условіяхъ оно возможно. Человѣкъ могъ еще нуждаться въ состраданіи и покровительствѣ, когда въ немъ самомъ не было достаточной силы, когда ему грозили внѣшніе враги, когда всякій сильный долженъ былъ быть обузданъ еще болѣе сильнымъ; но гдѣ теперь эти опасности? Человѣку могутъ оказывать и покровительство и состраданіе, но не потому, чтобы онъ нуждался въ нихъ; а только потому, что люди нерѣдко не знаютъ сами, что они дѣлаютъ и не понимаютъ, что нужно людямъ. Невѣжество не законъ, потому что есть другой законъ, высшій, созданный знаніемъ. Оказывая покровительство и сожалѣніе, люди ждутъ благодарности и огорчаются, когда ее не находятъ. Но кто же ихъ проситъ покровительствовать и будто

бы благодарность при свободныхъ отношеніяхъ людей можетъ существовать? Два человѣка—одинъ продающій хлѣбъ, другой, платящій ему деньги, оказываютъ другъ другу одинакія услуги. Никто, покупая у купца товаръ, не благодаритъ его за это; а плотитъ деньги и оба они, продавецъ и покупатель, въ равной степени обязаны одинъ другому, потому что оказали другъ другу равныя услуги. Человѣкъ, оказывающій защиту или помощь, поступаетъ такъ потому, что онъ не можетъ поступать иначе. Мы любимъ дѣтей не потому, чтобы намъ нужна была ихъ благодарность; а потому, что любовь есть наша органическая потребность, какъ потребность движенія, ѣды, отдыха. Человѣкъ не можетъ жить безъ привязанностей, потому что въ нихъ его жизнь, и онъ любитъ не для другаго, а для себя; ему нужно это чувство, какъ нуженъ ему воздухъ, и онъ не дѣлаетъ воздуху никакого одолженія тѣмъ, что вдыхаетъ его въ себя. Человѣку можетъ быть непріятно, если на его привязанность не отвѣчаютъ привязанностью; но развѣ ее можно создать какимъ бы то ни было обязательствомъ? Но опять не въ природѣ человѣка отвѣчать непріязнью на пріязнь; и если подобныя явленья встрѣчаются, то только вслѣдствіе непониманья и ошибки людей. Съ привязанностью и любовью можно соединять такія дѣйствія, которыя дѣлаютъ другому непріятность, слѣдовательно очевидно, что ему нельзя отвѣчать на любовь любовью. Это самое и случается не рѣдко съ защитниками и покровителями. Оказывая по ихъ мнѣнію благодѣяніе, они оскорбляютъ свободнаго человѣка и потомъ зовутъ его неблагодарнымъ. Но кто же причиной этого, и за что тутъ благодарить? Если человѣкъ чувствовалъ потребность сдѣлать другому пріятное, то въ удовлетвореніи этого стремленія и заключается для него все. Правда, и до сихъ поръ существуетъ обычай благодарить послѣ обѣда хозяевъ, и хозяева требуютъ благодарности; но этотъ обычай, сохранившійся отъ временъ римскихъ патроновъ и ихъ кліентовъ, на западѣ Европы не встрѣчается. Тамъ его нѣтъ потому, что обоюдныя услуги хозяина и гостей совершенно одинаковы. Скорѣе хозяинъ обязанъ своимъ гостямъ, что они къ нему пришли,—не ко всякому человѣку ходятъ въ гости. Люди лучшихъ стремленій не признаютъ благодарности въ старой формѣ и самое слово «благодарю» получило теперь смыслъ свѣтскаго приличія, какъ «покорнѣйшій слуга» въ письмѣ. Сожалѣть о такой перемѣнѣ напрасно; она не выдумана

праздными людьми, а явилась вслѣдствіе измѣненія гражданскихъ отношеній и новыхъ знаній.

Милосердіе и прощеніе такія же отживающія понятія, сохранившіяся отъ временъ личной зависимости людей. Поэтому они съ такой силой и держались преимущественно въ семьѣ, гдѣ подъ видомъ патріархальныхъ отношеній сохранилось до нашихъ дней много старыхъ обычаевъ. Когда люди за первообразъ гражданскихъ отношеній принимали семью, считая ее основной ячейкой государственной жизни, то имъ казалось вполнѣ логическимъ и въ государствѣ видѣть туже семью, но огромнаго размѣра. Теперь это мнѣніе не существуетъ и ни одинъ цивилизованный народъ не представляетъ въ своихъ учрежденіяхъ сходства съ основами семейнаго быта. Отъ этого между семьей и государствомъ утратилось сходство, существовавшее нѣкогда, и семейный бытъ не представляетъ ничего общаго съ бытомъ государственнымъ. Нигдѣ не сохраняются въ такой чистотѣ обычаи, вѣрованія и преданія, какъ въ семьѣ. Мать, эта первая воспитательница, даетъ направленіе мыслямъ и чувствамъ своего ребенка. Отъ этого при разнорѣчіи принциповъ общественной жизни съ преданіями семьи, ребенокъ можетъ получить воспитаніе вовсе несогласное съ тѣми основаніями, какимъ ему придется подчиниться впослѣдствіи. Вотъ почему, если человѣкъ получилъ ложное направленіе, онъ во время своей общественной дѣятельности дѣлается помѣхой общему движенію. Онъ будетъ увлекаться страстностью, гдѣ нужно спокойное пониманье, и внесетъ въ свою дѣятельность понятіе о милосердіи и прощеніи, несогласныя съ идей о правосудіи и справедливости. Если всѣ поступки людей зависятъ отъ ихъ органичеткаго устройства и отъ обстоятельствъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ, то мысль о безнаказанности является необходимымъ слѣдствіемъ этихъ положеній. Мысль эта до того уже неновая, что въ послѣднее время наказанія стали терять свой карательный характеръ и человѣка стараются не мучить, а исправлять. И дѣйствительно, если человѣкъ поступалъ такъ, потому что онъ не могъ поступать иначе, въ чемъ же его вина? Если онъ сдѣлалъ проступокъ изъ бѣдности, наказаніе сдѣлаетъ ли его богаче? Если онъ провинился по глупости, станетъ ли онъ отъ наказанія умнѣе? Устрашеніе, которымъ думали исправлять людей, не прибавило имъ совершенствъ и самыя ужасныя пытки и казни не сдѣлали людей добродѣтельнѣе. Тогда поняли, что нужно что-нибудь другое, болѣе способное укрощать въ людяхъ вредныя

наклонности и предупреждать вредныя для другихъ дѣйствія. Съ системой исправленія оказалось совершенно ненужнымъ мучить людей чѣмъ бы то ни было, потому что всякое страданіе, а особенно продолжительное не исправляетъ, а ожесточаетъ человѣка. Такимъ образомъ жестокость оказалась не только ненужной, но даже вредной. Но если сущность наказанія заключается въ исправленіи, то очевидно, что нѣтъ никакого основанія прекратиться ему ранѣе, прежде чѣмъ исправляемый не исправится. Въ чемъ же можетъ заключаться тутъ милосердіе и прощеніе? Такъ какъ человѣка не заставляютъ страдать, то и скорбѣть о немъ не нужно; нельзя и жалѣть его, потому что тогда пришлось бы жалѣть о всѣхъ тѣхъ, кто учится и воспитывается. Очевидно, что милосердіе и прощеніе съ отсутствіемъ виновности теряютъ свой смыслъ. Также не логичны онѣ въ частныхъ отношеніяхъ людей и въ семейномъ быту. Когда садовникъ пускаетъ фруктовое дерево въ видѣ шпалерника, онъ не бьетъ дерево, если вѣтви его не ложатся сразу, какъ имъ слѣдуетъ лежать; онъ не гнетъ вѣтвь круто, но осторожно даетъ дереву то или другое направленіе. За что же бить или наказывать дѣтей? Изъ ребенка не сдѣлаешь того, чего нельзя изъ него сдѣлать; его можно только направлять, какъ направляетъ садовникъ шпалерное дерево, и только. То, что люди привыкли называть виной, въ сущности не составляетъ никакой виновности; это только выраженіе той или другой наклонности ребенка, тѣхъ или другихъ его способностей. Если уже взрослому проступокъ нельзя поставить ему въ вину и нѣтъ основанія наказывать человѣка, то еще меньше основанія наказывать ребенка. А если нѣтъ вины, то не можетъ быть и прощенья. Чтобы могло существовать прощенье и милосердіе, нужно чтобы существовало личное право находить вину по своему усмотрѣнію, и по своему же усмотрѣнію налагать и отмѣнять наказаніе. А для этого опять необходимы, кромѣ убѣжденія въ подобномъ правѣ, еще и особенная способность не находить справедливымъ то, безъ чего не возможно развитіе ни отдѣльнаго человѣка, ни цѣлаго общества. Въ частныхъ отношеніяхъ все зависитъ отъ пониманья. Если человѣкъ не оправдалъ довѣрія, кто же виноватъ въ этомъ кромѣ того, кто довѣрился? Купцу сердиться на обворовавшаго его приказчика, или помѣщику на управляющаго нѣтъ основанія: ихъ обманули потому, что они сами ввели себя въ обманъ и не умѣли понять, что при извѣстныхъ условіяхъ обманъ неизбѣженъ. Прощать обманувшаго нѣтъ основа-

нія, потому что нѣтъ основанія на него сердиться; а когда не можетъ быть неудовольствія, не можетъ быть и прощенія. Кто сердится тотъ не понимаетъ, слѣдовательно и прощать можетъ только непонимающій. Такимъ образомъ благоразуміе заключается въ устраненіи поводовъ къ личному неудовольствію на самаго себя, и только тотъ именно благоразумный человѣкъ, кто умѣетъ ошибаться рѣдко.

Взглядъ этотъ вытекаетъ изъ того чувства, которое зовется эгоизмомъ. Всѣ люди эгоисты, потому что это—физіологическій законъ. Дѣйствіямъ человѣка нѣтъ другого основанія, кромѣ его внутреннихъ побужденій; а побужденія зависятъ отъ его органическихъ условій и отъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, по которымъ человѣкъ поступаетъ непремѣнно такъ, а не иначе. Человѣкъ думаетъ, любитъ, страдаетъ, радуется, потому что онъ такъ устроенъ; потому что совокупность всѣхъ ощущеній составляетъ его жизнь. Но онъ думаетъ свою думу, любитъ—потому, что это ему пріятно, страдаетъ—потому, что онъ чувствуетъ боль, и радуется—потому, что ощущаетъ пріятность самъ. Во всемъ этомъ человѣкъ дѣйствуетъ за себя и самъ собой; всѣ эти нравственныя отправленія принадлежатъ его собственному организму. Чтобы чужая радость или горе могли веселить или огорчать другого, нужно чтобы его организмъ имѣлъ способность принять эти впечатлѣнія. Есть организмы способные на это, есть организмы неспособные. Палачъ равнодушно рубитъ голову или вѣшаетъ человѣка, не ощущая ни малѣйшей сердечной боли; и между тѣмъ изъ зрителей многіе лишаются чувствъ, потому что не могутъ смотрѣть спокойно на предсмертныя страданія людей и на убійство; есть и такіе, которыхъ ни грудами золота и никакими благами міра не понудишь идти на подобное кровавое зрѣлище. Но такія крупныя исключенія человѣческой впечатлительности рѣдки; гораздо обыкновеннѣе тѣ мелочные случаи бѣдности, нищеты, болѣзней разнаго рода и вообще матеріальныхъ и нравственныхъ страданій, которыя собственно и служатъ мѣриломъ большей или меньшей способности людей воспринимать невыгоды положенія другаго. Можно падать въ обморокъ при видѣ отрубленной человѣческой головы и спокойно смотрѣть на чаловѣка въ цѣпяхъ. Но можно болѣть душой за человѣка скованнаго и быть равнодушнымъ къ голодному бѣдняку, къ человѣку искалеченному, къ человѣку, находящемуся въ невыгодномъ и тяжеломъ для него матеріальномъ положеніи. Этой постепенностью впечатлительности опредѣляется степень тонины чувствующаго орга-

низма человѣка и его сердечныя качества. Кто, какъ кремень, равнодушенъ къ страданіямъ людей и смотритъ спокойно, какъ бы на кирпичъ, или на землю, на человѣка, находящагося въ невыгодномъ или неудобномъ для него положеніи, тотъ принадлежитъ къ грубому, жестокому сорту людей, мало способныхъ къ прогрессу и развитію. Назвать такого человѣка эгоистомъ—значитъ не сказать о немъ ничего. Эгоистъ—понятіе общее, это физіологическій признакъ каждаго, потому что каждый прежде всего «я» и каждый дѣйствуетъ по своимъ впечатлѣніямъ. На вопросъ о человѣкѣ — каковъ онъ? — отвѣтить «эгоистъ», значитъ сказать, — «человѣкъ». Но и всякій — «человѣкъ», кто устроенъ по образу человѣка; но не всякій вреденъ или полезенъ, не всякій уменъ или глупъ, не всякій чувствителенъ или безчувственъ, не всякій понимаетъ или не понимаетъ свои общественныя или гражданскія отношенія. Всѣхъ этихъ понятій не опредѣляетъ слово эгоистъ. Если же имъ хотятъ выразить понятіе о своекорыстіи т. е. то качество, по которому человѣкъ не только равнодушенъ къ чужимъ лишеніямъ, но еще и пользуется невыгоднымъ положеніемъ другого, для своей личной пользы, то въ такомъ случаѣ не зачѣмъ употреблять слово «эгоистъ», когда есть слово болѣе понятное и прямо выражающее смыслъ — «своекорыстный».

Для выраженія общаго понятія о личномъ характерѣ дѣйствій человѣка есть еще слово «индивидуализмъ». Изъ этого очень простого слова нѣкоторые выводятъ весьма печальныя слѣдствія и хотятъ видѣть въ индивидуализмѣ страшное зло, которое должно погубить людей. Противоположностью ему явились понятія о соціализмѣ. Но индивидуализмъ не исключаетъ соціализма, какъ соціализмъ индивидуализма, потому что характеръ дѣятельности людей опредѣляется ихъ развитіемъ, прогрессомъ. Боязнь, что понятіе объ индивидуализмѣ, какъ понятіе о личной пользѣ, можетъ привести къ тому, что сынъ станетъ отнимать у голоднаго отца корку хлѣба, или каждый, переходящій рѣку, будетъ сталкивать въ воду встрѣчнаго, совершенно напрасна. Если бы каждый человѣкъ имѣлъ возможность жить совершеннымъ особнякомъ, если бы онъ могъ шить самъ себѣ сапоги и платье, заготовлять хлѣбъ и мясо, дѣлать мебель и ткать бѣлье, писать для себя статьи и книги, защищать себя отъ дикихъ звѣрей и нападеній непріятелей, то разумѣется ему не было бы никакой причины нуждаться въ чьей бы то ни было помощи и онъ могъ бы жить одинъ, какъ старый отдѣлившійся отъ стада зубръ.

Но человѣкъ не можетъ жить зубромъ, потому что условія его организма совсѣмъ другія. Человѣкъ не въ состояніи удовлетворить лично всѣмъ своимъ потребностямъ; онъ не можетъ сдѣлать всего самъ, что ему нужно. Человѣкъ не можетъ жить безъ привязанностей, потому что въ немъ есть частичка мозга, требующая того ощущенія, которое зовется любовью. Съ удовлетвореніями являются новыя желанія; чувствующій организмъ требуетъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ привязанностей, новыхъ мыслей, новыхъ занятій. Все это становится возможнымъ съ расширеніемъ круга дѣятельности человѣка, съ увеличеніемъ случаевъ столкновенія съ людьми. Тогда человѣкъ понимаетъ насколько ему нужны люди; насколько онъ не можетъ жить безъ нихъ; насколько ему необходимы ихъ услуги и насколько въ свою очередь его услуги нужны другимъ. Не измѣняя ни въ чемъ своей индивидуальности, человѣкъ дѣйствуетъ, какъ ему полезнѣе. Понимая, что каждая отдѣльная сила въ экономической дѣятельности человѣка весьма слаба, онъ соединяетъ свои усилія для достиженія извѣстной цѣли съ усиліями другихъ; онъ составляетъ общество, артели, ассоціаціи. Люди понимающіе, что своекорыстіе принесетъ имъ болѣе выгодъ, дѣйствуютъ отдѣльно. Ихъ средства могутъ быть также весьма разнообразны; но какъ весь ихъ расчетъ основывается на потеряхъ противной стороны, то своекорыстіе составляетъ наконецъ себѣ репутацію несогласную съ ея стремленіями. Своекорыстнаго человѣка считаютъ дуракомъ, злымъ, неблагонамѣреннымъ, жестокимъ, безсердечнымъ или, выражаясь короче, человѣкомъ вреднымъ. Но никто не желаетъ прослыть ни злымъ, ни жестокимъ, ни вреднымъ. Каждый дорожитъ своей пользой и выгодой, и собственный расчетъ велитъ ему поступать такъ, чтобы ему было выгодно; если же онъ вмѣсто выгоды пришелъ къ тому, что никто не хочетъ имѣть съ нимъ дѣла, то очевидно, что человѣкъ не умѣлъ расчитывать; не умѣютъ же расчитывать только люди недостаточно умные; слѣдовательно, своекорыстіе есть недостатокъ ума. Деньги не для всѣхъ составляютъ единственный предметъ ихъ стремленій и качество дѣйствій людей не всегда мѣрится деньгами, хотя для многихъ способность добывать деньги служитъ единственнымъ аршиномъ, которымъ они опредѣляютъ людей. Мать находитъ особенное удовольствіе отказать себѣ въ лакомомъ кускѣ, чтобы отдать его своему ребенку; ей пріятнѣе отдать этотъ кусокъ, чѣмъ съѣсть его самой. Подобная же черта, противуположная своекорыстію, замѣчается и въ людяхъ хоро-

шей породы. То, что люди зовутъ обыкновенно добротой, есть способность ограничивать свои желанія и находить удовольствіе сдѣлать другому пріятное и полезное предоставленіемъ ему своихъ матеріальныхъ выгодъ. Размѣръ этой способности бываетъ различный, оттого и люди бываютъ разной доброты; но при всей своей добротѣ они все-таки не отрѣшаются отъ своего индивидуализма. Такимъ образомъ индивидуализмъ не мѣшаетъ человѣку чувствовать потребности дѣлать другимъ пріятное и въ сочетаніи труда находить свою пользу. Однимъ это пониманье дается легко, другимъ труднѣе, третьимъ и совсѣмъ не дается. Есть люди, которымъ такое пониманье дается, по видимому, безъ всякихъ размышленій, какъ матери—любовь къ ея дѣтямъ; но могутъ быть люди хорошіе по природѣ, но испорченные или задержанные въ своемъ развитіи обстоятельствами, которые приходятъ къ тому же болѣе или менѣе длиннымъ путемъ размышленій, и болѣе или менѣе продолжительной внутренней борьбой. Это люди лучшіе, люди сильные; оттого-то ихъ и бываетъ немного, особенно въ переходныя эпохи. Люди этого сорта, понимая, что частное благосостояніе возможно только съ достиженіемъ благосостоянія общаго, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ слѣдуетъ считать благосостояніемъ. Восточныя благоуханія менѣе здоровы чистаго воздуха, и потому они не станутъ заводить ихъ у себя. Роскошный столъ и многообразные соусы могутъ быть очень плѣнительны, но они знаютъ, что человѣку нужна пища здоровая, вкусная, питательная и не заведутъ у себя повара француза. Они знаютъ, что значитъ роскошь и въ чемъ экономическій вредъ ея и насколько она задерживаетъ распространеніе между людьми матеріальнаго благосостоянія. Поэтому они изъ двухъ предметовъ выберутъ тотъ, который проще удовлетворяетъ ихъ потребности и не купятъ соболью шубу, когда также тепла шуба енотовая. Въ экономическомъ отношеніи такое поведеніе важно тѣмъ, что ограниченіемъ себя человѣкъ уменьшаетъ запросъ на предметы роскоши и отвлекаетъ тѣмъ рабочіе руки отъ производствъ убыточныхъ къ производствамъ выгоднымъ для большинства. Такой взглядъ на свои отношенія къ другимъ можетъ казаться слишкомъ строгимъ; оттого-то и есть люди, которые смотрятъ на жизнь нѣсколько или много иначе. Тотъ или другой взглядъ зависитъ исключительно отъ знанія и развитія; а чтобы стоять въ уровень съ лучшими идеями своего времени, нужно имѣть способность усвоить ихъ. Слѣдовательно полезность, безполезность или вредность человѣка для людей,

среди которыхъ онъ живетъ, опредѣляется исключительно его способностью пониманья и вредный человѣкъ есть въ тоже время и глупый.

Такимъ образомъ смутное сердечное представленіе объ обязанностяхъ человѣка и тѣсное понятіе о любви смѣняются способностью понять точнѣе сущность человѣческихъ отношеній. То, что люди называли прежде любовью и добротой, не изчезаетъ еще отъ этаго съ лица земли. Но любовь и ненависть—чувства пограничныя; переходъ въ нихъ незамѣтенъ; только пониманье опредѣляетъ качество сердечнаго порыва и говоритъ человѣку, что въ немъ вреднаго или полезнаго. Этимъ путемъ въ человѣкѣ изчезаетъ сердечная дикость и является самообладаніе, т. е. то качество, характиризующее культированнаго человѣка, котораго нѣтъ у людей исключительно сердечныхъ и вслѣдствіе недостатка котораго они могутъ переходить такъ быстро и легко отъ порывовъ хорошихъ къ дурнымъ. Но какъ порывистость есть недостатокъ самообладанья, а самообладанье является съ культурой, т. е. съ развитіемъ и знаніями, которыя зависятъ отъ способностей, то невладѣющая собой сердечность, неспособная понимать пользы и вреда, служитъ признакомъ и слабаго сердца и слабой головы. Люди, отличавшіеся крупными сердечными чертами, были въ тоже время и люди большаго ума; это значитъ, что они высоко ставили чужое благополучіе и довольство.

Съ необузданной сердечностью связано еще и другое вредное чувство — самолюбіе. Самолюбіе, это—увеличительное стекло, въ которое человѣкъ смотритъ на самого себя; это—неспособность правильной оцѣнки своихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій. Оттого имъ такъ и отличаются подростающія дѣти, которымъ хочется, чтобы ихъ принимали за большихъ. Но какъ неразвитость независитъ отъ числа лѣтъ, то этимъ дѣтскимъ чувствомъ отличаются нерѣдко и взрослые. Даже сами сердечные люди не считаютъ самолюбіе достоинствомъ и называютъ его щекотливостью. А между тѣмъ, какъ въ хорошемъ сердцѣ таятся зародыши будущаго ума, такъ и въ самолюбіи лежитъ начало высокаго качества. У людей неумныхъ и неспособныхъ къ развитію самолюбіе въ зрѣлыхъ лѣтахъ принимаетъ разныя формы. Оно превращается въ спѣсь, чванство, суетность, въ требованіе уваженія. Особенно обыкновенна ему послѣдняя форма, и тогда оно становится великимъ бѣдствіемъ для людей, поставлен-

ныхъ въ необходимость имѣть какія либо отношенія къ такому самолюбивому человѣку, потому что онъ удовлетворяется исключительно знаками глубокаго человѣческаго уваженія. Но чтобы быть способнымъ удовлетворяться человѣческимъ униженіемъ, нужно стоять въ очень отдаленныхъ рядахъ на пути прогресса и находиться на уровнѣ тѣхъ умственныхъ силъ, на которомъ остановились восточные народы. Отъ этого, по мѣрѣ цивилизаціи и развитія людей, по мѣрѣ распространенія знаній и здравыхъ понятій, болѣзненныя видоизмѣненія самолюбія становятся все рѣже, и оно переходитъ въ чувство собственнаго достоинства. Это и есть то высокое качество, зерномъ котораго служитъ самолюбіе дитяти.

Чувство собственнаго достоинства есть самолюбіе развитаго человѣка; оно — сознаніе своихъ нравственныхъ силъ и пониманья своихъ отношеній къ людямъ. Оттого-то оно и не имѣетъ тѣхъ наружныхъ признаковъ, которыми отличаются разные виды самолюбія, и не ищетъ удовлетворенія въ чьемъ либо униженіи. Человѣкъ, чувствующій свое достоинство, чувствуетъ его потому, что онъ уважаетъ человѣческое достинство въ каждомъ, что онъ понимаетъ необходимость для каждаго тѣхъ условій, которыя создали его собственное развитіе, что въ немъ есть дисциплина сердца и сердечные порывы, сдержанные самообладаніемъ. Все это дается только тѣмъ, кто въ состояніи понять условія, отъ которыхъ зависитъ общее благоденствіе. Поэтому-то люди и дѣлятся — на понимающихъ эти условія и на людей, непонимающихъ ихъ. Кто понимаетъ, тотъ уменъ; кто не понимаетъ — глупъ.

Н. Шелгуновъ.

ШЕСТЬ НЕДѢЛЬ ВЪ ОТДѢЛЕНІИ УМАЛИШЕННЫХЪ

*** ской больницы.

ОЧЕРКЪ I.

(Посвящается А. П. Тиммерману).

Со мной начиналась бѣлая горячка... Друзья и пріятели мои, не обладая діагностическими познаніями, но обладая за то сострадательными сердцами, приняли горячку за положительное помѣшательство и, не медля ни минуты, упрятали меня въ отдѣленіе умалишенныхъ *** ской больницы. Отвезли меня туда, какъ водится, обманомъ, поздно вечеромъ. Весь подавленный томившими и пугавшими меня галлюцинаціями, я ѣхалъ въ больницу безсознательно; меня занимало лишь то, чѣмъ было потрясено мое разстроенное воображеніе, и міръ дѣйствительный въ тѣ минуты существовалъ для меня только затѣмъ, чтобы самыми пустыми, обыкновенными явленіями своими волновать и потрясать весь мой организмъ. Мнѣ было страшно, страшно до безконечности!..

Причиною этого невыносимаго страха была мысль, что, по навѣтамъ злыхъ людей, я поставленъ въ положеніе, единственнымъ исходомъ изъ котораго должны быть или самоубійство, или самая ужасная смерть отъ рукъ разъяренной и безпощадно-преслѣдующей меня черни. Мы ѣхали въ больницу по шумнымъ и оживленнымъ ули-

цамъ; и пѣшкомъ, и въ экипажахъ сновала мимо насъ разнохарактерная, занятая своими рублевыми, грошовыми, служебными, любовными и иными интересами толпа, — а мнѣ казалось, что толпа эта занята единственно мной, что она хлопочетъ о томъ лишь, чтобы поскорѣе найдти меня, схватить и предать меня самой мучительной смерти. По сторонамъ раздавались обыденные звуки обыденной городской жизни — говоръ, крики, брань, — а мнѣ въ каждомъ изъ этихъ звуковъ слышалось мое имя, сопровождаемое страшными проклятіями и еще болѣе страшными угрозами. «Разорвать его въ клочки... Сжечь на медленномъ огнѣ... Сварить живого въ котлѣ... Перепилить на двое... Посадить на колъ... Изрѣзать въ мелкіе куски тупыми ножами», — раздавалось въ моихъ ушахъ, и я такъ былъ увѣренъ въ дѣйствительности преслѣдовавшихъ меня галлюцинацій, я такъ боялся быть тотчасъ же узнаннымъ и преданнымъ на нестерпимыя муки, что неоднократно умолялъ ѣхавшаго со мной господина — не называть меня громко по имени; когда же онъ, вѣроятно по разсѣянности, не исполнилъ моей просьбы, я пришелъ въ неописанный ужасъ.

По пути въ больницу, сопровождавшимъ меня пріятелямъ надобно было заѣхать въ одно офиціальное учрежденіе, изъ котораго слѣдовало добыть предписаніе, долженствовавшее послужить мнѣ паспортомъ въ отдѣленіе умалишенныхъ. Мы подъѣхали къ этому учрежденію, поднялись по невысокой, каменной лѣстницѣ и очутились въ чрезвычайно какъ тепло натопленномъ корридорѣ, ведшемъ въ храмину присутствія. Одинъ изъ пріятелей отправился въ храмину для переговоровъ съ жрецами; а съ другимъ я остался въ корридорѣ. Минутъ, проведенныхъ мною здѣсь, я не забуду никогда. Мнѣ казалось, что на улицѣ все растетъ и растетъ разъяренная толпа, требуя моей выдачи и грозитъ, въ случаѣ отказа, взять меня силою, не отступить ни передъ чѣмъ. Вотъ толпа приближается; вотъ отчетливо доносятся до моего слуха отдѣльные голоса, между которыми преобладаютъ звонкіе голоса безсмысленно, но звѣрски озлобленныхъ мальчишекъ. Слышались мнѣ потомъ: мѣрные шаги приближавшагося войска; повелѣніе толпѣ разойтись; послѣдовавшее за этимъ повелѣніемъ, выраженное самымъ яростнымъ крикомъ, требованіе моей выдачи; залпъ, другой, третій, — наконецъ, черезъ нѣсколько времени, громкій, начальническій голосъ, говорившій: «вамъ разрѣшается схватить кого вы желаете, съ тѣмъ лишь, чтобы вы

поступили съ нимъ не слишкомъ жестоко; ищите его сами, а вотъ вамъ его примѣты.» — «Ура! ура! ура!» раздалось на улицѣ, послѣ чего прежній, начальническій голосъ сталъ читать мои примѣты.

Слушая все это, я холодѣлъ и замиралъ отъ ужаса и думалъ лишь о томъ: какъ бы мнѣ избѣгнуть ожидавшихъ меня мукъ самоубійствомъ? Чѣмъ бы мнѣ поскорѣе умертвить себя? Разстроенная моя мысль останавливалась при этомъ на одномъ отчаянномъ рѣшеніи: ускользнуть какъ нибудь непримѣченнымъ изъ офиціальнаго учрежденія, сѣсть на извощика, ускакать въ одну изъ отдаленнѣйшихъ частей города, остричь тамъ себѣ волосы, сбрить усы и бороду, и, измѣнивъ такимъ образомъ свою наружность, выгодать хоть нѣсколько часовъ. Эти нѣсколько часовъ я полагалъ употребить на пріобрѣтеніе яда, пистолета или ножа, чтобы такъ или иначе покончить разомъ съ жизнью...

Но за мной слѣдили, меня охраняли, и мнѣ пришлось послѣдовательно перейдти черезъ всѣ наимучительнѣйшія ощущенія страха, ужаса и леденящаго отчаянія. Вслѣдъ за прочтеніемъ моихъ примѣтъ, мнѣ послышались въ толпѣ отдѣльные голоса... «А вѣдь вотъ, говорилъ одинъ: — точь въ точь такой баринъ прошелъ недавно здѣсь по улицѣ». — «И я видѣлъ такого барина вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ», отвѣчалъ другой. — «Этотъ баринъ зашелъ никакъ въ этотъ самый домъ», отозвался третій, называя полнымъ титуломъ офиціальное учрежденіе, въ которомъ мы находились. «Этого не можетъ быть, началъ прежній начальническій голосъ: — злоумышленникъ не можетъ найдти себѣ убѣжища въ офиціальномъ учрежденіи. Тутъ есть всегда дежурные чиновники. Впрочемъ, если вы мнѣ не вѣрите, — я дозволяю вамъ выбрать изъ среды своей депутатовъ и поручить имъ осмотрѣть домъ.»

Сердце во мнѣ захолонуло отъ ужаса... «Василій, Егоръ, Михайло, послышалось въ толпѣ, и я хорошо помню эти имена: — ступайте, осмотрите домъ, коли его сіятельство это дозволяютъ. Да смотрите, не глазѣйте! Коль найдете тамъ злодѣя-то, такъ отправьте его прямо сюда; а ужъ мы тутъ его примемъ!» — «Примемъ! примемъ! примемъ! ура! ура! ура!» зазвенѣли радостные голоса мальчишекъ; а у меня волоса зашевелились на головѣ и проступилъ на лбу холодный потъ.

Въ это время пріятель мой, кончивъ свои переговоры съ жрецами и

добывъ отъ нихъ вожделѣнное предписаніе, пригласилъ насъ отправляться далѣе. Я не хотѣлъ выходить черезъ парадный подъѣздъ, хотя другого, по увѣренію моихъ пріятелей, и не имѣлось. Мнѣ казалось, что выйдти черезъ парадный подъѣздъ — значитъ, отдаться самому въ руки безпощадной толпы, которая, благодаря сообщеннымъ ей примѣтамъ, тотчасъ бы узнала меня, какъ ни пряталъ я лица въ воротникъ шубы, какъ ни нахлобучивалъ на глаза большой мѣховой шапки. Меня вывели почти-что силою, послѣ долгихъ и краснорѣчивыхъ доказательствъ, что все видѣнное и слышанное мною не что иное, какъ бредъ разстроеннаго воображенія. Доказательствамъ этимъ я конечно не повѣрилъ и вышелъ на подъѣздъ какъ-то машинально, словно во снѣ, закрываясь до глазъ шубой и съ нестерпимымъ замираніемъ сердца ожидая, что какъ только покажусь на улицѣ — въ толпѣ раздастся неистовый крикъ и затѣмъ все будетъ кончено!.. У самаго подъѣзда стоялъ извощикъ; я вскочилъ къ нему въ сани, не справляясь — занятъ онъ, или нѣтъ; вслѣдъ за мной вскочилъ мой пріятель, и мы поскакали. Ни криковъ, ни преслѣдованія, разумѣется, не было; но мнѣ тѣмъ не менѣе казалось, что я уже узнанъ, открытъ, и что толпа бѣшено ринулась въ погоню за нами, предшествуемая дьяволятами-мальчишками, которымъ въ особенности хочется добраться до меня и потѣшиться надо мной, что называется, всласть. Боже мой, что это были за мучительныя минуты!..

Между тѣмъ намѣреніе измѣнить свою наружность и затѣмъ тотчасъ же прибѣгнуть къ яду, ножу или пистолету—меня не покидало, и я умолялъ моего спутника ѣхать поскорѣе къ одному нашему общему знакомому, гдѣ я и надѣялся произвести надъ собой надлежащую метаморфозу. Спутникъ мой отвѣчалъ, что прежде намъ необходимо заѣхать къ пользовавшему меня доктору, который въ настоящую минуту находится въ ***ской больницѣ. Я не возражалъ, и мы скоро очутились у подъѣзда казеннаго зданія казенной архитектуры, съ швейцаромъ казеннаго вида въ сеняхъ казеннаго убранства.

Тутъ снова начались разные дѣловые приговоры, а я, не принимая ни въ чемъ никакого участія, снова всѣмъ существомъ своимъ погрузился въ тотъ фантастическій міръ, который создала мнѣ бѣлая горячка. Я былъ положительно убѣжденъ, что я открытъ и узнанъ, и что толпа преслѣдовала насъ по пятамъ. Вотъ,—каза-

лось мнѣ,—она уже у самой больницы; вотъ слышатся у подъѣзда знакомые голоса проклятыхъ мальчишекъ; вотъ кто-то говоритъ имъ: «Что жъ, ступайте, *онъ* тутъ; волоките его сюда...» Куда скрыться? куда скрыться? Господи!..

Въ эту минуту ко мнѣ подошелъ одинъ изъ моихъ пріятелей и сказалъ, что меня желаетъ видѣть мой докторъ. Ожидая каждую секунду вторженія въ больницу кровожадной толпы и не видя болѣе никакой возможности избѣгнуть ожидавшей меня страшной участи, я былъ уже совсѣмъ въ какомъ-то въ высшей степени анормальномъ состояніи, двигался машинально, отвѣчалъ машинально,—и все, происходившее со мной въ это время въ больницѣ, представляется мнѣ теперь смутнымъ, тяжелымъ, на половину уже позабытымъ сномъ. Помню я только, что мы вошли въ какой-то длинный корридоръ, тускло освѣщенный горѣвшими подъ самымъ потолкомъ лампами, и мнѣ казалось еще, что съ лампъ этихъ изобильно капаетъ масло прямо на бархатный верхъ моей шапки. Помню я потомъ, что какой-то господинъ спросилъ меня, отчего у меня на шеѣ ранка, а я отвѣчалъ, что порѣзалъ, брившись. Помню я еще, что другой какой-то господинъ произнесъ: «das ist er»—и вслѣдъ затѣмъ попросилъ, чтобы я отдалъ ему и пальто мое, и шапку. «Я узнанъ... я открытъ... меня сейчасъ предадутъ въ руки разъяренной толпы... бѣжать некуда... все кончено!»—мелькнуло у меня въ головѣ, и я безпрекословно отдалъ кому-то и пальто, и шапку, какъ безпрекословно исполняетъ всѣ требованія палача уже взведенный на эшафотъ преступникъ. Послѣ того все, окружавшее меня, точно подернулось туманомъ. Я очутился на кровати въ какой-то маленькой, полу-темной комнаткѣ; кто-то стягивалъ съ меня сапоги и панталоны; еще кто-то стоялъ возлѣ. Я сначала было противился, говоря, что не все ли равно, если меня сейчасъ вытащатъ на улицу въ пантолонахъ или безъ пантолонъ; но мнѣ отвѣчали, что не все равно и просили успокоится. «А вотъ завтра утромъ пріѣдетъ докторъ, и все будетъ хорошо», говорилъ чей-то голосъ, на что я замѣтилъ, что *мой докторъ явится сію минуту и вылечитъ меня безъ всякихъ лекарствъ на вѣки вѣчные.* Затѣмъ раздѣвавшіе меня люди вышли; дверь комнатки заперлась, и я остался въ полумракѣ, на кровати, въ трепетномъ ожиданіи мальчишекъ, долженствовавшихъ вытащить меня за ноги (мнѣ казалось, что непремѣнно за ноги!) на улицу—для страшныхъ мукъ

и смерти. «Чѣмъ бы мнѣ поскорѣе убить себя? Чѣмъ бы мнѣ убить себя?» въ невыразимомъ ужасѣ думалъ я, озираясь по сторонамъ, и тутъ только замѣтилъ, что въ комнаткѣ, кромѣ меня, есть еще кто-то, тоже лежащій на кровати. Въ одинъ прыжокъ очутился я возлѣ этого человѣка, схватилъ его за горло и, должно полагать, не безъ торжественности произнесъ: «есть ли для васъ что нибудь дороже жизни?» Никакъ неожидавшій такого нападенія незнакомецъ сильно струсилъ (все это ужъ послѣ разсказывалъ онъ мнѣ самъ) и отвѣчалъ, что дороже жизни для него нѣтъ ничего. «Все равно, сказалъ я:—во имя всего святого, прошу васъ,—дайте мнѣ бритву, ножикъ, ланцетъ... что нибудь такое!»—«Да у меня ничего нѣтъ», отвѣчалъ незнакомецъ.—«Ничего нѣтъ!» повторилъ я опять, должно полагать, не безъ торжественности; отошелъ отъ незнакомца и обошелъ всю комнату, обшаривая ее руками; потомъ, съ совершеннымъ уже отчаяніемъ въ душѣ, бросился на кровать и въ мучительномъ ожиданіи долженствующихъ вытащить меня за ноги мальчишекъ—заснулъ, какъ и слѣдовало заснуть человѣку, цѣлыхъ пять ночей не спавшему буквально ни минуты.

II.

Сонныя грезы мои, разумѣется, были продолженіемъ моихъ болѣзненныхъ галлюцинацій. Мнѣ снилось, что мальчишки вторглись наконецъ въ больницу; что они, одинъ за однимъ, входятъ въ мою комнату и вырѣзаютъ у меня маленькими кусочками въ разныхъ мѣстахъ мясо. Боли, къ удивленію моему, я не чувствовалъ при этомъ никакой; но мнѣ казалось, что всѣ боли, всѣ муки ожидаютъ меня тамъ, на улицѣ, гдѣ мое изрѣзанное тѣло намѣреваются поджаривать на медленномъ огнѣ. Какъ произошла со мной эта операція, я ужъ не помню,—только, въ заключеніе, мнѣ снилось, что меня, жестоко изувѣченнаго, истерзаннаго, еле-дышащаго, выкупилъ

у мальчишекъ и отвезъ въ больницу какой-то сердобольный мужичекъ. На этомъ я проснулся.

Въ комнатѣ царствовалъ по прежнему полумракъ, но это уже былъ полумракъ блѣднаго февральскаго разсвѣта, робко прокрадывавшагося сквозь рѣшетчатое окно. За дверью слышались шаги, голоса, плескъ воды. Первымъ дѣйствіемъ моимъ по пробужденіи было—внимательно осмотрѣть себя и ощупать, съ цѣлью изслѣдовать нанесенныя мнѣ ночью страшныя язвы. Язвъ никакихъ и нигдѣ, разумѣется, не оказалось, и это обстоятельство снова повергло меня въ ужасъ. «*Они* не взяли меня вчера, думалъ я,—стало быть, возьмутъ сегодня. Куда же бы бѣжать? гдѣ бы скрыться?..» Нить этихъ размышленій была вскорѣ прервана появленіемъ служителя—солдата, который пригласилъ меня отправиться въ ванну. Накинувъ на себя вмѣсто халата одѣяло, я по прежнему машинально послѣдовалъ за солдатомъ, все еще весь погруженный въ мои болѣзненыя думы. Мы пришли въ какую-то маленькую комнатку, въ которой пахло водой и мѣдью; солдатъ усадилъ меня на низенькій табуретъ и объявилъ, что мнѣ необходимо постричься и побриться. Не спрашивая, почему это необходимо, я безпрекословно отдалъ себя въ руки больничнаго фигаро изъ отставныхъ рядовыхъ, который тотчасъ же и началъ свое дѣло, сопровождая его разными шуточками и прибауточками, очевидно съ цѣлью раззабавить меня и успокоить. Фигаро вообще,—насколько узналъ я его послѣ,—былъ добродушно-лукавый малый, съ вѣчной улыбочкой на лицѣ, съ увертливыми, вовсе не солдатскими манерами и большимъ умѣньемъ угодить каждому «по дѣломъ его», т. е. смотря по тому вознагражденію, которое фигаро или получилъ уже, или надѣялся получить. Между другими служителями отдѣленія умалишенныхъ, фигаро почитался аристократомъ (аристократы есть вездѣ), а потому товарищи, за глаза, бранили его и попрекали двоедушіемъ; въ глаза же—относились къ нему съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Аристократическое значеніе фигаро основывалось преимущественно на томъ, что онъ по своей должности стоялъ особнякомъ отъ другихъ служителей и якшался не столько съ больными, сколько съ надзирателями отдѣленія, — стало быть, могъ при случаѣ и напакостить и порадѣть кому угодно. Должность же фигаро совмѣщала въ себѣ слѣдующія обязанности: изготовлять ежедневно ванну и купать въ ней назначенныхъ къ тому докторомъ больныхъ; стричь и брить

ихъ; завѣдывать отдѣленскимъ бѣльемъ; ходить за булками къ чаю; звонить къ обѣду и къ ужину. Всѣ эти обязанности свои фигаро, по крайней мѣрѣ по наружности, исполнялъ весело, ловко, съ вѣчной улыбочкой и шуточками; а потому пользовался расположеніемъ, какъ начальства, т. е. надзирателей, такъ и больныхъ. Послѣдніе, правда, по собственнымъ его разсказамъ, не разъ его били и кусали; но это обстоятельство не умаляло нисколько симпатіи фигаро къ умалишеннымъ, съ которыми довелось ему возиться уже не первый годъ, и онъ, смѣясь, съ удовольствіемъ разсказывалъ, какъ вотъ такой-то тогда-то чуть не откусилъ ему уха, а такой-то тогда-то чуть не проломилъ ему голову. Фигаро конечно зналъ очень хорошо, что онъ каждый день рискуетъ головой и ушами, ибо одинъ Богъ вѣдаетъ, что происходитъ въ мозгахъ сумасшедшаго человѣка; но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и чрезвычайно ловко управлялся съ своими жалкими и страшными паціентами — съ кѣмъ фамильярно, подружески; съ кѣмъ не то, чтобы почтительно, но и не то, чтобы фамильярно; съ кѣмъ довольно круто и энергично, если того требовала польза самого больного. Обращеніе фигаро съ больными, равно какъ и обращеніе съ ними всѣхъ другихъ служителей, замѣтилъ я, зависѣло главнымъ образомъ отъ чина и званія больнаго, а также частію и отъ степени его болѣзни. Да, дворянская громота и табель о рангахъ производили свое чарующее вліяніе и въ отдѣленіи умалишенныхъ! Былъ, напримѣръ, у насъ генералъ, былъ статскій совѣтникъ, былъ полковникъ, былъ капитанъ, былъ поручикъ, были чиновники всякаго ранга, были купцы, мѣщане, дворовые люди, — и съ каждымъ изъ этихъ субъектовъ служители обращались по своему. Однихъ постоянно величали титуломъ — «ваше превосходительство, ваше высокоблагородіе»; другихъ называли всегда по имени и отчеству; къ третьимъ относились съ полуименемъ и мѣстоимѣніемъ «ты», — разумѣется только тогда, когда не было при этомъ надзирателя. Надзиратели же строго требовали, чтобы служители обращались одинаково вѣжливо со всѣми больными, хотя сами при случаѣ оказывались тоже поклонниками генеалогическихъ и іерархическихъ различій, ибо такова ужь натура человѣка вообще, а русскаво въ особенности.

Добродушно лукавый фигаро, изъ рядовыхъ, лучше всѣхъ своихъ товарищей понималъ всѣ тонкости въ обращеніи съ разношер-

стными больными, но у него генеалогическія и іерархическія различія какъ-то скрадывались и исчезали подъ покровомъ вѣчной шутки, никого не оскорблявшей и всѣхъ увеселявшей. Онъ тоже, случалось, говорилъ больнымъ «ты», называлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ полуименемъ, дѣлалъ это даже при надзирателяхъ; но надзиратели съ своей стороны не дѣлали ему за это никакихъ замѣчаній, потому что ни «ты», ни полуимя въ устахъ добродушно - лукаваго и вѣчно-шутящаго фигаро отнюдь не могли назваться грубостью. Больные же охотно слѣдовали за фигаро въ ванну, охотно подставляли головы подъ его ножницы и бритву, и нерѣдко сами просили, чтобъ ихъ обстричь и обрить. «Вишь какой сталъ красавецъ! говорилъ всегда фигаро, окорнавъ иного умалишеннаго до того, что у него голова свѣтилась, какъ мѣдный шаръ: — совсѣмъ сталъ красавецъ! А то что съ волосищами-то ходитъ, словно демонъ»! И «красавецъ» улыбался и уходилъ очень довольный собой, а фигаро принимался производить другого такого же «красавца» съ помощью ножницъ, бритвы, теплой воды и вонючаго, сквернаго мыла. Словомъ, въ отдѣленіи фигаро былъ человѣкъ очень популярный, и *не забывая его* при случаѣ, можно было ожидать отъ него всевозможныхъ услугъ.

Все это подмѣтилъ и узналъ я уже впослѣдствіи; при первой же встрѣчѣ съ фигаро я даже не разсмотрѣлъ его лица, будучи весь погруженъ въ мои болѣзненныя грезы и опасенія. Подъ вліяніемъ этихъ грезъ и опасеній, съ прежней цѣлью—не быть узнаннымъ, я попросилъ фигаро сбрить мнѣ бороду, оставивъ одни усы, что онъ и сдѣлалъ съ великимъ удовольствіемъ, говоря: «такъ-то оно будетъ не въ примѣръ лучше». Затѣмъ онъ посадилъ меня въ ванну и предложилъ «вымыть головку». По совершеніи этой операціи, фигаро облекъ меня въ толстое, но чистое бѣлье, а на шею, вмѣсто галстуха, повязалъ я бѣлый бумажный платокъ. Туалетъ этотъ довершенъ былъ рыжимъ халатомъ изъ верблюжьяго сукна, и въ такомъ нарядѣ я снова препровожденъ былъ въ мою комнату. Туда подали мнѣ кружку чая съ крошечнымъ кусочкомъ сахара и четверть *казенной* булки, въ родѣ французской. Послѣ чая, лежа на кровати, я какъ-то вдругъ пришелъ въ себя. Случилось это такимъ образомъ: припоминая пугавшія меня цѣлыхъ два дня видѣнія, я невольно былъ пораженъ нелѣпостью и совершенною невозможностью одной изъ разыгравшихся въ моей разстроенной фантазіи сценъ.

«Какъ же это могло такъ случиться? Вѣдь это ни съ чѣмъ несообразно»? думалъ я, и переходя отъ сцены къ сценѣ, отъ одного видѣнія къ другому, я находилъ вездѣ точно такія же несообразности и нелѣпости, и наконецъ невольно улыбнулся. «Значитъ, вотъ что меня пугало! Однѣ болѣзненныя галлюцинаціи! А теперь я въ больницѣ», подумалъ я, не зная еще и не догадываясь, въ какое именно отдѣленіе больницы упрятали меня сердобольные пріятели. Но до этого въ ту минуту мнѣ не было никакого дѣла: самый главный, самый страшный грузъ съ души свалился; я пришелъ въ сознаніе; я положительно убѣдился, что мучившія меня видѣнія были однимъ порожденіемъ разстроеннаго болѣзнью воображенія, и грудь моя исполнилась невыразимо - радостнымъ чувствомъ...

Въ это время вошелъ въ комнату мой ночной товарищъ, пожелалъ мнѣ «добраго утра» и, усѣвшись на своей кровати, принялся немедленно нюхать табакъ. Это былъ индивидуумъ лѣтъ сорока, съ добродушною, незатѣйливою физіономіею, съ темными усами и не совсѣмъ еще отросшею бородою. Одѣтъ онъ былъ въ длинное, черное, наглухо застегнутое пальто и такіе же панталоны, держался нѣсколько сутуловато и глядѣлъ хоть изподлобья, но все таки въ высшей степени кротко. Нюханье табаку доставляло ему, повидимому, большое удовольствіе.

— Какъ ночь почивали? спросилъ онъ меня, вдоволь нанюхавшись, начихавшись и насморкавшись.

— Хорошо.

— А вотъ сейчасъ докторъ пріѣдетъ, сказалъ онъ послѣ недолгаго молчанія.

— Да, я теперь совершенно пришелъ въ себя и чувствую себя очень хорошо, отвѣчалъ я: — мнѣ надобно было только заснуть, потому что я не спалъ цѣлыхъ пять ночей.

— Гм... да, произнесъ мой собесѣдникъ и снова, послѣ краткаго молчанія, присовокупилъ: — а ночью-то вы меня порядкомъ напугали, ей Богу!

Онъ весело, но глуповато засмѣялся и продолжалъ:

— Ей Богу! Вскочили это вдругъ съ кровати, подбѣжали ко мнѣ, схватили меня за горло и требуете ножа. Я вижу: стоитъ передо мной мужчина ражій, дверь заперта, дежурный въ томъ корридорѣ... Ну, и испужался! ей Богу, испужался!

Онъ опять весело, но глуповато засмѣялся и опять вынулъ табатерку. Въ эту самую минуту, въ комнату влетѣлъ субъектъ, невольно обратившій на себя мое вниманіе. Это былъ молодой человѣкъ съ взъерошенными, дыбомъ стоявшими волосами, съ бойкими, вертлявыми манерами и какъ будто не совсѣмъ дурною, но крайне ординарною физіономіею, на которой такъ и читалось: «пороху не выдумаетъ». Субъектъ этотъ былъ безъ пантолонъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и какомъ-то странномъ верхнемъ одѣяньи, совершенно скрывавшемъ руки молодого человѣка. Такого одѣянья я еще никогда дотолѣ не видывалъ, и обозрѣніе его произвело на меня какое-то непріятное впечатлѣніе. Но молодой человѣкъ, повидимому, костюмомъ своимъ нисколько не стѣснялся и, бойко шаркнувъ ножкой передъ моимъ товарищемъ, весело проговорилъ:

— Съ добрымъ утромъ.

— Съ добрымъ утромъ, отвѣчалъ тотъ, не вставая съ кровати.

Молодой человѣкъ искоса взглянулъ на меня и, снова обратившись къ моему товарищу, продолжалъ:

— Ну что, братъ?

— Да ничего, отвѣчалъ тотъ и засмѣялся.

— А мы, братъ, сегодня покутимъ, сказалъ молодой человѣкъ, опять еще шаркнувъ ножкой бойчѣе прежняго, — да-съ, покутимъ! Будетъ у насъ шампанское съ конькякомъ, и дѣвочки будутъ... Да-съ!

— А кофту-то когда снимутъ? спросилъ мой товарищъ, показывая глазами на странное верхнее одѣянье молодаго человѣка, и совсѣмъ ужъ глупо засмѣялся.

Тотъ повернулся на одной ножкѣ, еще разъ искоса взглянулъ на меня и вышелъ, напѣвая громкимъ голосомъ:

Ты, душа-ль моя, красна дѣвица,
Ты, звѣзда-ль моя, ненаглядная...

— Служилъ на флотѣ лейтенантомъ, началъ мой товарищъ, обращаясь ко мнѣ: — потомъ служилъ по полиціи, а теперь хочетъ въ гусары поступить.

— Что это на немъ за костюмъ? спросилъ я.

— Смирительная кофта.

— За что-жъ ее надѣли на него?

— А онъ вчерась раздѣлся нагишомъ, да такъ и ходитъ. Надзиратель увидѣлъ и нарядилъ молодца въ кофту.

И опять смѣхъ — веселѣй и глупѣй прежняго.

Я начиналъ догадываться, что попалъ въ отдѣленіе умалишенныхъ, но эта догадка не поразила меня на первыхъ порахъ такъ, какъ бы должна была поразить. Я больше всего боялся преслѣдовавшихъ меня галлюцинацій; убѣдившись же, что это дѣйствительно не что иное, какъ галлюцинаціи, чувствовалъ себя почти-что счастливымъ. Къ тому же я былъ совершенно здоровъ, и кромѣ голода (я не ѣлъ передъ тѣмъ цѣлыхъ пять дней), не испытывалъ въ тѣ минуты никакого другаго непріятнаго ощущенія.

Между тѣмъ, совсѣмъ ужъ разсвѣтало; гдѣ-то въ корридорѣ пробило девять часовъ, и почти вслѣдъ затѣмъ вошедшій служитель пригласилъ меня къ доктору, объявивъ при этомъ, что меня переводятъ въ другую комнату. Докторъ встрѣтилъ меня у дверей назначенной мнѣ новой комнаты, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, поглядѣлъ мою ранку на шеѣ *) и, не сказавъ ни слова, важно удалился. Докторъ (нѣмецъ) обладалъ вообще необыкновенно важной наружностью; ученость и мудрость такъ, казалось, и выходили двумя невидимыми свѣтоносными столбами изъ его широкой, гладкой и величавой лысины; а голову держалъ онъ такъ, какъ будто не кланялся еще никому съ самой минуты своего рожденія. Въ дѣтскихъ книжкахъ есть такія изображенія *мудрецовъ*, по большей части въ розовыхъ рубашкахъ и голубыхъ мантіяхъ съ сандаліями на толстыхъ ногахъ. Къ нашему доктору, я думаю, очень пристали бы и розовая рубашка, и голубая мантія, и сандаліи; тѣмъ болѣе, что подобно *мудрецамъ* онъ былъ удовлетворительно мясистъ.

По уходѣ доктора, мнѣ показали мое новое помѣщеніе, ничѣмъ почти не отличавшееся отъ стараго; дали мнѣ по моей просьбѣ ломоть чернаго хлѣба съ солью и я, позавтракавъ, улегся на кровати. На другой кровати лежалъ субъектъ лѣтъ за сорокъ, одѣтый точно также, какъ мой прежній товарищъ, и жолтое, худое, истом-

---

*) Еще дома, въ день отправленія моего въ больницу, подъ вліяніемъ ужасныхъ видѣній, въ припадкѣ страшнаго изступленія, я нанесъ себѣ перочиннымъ ножемъ небольшую рану въ шею.

ленное лицо этого господина какъ-то невольно разомъ шевельнуло въ моемъ сердцѣ чувство состраданія. Я поглядѣлъ попристальнѣе на моего новаго товарища; онъ тоже взглянулъ на меня тусклымъ, неподвижнымъ взоромъ; потомъ медленно перевелъ этотъ взоръ куда-то на стѣну; потомъ перевернулся на другой бокъ, поджалъ ноги и въ этомъ положеніи словно замеръ. Я тоже перевернулся на другой бокъ, съ цѣлью заснуть; но заснуть не могъ. Освобожденный отъ сковывающихъ его болѣзненныхъ представленій, мозгъ мой начиналъ работать по обыкновенію, и настоящее положеніе мое стало представляться мнѣ мало по малу въ своемъ истинномъ свѣтѣ. Я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, а мнѣ предстояло провести, можетъ быть, очень не мало дней съ сумасшедшими, да еще безъ книгъ, безъ занятій, безъ всего того, къ чему я привыкъ въ моей домашней жизни. Такая перспектива нагоняла на меня ужасъ; тоска сильнѣй и сильнѣй начинала подступать къ сердцу, и я тревожно переворачивался съ боку на бокъ на жесткомъ больничномъ матрацѣ, изыскивая въ головѣ всевозможные способы къ тому, чтобы освободиться изъ невыносимаго больничнаго заключенія, если не сегодня же, то, по крайней мѣрѣ, непремѣнно завтра...

А товарищъ мой все лежалъ въ одномъ и томъ же положеніи, хотя повидимому и не спалъ; а за дверью, въ корридорѣ кипѣла своего рода жизнь, привыкнуть къ которой можно было далеко не вдругъ. Тамъ ходили, говорили, пѣли, ругались; вотъ кто-то за стѣной налѣво застоналъ; вотъ кто-то отвѣтилъ на этотъ стонъ изъ корридора громкимъ крикомъ, въ которомъ я разобралъ только два слова: «Анна Андревна». Басистый голосъ у самой нашей комнаты глухо и протяжно тянулъ: «Господи, помилуй... Подай, Господи... Тебѣ, Господи». Потомъ этотъ голосъ внезапно смолкъ и, вмѣсто воззваній къ Господу, произнесъ съ выраженіемъ досады и угрозы:

— Ну куда пробираешься? Кто тебя пуститъ? Вѣдь я тебя опять провожу...

— Куда провожу? отвѣчалъ на это другой, жалобный голосъ, впрочемъ тоже не безъ выраженія досады :—пустите вонъ!

— Долго ли мнѣ съ тобой разговаривать? продолжалъ басъ: — Вѣдь священникъ не станетъ съ тобой разговаривать столько, сколько я. Малый ты ребенокъ что-ли? куда я тебя пущу?

Заинтересованный этимъ разговоромъ, я всталъ съ кровати и вышелъ въ корридоръ.

У самой нашей комнаты, въ темномъ углу, рядомъ съ дверью, ведшей изъ отдѣленія въ пріемную и надзирательскую комнату, сидѣлъ у маленькаго столика часовой, старый коренастый солдатъ съ большими сѣдыми бакенбардами и лицомъ, нѣсколько напоминавшимъ физіономію большой породы орангутанга. Басистый голосъ принадлежалъ ему. У противоположной стѣны, плотно къ ней прижавшись, стоялъ худощавый, сутуловатый молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и растрепанными, бѣлокурыми волосами, одѣтый точно въ такой же рыжій халатъ, какой красовался и на мнѣ. Молодой человѣкъ стоялъ у стѣнки неподвижно, но глаза его не покидали ни на мгновеніе выходной двери, и вся поза его была такова, что казалось, вотъ-вотъ онъ и прыснетъ, какъ заяцъ, вспугнутый охотничьимъ арапникомъ. Выходная дверь влекла его къ себѣ съ неодолимою силою.

— Ступай, ступай, пока добромъ тебя просятъ! пробасилъ часовой.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ два шага впередъ, т. е. къ двери.

— Ишь ты! глухо, но злобно не пробасилъ ужъ, а прохрипѣлъ часовой:—ишь ты, какъ крадется! говорятъ тебѣ: ступай въ свою комнату, пока я тебя не проводилъ!

Молодой человѣкъ наконецъ прыснулъ и въ два прыжка очутился у двери, обронивъ при этомъ обѣ свои туфли. Но часовой, по видимому, штуку эту предвидѣлъ, потому что не успѣлъ еще тотъ наложить руки на ручку дверного замка, какъ уже старый орангутангъ схватилъ юношу за плечи, круто повернулъ его налѣво кругомъ и поперъ въ спину по корридору, глухо бася: «убирайся! убирайся»!

— Пустите вонъ! пустите во-онъ! пустите во-о-онъ! заливался злополучный юноша; но старикъ такъ-таки и проперъ до его комнаты въ другомъ корридорѣ, откуда долго еще раздавалось: «пустите вонъ! пустите во-онъ! пустите во-о-онъ»!

Совершивъ этотъ подвигъ, часовой только-что было снова усѣлся въ своемъ темномъ углу на деревянномъ стулѣ у столика, какъ къ нему подковылялъ, съ трудомъ волоча одну ногу, маленькій и худенькій старичокъ тоже въ рыжемъ халатѣ. Старичокъ очевидно былъ въ параличѣ, и даже причину этого бѣдствія угадать было не

трудно при одномъ взглядѣ на старческое лицо, которое еще и теперь, въ болѣзненномъ состояніи, съ успѣхомъ могло бы замѣнить вывѣску: «продажа питей распивочно и на выносъ». Багряно-красный носъ и багряно-красныя щеки несомнѣнно изобличали въ старцѣ нѣкогда страстнаго поклонника «сивухи», а вѣчно-улыбающееся выраженіе этой красной физіономіи (произведенное, должно полагать, не жизнью, а *кондрашкой*) придавали ей нѣчто въ высшей степени комическое. Борода и волосы старика были почти бѣлые; пораженная параличемъ правая рука, безъ движенія лежала на груди.

— Пожелать благополучія, и счастія и здоровья! проговорилъ онъ какъ-то необыкновенно умильно, на распѣвъ, не совсѣмъ ясно выговаривая слова, но сильно ударяя на букву *о*.

— А! Петръ Андреичъ! пробасилъ часовой: — домой что-ли собрался?

— Домой, батюшка, домой!

— Завтра домой.

— Нѣтъ, домой! ей Богу, домой!

— Бумаги еще не готовы.

— Ей Богу, домой!

— Да Анна Андревна не беретъ.

— Ефимка! Анна Андревна! заоралъ вдругъ старичокъ такъ, что я невольно вздрогнулъ:—засталъ на антресоляхъ Каченовскій!.. Засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать!

— Вотъ за это-то и не беретъ, замѣтилъ часовой, очевидно только и дожидавшійся этого увеселительнаго пассажа.

— Ефимка! Анна Андревна! закричалъ еще громче старичекъ:— засталъ на антресоляхъ Каченовскій!.. Засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать! нечего дѣлать!

— Вотъ за это-то и не принимаетъ, повторилъ часовой совершенно спокойно и безстрастно, но видимо довольный эффектомъ своихъ рѣчей.

— Ефимка! Анна Андревна! заоралъ въ третій разъ старичокъ совсѣмъ ужъ неистовымъ голосомъ: — засталъ на антресоляхъ Каченовскій!.. Засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать! нечего дѣлать!..

Часовой, казалось, хотѣлъ сдѣлать еще какое-то подстрекающее

замѣчаніе, но въ эту минуту отворилась входная дверь; изъ нея высунулась чья-то голова съ вихрами и лаконически проговорила:

— Кричи—къ столу!

— Столъ накрывать! громко и повелительно пробасилъ часовой, и на этотъ крикъ тотчасъ же появилось въ корридорѣ нѣсколько человѣкъ служителей. Я удалился въ свою комнату и снова улегся на кровати, въ нетерпѣливомъ ожиданіи обѣда, потому что я былъ очень голоденъ. Старичокъ между тѣмъ прогорланилъ еще разъ про Ефимку и Анну Андревну и тоже удалился. Желтолицый мой товарищъ все еще лежалъ въ прежнемъ положеніи. Теперь впрочемъ онъ, казалось, спалъ, не взирая ни на Ефимку, ни на Анну Андревну, ни на антресоли.

III.

Въ корридорѣ пробило двѣнадцать часовъ, и немедленно вслѣдъ за этимъ послышался звонъ колокольчика, какъ двѣ капли воды напоминавшаго почтовый. Это былъ вожделенный призывъ къ обѣду, — призывъ, по которому изъ всѣхъ комнатъ потянулись и поплелись въ столовую разнохарактерныя и болѣе или менѣе странныя фигуры въ рыжихъ халатахъ и длиннополыхъ черныхъ пальто. Въ столовой, довольно длинной, но узкой комнатѣ, находившейся въ концѣ сосѣдняго корридора, накрытъ былъ столъ человѣкъ на двадцать. Вокругъ стола шли длинныя скамьи, замѣнявшія стулья; на другомъ, небольшомъ столикѣ, въ углу ставилось кушанье въ оловянныхъ и мѣдныхъ мискахъ; на третьемъ, въ противоположномъ углу, стояли въ большихъ кувшинахъ квасъ и вода, подававшіеся желающимъ въ глиняныхъ кружкахъ. Тарелки и ложки были оловянныя; ножей же и вилокъ не пологалось вовсе, изъ опасенія, чтобы больные не сдѣлали изъ нихъ какого нибудь совершенно особеннаго употребленія. Опасеніе дѣйствительно справедливое, потому что иной умалишенный только и жилъ тою мыслью, чтобы схватить чѣмъ нибудь или товарища, или служителя, или самого себя.

Больные въ столовой держали себя впрочемъ очень прилично и чинно. Подойдя къ столу, каждый изъ нихъ становился у избраннаго имъ мѣста и, до прихода надзирателя, никто почти не позволялъ себѣ даже прикасаться къ хлѣбу, который, въ формѣ большихъ горбушекъ, лежалъ сверхъ салфетки на каждомъ приборѣ. Явился наконецъ дежурный надзиратель, прозвонилъ еще разъ въ маленькій колокольчикъ, прочелъ молитву, и всѣ усѣлись. Дѣло было великимъ постомъ, а потому передъ надзирателемъ, разливавшимъ и раздавшимъ кушанье, поставили двѣ мпски: одну съ постными, другую съ скоромными щами. Постились въ больницѣ по желанію, и постниковъ было гораздо больше, чѣмъ скоромниковъ, такъ какъ православный элементъ преобладалъ надъ всѣми другими, имѣвшими своихъ представителей въ отдѣленіи умалишенныхъ.

Щи, можетъ быть — съ голоду, показались мнѣ очень вкусными, и я, опроставъ тарелку, попросилъ себѣ прибавки. Прибавки почти каждаго кушанья просили себѣ очень многіе, и въ этомъ никому не отказывалось, если только доставало кушанья. За щами слѣдовали: для постниковъ винигретъ съ селедкой; для скоромниковъ говядина подъ какимъ-то краснымъ, сладкимъ соусомъ. Говядина была уже заблаговременно нарѣзана довольно мелкими кусочками, такъ что ее очень удобно можно было брать ложкой. Третьимъ и послѣднимъ блюдомъ была жидкая каша — размазня, къ которой, какъ я замѣтилъ, всѣ относились съ гораздо меньшею симпатіею, чѣмъ къ двумъ первымъ кушаньямъ. Въ антрактахъ то и дѣло требовался квасъ, и служителя едва успѣвали подавать его въ разные концы стола.

Мнѣ пришлось сидѣть вторымъ отъ надзирателя. По правую сторону возлѣ меня помѣщался низенькій и плотненькій господинъ лѣтъ за тридцать, съ густой темнорусой бородой и быстрыми черными глазками, очень часто и очень глупо улыбавшійся и застѣнчиво устремлявшій глаза въ тарелку, какъ только кто нибудь на него взглядывалъ. Это былъ глухо-нѣмой, процвѣтавшій въ отдѣленіи умалишенныхъ уже тринадцатый годъ, съ двадцатилѣтняго своего возраста. Мнѣ случилось впослѣдствіи читать его *скорбный листъ*, въ которомъ, по требованію больницы, какой-то родственникъ глухонѣмаго описывалъ его наклонности и причину его помѣшательства. Описаніе это показалось мнѣ довольно забавнымъ. Вотъ оно слово въ слово:

«*Причина болѣзни*: испугъ, ибо отецъ его былъ подверженъ слабости (вину) и въ семъ видѣ побилъ его, отчего въ тотъ же часъ онъ перемѣнился. *Наклонности*: имѣетъ наклонности къ задумчивости, къ сладострастію и къ куренію табаку».

Относительно сладострастія и куренія табаку, я не могу сказать съ своей стороны ничего; что же касается до задумчивости, то ей, дѣйствительно, сосѣдъ мой по столовой былъ подверженъ въ сильной степени. Да и какъ ему было не быть задумчивымъ? Онъ еле слышалъ самые громкіе вопросы и еле могъ бормотать въ отвѣтъ какія-то непонятныя слова. По цѣлымъ днямъ, бывало, заложивши руки за спину, ходилъ онъ мѣрными шагами взадъ и впередъ по корридору, или скорчившись неподвижно, сидѣлъ гдѣ нибудь въ уголку на лавкѣ, закрывши лицо руками и, Богъ вѣсть, что думая. Пребываніемъ своимъ въ больницѣ онъ однакожъ, по видимому, нетяготился нисколько: всегда былъ тихъ и невозмутимо спокоенъ; при встрѣчѣ съ другими сумасшедшими почти постоянно улыбался; кушалъ аппетитно; спалъ отлично. Да вѣдь за то онъ продѣлывалъ все это ни больше, ни меньше, какъ тринадцатый годъ! Въ такой срокъ можно привыкнуть чортъ знаетъ къ чему!..

Таковъ былъ мой сосѣдъ одесную. Ошую возсѣдалъ старикъ въ зеленомъ халатѣ, въ которомъ, т. е. въ старикѣ, уже по однимъ казеннымъ бакенбардамъ, подковой—отъ уха къ носу, всякій угадалъ бы съ разу отставного солдата. Но и кромѣ бакенбардъ, вся физіономія старика могла служить типомъ русской служивой морды, извѣдавшей на вѣку своемъ всѣ буйства стихій и рукъ человѣческихъ. Старецъ дѣйствительно былъ отставный унтеръ-офицеръ, довершавшій многолѣтнюю воинскую карьеру свою въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы, по причинѣ недуга, обозначеннаго въ унтеръ-офицерскомъ скорбномъ листѣ красивымъ словомъ: «deceptio monomaniatica.» Недугомъ этимъ старецъ томился уже третій годъ.

Vis-à-vis съ нимъ и наискось, какъ бы для пріятнаго напоминанія ему о знакомыхъ прелестяхъ воинскаго чинопочитанія и дисциплины помѣщались: поручикъ, прапорщикъ и штабсъ-капитанъ,—всѣ трое отставные и всѣ трое помѣшанные едвали не безнадежно. Поручикъ, господинъ лѣтъ тридцати четырехъ, съ худымъ, осунувшимся, желтымъ и желчнымъ лицомъ, увѣнчаннымъ дыбомъ стоявшими, темными волосами, не могъ посидѣть ни минуты спокойно. Онъ безпрестанно выдѣлывалъ самые разнообразные жесты руками или ложкой,

язвительно улыбался и хихикалъ, язвительно оглядывался по сторонамъ и немолчно бормоталъ себѣ подъ носъ какія-то отрывистыя, непонятныя фразы, въ которыхъ чаще всего слышались слова: «мерзость, мерзавцы, подлецы, ослы, сволочь» и т. п. Прапорщикъ, напротивъ, благодушествовалъ и весь погруженъ былъ въ ѣду, хотя несходившая съ его устъ улыбка не лишена была тоже отчасти саркастическаго характера. Это былъ полякъ, или вѣрнѣе, польскій жидъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, по фамиліи Бейеръ. Сложенія былъ онъ чрезвычайно плотнаго и благонадежнаго, но весьма не пропорціональнаго: на его коротенькихъ ножкахъ покоилось длинное, коренастое туловище и огромная голова съ широкимъ и длиннымъ лицомъ, украшеннымъ здоровыми, румяными щеками, большимъ горбоватымъ носомъ и маленькими глупо-лукавыми глазками. Такой субъектъ, казалось, не долженъ бы былъ знать и самаго слова «болѣзнь»; а между тѣмъ отдѣленіе умалишенныхъ ***ской больницы зрѣло въ стѣнахъ ствоихъ г. Бейера уже пятый годъ и, по всей вѣроятности, будетъ зрѣть его еще очень долго, если только не всегда. Прапорщичья болѣзнь, въ скорбномъ листѣ его, опредѣлялась выраженіемъ: «stultitia congenita moriatica», и это роковое слово «congenita» могло служить самымъ надежнымъ ручательствомъ тому, что долголѣтенъ будетъ г. Бейеръ въ сумасшедшемъ отдѣленіи, хотя, собственно говоря, что ужъ и лечить *прирожденную дурь*?

Зналъ это, или не зналъ прапорщикъ изъ польскихъ жидовъ, но онъ, подобно глухо-нѣмому сосѣду моему, нисколько, по видимому, не тяготился пребываніемъ своимъ въ больницѣ; былъ тутъ совершенно какъ дома и большую часть времени проводилъ въ сладостномъ снѣ. Кушалъ же онъ такъ, что, глядя на него, почувствовалъ бы аппетитъ и сытый человѣкъ. Щи, говядина, каша,—все это исчезало у Бейера съ невѣроятной быстротой, и послѣ каждаго блюда, онъ словно чѣмъ уколотый или ужаленный, быстро вскакивалъ съ своего мѣста, протягивалъ тарелку по направленію къ надзирателю и лаконически, громко и рѣзко вскрикивалъ: «прибавки!» Если прибавки, по неимѣнію кушанья, не давалось, то огорченный прапорщикъ успокоивался не вдругъ, и не разъ обращался къ надзирателю съ вопросомъ: не пошлетъ ли онъ еще за кушаньемъ на кухню, и если не пошлетъ, то почему? Говорилъ онъ по русски съ презабавнымъ, польскимъ акцентомъ, да и вообще

былъ человѣкъ очень забавный, и мнѣ не мало придется разсказать о немъ въ этомъ очеркѣ.

Что касается до штабсъ-капитана, котораго всѣ почему-то называли капитаномъ, то это былъ дженльменъ лѣтъ тридцати трехъ, тоже подобно Бейру, довольно плотный и коренастный, но при этомъ столь же лысый, какъ самъ нашъ докторъ, хотя разумѣется, далеко не столь же ученый и мудрый. Съ капитаномъ, говорили мнѣ, былъ апоплексическій ударъ, да еще не одинъ, и по этой причинѣ онъ стяжалъ себѣ помѣшательство, признанное нашимъ лысо-учено-мудрымъ эскулапомъ: «stupiditas apoplectica». Вслѣдствіе этой «stupiditas», капитанъ говорилъ очень неразборчиво, невнятно, безсвязно и несъ большею частью совершенную дичь, обнаруживая лишь нѣкоторыя слѣды и проблески человѣческаго смысла и разумѣнія тогда, когда принимался сквернословить и ругать свою отсутствующую жену. Кушалъ онъ впрочемъ очень исправно и, принадлежа къ числу скоромниковъ, просилъ себѣ, послѣ каждаго скоромнаго блюда, еще постнаго кушанья, сопровождая эти просьбы безпрестаннымъ потираніемъ своей лысины отъ затылка къ маковкѣ. Благоденствовалъ онъ въ отдѣленіи умалишенныхъ уже около года.

Другихъ сумасшедшихъ, во время этого перваго моего обѣда въ ихъ пріятномъ обществѣ, я не разсмотрѣлъ. Обѣдали въ столовой не всѣ (всего больныхъ во время поступленія моего въ отдѣленіе было, со мной, тридцать семь человѣкъ). Изъ нихъ нѣкоторые обѣдали по своимъ комнатамъ; изъ этихъ послѣднихъ вниманіе мое, на первый разъ, остановили на себѣ двое. Одинъ былъ субъектъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, съ небольшими, коротко подстриженными усиками, желтый, худой, согбенный, подвязанный чернымъ платкомъ, словно онъ страдалъ всевозможными недугами, начиная отъ зубной боли и кончая какими-нибудь подагрическими припадками. Онъ вошелъ въ столовую тихо, неслышно, еле передвигая ноги, приблизился къ надзирателю и протянулъ ему свою тарелку, беззвучно шевеля губами и не то улыбаясь, не то судорожно осклабляясь. Получивъ желанное, онъ также тихо, не слышно и медленно вышелъ. Это былъ докторъ, полякъ, человѣкъ—какъ мнѣ послѣ сказали—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательный, О немъ я еще буду говорить далѣе. Другой вбѣжалъ, шлепая туфлями, съ жалобнымъ крикомъ: «квасу! дайте кружечку квасу»—и кинулся прямо

къ столу, на которомъ стоялъ квасъ. Онъ былъ безъ халата, въ одномъ нижнемъ исподнемъ бельѣ и накинутомъ на голову одѣялѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись тоненькія, подгибавшіяся, готовыя кажется сейчасъ переломиться, ножки. Когда, при безпокойныхъ движеніяхъ больнаго, одѣяло съ головы его спало, я увидѣлъ, что онъ былъ лысъ, какъ Сократъ; худъ и блѣденъ, какъ человѣкъ. только что отошедшій въ «лучшій міръ», послѣ тяжкой болѣзни, Даже носъ у него вытянулся и заострился, какъ носъ покойника; даже глаза его глядѣли такимъ внимательнымъ взглядомъ, какимъ глядятъ они передъ тѣмъ, какъ закроетъ ихъ на вѣки чья нибудь сердобольная рука. Мнѣ и дѣйствительно удалось видѣть въ непродолжительномъ времени, какъ глаза эти закрыла на вѣки сердобольная рука нашего добродушнаго фигаро...

— Квасу! кружечку квасу! вопилъ онъ дрожащимъ голосомъ, порываясь къ столу, куда не пускали его служителя.

— Вѣдь вамъ докторъ запрещаетъ пить квасъ, сказалъ надзиратель.

— Квасу! ради Бога, квасу! продолжалъ стонать бѣднякъ и достонался таки до того, что ему дали кружку квасу, которую онъ проглотилъ съ невыразимой жадностью, послѣ чего тотчасъ же исчесъ изъ столовой.

Между тѣмъ размазня была съѣдена, тарелки и ложки убраны, и умалишенные чинно и благоправно сидѣли, ожидая сигнала къ выходу. Сигналъ этотъ поданъ былъ надзирательскимъ колокольчикомъ. Послѣ этого надзиратель прочелъ коротенькую молитву и затѣмъ всѣ разошлись—кому куда требовалось.

Я пошелъ въ свою комнату. Желтолицый и молчаливый товарищъ мой, не обѣдавшій за общимъ столомъ, стоялъ, прислонившись спиной къ печкѣ, и неопредѣленно смотрѣлъ куда-то въ уголъ. Стоялъ онъ такъ впрочемъ не долго, потому что опять завалился на постель, принявъ прежнюю позу, т. е. повергнувшись лицомъ къ стѣнѣ и поджавши ноги. Я тоже легъ на постель, но желанный сонъ не являлся къ моимъ услугамъ, и я отъ невыносимой скуки отправился осматривать во всѣхъ подробностяхъ отдѣленіе умалишенныхъ, куда такъ неожиданно забросила меня судьба, по милости начавшейся бѣлой горячки и сострадательно-услужливыхъ пріятелей.

IV.

Послѣ трапезы, умалишенные любили соснуть и спали довольно крѣпко; когда я осматривалъ наружную обстановку больницы, въ корридорахъ почти никого не было. Только на одномъ изъ деревянныхъ диванчиковъ сидѣлъ глухо-нѣмой, скорчившись и закрывъ лицо руками, да какой-то юноша бодраго даже отчаяннаго вида неустанно шнырялъ изъ своей комнаты въ рекреаціанную залу и обратно, безпрестанно плюя и громко самъ съ собою разговаривая. Въ рекреаціонной залѣ было тоже только двое: штабсъ-капитанъ, онъ же и капитанъ, и какой-то господинъ еще молодой, но уже съ лицомъ, выцвѣтшимъ и покрытымъ мелкими морщинами, съ подслѣповатыми, тусклыми глазами, съ красными вѣками и вообще съ физіономіей, произведшей на меня сразу самое непріятное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, я присѣлъ въ залѣ на окно и предался созерцанію. Капитанъ сидѣлъ неподвижно на стулѣ, обвязавъ себѣ лицо носовымъ платкомъ; молодой старикъ торопливо ходилъ изъ угла въ уголъ, безостановочно и необыкновенно скоро нашептывая какія-то фразы, словно заучивая недающійся урокъ. Вслушавшись, я розобралъ слѣдующее: «ольденбургское дворянское собраніе, варшавскій университетъ, ольденбургское дворянское собраніе, варшавскій университетъ»—и такъ далѣе до безконечности. Иногда онъ на полномъ бѣгу наклонялся и какъ будто поднималъ что-то съ полу; иногда останавливался предъ стѣной или печкой и чертилъ на нихъ пальцемъ какія-то фигуры, или разставивъ ноги и подпершись руками въ бока, неподвижно и пристально смотрѣлъ на одно какое-нибудь мѣсто... А тамъ снова начиналось: «ольденбургское дворянское собраніе, варшавскій университетъ, ольденбургское дворянское собраніе, варшавскій университетъ...»

Я просидѣлъ на окнѣ болѣе четверти часа, и во все это время молодой старикъ не присѣлъ ни на минуту,—и во все это время—«ольденбургское дворянское собраніе,» «варшавскій университетъ» не замѣнилось въ его устахъ никакимъ другимъ словомъ. Юноша бодраго вида тоже продолжалъ прохаживаться изъ своей комнаты въ залу и обратно, поплевывя и твердя громко и злобно: «сумасшед-

шіе! нѣтъ, мы не сумасшедшіе! человѣкъ сойдти съ ума не можетъ и помѣшаться не можетъ. А если можетъ, такъ все-таки мы помѣшанные, а не сумасшедшіе»...

Мнѣ это наконецъ надоѣло, и я пошелъ въ свою комнату. Когда я проходилъ мимо юноши бодраго вида, онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то грознымъ вниманіемъ и громче прежняго проговорилъ мнѣ въ слѣдъ:

— Спартанскихъ юношей сѣкли передъ статуей: вотъ сумасшедшіе-то, а не мы! мы—что? Мы не сумасшедшіе. А коли самасшедшіе, такъ лечи насъ.

Басистый часовой дремалъ въ темномъ углу своемъ, склонившись головою на руку; товарищъ мой почивалъ, по видимому, очень сладко, не измѣнивъ принятой имъ позы. Я тоже бросился на жесткую свою койку, съ чувствомъ, близкимъ къ отчаянію,—думалъ: «Что-жъ это такое? неужто же я въ самомъ дѣлѣ въ отдѣленіи умалишенныхъ? Неужто же я пробуду здѣсь нѣсколько дней?... Да вѣдь эдакъ въ самомъ дѣлѣ можно сойти съ ума, отъ одной тоски!... Хоть бы книжку какую-нибудь, даже самую дрянную, хоть бы газету... хоть бы пріѣхалъ ко мнѣ кто нибудь изъ знакомыхъ... А то вѣдь это просто ужасно!..»

И я переворачивался съ боку на бокъ, разсматривая потолокъ; разсматривалъ стѣны, разсматривалъ скрюченную спину и взъерошенный затылокъ моего спящаго товарища, сосчиталъ стекла въ окнѣ, и какъ Богъ знаетъ чему обрадовался, услыша въ корридорѣ знакомый голосъ, пробасившій:

— Опять ты здѣсь? опять захотѣлъ, чтобъ я тебя проводилъ?

Я зналъ, что это значитъ,—и уже *это* составляло для меня развлеченіе!

— Что, мнѣ долго такъ-то съ тобой биться? продолжалъ часовой:—вишь какъ звѣрь глядитъ! настоящій каркадилъ.

Я вышелъ въ корридоръ. На томъ же самомъ мѣстѣ, точно также, какъ въ первый разъ, прижавшись къ стѣнѣ, стоялъ худощавый и бѣлокурый молодой человѣкъ; но едва ли онъ могъ напомнить собой страшнаго *каркадила*. Онъ опять-таки скорѣе всего походилъ на бѣднаго исхудалаго зайца, боязливо притаившагося подъ кустомъ и только ожидающаго благопріятной минуты, чтобы со всѣхъ ногъ прыснуть и какъ-нибудь удрать отъ острыхъ зубовъ злого пса. Зайцу, однако же удрать не удалось. Едва онъ, воспольз-

зовавшись минутой, когда часовой низко нагнулся, чтобы высморкаться съ помощью двухъ пальцевъ, хотѣлъ было ринуться къ двери, какъ старикъ мигомъ вскочилъ, схватилъ злополучнаго юношу за плечо, повернулъ его налѣво кругомъ и поперъ по корридору подъ звуки прежнихъ криковъ: «пустите вонъ! пустите во-онъ! пустите во-о-онъ!» Однимъ словомъ, сцена разыгралась точь въ точь, какъ въ первый разъ, и какъ въ первый же разъ, жалобное «пустите вонъ» долго разносилось по корридорамъ къ явному удовольствію часового, который, сидя въ своемъ углу, глухо басилъ:

— Какъ же, пустятъ тебя вотъ! держи карманъ! экой оглашенный! право, оглашенный! вотъ ужъ подлинно сумашедшій!

Что дѣлалъ я потомъ? Какъ дотянулъ время до четырехъ часовъ—этого я и самъ не помню. Я не выходилъ изъ комнатки и все лежалъ на кровати, но не спалъ, а только переворачивался съ боку на бокъ и принималъ разныя позы... Такой скуки до того времени я не испытывалъ еще никогда!..

Наконецъ пробило четыре часа. Прозвенѣли въ корридорѣ пронесенныя въ столовую чашки, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ того раздался надзирательскій колокольчикъ, призывавшій къ чаю. Въ отдѣленіи умалишенныхъ ***ской больницы, *чаепійцы* раздѣлялись на двѣ категоріи: одни платили четыре рубля въ мѣсяцъ и получали за это по цѣлой булкѣ, имѣя также право пить двѣ кружки *въ накладку;* другіе довольствовались щедротами казны и получали по одной кружкѣ, съ миньятюрнымъ кусочкомъ сахара, и по четверти казенной булки собственнаго больничнаго приготовленія. Не думая долго оставаться въ больницѣ, я на первый разъ рѣшился удовольствоваться щедротами казны: но узнавъ потомъ, къ великому моему ужасу, что мнѣ придется пробыть въ отдѣленіи умалишенныхъ гораздо дольше, чѣмъ я предполагалъ, тотчасъ же изъявилъ желаніе поступить въ число *пансіонеровъ*. Такъ назывались тѣ, которые за четыре рубля въ мѣсяцъ имѣли право на цѣлую булку и на двѣ кружки *въ накладку*.

Послѣ чая, я не выдержалъ и, догнавъ надзирателя, удалявшагося въ свою комнату съ хлѣбной карзиной на рукѣ, попросилъ у него чего нибудь почитать. Надзиратель обѣщался исполнить мою просьбу и дѣйствительно черезъ полчаса принесъ мнѣ нѣсколько номеровъ «Сына Отечества», которымъ я обрадовался, какъ Богъ знаетъ чему!..

— А когда стемнѣетъ, сказалъ надзиратель,—вы можете пойдти читать въ залу. Тамъ свѣтло,

— А развѣ здѣсь нельзя имѣть свѣчки? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ надзиратель, любезно улыбаясь, какъ будто сообщалъ пріятную новость:—по комнатамъ имѣть свѣчей не дозволяется.

«Вотъ тебѣ разъ! подумалъ я:—часъ отъ часу не легче!.. Что-жъ это будетъ, если меня не выпустятъ изъ этого ада завтра?..»

Тѣмъ не менѣе, я сѣлъ на постель и принялся за чтеніе «Сына Отечества». Читалъ я, рискуя испортить себѣ глаза, до тѣхъ самыхъ поръ, когда пробило шесть часовъ, а вслѣдъ затѣмъ снова раздался звонокъ — сигналъ къ ужину. Ужинъ состоялъ изъ двухъ обѣденныхъ блюдъ: перваго и послѣдняго, т. е. изъ щей и размазни. Происходилъ онъ точно такимъ же порядкомъ, какъ и обѣдъ, съ тѣми же требованіями прибавки, квасу, постнаго вмѣсто скоромнаго и т. д. Вся разница состояла въ томъ, что вечеромъ трапеза наша совершалась при лампахъ, да сидѣвшій наискось отъ меня, желтый и желчный поручикъ бормоталъ, вралъ, ворчалъ, ругался и жестикулировалъ гораздо больше, чѣмъ прежде. Онъ неистово ерошилъ свои и безъ того уже взъерошенные волосы, воздымалъ руки къ небу, благословлялъ свое кушанье, попросилъ постныхъ щей и, смѣшавъ ихъ съ скоромными, налилъ потомъ туда квасу, насыпалъ двѣ полныхъ ложки соли и началъ уписывать эту безобразную смѣсь, какъ самое лакомое блюдо. Другіе, по прежнему, сидѣли чинно, благопристойно и молчаливо,—только на нижнемъ концѣ стола чей-то голосъ мѣрно, спокойно и убѣдительно толковалъ что-то о часахъ. Я сталъ прислушиваться...

— Девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши — больше полсутокъ не спавши, говорилъ этотъ голосъ:—восемь да семь—пятнадцать, а четыре да пять—девять: значитъ, пятнадцать часовъ не спавши, а девять спавши...

Надзиратель прозвонилъ въ колокольчикъ, прочиталъ молитву, и всѣ разбрелись въ разныя стороны. Мнѣ очень хотѣлось продолжать чтеніе, хотя оно было далеко незавлекательно; но въ корридорахъ только еще начинали зажигать лампы, и я волею неволею долженъ былъ удалиться въ свою темную комнату, гдѣ разумѣется тотчасъ же повалился на койку, обдумывая вопросъ: какъ бы мнѣ

завтра убѣдить доктора, что я совершенно здоровъ,—но что если меня тотчасъ же не выпустятъ изъ больницы, то дѣйствительно могу заболѣть и заболѣть серьёзно... Въ этихъ мысляхъ я задремалъ.

Дремалъ я очень не долго, и когда очнулся, въ полу-отворенную дверь нашей комнаты уже пробивался свѣтъ. Я всталъ и, вспомнивъ совѣтъ надзирателя, взялъ «Сынъ Отечества» и отправился читать въ рекреаціонную залу.

Привѣшанныя къ потолку въ корридорахъ лампы горѣли довольно ярко, озаряя странныя фигуры, странныя группы. Сумасшедшіе выползли на свѣтъ, какъ тараканы изъ-за печки, и казалось, чувствовали себя гораздо привольнѣе и лучше при вечернемъ освѣщеніи. Одни прохаживались взадъ и впередъ мѣрными, неторопливыми шагами, словно обдумывая нѣчто чрезвычайно важное; другіе расположились на деревянныхъ диванахъ, въ одиночку и парами; третьи (въ томъ числѣ мой молчаливый товарищъ) стояли неподвижно у дверей своихъ комнатъ, какъ будто имъ наистрожайше повелѣно было не отлучаться ни на шагъ дальше. Маленькій глухо-нѣмой передъ входомъ въ столовую выдѣлывалъ на одномъ мѣстѣ ногами какія-то гимнастическія упражненія; лысый, шершавый, бородатый старикъ, сидя на одномъ изъ дивановъ, немилосердно скрипѣлъ зубами и раскачивался изъ стороны въ сторону, какъ старая обезьяна въ клѣткѣ; одинъ изъ прохаживавшихся чрезвычайно важно и глубокомысленно, встрѣтившись со мною, вдругъ отскочилъ къ стѣнѣ и съ низкимъ поклономъ отдалъ мнѣ честь рукою. Я невольно улыбнулся.

Рекреаціонная зала представляла гораздо болѣе оживленную и, гловное, гораздо болѣе шумную картину. Тутъ разговаривали, пѣли, смѣялись, а прежній мой смѣшливый товарищъ занимался игрою въ шашки съ престарѣлымъ сумасшедшимъ изъ духовнаго званія. Я сѣлъ неподалеку отъ нихъ и сталъ было читать, но скоро оказалось, что читать нѣтъ никакой возможности. Шумъ и гвалтъ возрастали съ каждой минутой, и всѣхъ больше содѣйствовалъ этому желчный поручикъ. Онъ метался изъ угла въ уголъ, изъ залы въ корридоръ, и изъ корридора въ залу; кричалъ, говорилъ, ни къ кому не обращаясь, совершенно безсвязныя рѣчи; ругалъ самыми скверными словами разныхъ, большею частію общеизвѣстныхъ лицъ; наконецъ запѣлъ на голосъ собственнаго изобрѣтенія собственную импровизацію:

Я не хочу знать эту мерзость,
Я не хочу знать этихъ подлецовъ!
Я презираю васъ, проклятыя вы души!..
Я не хочу знать эту мерзость...

Пропѣвъ это съ приличнымъ экстазомъ, онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ меня, простеръ руки въ корридоръ и неистово прооралъ тоже на распѣвъ:

Проклятыя вы души!
Собаки вы!..

Молодой человѣкъ, видѣнный мною поутру въ смирительной кофтѣ, находился тоже тутъ. Онъ былъ уже теперь лишенъ своего утренняго украшенія, и въ очень небрежномъ костюмѣ, въ накинутомъ сверхъ рубашки пальто, сидѣлъ съ босыми ногами на столѣ и форсированнымъ басомъ тянулъ «се женихъ грядетъ въ полунощи». У другого стола, почти рядомъ со мною, двое совершенно еще незнакомыхъ мнѣ субъектовъ вели презанимательную бесѣду: одинъ съ жаромъ разсказывалъ, какъ онъ, служа въ Кіевѣ, имѣлъ такое прекрасное мѣсто, что могъ даромъ угощаться во всѣхъ гостинницахъ и трактирахъ; другой, въ то же самое время, мѣрно, спокойно и убѣдительно излагалъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ надобно дѣлать пирогъ съ визигой. Служившему въ Кіевѣ казалось на видъ лѣтъ подъ сорокъ. У него было очень пріятное лицо, обрамленное прекрасной темнорусой бородой, и говорилъ онъ совершенно здраво. Разсказывавшій про пирогъ съ визигой былъ лѣтъ тридцати, и наружность его представляла совершенную противоположность наружности его собесѣдника. Онъ былъ мало того, что некрасивъ, но въ физіономіи его было, по истинѣ, что-то свиное. Густые щетинистые его волосы съ торчащимъ вихромъ на маковкѣ шли всѣ, одной сплошной прядью, какъ-то сзаду на передъ, образуя надъ лбомъ нѣчто въ родѣ навѣса, который, по видимому, нельзя было пригладить не только щеткой, но даже скребницей. Вся голова его, какъ у свиньи, опущена была постоянно внизъ, и право, кажется, онъ и въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи былъ поднять ее кверху, потому что во все время пребыванія моего въ больницѣ я не видѣлъ ни разу, чтобы онъ взглянулъ въ потолокъ. Глаза у него были тусклые, сонные, неподвижные; вѣки красные; кончикъ носа то-

же красноватый. Говорилъ онъ мѣрно, спокойно, протяжно и глухо, ни разу не возвысивъ голоса, какъ человѣкъ, вполнѣ увѣренный, что и безъ того каждое слово его вѣско и значительно; руки держалъ постоянно скрещенными на груди, и въ такой именно спокойно-величавой позѣ возсѣдалъ онъ теперь на столѣ, сообщая своему собесѣднику наилучшій способъ печенія пирога съ визигой, въ то самое время, какъ тотъ съ юношескимъ жаромъ и размахиваньемъ рукъ повѣствовалъ о несравненныхъ прелестяхъ извѣстнаго рода кіевской службы.

Бесѣда ихъ была въ самомъ интересномъ мѣстѣ: бородатый господинъ съ увѣченіемъ сталъ разсказывать, какъ онъ однажды восхитительно покутилъ въ кіевской гостиницѣ «Берлинъ», а невозмутимо-спокойный собесѣдникъ его приступилъ къ объясненію превосходства praванскаго масла въ сорокъ копѣекъ передъ масломъ въ тридцать пять, когда извѣстный уже читателю молодой старикъ, бѣгавшій все время изъ угла въ уголъ съ шопотомъ про ольденбургское дворянское собраніе и варшавскій университетъ, подбѣжалъ вдругъ къ разговаривавшимъ и, остановясь передъ повѣствователемъ о пирогѣ съ визигой, громогласно воскликнулъ:

— Умышленное смертоубійство! мучительство! тиранство!

— Ну, ты, сумашедшій, дуракъ набитый! совершенно спокойно отвѣчалъ тотъ, и когда молодой старикъ снова отбѣжалъ, продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Какое тутъ тиранство... Сумасшедшій, право сумасшедшій... А вотъ девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши, больше полсутокъ не спавши—это вѣрно. Не спавши, ничего не подѣлаешь...

— Кути малина! прервалъ его молодой старикъ, подбѣгая къ нему снова въ какомъ-то восторженномъ состояніи: — я бы вотъ пирожковъ изъ крыжовника поѣлъ!

— Дуракъ набитый! отвѣчалъ ему свинообразный господинъ, не измѣняя нисколько своей спокойно-величавой позы:—развѣ бываютъ пирожки изъ крыжовника? крыжовникъ—это фунтъ, а въ серединѣ пусто...

— Нѣтъ, вотъ, перебилъ его молодой старикъ:—ко мнѣ Настасья Алексѣевна придетъ... знаете, Настасья Алексѣевна барышня есть; я у ней ручки цѣлую... Вотъ она придетъ и принесетъ мнѣ фунтъ варенья изъ крыжовника. Весь съѣмъ! И пирожковъ принесетъ...

— Сумашедшій, право дуракъ набитый, продолжалъ свинообраз-

ный господинъ: — пирожки развѣ такіе бываютъ? Пирожки сами по себѣ, а пирогъ какъ дѣлается? Визиги надо, прованскаго масла — сорокъ копѣекъ фунтъ...

Жизнь разгульная, лихая
Эриванскихъ юнкеровъ!
Мы живемъ, заботъ не зная,
Въ громѣ пѣсенъ и пировъ!

Заоралъ поручикъ, показываясь изъ корридора, и покончивъ этотъ бравурный куплетъ, заревѣлъ еще громче:

— Все, все, все наше! Все, все, все вмѣстѣ! Тра-ла-ла-ла! Подлецы! подлецы! подлецы! подлецы!..

— Не кричи, проклятый чортъ! А не то я тебѣ всѣ зубы вышибу! крикнулъ вдругъ поручику свинообразный господинъ, не измѣняя однакоже своей спокойно-величавой позы. Поручикъ взглянулъ на него, ничего не отвѣтилъ и вышелъ въ другой корридоръ, продолжая горланить:

— Подлецы! подлецы! подлецы!

Бородатый господинъ между тѣмъ исчезъ, не докончивъ своего увлекательнаго разсказа о восхитительномъ кутежѣ въ кіевской гостинницѣ «Берлинъ», и собесѣдникъ его остался одиноко возсѣдающимъ на столѣ съ головой, опущенной долу, и скрещенными на груди руками. Часы пробили половину осьмого.

— Восемь да семь — пятнадцать, четыре да пять — девять, словно во снѣ заговорилъ онъ самъ съ собой: — девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши, больше полусутокъ не спавши... Кабы не спали, ничего бы не было... Не спавши, ничего не подѣлаешь... А дороже нѣтъ двѣнадцати часовъ... Да двѣнадцати не быть отъ семи, и семи сразу не быть...

Я собирался уже отправиться въ свою комнату и постараться заснуть, или хоть по крайней мѣрѣ, уединиться отъ всѣхъ этихъ безумныхъ пѣсенъ и рѣчей, отъ всего этого безобразнаго шума и гвалта, когда мой прежній, смѣшливый товарищъ, кончивши игру свою, подошелъ ко мнѣ и пожелалъ мнѣ «доброга вечера». Я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Онъ вынулъ изъ кармана табакерку, поподчивалъ сначала меня, а потомъ понюхалъ самъ.

— Вамъ, должно быть, скучно-съ? спросилъ онъ, совершивъ этотъ актъ.

— Не весело, отвѣчалъ я: — пойдемте-ка, походимъ; моціонъ полезенъ.

Мы пошли по большому коридору. Первый, попавшійся намъ на встрѣчу, былъ юноша бодраго вида, безостановочно прохаживавшійся взадъ и впередъ, безпрестанно плевавшій и немолчно произносившій громогласные монологи. Когда мы съ нимъ поравнялись, онъ какъ утромъ же, взглянулъ мнѣ прямо въ лицо пронзительнымъ взглядомъ и, возвысивъ голосъ, проговорилъ:

— Кадмъ и финикіяне могли быть тѣми же цыганами. Другіе говорятъ, что цыгане были египтяне. Чортъ ихъ знаетъ! Мы, сумасшедшіе, можемъ говорить обо всемъ... Да развѣ мы — сумасшедшіе? Вотъ вздоръ-то! Человѣкъ съ ума сойдти не можетъ: это просто болѣзнь... А если болѣзнь — отчего же насъ не лечутъ?.. Да, умѣетъ лечить эта сволочь!.. Сумасшедшіе! Сумасшедшіе!.. Сами вы сумасшедшіе, подлецы, а не мы — сумасшедшіе...

— Кто это? тихо спросилъ я моего спутника.

— Купеческій сынъ, отвѣчалъ онъ: — хотѣлъ мать родную съ третьяго этажа изъ окна выбросить. Съ прикащикомъ что-ли ее засталъ... Вотъ она его сюда и засадила. Второй годъ ужъ сидитъ...

И разскасчикъ засмѣялся своимъ обычнымъ глуповато-веселымъ смѣхомъ, точно разсказалъ препотѣшную штуку.

— Да вѣдь онъ совсѣмъ сумасшедшій, сказалъ я: — послушайте, какую дичь говоритъ.

— Да теперь-то ужъ какъ есть сумасшедшій, отвѣчалъ мой спутникъ: — а можетъ быть и прежде былъ сумасшедшій, — кто ихъ знаетъ!

Онъ вынулъ табатерку и крѣпко понюхалъ.

— Zapò, dusù, sausò. Papo, dadò, radò. Lelè, vevè, memè. Caucè nancè, — послышалось изъ запертой камнаты, мимо которой мы проходили.

— Это что? не безъ удивленія спросилъ я.

— А тутъ одинъ полякъ лежитъ. Его не выпускаютъ, потому что слишкомъ безпокоенъ; такъ ужь онъ день и ночь въ кофтѣ и лежитъ... А это онъ представляетъ себѣ, что на иностранныхъ языкахъ разговариваетъ...

И опять смѣхъ прежняго характера и достоинства.

— А здѣсь развѣ есть безпокойные?

— Мало. Вотъ этотъ, да еще тутъ юнкеръ отставной есть, въ томъ корридорѣ...

— Что-жъ они дерутся?

— Этотъ-то, полякъ-то, не дерется, а кричитъ ужь очень и пристаетъ ко всѣмъ. Какъ только выпустятъ его изъ комнаты, такой гвалтъ подыметъ, что хоть вонъ бѣги! А тотъ, юнкеръ, дерется, — ну, да, за то онъ ужь третій годъ въ кофтѣ. Только на ночь и снимаютъ.

— Неужто третій годъ?

— Третій годъ. Только на ночь снимаютъ. Нельзя-съ. Онъ и въ кофтѣ-то такъ и норовитъ, чтобъ иль укусить, иль ногой двинуть, иль дверью такъ хватить, чтобъ лобъ раскроить. Бѣдовый! Да и самъ онъ такъ ужь къ кофтѣ-то привыкъ, что какъ станутъ съ него на ночь ее снимать, онъ сейчасъ кричать и ругаться... И ужь мастеръ же ругаться-то! Такъ и чешетъ!.. Только это и знаетъ, да еще иногда марши кавалерійскіе наигрываетъ. Отлично наигрываетъ, точно труба!.. А то ничего и не говоритъ: вѣдь ужъ онъ здѣсь одинадцатый годъ.

— Одинадцатый годъ! съ невольнымъ ужасомъ воскликнулъ я.

— Одинадцатый-съ, отвѣчалъ мой собесѣдникъ совершенно спокойно и даже еще засмѣялся.

— Гдѣ жъ находится этотъ рѣдкій экземпляръ?

— Въ томъ корридорѣ, въ первой комнатѣ отъ столовой.

Мы вошли въ тотъ корридоръ. Первая комната отъ столовой была заперта. Заперта была и форточка въ двери.

— Значитъ, спитъ ужъ, сказалъ мой спутникъ: — и знаете, какъ онъ спитъ? На голомъ полу, сидя. Кровати видѣть не можетъ. Накроютъ его одѣяломъ, положатъ ему на полъ подушку, — онъ и на подушку не ляжетъ, а такъ, сидя, и уснетъ. И ѣстъ на полу, и чай пьетъ на полу, и все на полу... Потому, кофты съ него не снимаютъ, а изъ рукъ кормить нельзя — того гляди, укуситъ.

— Да какъ же онъ чай-то пьетъ въ кофтѣ?

— А возьметъ кружку зубами и разольетъ чай пополу, а потомъ ужъ и лакаетъ съ полу, какъ кошка. А булку тоже одними зубами всю до чиста съѣстъ!

И спутникъ мой залился самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Да это прелюбопытное зрѣлище! сказалъ я.

— А вотъ завтра поглядите, отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

Мы пошли далѣе. На диванахъ сидѣло нѣсколько человѣкъ больныхъ, большею частію молчавшихъ. Тутъ же былъ и разбитый параличемъ старецъ, возглашавшій утромъ объ Ефимкѣ и Аннѣ Андреевнѣ.

— Что, Петръ Андреичъ, спросилъ, останавливаясь возлѣ него, мой спутникъ: — объ Аннѣ Андревнѣ что-ли задумался?

— Знаю вполнѣ, подержите на умѣ, отвѣчалъ старецъ нараспѣвъ, лукаво кивая головою и придавъ своей вѣчно-улыбающейся физіономіи еще болѣе улыбающееся выраженіе.

— Да что думать-то? Вѣдь тамъ, дома, Ефимка остался? продолжалъ мой спутникъ, видимо, съ цѣлью меня потѣшить.

— Ефимка! Анна Анревна! заоралъ старецъ: — засталъ на антресоляхъ Каченовскій!.. Засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать!

Спутникъ мой, разумѣется, расхохотался, и мы пошли далѣе.

— Ефимка! Анна Андревна! заоралъ еще громче вслѣдъ намъ старецъ: — засталъ на антресоляхъ Каченовскій!.. Засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать! нечего дѣлать!

— О чемъ это онъ кричитъ? спросилъ я моего собесѣдника.

— А онъ жену свою съ прикащикомъ на антресоляхъ засталъ... Въ ту пору, говорятъ, его и параличъ-то хватилъ. Ну, и зашибалъ, крѣпко зашибалъ... А богатый былъ купецъ, механикъ, — при дворѣ поставку имѣлъ.

— А кто это говоритъ: болѣнъ, говоритъ; болѣнъ, говоритъ; болѣнъ, говоритъ; болѣнъ, говоритъ, — послышался громкій голосъ изъ полу-растворенной комнаты, мимо которой мы проходили.

Я вопросительно взглянулъ на моего спутника.

— А это одинъ дворовый человѣкъ, вольноотпущенный, сказалъ мой собесѣдникъ, улыбаясь: — мастерствомъ занимался, да вотъ ужъ третій годъ здѣсь... Наладитъ вотъ эдакъ одно: говоритъ да говоритъ, говоритъ да говоритъ, — и ничего отъ него больше не добьешься.

Мы вошли въ рекреаціонную залу; на встрѣчу намъ попался капитанъ, повязавшій себѣ голову носовымъ платкомъ на манеръ древне-русскаго шишака.

— А, капитанъ! весело провозгласилъ мой спутникъ: — когда же

мы въ Псковъ-то? — Капитанъ въ Псковъ собирается, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — тамъ у него двѣ мамошки есть.

Капитанъ что-то промычалъ и перевязалъ себѣ голову по-бабьи.

Я тутъ только отъ моего смѣтливаго спутника получилъ и о капитанѣ, и о поручикѣ, и о прапорщикѣ Бейерѣ, и о другихъ лицахъ тѣ свѣдѣнія, которыя уже извѣстны читателю. Тутъ только узналъ я и фамиліи, какъ этихъ, такъ и другихъ моихъ *товарищей*. Смѣтливый спутникъ мой сообщилъ мнѣ, вообще, довольно много данныхъ для біографій почти всѣхъ тридцати шести человѣкъ, наслаждавшихся въ то время бытіемъ въ сумашедшемъ отдѣленіи ***ской больницы. Самъ онъ благоденствовалъ въ этомъ отдѣленіи четвертый мѣсяцъ и въ это время успѣлъ со всѣмк познакомиться, и со всѣми почти былъ на *ты*. Говорилъ онъ толково и совершенно здраво, потому что, дѣйствительно, былъ уже совершенно здоровъ и готовился *на выписку*, будучи признанъ достойнымъ выписки самимъ губернскимъ правленіемъ. Разговоръ его вообще былъ далеко не такъ глупъ, какъ его смѣхъ. Смѣтливый собесѣдникъ мой кое-что читалъ, кое-что зналъ, и на многое смотрѣлъ очень правильно, хотя соціальное положеніе его было вовсе не изъ первоклассныхъ: онъ былъ просто на просто вольноотпущенный одного знатнаго барина, въ оркестрѣ котораго занималъ нѣкогда роль первой скрипки. Оркестра у знатнаго барина болѣе не существовало; но первая скрипка все таки имѣла непремѣнное намѣреніе, по выпискѣ изъ больницы, вернуться снова въ нѣдра своего графа. Мнѣ говорилъ кто-то, что первая скрипка, дѣйствительно, была не послѣдней скрипкой.

Насладившись мычаньемъ и совершенно непонятными рѣчами капитана, мы снова вышли въ большой коррпдоръ. Почти на самой срединѣ его, у дверей одной изъ комнатъ, стоялъ па колѣняхъ съ молитвенникомъ въ рукахъ худощавый, блѣдный, гладко обстриженный мужчина лѣтъ сорока, и усердно молился, не взирая на сквернословія, пѣнье и дикіе возгласы бѣсновавшагося тутъ же поручика. Больныхъ въ коридорѣ было уже очень мало: почти всѣ они разошлись по своимъ комнатамъ въ объятія Морфея. Часы пробили половину девятаго.

— Девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши — больше полсутокъ не спавши, глухо бормоталъ попавшійся намъ на встрѣ-

чу свинообразный господинъ: — а дороже нѣтъ двѣнадцати часовъ...

— Кто это? скажите пожалуйста, спросилъ я моего спутника.

— Кухмистерскій сынъ, отвѣчалъ онъ: — отецъ его кухмистерское заведеніе имѣетъ, и братья тоже, говорятъ, хорошо торгуютъ. А этотъ-то здѣсь ужъ третій годъ. Поступилъ въ больницу просто на просто часоткой, — а вотъ теперича въ сумашедшемъ отдѣленіи...

И разкасчикъ засмѣялся своимъ обыкновеннымъ смѣхомъ.

— Что это онъ все про часы толкуетъ? спросилъ я.

— У него другаго разговора и нѣтъ. Девять часовъ спавши, да пятнадцать не спавши, да нѣтъ дороже двѣнадцати часовъ — вотъ и все тутъ! Еще вотъ на числахъ помѣшанъ: у него свой счетъ имъ ведется. Сегодня, примѣрно, девятнадцатое, а у него ужъ двадцатое. Прежде считалъ двумя днями впередъ, — теперь однимъ...

И опять смѣхъ.

Между тѣмъ и худощавый мужчина кончилъ свою молитву и неугомонный поручикъ наконецъ угомонился, и всѣ больные разбрелись по своимъ нарамъ «до радостнаго утра», за исключеніемъ насъ и кухмистерскаго сына, который продолжалъ мѣрно прохаживаться по корридору, глухо бормоча: «девять часовъ спавши, а пятнадцать не спавши» и т. д. Служители снимали половики; другіе начинали мести полъ; одна лампа была уже потушена.

— Значитъ, пора на боковую, сказалъ мой собесѣдникъ, останавливаясь и вынимая табатерку: — вонъ ужъ и уборка началась.

— Да неужто здѣсь такъ рано ложатся? спросилъ я.

— А какъ-же-съ. Въ девять часовъ всѣ должны быть безпремѣнно по своимъ комнатамъ, и комнаты запирать станутъ.

— А развѣ комнаты на ночь запираютъ?

— Запираютъ-съ.

— Да помилуйте, какъ же можно съ этихъ поръ заваливаться спать? Кто жъ въ состояніи заснуть въ девять часовъ?

— Еще какъ заснете - съ!.. Не угодно ли на сонъ грядущій табачку?

Я поблагодарилъ. Собесѣдникъ мой пожелалъ мнѣ «покойной ночи и

пріятнаго сна», поклонился очень низко и ушелъ въ свою комнату; я же пошелъ еще бродить по отдѣленію.

— Девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши — больше полсутокъ не спавши, бормоталъ кухмистерскій сынъ, медленно, съ склоненною ницъ головою и скрещенными на груди руками, прохаживаясь по рекреаціонной залѣ:—а дороже нѣтъ двѣнадцати часовъ... Да двѣнадцать сразу не бьетъ...

Въ корридорѣ въ это время пробило — не двѣнадцать, а девять часовъ.

Кухмистерскій сынъ тотчасъ же медленнымъ шагомъ подошелъ къ часовому, попросилъ у него кружку квасу, выпилъ ее и, подойдя къ своей комнатѣ, сталъ тутъ же въ корридорѣ раздѣваться. Я тоже, волею — неволею, долженъ былъ отправиться восвояси, и только-что успѣлъ раздѣться и лечь, какъ замокъ въ нашей двери уже звонко щелкнулъ; а затѣмъ пошли щелкать замки и въ другихъ комнатахъ. Это запиралъ насъ на ночь, какъ звѣрей, дежурный служитель.

Товарищъ мой покоился сномъ праведника, накрывшись сверхъ одѣяла еще своимъ пальто; въ комнату, сквозь отворенную форточку въ двери, прокрадывался свѣтъ одинокой корридорной лампы, и оттого всѣ предметы по сторонамъ видимы были довольно ясно. Привыкшіе ложиться рано, больные, кажется, уже спали: по крайней мѣрѣ не слышно было нигдѣ ни разговоровъ, ни криковъ, ни стоновъ. Только обязанный бодроствовать до одинадцати часовъ часовой, по временамъ, глухо, удушливо кашлялъ и отхаркивался, да на томъ концѣ корридора слышались мѣрные шаги дежурнаго служителя. Послѣ дневнаго гвалта и безобразія, тишина эта производила на меня какое-то особенное впечатлѣніе...

Но вотъ гдѣ-то, комнаты за четыре, послышался жалобной стонъ... Черезъ секунду онъ повторился сильнѣе, потомъ еще сильнѣе, — наконецъ превратился въ долгій, пронзительный вопль, отъ котораго у меня подрало по кожѣ морозомъ. Вопль замѣнился криками дикими, страшными, то вдругъ замиравшими и переходившими въ какія-то взвизгиванія, то снова усиливавшимися и уже не имѣвшими въ себѣ ничего человѣческаго... Я еще въ первый разъ въ жизни слышалъ такіе звуки, и дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній!..

— Это чортъ знаетъ что такое! раздался у сосѣдней двери сер-

дитый и басистый голосъ: — да развѣ такъ уснешь? Чтожъ его въ темную не запрутъ? Я завтра доктору буду жаловаться?

Вслѣдъ за этими словами, гдѣ-то подальше щелкнулъ замокъ, а потомъ другой голосъ крикнулъ:

— Эй, Шапкинъ, иди сюда!

На этотъ зовъ мирно было задремавшій въ своемъ углу часовой поднялся съ мѣста и, откашливаясь и отхаркиваясь, медленно пошелъ по корридору. Я тоже всталъ съ постели и подошелъ къ форточкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ часовой и дежурный служитель протащили подъ руки какую-то фигуру... именно фигуру; потому что то, что тащили они, нельзя было назвать ни живымъ существомъ, ни трупомъ.

Фигура была въ одной рубашкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись обнаженныя ноги, не переступавшія, а волочившіяся по полу. Ноги эти я не могу сравнить ни съ чѣмъ другимъ, какъ съ ногами лайковой куклы, изъ которыхъ вытрясли отруби... Это былъ ревунъ, котораго тащили въ *темную*...

Все давно уже было кончено; тишина и порядокъ возстановлены; часовой въ свое время улегся спать; дежурный служитель смѣнился другимъ, — а я все еще сидѣлъ на кровати, полный странныхъ чувствъ и странныхъ мыслей. Все видѣнное и слышанное мною въ этотъ день было для меня слишкомъ ново, слишкомъ необыденно; сердце мое билось, голова горѣла, кровь стучала въ виски, — и я долго, очень долго не могъ успокоиться. Въ корридорѣ пробило двѣнадцать, пробило половину перваго; — а я все еще ворочался съ боку на бокъ на жесткомъ матрацѣ, вставалъ, садился, опять ложился, опять вставалъ, и только во второмъ часу заснулъ неровнымъ, тревожнымъ, нездоровымъ сномъ...

V.

Какъ ни поздно я заснулъ и какъ ни плохо я спалъ, а проснулся однакожъ гораздо прежде звонка — часовъ въ пять. Въ отдѣленіи уже началась обыденная жизнь, обыденная суета: служители наливали въ умывальницу воду, вытирали мокрыми швабрами полъ, отпирали одного за другимъ проснувшихся больныхъ, бранились ме-

жду собою, бранили больныхъ, бранили кого ни попало, — словомъ начинали жить. Товарищъ мой, завалившійся безъ просыпу часовъ съ осьми, теперь тоже всталъ и совсѣмъ одѣтый въ пальто и брюкахъ, стоялъ у двери, выжидая, по-видимому, когда она отворится передъ нимъ сама собою. Дверь однако же не отворялась и слово «отворите», похожее больше на тихій вздохъ, чѣмъ на слово, чуть-чуть долетѣло до моего слуха. Это былъ еще первый членораздѣльный звукъ, который я услышалъ изъ устъ желтолицаго господина.

Замокъ щелкнулъ, и товарищъ мой вышелъ въ корридоръ. Я скоро послѣдовалъ его примѣру и пошелъ умыться. Больные почти всѣ уже встали, и только самые недужные или самые лѣнивые дожидались звонка, не довольствуясь богатырскимъ, девятичасовымъ сномъ. Въ корридорѣ между тѣмъ, появился фигаро съ требованіемъ кого-то въ ванну, а вслѣдъ за фигаро служитель вывелъ уже выкупаннаго господина, на котораго нельзя было не обратить вниманія. Это былъ высокій, худощавый и сутуловатый молодой человѣкъ съ необыкновенно длинными ногами и узкой гладко выстриженной головой, которую онъ держалъ къ низу. На немъ была сѣренькая смирительная кофта, исподнее бѣлье, носки — и больше ничего. Служитель велъ его, придерживая, какъ даму въ вальсѣ, за талію; но какія усилія не употреблялъ онъ, чтобы доставить эту даму благополучно до мѣста назначенія — молодой человѣкъ, у самаго поворота во второй корридоръ, внезапно остановился и опустился на полъ. Этотъ-то и былъ знаменитый отставной юнкеръ и кусака-одинадцатый годъ процвѣтавшій въ отдѣленіи умалишенныхъ * * * ской больницы, и третій годъ уже не знавщій иного одѣянія, кромѣ смирительной кофты.

Я не безъ любопытства глядѣлъ на этотъ курьезный субъектъ, но къ сожалѣнію, за темнотою, не могъ разсмотрѣть его лица. Да онъ же сидѣлъ, понуривъ голову и вытянувъ свои длинныя ноги почти во всю ширину коридора; потомъ согнулъ ихъ, приподнялъ и совершенно спряталъ лицо въ колѣни. Юнкеръ сидѣлъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока два служителя силою не приподняли его съ полу и не увели его въ его комнату, гдѣ, «не въ примѣръ другимъ», онъ помѣщался одинъ.

Умывшись, причесавшись и одѣвшись, я пошелъ бродить по корридору. У одного изъ дивановъ, неторопливо, спокойно и методи-

чески совершалъ свой туалетъ кухмистерскій сынъ, передъ нимъ какъ маятникъ, шатался взадъ и впередъ, изъ комнаты въ рекреаціонную залу, изъ рекреаціонной залы въ комнату, юноша добраго вида, уже начавшій свои громогласные монологи.

Лечатъ сумасшедшихъ лекарствами—вотъ глупость-то! съ злобной ироніей говорилъ онъ:—лекарствами можно лечить скотовъ, животныхъ, а не людей. Стаканъ крѣпкаго кофею—вотъ что освѣжитъ и бодрость дастъ...

— Дуракъ набитый! перебилъ его кухмистерскій сынъ, натягивая панталоны:—я. пью кофей послѣ обѣда, а обѣдаю не въ двѣнадцать, а въ два часа. Вотъ что! А ты что толкуешь о кофеѣ, сумасшедшій, несчастный!

— Шоколадъ имѣетъ возбуждающее свойство, продолжалъ юноша бодраго вида, не обративъ никакого вниманія на не совсѣмъ вѣжливое замѣчаніе кухмистерскаго сына: отъ желудка—*bitter—vasser*, ревень; отъ кашля—дѣвичья кожа, лакрица...

— Дуракъ набитый! перебилъ его снова кухмистерскій сынъ:— понимаешь ты, что такое шоколадъ! Шоколадъ — два рубля сорокъ фунтъ, вотъ что!

— А насъ лечатъ лекарствами и называютъ сумасшедшими, продолжалъ юноша бодраго вида, все болѣе и болѣе, по-видимому, приходя въ какой-то злобный экстасъ:—скоты! подлецы! сволочь! что они понимаютъ?.. Я не живой, а мертвый, и не мертвый; а умеръ да воскресъ!..

— Дуракъ набитый! вмѣшался снова кухмистерскій сынъ, повязывая косынку:—развѣ ты мертвый? Мертвый вздохнетъ три раза— и все тутъ.

— Я не померъ, а воскресъ!

— Дуракъ ты набитый! Развѣ ты Іисусъ Христосъ что-ли? Это у насъ Іисусъ Христосъ воскресъ, да и то послѣ страшной недѣли, когда плащаницу выносятъ.

— Не Христосъ, а воскресъ,—и умереть не могу, потому что я безъ души.

— Дуракъ набитый! не дышешь ты что-ли?

— И не дышу, и тѣла нѣтъ у меня.

— А что, у тебя какое тѣло—собачье что-ли?

— Это мнѣ крысъ да мышей напихали,—онѣ и сгнили. А я вотъ возьму, выпью спирту или скипидару—и воскресну!

— Дуракъ набитый! право, дуракъ набитый!

— Меня пули не берутъ и ядра отъ меня отскакиваютъ, а все таки я воскресну! Смерть есть разрѣшеніе ветхой плоти, жизнь — начало...

Въ это время изъ рекреаціонной залы показался молодой человѣкъ, служившій во флотѣ и въ полиціи, а теперь намѣревавшійся поступить въ гусары. (Тотъ самый, котораго я видѣлъ наканунѣ въ смирительной кофтѣ). Онъ шелъ твердымъ, бодрымъ шагомъ съ легкимъ развальцемъ, въ накинутомъ сверхъ рубашки пальто, и молодцевато закинувъ назадъ голову, во все горло ревѣлъ:

Ты, душа-ль моя, красна дѣвица,
Ты, звѣзда-ль моя ненаглядная,
Ты утѣшь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моихъ!..

— Чего ты, прохвостъ, орешь! внезапно прервалъ его кухмистерскій сынъ, облекаясь въ пальто.

— А ты какъ смѣешь со мной разговаривать? грозно спросилъ кандидатъ въ гусары, остановившись: — я тебѣ говорилъ, чтобъ ты ко мнѣ не обращался! Или хочешь, чтобъ я тебѣ рыло разбилъ?

— У человѣка не рыло, а лицо, дуракъ ты набитый! съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ кухмистерскій сынъ.

— Вишь, лѣзетъ, собака!

— Собака отъ собаки и родится.

— Да чего и требовать отъ мужика, отъ мѣщанина, съ презрѣньемъ замѣтилъ кандидатъ въ гусары, отворачиваясь.

— Врешь, я не мѣщанинъ, а купеческій сынъ, отвѣчалъ его антагонистъ съ своимъ обычнымъ безстрастіемъ:—у меня и свидѣтельство есть. Я тебѣ и свидѣтельство покажу, проклятый чортъ!

— Мужикъ! мѣщанинишка! повторилъ кандидатъ въ гусары и пошелъ далѣе, продолжая ревѣть:

Ты утѣшь меня, полюби меня,
Полюби меня, радость дней моихъ!..

— Да, купеческій сынъ, а не мѣщанинъ, ворчалъ вслѣдъ ему кухмистерскій сынъ, оканчивая свой туалетъ: — и свидѣтельство у меня есть, дуракъ ты набитый! Сумасшедшій! право, сумасшедшій! А еще хочетъ въ гусары поступить. Куда тебѣ въ гусары, прохвостъ! Въ гусарахъ нужно двѣсти тысячъ имѣть—вотъ что!

Между тѣмъ пробило шесть часовъ, и часовой обошелъ оба коридора, безостановочно звоня въ большой колокольчикъ. Кухмистерскій сынъ, окончивъ свой туалетъ, медленно прошелъ въ рекреаціонную залу, продолжая ворчать:

— Дуракъ набитый! право, дуракъ! Въ гусары хочетъ...

Въ залѣ встрѣтился ему прапорщикъ Бейеръ и совершенно неожиданно спросилъ: гдѣ стоятъ гусары и какіе?

— Гусары, извѣстно, въ Царскомъ селѣ, отвѣчалъ кухмистерскій сынъ:—мундиръ у нихъ красный, и вотъ такъ все вышито...

Онъ сталъ чертить по столу, показывая, ка̀къ вышито у гусаръ.

— Не разсказывай мнѣ этого, перебилъ его Бейеръ: — потому что я всю мою жизнь жилъ въ Варшавѣ, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ, то попалъ прямо въ больницу, гдѣ и нахожусь четыре года и девять мѣсяцевъ.

— А тутъ вотъ эдакіе шнурки, продолжалъ кухмистерскій сынъ.

— Не разсказывай мнѣ этого, началъ снова Бейеръ: — потому что я всю мою жизнь жилъ въ Варшавѣ, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ, то попалъ прямо въ больницу, гдѣ и нахожусь четыре года и девять мѣсяцевъ.

— А на киверѣ вотъ эдакъ...

— Неразсказывай мнѣ этого, еще разъ перебилъ его Бейеръ:— потому, что я всю мою жизнь жилъ въ Варшавѣ, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ, то попалъ прямо въ больницу, гдѣ и нахожусь четыре года и девять мѣсяцевъ.

И, проговоривъ это, онъ повернулся и быстро пошелъ по корридору, размахивая руками.

— Голова-то всѣхъ больше и носъ всѣхъ больше... Жидъ проклятый! проворчалъ вслѣдъ ему кухмистерскій сынъ и, скрестивъ руки, обычной своей медленной походкой побрелъ тоже по корридору.

Въ семь часовъ послышался надзирательскій колокольчикъ, и всѣ направились въ столовую—пить чай. Послѣ чая надзиратель явился въ отдѣленіе съ бутылкой нюхательнаго табаку, который и былъ въ изобиліи отсыпаемъ всѣмъ желающимъ. Раздача табаку производилась въ видахъ освѣженія мозговъ, освѣжавшихся однако же отъ этого очень незначительно. Въ это именно время я узрѣлъ еще новое лицо, о которомъ наканунѣ только слышалъ. Я стоялъ у двери своей комнаты, когда изъ сосѣдней комнаты вышелъ пожилой господинъ небольшаго роста, въ сѣромъ халатѣ, съ худощавымъ, серьёзнымъ,

даже строгимъ лицомъ, блѣдно-желтаго цвѣта, съ сѣдыми волосами и усами, съ медленными движеніями и поступью. Онъ вышелъ и остановился посрединѣ корридора, медленно поводя во всѣ стороны глазами, какъ будто еще въ первый разъ видѣлъ все то, что его окружало.

— Не угодно ли табачку, ваше превосходительство? спросилъ его надзиратель.

— Халатъ весь разорвали на себѣ, сказалъ одинъ изъ служителей, подходя къ надзирателю: —такъ вдоль по спинѣ вплоть до...

И служитель показалъ надзирателю на генеральской спинѣ, вплоть до какого мѣста разорванъ былъ халатъ, который дѣйствительно былъ разорванъ.

— Вретъ онъ, подлецъ! гнѣвно возразилъ генералъ: —это оттого, что онъ самъ меня преслѣдуетъ и желаетъ уничтожить... Если бы я захотѣлъ, я бы могъ обобрать всѣхъ этихъ дураковъ... Помнишь, сколько шапочекъ... знаешь, нашихъ... съ этимъ... Генералъ пояснилъ свою мысль, покрутивъ въ воздухѣ пальцемъ, а потомъ, обернувшись вдругъ въ мою сторону и замѣтивъ меня, медленно подошелъ ко мнѣ и необыкновенно пристально, необыкновенно серьёзно глядя мнѣ прямо въ глаза, спросилъ:

— Вы, конечно, помните это изображеніе?

— Какое? спросилъ я въ свою очередь.

— Разныя флейты, фаготы, отвѣчалъ генералъ: — словомъ, гораздо лучше этого памятника въ Новгородѣ. Да! Оно, знаете, напоминаетъ маленькую докторскую карету. Взять въ нее пріятнаго человѣка, поставить шашечницу и можно даже прямо въѣхать въ какую-нибудь гостинницу или клубъ. Она на восьми наклонныхъ ресорахъ, но можетъ быть и на двухъ...

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ я почелъ — удалиться; но генералъ догналъ меня и, низко поклонившись, сказалъ просительнымъ тономъ:

— Прикажите сказать что-нибудь попонятнѣе и поотчетливѣе... Я съ вами согласенъ—будь такъ или иначе...

Я рѣшительно не зналъ, что мнѣ отвѣчать; но меня выручилъ слѣдившій за генераломъ служитель.

— Пожалуйте въ свою комнату, ваше превосходительство, сказалъ онъ, подойдя къ генералу и осторожно взялъ его за руку: —къ дру-

гимъ приставать не надобно. Пожалуйте... Сейчасъ пріѣдетъ докторъ.

И, не взирая на сопротивленіе генерала, служитель отвелъ его превосходительство въ его комнату.

Докторъ пріѣхалъ въ началѣ десятаго, и такъ какъ наша комната была первою, то первый визитъ лысаго Эскулапа былъ къ намъ; первый разговоръ его былъ со мною. Я убѣдительнѣйше сталъ доказывать ученому мужу, что еще вчера утромъ совершенно пришелъ въ себя: что теперь совершенно здоровъ; что со мною было не что иное, какъ сильное нервное разстройство и начало бѣлой горячки, вслѣдствіе пяти безсонныхъ ночей; что пріятели мои сильно поторопились, помѣстивъ меня въ больницу; но что въ больницѣ я могу ужъ не на шутку захворать при окружающей меня обстановкѣ, при недостаткѣ движенія и чистаго воздуха, при непривычномъ для меня образѣ жизни и т. д.

— Сюда трудно поступить, но отсюда трудно и выйдти, сказалъ Эскулапъ совершенно спокойно и необыкновенно важно, какъ будто изрекалъ какую-нибудь величайшую и рѣшительно-неопровержимую истину.

— Да вѣдь я совсѣмъ здоровъ, докторъ.

— О! возгласилъ Эскулапъ.

— Я васъ увѣряю, что я совершенно здоровъ—и духомъ, и тѣломъ. Мнѣ надобно было только заснуть хорошенько хоть одну ночь;—я заснулъ и теперь свѣжъ и бодръ, какъ самый здоровый человѣкъ.

— О! возгласилъ снова Эскулапъ.

— Я очень хорошо помню всѣ пугавшія меня галлюцинаціи; я очень хорошо сознаю, что это были однѣ галлюцинаціи — чего жъ больше? А здѣсь я могу серьёзно заболѣть. Быть здоровому съ сумасшедшими, ничего не дѣлать, не имѣть движенія, не знать чистаго воздуха... Вѣдь это ужасно!

— Успокойтесь! успокойтесь! сказалъ Эскулапъ:—вы и здѣсь можете гулять; здѣсь есть садъ.

— Но я привыкъ къ занятіямъ, къ чтенію...

— Вы можете читать и заниматься.

— Но все таки—зачѣмъ же держать здороваго въ больницѣ?

— Я вамъ сказалъ: сюда трудно поступить, но отсюда трудно и выйдти, повторилъ лысый Эскулапъ еще важнѣе и знаменательнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и вслѣдъ затѣмъ обратился къ моему това-

рищу, который, сложивъ на животѣ руки, неподвижно стоялъ у своей кровати.

— Ну, какъ вы поживаете, господинъ Мѣшковъ? спросилъ докторъ.

Желтое лицо господина Мѣшкова, отъ внутренняго волненія и смущенія, приняло желто-красный цвѣтъ; смущеніе выразилось и въ глазахъ его, которые онъ сначала поднялъ было на доктора, но потомъ тотчасъ же устремилъ куда-то въ уголъ.

— Ну, какъ ваше здоровье? повторилъ Эскулапъ.

Господинъ Мѣшковъ переступилъ съ ноги на ногу, снова поднялъ смущенный взоръ свой на доктора и снова устремилъ его въ уголъ.

— Отвѣчайте же господину доктору, вмѣшался сопутствовавшій Эскулапу дежурный надзиратель: — васъ спрашиваютъ: какъ ваше здоровье?

Господинъ Мѣшковъ взглянулъ на надзирателя, взглянулъ еще разъ на доктора — и ужъ окончательно уперся глазами въ уголъ. Докторъ постоялъ нѣсколько секундъ передъ своимъ страннымъ паціентомъ, но, видя, что скорѣе можно добиться какого либо отвѣта отъ койки господина Мѣшкова, нежели отъ него самаго, потрепалъ молчальника по плечу и проговоривъ: «будьте же поживѣе, господинъ Мѣшковъ»—вышелъ изъ комнаты. Господинъ Мѣшковъ немедленно повалился на постель, лицомъ къ стѣнѣ; а я какъ-то машинально послѣдовалъ за докторомъ, все еще въ надеждѣ убѣдить его — выпустить меня изъ больницы.

Первый, встрѣтившій доктора въ корридорѣ, былъ генералъ, возлѣ котораго находился зорко наблюдавшій за нимъ служитель.

— Ну, ваше превосходительство, какъ поживаете? спросилъ докторъ, придавая словамъ «ваше превосходительство» видимо шуточное значеніе.

Генералъ что-то промычалъ и развелъ руками.

— У нихъ разстройство желудка, замѣтилъ деликатный надзиратель.

— Сильно дѣйствовало всю ночь-съ, вмѣшался менѣе деликатный служитель.

— Я бы пожалуй и научилъ... Если хочешь, это можно... говорю, того... медленно и глухо проговорилъ генералъ, снова разводя руками и не относясь ни къ кому въ особенности.

Докторъ приказалъ его распоясать и принялся щупать ему животъ.

— Они конечно, говорилъ между тѣмъ генералъ, поддерживаемый служителемъ: — должны носить митру... Но позвольте и мнѣ наконецъ... Если это такъ, то ужъ сдѣлайте милость, прикажите... И я съ своей стороны, что могу...

Щупанье кончилось. Лысый Эскулапъ, не сказавъ ни слова, отправился далѣе.

— Ну, вы какъ? спросилъ онъ, встрѣтивъ господина съ красивой темно-русой бородой, разсказывавшаго наканунѣ кухмистерскому сыну о прелестяхъ кіевской службы.

— Я все платья дожидаюсь, отвѣчалъ тотъ:—мнѣ вѣдь не нужно ни лекарства, ничего; я совершенно здоровъ,—только принесли бы мнѣ мое платье, да выдали денегъ...

— А сколько вамъ нужно денегъ? спросилъ докторъ.

— Ну, сколько можно, съ пріятной улыбкой сказалъ господинъ съ бородой:—хоть сколько найдется въ Петербургѣ. На первый разъ милльоновъ восемьсотъ, а тамъ послѣ еще двѣсти...

— Докторъ послѣдовалъ далѣе.

— Ефимка! Анна Андревна! — встрѣтило его въ рекреаціонной залѣ; — засталъ на онтресоляхъ Каченовскій!.. Засталъ, ей Богу засталъ! да нечего дѣлать!..

— Ну! ну! сказалъ докторъ, ударяя стараго паралитика по плечу, но не останавливаясь передъ нимъ.

— Ефимка! Анна Андревна! заоралъ еще громче старикъ: — засталъ на антресоляхъ Каченовскій:—засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать! нечего дѣлать!..

— Сабака тоже ѣстъ сахаръ, и человѣкъ ѣстъ сахаръ,—а чувства не тѣ, говорилъ въ то же самое время юноша бодраго вида, быстрѣе обыкновеннаго прохаживаясь по залѣ и злобно поглядывая на лысаго Эскулапа: — дай мужику шоколаду — что онъ пойметъ? Дай коровѣ сахару—станетъ ли она ѣсть? Нѣтъ!..

— Корова траву ѣстъ, а лошадь овесъ,—перебилъ юношу кухмистерскій сынъ, сидѣвшій въ залѣ у стола, по обыкновенію, съ скрещенными на груди руками.

— Отчего же корова не станетъ ѣсть сахару? продолжалъ юноша бодраго вида, все болѣе и болѣе приходя въ азартъ: — чувства не тѣ, и все зависитъ отъ свободной воли. А тутъ вотъ заморили и говорятъ: сумасшедшіе!.. Тьфу! Подлецы! право, подлецы!

И онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ въ ту сторону, гдѣ находился лысый Эскулапъ.

Эскулапъ между тѣмъ разговаривалъ съ больнымъ лѣтъ сорока, одареннымъ одною изъ тѣхъ физіономій, которыя попадаются на каждомъ шагу между писарями разныхъ департаментовъ военнаго министерства. Какое-то безцвѣтное, тусклое, словно полинявшее лицо, красноватый носъ, короткіе и жесткіе усы, короткіе напередъ зачесанные волосы, особаго рода заучено-твердая походка, — все это такъ и уносило мысль въ просторныя и свѣтлыя комнаты съ длинными столами, съ жесткими стульями, съ запахомъ бумаги, чернилъ и сургуча, съ немолчнымъ скрипомъ перьевъ и громкими начальническими возгласами, наводящими на путь истины уклоняющихся отъ достодолжнаго служенія дорогой отчизнѣ субалтернъ — жрецовъ слѣпой Ѳемиды...

— Гуляли ли вы вчера, господинъ Петровъ? спросилъ докторъ этого господина.

— Я не хочу гулять, былъ отвѣтъ.

— Почему?

— Я могу оскорбить постороннихъ людей.

— Кого же?

— Постороннихъ людей. Я и безъ того переношу ежеминутно оскорбленія.

— Ему все кажется, что его кто-то ругаетъ, замѣтилъ надзиратель.

— Какъ «кажется» — помилуйте! я это очень хорошо слышу, и мнѣ удивительно, какъ этого не слышутъ другіе, съ досадой проговорилъ господинъ съ писарской наружностью, почесывая себѣ ухо.

Лысый Эскулапъ пожалъ плечами и пошелъ во второй корридоръ. Тамъ у самыхъ дверей, встрѣтилъ его господинъ маленькаго роста, съ восточнымъ складомъ лица, съ большимъ горбатымъ носомъ и небольшими усиками. Онъ былъ подвязанъ чернымъ платкомъ, худъ, тщедушенъ, мизеренъ; но темные глаза его такъ и сверкали, такъ и прыгали во всѣ стороны, и весь онъ, казалось, пропитанъ былъ оцтомъ и желчью.

— Нельзя ли помочь? раздражительно сказалъ онъ, увидѣвъ доктора.

Докторъ было пріостановился, но почему-то тотчасъ же снова отправился далѣе.

— Или вы умѣете только портить? съ совершеннымъ уже озлобленіемъ закричалъ вслѣдъ ему пожилой господинъ:—ну, такъ отпустите меня! чего жъ вы меня держите?

— А зачѣмъ мнѣ готову рубили, рубили, рубили, рубили, рубили, раздался громкій голосъ изъ комнаты, въ которой цѣлый день упражнялся въ повтореніи такого рода фразъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ, занимавшійся мастерствомъ, какъ опредѣлилъ его наканунѣ мой насмѣшливый собесѣдникъ, или *vir rusticus* — какъ опредѣлилъ его соціальное положеніе скорбный листъ.

Докторъ зашелъ въ эту комнату; *vir rusticus*—мужчина лѣтъ за тридцать, съ всклокоченными волосами и большой, окладистой бородой, лежалъ поперекъ кровати, задравъ ноги выше головы, и не обращая ни на что и ни на кого ни малѣйшаго вниманія, громогласно твердилъ:

— А зачѣмъ мнѣ голову рубили, рубили, рубили, рубили, рубили...

— Ну! ну! сказалъ докторъ:—зачѣмъ такъ кричать?

— А зачѣмъ не кричать? спокойно отвѣчалъ *vir rustics*, не перемѣняя позы:—а какъ ты хочешь, чтобъ я не кричалъ, такъ выпусти меня вонъ.

— Что его не причешутъ? сказалъ эскулапъ, обращаясь къ надзирателю:—смотрите, какой онъ...

— Причеши его, сказалъ надзиратель слѣдовавшему за нимъ служителю.

Служитель немедленно вынулъ изъ кармана гребешокъ и приблизился къ кровати.

— А зачѣмъ мнѣ чесаться? возразилъ *vir rusticus* и, поднявшись съ кровати, сталъ въ уголъ, отбиваясь отъ солдата, который, не смотря на это, все таки причесалъ ему и волосы, и бороду. Докторъ, все время присутствовавшій при этой операціи, по окончаніи ея немедленно отправился далѣе. Онъ останавливался не со всѣми, заходилъ не ко всѣмъ, и въ нѣкоторыя комнаты только заглядывалъ черезъ дверныя форточки. Такъ точно заглянулъ онъ и въ комнату къ отставному юнкеру, а когда отошелъ,—я послѣдовалъ его примѣру.

Юнкеръ сидѣлъ на голомъ полу, неподалеку отъ двери, въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ я видѣлъ его утромъ, т. е. въ сѣренькой смирительной кофтѣ, въ исподнемъ бѣльѣ и въноcкахъ. Сидѣлъ онъ, какъ утромъ же, согнувъ свои длинныя ноги и склонившись

лицомъ къ колѣнкамъ. Такъ какъ юнкеръ проводилъ въ такой позѣ цѣлыя дни и ночи и ничѣмъ не стѣснялся, то воздухъ въ его комнатѣ былъ хуже, чѣмъ на скотномъ дворѣ...

Услышавъ шумъ, произведенный моимъ приближеніемъ къ двери, онъ приподнялъ голову и взглянулъ на меня. Лицо его было не только что не красиво, но просто непріятно для разглядыванія, какъ лицо уже извѣстнаго читателю *молодого старика*. Да между ними и не могло не быть нѣкотораго пакостнаго сходства: они оба были жертвами *вредныхъ привычекъ*, какъ гласили ихъ скорбные листы, и, не взирая на всѣ старанія больничнаго начальства, не покидали этихъ восхитительныхъ привычекъ даже и въ стѣнахъ отдѣленія умалишенныхъ. Узкое, длинное, синевато-блѣдное, съ толстымъ, красноватымъ, въ формѣ сливы носомъ, съ безцвѣтными и растрескавшимися губами, лицо отставного юнкера произвело на мое зрѣніе точно такое же впечатлѣніе, какое произвела на обоняніе атмосфера юнкерской комнаты. Я глядѣлъ на сидѣвшее передо мной существо точно съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ глядѣлъ когда-то, въ звѣринцѣ Крейцберга, на удава и крокодила: существо это было для меня интересно, но гадко, и я не взялъ-бы ничего на свѣтѣ, чтобъ быть на мѣстѣ злополучнаго служителя обязаннаго *ходить* за юнкеромъ, т. е. всѣми чувствами своими вкушать прелесть непосредственнѣйшихъ отношеній съ человѣкомъ, который потому только и назывался человѣкомъ, что имѣлъ двѣ руки и двѣ ноги, не имѣлъ при этомъ хвоста, да не забывъ еще ругаться, сквернословить и наигрывать кое-какіе кавалерійскіе марши...

Юнкеръ пристально поглядѣлъ на меня, совершенно идіотски улыбнулся и хихикнулъ; потомъ вдругъ нахмурился, взглянулъ на меня еще разъ, покрутилъ головой и, глухо проговоривъ: «пошелъ къ чорту»!—снова уткнулъ лицо въ колѣни. Я посмотрѣлъ на него еще нѣсколько секундъ и отошелъ: по причинѣ ароматовъ, несшихся изъ комнаты этого двуногаго и по человѣчески ругавшагося звѣря, стоять дольше у форточки было рѣшительно не возможно...

Лысый эскулапъ между тѣмъ пройдя въ первый корридоръ, вступилъ въ объясненіе съ кандидатомъ въ гусары, котораго онъ встрѣтилъ на дорогѣ.

— Ну, какъ вы поживаете, господинъ Дьячковъ спросилъ онъ его.

— Покорно благодарю, докторъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, кла-

няясь такъ почтительно—ловко, какъ будто бы ужъ фигуру его облекало блестящее гусарское одѣяніе.

— Господинъ Дьячковъ имѣетъ непремѣнное намѣреніе поступить въ гусары, замѣтилъ надзиратель, чуть замѣтно улыбаяся.

— У меня ужъ и форма давно заказана, сказалъ молодой человѣкъ:—вотъ только теперь, докторъ, какъ—вы... а физикатъ, я знаю, меня не задержитъ... Да еще надобно заняться по французски, и по нѣмецки, и по итальянски, и по испански,—я теперь все позабылъ. А мнѣ нельзя: какже я поступлю въ гусары, не зная ни слова по французски?

Эскулапъ не отвѣчалъ ничего, даже не улыбнулся и, медленно повернувшись на коблукахъ, величественно вышелъ изъ отдѣленія. Кандидатъ въ гусары пошелъ было въ противоположную сторону, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, воротился и, подойдя къ часовому, сказалъ съ озлобленнымъ видомъ:

— А вѣдь вотъ что: я—подпоручикъ, а въ гусарахъ-то, кажется, чтобъ быть корнетомъ, надо быть поручикомъ?

Часовой, вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, громко сморкнулся съ помощію двухъ пальцевъ, а потомъ уже на чисто вытеръ себя онъ искусно сложеннымъ цвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ. Часовой теперь былъ уже другой и нисколько не походилъ на своего товарища, походившаго, какъ я уже сказалъ, на орангутанга большой породы. Теперешній часовой былъ высокой, худощавый старикъ лѣтъ около шестидесяти, и складъ его лица напоминалъ нѣсколько типическія физіономіи маркизовъ временъ Людовиковъ XIV и XV, какъ сіи почтенные оптиматы изображаются на разныхъ гравюрахъ и эстампахъ. И въ нравственномъ отношеніи Колобовъ (такова была фамилія новаго часоваго) сильно разнился, какъ я замѣтилъ впослѣдствіи, отъ товарища своего—орангутанга Шапкина. Шапкинъ былъ молчаливъ, угрюмъ и сострадателенъ; Колобовъ разговорчивъ, малодушенъ и экспансивенъ. Шапкинъ почти никогда не вставалъ со стула и цѣлый день молча сидѣлъ въ своемъ темномъ углу, удушливо кашляя и отхаркиваясь; Колобовъ большею частію прохаживался на пространствѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ своей резиденціи и, не упускалъ никогда случая вступать въ разговоръ или съ товарищами своими служителями, или съ умалишенными. Съ послѣдними, какъ мы видѣли, бесѣдовалъ иногда и Шапкинъ; но бесѣда его въ этомъ случаѣ имѣла явно-ироническій характеръ, служила для него ничѣмъ

инымъ, какъ потѣхою, развлеченіемъ отъ скуки; Колобовъ же не прочь былъ пуститься съ больнымъ въ серьезное расглагольствованіе, въ серьезный споръ. Отъ Шапкина я не слыхалъ никогда ни полслова о трактирахъ, питейныхъ, погребахъ, випивкахъ и тому подобныхъ вселюбезныхъ предметахъ; для Колобова же воспоминанія и разсужденія о косушкахъ, осьмушкахъ, очищенныхъ, желудочныхъ, полпивныхъ и ведерныхъ были, по видимому, самыми усладительными воспоминаніями и разсужденіями. «Хорошо бы теперь осьмушечку выпить, да закусить селёдочкой съ лучкомъ, либо пирожкомъ съ грибками», говорилъ онъ иногда какому нибудь своему товарищу— и говорилъ это такъ, что даже никогда не вкусившій отъ плода откупного человѣкъ почувствовалъ бы всенепремѣнно вожделѣніе и къ осьмушечкѣ, и къ селёдочкѣ съ лучкомъ, и къ пирожку съ грибками. Такова сила самаго безискуственнаго слова, исходящаго прямо изъ глубины сердечной!..

Не дождавшись отъ часового никакого удовлетворительнаго отвѣта на счетъ поступленія своего въ гусары, господинъ Дьячковъ медленно, но молодцевато, грудью впередъ, пошелъ по направленію къ рекреаціонной залѣ. Я хотѣлъ удалиться въ свою комнату, когда меня внезапно остановилъ генералъ и серьезно, настоятельнымъ тономъ проговорилъ:

— Прикажите мнѣ хоть навозомъ голову набить; а то совсѣмъ пустая. Такъ жить нельзя!

Я поспѣшилъ войдти въ комнату; генералъ было сунулся за мной но меня опять выручилъ служитель: онъ успѣлъ схватить его превосходительство за руку и увелъ его въ его аппартаментъ.

Молчаливый мой товарищъ, по обыкновенію, почивалъ. Я легъ на койку и принялся снова за чтеніе «Сына Отечества»», котораго но успѣлъ дочитать наканунѣ. Читалъ уже я около часа, когда въ корридорѣ вдругъ послышалось усиленное движеніе, шумъ отворившейся двери и торопливые шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Я вышелъ. По корридору несся, «какъ пухъ отъ устъ эола», невысокаго роста господинъ въ вицмундирномъ фракѣ, а за нимъ мчались: нашъ лысый ординаторъ, два надзирателя и фельдшеръ. Больные почти всѣ, высыпали изъ своихъ комнатъ, и разноооразные крики, ругательства жалобы слились въ одинъ дикій, нестройный гулъ, надъ которымъ однако же преобладала яростная ругань, желчнаго поручика и

уже хорошо знакомый мнѣ возгласъ: «Ефимка! Анна Андревна!» и проч.

— Кто это? спросилъ я часоваго, показыя на несшагося, «какъ пухъ отъ устъ эола», господина въ вицмундирномъ фракѣ.

— Карла Карлычь, отвѣчалъ часовой.

— А кто онъ такой? спросилъ я вторично.

— Главный докторъ - съ, отвѣчалъ часовой такимъ тономъ, въ которомъ явственно слышалось удивленіе; «какже - де ты этого, братецъ, не знаешь, кто такой Карла Карловичь?»

Карла Карлычъ между тѣмъ успѣлъ уже облетѣть и второй корридоръ, и снова появился въ первомъ, сопровождаемый своею свитою и напутствуемый всевозможными возгласами, становившимися все шумнѣе и шумнѣе по мѣрѣ того, какъ докторъ приближался къ выходу..

— Ефимка! Анна Андревна! оралъ безостановочно, во всю глотку, расбитый параличемъ старецъ: — засталъ на антресоляхъ Каченовскій... Засталъ! ей Богу, засталъ! да нечего дѣлать! нечего дѣлать!..

— Домой, батюшка! домой! закричалъ онъ въ заключеніе, когда главный докторъ былъ уже почти что у самой двери; а потомъ снова гаркнулъ еще громче, чѣмъ прежде: «Ефимка! Анна Андревна!» и пр.

— Паршивая ты душа! глупая морда, а не докторъ! ревѣлъ желчный поручикъ, величественно стоя по серединѣ корридора: — Распроклятыя вы души! собаки вы!..

— Зачѣмъ же ты сюда ходишь, ходишь, ходишь, ходишь! горланилъ во второмъ корридорѣ вольноотпущенный дворовый человѣкъ онъ же и *vir rusticus*.

— Чего жь вы меня держите? Зачѣмъ же вы меня держите? твердилъ слѣдуя за главнымъ докторомъ пропитанный оцетомъ и желчью господинъ съ востотнымъ складомъ лица: — если лечить, такъ лечите; а если лечить не умѣете, такъ отпустите меня!

— Сами насъ заморили да и говорятъ: сумашедшіе! громче обыкновеннаго разглагольствовавъ юноша добраго вида, провожая Карла Карлыча и его свиту злобно-сверкавшими глазами: — да какіе же мы сумасшедшіе? Развѣ можетъ человѣкъ сойдти съ ума? Развѣ можно сумасшедшихъ лечить лекарствомъ?.. Сумасшедшіе! сумас-

шедшіе!.. Вы - то вотъ сумасшедшіе, сволочь проклятая! подлецы! черти!..

Главный докторъ несся, не обращая никакого вниманія на всѣ эти крики и возгласы, какъ обсстрѣленная артиллерійская лошадь, давно уже привыкшая къ грому самыхъ тяжелыхъ орудій. Стремительный бѣгъ Карла Карлыча былъ остановленъ только у моей комнаты нашимъ лысымъ ординаторомъ, который, показывая на меня своему начальнику, объяснилъ ему на нѣмецкомъ діалеткѣ, что вотъ де вчера поступилъ новый паціентъ по фамиліи такой-то. Главный докторъ вскинулъ на меня глазами, махнулъ головой — и унесся, «какъ сонъ, какъ легкая мечта». Я только и успѣлъ замѣтить, что у него было очень серьезное, даже задумчивое лицо, не очень большіе, акуратно причесанные бакенбарды и крестъ на шеѣ. За то я замѣтилъ другую, несказанно умилившую меня, штуку: ординаторъ нашъ съ перваго же взгляда поразившій меня своею величественностью и важностью, ординаторъ нашъ, державшійся съ больными, надзирателями и служителями такъ, какъ будто не кланялся никому съ самой минуты своего рожденія, — ординаторъ нашъ, въ присутствіи быстроногаго Карла Карлыча, сталъ какъ будто совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ и съежился, и сгорбился, и руки потиралъ необыкновенно какъ пріятно и благонамѣренно, и говорилъ (по нѣмецки) несравненно мягче и обходился, чѣмъ говорилъ за полчаса передъ тѣмъ (по русски) съ своими жалкими паціентами и дежурнымъ надзирателемъ. Даже лысина его стала какъ будто меньше, и ученость съ мудростью уже не казались выходящими изъ нея двумя невидимыми свѣтоносными столбами...

Главный докторъ и его свита исчезли изъ отдѣленія; возбужденные ихъ появленіемъ суматоха, шумъ и крики по немногу утихли и приняли обыкновенные, всегдашніе размѣры, — и мнѣ снова грозилъ безконечный рядъ однообразныхъ, томительныхъ часовъ, не озаренныхъ теперь даже и надеждою на немедленное освобожденіе изъ ужаснаго заточенія. Правда, я все еще думалъ, что докторъ, просто артачится, и что, не смотря на это, меня на вѣрное продержутъ въ больницѣ не болѣе трехъ-четырехъ дней... Утѣшала меня также мысль, что я могу читать и заниматься; но вѣдь для того, чтобы читать и заниматься, надобно было снестить съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, добыть книгъ, бумаги. чернилъ и все, необходимое для работы, — а это можно было сдѣлать не вдругъ, не сейчасъ; и мнѣ

все таки прежде всего предстоялъ долгій, долгій день, преисполненный тоски, скуки и всякаго рода непріятныхъ впечатлѣній!..

И вотъ потянулся этотъ ужасный день съ своими убійственно-правильными распорядками. Въ свое время гремѣлъ колольчикъ, похожій на почтовый; въ свое время заливался серебристою трелью звонокъ надзирателя; въ свое время ѣлъ я совершенно безвкусную лапшу, говядину съ кислой капустой и пшенную кашу не то съ коровьимъ, не то съ деревяннымъ масломъ; въ свое время выпилъ кружку чая съ микроскопическимъ кусочкомъ сахара и поглотилъ четверть казенной булки; въ свое время... Словомъ, все продѣлано было въ свое время, и я тутъ еще въ первый разъ вкусилъ всю неизъяснимую прелесть такъ называемаго строго — правильнаго образа жизни, при которомъ смертный, по увѣренію эскулатовъ можетъ прожить сто лѣтъ, если только послѣ года такой жизни не умреть отъ тоски.

Проходя послѣ обѣда изъ столовой, я заглянулъ въ комнату къ отставному юнкеру. Онъ питался, и зрѣлище это, дѣйствительно, нелишено было занимательности. Вытянувъ по полу свои длинныя ноги, юнкеръ припалъ ртомъ къ тарелкѣ съ супомъ и съ видимой жадностью втягивалъ его въ себя, не поднимая головы, до тѣхъ поръ, пока супа не осталось ни капли. Тогда онъ принялся за мясо, нарѣзанное довольно мелкими кусками, и тоже съ помощью однихъ зубовъ управлялся съ нимъ, какъ нельзя лучше. Нѣсколько кусковъ разбросано было по полу — юнкеръ убралъ и ихъ съ отличнѣйшимъ аппетитомъ, не принимая нисколько въ соображеніе, что этотъ именно полъ и издавалъ тѣ ароматы, предъ которыми дѣйствительно могли показаться ароматными эманаціи любого скотнаго двора. Все это, по русскому выраженію, воротило съ души у самаго небрюзгливаго человѣка; но отставной юнкеръ продѣлывалъ еще и не такія штуки...

Видѣлъ я также, въ тотъ же самый день, какъ этотъ новый Навуходоносоръ пилъ чай. Чай былъ разлитъ имъ по ароматному полу, и онъ вылакалъ его такъ старательно, что на полу не оставалось почти-что и слѣдовъ влаги. Отъ булки остались тоже однѣ только крошки, и все это отставной юнкеръ совершилъ одними зубами, нисколько не тяготясь и не затрудняясь тѣмъ, что руки его не могли имѣть никакого движенія. Въ два слишкомъ года, впрочемъ, можно напрактиковаться въ чемъ угодно.

Насладившись этимъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и назидательнымъ зрѣлищемъ, я возвращался въ свою комнату, когда меня опять остановилъ генералъ и, вдругъ упалъ передо мной на колѣни, отчаяннымъ голосомъ проговорилъ:

— Ваша свѣтлость! спасите меня! спасите!

Подошедшій въ ту же минуту на выручку мнѣ служитель поднялъ генерала на ноги и хотѣлъ было, по обыкновенію, увести его во свояси; но его превосходительство внезапно разсвирѣпѣли, стали барахтаться, отбиваться и ругаться самыми скверными словами. Въ это время по корридору проходилъ дежурный надзиратель.

— Не надобно сердиться, ваше превосходительство, сказалъ онъ, остановившись: — не надобно сердиться.

— Чего тутъ не надобно! раздражительно отвѣчалъ генералъ: — я знаю, куда это ведетъ! Онъ не хочетъ стеречь послѣдняго благополучія... А мнѣ надобно на малую лѣстницу идти—подстеречь его...

— Ты меня не поддѣнешь, хоть взялъ и полное! крикнулъ онъ вдругъ, вырвавшись изъ рукъ державшаго его солдата и схвативъ за халатъ проходившаго мимо прапорщика Бейера: — я все вижу!..

Бейеръ сталъ барахтаться и отбиваться, но генералъ его не пускалъ и продолжалъ кричать.

— Позвольте! позвольте! я не могу!.. Что-жъ это такое?..

Наконецъ его превосходительство отцѣпили отъ прапорщика и увели въ комнату.

Насталъ опять вечеръ. Зажгли лампы; высыпали снова въ корридоры и рекреаціонную залу умалишенные всѣхъ шерстей и видовъ; лысый, шершавый и бородатый старикъ закачался снова на диванѣ и заскрипѣлъ зубами; маленькій глухо-нѣмой принялся снова, передъ входомъ въ столовую, выдѣлывать ногами гимнастическія упражненія; снова раздавались во всѣхъ концахъ безумныя рѣчи, дикіе крики, бормотанье шопотомъ, ругань, сквернословіе, пѣнье и глупый, идіотскій смѣхъ.

Не зная, куда дѣваться отъ тоски, я почти весь вечеръ бродилъ по корридорамъ, не присаживаясь ни на минуту. Занимательнаго, на этотъ разъ я не увидѣлъ ничего, — только ужъ подъ самый конецъ вечера развлекъ меня нѣсколько молодой старикъ — жертва *вредныхъ привычекъ*. Онъ, по своему обыкновенію, безостановочно бѣгалъ по

залѣ съ немолчнымъ шопотомъ про ольденбургское дворянское собраніе и варшавскій университетъ; потомъ вдругъ пришелъ въ какое-то изступленіе и ни съ того, ни съ сего сталъ придираться къ господину съ красивой темнорусой бородой, изъявившему утромъ доктору желаніе получить тысячу милліоновъ.

— Я подамъ варшавскому генералъ-губернатору просьбу на голландской бумагѣ, что меня не могутъ похоронить въ Іерусалимѣ! кричалъ, бѣснуясь, размахивая руками и неотступно преслѣдуя бородоча, молодой старикъ: — служащаго чиновника не могутъ похоронить въ Іерусалимѣ! Вы не понимаете, что варшавскій генералъ-губернаторъ все равно, что Смоленскій или Благовѣщенскій и что похоронить въ Іерусалимѣ значитъ все равно, что положить въ землю. Отъ этого мнѣ можетъ быть вредъ!..

Господинъ съ темнорусой бородой не отвѣчалъ ни слова и медленно, спокойно прохаживался по залѣ, нерѣдко только задумчиво, но пріятно улыбаясь.

Наконецъ пробило половину девятаго. Въ отдѣленіи началась уборка, и больные одинъ за однимъ стали расходиться по комнатамъ въ объятія къ любезному Морфею. Въ залѣ оставались только я, кухмистерскій сынъ, да юноша рослаго вида, не прекращавшій ни на мигъ своихъ громогласныхъ и безсмысленныхъ монологовъ.

— Петръ Великій былъ похожъ на Ахиллеса, Брюсъ на Птоломея, говорилъ онъ оставшись въ двухъ шагахъ отъ меня, у окна, и взглядываясь въ непроглядную тьму ненастной февральской ночи: — стоитъ сличить портреты, — ну хоть въ академіи... Ахиллесъ высокаго роста, нетолстый... нетолстый. Петръ тоже нетолстый.

— Девять часовъ спавши, пятнадцать не спавши — больше полсутокъ не спавши, бормоталъ кухмистерскій сынъ, возсѣдая съ скрещенными на груди руками на столѣ: — не спавши, ничего не подѣлаешь... А двѣнадцати часовъ нѣтъ дороже... Да, двѣнадцати сразу не бьетъ: часы вѣдь неживые, а мы живые люди...

Пробило девять. Кухмистерскій сынъ тотчасъ слѣзъ съ своего сѣдалища, прибрелъ, какъ наканунѣ же къ часовому, выпилъ кружку квасу и, вернувшись потомъ къ своей комнатѣ, сталъ раздѣваться. Я тоже отправился восвояси. На половинѣ корридора встрѣтился я еще разъ съ юношей доброго вида, который, окинувъ меня своимъ огненнымъ, пронзительнымъ взглядомъ, проговорилъ мнѣ вслѣдъ:

— Сумасшедшій! сумасшедшій!.. А вотъ я не назову же сумас-

шедшимъ человѣка, который въ первой комнатѣ. Въ этого человѣка не влѣзешь!

Комплиментъ относился прямо ко мнѣ; но даже и усладительная мысль, что умалишенные не считаютъ меня такимъ же, какъ они, умалишеннымъ, не дала мнѣ желаннаго покоя, вожделѣннаго сна. По сторонамъ все было тихо; раздался было гдѣ-то дикій крикъ, но смолкъ и больше не повторялся; въ двѣнадцатомъ часу, готовясь отойти ко сну, часовой сталъ молиться, и въ ночной тишинѣ долго и явственно долетали нѣкоторыя, съ особеннымъ чувствомъ произносимыя имъ слова молитвы...

— Господи Іисусе Христе, сыне Божій, помилуй мя,—протяжно, съ разстановками и глубокими вздохами шепталъ старикъ: — пресвятая Богородица, помилуй мя... Вси святые угодники, святители Божіи, молитесь о насъ грѣшныхъ.. Благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего, императора Александра Николаевича и весь царствующій домъ сохрани и спаси на многія лѣта...

И черезъ минуту, по окончаніи своей молитвы — старикъ уже храпѣлъ; а я опять заснулъ только во второмъ часу.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

НЕУДАВШАЯСЯ ЖИЗНЬ.

(Изъ посмертныхъ записокъ Бубликова.)

Года два тому назадъ я былъ врачемъ въ Н...ской общественной больницѣ. Разъ утромъ, кажется 26-го октября 1861 года, внесли ко мнѣ молодаго человѣка лѣтъ 20. Блѣдное, изнуренное долгими страданіями лицо его, безпрестанный кашель и наконецъ осмотръ доказали мнѣ, что у него чахотка въ послѣднемъ періодѣ развитія. Онъ долженъ былъ умереть черезъ нѣсколько дней. Онъ, кажется, зналъ это и спросилъ меня, сколько ему остается жить. Я откровенно сказалъ, что онъ не проживетъ болѣе трехъ, четырехъ дней и совѣтовалъ сдѣлать, если нужно, поскорѣй всѣ распоряженія. Въ отвѣтъ на это, онъ отрицательно покачалъ головой.

На третій день, утромъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ.

— Докторъ! сказалъ онъ, вы понимаете вѣроятно, что есть люди, которыхъ вся жизнь была одна неудача; я принадлежу къ числу этихъ людей... Вотъ, продолжалъ онъ уже болѣе тихимъ голосомъ, подавая мнѣ толстую, мелко исписанную тетрадь, здѣсь вы прочтете много интереснаго. Отсюда вы узнаете, что меня привело къ вамъ и почему я такъ рано умираю... но тутъ голосъ его оборвался,— онъ закашлялся. Я ушелъ, чтобы дать ему успокоиться.

Вечеромъ того же дня онъ умеръ.

Въ тетради, которую онъ далъ мнѣ, было нѣсколько разсказовъ изъ жизни его знакомыхъ, нѣсколько его стихотвореній и наконецъ его собственная автобіографія.

Считая себя вправѣ печатать ее, я передаю эту часть рукописи на судъ читателей.

Сильный, осенній вѣтеръ такъ и врывается сквозь рѣшетчатыя окна моей убогой комнаты; я чувствую все большій и большій холодъ, отъ котораго не спасаетъ меня ни мой дырявый сюртукъ, ни мои сапоги, каждую минуту готовыя развалиться. Положительно не знаешь, что предпринять при такой обстановкѣ. Хорошо бы было пойти погулять, но не въ чемъ; хорошо бы было съѣсть что нибудь дѣйствительно сытное, не похожее на то, чѣмъ постоянно меня кормитъ хозяйка, но нѣтъ денегъ и, по неволѣ остаешься доволенъ, что хоть по крайней мѣрѣ кормятъ—а то вѣдь, не сегодня, такъ завтра или послѣ завтра пришлось бы умереть съ голоду. И вотъ за неимѣніемъ лучшаго развлеченія опять садишься къ столику и начинаешь писать, припоминая по немногу всю прошедшую жизнь съ ея рѣдкими свѣтлыми мгновеніями. И вѣдь правда: чѣмъ рѣже выпадаютъ на долю человѣка подобныя минуты, тѣмъ онъ болѣе дорожитъ ими, не только ими, но и самымъ воспоминаньемъ о нихъ. И проходятъ передо мной, неудавшимся труженикомъ, одинъ за другимъ годы моей, полной невзгодами, жизни. Но сквозь эти невзгоды, сквозь неудачи, преслѣдовавшія меня, мнѣ все таки видятся розовыя мечты того возраста, въ которомъ всякій человѣкъ чего нибудь ожидаетъ для себя въ будущемъ. Жажда добра, жажда любви, наполнявшія тогда мое существованіе, теперь отказались служить мнѣ, и во мнѣ больше не шевелится ни одной человѣческой надежды; между трупомъ и мною все различіе заключается въ томъ, что я сохранилъ еще способность двигаться. И вотъ въ этомъ положеніи приходится ждать того времени, когда меня, обезсиленнаго холодомъ и голодомъ, свезутъ въ больницу и тамъ, покачавъ головой, изрекутъ хладнокровно: *все кончено*! или же найдутъ здѣсь, въ этой комнатѣ, на этой безногой кровати — мертваго, и изъ любопытсва спросятъ хозяйку: кто это?.. Она отвѣтитъ, что это де скать, «постоялецъ мой, колежскій регистраторъ Бубликовъ...» и тѣмъ заключится вся исторія моей жизни. Такъ и умру, не имѣя подъ ру-

кой человѣка, которому бы я хоть сколько нибудь могъ высказаться, который хоть сколько нибудь могъ бы понять мое озлобленіе на жизнь, мое горькое отвращеніе къ тѣмъ людямъ, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось жить и работать.

Ну могъ ли я думать лѣтъ пять тому назадъ, что мнѣ придется когда нибудь быть въ подобномъ положеніи? Нѣтъ! Тогда были у меня силы и страстные порывы неизмятой молодости; тогда я мечталъ сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ, разлить кругомъ себя довольство и счастіе; впереди лежала еще непочатая жизнь, полная заманчиваго труда и еще болѣе заманчивыхъ идеаловъ. Тогда мнѣ думалось, что съ этими силами я сдѣлаю пропасть добра: но вотъ не исполнилось еще и двадцати лѣтъ, какъ я глубоко убѣдился, что, не опошлѣвъ до извѣстной степени, ничего нельзя сдѣлать, что я теперь, какъ голый матросъ, стою на доскѣ своего разбитаго корабля, и не вижу ни возможности плыть впередъ, ни возможности пристать къ берегу... Но сожалѣніе поздно, да оно и безполезно... Буду разсказывать свою жизнь: можетъ быть, и попадутся эти записки человѣку, который найдетъ въ нихъ что нибудь похожее на свою собственную жизнь, призадумается и пойметъ, въ чемъ дѣло...

I.

Я началъ помнить себя очень рано. Уже въ шестилѣтнемъ возрастѣ я сознавалъ, что я мальчикъ неглупый. Силы свои, испробованныя еще только на прописяхъ да на азбукѣ, я уже считалъ силами великими. Но я не зазнавался своимъ превосходствомъ, не хвастался имъ передъ семи-восьми-лѣтними мальчиками, моими сверстниками. Я думалъ, что не хорошо глумленіе надъ глупостью другихъ, и видѣлъ уже въ подобномъ безполезномъ глумленіи нечестное употребленіе собственныхъ способностей. Во мнѣ рано развились отвращеніе къ насилію и привязанностъ къ свободѣ. Все это не приви-

лось ко мнѣ, какъ къ многимъ другимъ дѣтямъ, изъ книгъ, или отъ старшихъ. Нѣтъ!.. обстановка была у меня не такая, чтобъ воспитатели могли внушить мнѣ это. Они напротивъ старались всѣми возможными средствами возбудить во мнѣ отвращеніе къ мужикамъ, научить меня смотрѣть на послѣднихъ, какъ на звѣрей, которыхъ нужно дрессировать палкою. Нѣтъ! не воспитатели—виновники того, что я полюбилъ почти все то, что было ими отъ души ненавидимо.

Вотъ какъ произошло это.

Мальчикъ нервный и раздражительный, я боялся всякой обиды, сдѣланной мнѣ; я нѣсколько дней не могъ смотрѣть хладнокровно на человѣка, обидѣвшаго меня. И вотъ по этому да еще потому, что всѣ мы,—еще давно когда-то разсказывала моя нянька,—что всѣ мы равны передъ Богомъ,—во мнѣ и развилось сострараданіе къ другимъ, сочувствіе къ обиженному человѣку. Притомъ, мнѣ приходилось видѣть много несправедливостей, обидъ, которыя безпрерывно дѣлалъ отецъ мой, окружной начальникъ въ N уѣздѣ, подвѣдомственнымъ ему крестьянамъ. Такъ напр. однажды я увидѣлъ на дворѣ нашего дома плачущаго, уже довольно стараго мужика. Я, не задумываясь, подбѣжалъ къ нему и смѣло спросилъ его, о чемъ онъ плачетъ.

Отвѣтъ его, перемѣшанный рыданіями, такъ хорошо врѣзался въ мою память, что я и теперь, спустя уже много лѣтъ послѣ того, помню его слово въ слово. Вотъ онъ: — Родненькій ты мой, голубчикъ!... Папаша-то твой прогнали меня... у меня, голубчикъ, послѣдняго сына въ некруты берутъ: кто-то насъ будетъ поить, кормить?.. У меня, прибавилъ онъ, смягчая и понижая тонъ, — денегъ-то нѣту, а папашенька-то твой безъ денегъ и не примаетъ никого; вотъ меня по шеямъ и выгнали.

При послѣднихъ словахъ въ голосѣ у старика уже слышались рыданія. И въ самомъ дѣлѣ, окончивъ ихъ, онъ расплакался, какъ ребенокъ. Этого было достаточно. Во мнѣ уже была полнѣйшая симпатія къ мужику и—каюсь, но не раскаяваюсь въ этомъ — какая-то инстинктивная ненависть къ отцу. Я какъ-то невольно воскликнулъ:

— Да что жъ ты-то самъ не прибилъ его! Какъ же папаша смѣетъ бить тебя?

Старикъ хотѣлъ было что-то отвѣчать, но не успѣлъ, потому что вдругъ совершенно неожиданно для насъ обоихъ раздался голосъ отца, сходившаго съ лѣстницы и слышавшаго мои слова. Онъ говорилъ громко, почти кричалъ, и его слова, точно также какъ и вся эта сцена, ясно припоминаются мнѣ. — Такъ вотъ чему ты учишь другихъ, щенокъ ты эдакой, кричалъ онъ:—хорошо же! я покажу тебѣ, что значитъ другихъ научать отца бить. Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!..

И съ дюжину сильныхъ пощечинъ посыпалось на мои щеки. Я, помню, расплакался и упалъ въ обморокъ. Очнулся я уже въ сыромъ и темномъ чуланѣ, куда меня заперли на хлѣбъ и на воду. Я колотилъ головой объ стѣну, кричалъ, молилъ, чтобъ меня выпустили оттуда; но это было совершенно напрасно. Никто не слышалъ моихъ воплей, или вѣрнѣе, никто не хотѣлъ ихъ слышать. Мнѣ потомъ говорили, что я провелъ цѣлые сутки въ чуланѣ. Наказаніе было употреблено жестокое, тѣмъ болѣе что я боялся даже темныхъ комнатъ. Подобное наказаніе ожесточило меня до крайности, и я разъ на слова отца, что онъ меня запрячетъ въ кантонисты, громко и съ какой-то странной въ этомъ возрастѣ рѣшимостью отвѣчалъ:—Куда нибудь, только поскорѣй вонъ отсюда.

За это меня жестоко высѣкли, такъ что я слегъ въ постель, и когда выздоровѣлъ, меня отвезли въ городъ и помѣстили въ гимназію. Мнѣ тогда было уже десять лѣтъ.

И эта невеселая гимназическая жизнь, съ ея пинками, розгами и тому подобными истязаніями, показалась мнѣ раемъ послѣ домашней жизни. Тутъ хоть увидишь нѣсколько дружелюбныхъ взглядовъ, а тамъ?.. Тамъ кромѣ суровыхъ взглядовъ отца, любящихъ, но боящихся всего взоровъ матери, да какихъ-то странныхъ, косыхъ взглядовъ сестры, (которая была старше меня годами двумя), я не видалъ ничего больше.

Параллель между гимназической и домашней жизнью внушила мнѣ еще большее отвращеніе къ послѣдней.

Понятно, почему я на просьбу матери пріѣхать домой на каникулы, холодно не по-дѣтски отвѣчалъ, что я люблю ее и радъ бы былъ пріѣхать домой, но мнѣ непріятно встрѣтиться тамъ съ нѣкоторыми личностями,—вслѣдствіе чего я отказываюсь отъ подобного удовольствія. Письмо это попалось въ руки отцу; онъ конечно взбѣсился и изрекъ надо мной свое всемогущее родительское

проклятіе. Въ письмѣ, которое было написано ко мнѣ по поводу этого, онъ сказалъ, что я лишенъ наслѣдства и что все, что имѣютъ они, перейдетъ въ руки сестры, которая лишается тоже всего наслѣдства, если осмѣлится хоть копѣйкой помочь мнѣ.

Я увѣренъ, что если эти строки попадутся какому нибудь «благонамѣренному» человѣку, онъ непремѣнно замѣтитъ, читая ихъ: «Ахъ какой нехорошій человѣкъ былъ этотъ Бубликовъ въ дѣтствѣ! какъ онъ былъ непокоренъ, непочтителенъ въ отношеніи къ родителямъ!»—Да! а позвольте спросить васъ, благонамѣренный судья мой, откуда же мнѣ было взять любовь къ своему родителю? Вѣдь любить только за то, что онъ произвелъ меня на свѣтъ, было бы слишкомъ искусственно, а другихъ нравственныхъ симпатій между нами не могло быть; грубое насиліе отца и его безчестные поступки возбуждали полнѣйшее отвращеніе въ дѣтскомъ чувствѣ, и я искренно ненавидѣлъ своего притѣснителя.

Но оставлю въ покоѣ васъ, «благонамѣренный» судья мой; продолжайте думать, что еслибъ еще разъ посѣчь меня, я непремѣнно исправился бы. Осуждайте, сколько угодно, мое непокорство; я увѣренъ, что найдутся люди, которые не будутъ одного съ вами мнѣнія, и этого съ меня довольно.

II.

Послѣ разрыва съ семействомъ повелъ я одинокую, отшельническую жизнь въ средѣ товарищей, не выходя никуда изъ оградъ гимназіи. Углубился я въ различные, болѣе или менѣе дикіе учебники и, не смотря на окружающую обстановку, шелъ быстро впередъ въ своемъ развитіи.

Нѣкоторыя книги, прочитанныя мной, открывали мнѣ тотъ же грязный семейный кругъ, въ которомъ жилъ и я; поэтому все

большимъ и большимъ отвращеніемъ проникался я къ той обстановкѣ, которая окружала меня недавно. И создавала моя фантазія планы другой жизни, жизни болѣе осмысленной, полной разумнаго счастья. Это были задушевныя, но безплодныя мечты моей до сихъ поръ любимой юности.

Курсъ гимназическій до 7-го класса былъ пройденъ мной очень скоро. Эти шесть лѣтъ не прошли, а промелькнули передо мной.

Въ это время умерла моя мать, о чемъ я и пожалѣлъ искренно, отъ души. Ни отъ отца, ни отъ сестры, которая успѣла выйти замужъ, по желанію его, я не получалъ писемъ,—да и о чемъ было писать имъ? Отецъ не прощалъ и не забывалъ даже небольшихъ противорѣчій ему. Что же онъ долженъ былъ думать о такомъ человѣкѣ, который совершенно отступился отъ него? Притомъ онъ даже проклялъ меня, а отказываться отъ своего слова онъ не любилъ.

Сестра тоже не могла ни слова писать ко мнѣ. Запуганная, забитая, вышедшая замужъ по принужденію, она подъ страхомъ отцовскаго проклятія боялась всякихъ сообщеній со мной. Я зналъ все это и ни съ кѣмъ изъ нихъ не пытался возобновлять отношеній, а жилъ себѣ въ средѣ товарищей, какъ будто и позабывъ, что у меня существуютъ родные.

Отецъ мой умеръ при моемъ переходѣ въ седьмой классъ. Меня увѣдомилъ какой-то, должно быть, очень добрый человѣкъ, письмомъ съ приложеніемъ копіи съ завѣщанія. А въ завѣщаніи упоминалось между прочимъ и о томъ, что я за непослушаніе родителямъ лишаюсь какой бы то ни было части изъ родительскаго достоянія. Это впрочемъ не было для меня ударомъ; мнѣ это было уже давнымъ давно извѣстно изъ письма, которое было написано по поводу того, что я не хотѣлъ ѣхать домой на каникулы.

Но за то другое происшествіе, случившееся вскорѣ послѣ этого, сильно подѣйствовало на меня. Во время каникулъ я за пустяки поругался при товарищахъ съ инспекторомъ. Человѣкъ этотъ, нелюбившій меня за какое-то вольнодумство и знавшій изъ какихъ-то источниковъ о моихъ отношеніяхъ къ отцу, постарался представить мой и безъ того, по мнѣнію гимназическаго начальства, непростительный поступокъ въ еще болѣе неблагопріятномъ свѣтѣ; слѣдствіемъ этого было то, что меня исключили.

Я думалъ не долго; собравъ свои пожитки, купилъ на добытыя

уроками деньги кой-какое платье и съ котомкой за плечами отправился въ сосѣдній губернскій городокъ съ тѣмъ, чтобы поступить въ гимназію. Через нѣсколько дней я былъ уже тамъ, и такъ какъ это было передъ началомъ курса, выдержалъ экзаменъ и поступилъ на свой счетъ въ гимназію. Какъ я прожилъ этотъ годъ—не знаю; въ грязи, въ холодномъ пальто таскался я въ гимназію, перебиваясь со дня на день, среди всевозможныхъ лишеній. Въ провинціи пробавляться уроками удивительно трудно: платятъ мало и обращаются очень грубо. Отказаться отъ обученія тупоумныхъ мальчиковъ нельзя, потому что надобно чѣмъ нибудь жить, а между тѣмъ чуть ли не каждый день слышишь замѣчанія въ родѣ того: что де-скать мой Колинька или моя Лизанька у дьячка учились гораздо лучше? что они де-скать у васъ лѣнятся? ихъ нужно поощрять, т. е. говоря прямѣе, бить да щипать.

Ну и доведутъ до того, что съ сдержанной злостью откажешься отъ уроковъ, а потомъ и бѣгаешь и рыскаешь, ища другого дома, гдѣ бы можно было хоть нѣсколько избавиться отъ подобныхъ наставленій.

Такъ безпрестанно мѣняя дома, въ которыхъ приходилось мнѣ быть педагогомъ, я кое-какъ пробился годъ. Занятый съ утра и до вечера обезпеченіемъ себѣ куска хлѣба, я не могъ конечно подготовиться къ экзамену, и потому вышелъ хуже, чѣмъ я мечталъ выйти. Постороннія лекціи, постоянная бѣготня, наконецъ усиленныя экзаменскія занятія, во время которыхъ я не могъ бросать своихъ уроковъ, довели меня до того, что я съ послѣдняго экзамена пришелъ домой измученный,—пришелъ и безъ памяти повалился на кровать. Приглашенный моей квартирной хозяйкой докторъ объявилъ, что у меня нервная горячка, и посовѣтывалъ меня отвезти въ больницу. Долго я былъ въ забытьи. Очнулся я уже въ больницѣ недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ меня отвезли туда. Только благодаря свѣжести организма, я могъ перенести эту болѣзнь. Выздоровленіе мое впрочемъ шло вяло. Только черезъ полтора мѣсяца я могъ встать съ постели. Идти въ университетъ пѣшкомъ, какъ я думалъ прежде, было уже невозможно; для того, чтобы ѣхать, нужны были деньги,—и вотъ я, чтобъ избѣжать той же нужды, какая преслѣдовала меня въ прошломъ году, попросилъ казенное мѣсто. Мнѣ скоро, по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, дали его и черезъ двѣ недѣли,

послѣ окончательнаго моего выздоровленія, я ѣхалъ уже въ званіи уѣзднаго учителя въ городъ Л.

III.

Мнѣ пришлось ѣхать недолго. Городъ Л. лежалъ верстахъ въ 60 отъ губернскаго города, такъ что вечеромъ того же дня, въ который я выѣхалъ, меня привезли въ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ городковъ Россіи. Единственная церковь, стоявшая въ центрѣ города и окруженная скорѣе лачугами, чѣмъ домами, какъ-то грустно глянула на меня. Немного дальше за ней шли болѣе порядочные дома: въ нихъ помѣщались, по словамъ ямщика, городничій, исправникъ и т. д.; однимъ словомъ, всѣ сильные люди сего захолустья.

— А вотъ, прибавилъ ямщикъ при въѣздѣ на площадь, гдѣ находился постоялый дворъ, тыкая пальцемъ въ безобразное зданіе, окрашенное въ желтую краску: — а вотъ туто-ти и есть улилище. Я вмѣсто отвѣта съ грустью посмотрѣлъ на незавидную наружность зданія, какъ бы предугадывая, что внутри оно не будетъ лучше, чѣмъ снаружи.

На другой день часовъ въ десять утра я отправился представиться смотрителю. Въ квартирѣ его мнѣ сказали, что онъ ушелъ въ училище; я пошолъ туда же. Входя на дворъ, я услышалъ громкія вопли и, сообразивъ, что мое появленіе, какъ лица новаго, можетъ быть прерветъ истязаніе, почти вбѣжалъ туда, наткнувшись въ дверяхъ на смотрителя, маленькаго сѣденькаго старичка, стоявшаго спиной ко входу и съ наслажденьемъ любовавшагося, какъ бѣдный, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, изсѣченный уже до крови, при каждомъ новомъ ударѣ розгами, корчился и кричалъ, что онъ *не будетъ*. Я угадалъ: при моемъ появленіи, порка тотчасъ же была остановлена. Смотритель оборотился ко мнѣ, — я отрекомендовался.

— Ахъ, очень пріятно, очень пріятно, повторялъ смотритель, любезно подавая мнѣ руку; а мы васъ ждали, давно ждали.

Я сухо отвѣчалъ, что опредѣленіе мое только дня три тому назадъ пришло въ губернскій городъ. Смотритель, не смущаясь, замѣтилъ:

— Но вѣдь вы знаете, почтеннѣйшій Дмитрій Алексѣичъ (откуда онъ узналъ, какъ зовутъ меня — неизвѣстно), что ожиданіе бываетъ особенно несносно и долго, когда ждешь человѣка, съ которымъ очень пріятно увидѣться.

И при этомъ опять рукопожатіе, опять до гадости умильный взглядъ.

Мнѣ сдѣлалось до того скверно, что я поспѣшилъ было откланяться.

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! дорогой Дмитрій Алексѣевичъ, говорилъ скороговоркой смотритель, —вы отъ меня такъ не уйдете. Вотъ осмотримте сначала училище, а потомъ позвольте познакомить васъ съ моей женой и дочерью.

Не было печали, такъ черти накачали, невольно подумалъ я, и повинуясь смотрителю, отправился вслѣдъ за нимъ по классамъ.

Крайняя неряшливость и учениковъ и учителей сразу произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Всѣ, бывшіе въ это время въ классахъ учителя, были положительно похожи на пьянствовавшихъ нѣсколько дней сряду людей. Всклокоченные волосы, красныя лица и особенно носы, какъ будто собранные сюда по заказу, ясно свидѣтельствовали о преобладающихъ страстишкахъ воспитателей юношества. Ученики въ какихъ-то затрапезныхъ халатикахъ, растрепанные, положительно спали на книгахъ и только при нашемъ появленіи, вслѣдствіе подзатыльниковъ, которые давались имъ сосѣдями, вскакивали и какъ-то усердно до подлости кланялись. Между прочимъ мы зашли въ третій высшій классъ училища. Тамъ за учительскимъ столикомъ сидѣлъ Кучевъ, учитель математики, необыкновенно рослый и здоровый дѣтина; у доски стоялъ тоже очень большой парень въ зипунѣ, и что-то чертилъ мѣломъ, видимо стараясь припомнить урокъ. Но старанія его были безплодны. При нашемъ входѣ Кучевъ всталъ и, пожавъ мнѣ руку, обратился къ смотрителю.

— Вотъ, сказалъ онъ низкимъ, глухимъ басомъ, этого осла (при

этомъ онъ ткнулъ пальцемъ въ отвѣчавшаго) нужно высѣчь, Петръ Иванычъ. Ничего положительно не дѣлаетъ.

— Ахъ! будьте такъ добры, ужъ высѣките сами, забормоталъ смотритель: мнѣ некогда. Я сегодня ужъ цѣлый день посвящаю Дмитрію Алексѣичу.

При этомъ онъ посмотрѣлъ на меня какимъ-то особенно ласкающимъ взглядомъ.

Я промолчалъ и мы пошли дальше. Осмотрѣвши училище, завернувъ даже въ ту комнату, въ которой хранились розги, смотритель повелъ меня къ себѣ на квартиру.

— Вотъ, сказалъ онъ, вводя меня въ залу, гдѣ сидѣла его дражайшая половина:—рекомендую, это—новый нашъ учитель исторіи и географіи, Дмитрій Алексѣичъ Бубликовъ. А вамъ, прибавилъ онъ, уже обращаясь ко мнѣ, — позвольте представить жену мою и дочь.

Жена моего новаго начальника была женщина съ виду представлявшая совершенный контрастъ мужу. Высокая, дебелая, еще почти вовсе не сѣдая, она глядѣла солидно, какъ и слѣдуетъ хозяйкѣ дома. На рукахъ ея были четки, какъ потомъ узналъ я, съ афонской горы; пальцы ея чуть - чуть не каждую минуту складывались крестомъ, точно она приготовлялась креститься, и дѣйствительно порой она поднимала руку, творила крестное знаменіе, со вздохомъ повторяя: Охъ, Господи помилуй! Господи помилуй! — Ханжа, полная мелкихъ предразсудковъ, властолюбивая, она управляла не только слабохарактернымъ мужемъ и дочерью, но старалась имѣть вліяніе и на всѣхъ встрѣчавшихся ей людей. При моемъ входѣ, Степанида Михайловна привстала съ креселъ, отвѣтила на поклонъ и окинула съ ногъ до головы долгимъ, проницательнымъ взглядомъ, какъ бы сразу желая предугадать, каковы-то будутъ мои отношенія къ ней и ея мужу, и какимъ-то спазматическимъ голосомъ сказала: Прошу садиться.

Дочь Петра Ивановича и Степаниды Михайловны, Маша, какъ ее звали дома, дѣвочка лѣтъ семнадцати, тоже осмотрѣла меня, но осмотрѣла изподлобья, такъ какъ обыкновенно осматриваютъ новую личность молоденькія барышни, взросшія гдѣ нибудь въ захолустьѣ, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ строгаго родительскаго глаза.

Я сѣлъ и началъ всматриваться въ окружавшую меня обстановку; не много надо было имѣть проницательности, чтобы догадаться, ка-

кой гнетъ лежалъ и надъ отцомъ и надъ дочерью въ лицѣ ханжи—матери. Маша, склонивъ свою недурненькую головку къ шитью, молчала, какъ бы боясь сказать что нибудь непріятное мамашѣ. Петръ Иванычь ужъ не глядѣлъ своимъ умильнымъ взглядомъ, а напротивъ старался выражать на своемъ лицѣ какую-то солидность, очевидно копируя выраженіе лица Степаниды Михайловны. Мнѣ сдѣлалось ужасно неловко, я уже задумалъ было удрать и взялся за шапку; но меня просили остаться обѣдать, такъ убѣдительно просили, что я не могъ отказать.

Освѣдомившись, не пью ли я, и получивъ отрицательный отвѣтъ, Степанида Михайловна уже начала болѣе ласково смотрѣть на меня, какъ на человѣка степеннаго и, подумавъ одно мгновеніе, повела какой-то странный разговоръ о суетѣ мірской, о любви къ ближнимъ и еще о чемъ-то. Я отвѣчалъ на всѣ ея запросы съ какой-то несвойственной мнѣ осторожностью, зная по опыту, какъ легко рѣзкимъ разговоромъ разсердить подобнаго звѣря, какого мнѣ Богъ послалъ въ Степанидѣ Михайловнѣ; а ссориться мнѣ почему-то не хотѣлось; правда, нѣсколько наблюдательный умъ могъ бы замѣтить насмѣшку, проглядывавшую въ моихъ монологахъ. И дѣйствительно, разъ когда насмѣшки стали очень явны даже для неопытнаго слуха, Маша какъ-то быстро подняла свой взоръ на меня—но точно также скоро и опустила его. Я поймалъ этотъ взглядъ, и мнѣ захотѣлось понять его значеніе. Выражалъ ли онъ ея догадку относительно моего смѣха надъ ея папенькой и маменькой или былъ брошенъ такъ, случайно, вотъ что занимало меня и что мнѣ ужасно хотѣлось рѣшить. За то Петръ Иванычъ и Степанида Михайловна внимали моимъ словамъ такъ, какъ будто принимали ихъ за чистую истину, и все болѣе и болѣе прояснялить ихъ лица: оба они видѣли во мнѣ одного съ собой поля ягоду.

При прощаньѣ Степанида Михайловна подала мнѣ руку, вѣроятно для того, чтобы я напечатлѣлъ на ней поцѣлуй; но я не сдѣлалъ этого и только очень учтиво пожалъ ее. У Петра Иваныча снова появился умильный взглядъ и онъ ласковымъ голосомъ просилъ не забывать ихъ. Маша слегка отвѣтила на мой поклонъ и уже не изподлобья посмотрѣла па меня; напротивъ, ея взглядъ, длинный и продолжительный, выражалъ, что она уже ознакомилась со мной и хорошо знаетъ меня, не смотря на то, что я съ ней сказалъ только нѣсколько словъ.

IV.

— Послушай, любезный, не знаешь ли ты гдѣ бы мнѣ найти квартирку, спросилъ я, по приходѣ на постоялый дворъ, хозяина своего — степеннаго мѣщанина.

Тотъ, предварительно почесавшись и сообразивъ, кого я долженъ осчастливить постоемъ, отвѣчалъ.

— А пожалуй я тебѣ скажу. Вишь ты есть у моего свата Шестипалова фатера, фатера знатная,—наверху значитъ. Тамъ твоему благородію очинно вольготно будетъ.

Было еще довольно свѣтло, и я отправился по указанію хозяина къ Шестипалову. Домъ Шестипалова, веселенькій и красивый, можно было легко найти межъ лачугами, окружавшими его. Я вошелъ въ переднія чистыя горницы—нѣтъ ни кого; вошелъ въ заднія, и тамъ нашелъ хозяина и хозяйку дома. Хозяинъ маленькій, широкоплечій приказный — былъ, какъ потомъ узналъ я, страшный пьяница. Въ натурѣ его соединялось и множество пороковъ и множество хорошихъ сторонъ. Честный, прямодушный, кроткій въ трезвомъ состояніи, онъ, напившись, становился страшнымъ деспотомъ. Потасовки у него съ женой были постоянныя. Жена его полная, еще молодая женщина (онъ былъ женатъ на второй) глядѣла немного усмиренной тигрицей; это наружное смиреніе было, конечно, слѣдствіемъ часто повторявшихся побоевъ. При моемъ входѣ Шестипаловъ, бывшій уже немного навеселѣ, всталъ, поклонился и вопросительно взглянулъ на меня, видимо спрашивая: за чѣмъ я пришелъ.

Я объяснилъ цѣль моего прихода и исчезло разомъ, само собой, неудовольствіе, пробившееся было на его физіономіи при моемъ появленіи. Онъ повелъ меня наверхъ въ мезонинъ. Мезонинъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ комнатъ. Первая, долженствовавшая представлять изъ себя залъ и гостиную, была очень просторная, свѣтлая комната. Вторая—спальня, уютная, маленькая съ однимъ окошкомъ, была тоже не дурна. Квартира сильно понравилась мнѣ и я, громко выразивъ это, спросилъ о цѣнѣ. Противъ ожиданія Шестипаловъ не запросилъ съ меня дорого. Скоро всѣ переговоры были

кончены; я изъявилъ желаніе переѣхать завтра же и Шестипаловъ, освѣдомившись о моемъ званіи, повелъ меня внизъ. Внизу сидѣла новая личность, дѣвушка лѣтъ восемнадцати съ каштановыми волосами, темноголубыми глазами и правильными, красивыми чертами лица. При нашемъ входѣ она встала и ушла въ другую комнату.

— Вотъ-съ эта дѣвочка, что вы сейчасъ видѣли, моя дочь отъ первой жены, царство небесное покойницѣ,—сказалъ Шестипаловъ и благочестиво перекрестился.

Я молчалъ.

— Вотъ-съ я къ вамъ по поводу ее буду просьбу имѣть, продолжалъ Шестипаловъ: будьте столь добры — обучите её чему нибудь; она дѣвочка понимающая, только дика очень.

Я изъявилъ свое согласіе.

— Её зовутъ-съ Александрой, прибавилъ онъ, и затѣмъ громко крикнулъ: Саша!

— Чего вамъ, тятинька, отвѣчалъ чистый свѣжій голосъ изъ другой комнаты.

— Поди сюда! господинъ учитель видѣть тебя желаютъ.

Я хотѣлъ было отвѣчать: зачѣмъ же? Но было поздно. Саша вошла уже въ комнату и остановилась у двери.

— Ближе, говорилъ Шестипаловъ, господинъ учитель осмотрѣть тебя хотятъ.

Я и тутъ не успѣлъ отвѣтить, что этого дѣлать не за чѣмъ, какъ уже передо мной близко, очень близко стояла Саша; я посмотрѣлъ на нее какимъ-то страннымъ, умоляющимъ взглядомъ. Она видимо не доумѣвала, зачѣмъ мнѣ нужно было её осматривать. Непривычка обращаться съ взрослой женщиной, какъ съ ученицей, брала своё; я конфузился и не зналъ, что дѣлать. Не помню, что еще говорилъ и дѣлалъ я, знаю только, что при моемъ выходѣ хозяинъ, подавши мнѣ руку съ какимъ-то страннымъ сожалѣніемъ замѣтилъ: какіе же вы конфузливые.

Нѣсколько мгновеній я не могъ опомниться и не зналъ даже, гдѣ я, — до того смутило меня и появленіе этой молодой женской личности, и слова хозяина: какіе вы конфузливые. Опомнился, осмотрѣлся, гдѣ я: оказалось, что въ сѣняхъ. Послушалъ, а сзади раздается звонкій голосъ хозяйки, которая во все горло кричитъ кому-то.

— Учиться! ахъ ты, чортова кукла, учиться вздумала!.. Дворянкой быть хочешь что-ли, мужичка! Шваль эдакая, туда же лѣзетъ.— Да и ты то хорошъ, продолжалъ тотъ же голосъ, обращаясь къ кому-то другому, дѣвчонкѣ потакать вздумалъ. Ахъ ты, чушка проклятая!

— Молчать, жена! раздался чей-то сильный, энергичный голосъ и пошла въ домѣ потасовка, пошелъ сумбуръ.

А сквозь шумъ, производимый дравшимися, слышались чьи-то сдержанныя, тихія рыданія, да чей-то мягкій и нѣжный голосъ безпрестанно твердилъ: оставьте, тятинька!.. оставьте, маменька!—я не могъ слушать дальше и поскорѣй побѣжалъ домой.

Солнце уже давно скрылось; его смѣнила луна и освѣтила она своимъ блѣднымъ свѣтомъ и березы съ ихъ желтыми, опавшими уже листьями, и рядъ лачугъ, которыхъ единственное украшеніе состояло въ этихъ оголявшихся березахъ, и наконецъ тотъ домъ, изъ котораго я только-что выбѣжалъ и въ которомъ происходила страшная, раздирающая душу, семейная картина.

Я пошолъ по городу: всё лачуги да лагуги; изрѣдка только появится между ними домикъ какого нибудь изъ важныхъ лицъ города. И видны въ немъ огни, и видно, какъ тамъ играютъ въ карты и танцуютъ. И далеко отъ этихъ мелкихъ аристократиковъ—горечь жизни, одолѣвающая тутъ же, бокъ о бокъ, спящихъ собратій ихъ.

Вышелъ я на набережную. Большая рѣка катитъ медленно - медленно свои волны, и не видно на ней никакого движенія.

Да! успокоились и труженики рыбаки и труженики бурлаки для того, чтобъ собраться къ утру съ новыми силами и отдать эти накопившіяся силы толстому, откормленному человѣческимъ мясомъ, капиталисту, и тянуть назавтра все ту же лямку.

V.

Фу, какой холодъ! Осенній вѣтеръ не унимается и дѣлаетъ свое дѣло; врываясь черезъ всевозможныя щели въ окнахъ, онъ заставляетъ меня поминутно вздрагивать отъ холода. И коченѣютъ мои

пальцы, коченѣютъ до такой степени, что даже дѣлается положительно невозможнымъ держать перо въ рукахъ. Приходится натянуть на себя ветхое хозяйское одѣяло, закутаться въ него и, безпрерывно оттирая коченѣющіе пальцы, продолжать писать записки. А не писать не могу,—какъ-то дальше отодвигается печальная дѣйствительность, какъ-то менѣе чувствуется голодъ, когда работаешь.

Я всталъ на другой день въ какомъ-то странномъ расположеніи духа. И весела, и пріятна мнѣ была мысль, что вотъ я переѣду къ Шестипаловымъ, что буду тамъ заниматься развитіемъ хорошенькой дѣвушки—и досадно вмѣстѣ съ тѣмъ было на то положеніе, какое занимала Саша въ домѣ.

Часу въ одинадцатомъ за моимъ небольшимъ имуществомъ пріѣхалъ Шестипаловъ, а черезъ нѣсколько часовъ я уже сидѣлъ въ своей маленькой квартиркѣ и глядѣлъ изъ окна на рѣку, которая была, какъ на ладони. По ней на парусахъ то и дѣло плыли суда; изрѣдка мелькали пароходы. За рѣкой растилались огромныя поемныя луга; на горизонтѣ чернѣлся лѣсъ. Я небольшой любитель природы, но меня какъ-то особенно занимала эта картина величавостью своихъ размѣровъ; я никогда еще не видалъ такой широкой рѣки. И углубился я въ созерцаніе растилавшейся вдали картины, такъ углубился, что не слышалъ, какъ откашливался въ моей комнатѣ и семенилъ ногами хозяинъ. Наконецъ онъ кашлянулъ особенно громко: я обернулся.

— Съ новосельемъ честь имѣю поздравить, отнесся ко мнѣ Шестипаловъ, бывшій уже снова подъ хмѣлькомъ.

Я отвѣчалъ, что на новосельи хорошо бы было выпить водки, но такъ какъ у меня нѣтъ ея, потому что я не пью, то предложилъ ему четвертакъ, попросивъ его выпить въ честь моего новоселья.

Хозяинъ поблагодарилъ меня и пригласилъ внизъ закусить, какъ онъ выражался, чѣмъ Богъ послалъ. Я сошелъ туда: тамъ на столѣ стоялъ самоваръ; вокругъ него, по англійскому обычаю, Богъ знаетъ какъ попавшему сюда, стояли: колбаса, крѣпкая какъ дерево, свѣжая икра, ветчина, напоминавшая собою не ветчину, а чортъ знаетъ что, и еще какія-то явства. Хозяйка сидѣла за самоваромъ и разливала чай въ стаканы допотопнаго фасона. Мы раскланялись. Недалеко отъ хозяйки, прижавшись къ стѣнѣ, сидѣла Саша; она пугливо осмотрѣла меня съ ногъ до головы; я поклонился ей. Мой поклонъ очевидно смутилъ ее; какъ отвѣтить на него,—

она не знала. Вотъ она привстала было, потомъ опять опустилась, снова приподнялась и, покраснѣвъ вся, какъ вишня, отвѣчала мнѣ легкимъ наклоненіемъ головы.

— Садитесь, Дмитрій Алексѣичъ, садитесь, батюшка, говорила хозяйка ужъ какимъ-то чрезъ чуръ ласковымъ голосомъ, указывая мнѣ на мѣсто подлѣ себя; она позабыла, кажется, о вчерашнемъ побоищѣ; — я усѣлся. Хозяинъ тоже сѣлъ на подставленный имъ стулъ и началось угощеніе, да различные распросы. Незамѣтно разговоръ перешелъ на мою ученицу.

— Проситъ эта умница-то меня: найди, дескать, мнѣ учителя, заговорилъ хозяинъ. Ну, вотъ, голубушка, есть учитель, — добрый человѣкъ. Что? довольна-ли ты? довольна-ли? а?

— Довольна, чуть слышнымъ голосомъ отвѣтила Саша.

— А будешь ли ты хорошо учиться? допрашивалъ Иванъ Ильичъ (такъ звали хозяина).

Сашѣ видимо непріятны были эти вопросы. Я поспѣшилъ ей на выручку и спросилъ, когда же начнутся наши занятія.

— Когда вамъ угодно, уже громче и рѣшительнѣе прежняго произнесла Саша.

— Да по моему съ завтрашняго же дня, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, сказалъ я и потомъ прибавилъ: а вы учились чему нибудь, Александра Ивановна?

— Училась, училась, батюшка, какъ же не училась, отвѣтила за нее мать. У дьячка читать и по церковному, и по гражданскому выучилась, и пишетъ хорошо, да вишь мало ей этого!.. въ послѣднихъ словахъ хозяйки слышалась сдержанная злость.

Я хотѣлъ спросить Сашу читала ли она что нибудь, но, замѣтивъ, что эти вопросы дѣлать пока неумѣстно, оставилъ все это до другого, болѣе удобнаго случая и поспѣшилъ откланяться.

Мы дружелюбно распростились.

Пришелъ я къ себѣ, легъ на постель и задумался. Съ одной стороны любовь и деспотизмъ отца, съ другой стороны ненависть и деспотизмъ матери, говорилъ я самъ себѣ.

Да! невеселое положеніе, чортъ возьми, невольно подумалъ я и сравнилъ положеніе Саши съ моимъ. Оба нехороши; но я мужчина; я вотъ и избавился отъ такой обстановки, а что дѣлать женщинѣ? Куда она пойдетъ и на что употребитъ свои силы, ясли бъ захо-

тѣла избавиться отъ своей семейной тюрьмы? между домашнею тюрьмой и уличнымъ позоромъ для нея почти нѣтъ у насъ выхода.

VI.

На другой день, часовъ въ девять я былъ уже въ училищѣ. Первый мой урокъ былъ въ третьемъ классѣ: я вошелъ туда.

Ученики, при моемъ входѣ, встали, прочитали молитву, машинально поклонились мнѣ и сѣли въ какомъ-то странномъ ожиданіи. Мнѣ показалось, что они ждутъ чего нибудь въ родѣ грозныхъ вскрикиваній: «у меня учиться, скоты, извольте. Не будете учиться — запорю» и еще чего нибудь въ этомъ родѣ. На ихъ лицахъ выразилось даже удивленіе какое-то, когда я ласково спросилъ ихъ, что они знаютъ. По отвѣтамъ ихъ было можно прямо заключить, что они знаютъ очень мало, что они моими предметами давно не занимались, такъ какъ уже шесть мѣсяцевъ не было учителя, и что экзаменъ въ третій классъ изъ исторіи и географіи они почти не сдавали.

Я началъ разсказывать имъ что-то, стараясь принаровиться къ ихъ пониманію: они слушали съ замѣтнымъ удовольствіемъ и, когда я кончилъ, легкій ропотъ одобренія пронесся въ классѣ. Одинъ изъ нихъ спросилъ меня, что приготовить къ завтрему, я отвѣчалъ, что буду знакомиться съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, а потому пусть каждый приготовитъ то, что онъ лучше знаетъ.

Во время перемѣны я познакомился съ учителемъ чистописанія, бѣлокурымъ и очень симпатичнымъ съ виду молодымъ человѣкомъ, котораго я не видалъ во время моего перваго посѣщенія училища. Звали его Михаилъ Петровичъ Зонтовъ. Я стоялъ и разговаривалъ съ нимъ, когда къ намъ подошелъ смотритель и, поздоровавшись съ нами, попросилъ зайти къ нему завтра отобѣдать: а завтра было воскресенье.

— Скажите пожалуйста, Михаилъ Петровичъ, спросилъ я своего собесѣдника, когда отошелъ смотритель, что это за человѣкъ нашъ Петръ Иванычъ? Вы его, вѣроятно, хорошо знаете.

— Да, знаю! какъ-то лѣниво отвѣчалъ Зонтовъ. И хорошаго о немъ ей-ей могу сказать очень мало, точно также какъ и о его женѣ. Одно только и есть порядочное существо въ ихъ домѣ, — это ихъ дочь Маша. Вы видѣли ее?

— Видѣлъ-то я видѣлъ ее, но почти мелькомъ; она, кажется, такая запуганная, забитая.

— Ну, пѣтъ! вѣдь для того, чтобы хорошенько оцѣнить ее, нужно очень короткое знакомство съ ней. Вы, впрочемъ, скоро получите, вѣроятно, случай узнать ее близко. Вѣдь вы говорите по французски?

— Да, кое-какъ! отвѣчалъ я.

— Ну вотъ васъ и попросятъ обучать ее этому. Тогда вы и узнаете, что это за дѣвушка. Такія дѣвушки рѣдкость въ Россіи; и сѣрые глаза моего собесѣдника при этомъ какъ-то особенно играли.

Я пристально посмотрѣлъ на него: онъ вспыхнулъ.

— Что вы такъ пристально осматриваете меня? на вѣрное подумали, что я влюбленъ, сказалъ съ досадой Зонтовъ. Я никакъ не думалъ, продолжалъ онъ, чтобы вы принадлежали къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что нельзя говорить горячо о женщинѣ, не влюбившись въ нее.

Я понялъ свою неловкость и извинился. Собесѣдникъ мой видимо остался доволенъ этимъ, и мы разошлись... Зонтовъ принадлежалъ, какъ я узналъ послѣ, къ числу тѣхъ людей, про которыхъ можно сказать и мало дурнаго, и мало хорошаго. Безцвѣтный франтикъ, онъ былъ донъ-жуаномъ города Л. до тѣхъ поръ, пока не влюбился въ Машу. Здѣсь его скромное, тихое прозябаніе приняло вдругъ какой-то бурливый характеръ; онъ сдѣлался ревнивымъ, подозрительнымъ до мелочности. При моемъ пріѣздѣ въ Л., отношенія его съ Машей были болѣе чѣмъ дружескія: она (если и не любила его такъ, какъ онъ ее, тѣмъ не менѣе готова была привязаться очень сильно.

Пришелъ я домой, отобѣдалъ и сѣлъ къ окну. Солнце уже садилось и какой-то громадный, огненный столбъ отражался въ рѣкѣ, за которую опускалось оно. Я снова залюбовался на эту картину.

Вдругъ на лѣстницѣ послышались чьи-то шаги. Я обернулся: въ мою комнату входили хозяинъ и Саша.

— А я... вотъ къ вамъ, говорилъ, заикаясь и пошатываясь, хозяинъ, привелъ ее... пусть учится.

Я попросилъ Сашу сѣсть; вдругъ у меня промелькнулъ вопросъ: пріятно ли будетъ Сашѣ быть въ комнатѣ молодаго человѣка и не будетъ ли это стѣснять ее?

Я спросилъ ее: не лучше ли намъ будетъ заниматься внизу? Она отвѣчала: какъ вамъ угодно.

— Нѣтъ ужъ, Дмитрій Алексѣичъ, пусть здѣсь учится, говорилъ хозяинъ. Вы человѣкъ хорошій... только ужъ конфузливый очень... Пожалуйте цыгарочки, прибавилъ онъ неожиданно.

Я подалъ ему папиросу и попросилъ уйти, потому что онъ пьянъ и будетъ мѣшать намъ.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ хозяинъ и, сдѣлавъ по солдатски на лѣво кругомъ, надавилъ дверь и вылетѣлъ на лѣстницу.

Саша тоскливо взглянула на него.

— Не ушибся ли онъ, Александра Ивановна? не нужно ли отвести его внизъ? спросилъ я.

— Нѣтъ! не нужно; вѣдь онъ часто такой бываетъ, отвѣтила тихо Саша и, пробившаяся наружу грусть ясно слышалась въ ея голосѣ.

Сашу можно было смѣло назвать красавицей. Средняго роста, отлично сложенная, съ ея голубыми, глубокими глазами, съ правильнымъ оваломъ лица,—задумчиваго и вмѣстѣ яснаго, она производила хорошее впечатлѣніе. Только одно сначала пугало въ ней: это дикій, въ упоръ смотрящій взглядъ, какъ бы говорившій, чего отъ меня хочешь,—я не желаю знать тебя. Но при дальнѣйшемъ знакомствѣ, взглядъ Саши становился мягче и мягче. Она уже не смотрѣла своимъ дикимъ взглядомъ; напротивъ, если она сходилась съ вами, вы могли видѣть въ ея глазахъ выраженіе дружбы и какой то дѣтской привязанности... Дикость Саши была, конечно, слѣдствіемъ той обстановки, среди которой она росла и развивалась. Пьяницы, товарищи ея отца, съ ихъ грязными циническими выходками, товарки мачихи съ ихъ до крайности грязными пересудами, все это искажало счастливо сложившуюся натуру Саши. Матери она лишилась давно, очень давно, когда ей еще и пяти лѣтъ не было. По ея словамъ мать была очень хорошая женщина, но несчастливая заму

жемъ. Не любившая пьяныхъ, она, конечно, не могла хладнокровно смотрѣть на постоянно напившагося ея мужа, за которымъ она до свадьбы не замѣчала этого порока.

Послѣ смерти матери Саша осталась совершенною сиротой. Кухарка, нанятая Иваномъ Ильичемъ, смотрѣла на нее недружелюбно; самаго Ивана Ильича не бывало дома, такъ что она была совершенно одинокой. И много перечувствовала она въ эти гооы своего одиночества... Но вотъ Иванъ Ильичь женился, и Саша попала въ еще худшее положеніе. Злая, нелюбившая ее мачиха, постоянно грызла ее; отецъ, рѣдко находившійся дома, обращалъ на нее мало вниманія. Постоянныя попойки занимали почти все его время; только изрѣдка онъ ласкалъ Сашу и, заливаясь горькими слезами, упрекалъ себя въ томъ, что онъ не заботится о дочери. Но проходили эти минуты, проходили очень скоро и оставалась Саша вновь одна съ своимъ неисходнымъ, глубокимъ горемъ. Все это я уже узналъ потомъ, когда гораздо ближе познакомился и съ Сашей, и съ обстановкой, окружавшей ее.

VII.

На другой день хозяйка, прислуживавшая мнѣ, не будила меня, и я проспалъ, такимъ образомъ, до десяти часовъ. Проснулся я очень довольный собой. Былъ великолѣпный осенній день; такіе дни рѣдко даетъ наша дождливая, ненастная осень. Пошелъ я на набережную и тамъ встрѣтился съ Зонтовымъ.

— А! здравствуйте! сказалъ онъ и, вынимая часы изъ кармана, прибавилъ: что же мы къ смотрителю обѣдать. Вѣдь уже пора: двѣнадцатый часъ въ исходѣ, а у насъ вѣдь глушь,—провинція. Въ часъ уже всѣ садятся обѣдать.

— Что-жъ? Пойдемте, отвѣчалъ я. «Зайдемте только ко мнѣ, сказалъ Зонтовъ; мнѣ, видите-ли, хочется переодѣться».

Я отвѣчалъ, что мнѣ все равно, и что я съ удовольствіемъ зайду.

Квартира Зонтова была еще меньше моей, но за то хозяинъ постарался убрать ее разными бездѣлушками, до которыхъ, какъ казалось, онъ былъ большой охотникъ. Я остался въ первой комнатѣ и началъ разсматривать красивенькія вещицы, симметрично разложенныя на столѣ. Зонтовъ вошелъ въ спальню, переодѣлся и вышелъ оттуда совершеннымъ франтомъ.

Когда мы вошли въ залу смотрителя тамъ, кромѣ Маши, которая стояла надъ кустомъ герани и поливала его, никого больше не было.

Мы раскланялись.

— Что вы такъ давно у насъ не были, Михаилъ Петровичъ, отнеслась къ моему спутнику Маша, весело и дружелюбно протягивая ему руку.

— Уже конечно не потому, чтобы я не хотѣлъ васъ видѣть, отвѣчалъ точно такимъ же тономъ Зонтовъ. Маша слегка зардѣлась.

Ого! дѣло на ладъ идетъ, невольно подумалъ я, и чтобъ не мѣшать имъ, отошелъ къ другому окну. На немъ лежала какая-то книга. Я развернулъ ее: оказался знаменитый романъ Булгарина «Иванъ Выжигинъ». Отъ скуки я началъ перелистывать его.

— Вы кажется любите такіе романы, Дмитрій Алексѣичъ, не безъ ироніи замѣтила Маша.

— Что это значитъ? подумалъ я. Досадно что ли ей стало, что я отошелъ отъ нея и не обращаю на нее никакого вниманія или эта фраза сорвалась у нея такъ, безъ всякой задней мысли. И вотъ, чтобъ побѣсить немного Машу, я отвѣтилъ, слегка обернувшись къ ней.

— Да! это мой любимый жанръ, Марья Петровна. Маша хотѣла сказать что-то, въ родѣ того, что вы дескать въ этомъ похожи на моего папеньку и маменьку, но не сказала, потому что въ ту же минуту ввалилась въ гостиную сама Степанида Михайловна, въ сопровожденіи своего дражайшаго супруга.—Мы поздоровались.

— Вотъ, Степанида Михайловна, поддержите меня: я только, что собирался доказывать Марьѣ Петровнѣ, что псалтырь и «Иванъ Выжигинъ» самыя лучшія книги для чтенія.

— Правда, батюшка, совершенная правда, какъ то поспѣшно подхватила Степанида Михайловна. Вѣдь всѣ-то остальныя книги суемудріе, а эти книги—душеспасительныя, душеполезныя.

— А вы, должно быть, Дмитрій Алексѣичь, очень много читали псалтырь, снова тѣмъ же тономъ, замѣтила Маша.

— Ахъ! матушка ты моя, воскликнула Степанида Михайловна, да кто же не читалъ-то его? всѣ, всѣ читали, а Дмитрій-то Алексѣичъ чай и больше всѣхъ; онъ человѣкъ богобоязненный, прибавила она.

— Вы уже слишкомъ захваливаете меня, почтеннѣйшая Степанида Михайловна. Подумаютъ, что я и Богъ знаетъ какой человѣкъ.

— Что же, батюшка, всякому своя честь, продолжала Степанида Михайловна. И въ писаніи сказано, что воздайте Божіе Богови, а кесарево кесареви.

Въ это время вошли и другіе учителя; разговоръ сдѣлался общимъ. Зонтовъ, занявшись съ кѣмъ-то споромъ, отошелъ въ сторону; я всталъ на его мѣсто. Мнѣ захотѣлось продолжать мистификацію.

— Вы, Марья Петровна, кажется, очень любите цвѣты, началъ я.

— Да, отвѣтила она тихо, какъ будто сдерживая досаду.

— Въ этомъ вкусы наши и сходятся, и расходятся, сказалъ я. Сходятся они въ нашей общей любви къ цвѣтамъ. Расходятся они въ нашихъ отношеніяхъ къ нимъ. Вы смотрите на нихъ, какъ на украшеніе и позволяете себѣ рвать ихъ, въ минуты досады. Я отношусь къ нимъ, какъ къ изящному произведенію природы, нелишенному серьезнаго смысла.

Маша взглянула на меня холодно и рѣшительно отвѣчала.

— Вы можете смотрѣть на нихъ такъ, — я иначе. Отъ этого ничего не прибудетъ, не убудетъ. Но смѣяться надъ кѣмъ бы то ни было вы не въ правѣ.

И, сказавъ это, она встала и рѣшительно вышла въ другую комнату. Я только и могъ выговорить... вы же сами... но дальше ничего не сказалъ: было уже поздно. Я такъ и остался съ разинутымъ ртомъ. Вотъ тебѣ и забитая дѣвушка. Что это значитъ, сидѣлъ и думалъ я. Въ довершеніе пораженія, ко мнѣ въ это время подошелъ Зонтовъ и съ скрытою насмѣшкою спросилъ.

— Васъ обидѣли, кажется, Дмитрій Алексѣичъ.

— Да! уже и не говорите лучше. Совсѣмъ оборвали! умышленно обиженнымъ голосомъ сказалъ я, и съ печальной физіономіей отошелъ отъ него.

Скоро насъ позвали обѣдать. За столомъ Маша сидѣла около Степаниды Михайловны. Зонтовъ сѣлъ около нея; я очутился на-

противъ. Завязался разговоръ и перешелъ на воспитаніе. Степанида Михайловна говорила за самодурство. Зонтовъ противъ; я, вопреки своей мысли, сталъ на сторону послѣдняго. Степанида Михайловна закидала насъ цитатами изъ священнаго писанія, но мы оба говорили горячо и сильно: она должна была замолчать и окончила споръ словами: ну, да вѣдь ужъ съ вами, извѣстно, — развѣ сговоришь: все за свое держитесь.—Разговоръ перемѣнился. Зонтовъ сталъ доказывать что-то; я опровергать. Маша съ замѣтнымъ любопытствомъ слѣдила за нами; она, видимо, принимала сторону Зонтова и желала, чтобъ онъ побѣдилъ меня. Но я былъ опытенъ въ спорахъ; притомъ предметъ, противъ котораго я боролся съ Зонтовымъ, былъ моей любимой темой для разговоровъ. Зонтовъ потерялъ всѣ доводы и уже сдавался; въ это время мы вышли изъ-за стола. Маша вдругъ какъ будто чему-то обрадовалась. Я закурилъ папиросу и сѣлъ: разговоръ сдѣлался общимъ, вялымъ, неинтереснымъ. Прошло часа два; я уже хотѣлъ откланиваться, когда объявили, что день великолѣпный и не худо бы было пройтись по городу. Я согласился; Зонтовъ и Кучевъ тоже. Петръ Иванычъ отпросился идти спать. Мы отправились.

Кучевъ пошелъ съ хозяйкой дома сзади. Я и Зонтовъ очутились впереди съ Машей. Скоро у насъ завязался живой, бойкій разговоръ. Заговорили о книгахъ; я позабылъ утро; сосѣди тоже. Разговоръ перешелъ на Пушкина. Зонтовъ и Маша говорили за него. Я отвѣчалъ, что его читать теперь стоитъ только въ видахъ знакомства съ исторіей русской словесности.

— Да что, говорилъ я, Пушкинъ. Ну, скажите пожалуста есть ли у него хоть одно стихотвореніе, написанное такъ, какъ написанъ «Парадный поѣздъ» Некрасова? «Парадный поѣздъ» ходилъ тогда по рукамъ, и я зналъ его наизустъ.

— А вы знаете его? спросила Маша.

— Знаю, отвѣчалъ я, и на просьбу прочесть его, началъ читать, предупредивъ, что я, можетъ быть, испорчу это произведеніе своимъ чтеніемъ. Я началъ тихо, но чѣмъ дальше читалъ я, тѣмъ все больше и больше одушевлялся. Какъ разъ мы вышли въ это время на Волгу, и я съ жаромъ окончилъ послѣднія строки:

Волга! Волга! весной многоводной

. . . .

Я видѣлъ, что чтеніе произвело сильное впечатлѣніе, и хотѣлъ спросить ихъ обоихъ: укажите мнѣ у Пушкина хоть одно, написанное съ такимъ же чувствомъ, стихотвореніе, но не спросилъ, потому что они уже не могли продолжать спора. Разговоръ послѣ этого какъ-то не клеился больше, и я, проводивъ Машу до дому, отправился съ Зонтовымъ домой. На прощаньи она какъ-то довѣрчиво подала мнѣ руку; я съ благородностью пожалъ ее. Идти мнѣ было съ Зонтовымъ по дорогѣ; уже вечерѣло; холодный вѣтерокъ дулъ намъ на встрѣчу. Изъ за горизонта поднимались темныя тучи, обѣщавшія дождь.

— А непогода будетъ, замѣтилъ я всю дорогу молчавшему Зонтову, прощаясь съ нимъ у дверей моей квартиры.

Зонтовъ, думавшій о другомъ, принялъ мои слова за намекъ, слегка пожалъ плечами и холодно подалъ мнѣ руку. Онъ видимо понялъ ихъ, какъ намекъ на наши будущія отношенія къ Машѣ. Мелочность, развившаяся въ немъ непомѣрно, заставляла его придавать какой-то особенной смыслъ каждой фразѣ, каждому движенію, и это почти отталкивало отъ него.

Слова мои оправдались. Вѣтеръ началъ дуть сильнѣе и сильнѣе; волны на рѣкѣ стали дѣлаться больше и больше. И вотъ, изъ тучь, превратившихся уже изъ темныхъ въ какія-то сѣроватыя, полился дождь мелкій, частый,—однимъ словомъ, чисто осенній дождь.

VIII.

Пришелъ я къ себѣ въ квартиру,—скука смертная. Пойду, подумалъ я, къ хозяевамъ, поболтаю тамъ, авось повеселѣе сдѣлается. Сошелъ я внизъ, вошелъ въ ихъ квартиру и нашелъ тамъ только одну Сашу; хозяина и хозяйки не было дома. Она сидѣла, облокотившись на столъ, и о чемъ-то сосредоточенно думала. При моемъ входѣ, она подняла голову и не то радость, не то испугъ, не то какое-то удивленіе изобразилось на ея лицѣ.

— Здравствуйте, Александра Ивановна, сказалъ я, подходя къ ней. Извините,—я, кажется, испугалъ васъ.

— Нѣтъ! ничего! отвѣчала она и слегка вспыхнула.

— Гдѣ же, скажите пожалуйста, Иванъ Ильичъ и Анна Карповна? (такъ звали жену хозяина) спросилъ я.

— Они ушли въ гости, отвѣчала Саша.

— Я подумалъ: остаться или не оставаться, и рѣшилъ: остаться.

— Вы не разсердитесь на меня, Александра Ивановна, если я попрошу у васъ позволенія остаться здѣсь. Мнѣ скучно, вамъ кажется тоже,—авось вдвоемъ намъ намъ будетъ веселѣе.

— Оставайтесь, если хотите. Только вы напрасно думаете, что мнѣ очень скучно; вѣдь мнѣ часто приходится проводить цѣлые дни такъ.

Сказанныя кѣмъ нибудь другимъ эти слова значили бы: вы напрасно пришли сюда, но Саша видимо сказала ихъ безъ всякой задней мысли. Такъ сказалось—и только.

— А вотъ что, Дмитрій Алексѣичъ, прибавила Саша, прочтите-ка мнѣ какіе нибудь стихи, вы такъ хорошо читаете.

— Извольте, отвѣчалъ я, принимая похвалу Саши очень серьезно. Да, я и зналъ, что похвалы эти сказаны отъ души, потому что Саша лучшихъ чтецовъ не слыхала. И я прочелъ ей нѣсколько стихотвореній.

— Скажите пожалуйста, Дмитрій Алексѣичъ, вѣдь это, должно быть, очень умный человѣкъ такіе стихи сочиняетъ? спросила Саша.

— Да! должно быть, очень умный, Александра Ивановна, отвѣчалъ я.

— Ну, а вы, могли бы такіе стихи сочинять?.. продолжала наивно спрашивать Саша.

Я отвѣчалъ ей, что не могъ бы.

— Да почему же? продолжала допрашивать Саша. — Вѣдь вы тоже очень умный человѣкъ.

Я объяснилъ ей, какъ могъ, что для этого мало быть умнымъ человѣкомъ, что для этого нужно имѣть талантъ.

Саша, какъ будто, удовлетворилась моимъ объясненіемъ, подумала минутку и потомъ вдругъ неожиданно спросила.

— А что же книгъ-то, Дмитрій Алексѣичъ? Вѣдь вы обѣщались.

— Да я только что хотѣлъ извиниться передъ вами, Александра

Ивановна, что не могъ сегодня принести ихъ. Погодите ужъ денекъ,—завтра непремѣнно принесу.

— То-то! сказала бойко Саша. А то вѣдь вы обѣщаніе сейчасъ же готовы позабыть.

Я оправдывался кое-какъ; Саша вдругъ, какъ будто вспомнила что-то, начала сильно нападать на всѣхъ дворянчиковъ, говорила и доказывала, что они никогда не помнятъ своихъ обѣщаній.

— Да съ чего вы взяли это? говорилъ я.

— Такъ... Я видѣла, какъ моя подруга изсохла, да зачахла,—сказала она и приэтомъ какъ-то печально покачала головой.

— Да отъ чего же она изсохла и изчахла? спрашивалъ я. Разскажите мнѣ, Александра Ивановна.

— Вѣдь я разсказывать-то не умѣю, Дмитрій Алексѣичъ. Вы еще пожалуй надо мной смѣяться будете.

— Э! полноте пожалуйста, Александра Ивановна, ну съ какой стати мнѣ смѣяться. Разсказывайте—я слушаю.

И я дѣйствительно приготовился слушать. Саша, подумавъ одно мгновеніе, начала свой разсказъ. Записываю его, какъ помню, здѣсь.

РАЗСКАЗЪ САШИ.

Лѣтъ пять тому назадъ, — я была тогда еще маленькой дѣвочкой,—играла я въ куклы весной на завалинѣ. Солнце свѣтило такъ ярко, по весеннему; и любовалась я на него, и слушала я, какъ гдѣ-то вдали на полѣ пѣли жаворонки; вешняя вода шумно и весело бѣжала къ рѣкѣ. И сладко, такъ сладко стало мнѣ вдругъ, что я бы не ушла ввѣкъ съ этого мѣста и все бы слушала жаворонковъ и веселое журчанье ручьевъ. Забылась было я. Вдругъ слышу чей-то свѣжій громкій голосокъ кричитъ

мнѣ: «иди играть ко мнѣ, будемъ играть вмѣстѣ». Прислушиваюсь я, думаю, не обманулась ли? нѣтъ, голосъ все повторяетъ то же. Гдѣ же, думаю, кричатъ это? И кажется мнѣ, будто это издалека откуда-то кричатъ, изъ-за рѣки, и сижу я да и думаю: Господи! вотъ бы въ самомъ дѣлѣ славно было поиграть вдвоемъ съ кѣмъ нибудь.

А голосъ все ближе и ближе, вотъ просто надъ головой звенитъ. Мнѣ даже страшно стало: зажмурила я глаза, а голосъ еще ближе. Вдругъ, наконецъ, кто-то меня сзади за плечо хватаетъ. Встрепенулась я, хочу бѣжать домой, а меня держатъ, не пускаютъ; обернулась я, смотрю: стоитъ дѣвочка немного побольше меня и такая хорошая, черноволосая.

— Что жъ ты? говоритъ, пойдемъ ко мнѣ играть!

— Куда? говорю я, а самой и весело, и страшно какъ-то.

— Да вотъ сюда, сюда, говоритъ она, и все тащитъ, да тащитъ меня. Я уже молчу и не поперечу ей. Пусть, думаю, дѣлаетъ со мной, что хочетъ.

Вотъ притащила она меня къ заваленкѣ дома нашего сосѣда, да и говоритъ: ну, сиди здѣсь,—а я куклы свои принесу. Да съ мѣста не сходи, не смѣй дѣлать этого. Слышишь ли? — Слышу, отвѣчаю я и сама не знаю, что со мной сдѣлалось; смотрю, какъ бѣжитъ она, и глазъ отъ нея отвести не могу. Вотъ принесла она куклы, начали играть. Она такая бойкая, все муштруетъ меня да муштруетъ. То не такъ, это не такъ. Просто закомандовала мной совсѣмъ. А я смотрю на нее и насмотрѣться не могу. Такъ мы проиграли до вечера. «Ну, сказала она, когда я собралась уходить домой:—завтра приходи сюда же,—а не придешь, я разсержусь на тебя,—слышишь ли, разсержусь».

И какъ же мы подружились съ ней послѣ этого. Куда она, туда и я: просто другъ безъ дружки жить не можемъ. А она, надо сказать вамъ, была племянница нашего сосѣда—ремесленника одного. У него, видите ли, сестра за очень бѣднаго мѣщанина вышла, у нихъ много дѣтей пошло, такъ вотъ она одну дѣвочку и отдала своему брату на воспитаніе. Привезли ее не задолго передъ тѣмъ, какъ я познакомилась съ ней. Дѣвочка она была балованная, своенравная, что хочу, то и дѣлаю, а у дяди избаловалась еще больше: ужъ очень онъ любилъ ее.

Прошло такъ года два. Катя (мою подругу звали Катей) совсѣмъ

взрослая стала, просто невѣстой глядитъ. Ужъ къ ней, было, и свататься многіе стали, да нѣтъ: не пойду, говоритъ, замужъ; не нравятся да и только. Вотъ одинъ разъ сидимъ мы въ праздникъ на заваленкѣ, сидимъ да орѣхи щелкаемъ, вдругъ видимъ: идетъ по улицѣ хорошенькій, прехорошенькій баринъ и одѣтъ такъ изрядно; увидѣлъ онъ насъ: «здравствуйте», говоритъ. Я покраснѣла вся, не отвѣчаю ничего, а Катя и говоритъ ему;—она такая смѣлая была,—«здравствуйте! садитесь, говоритъ, съ нами на заваленку». Я ужъ и толкаю ее и шепчу ей: что ты, Катя, вѣдь совѣстно;—а она все свое: «садитесь, говоритъ, что же вы стоите такъ».

Тотъ подумалъ немного, да и сѣлъ. Ничего; поговорили, посидѣли, вечерѣть стало, онъ ушелъ. Только, какъ ушелъ онъ, Катя оборачивается ко мнѣ, да и говоритъ: вотъ, говоритъ, хорошенькой-то, Саша. Эхъ, кабы такова мужа имѣть: кажется, глазъ бы съ него не спустила. Сказала она это, поцѣловала меня, да и пошла домой. Посмотрѣла я ей въ слѣдъ: вижу, идетъ тихо, а прежде всегда такъ проворно бѣгала. Покачала я головой, пошла къ себѣ въ комнату, легла спать,—не спится: тоска какая-то напала на меня,—все мнѣ почему-то думалось, что Катя перемѣнится. Такъ оно на грѣхъ и случилось. Богъ знаетъ, что сдѣлалось съ ней: ходитъ такая грустная, ни съ кѣмъ слова не скажетъ; подойдешь бывало къ ней, спросишь ее о чемъ нибудь, а она и не отвѣчаетъ. Тогда бывало только и повеселѣе сдѣлается, когда хорошенькаго того увидитъ. А онъ сначала ходилъ рѣдко, потомъ повадился все чаще да чаще, наконецъ чуть не по цѣлымъ днямъ началъ сидѣть около ея дома. Вотъ разъ—уже это подъ осень было — сплю я (а спала я въ сѣняхъ), сплю я и слышу, что кто-то меня дергаетъ за плечо. Проснулась я, смотрю—стоитъ Катя: всю ее точно въ лихорадкѣ бьетъ, и плачетъ-то она, и смѣется разомъ. Спрашиваю ее, что съ ней сдѣлалось, а она и отвѣчать не можетъ; наконецъ собралась она съ силами, легла ко мнѣ на постельку, прижалась, да и говоритъ тихо, такъ тихо, что едва разслышать можно было: «Саша! а вѣдь онъ жениться на мнѣ обѣщалъ». Кто онъ? спрашиваю; а она:—«ахъ! какая ты Саша недогадливая! Петя мой, Петя». И сама все цѣлуетъ меня, такъ горячо цѣлуетъ, и прижимается ко мнѣ, и сердце у ней сильно, пресильно бьется. Обняла я ее, поплакали мы съ ней вмѣстѣ на радостяхъ; тѣмъ покуда дѣло и кончилось. Недѣли двѣ послѣ этого она все была такая веселая, разбитная. Потомъ

вдругъ опять стала задумываться чаще да чаще. Догадывалась тогда я, что это съ ней оттого, что Петя пересталъ ходить. Наконецъ гляжу: нѣтъ Кати день, другой,—куда это она дѣвалась, думаю. Зашла я къ ней на домъ, вхожу въ ея комнату,—вижу, лежитъ она на постелѣ блѣдная такая. Подошла я къ ней, спрашиваю ее, не больна ли она? Нѣтъ, отвѣчаетъ, не больна и сама къ стенѣ отвернулусь. Такъ я ничего отъ нея въ этотъ день и не могла добиться. Только ужъ потомъ она сказала мнѣ, что ея Петя уѣхалъ далеко и что даже письма ей не оставилъ. Думала было я, какъ Катя выходить начала, что она оправится,—нѣтъ! зиму она еще кое-какъ промаялась, а весной умерла. Передъ смертью я все у нея сидѣла, и вотъ какія ея послѣднія слова были: «Саша! не вѣрь ты никакому барину. Все-то они обманываютъ. Повѣришь,—также, какъ я, мучиться будешь».

Маша замолчала и задумалась. Распрашивать ее еще о чемъ нибудь я счелъ неумѣстнымъ и поспѣшилъ уйти. На прощаньи она спросила меня:—Что, понравился ли вамъ, Дмитрій Алексѣичъ, мой разсказъ? Не соскучились ли вы?—Нисколько, отвѣчалъ я, только какъ-то грустно, тяжело мнѣ сдѣлалось. Вотъ и мнѣ тоже, замѣтила Саша, какъ только вспомню о ней, такъ сейчасъ и взгруснется.

Я пошелъ къ себѣ, легъ и закутался; но долго еще я не могъ заснуть. Передо мной то и дѣло мелькалъ образъ зачахнувшей Кати, то и дѣло раздавались въ ушахъ ея послѣднія слова. Онѣ какъ-то безотчетно пугали меня.

IX.

И покатилась тихо, медленно, спокойно моя одинокая, труженическая жизнь. Никакого сильнаго ощущенія. Постоянныя занятія съ моими любимыми ученицами, еще нѣсколько другихъ уроковъ, наконецъ лекціи въ училищѣ,—все это сдѣлало мою жизнь ровною и однообра-

зною до безконечности. Нельзя сказать, чтобъ я покинулъ мечты о славѣ, мечты о гораздо болѣе широкомъ поприщѣ. Думалъ я, напр. пристать къ сонму литераторовъ, написалъ давно уже назрѣвавшую въ душѣ моей повѣсть и отправилъ ее въ редакцію. Но мнѣ возвратили ее очень скоро съ письмомъ, въ которомъ извѣщали, что она, какъ несоотвѣтствующая направленію (а нужно замѣтить, что направленія у журнала вовсе не было), не можетъ быть принята. Непріятно мнѣ было это сначала, но потомъ я утѣшился; сжегъ повѣсть, рѣшился никогда больше не писать ихъ, и снова жизнь моя, выбившаяся было немного изъ колеи, вошла въ нее и покатилась такъ же тихо и ровно.

Отношенія мои къ Петру Иванычу и Степанидѣ Михайловнѣ почти нисколько не перемѣнились.

Къ безпощадной поркѣ въ училищѣ, волновавшей было меня сначала очень сильно, черезъ мѣсяцъ или два я привыкъ и рѣшился только съ своей стороны дѣлать все возможное для устраненія этого.

Правда, Петръ Иванычъ былъ сначала очень недоволенъ тѣмъ, что я не даю сѣчь мальчиковъ, постоянно вступаюсь за нихъ; недоволенъ онъ наконецъ былъ и тѣмъ, что ученики отвѣчаютъ мнѣ урокъ, сидя. Но такъ какъ резоны его мной не принимались, на его гнѣвъ вниманія мной не обращалось, — онъ успокоился и рѣшился не надоѣдать мнѣ. Степанида Михайловна, хотя и имѣла очень много причинъ гнѣваться на меня, не гнѣвалась вовсе и, Богъ знаетъ въ силу чего, охотно прощала мнѣ мое суемудріе, какъ уже выражалась она про мои разговоры.

Ея семейный деспотизмъ, казавшійся мнѣ сначала чѣмъ-то ужаснымъ, впослѣдствіи выяснялся, и я увидѣлъ въ немъ тотъ мелкій болѣе глупый, чѣмъ расчитанный гнетъ, который лежитъ на русской семьѣ, какъ старая, забытая паутина. Притомъ же самодурство Степаниды Михайловны не ложилось слишкомъ тяжело на счастливо сложившуюся натуру Маши.

Натура послѣдней принадлежала къ числу тѣхъ слабыхъ съ виду, сильныхъ внутренно натуръ, которыхъ такъ много въ Россіи и которыя при первомъ взглядѣ поражаютъ васъ своею пассивностью, а при болѣе близкомъ знакомствѣ—своей силою. На такія характеры не производитъ видимаго вліянія гнетъ. Онѣ наружно относятся къ нему хладнокровно, какъ будто даже узакониваютъ его; но если

распросить ихъ хорошенько, ознакомиться съ ними, то окажется, что въ душѣ онѣ готовы протестовать противъ насилія и произвола такимъ количествомъ силы, котораго не имѣютъ и натуры съ виду болѣе крѣпкія.

Маша всегда очень дружески встрѣчала меня, оставляла иногда на вечеръ, чтобы поболтать; но никто не замѣчалъ ничего особеннаго въ нашихъ отношеніяхъ, кромѣ развѣ Зонтова, съ которымъ она сдѣлалась вдругъ почему-то холоднѣе и который, должно быть вслѣдствіе этого, былъ особенно расположенъ смотрѣть на нашу дружбу, какъ на любовныя шашни.

Съ моими хозяевами у меня были какія-то странныя отношенія, особенно съ хозяйкой. По всему было видно, что они если не любятъ меня, такъ по крайней мѣрѣ уважаютъ, потому что за Машей у нихъ не было никакого присмотра и на дружескія отношенія наши не обращалось, особенно хозяиномъ, даже того вниманія, которое обращается обыкновенно нашими, такъ называемыми, развитыми дамами на отношенія ихъ дочерей къ людямъ постороннимъ. Иванъ Ильичъ былъ постоянно, и въ пьяномъ, и въ трезвомъ видѣ, того мнѣнія, что я человѣкъ скромный, конфузливой, и колотилъ жену, когда она изъявляла сомнѣніе насчетъ меня. Приэтомъ онъ обыкновенно приходилъ ко мнѣ и до крайности простодушно разсказывалъ о томъ, за что побита имъ жена. На доводы, представляемые мной, что бить не слѣдуетъ, онъ хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ, что я человѣкъ ученый и ничего не понимаю въ этомъ, и что совѣтовъ насчетъ этого онъ ни отъ кого не принимаетъ. Затѣмъ, выпросивъ у меня сигарочки (какъ называлась имъ папироса), онъ уходилъ домой. Жена его Анна Карповна, привыкшая къ постояннымъ раздорамъ и потасовкамъ, не обращала никакого вниманія на то, что я былъ иногда причиной ея побоища съ мужемъ, и по этому относилась всегда ко мнѣ съ легкой лаской.

Саша, какъ я и говорилъ прежде, боявшаяся всякой новой личности, скоро привыкла ко мнѣ до дѣтской откровенности. Правда, иногда мнѣ случалось ловить ея какіе-то странные взгляды, но я не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія и наши отношенія не выходили изъ тѣсной рамки дружбы. Ей видимо была непріятна семейная ея обстановка. Она, еще и до встрѣчи со мной, относились къ ней съ несдержаннымъ неудовольствіемъ, а тутъ стала относиться еще хуже.

Своими разсказами о возможности лучшей жизни я производилъ на нее сильное впечатлѣніе. Ей видимо хотѣлось какъ нибудь избавиться отъ бранчивой мачихи и отъ домашней грязи, ей видимо хотѣлось пожить тою разумною жизнью, идеалъ которой такъ чисто рисовался мной. Вотъ первая причина, заставлявшая ее, даже не въ учебные часы, искать со мною общества; другая причина, не менѣе сильная, стала извѣстна мнѣ гораздо позже, спустя уже много мѣсяцевъ послѣ моей первой встрѣчи съ Сашей.

Какъ теперь вижу я Сашу въ нашей учебной комнатѣ. Вотъ она облокотилась на столъ, уставила на меня взглядъ своихъ темноголубыхъ глазъ и такъ внимательно слушаетъ, что̀ я говорю ей. Или вотъ я читаю ей какую-нибудь повѣсть, а она съ жадностью слѣдитъ за ходомъ ея, ловитъ мысли, разбросанныя въ ней. Вотъ она проситъ меня остановиться, чтобы объяснить ей то и то. И кладу я на столъ книгу и начинаю ей, какъ умѣю, объяснять то, что она уяснить не можетъ. Вотъ объясненіе кончено, и начинается снова чтеніе. Много читалъ я ей; читалъ и Тургенева, и Писемскаго, и Некрасова, и Достоевскаго. Писемскаго она какъ-то боялась. Послѣ каждой его повѣсти она обыкновенно спрашивала меня: «неужели существуютъ такіе люди на свѣтѣ?»

— Существуютъ, Александра Ивановна, отвѣчалъ я. Вѣдь это тѣ же самые люди, что около насъ съ вами ходятъ, только люди безъ личины добродѣтели, которой они имѣютъ обыкновеніе прикрываться.

И шли, такимъ образомъ, дни за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцъ за мѣсяцомъ. Прошли и святки, прошла масляница, наступилъ наконецъ великій постъ. На дворѣ стало замѣтно теплѣть: рамы чище обыкновеннаго оттаявали; по всему можно было судить о близкой веснѣ.

X.

Наступили теплые, весенніе дни. Солнце жгло. Съ горъ уже бѣжали ручьи; на поляхъ обнажалась земля. Въ одинъ изъ такихъ дней я по обыкновенію отправился на уроки. Сходилъ въ училище,

воротился домой и оттуда отправился къ смотрителю, гдѣ я занимался съ Машей французскимъ языкомъ.

Пришелъ я туда уже часовъ въ 6 вечера; начинало смеркаться; Петръ Иванычъ и Степанида Михайловна только что встали отъ послѣобѣденнаго сна и, сладострастно потягиваясь и позѣвывая, толковали о какихъ-то домашнихъ дѣлахъ. При моемъ входѣ они привстали, дружелюбно поздоровались и, пробормотавъ какую-то общую фразу о здоровьи, пригласили меня въ гостиную, гдѣ сидѣла Маша, въ ожиданіи педагога, т. е. меня.

Я вошелъ туда. Маша сидѣла на диванѣ, откинувши назадъ голову, и до того задумалась, замечталась, что не слыхала, какъ я вошелъ.

— Здравствуйте, Марья Петровна, сказалъ я подходя къ ней.

Она встрепенулась.

— Ахъ, это вы, Дмитрій Алексѣичъ:—что это вы сегодня запоздали?

Я пробормоталъ какое-то извиненіе.

А мнѣ сегодня, Дмитрій Алексѣичъ, положительно заниматься не хочется, продолжала Маша по французки (она уже могла довольно свободно говорить на этомъ языкѣ).

— Что же? Если не хочется, такъ и не будемъ заниматься, а поболтаемъ о чемъ нибудь, сказалъ я на томъ же языкѣ, опускаясь въ кресла.

— Хорошо бы было поболтать, Дмитрій Алексѣичъ, еслибъ расположеніе чувствовалось. А то нѣтъ, — хочется говорить возможно серьезнѣе.

— Такъ что же? будемте говорить серьезно, замѣтилъ я.

Наступило молчаніе.

Маша первая прервала его, она заговорила серьезно; тонъ, которымъ она вела слѣдующій разговоръ, показался мнѣ совершенно новымъ: я, дѣйствительно, слышалъ его только въ первый разъ.

— Послушайте, Дмитрій Алексѣичъ, сказала она, что бы вы сказали, если бы какая нибудь женщина сказала вамъ первая слово: люблю. Говорите откровенно, говорите прямо, что бы вы подумали про нее?

— Извольте, Марья Петровна, я буду съ удовольствіемъ отвѣчать на вашъ вопросъ, — и скажу вамъ, что ничего, кромѣ хорошаго, нельзя подумать про такую женщину. Ея признаніе доказы-

ваетъ, что она избавлена отъ мелкихъ предразсудковъ, что она вовсе не ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мужчины первые произносили это задушевное слово. Мало того: эта женщина ясно выражаетъ своимъ признаніемъ нежеланіе дожидаться словъ властителя, т. е. она вовсе не признаетъ властителя, а ставитъ и себя, и другаго на одну доску. Что бы я сказалъ ей, спрашиваете вы,—вотъ что я отвѣчу вамъ: мой отвѣтъ зависѣлъ бы прямо отъ моихъ отношеній къ ней. Но, будьте увѣрены, никогда не вырвалось бы у меня слово насмѣшки, слово презрѣнія.—Я кончилъ: Маша подумала нѣсколько мгновеній, какъ будто бы колеблясь; наконецъ рѣшительно произнесла.

— Послушайте, Дмитрій Алексѣичъ, мнѣ хотѣлось бы разсказать вамъ многое о себѣ. Одного только не знаю: будите ли вы слушать меня?

— Я давно уже хотѣлъ было попросить васъ разскать вашу жизнь, но боялся отказа. Теперь же, обрадовавшись вашему желанію, прошу васъ объ этомъ.

— Извольте, отвѣчала Маша, и начала исторію своей невеселой жизни. Эта исторія, точно также какъ и весь предыдущій разговоръ, велся на французскомъ языкѣ, такъ что ни Петръ Ивановичъ, ни Степанида Михайловна, сидѣвшіе въ сосѣдней комнатѣ, не могли ничего понять изъ него. Вотъ что мнѣ разсказала Маша.

— Въ жизни моей, Дмитрій Алексѣичъ, такъ начала она, было мало волненій. Она была тиха, спокойна. Еще съ дѣтства меня пріучали покоряться старшимъ безъ ропота, молиться по цѣлымъ часамъ Богу, не разсказавъ мнѣ, впрочемъ, вразумительно, кому и зачѣмъ я молюсь. Обо всемъ я имѣла какія-то дикія, смутныя понятія. Какъ случилось, что мои понятія стали вдругъ года два тому проясняться, я и сама не понимаю. Для меня настала тогда пора сомнѣній. И мучительно было мое положеніе въ то время: спросить ничего нельзя у другихъ, потому что они или только покачаютъ головой, или отвѣтятъ такую чепуху, что я и сама вскорѣ пойму, что это чепуха. Вотъ и приходилось до всего додумываться самой. И просиживала я бывало по нѣскольку часовъ сряду надъ рѣшеніемъ какого нибудь вопроса, занимавшаго меня, и отъ души, бывало, радовалась, когда рѣшеніе его удавалось мнѣ. Порядочныхъ книгъ мнѣ долго не давали: только въ прошломъ году мамаша, бывшая однажды въ очень веселомъ расположеніи

духа, позволила папашѣ дать мнѣ какую нибудь книгу изъ библіотеки въ училищѣ, предварительно, впрочемъ, показавъ ей. Папаша взялъ на удачу тѣ два N Современника, въ которыхъ былъ помѣщенъ Рудинъ. Книги осмотрѣли и, не найдя въ нихъ ничего подозрительнаго, позволили ихъ прочитать мнѣ. Я съ жадностью схватилась за нихъ и, вы не повѣрите, какъ меня занималъ этотъ первый порядочный изъ прочитанныхъ мною романовъ. Вы не повѣрите, съ какой жадностью я слѣдила за развитіемъ отношеній Наташи къ Рудину, съ какимъ сожалѣніемъ я остановилась надъ печальной развязкой романа. Почему кончилось такъ, а не иначе, вотъ какимъ вопросомъ занялась я и рѣшила его, рѣшила наскоро, но все-таки рѣшила. Съ этихъ-то поръ развилась во мнѣ неудержимая страсть къ чтенію. Зная, что Мамаша не будетъ позволять мнѣ много читать, я бросилась къ папашѣ и начала уговаривать его, чтобы онъ давалъ мнѣ тихонько книги. Онъ согласился, и началось лихорадочное чтеніе. Читала я повѣсть за повѣстью, романъ за романомъ, не думая останавливаться надъ прочитаннымъ. Въ это время я познакомилась съ Зонтовымъ. Человѣкъ обезпеченной очень достаточно, онъ былъ исключенъ изъ гимназіи за какія-то шалости, какъ я узнала послѣ, и, рѣшивъ, что образованіе его уже завершено, пошелъ на службу. Ему дали мѣсто учителя чистописанія; онъ остался доволенъ, а, пріѣхавъ сюда и увидѣвъ, что его, какъ человѣка еще сносно образованнаго и притомъ обезпеченнаго, принимаютъ вездѣ очень хорошо, остался доволенъ и нашимъ обществомъ, и съ удовольствіемъ живетъ до сихъ поръ въ нашемъ дрянномъ городишкѣ. Онъ произвелъ на меня сразу очень выгодное для него впечатлѣніе. Зонтовъ вскорѣ началъ ухаживать за мной. Я отвѣчала ему сочувствіемъ.

— Все это продолжалось до вашего пріѣзда. Спустя немного послѣ вашего появленія въ нашемъ домѣ, онъ сильно перемѣнился. Посѣщенія его стали все рѣже и рѣже: онъ видимо сталъ ревновать меня къ вамъ. За такое мелочное подозрѣніе я охладѣла къ нему. Да впрочемъ на мое охлажденіе вліяло также очень сильно и то обстоятельство, что въ васъ я нашла гораздо лучшаго человѣка; такихъ людей всегда ищешь съ жадностью...

Здѣсь она замолчала. Я поставленъ былъ въ неловкое положеніе; тутъ только я догадался въ первый разъ, что Зонтовъ не ошибался относительно Маши: она дѣйствительно любила меня.

Мнѣ ужасно хотѣлось окончить недоразумѣнія, спросить прямо и откровенно, любитъ ли она меня; но не рѣшался я на это по той очень простой причинѣ, что я вѣдь не любилъ ее. Сказать ей прямо свой отвѣтъ, лишить ее надежды казалось мнѣ неумѣстной грубостью. Я былъ положительно глупъ въ эту минуту. Наконецъ, совладѣвъ кое-какъ съ собою, я спросилъ ее по возможности спокойно.

— Вы, кажется, не хотите досказывать остальное, Марья Петровна?—Она, казалось, ожидала этого; взглянувъ на меня бѣгло, но сильно и проницательно, она бросила на столъ миніатюрную записку и за тѣмъ вышла въ другую комнату. Записка была написана по французски: вотъ что заключалось въ ней.

«Дмитрій Алексѣичъ! Вы помните вѣроятно нашу первую встрѣчу съ вами. Ваши насмѣшки надъ многимъ какъ-то сразу заинтересовали меня,—хотя мнѣ и не нравился тонъ вашихъ словъ. Вы помните, вѣроятно, и вашъ первый споръ съ Зонтовымъ, во время котораго вы доказали ему, что его возрѣнія на жизнь ужъ черезчуръ узки. У васъ, можетъ быть, память сохранила также и ваше первое чтеніе одного изъ некрасовскихъ стихотвореній, и тѣ длинные вечера, которые я проводила съ вами за занятіями да различной болтавней. Воображеніе мое, настроенное нашей первой встрѣчей, какъ-то сильно занялось вами, и послѣ каждаго разговора вы все болѣе и болѣе интересовывали меня. Скажу прямо — я полюбила васъ. Вы спросите, можетъ быть, отчего я не хотѣла на словахъ сказать вамъ этого. Вотъ почему, Дмитрій Алексѣичъ: мнѣ казалось, да и до сихъ поръ кажется, что вы не любите меня. Если это справедливо, то я думаю, вы затруднились бы пожалуй на словахъ отвѣтомъ и, чего добраго, могли сказать не то, что вы должны сказать. А теперь на бумагѣ скажите: да или нѣтъ?»

М.

Я ожидалъ конечно подобнаго письма и, подумавъ нѣсколько мгновеній, написалъ на той же запискѣ отвѣтъ. Онъ былъ немногословенъ, но ясенъ. Я помню его очень хорошо. Вотъ онъ:

«Марья Петровна! Вы угадали: я не люблю васъ, или яснѣе, кромѣ дружбы, не чувствую къ вамъ ничего другого. Мы должны разойтись, но не должны ссориться: останемтесь друзьями.»

Когда я кончилъ писать его, Маша вошла опять въ гостиную.

Она была совершенно покойна наружно и только, когда я подалъ ей отвѣтъ, она слегка поблѣднѣла; мнѣ показалось, что она угадала содержаніе отвѣта, потому что, не читая письма, положила его въ карманъ и холодно подала руку, сказавъ по русски:

— До свиданія, Дмитрій Алексѣичъ.

Я пожалъ ей руку, распростился съ Петромъ Иванычемъ и Степанидой Михайловной и отправился домой. Былъ уже девятый часъ вечера. На дворѣ было холодно; небо обложилось тучами, изъ которыхъ шелъ не то снѣгъ, не то дождь. Я сильно раскаялся въ эту минуту, что вышелъ въ холодномъ пальто. Покуда я добѣжалъ домой, — успѣлъ уже сильно промокнуть и озябнуть.

XI.

Пришелъ домой, легъ въ постель и почувствовалъ дрожь по всему тѣлу: мнѣ показалось почему-то, что я непремѣнно захвораю. Пощупалъ пульсъ, — оказалось, что онъ не хорошъ. Э! пустяки впрочемъ все это, подумалъ я и, перевернувшись на другой бокъ, заснулъ. Спалъ я неспокойно; какіе-то нелѣпые, страшные призраки безпокоили меня все время. Просыпаюсь утромъ, — голова горитъ, во рту пересохло, всѣ предметы принимаютъ какой-то мутный цвѣтъ. Явилась хозяйка, взглянула на меня, всплеснула руками, спросила о чемъ-то и, видя, что я почти и говорить не могу, побѣжала тотчасъ же за докторомъ. Докторъ пощупалъ пульсъ, прописалъ микстуру, приказалъ поставить мнѣ піявокъ, налѣпить мушку и горчичники, и затѣмъ отправился домой. Вотъ пришелъ и фельдшеръ; облѣпивъ меня мушкой и горчичниками, приставилъ что-то много піявокъ, влилъ въ горло микстуру и тоже исчезъ. Около моей постели снова явилось лицо хозяйки, которая съ какимъ-то состраданіемъ смотрѣла на меня и своими блестящими глазами какъ бы говорила мнѣ: а вѣдь ты умрешь, голубчикъ, непремѣнно умрешь.

А вотъ изъ-за плеча ея смотритъ на меня такъ печально, пе-

чально поблѣднѣвшее вдругъ лицо Саши. Подъ глазами у нея синіе круги, точно она сейчасъ плакала. Да! я и не ошибаюсь,—она и теперь плачетъ. И хочу ужъ я встать и сказать ей: полно Саша! о чемъ это ты, какъ тебѣ не стыдно плакать! И поднимаюсь уже я, чтобъ сказать ей это; но нѣтъ силъ, точно какое-то невидимое существо охватило меня и держитъ, и не пускаетъ приподняться. Хочу сказать ей покрайней мѣрѣ, утѣшить ее; но языкъ не повинуется мнѣ и я, приподнявшись уже немного съ постели, снова въ безсиліи опускаюсь на нее.

И мелькаютъ передо мной точно въ какомъ-то туманѣ и милое лицо Саши, и Петръ Иванычъ и Иванъ Ильичъ, и жена его, и еще какія-то незнакомыя мнѣ лица; медленно проходятъ дни за днями. Вотъ начинаетъ свѣтать, вотъ смеркается, вотъ является свѣча, свѣтъ отъ которой рѣжетъ мнѣ глаза, а я не могу ничѣмъ выразить, что онъ мѣшаетъ мнѣ. Хочу махнуть рукой, но рука не поднимается и, точно лишенная дѣятельности, какъ пластъ, лежитъ на постелѣ.

Я не зналъ, сколько дней прошло такимъ образомъ. Наконецъ однажды рано утромъ, когда еще свѣтъ едва пробивался въ мою комнату, я проснулся и только въ первый разъ, послѣ начала болѣзни, могъ осмыслить свое положеніе. Я понялъ, что я былъ сильно боленъ, что я еще и теперь сильно боленъ; но не зналъ, какой сегодня день, сколько времени я хворалъ. Вздумалъ было я встать, но разсудилъ, что этимъ можно повредить себѣ, и рѣшился ждать пріѣзда доктора. Пролежалъ я около часа и захотѣлось мнѣ узнать, сколько часовъ; вдругъ слышу—ухо больного всегда очень чутко—внизу стѣнные часы внятно бьютъ семь. Немного спустя, я услышалъ легкіе шаги, за тѣмъ дверь въ мою комнату отворилась и на порогѣ появилась немного поблѣднѣвшая и похудѣвшая, но показавшаяся мнѣ въ эту минуту еще прелестнѣе, Саша.

Я невольно протянулъ къ ней руки.

— Движется,—тихо, чуть слышно сказала она, и въ глазахъ ея выразилось что-то очень похожее на радость.

— Саша! вскрикнулъ я съ несдержаннымъ удовольствіемъ и почти испугался этого нечаянно вырвавшагося слова.

— Не нужно ли вамъ чего нибудь, Дмитрій Алексѣичъ, сказала Саша, нагибаясь ко мнѣ.

— Ничего, ничего Саш... Александра Ивановна, отвѣчалъ я и, схвативъ ея руку, горячо поцѣловалъ ее.

Саша покраснѣла, отвернула руку и какая-то страшная мысль подернула ея прекрасное лицо.

Видѣли вы, господа, человѣка, избавившагося отъ большой бѣды. Приливъ какой-то нѣжности является въ немъ и, подойди къ нему въ это время съ нѣжнымъ словомъ какое нибудь уважаемое имъ существо, онъ полюбитъ его, полюбитъ такъ горячо и искренно, какъ только можетъ любить человѣкъ въ его положеніи. Въ немъ является идея странная, идея дикая, что онъ будетъ имѣть гораздо менѣе шансовъ впасть въ бѣду, если сблизится съ другимъ. Я былъ, именно въ такомъ положеніи. Саша, подошедшая ко мнѣ первой съ словомъ участія на губахъ, показалась мнѣ какимъ-то свѣтлымъ, лучезарнымъ ангеломъ, и я готовъ былъ долго, долго цѣловать ея руки. Когда я увидѣлъ, что это какъ-то непріятно ей, мнѣ нужно было много силы, чтобы сдержать себя и по возможности спокойно спросить ее.

— Скажите пожалуйста, Александра Ивановна, сколько я времени боленъ?

— Пять дней, сказала Саша тихо, не поднимая глазъ на меня.

— Пять дней, проговорилъ я,—пять дней... а мнѣ показалось гораздо больше.

Въ это время вошла хозяйка:

— А! да вы уже говорите, Дмитрій Алексѣичъ, сказала она съ какимъ-то удивленіемъ (она потомъ объявила мнѣ, что у нихъ въ домѣ всѣ уже полагали, что я не жилецъ на этомъ свѣтѣ).

Спустя немного, пріѣхалъ и докторъ, старавшійся постоянно казаться человѣкомъ серьезнымъ и знающимъ свое дѣло. Пріѣхалъ, пощупалъ мой пульсъ, покачалъ головой и съ достоинствомъ произнесъ: «да, это бываетъ,—счастливый кризисъ»,—и началъ что-то распрашивать меня.

— Скажите пожалуйста, докторъ, началъ я, когда всѣ вопросы его истощились:—не вредно мнѣ будетъ ходить по комнатѣ?

— Ходить по комнатѣ! повторивъ докторъ и иронически покачалъ головой. Да вы попробуйте-ка сначала подняться съ постели, замѣтилъ онъ.

Я сдѣлалъ усиліе, приподнялся, но сейчасъ же понялъ, что даль-

шія попытки сойти съ мѣста будутъ рѣшительно безполезны, и какъ бревно повалился на кровать. Докторъ еще разъ усмѣхнулся.

— Видите, началъ онъ, вы и встать-то не можете, а еще ходить по комнатѣ хотите. Подождите недѣльки двѣ, полежите спокойно, чтобъ не было никакихъ сильныхъ ощущеній, и тогда посмотримъ.

И затѣмъ докторъ, скорчивъ серьезную мину, вышелъ изъ комнаты.

Никогда не чувствуется такъ сильно одиночество, какъ въ минуты болѣзни. Какая-то тоска напала на меня; я попробовалъ заснуть,—не могу, и вотъ, отъ нечего дѣлать, я протянулъ руку за книгой; начинаю читать, а буквы такъ и прыгаютъ въ глазахъ, и смысла не понимаю. Бросилъ читать, начинаю думать,—еще хуже: чувствуется горькое одиночество. Но это бы еще ничего; зачѣмъ только къ мыслямъ моимъ безпрестанно примѣшивается Саша. Вотъ она, точно свѣтомъ облитая, стоитъ тамъ гдѣ-то далеко, вотъ ближе, ближе, выясняться начинаетъ. Вотъ, наконецъ, протягиваю я руки, хочу поймать ее, вскрикиваю: Саша!.. а мнѣ отвѣчаютъ: что вамъ угодно, Дмитрій Алексѣичъ? Обораговаюсь, смотрю и у кровати моей стоитъ дѣйствительная, а не воображаемая Саша, стоитъ и спрашиваетъ: что вамъ угодно, Дмитрій Алексѣичъ?

— Ничего, Александра Ивановна, извините пожалуйста. Я такъ въ бреду васъ назвалъ.

Саша съ участіемъ поглядѣла на меня.

— А вотъ что я хотѣлъ просить васъ, Александра Ивановна, продолжалъ я, будьте такъ добры: прочтите мнѣ что нибудь, я послушаю.

Саша взяла книгу и начала читать. Читала она хорошо, но я не слушалъ книгу и только слѣдилъ за переливами ея голоса, да любовался ея миленькими губками, ея прелестнымъ оваломъ лица.

— Да вы не слушаете, Дмитрій Алексѣичъ, сказала вдругъ Саша, кладя книгу и вперивъ въ меня проницательный взглядъ.

— Слушаю, слушаю, отвѣчалъ я и вдругъ почувствовалъ, какъ краска бросилась мнѣ въ лицо.

Саша холодно взяла книгу и начала читать дальше, но въ ея голосѣ уже слышалось гораздо менѣе чувства; она видимо старалась поскорѣе кончить; вдругъ мнѣ вздумалось притвориться спящимъ.

Саша, вообразивъ, что я дѣйствительно сплю и поэтому, не до-

читавши до конца, сложила книгу и, сказавъ: «заснулъ уже», оглядѣла меня какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— Бѣдный, какъ исхудалъ онъ, промолвила она, и двѣ крупныя слезы покатились по ея щекамъ.

Какъ она любитъ меня, невольно подумалъ я и приготовился наблюдать, что будетъ дальше. Вотъ она еще разъ внимательно оглядѣла меня, заглянула боязливо въ мои чуть-чуть открытые глаза, потомъ какъ-то неожиданно нагнулась: вдругъ поцѣловала меня въ лобъ. Я вздрогнулъ, протянулъ руки, чтобъ поймать ее, но было уже поздно. Ее не было: она убѣжала такъ скоро, что, когда я уже опомнился, даже шаговъ ея не было слышно на лѣстницѣ.

Что я перечувствовалъ впродолженіи вечера и слѣдовавшей за тѣмъ ночи, которая показалась мнѣ такою же длинною, какъ вѣчность,—трудно описывать. Мысль, что я любимъ, что теперь моя одинокая жизнь сдѣлается гораздо полнѣе, вдругъ, неожиданно, смѣнялась мыслью, что можетъ быть все это обманъ, что Саша поцѣловала меня изъ чувства состраданія и эта мысль бросала меня изъ жара въ холодъ. Скорѣй, скорѣй говорилъ я самъ съ собой, кончайся ночь, — наступай день. О, какъ ты долго тянешься ночь! бормоталъ я, мнѣ кажется, что я умру, не дождавшись, пока ты кончишься. Но вотъ, наконецъ, стало свѣтать; часы внизу пробили пять, потомъ шесть, наконецъ семь. Послышались шаги на лѣстницѣ: я ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Къ моему полному сожалѣнію вошла хозяйка.

— Что вамъ лучше, Дмитрій Алексѣичъ, или хуже? спросила она съ участіемъ.

— Лучше, гораздо лучше, разсѣянно сказалъ я.

Хозяйка ушла. Я снова сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать боя часовъ: вотъ пробило восемь, снова послышались шаги, на этотъ разъ уже мужскіе, и докторъ въ сопровожденіи Ивана Ильича и хозяйки вошелъ въ мою комнату. Пощупавъ пульсъ, онъ вдругъ спросилъ меня.

— Вы сего дня покойно спали?

— Покойно, совралъ я.

— Гм! гм!.. странно... замѣтилъ докторъ и, прописавъ какую-то микстуру, вышелъ.

Вотъ, поговоривши со мной о чемъ-то, вышелъ и хозяинъ, вышла и хозяйка. Я хотѣлъ было сказать имъ въ то время, какъ они ухо-

дили: попросите сюда Александру Ивановну, пускай она прочтетъ мнѣ что нибудь, но удержался; не сказалъ: пусть, думаю, сама придетъ ко мнѣ.

Прошло съ полчаса послѣ ухода хозяевъ. Вотъ на лѣстницѣ послышались чьи-то легкіе, медленные шаги. Сердце забилось у меня сильнѣе и сильнѣе; я обернулся и съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея входа. Вотъ шаги какъ будто замедлились, вотъ она остановилась въ первой комнатѣ, должно быть, подумала съ минуту;—я обратился весь въ слухъ и зрѣніе—вотъ она шагнула разъ, два и, вся покраснѣвшая отъ волненья, очутилась передо мной.

— Александра Ивановна!.. Саша... началъ было я, но языкъ плохо повиновался мнѣ, и я не знаю, какъ я договорилъ слѣдующія слова: Саша, почему ты такъ долго не приходила; вѣдь я люблю тебя, Саша!.. и я протянулъ руки, чтобъ обнять ее; секунду спустя, я уже обнималъ ее и она какимъ-то задыхающимся голосомъ говорила мнѣ: и я!... я то же люблю тебя, Митя, давно люблю...

Я крѣпко обнялъ ее, такъ крѣпко, какъ только могли обнять мои ослабѣвшіе руки и съ жаромъ поцѣловалъ ее.

— Саша! Саша! говорилъ я, отчего же ты не сказала мнѣ этого раньше? а?... Отчего ты убѣжала отъ меня вчера: вѣдь я всю ночь спать не могъ изъ за тебя, говорилъ я.

— Да я вѣдь не знала, Митя, что ты любишь меня, отвѣчала она. Да къ тому же, начала было она и не кончила.

— Что ты хотѣла сказать? договаривай же, договаривай, повторялъ я, лаская ее. Мнѣ пріятно было слушать ея ласкающій голосъ.

— Да къ тому же, продолжала Саша, и Катя мнѣ по ночамъ все являлась и попрекала меня она за то, что я полюбила тебя, Митя, и лицо Саши при этомъ вдругъ приняло какой-то грустный оттѣнокъ.

— Полно, полно, успокоивалъ я ее, вѣдь сегодня она тебѣ не являлась? Вѣдь да? спрашивалъ я.

— Да, сегодня не являлась, отвѣчала Саша; вотъ я и пришла къ тебѣ, чтобы сказать тебѣ: люблю. И Саша вдругъ какъ-то весело засмѣялась. Но этотъ смѣхъ не былъ смѣхомъ веселымъ и беззаботнымъ: въ немъ слышалась какая-то грустная нота. И переставъ, смѣяться, она обвила меня руками и крѣпко поцѣловала. — Чтобы отвлечь отъ ея мыслей образъ Кати, я началъ разсказывать: какъ

мы женимся, какъ мы будемъ любить другъ друга. Саша слушала и весело улыбалась. Я говорилъ долго, наконецъ, началъ уставать; Саша сейчасъ же замѣтила это и тотчасъ же строго и серьезно сказала мнѣ.

— Вамъ вредно много говорить, Дмитрій Алексѣичъ. Извольте заснуть сейчасъ же; и то вы сегодня цѣлую ночь не спали.

И обнявъ, и еще разъ горячо поцѣловавъ меня, она ушла.

Я перевернулся на другой бокъ и истомленной дневной тревогой, заснулъ, повторяя безпрестанно: Саша! Саша!

XII.

Спалъ я крѣпко и долго, какъ я еще не спалъ ни разу съ начала болѣзни; проснулся, около кровати уже стоитъ докторъ и съ заученной миной щупаетъ пульсъ.

— Да! гм! не дурно... покажите языкъ, сказалъ онъ.

Я показалъ ему языкъ.

— Хорошъ, очень хорошъ, съ достоинствомъ замѣтилъ онъ, ну а аппетитъ есть у васъ?

Я только тутъ почувствовалъ, что у меня явилось страшнѣйшее желаніе поѣсть чего нибудь.

— Есть, докторъ, есть, — какъ-то радостно заговорилъ я.

— Ну, хорошо! хорошо! Дайте ему супу, бѣлаго хлѣба, сказалъ онъ съ важностью, обращаясь къ хозяину. — Странный только организмъ у васъ, замѣтилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, вчера плохо, сегодня хорошо, трудно уловить ходъ болѣзни.

И сказавъ это, онъ вышелъ.

А я въ самомъ дѣлѣ поправился, подумалъ я. И дѣйствительно, я чувствовалъ какой-то наплывъ силъ. Сдѣлавъ маленькое усиліе, я привсталъ на постели и съ возможнымъ комфортомъ усѣлся на ней, обложенный подушками.

Немного спустя, мнѣ принесли бульона и бѣлаго хлѣба. Все это я началъ истреблять съ жадностію. Вотъ ушла хозяйка, приносившая обѣдъ, и явилась Саша; снова пошли разговоры о томъ, какъ мы будемъ жить, снова поцѣлуи да ласки, которымъ казалось и конца не будетъ.

Эхъ! дорогая пора любви, скоро ты прошла, но все - таки успѣла внести въ мою скудную жизнь много такихъ минутъ, о которыхъ можно вспоминать не иначе, какъ съ удовольствіемъ И когда переносишься къ этому времени мыслью изъ гадкой комнаты, въ которой я пишу эти записки, невольно хочется хоть одинъ часъ, хоть нѣсколько минутъ пожить той же жизнью. Но безплодны, дики эти желанія. Нужно бросить ихъ и по возможности спокойно продолжать писать эти записки. И вдругъ заходитъ мнѣ мысль въ голову: не бросить-ли это, почти совершенно безполезное, маранье бумаги? Нѣтъ написано уже много, буду же доканчивать эту грустную повѣсть. Впрочемъ почему же грустную?

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я остановился, она все болѣе и болѣе принимаетъ веселый колоритъ и обѣщаетъ сдѣлаться очень свѣтлой. Да! но вѣдь обѣщаетъ сдѣлаться—далеко не значитъ еще сдѣлается.

Выздоровленіе мое пошло послѣ объясненія съ Сашей чрезвычайно быстро. Съ каждымъ днемъ я чувствовалъ наплывъ новыхъ силъ, черезъ нѣсколько дней я могъ, вопреки предсказанію доктора, уже ходить по комнатѣ. Докторъ послѣ каждаго визита только качалъ головой и произносилъ постоянно одну и туже фразу.

— Гм! гм!... странно... впрочемъ это бываетъ.

И за тѣмъ уѣзжалъ, какъ будто недовольной больнымъ, который поправляется быстрѣе, чѣмъ онъ полагалъ, слѣдовательно осмѣливался вольнодумничать.

Я только улыбался въ душѣ его смущенію и думалъ, что никто кромѣ меня, да Саши не знаетъ причины моего быстро шедшаго впередъ выздоровленія.

И жизнь моя сдѣлалась какъ-то полнѣе, и сразу ощутилось мной сознаніе того, что я жилъ прежде какъ - то хуже, что жизнь моя была прежде до крайности безцвѣтной и что только теперь я начинаю жить болѣе полно.

Вотъ около меня любимое мной существо; я только и мечтаю о томъ, какъ бы сдѣлать счастливѣе его; мнѣ кажется вдругъ, что я

самъ по себѣ нуль, что я съ этихъ поръ не живу для себя, а живу для Саши, для моей милой, дорогой Саши. Подвергая анализу теперь свои тогдашнія мысли, я нахожу конечно въ нихъ нескладицу, но какую-то привлекательную нескладицу. Эта нескладица, не смотря на наружное спокойствіе влюбленныхъ, есть всегдашняя принадлежность ихъ. Вѣдь ясно сознаешь теперь, что положеніе влюбленнаго есть положеніе ненормальное; что бѣгать такъ, какъ они бѣгаютъ за своими возлюбленными, чувствовать блаженство въ томъ, что удается иногда посидѣть въ одной съ ней комнатѣ, какъ-то глупо,—а тѣмъ не менѣе ощущается сожалѣніе при мысли, что не имѣешь уже возможности любить.

Мысль о расширеніи своей дѣятельности, покинувшая было меня, снова явилась во мнѣ. Но дѣятельность расширялась въ воображеніи уже не для меня, а для Саши. Вотъ опять въ этой идеѣ, даже при поверхностномъ анализѣ, можно легко найдти прорѣху. Ясно видится въ этой мысли желаніе подкупать любовь другаго существа доставленіемъ ему разныхъ удобствъ, а въ то время подобный смыслъ этой идеи какъ-то ускользалъ и въ ней не видѣлось ничего больше, какъ безпредѣльная любовь къ Сашѣ А Саша, любившая меня менѣе страстно, но за то гораздо глубже, не болтала, какъ болталъ я, о своемъ чувствѣ и только глазами, да дѣйствіями выражала свою привязанность ко мнѣ. Тутъ только я понялъ, что ея казавшаяся мнѣ дѣтской привязанность не была никогда таковой; и уже спустя много времени послѣ этого догадался, что не смотря на силу моей любви къ Сашѣ, она все-таки любила меня гораздо сильнѣе. Ея любовь росла и крѣпла въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и ей вовсе не нужно было какой нибудь случайности, чтобы осмыслить это чувство; напротивъ для меня эта случайность, явившаяся въ видѣ болѣзни, оказалась необходимою; безъ нея мнѣ бы никогда не осмыслить то чувство, которое я питалъ къ Сашѣ и которое казалось мнѣ постоянно дружбой, не смотря на то, что не было никогда ею. Уже гораздо позже я понялъ и свои отношенія къ Машѣ, казавшіяся мнѣ до болѣзни точно такими же, какъ и отношенія къ Сашѣ.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я началъ вставать съ постели, я могъ уже сойти, и въ первый же свой визитъ къ хозяну рѣшился просить у него руки Саши; дня за два передъ тѣмъ, какъ идти внизъ, я переговорилъ съ Сашей, она сказала: «согласна»—и я рѣшился.

Я сошелъ внизъ, хозяйка куда-то ушла, дома былъ только одинъ Иванъ Ильичъ. Онъ поклонился мнѣ и очистилъ подлѣ себя мѣсто.

Я почти разомъ началъ съ того, для чего пришелъ.

Иванъ Ильичъ выслушалъ меня спокойно и, погладивъ свою рѣдкую бороду, съ достоинствомъ, которое непремѣнно проглядывало въ немъ въ такія торжественныя минуты, произнесъ:

— Это такъ! только не балуете-ли вы, ваше благородіе?

Я попросилъ его объяснить мнѣ это.

— Да вѣдь вашъ братъ часто тоже самое говоритъ, по неопытности. Вѣдь мы, ваше благородіе, дать за Сашей почти ничего не могимъ; послѣ нашей смерти—всё ваше, а до того времени ей Богу ничего нельзя.

— Да я не приданаго ищу вѣдь, Иванъ Ильичъ, сказалъ я,—я прошу у васъ только согласіе на свадьбу.

— Это-то я понимаю. Да штука-то тутъ въ томъ, что вѣдь вы теперь, можетъ, такъ говорите: кажется вамъ, что вы любите; а послѣ и бросите среди дороги.

Я началъ его увѣрять въ противномъ.

— Всё-то знаю я, продолжалъ такъ же спокойно Иванъ Ильичъ,— и на свадьбу вашу дать свое родительское согласіе могу; только я объ томъ говорю, что подождать мѣсяца два, три нужно.

Я подумалъ немного и тоже рѣшился ждать. Я и такъ очень счастливъ, думалъ я, отчего же не угодить старику, не подождать немного? Это сдѣлать можно, и за тѣмъ я изъявилъ свое согласіе. Мы уговорились сыграть свадьбу въ концѣ іюня, когда въ училищѣ кончатся экзамены и начнется каникулярное время.

Вызвали Сашу,—она вышла съ румянцемъ на щекахъ; сообщили ей объ этомъ,—она изъявила согласіе и съ любовью взглянула на меня.

Пришла и хозяйка, и ей сообщили радостную вѣсть. Она взглянула на меня искоса, какъ бы удивляясь тому, что я женюсь на мѣщанкѣ и при томъ на небогатой, — и за тѣмъ съ какимъ-то жеманствомъ поблагодарила меня за честь, которую я дѣлаю имъ. Я отвѣчалъ, конечно, что чести тутъ нѣтъ никакой, но хозяйка не слушала и все продолжала благодарить.

Начались толки о приданомъ Сашѣ, которое еще не было приготовлено; на мои слова, что особенныхъ приготовленій не нужно, что лучше бы было свадьбу сыграть въ тихомолку, — не обра-

щали никакого вниманія и объясненія на ту же тему продолжались.

Я соскучился и ушелъ. Вечеромъ ко мнѣ пришла Саша; я въ шутку спросилъ ее, не хочетъ ли она позаняться чѣмъ нибудь?

Да, я бы и рада, Митя (здѣсь она говорила мнѣ Митя, внизу Дмитрій Алексѣичъ), только не могу совсѣмъ: все не то идетъ въ голову.

— А что же идетъ тебѣ въ голову, милая? спросилъ я.

— Не знаю, какъ тебѣ и разсказать это, Митя. Вѣдь вотъ ты ужъ и жениться на мнѣ собираешься, а все мнѣ кажется, что не быть намъ счастливыми,—сказала Саша какимъ-то грустнымъ голосомъ.

— Да отчего же это кажется тебѣ? спросилъ я, обнимая и цѣлуя ее.

— Все оттого, Митя, что Катя мнѣ по ночамъ опять являться начала, отвѣчала Саша. И все-то она грозитъ мнѣ за то, что я, не послушавъ ея словъ, полюбила тебя, да не только полюбила, даже замужъ за тебя выхожу.

И Саша вдругъ задумалась, и слезы начинали капать изъ ея глазъ. Я пробовалъ утѣшать ее, какъ умѣлъ; но она не внимала моимъ утѣшеніямъ и все тѣмъ же тономъ продолжала:

— Вѣдь знаю я, продолжала она, что ты никогда не сдѣлаешь со мной такъ, какъ сдѣлалъ тотъ хорошенькій съ Катей, а все мое сердце чуетъ недоброе. Вонъ опять Катя стоитъ и грозитъ мнѣ... Фу! какъ страшно!..

И Саша прижалась ко мнѣ и спрятала голову ко мнѣ на грудь... Я взглянулъ по тому направленію, гдѣ стояла Катя, но ничего конечно не увидалъ тамъ и снова сталъ успокоивать Сашу; на этотъ разъ мои слова подѣйствовали: она успокоилась и начала болтать со мной о томъ, какъ мы устроимъ нашу жизнь.

Удивительное въ самомъ дѣлѣ впечатлѣніе произвело на эту дѣвушку, думалъ я, когда она ушла, смерть любимаго ею существа и особенно послѣднія слова ея. Все это такъ сильно подѣйствовало на впечатлительную натуру Сиши, что ея воображеніе начало создавать какіе-то странные призраки.

XIII.

Крошечный городокъ Л. сильно скандализировался быстро разнесшейся вѣстью о моей женитьбѣ. Дворянинъ,—говорили тупоумные обитатели его, хоть и уѣздный учитель, но тѣмъ не менѣе дворянинъ и женится на комъ же? на мѣщанкѣ... Фи, говорили благовоспитанныя дамы и съ ожесточеніемъ отплевывались... Да еще и на небогатой мѣщанкѣ, говорилъ практическій мужской полъ и тоже съ своей стороны отплевывался.

Еще до перваго моего выхода изъ дому въ училище я уже получилъ записки отъ всѣхъ тѣхъ, въ чьихъ домахъ я давалъ уроки. Всѣ записки были почти такого содержанія:

«Извѣстившись, писали мнѣ почтенные Л...скіе отцы и матери «семейства, о неравномъ бракѣ вашемъ съ мѣщанкой Шестипаловой, «мы просимъ васъ прекратить уроки дѣтямъ нашимъ, потому что «поступокъ вашъ, милостивый государь, можетъ вредно вліять на «нравственность дѣтей нашихъ».

Получивъ эти записки, я отъ души хохоталъ надъ страхомъ Л...скихъ обитателей; особенно нравилась мнѣ въ ихъ письмахъ та фраза, въ которой они упоминали о моемъ поступкѣ, какъ вредномъ для нравственности дѣтей ихъ, и тутъ же рѣшилъ, женившись, просить о перемѣщеніи меня въ какой нибудь другой городъ.

Забѣжалъ ко мнѣ Петръ Ивановичъ и суетливо началъ спрашивать: справедливъ ли распущенный въ городѣ слухъ, что я женюсь на дочери моего хозяина.

Я совершенно спокойно отвѣчалъ, что слухъ этотъ справедливъ. Тутъ Петръ Иванычъ изумился еще больше и началъ упрашивать меня отказаться отъ этой свадьбы.

— Помилуйте, бормоталъ онъ ,вѣдь объ этомъ извѣстился директоръ округа, и хоть такіе браки закономъ не воспрещаются (мнѣ показалось, что онъ въ это время необыкновенно желалъ, чтобы законъ вдругъ запретилъ подобные браки), и хоть они закономъ не воспрещаются, продолжалъ бормотать смотритель, но вѣдь что скажетъ онъ!.. т. е. директоръ. Нѣтъ, вы ужъ пожалуйста откажитесь, сдѣлайте милость откажитесь.

Я изъявилъ свое несогласіе и началъ доказывать, что директоръ на это и вниманія не обратитъ, и что въ бракѣ этомъ ничего постыднаго нѣтъ

— Все такъ, все такъ, лепеталъ смотритель, желая вѣроятно умаслить меня, — но согласитесь, что же скажетъ въ самомъ дѣлѣ жена?! брякнулъ онъ вдругъ.

Я расхохотался.

— Помилуйте, Дмитрій Алексѣичъ, что же тутъ смѣшнаго, надъ чѣмъ же вы смѣетесь, говорилъ смотритель голосомъ до глубины души оскорбленнаго человѣка; но видя, что я продолжаю хохотать, взялъ фуражку и отправился домой. Въ дверяхъ онъ обернулся впрочемъ и сказалъ мнѣ по возможности спокойнымъ тономъ:

— Вы ужъ зайдите къ намъ, Дмитрій Алексѣичь, когда станете выходить изъ дому; жена ужъ объяснитъ вамъ все это.

И, сказавъ это, онъ скрылся. Я принялся отъ души хохотать надъ нимъ. Вошла Саша; я разсказалъ ей, чѣмъ пугалъ меня смотритель, и мы вдоволь отъ души нахохотались надъ простотой его.

Дня черезъ два послѣ этой сцены я отправился въ училище.

Зонтовъ и остальные учителя встрѣтили меня очень холодно; въ улыбкѣ и нѣсколькихъ словахъ перваго была даже замѣтна насмѣшка; я впрочемъ не обращалъ на нее никакого вниманія.

Изъ училища я прошелъ къ смотрителю. Противъ ожиданія, я засталъ тамъ Зонтова, который при моемъ входѣ какъ-то лукаво подмигнулъ сидѣвшей не далеко отъ него Машѣ. Та, къ полному моему удовольствію, отвернулась отъ него. Со мной всѣ раскланялись какъ-то холодно, принужденно: я сѣлъ.

— Такъ-то-съ, батюшка Дмитрій Алексѣичъ, сказала послѣ короткой паузы, обращаясь ко мнѣ, почтенная Степанида Михайловна. Неужто правда-съ, что слышали мы?

— А что такое слышали вы? спросилъ я довольно спокойно.

— Да то-съ, что вы—кровный дворянинъ, изволите жениться на мѣщанкѣ; кровь свою порочить хотите.

— Крови своей я порочить не хочу, да и не понимаю, что такое значитъ порочить кровь, а женюсь я дѣйствительно на мѣщанкѣ Шестипаловой.

— На этой то... на той то,—начала было Степанида Михайловна; но я не далъ ей кончить.

— Если угодно вамъ выражаться не хорошо про мою невѣсту, то я предпочитаю удалиться, чтобъ не надѣлать вамъ еще какихъ нибудь непріятностей, сказалъ я съ досадою и за тѣмъ вышелъ, не поклонившись никому, оставивъ ошеломленную Степаниду Михайловну въ полнѣйшемъ изумленіи: она, какъ кажется, думала, что краснорѣчіе ея возьметъ непремѣнно верхъ надъ моей непокорностью.

Фу! какая мерзость, повторялъ я, придя къ себѣ домой, и еще разъ далъ себѣ клятву оставаться какъ можно меньше времени въ этомъ городишкѣ. Послѣ свадьбы, думалъ я, поѣду въ губернскій городъ и попрошу перевести меня куда нибудь.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ воскресенье, послѣ обѣда ко мнѣ зашелъ Зонтовъ, видимо чѣмъ-то разстроенный. Съ несдержанной досадой онъ бросилъ фуражку на столъ и, не подавая мнѣ руки, усѣлся.

Я приготовился къ какому-то объясненію.

— Послушайте, Дмитрій Алексѣичъ, началъ онъ тономъ человѣка взбѣшеннаго, — скажите пожалуйста, съ какой цѣлью вы вскружили голову Машѣ?

Я посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Ну да! вскружили! я вѣдь не на вѣтеръ говорю, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.

Я былъ уже готовъ наговорить ему дерзостей, вслѣдсдвіе чего сцена обѣщала быть очень грозною. Но, сообразивъ, что сердиться на Зонтова, когда онъ не въ нормальномъ положеніи, будетъ болѣе чѣмъ странно, сдержалъ себя и спокойно отвѣчалъ.

— Да скажите пожалуйста, Михаилъ Петровичъ, съ чего вы взяли, что я вскружилъ ей голову.

— Какъ съ чего! какъ съ чего! говорилъ Зонтовъ, да развѣ вы не помните моихъ прежнихъ отношеній къ ней. Вѣдь онѣ перемѣнились совершенно съ тѣхъ поръ, какъ появились вы съ вашими дикими воззрѣньями. На послѣднихъ словахъ Зонтовъ сдѣлалъ со злостію удареніе. Это превышало уже границу моего терпѣнія. Я всталъ и, показавъ Зонтову на дверь, сказалъ ему.

— Говорить мнѣ дерзости я не позволю ни кому, тѣмъ болѣе въ своей квартирѣ. Если вы только за этимъ пришли сюда, такъ не угодно ли удалиться.

Зонтовъ не ожидалъ такого оборота рѣчи; онъ думалъ, кажется,

что я затѣю съ нимъ просто ссору или драку. Удивленный моими словами, онъ съ досадой взялъ шапку и вышелъ вонъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого въ училищѣ было извѣстно, что Зонтовъ выходитъ въ отставку, взбѣшенный отказомъ дочери смотрителя. А на другой день послѣ этого, гуляя вечеромъ по Л....скимъ улицамъ, я видѣлъ, какъ Зонтовъ, видимо пьяный, растрепанный, съ шапкой надѣтой на бекрень, прокатилъ по главной улицѣ на тройкѣ почтовыхъ лошадей: онъ уѣзжалъ въ свое имѣніе.

XIV.

За тѣмъ всѣ мои впечатлѣнія въ продолженіи двухъ слѣдующихъ мѣсяцевъ такъ сливаются въ одно цѣлое, что я долженъ говорить о нихъ вообще.

Я ни къ кому уже не ходилъ въ это время; всѣ знакомые отказали мнѣ отъ дому. Вслѣдствіе чего еще усерднѣе пошли мои занятія съ Сашей. Послѣднія отличались отъ прежнихъ особенно тѣмъ, что онѣ приняли сильный оттѣнокъ нѣжности, перемѣжались ласками, поцѣлуями. Впрочемъ ни эти ласки, ни эти поцѣлуи нисколько не мѣшали Сашѣ и мнѣ работать усиленнѣе прежняго. Ей, видимо, хотѣлось догнать своего будущаго мужа. Мнѣ же не хотѣлось отказаться отъ такого препровожденія времени и эта мысль заставляла меня и думать, и читать, и вслѣдствіе этого сильно развиваться.

Одно пугало меня при безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ Сашей. Это ея чисто мистической ужасъ при воспоминаніяхъ о Катѣ. Она не могла вспомнить о ней безъ того, чтобъ ей не пришли на память послѣднія слова любимой ею подруги, а эти слова, вѣроятно, отъ самой обстановки, въ которой онѣ были произнесены, казались ей пророческими и разувѣрить ее въ этомъ, несмотря на всѣ мои старанія, было невозможно. И, каюсь, на меня самаго находилъ иногда паническої страхъ, когда Саша вдругъ прижималась ко мнѣ

и перепуганнымъ голосомъ начинала говорить о томъ, въ какихъ страшныхъ видахъ представляется ей Катя, какъ она грозитъ ей за то, что Саша не послѣдовала ея совѣту. Мнѣ самому въ эти минуты начинало казаться, что мы не будемъ счастливы съ Сашей; конечно я гналъ отъ себя подобныя мысли, но онѣ противъ воли часто проскакивали у меня.

Въ концѣ іюня былъ назначенъ экзаменъ въ училищѣ. На него ожидали директора и потому приготовленія къ нему отличались особенною торжественностью. Вотъ, наконецъ, явился, вечеромъ 21 іюня, и директоръ; первымъ по его пріѣздѣ, былъ назначенъ экзаменъ исторіи и Географіи въ третьемъ классѣ.

Наступило утро; столъ покрытый зеленымъ сукномъ, съ стоящею на немъ очень красивой чернилицей, съ разбросанными на немъ списками напоминалъ всѣмъ о высокомъ посѣтителѣ, осчастливившимъ нашъ убогій городишко своимъ присутствіемъ. Собрались ученики, учителя, явился смотритель; прошло около часу ожиданія. Наконецъ, послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа; смотритель и Кучевъ бросились высаживать патрона изъ дрожекъ. Черезъ нѣсколько минутъ его высокородіе изволили взойти и сѣсть въ приготовленныя имъ кресла. Осмотрѣвши насъ и нахмуривши свой многоученый лобъ, директоръ заглянулъ въ списокъ и произнесъ:

— Павловъ!

Вышелъ лучшій ученикъ класса.

— Разскажи-ка мнѣ, что ты знаешь о Петрѣ Великомъ.

Павловъ началъ бойкій и умный отвѣтъ. Помня все, что я говорилъ имъ о Петрѣ, онъ касался не только хорошихъ, но и худыхъ сторонъ его характера и въ одномъ мѣстѣ даже коснулся участи большей части его любовницъ.

Директоръ, уже нѣсколько времени пристально осматривавшій его черезъ очки, на этомъ мѣстѣ остановилъ Павлова и строго спросилъ.

— Откуда ты такія вещи знаешь? а?

— Да это намъ Дмитрій Алексѣичъ разсказывалъ, отвѣчалъ Павловъ.

Директоръ обратился ко мнѣ.

— Вы разсказывали? спросилъ онъ довольно строгимъ тономъ.

— Разсказывалъ, отвѣчалъ я.

— А! замѣтилъ директоръ и вызвалъ кого-то другого.

Экзаменъ сдѣлался рѣшительно строгимъ, выкапывались различные ни къ чему не ведущіе факты. На мои замѣчанія, что я объ этомъ ничего не говорилъ, не обращалось вниманія и мои баллы все сбавлялись, да сбавлялись.

Послѣ экзамена меня позвали къ директору. Онъ стоялъ, окруженный подагогами.

— Я, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, очень недоволенъ вами. Вмѣсто того, чтобы преподавать вашъ предметъ добросовѣстно, вы пускаетесь въ объясненіе вещей, неидущихъ къ дѣлу, даете ученикамъ ложное понятіе о замѣчательныхъ дѣятеляхъ и тѣмъ портите ихъ нравственность.

Монологъ этотъ чуть-чуть не заставилъ меня расхохотаться. Но я сдержалъ себя и, по возможности, вѣжливо отвѣчалъ.

— Я читаю, какъ считаю лучшимъ. Тѣ свѣдѣнія, которыя, по мимо находящихся въ учебникѣ, сообщаются самимъ ученикамъ, я нахожу полезными для ихъ развитія и совершенно безвредными для ихъ нравственности.

— И вы такъ думаете? вдругъ спросилъ меня директоръ.

— Я никогда не говорю такъ, какъ я не думаю, отвѣчалъ я довольно рѣзко и прибавилъ при этомъ: — я не знаю, отчего у васъ явилось подобное подозрѣніе?

— Извольте подавать въ отставку, отвѣчалъ директоръ и, повернувшись ко мнѣ спиной, вышелъ изъ училища, сопровождаемый подобострастнымъ Петромъ Иванычемъ и всѣми учителями.

Такого оборота рѣчи я хоть и ожидалъ, но не былъ еще приготовленъ къ нему. Какъ только директоръ сказалъ: подавайте въ отставку, у меня мелькнула въ головѣ мысль: а чѣмъ же я буду жить? И въ продолженіи цѣлой дороги до дому я бился надъ этимъ вопросомъ. Не было рѣшенія его, или скорѣе, рѣшенія были такъ непріятны для меня, что я терялся и не зналъ, что дѣлать.

XV.

Тотчасъ же по приходѣ домой, я объявилъ хозяевамъ о случившемся. Они съ участіемъ и тревогой покачали головой. Саша объявила, что она пойдетъ за меня, еслибъ даже я сталъ нищимъ.

Я, конечно, предугадывалъ это, но тѣмъ не менѣе принять отъ нея подобное пожертвованіе не рѣшался; да и какъ было рѣшиться? Саша не знала, что такое нужда, не вѣдала о томъ, какъ приходится голодать порой, и какъ несноспо состояніе голодпаго человѣка. Ввести ее въ подобную жизнь казалось мнѣ преступленіемъ; отказаться отъ женидьбы было бы слишкомъ большимъ ударомъ и для меня, и для нея. Я ужъ два мѣсяца жилъ только надеждой на будущее; для нея все счастіе заключалось въ томъ, чтобы выйти за меня замужъ. Кромѣ ея глубокой привязанности ко мнѣ тутъ имѣло еще сильное вліяніе и то, что она уже по развитію стояла неимовѣрно выше окружающей среды.

И рѣшился я избрать средину,—рѣшился отправиться въ губернскій городъ, чтобъ искать тамъ себѣ уроковъ и, найдя ихъ, жениться на Сашѣ. Когда я сообщилъ Сашѣ и хозяевамъ свой планъ и твердое намѣреніе исполнить его, искреннему, нетеатральному рыданію не было конца; плакала до истерики Саша, плакалъ и солидный Иванъ Ильичъ.

Мнѣ вѣрили всѣ, но тѣмъ не менѣе какое-то темное предчувствіе говорило Сашѣ, что она не увидитъ уже меня и трепетъ прохватывалъ ее при нашемъ прощаньи. Иванъ Ильичъ плакалъ, глядя на нее; я не зналъ, что мнѣ дѣлать: ѣхать или оставаться для того, чтобы чуть-чуть не ходить по міру съ моей женой...

И только желаніе не вводить въ крайнюю нужду Сашу, мечта о томъ, что хоть тутъ удача посѣтитъ меня, ускорили мой отъѣздъ и эти тяжелыя минуты разставанья.

Нужно ли досказывать, что и тутъ случайность придавила меня; нужно ли досказывать остальное? Да еслибъ и было нужно, такъ я не могу разсказывать подробно,—у меня не хватитъ на это силъ. Разскажу коротко.

По пріѣздѣ въ губернскій городъ, я пошелъ отыскивать уроковъ. Я нашелъ ихъ, но такъ мало, что едва хватило ихъ для собственнаго моего существованія. Въ продолженіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ я испытывалъ горькую нужду. Снова пришла мнѣ мысль написать повѣсть. Я началъ писать, работалъ днемъ и ночью, недавно отправилъ ее въ редакцію и жду, чѣмъ кончится это.

Дождусь ли я помѣщенія повѣсти, дождусь ли я болѣе красныхъ дней—неизвѣстно. Скорѣй нѣтъ, чѣмъ да, потому что я уже чувствую, что мнѣ не долго остается жить. И вѣдь умру, попор-

тивъ не только собственную жизнь (чортъ съ ней, если ужъ на то пошло), но и жизнь любимаго мной существа, и жизнь Маши, и наконецъ даже прозябаніе Зонтова.

Въ тетрадь, которую издатель этихъ записокъ получилъ отъ Бубликова, было вложено нѣсколько писемъ отъ невѣсты умершаго. Не передавая здѣсь содержаніе этихъ писемъ, я замѣчу только, что они были проникнуты отъ начала до конца сильной любовью къ Бубликову. Онъ, кажется, не ошибался, когда говорилъ, что любовь Саши сильнѣе его.

Зная адресъ Саши изъ записокъ Бубликова, я извѣстилъ ее письмомъ объ его смерти. Проѣзжая спустя полгода черезъ городокъ Л., я узналъ, что Саша на другой же день, послѣ полученія моего письма, убѣжала куда-то и съ тѣхъ поръ не возвращалась. Всѣ поиски были тщетны: она пропала — безъ вѣсти.

М. З—овъ.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ЛЕВЕРА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Утро въ Остенде.

Кому пришла бы въ голову описанная нами сцена между Аннеслеемъ Бичеромъ и Девисомъ, при видѣ ихъ за завтракомъ въ Остенде? Тонъ ихъ разговора былъ самый откровенный и дружескій, пересыпанный остротами и они казались такими искренними друзьями, какихъ поискать.

Подобно тому, какъ химикъ способенъ одною каплею, однимъ незамѣтнымъ атомомъ какого-нибудь вещества измѣнить свойство, цвѣтъ, запахъ и вкусъ огромной массы, такъ умѣлъ и великій артистъ Грогъ Девисъ дѣлать все, что хотѣлъ, съ взбалмошною натурою Бичера. Онъ могъ въ одну минуту повергать его въ крайнее отчаяніе, или возносить на вершину надежды и счастія. Обыкновеннымъ способомъ его въ такихъ случаяхъ было изображеніе блистательной картины скачки со всѣми ея уловками, пари, ожиданіемъ, томленіемъ, съ галлереями, наполненными зеваками.

Грогъ мастерски очерчивалъ подобный пейзажъ. Всѣ лица были взяты имъ съ натуры, всѣ краски, полутоны эффектны, и какъ нельзя болѣе вѣрны. Онъ мастерской рукой набрасывалъ будущее дѣйствіе, ловко выставляя впередъ самаго Бичера и давая ему подразумѣвать, что онъ необходимъ нѣкоторымъ образомъ для предстоящихъ великихъ событій.

— Надѣюсь, что Конуэй теперь далеко, сказалъ Грогъ.

— Да, онъ ѣдетъ теперь по люттихской дорогѣ, въ третьемъ классѣ; слѣдовательно не съ туго-набитымъ кошелькомъ.

— Это еще не бѣда,—третій классъ, для человѣка, который тянулъ лямку въ эти два года.

— Однако вѣдь онъ все таки джентльменъ,—прервалъ Бичеръ.

— Такъ развѣ третій классъ и солдатская куртка мѣшаютъ быть джентльменомъ. А вы почему отличаете джентльмена?

— По крови,—кровь всегда видна.

— Въ лошади, Бичеръ, въ лошади,—не въ человѣкѣ. Вотъ вѣдь и въ моихъ жилахъ порядочное количество благородной крови, и я могу представить кровную генеалогію,—сказалъ онъ насмѣшливо. Покажите-ка мнѣ кого нибудь, кто бы хладнокровнѣе моего стоялъ въ восьми шагахъ отъ пистолетнаго дула.

Въ этихъ словахъ слышалась нѣкоторая угроза, отчего собесѣдникъ говорившаго долженъ былъ чувствовать себя не совсѣмъ ловко.

— Когда же мы поѣдемъ въ Брюссель, Грогъ?—спросилъ онъ, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Вотъ карта страны,—сказалъ Девисъ, показывая карту, испещренную чертами и знаками. Брюссель, 12 ч. и 14 ч.; Спа, 20 ч., Ахенъ, 25 ч. Если вамъ захочется завернуть въ Дюссельдорфъ, то я вамъ не спутникъ. Я продулъ тамъ одного прусскаго маіора, лѣтъ пять тому назадъ, и теперь меня не пустятъ туда. Я встрѣчу васъ въ Висбаденѣ и мы погуляемъ съ недѣльку по зеленому полю. Помните же, что я капитанъ Кристоферъ, пока мы на Рейнѣ; а въ Баденѣ передъ вами снова будетъ Ричардъ.

— Не одному-ли изъ васъ это, джентльмены? спросилъ слуга, подавая пакетъ съ телеграфа.

— Это мнѣ; я капитанъ Девисъ,—сказалъ Грогъ, срывая печать.

— «Будетъ-ли деканъ проповѣдовать? Готовить-ли сборъ? Телеграфируйте отвѣтъ. Томъ»:—читалъ Девисъ вполголоса и, по-

томъ прибавилъ:—Не глупъ-ли онъ, телеграфируя подобныя вещи Какъ будто тамъ не поймутъ его штукъ.

— Это отъ Спайсера?—спросилъ Бичеръ.

— Да; онъ желаетъ знать о здоровьи лошади; спрашиваетъ каковъ у нея бѣгъ и стоитъ-ли держать за нея пари. Но о такихъ вещахъ люди не такъ спрашиваютъ, чтобы всякій понималъ въ чемъ дѣло.

—Еще депеша! воскликнулъ Девисъ, когда слуга подалъ ему второй пакетъ.—Да мы статсъ-секретари сегодня, прибавилъ онъ, смѣясь и разрывая пакетъ. На этотъ разъ однако онъ не сталъ читать громко и медленно проводилъ глазами по линейкамъ, читая про себя.

— Опять отъ Спайсера? спросилъ Бичеръ.

— Нѣтъ, былъ короткій отвѣтъ.

— Ну такъ отъ того—отъ этого нѣмца, какъ его?

— Нѣтъ.

— Не насчетъ ли Мопса, то есть, Клеппера,—нѣтъ?

— Нѣтъ; вовсе не о немъ. Насчетъ другого дѣла; вы о немъ не знаете,—сказалъ Девисъ, бросивъ въ огонь полѣно и вталкивая его ногою.—Я ѣду сегодня вечеромъ въ Брюссель. Отправлюсь съ четырехъ-часовымъ поѣздомъ, прибавилъ онъ, глядя на часы.—Лошадь не можетъ выйти ранѣе сутокъ, поэтому вы останетесь здѣсь. Нельзя же оставить ее безъ кого нибудь изъ насъ.

— Конечно, нѣтъ. Но развѣ у васъ такое спѣшное дѣло.

— Мнѣ лучше объ этомъ знать, рѣзко сказалъ Девисъ.

Бичеръ не возразилъ и настало продолжительное, неловкое молчаніе.

— Дайте ей съ кормомъ порошокъ, началъ наконецъ Девисъ и наблюдите, чтобы къ ночи были сдѣланы перевязки, но не туго. Томъ долженъ сѣсть съ нею въ вагонъ. Я буду ждать васъ на станціи; а въ случаѣ, если бы мы не встрѣтились, то поѣзжайте прямо въ гостинницу Тирлемонтъ, гдѣ для васъ уже все будетъ готово.

— Но у меня нѣтъ денегъ, Грогъ. Вы не дали мнѣ ни одного наполеона.

— Знаю; вотъ вамъ сто франковъ. Будьте разсчетливы, потому что вы отдадите мнѣ потомъ отчетъ въ каждомъ сантимѣ. Обѣдайте на верху, потому что если вы будете обѣдать за общимъ столомъ, то вы разболтаетесь.

— Поздненько вы принимаетесь учить меня.

— Я не учу васъ, а напоминаю вамъ объ осторожности, о

которой вы не очень-то думаете. Вѣдь вы настолько же способны дѣйствовать своимъ умомъ, насколько я играть на органѣ.

— Очень благодаренъ за лесть, смѣясь, сказалъ Бичеръ.

— Зачѣмъ я буду льстить вамъ, возразилъ Грогъ. Еслибы я могъ только направить васъ на прямую дорогу, то я сдѣлалъ бы изъ васъ человѣка, прибавилъ онъ, пристально глядя на него. Никто, въ цѣлой Англіи, не знаетъ лучше моего, что въ васъ есть хорошаго, и никто не съумѣлъ бы лучше управляться съ вами.

— А вѣдь это истинная правда, Грогъ.

— Я могу сдѣлать изъ васъ перваго спортсмена, могу вознести васъ на вершину спорта. Черезъ полгода отъ нынѣшняго дня, я обязуюсь сдѣлать Аннеслея Бичера первымъ лицомъ въ Ньюмаркетѣ. Но на одномъ условіи...

— На какомъ же?

— Вы должны поклясться, что вы никогда не станете распрашивать меня о моихъ намѣреніяхъ относительно васъ и будете буквально повиноваться мнѣ во всемъ. Черезъ три мѣсяца такого подчиненія вы будете тѣмъ, чѣмъ я обѣщаю васъ сдѣлать.

— Я согласенъ поклясться хоть сейчасъ, воскликнулъ Бичеръ.

— Согласны? съ жаромъ спросилъ Грогъ.

— Самымъ торжественнымъ и формальнымъ образомъ. Только не требуйте отъ меня ничего противозаконнаго.

— Ничего такого, гдѣ пахло-бы висѣлицею или ссылкою,—сказалъ Грогъ, смѣясь, между тѣмъ какъ Бичеръ побагровѣлъ и потомъ поблѣднѣлъ.—Нѣтъ, нѣтъ; я потребую многаго. Но вы поразмыслите объ этомъ основательнѣе. Я не хочу, чтобы вы обязались сгоряча. Подумайте на досугѣ о томъ, что я вамъ сказалъ, и скажите мнѣ ваше рѣшеніе, когда мы свидимся въ Брюсселѣ.

— Идетъ; только помните условія, если я не перемѣню рѣшенія.

— Я уже сказалъ; и такъ помните, въ гостинницѣ Тирлемонтъ. До свиданія; мнѣ пора.

Когда Девисъ ушелъ, Аннеслей Бичеръ зашагалъ по комнатѣ, размышляя о его послѣднихъ словахъ. Онъ очень хорошо сознавалъ всю трудность возстановленія своей репутаціи. Какъ было вернуться къ прежней точкѣ, уйдя отъ нея такъ далеко? Девисъ конечно найдетъ средства извернуться; онъ добьется отсрочки векселямъ, удовлетворитъ однихъ, уладитъ съ другими, съумѣетъ

пожалуй снова открыть ему доступъ на скачки и въ залы, гдѣ держатъ пари. Но что знаетъ Девисъ о томъ мірѣ, гдѣ онъ, Бичеръ, когда-то вращался и въ который онъ заперъ себѣ, своими проступками, всякую возможность возврата? Девису неизвѣстны даже имена тѣхъ лицъ, каждое слово которымъ служитъ приговоромъ. Аскотъ не есть еще Англія, а Грогъ признаетъ только міръ жакеевъ и ѣздаковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, рѣшилъ Бичеръ, высоко вамъ до этого, мистеръ Девисъ.

ГЛАВА II.

Опера.

Грязная, старая гостинница Тирлемонтъ, съ своими низкими воротами и узкими окнами съ желѣзною рѣшеткою, скорѣе напоминала картины Остада и Теньера, нежели современный отель. Такого мнѣнія былъ, по крайней мѣрѣ, Аннеслей Бичеръ, подъѣзжая къ ней на другой день вечеромъ послѣ разлуки съ Девисомъ. Онъ дважды спросилъ кучера: «точно-ли это гостинница Тирлемонтъ? не другая ли того же названія»? —и колебался войти; но его встрѣтилъ слуга и почтительно спросилъ, не онъ ли тотъ джентльменъ, для котораго капитанъ Девисъ занялъ комнату. Бичеръ сдѣлалъ утвердительный знакъ и молча поднялся по лѣстницѣ.

— Капитанъ дома? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ. Онъ поѣхалъ на станцію встрѣчать васъ, но барышня дома.

— Барышня! воскликнулъ Бичеръ, останавливаясь и съ удивленіемъ глядя на слугу. Это что-то новое,—проворчалъ онъ. Когда она пріѣхала?

— Вчера послѣ обѣда, сэръ.

— Откуда?

— Изъ пансіона, что за Шарбекскою заставою, кажется. По крайней мѣрѣ, ея горничная такъ объяснила.

— Какъ же ее зовутъ,—mademoiselle Віолетта, Виржини, Ида, или какъ? а? спросилъ онъ шутливо.

— Не знаю, сэръ. Просто барышня, дочь капитана.

— Дочь его! воскликнуль Бичеръ съ удивленіемъ.—Возможно-ли? сказалъ онъ про себя. Я не зналъ, что у него есть дочь.— Гдѣ моя комната? обратился онъ къ слугѣ.

— Мы приготовили для васъ вотъ эту пока; но завтра мы перемѣстимъ васъ въ болѣе удобную, съ видомъ на нижнюю часть города.

— Нѣтъ, отведите меня пожалуйста, гдѣ-бы я не слышалъ этого проклятаго фортепіано. Кто это брякаетъ на этой балалайкѣ?

— Дочь капитана, сэръ.

— Ну, такъ. Я долженъ былъ ожидать этого; и поетъ,—право поетъ.

— Какъ Гризи, сэръ,—отвѣтилъ слуга съ восторгомъ. Онъ успѣлъ образовать свой вкусъ въ Тирлемонтѣ, посѣщаемомъ артистами.

Въ эту минуту полный, звучный голосъ раздался въ одной изъ популярныхъ арій Верди; легкость и выработка пѣнія показывали, что пѣвица далеко не ограничилась претензіями дилетантки.

— Каково, сэръ? съ торжествомъ спросилъ слуга.—Вы и въ оперѣ не услышите ничего лучшаго.

— Принесите мнѣ теплой воды и откройте чемоданъ, сказалъ Бичеръ, подходя къ двери зала. Онъ съ минуту колебался; но желаніе узнать, на что похожа дочь Грога Девиса побудило его войти.

Изъ-за фортепіано поднялась дама, и Бичеръ, даже въ сумеркахъ, разсмотрѣлъ въ ней такую грацію и изящность движеній, какой онъ вовсе не ожидалъ.

— Я имѣю честь говорить съ миссъ Девисъ?

— А вы конечно мистеръ Аннеслей Бичеръ, тотъ джентльменъ, котораго папа ждетъ? сказала она, развязно улыбаясь. Онъ поѣхалъ встрѣчать васъ.

Ничего не было обыкновеннѣе этихъ словъ; но въ манерѣ, съ какою онѣ были сказаны, ясно проявилось хорошее воспитаніе говорившей. Она обращалась къ другу своего отца, и тонъ

ея показывалъ, что между ними, даже съ первой встрѣчи, можетъ быть нѣкоторый оттѣнокъ фамильярдности.

— Странно, сказалъ Бичеръ, что я, будучи столько лѣтъ друженъ — тѣсно друженъ съ вашимъ отцемъ, никогда не подозрѣвалъ, что у него есть дочь. Какъ ему не стыдно не познакомить было меня съ вами прежде.

— Онъ берегъ для одного себя это удовольствіе, — сказала она, смѣясь. Я провела въ пансіонѣ около четырехъ лѣтъ и видѣла отца только изрѣдка, не надолго.

— Да, но право, такая красота, такія совершенства, — бормоталъ Бичеръ, заикаясь.

— Пожалуйста, сэръ; не трудитесь говорить мнѣ комплименты. Я вполнѣ убѣждена въ своихъ достоинствахъ и нахожу совершенно лишнимъ, чтобы мнѣ о нихъ говорили. Вы видите, что я откровенна съ вами, какъ съ другомъ папа,—прибавила она, помолчавъ.

— Я въ восхищеніи отъ вашей откровенности. Однако, чортъ возьми, если вы и отъ меня потребуете откровенности, — то я не поручусь за себя.

— А,—вы уже здѣсь! вскричалъ Девисъ, вошедши въ комнату и дружески тряся руку Бичера—.Вы только что вышли изъ вагоновъ, когда я пріѣхалъ на станцію.

Все благополучно, надѣюсь?

— Благополучно; благодарю васъ.

— Вы уже познакомились съ Лицци; такъ мнѣ не зачѣмъ представлять васъ. Она уже слышала о васъ отъ меня.

— Но отъ чего я не имѣлъ счастія слышать о ней? спросилъ Бичеръ.

— Что съ Клиперомъ? поспѣшно спросилъ Грогъ. Прошла ли опухоль?

— Совершенно.

— А отъ Спичера и его нѣмца,—никакихъ извѣстій, хотя я каждый день жду телеграммы. Но все это неинтересно для Лицци; — пообѣдаемъ здѣсь на верху, а потомъ поѣдемъ въ оперу.

— Съ радостью, папа. Это очень любезно съ вашей стороны.

— Но мнѣ надо переодѣться, — сказалъ Бичеръ какъ-то вопросительно. Онъ все еще не могъ опредѣлить себѣ, какой степени вниманія достойна дочь Грога Девиса.

— Я думаю, что такъ,—сказала она, улыбаясь. И мнѣ также

надо перемѣнить туалетъ. Она слегка поклонилась и вышла изъ комнаты.

— Э! да какой вы скрытный, дружище — скрытный, какъ печать,—сказалъ Бичеръ. А вѣдь чортъ меня возьми, если бы вашею дочерью не сталъ гордиться самый гордый изъ англійскихъ герцоговъ.

— Разумѣется, сталъ бы—сказалъ Грогъ; и вотъ, для того чтобы сдѣлать ее такою, я согласился разлучиться съ нею. Возможно ли ей было начать жизнь тамъ, гдѣ мы съ вами жили, гдѣ каждый мужичина—негодяй, каждая женщина—нѣчто еще худшее,—возможно ли было?.. Взгляните на нее теперь, прибавилъ онъ мрачно, и скажите, найдется ли человѣкъ, который покусился бы оскорбить ее,—будь я завтра на висилицѣ. Правда, что она не знаетъ меня такъ, какъ вы и другіе знаете; но тотъ, кто откроетъ ей мою тайну, не откроетъ уже ей болѣе никакой.

При этихъ словахъ глаза Девиса дико сверкнули и голосъ походилъ на шипѣніе змѣи.

— Она ничего не знаетъ ни о *моей* жизни, ни о *моихъ* занятіяхъ. Кромѣ васъ, я не называлъ ей никого изъ нашихъ товарищей. О васъ она знаетъ только, что почтенный Аннеслей Бичеръ, — братъ лорда виконта Лакингтона; а вѣдь это очень не много — какъ вы полагаете?

Бичеръ пробовалъ засмѣяться при этомъ, но попытка вышла неудачною.

— Она считаетъ меня богатымъ человѣкомъ, а васъ безукоризненнымъ джентльменомъ, — какова невинность! Но гдѣ, какъ и съ кѣмъ мы жили, она не знаетъ ровно ничего.

— Едва ли для нея было бы поучительно узнать объ этомъ,— сказалъ Бичеръ, засмѣявшись.

Но грозный, дикій взглядъ Девиса тотчасъ-же унялъ эту веселость, и Бичеръ продолжалъ болѣе серьезнымъ тономъ:—вы чертовски ловко устроили это, Грогъ. Никому не пришло бы въ голову придумать этого. Но какъ же вы намѣрены теперь-то повести это дѣло? Вѣдь такую дѣвушку не запрешь въ четырехъ стѣнахъ, — ее нужно вывозить въ свѣтъ. Подумали ли вы объ этомъ?

— Подумалъ,—отвѣтилъ Девисъ такимъ тономъ, который не допускалъ дальнѣйшихъ распросовъ.

— Ея воспитаніе и манеры дадутъ ей самое видное мѣсто въ обществѣ.

— Я и хочу, чтобы она заняла его.

— Но съ вашимъ умомъ, вы разумѣется понимаете, мягко началъ Бичеръ, какъ трудно проникнуть туда. Необходимо или богатство, или сильная протекція. Въ Лондонѣ есть двѣ-три такихъ женщины, которыя могутъ устроить это дѣло; но вы знаете, какъ трудно ихъ задобрить.

— Это все—треснувшія чашки эти женщины; надо только найти въ нихъ трещину, и вы увидите, какъ легко съ ними управляться.

Бичеръ улыбнулся, говоря себѣ, что хитрый Грогъ Девисъ наконецъ-то промахнулся, взявшись судить о людяхъ и обычаяхъ, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія; но Бичеръ не желалъ продолжать такого деликатнаго спора и поспѣшилъ уйти одѣваться. Девисъ удалился съ тою же цѣлью и наблюдателю было бы занимательно посмотрѣть въ это время на обоихъ пріятелей. Бичеру достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы облачиться въ обѣденный костюмъ; исполнялъ онъ это дѣло машинально и даже художественный узелъ галстуха взялъ менѣе четверти часа. Другое дѣло съ Девисомъ: онъ перерылъ всѣ ящики и чемоданы, разложилъ платье по всѣмъ стульямъ, постелѣ, столу; то надѣвалъ, то снималъ его, ища гармоніи цвѣтовъ или счастливыхъ контрастовъ. Онъ хотѣлъ быть представительнымъ джентльменомъ и, разумѣется, безсовѣстно было бы сказать, что это ему не удалось, когда онъ явился въ жилетѣ цвѣта канареечнаго, въ зеленомъ фракѣ съ золотыми пуговицами и съ связкой цѣпочекъ на груди.

Бичеръ только-что успѣлъ сдѣлать комплиментъ его наружности, какъ вышла миссъ Девисъ. На ней былъ простой нарядъ молодой дѣвушки; но грація и благородство манеръ придавали ей самый изящный видъ. При свѣтѣ лампъ Бичеръ, къ удивленію своему, разсмотрѣлъ, что передъ нимъ была самая красивая дѣвушка, какихъ онъ когда либо встрѣчалъ. Въ ней поражали не только безукоризненная красота лица, но и та особенная смѣсь гордости и кротости, серьезности и мягкости, которая такъ идетъ къ лицамъ высшей породы, гдѣ придается значеніе каждому ихъ слову и жесту, всегда разсчитаннымъ и сдержаннымъ.

«Будь это графиня, весь Лондонъ былъ бы у ея ногъ», — подумалъ Бичеръ.

Обѣдъ прошелъ весьма пріятно. Девисъ говорилъ мало, прислушиваясь къ веселой и легкой болтовнѣ своей дочери съ Бичеромъ. Послѣднему пріятно было показать своему другу при этомъ случаѣ, какую видную роль онъ могъ бы играть въ боль-

шомъ свѣтѣ; онъ пустилъ въ ходъ весь свой повѣствовательный талантъ, разсказывая анекдоты о высшемъ кругѣ, анекдоты столь же непонятные для Грога, какъ надписи на какомъ нибудь ассирiйскомъ памятникѣ. Лицци Девисъ видимо интересовалась лондонскою жизнью, лондонскими кружками, особливо семействами своихъ пансiонскихъ подругъ, изъ которыхъ многiя носили громкiя имена, и она съ жадностью слушала описанiя свѣтской роскоши и блеска.

— И я увижу всѣ эти чудеса, узнаю все это общество, папа? спросила она.

— Да, вѣроятно, — на этихъ дняхъ, не позже, — проворчалъ Грогъ, избѣгая взгляда Бичера.

— Мнѣ кажется, что васъ, папа, вся эта жизнь менѣе занимаетъ, нежели мистера Бичера. Вы находите въ ней слишкомъ много пустоты, такъ?

— Нѣтъ, ничего; промычалъ Грогъ, конфузясь.

— Ну такъ разскажите же мнѣ о тѣхъ, кого вы любите; вѣроятно, мнѣ и съ ними будетъ весело.

Бичеръ и Девисъ обмѣнялись значительными взглядами, и только страхъ удержалъ Бичера отъ хохота.

— Ну такъ я спрошу у мистера Бичера,—сказала Лицци весело. Вы будете любезнѣе моего папа и разскажете мнѣ о его знакомыхъ?

— У него очень блестящiй кругъ знакомыхъ, сказалъ Бичеръ, злобно радуясь, что можетъ безнаказанно трунить надъ Девисомъ. А любите вы лошадей, миссъ Девисъ?

— Страстно, и надѣюсь, что буду недурною наѣздницею. Кстати, правда ли, папа, что вы привезли мнѣ изъ Англiи лошадь?

— Кто это тебѣ сказалъ? мрачно спросилъ Девисъ.

— Моя горничная слышала это отъ грума, который только-что прiѣхалъ, но подъ такимъ секретомъ, что я боюсь не сюрпризъ ли мнѣ готовился,—а я испортила вамъ удовольствiе; ну да все равно,—я вамъ такъ благодарна, милый папа.

— Не за что благодарить; грумъ—болтливый дуракъ, а горничной твоей лучше бы думать о своемъ дѣлѣ.

Но при этомъ Девисъ покраснѣлъ до ушей за свою вспышку и прибавилъ:

— Это правда, что у меня есть лошадь, но не дамская.

— А каково бы посмотрѣть на нее верхомъ на Клепперѣ, въ Зеленой аллеѣ. Это была бы славная штука! шепнулъ Бичеръ Девису.

— Замѣшать ее въ наши плутовства! Это все, что вы вынесли изъ того, что я говорилъ вамъ о ней? отвѣтилъ Девисъ также шопотомъ, но съ такимъ свирѣпымъ взглядомъ, что у Бичера обомлѣло сердце отъ ужаса.

— Очень сожалѣю, что я должна прервать вашъ таинственный разговоръ, сказала Лицци, смѣясь,—но мы пропустимъ первый актъ оперы.

— Я къ вашимъ услугамъ, сказалъ Бичеръ, предлагая ей руку съ своею обычною любезностью.

Давали одну изъ любимыхъ оперъ, и театръ былъ полонъ. Едва Лицци Девисъ заняла свое мѣсто въ ложѣ, какъ по залѣ пробѣжалъ ропотъ одобрѣнія и всѣ лорнеты устремились на эту ложу. Она не сознавала производимаго ею впечатлѣнія и взоръ ея свободно перебѣгалъ отъ одного предмета на другой, любуясь блескомъ и пышностью всего окружающаго. Отецъ ея, сидя въ глубинѣ ложи, не замѣчалъ дани удивленія, воздаваемаго его дочери, — удивленія, къ которому всегда примѣшивается нѣчто дерзкое, — и пристально глядѣлъ на сцену. Совсѣмъ инымъ былъ занятъ въ эту минуту Аннеслей Бичеръ. Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, происводимое Лицци и, ясно объясняя себѣ пристальные взгляды однихъ, ироническіе другихъ и невольныя движенія восторга, впервые понялъ, что можно быть несправедливымъ къ неизвѣстному лицу..

По мѣрѣ того, какъ пьеса заинтересовывала Лицци, по лицу ея разливалась краска оживленія, придавая ему такую прелесть, что всѣ зрители отвернулись отъ сцены, чтобы слѣдить за производимымъ ею впечатлѣніемъ на этомъ красивомъ лицѣ. Въ этотъ вечеръ давали Риголетто, и Лицци переводила своему отцу грустную исторію старика, который, потерявъ всякое чувство чести, питалъ однако глубокую нѣжность къ дочери. Страшный контрастъ между его презрѣніемъ къ свѣту и привязанностью къ семьѣ, горькое сознаніе того, какъ онъ поступалъ съ другими, силясь предотвратить свою собственную судьбу, — все это Грогъ Девисъ слышалъ отъ своей дочери, по мѣрѣ того, какъ развивалась пьеса, и увлеченный ея сюжетомъ, выставилъ голову изъ ложи.

— Ну вотъ, не правду ли я говорилъ? сказалъ кто-то въ партерѣ:—это Грогъ Девисъ. Знаю я этого молодца.

— Я выигралъ пари, сказалъ кто-то другой. Вонъ, изъ за нея выглянулъ старый Грогъ; теперь извѣстно, что она такое.

— Съ одной стороны Аннеслей Бичеръ, съ другой Грогъ Де-

висъ,—замѣтилъ третій:—дѣло ясное. Я пойду, познакомлюсь съ нею.

— Уйдемъ, Девисъ, — шепнулъ Бичеръ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Уйдемъ сейчасъ же. Сойдите въ галлерею, я отыщу экипажъ.

— Что такое? что съ вами? спросилъ Девисъ и взглянулъ на партеръ, откуда всѣ глаза были устремлены на его ложу.

Въ выраженіи этихъ глазъ нельзя было ошибиться. Это былъ наглый, упорный взглядъ свѣта на беззащитныхъ. Девисъ отвѣтилъ на него презрительно и враждебно.

— Уйдемъ, Девисъ, ради всего на свѣтѣ,—шепталъ Бичеръ. Подумайте о ней. Ну что, если выйдетъ скандалъ?

— Скандалъ: — какъ? Кто осмѣлится?

Но онъ не успѣлъ договорить, какъ занавѣсъ въ глубинѣ ложи отдернулся и изъ нея показался высокій, красивый мужчина. Онъ вошелъ съ нѣсколько наглою самоувѣренностью, какъ-будто признавая за собою право быть повсюду, гдѣ ни пожелаетъ, и сказалъ:

— Какъ поживаете, Девисъ? Я замѣтилъ вашу красавицу.

— На два слова, капитанъ Гамильтонъ, перебилъ Девисъ, стиснувъ зубы и припирая къ двери вошедшаго.

— На сколько желаете, почтеннѣйшій,—сію минуту; только дайте мнѣ мѣстечко вотъ тутъ, у васъ.

— Ни за что, клянусь небомъ! вскричалъ Девисъ, загораживая ложу. Уйдите отсюда, сэръ, немедленно уйдите.

— Что? онъ съума сошелъ? сказалъ Гамильтонъ, расхохотавшись. Да ужь это не ревность ли старикашки?

Сильнымъ толчкомъ Девисъ отодвинулъ его назадъ и, прежде нежели тотъ опомнился, выпихнулъ его изъ ложи, выйдя вслѣдъ за нимъ и притворивъ за забою дверь.

Вся эта сцена произошла такъ быстро и тихо, что Лицци, занятая пьесою, не успѣла ничего замѣтить. Но Бичеръ все видѣлъ и съ ужасомъ прислушивался къ крупному разговору, происходившему въ корридорѣ. Мало по малу, рѣзкіе, оскорбительные звуки перешли въ болѣе умѣренный тонъ, потомъ въ шопотъ. Наконецъ, Девисъ тихо отдернулъ занавѣсъ и осторожно занялъ свой стулъ позади дочери. Онъ сдѣлалъ Бичеру знакъ, что дѣло улажено благополучно.

— Лицци, ты не назовешь меня жестокимъ, если я лишу тебя одного акта? спросилъ Девисъ, когда занавѣсъ опустился. У меня страшно разболѣлась голова отъ этого жара и свѣта.

— Уйдемъ сейчасъ-же, милый папа,—сказала дѣвушка, вставая.

Зачѣмъ вы не сказали ранѣе. А вамъ не за чѣмъ уходить, мистеръ Бичеръ.

— Конечно, оставайтесь,—подтвердилъ Девисъ, придавая особенное значеніе этимъ словамъ, такъ что Бичеръ понялъ ихъ, какъ приказаніе.

Аннеслей Бичеръ вернулся въ гостинницу послѣ полуночи, когда Девисъ и дочь его уже разошлись по своимъ комнатамъ.

Бичеръ легъ, но ему не спалось; онъ былъ въ тревожномъ состояніи. Случай въ театрѣ получитъ огласку и его имя будетъ въ немъ замѣшано. Пожалуй выйдетъ еще лучше: ему придется драться за дочь Грога Девиса. Довольно того, что онъ спутникъ подобнаго человѣка, что его видятъ съ нимъ въ вагонахъ и на пароходахъ,—а тутъ еще онъ является съ нимъ въ увеселительныхъ мѣстахъ, какъ другъ его семьи, какъ кавалеръ его дочери;—это уже изъ рукъ вонъ! И вотъ этотъ человѣкъ, преслѣдуемый изъ города въ городъ, кредиторами и полиціею, оскорбляемый адвокатами банкротнаго суда, заклейменный прессою, мучимый совѣстью, которая шептала, что ему грозитъ нѣчто еще худшее, и не стыдившійся своего позора, почувствовалъ ужасъ при одной мысли о томъ, что скажетъ его «каста» о его неприличныхъ связяхъ.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ, вскакивая съ постели и зажигая свѣчу. Надо покончить съ этимъ. Я напишу Грогу, что мнѣ пришла внезапная мысль — извѣстіе—что мнѣ надо видѣть Локингтона; скажу, что я видѣлъ одного изъ прикащиковъ Фордайса, при выходѣ изъ театра, и что боюсь ареста. Намекну на то, что Гамильтонъ, имѣя большія связи, настроитъ противъ насъ англійское посольство. Чортъ-возьми! онъ не повѣритъ. Вотъ что скажу.

Онъ схватилъ перо и написалъ:

«Любезный Д—, вчера, послѣ вашего ухода, мнѣ внезапно пришла фантазія ѣхать въ Италію. Будь вы одинъ, старый другъ, я и не подумалъ бы объ этомъ; но зная васъ въ такомъ пріятномъ обществѣ съ тою, которая—(Нѣтъ, это надо вычеркнуть)—я не могу думать, чтобы мое присутствіе было вамъ необходимо.—(Не лучше-ли: «чтобы вы обо мнѣ пожалѣли?»). Мы слишкомъ давнишніе друзья, чтобы вы могли разсердиться за это неожиданное—(вотъ важное слово! что неожиданное?—надо бы «горе», но горемъ этого нельзя назвать)—за это неожиданное рѣшеніе.

Остаюсь, какъ и всегда—(нѣтъ), остаюсь нѣмъ, какъ могила.

Вашъ А. Б.

— Дипломатично написано! сказалъ онъ, самодовольно перечитывая записку. Девисъ будетъ не въ голубиномъ настроеніи, читая это; но я буду уже тогда близь Люттиха.

Успокоивъ себя такимъ образомъ, Бичеръ легъ, давъ себѣ слово проснуться на зарѣ. Онъ, однако, заснулъ такъ крѣпко, что на слѣдующее утро его дважды позвали, прежде нежели онъ проснулся.

— Чего вамъ, Риверсъ? спросилъ онъ, увидя передъ собою грума... Не случилось-ли чего съ лошадью?

— Ничего, сэръ. Я къ вамъ отъ капитана.

— Что съ нимъ? онъ болѣнъ?

— Здоровъ, какъ рыба, сэръ, и уже теперь за нѣсколько миль отсюда. Онъ сказалъ мнѣ: «отдай, говоритъ, эту записку мистеру Бичеру, когда вернется въ Тирлемонтъ; онъ ужъ, говоритъ, скажетъ, что тебѣ потомъ дѣлать».

— Отдерните занавѣсъ; мнѣ темно,—торопливо говорилъ Бичеръ, развертывая записку. Въ ней стояли только слѣдующія слова, начертанныя кистью:

«Я ѣду въ Триръ, черезъ Арденскія горы; пріѣзжайте съ моею дочерью въ Ахенъ и ждите тамъ извѣстій отъ меня.

«Въ конной гвардіи освободилась ваканція эскадроннаго командира.

«Риверсъ сообщитъ вамъ обо всемъ.

Вашъ С. Д.»

— Что же случилось, Риверсъ? вскричалъ встревоженный Бичеръ. Разскажите поскорѣе.

— Разскажу, сэръ; въ двухъ словахъ все разскажу. Вотъ видите-ли: сегодня утромъ, часа въ три, или въ половинѣ четвертаго, приходитъ капитанъ въ мою комнату и говоритъ: вставайте, говоритъ, Риверсъ; живѣе одѣвайтесь. Подите къ Джонессу, оружейному мастеру, отдайте ему записку и подождите отвѣта. Оттуда, говоритъ, подите къ Бортону и велите ему прислать купе съ двумя бойкими лошадьми, къ пяти часамъ утра. Потомъ поспѣшите домой помочь мнѣ уложить нѣкоторыя вещи. Сказавъ это, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы все это оставалось между нами. Я побѣжалъ и черезъ полчаса былъ уже дома. Ровно въ пять часовъ утра наша карета подъѣхала къ парку и мы вышли изъ гостинницы. Въ каретѣ уже сидѣлъ Джонессъ съ маленькимъ ящикомъ на колѣнахъ. Такъ вотъ что! говорю я, догадавшись, что въ ящикѣ,—вотъ что!.—«Да, вотъ что; говоритъ капитанъ,

садись и вели ѣхать скорѣе къ Буафоръ. Мы, должно быть опоздали, потому что другіе ворчали, что мы заставили ждать. А вотъ погодите, говоритъ капитанъ, сейчасъ увидите, что мы пріѣхали во время». Жестокія это были слова, сэръ, какъ я вспомню теперь; какъ онъ его въ одну минуту распростеръ мертвымъ.

— Кого?

— А этого красиваго джентльмена, съ русою бородою, — Гамильтономъ, кажется, его звали;—красивый, нечего сказать. Никогда не забуду, какъ онъ лежалъ тамъ, на травѣ, съ синею ранкою во лбу,—вы не повѣрили-бы, что это даже половина величины пули,—и съ перчаткою въ лѣвой рукѣ, — совсѣмъ какъ живой.

— Такъ капитанъ Гамильтонъ убитъ?—тихо произнесъ Бичеръ, трясясь всѣмъ тѣломъ, при этомъ страшномъ разсказѣ.

— Убитъ, умеръ; онъ и пальцемъ не шевельнулъ, послѣ того какъ упалъ.

— Что же дѣлалъ его другъ? говорилъ онъ что нибудь?

— Онъ всталъ на колѣна подлѣ него, взялъ его за руку и говоритъ: «Жоржъ, милый другъ мой — Жоржъ скажи что-нибудь», но Жоржъ не сказалъ ужъ ни слова.

— А Девисъ,—капитанъ Девисъ? что онъ дѣлалъ?

— Онъ пожалъ руку Джонессу и сказалъ ему что-то по французски, отчего тотъ засмѣялся, потомъ подошелъ къ тѣлу и сказалъ: «полковникъ Гумфрей, говоритъ, вы свидѣтелемъ, что все произошло по правиламъ, такъ что если бы это несчастное дѣло получило...» но полковникъ махнулъ рукой и ничего не отвѣтилъ. Капитанъ пошелъ садиться на лошадь, и я слышалъ, какъ онъ проворчалъ, что онъ «выучитъ когда нибудь полковника обращенію».

— Такъ онъ и уѣхалъ?

— Да; онъ зажегъ сигару и поѣхалъ лѣсомъ по тропинкѣ. Я не видалъ его послѣ того, потому что меня позвали къ тѣлу, которое мы, вчетверомъ, отнесли въ карету.

— Упоминалъ кто нибудь при этомъ мое имя? спросилъ Бичеръ, трясясь.

— Нѣтъ, серъ, никто; только капитанъ назвалъ васъ, отдавая мнѣ записку.

— Скверное дѣло! сказалъ въ полголоса Бичеръ.

— Я полагаю, что капитану д станется, если его изловятъ? пытливо сказалъ Риверсъ.

— И все изъ-за пустяковъ,—продолжалъ Бичеръ, перечитывая записку. Риверсъ, прибавилъ онъ, рѣшаюсь дѣйствовать, отнесите этотъ паспортъ въ полицію и потомъ приведите намъ экипажъ. Мы должны быть въ два часа на люттихской станціи.

— Такъ и капитанъ сказалъ, сэръ, чтобы вы не оставались въ Брюсселѣ и чтобы никому ни слова объ этомъ дѣлѣ. А въ случаѣ, если бы васъ стали допрашивать, то помните, что вы ничего не знаете, не видѣли и не слышали.

— Пошлите сюда горничную миссъ Девисъ, сказалъ Бичеръ, и потомъ ступайте, куда я велѣлъ.

Mademoiselle Аннетъ, швейцарская француженка, мигомъ смекнула, что вышелъ какой-то «казусъ», который намѣрены утаить отъ ея госпожи, и хотя улыбнулась какъ-то значительно, услышавъ, что, миссъ Девисъ поѣдетъ подъ протекціею Бичера, но сдѣлала это со всѣмъ приличіемъ, свойственнымъ ея смѣтливому сословію.

— Объясните ей это, какъ знаете, Анета, — сказалъ Бичеръ, потерявъ голову и желая свалить на кого-нибудь половину отвѣтственности. Выдумайте какую-нибудь причину нашего отъѣзда, а ужъ я поддержу васъ.

— Не безпокойтесь, все будетъ устроено; отвѣтила догадливая субретка.

ГЛАВА III.

Объясненіе.

Анета такъ ловко выполнила возложенное на нее порученіе, что миссъ Девисъ, сойдясь съ Бичеромъ за завтракомъ, не рѣшилась распрашивать его о причинахъ бѣшенства своего отца и сочла своей обязанностью молча подчиниться его волѣ. Надо сказать при этомъ, что она все еще не опомнилась отъ страннаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее первою встрѣчею съ отцемъ;

до того онъ не походилъ на то, какъ она его себѣ воображала. Нельзя было быть добрѣе, ласковѣе его; нельзя было болѣе заботиться о ея удобствахъ. Даже мрачный Тирлимонтъ показался ей пріютнымъ, когда она впервые переступила порогъ его; но все-же наружность его была совсѣмъ не тѣмъ, чего она ожидала. При всей своей сдержанности, онъ не могъ скрыть въ себѣ недостатковъ воспитанія. Его рѣзкій, повелительный тонъ съ слугами, его щекотливая обидчивость, какъ будто слѣдствіе неувѣренности въ своихъ правахъ на уваженіе, — все это придавало его обращенію какую-то недовѣрчивую наглость, которая отталкивала отъ него и пугала его дочь.

На всѣ ея распросы о прошлой жизни ихъ онъ отвѣчалъ неясно и уклончиво.

Говоря о своихъ вкусахъ и удовольствіяхъ, о своей любви къ музыкѣ, талантѣ въ живописи, она не слышала отъ него даже тѣхъ условныхъ фразъ, которыми прикрывается невѣжество или равнодушіе. О большомъ свѣтѣ онъ зналъ только то, что касалось спорта. Объ оперѣ онъ могъ сказать только цѣну креселъ, но не умѣлъ назвать по имени ни одного пѣвца; наконецъ о своей будущей жизни, онъ могъ сказать столько же, сколько о томъ, какая лошадь получитъ черезъ сто лѣтъ первый призъ на сентъ-лиджерскихъ скачкахъ. Увернуться отъ какого угодно крючка, провести самого опытнаго подъячаго, — вотъ въ чемъ Девисъ не имѣлъ себѣ соперника; но это совсѣмъ не то, что быть чьимъ нибудь руководителемъ въ сферахъ, о которыхъ онъ зналъ только по наслышкѣ.

Все, что Лицци узнала изъ перваго разговора съ отцомъ, было то, что у него нѣтъ политическаго честолюбія, что онъ не любитъ большого свѣта, не заботится о герцогахъ и герцогиняхъ и не даетъ особенной цѣны чисто нравственнымъ достоинствамъ.

— Можетъ быть, онъ узналъ тщету всего этого, думала она; можетъ быть, онъ утомился общественной жизнію и любитъ мирныя, сельскія удовольствія, тихую жизнь англійскихъ замковъ. Но почему же онъ не откровененъ со мной? Вѣдь надо же намъ узнать другъ друга.

Просимъ извиненія у читателей въ этомъ отступленіи, но оно было необходимо, чтобы показать, какъ Лицци, не смотря на всѣ свои тревоги и сомнѣнія, сочла себя обязанною подчиниться волѣ отца и отдать себя подъ покровительство Бичера.

— И такъ, въ два часа, мы ѣдетъ въ Ахенъ? сказала она спокойно.

— Да, и я представлю вамъ вашего папа.

— Надѣюсь, что ваше покровительство доставитъ мнѣ столько же удовольствія, сколько и вамъ самимъ.

Въ ея полу-шутливомъ тонѣ была такая смѣсь серьёзности съ легкомысліемъ, что Бичеръ никакъ не могъ угодать ея настоящей мысли. Онъ пробормоталъ что-то на счетъ нарядовъ, что ихъ можно найти повсюду и что они вѣроятно поѣдутъ въ болѣе блестящіе города, чѣмъ Брюссель.

— Это значитъ, что вамъ извѣстно, куда мы поѣдемъ, но вы скрываете это. Хорошо, я согласна играть роль «плѣнной принцессы», потому что для меня все ново, куда бы меня ни повезли.

— Вамъ хотѣлось-бы, я думаю, полетать въ большомъ свѣтѣ; сказалъ Бичеръ.

— О какъ-бы хотѣлось! вскричала она, всплеснувъ руками, и поднялась съ мѣста.

Она стала ходить по комнатѣ, а Бичеръ любовался ея гордыми, граціозными движеніями и красивою, маленькою головкою, откинутою нѣсколько назадъ. Она придерживала спереди платье, что придавало ея поступи картинную позу.

— Какъ она создана для него! проворчалъ про себя Бичеръ.

— Что? спросила Лицци. Вы находите, что это слишкомъ тщеславно для пансіонерки?

— Совсѣмъ напротивъ. Я говорю, что вы созданы для Грентлей-Гоуза и для Роклей-Кастля.

— А тамъ хорошо? спросила она спокойно.

— Это первые дома Англіи. Хозяинъ одного изъ нихъ герцогъ, съ двумя стами тысячами дохода; другой—графъ, имѣющій почти столько же.

— Что же они дѣлаютъ съ такимъ богатствомъ?

— Все, что хотятъ; все что можно дѣлать за деньги, — а чего-же нельзя? У нихъ пышные дома, наряды, обѣды, дорогія лошади, картины, лучшіе повара, яхты, своры, парки, блестящее общество.

— Какъ пріятно пользоваться этимъ; какъ хорошо, когда нѣтъ мелкихъ заботъ и не нужно спрашивать себя безпрестанно: «могу-ли я позволить себѣ это?» При такихъ условіяхъ, жизнь можетъ быть широка, свободна, какъ мечта.

— Совершенно справедливо. Это очень пріятно.

— *Вы* богаты? спросила она вдругъ, обращаясь къ нему.

— Бѣденъ, какъ церковная крыса,—сказалъ онъ, засмѣявшись при такомъ странномъ вопросѣ, но сдѣланномъ такъ чистосердечно, что въ немъ не было и тѣни дерзости. Я младшій сынъ, то есть существо, явившееся въ міръ, когда уже праздникъ кончился.

— А папа? что онъ, младшій, или старшій сынъ?

Бичеръ едва могъ сохранить серьёзный видъ при этомъ вопросѣ.

— Не знаю хорошенько, но кажется, что онъ единственный сынъ.

— Такъ въ нашей фамиліи нѣтъ титула? спросила она съ любопытствомъ.

— Кажется, нѣтъ: но вѣдь вамъ извѣстно, что въ Англіи титулы рѣдки. У насъ не то, что у иностранцевъ, гдѣ всѣ—маркизы, графы, кавалеры.

— Я люблю титулы, люблю отличіе: какъ хорошо имѣть породу, имѣть наслѣдственныя черты! У кого ихъ нѣтъ, у того нѣтъ прошлаго. Такъ значитъ, папа просто джентльменъ, — сказала она, помолчавъ.

— Джентльменъ,—весьма почтенное званіе, увѣряю васъ; уклончиво отвѣтилъ Бичеръ.

— Какъ же будутъ звать меня въ Англіи, — «миледи?»

— Нѣтъ, «миссъ Девисъ».

— Какъ это жалко звучитъ! Эдакъ зовутъ всякую гувернатку, всякую горничную.

— Выйдя замужъ, вы примите титулъ вашего мужа, — хоть герцогини, если онъ будетъ герцогъ,

— Ну, такъ я буду герцогинею! сказала она свойственнымъ ей, веселымъ и легкомысленнымъ тономъ. Какъ бы я желала принадлежать къ тому блестящему кругу, который вы описали мнѣ, жить среди идеальной роскоши, удовлетворяя всѣмъ своимъ прихотямъ!—Рѣшено, мистеръ Бичеръ, я буду герцогинею.

— Но все это возможно и маркизѣ, и графинѣ...

— Нѣтъ, я хочу быть герцогинею. Вамъ не удастся убѣдить меня отказаться отъ моихъ законныхъ требованій.

— Не угодно ли вашей свѣтлости дать приказаніе сбираться къ отъѣзду; мы должны выѣхать отсюда въ началѣ втораго,— сказалъ Бичеръ, смѣясь.

— Не будь я—сама скромность, то я сказала бы, что поѣздъ

долженъ ждать, когда я соизволю прiѣхать, сказала она—съ достоинствомъ королевы, уходя изъ комнаты.

Бичеръ просидѣлъ нѣсколько минутъ молча, потомъ вдругъ залился неистовымъ хохотомъ.

— Любопытно знать, что сказалъ-бы на это Грогъ. Лучше всего то, что она совершенно серьёзна и смотритъ на это какъ нельзя болѣе довѣрчиво. Всему виновато глупое, несообразное воспитанiе.

Онъ представилъ себѣ Девиса перомъ;—«виконтъ Девисъ, баронъ Грогъ»—мелькнуло у него въ умѣ и онъ снова расхохотался.

— Однако, сказалъ себѣ, удерживаясь, какъ бы онъ не узналъ объ этомъ разговорѣ,—если онъ заподозритъ, что это я сдѣлалъ его смѣшнымъ въ ея глазахъ, что это я направилъ такъ ея мысли, то тогда...—Онъ отчаянно свиснулъ.

За этимъ послѣдовали невеселыя размышленiя. Въ это самое утро онъ самъ собирался дать тягу, и вотъ онъ теперь прицѣпленъ крѣпче прежняго. Онъ взглянулъ на часы: — одиннадцать часовъ,—я былъ бы теперь въ Варвье, черезъ четыре дня за Альпами; а теперь вотъ, сиди. Попробуй-ка я оставить его дочь одну — такъ онъ отыщетъ меня на краю свѣта, чтобы влѣпить мнѣ пулю.

ГЛАВА IV.

Въ вагонѣ.

Бичеръ находилъ чертовски страннымъ, что онъ долженъ быть спутникомъ и покровителемъ девятнадцатилѣтней красавицы, для которой все было предметомъ удивленiя и любопытства; ее все занимало, и страна, и народъ, и толпы прiѣзжавшихъ и уѣзжавшихъ пассажировъ, и мелкiя случайности путешествiя.

— Мистеръ Бичеръ, сказала она, при видѣ красиваго пейзажа, я почти отказываюсь отъ моихъ великосвѣтскихъ стремленій. Мнѣ кажется, что вонъ въ этихъ домикахъ, гдѣ плакучія ивы повисли надъ рѣкою, можно жить лучше, чѣмъ живутъ герцогини.

— И притомъ же такое желаніе гораздо легче удовлетворить,— сказалъ онъ, улыбаясь.

— Я не объ *этомъ* думаю,—возразила она гордо; да и едва-ли вы правы. Мнѣ кажется, что люди всегда могутъ достигнуть того, къ чему они будутъ твердо стремиться.

— Желалъ-бы я убѣдиться въ справедливости вашей теоріи. Вотъ я уже много лѣтъ желаю множества вещей, и ни до чего не могу достигнуть.

— Что же вы дѣлаете, кромѣ того, что желаете? спросила она рѣзко.

— Это затруднительный вопросъ,—сказалъ онъ, смущаясь,—да впрочемъ, я не вижу, что же мнѣ остается дѣлать, какъ только желать.

— А если такъ, то вы и не имѣете права на успѣхъ. Если я говорю, что люди могутъ достигать того, чего желаютъ, то подразумѣваю, что никакія жертвы, никакія усилія не кажутся имъ для этого слишкомъ тяжелыми; что взоръ ихъ постоянно устремленъ на одну точку; что они идутъ къ ней, превозмогая всѣ препятствія, съ непоколебимымъ мужествомъ. Испытали *вы* это?

— Не могу сказать. Но что касается до моего желанія расположить къ себѣ фортуну, то въ этомъ я никому не уступлю.

— Это старая исторія о ребенкѣ, кричащемъ на луну, сказала она, засмѣявшись.

— Но скажите же мнѣ, чего вы такъ горячо желаете?

— Попробуйте угадать.

— Вы желаете жениться на комъ нибудь, кто не любитъ васъ, или кто ниже васъ, или слишкомъ бѣдна, или слишкомъ ничтожна для вашей знатной родни?

— Нѣтъ, не того.

— Вы честолюбивы, желаете быть великимъ политикомъ, воиномъ, или мореплавателемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ—и не думалъ! воскликнулъ онъ, расхохотавшись при одной мысли.

— Вы желаете еще болѣе высокаго положенія, или огромнаго богатства?

— Вотъ именно. Много денегъ; — съ этимъ все дается.

— Безъ сомнѣнія, пріятно удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ, не разсчитывая, чего онѣ будутъ стоить; но какая скука должна слѣдовать за пресыщеніемъ, какъ надоѣстъ это немедленное удовлетвореніе всякаго желанія. Нѣтъ, по мнѣ лучше борьба, стремленіе и потомъ уже удача.

— Да, но вѣдь она не всякому достается.

— Мнѣ кажется, что—всякому, кто заслуживаетъ. Что за участіе могутъ внушать намъ классическіе герои, которымъ вѣчно помогаетъ какое нибудь благодѣтельное божество?

— Признаюсь, сказалъ Бичеръ, я очень желалъ бы быть обезпеченнымъ въ этой жизни.

— Ну такъ сидите на берегу, а другіе посмѣлѣе переплывутъ рѣку.

— Но у меня не хватаетъ терпѣнія, сказалъ онъ, нѣсколько раздражаясь. Я много жилъ и много испыталъ непріятнаго.

— Удивляюсь, сказала она, помолчавъ, какъ вы сошлись съ папа. Я мало встрѣчала людей съ такими разными понятіями. Вы, мнѣ кажется, олицетворенная осторожность; онъ — смѣлость и энергія.

— Поэтому-то мы вѣроятно и сошлись, смѣясь, сказалъ Бичеръ.

— Можетъ быть, произнесла она задумчиво, и оба замолчали

— Есть у васъ сестры, мистеръ Бичеръ? спросила она наконецъ.

— Нѣтъ, а есть невѣстка.

— Разскажите мнѣ о ней. Молода она? красива?

— Не молода, но еще очень красива.

— Бѣлокурая, или брюнетка?

— Совершенная брюнетка, точно испанка, съ весьма гордымъ видомъ, но очень любезная, когда пожелаетъ.

— Полюбитъ ли она меня?

— Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ съ улыбкой и поклономъ, но покраснѣвъ при одной мысли о подобной встрѣчѣ.

— Мнѣ что-то не вѣрится, что вы говорите это чистосердечно, сказала она, засмѣявшись:—а кажется, что-же тутъ обиднаго сказать, что я могу не понравиться человѣку, котораго я никогда не видала? Будьте откровенны, скажите, какое я внушила бы ей чувство?

— Начиная съ того, сказалъ онъ, смѣясь, что она нашла бы васъ очень красивою.

— «Чрезвычайно красивою», какъ сказалъ тотъ джентльменъ; это мнѣ болѣе нравится.

— Чрезвычайно красивою, совершенствомъ граціи, — образцомъ всѣхъ достоинствъ.

— Она не сказала-бы этого, она не стала бы описывать меня какъ гувернантка, а вѣроятнѣе всего нашла-бы, что я слишкомъ *увлекаюсь* (эта модная фраза), и что я нѣсколько вульгарна. Но увѣряю васъ, прибавила она серьёзно, я не кажусь такою, когда говорю по французки. Это глупое побужденіе, съ моей стороны, выказывать то, что я называю англійскимъ прямодушіемъ. Будемъ говорить по французски.

— Я весьма плохой лингвистъ, сказалъ Бичеръ.

— Ну хорошо, такъ повѣрьте же мнѣ на слово, что я очень хорошо воспитана, когда захочу. Но разсказывайте же мнѣ о вашей сестрѣ.

— Она, что называется, «grande dame», сказалъ Бичеръ: очень спокойна, холодна, говоритъ просто, одѣвается роскошно и никогда не знается съ выскочками.

— Что вы называете выскочками?

— Не знаю, какъ вамъ объяснить это,—такіе люди часто встрѣчаются въ обществѣ: имъ даетъ въ немъ мѣсто не происхожденіе, а богатство, умъ, или тамъ что нибудь; — однимъ словомъ, люди, о которыхъ спрашиваютъ: кто они такіе?

— Понимаю. Такъ это должно относиться къ немалому числу человѣческаго рода; такъ пожалуй всѣ выскочки.

— Да; къ большей части Европы и ко *всей* Америкѣ,—сказалъ Бичеръ, засмѣявшись.

— Какъ-же мы съ папа пройдемъ сквозь эту грозную заставу?

— Да, сказалъ онъ, нерѣшительно, вашъ отецъ всегда жилъ въ такомъ отдаленіи отъ общества — отъ этаго общества, хочу я сказать, — что вѣроятно...

— Вѣроятно они спросятъ: «кто эти выскочки?» Говоря это, она сдѣлала такую гордо-презрительную мину, что Бичеръ невольно расхохотался. А поэтому, продолжала она; я буду очень обязана, если вы научите меня, что имъ отвѣчать, такъ какъ, признаюсь, это для меня весьма затруднительный вопросъ.

— Да, это затруднительно, сказалъ Бичеръ, нѣсколько конфузясь; но я долженъ вамъ сказать, что хотя мы и старинные друзья съ вашимъ отцомъ,—самые близкіе, какъ только возможно; но онъ никогда не говорилъ со мною о своей роднѣ,—мало

того, онъ былъ такъ скрытенъ, что до встрѣчи съ вами, я не зналъ, что у него есть дочь.

— Не можетъ же быть, чтобы онъ никогда не говорилъ обо мнѣ.

— Со мною, по крайней мѣрѣ,—а я полагаю, что онъ никому болѣе не довѣряетъ.

— Странно! сказала она въ раздумьи, потомъ прибавила:—я разсказала бы вамъ исторію моей жизни, но у меня почти нѣтъ ея. Меня отдали ребенкомъ въ школу, въ Карнуаль. Потомъ папа перемѣстилъ меня въ деревню, близь Уальмера, гдѣ я жила съ гувернанткою, которая обращалась со мною необыкновенно почтительно, такъ что я вообразила себя важною особою, чѣмъ-то въ родѣ «человѣка въ желѣзной маскѣ». Потомъ я поступила въ пансіонъ Трехъ Фонтановъ, гдѣ нашла, если и не такую же почтительность, то всѣ признаки того, что на меня смотрѣли, какъ на особенно привиллегированную личность. У меня была своя горничная; я пользовалась множествомъ привиллегій, которыми не пользовались другія. Я ни въ чемъ не нуждалась, ни въ чемъ мнѣ не отказывали. Все это укоренило во мнѣ мысль, что я знатная и богатая особа,—въ чемъ я никогда и не сомнѣвалась. Такимъ образомъ, прибавила она энергично, я полюбила богатство, понявъ его выгоды, и знатность, понявъ ея удобства; но если бы мнѣ вдругъ сказали, что на мою долю не выпало ни того, ни другаго, я чувствую, что я вовсе не упала бы отъ этого духомъ.

Бичеръ глядѣлъ на нее съ такимъ восторгомъ, что она покраснѣла, замѣтивъ этотъ взглядъ, и сказала:—Вы можете сейчасъ же испытать мой героизмъ, откровенно сказавъ мнѣ все, что вамъ извѣстно о моемъ положеніи. Скажите, мистеръ Бичеръ, принцесса ли я скрытая, или только — частица той категоріи, которую вы такъ страшно обнозначили «дрянью»?

Неизвѣстно, до чего довелъ бы въ эту минуту Аннеслея Бичера порывъ довѣрчивости, если бы онъ могъ забыть ужасъ, внушаемый имъ Грогомъ. Онъ былъ бы способенъ разсказать все его дочери. На минуту даже мысль быть ей искреннимъ другомъ до того пересилила его осторожность, что онъ взялъ ея руку, въ видѣ вступленія къ откровенности, но вдругъ въ памяти его мелькнулъ Девисъ,—Девисъ, въ припадкѣ бѣшенства, когда онъ не останавливается ни передъ чѣмъ. «Онъ застрѣлитъ меня, какъ собаку», подумалъ Бичеръ и, выпустивъ руку дѣвушки, опустился въ глубину вагона.

Лицци нагнулась къ нему и глядѣла ему прямо въ лицо. Она была блѣдна.—Я вижу что вы желали-бы исполнить мое желаніе, сказала она съ грустною улыбкою, — но вѣроятно васъ удерживаетъ чувство деликатности и осторожности. Ну, хорошо. Останемся друзьями; современемъ придетъ, можетъ быть, и довѣріе.

Бичеръ снова взялъ ея руку и съ жаромъ поцѣловалъ ее. Какое странное чувство овладѣло въ эту минуту его сердцемъ, и какъ тяжело было ему выпустить эту нѣжную руку,—какъ будто, опуская ее, онъ отказывался и отъ надежды, и отъ жизни.

— Зачѣмъ, сказалъ онъ себѣ, зачѣмъ она — зачѣмъ и онъ самъ не то, что они есть!

— Мнѣ хотѣлось-бы прочесть ваши мысли, сказала она кротко.

— Я самъ желалъ-бы этого! вскричалъ онъ, съ честнымъ порывомъ, какого онъ уже давно не испытывалъ.

Въ остальное время пути, они не разговаривали и обмѣнивались только замѣчаніями насчетъ встрѣчавшихся предметовъ. Они оба, казалось, положились на время, которое должно было возстановить между ними довѣрчивый обмѣнъ мыслей.

— Вотъ и конецъ нашему путешествію, сказалъ онъ, когда они подъѣзжали къ Ахену.

— И начало нашей дружбѣ, сказала она, съ улыбкою протягивая руку въ подтвержденіе своихъ словъ.

Бичеръ такъ пристально глядѣлъ ей въ лицо, что не замѣтилъ этого движенія.

— Не хотите? сказала она, смѣясь.

— Чего? вскричалъ онъ,—руки, или дружбы?

— Разумѣется, дружбы, — произнесла она спокойно.

— Ваши билеты, сэръ; вотъ станція,—сказалъ вошедшій кондукторъ.

Аннеслей Бичеръ побѣжалъ хлопотать о богажѣ, вовсе не раздѣляя удовольствія, которое внушалъ Лицци видъ этой суеты. Ему пришлось разрываться для удовлетворенія горничной и грума, которые тянули его—каждый въ свою сторону. Все оказалось въ цѣлости; Клипперъ не потерялъ ни одного волоска, и наши путники весело вступили въ гостинницу «Четырехъ Націй».

———

ГЛАВА V.

Гостинница «Четырехъ Націй» въ Ахенѣ.

Покончивъ съ хлопотами, по пріѣздѣ въ гостиницу, Аннеслей Бичеръ сталъ размышлять о странности своего положенія. Удивленіе, которое повсюду возбуждала красота Лицци Девисъ, дошло до высшей степени, и подъ окнами гостиницы ходили группы путешественниковъ, ища случая взглянуть на эту рѣдкую красавицу. Бичеръ торжествовалъ бы отъ такого поклоненія, будь Лицци его собственность bonâ fide. Тетерь же его положеніе было совсѣмъ иное; оно предписывало ему недовѣрчивое и строгое покровительство, къ которому онъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности.

Аннеслей Бичеръ ссорится съ кѣмъ-нибудь за дочь Грога Девиса,—дерется за нее съ какимъ-нибудь проклятымъ графомъ,—Аннеслей Бичеръ, застрѣленный зуавомъ, желавшимъ вальсировать съ его «пріятельницею»:—вотъ пріятныя картины, рисовавшіяся въ его умѣ; а между тѣмъ, вспоминая обычаи ея отца, онъ сознавался, что самый отъявленный врагъ дуэлей получилъ бы, въ этомъ случаѣ, склонность къ нимъ. Хотя бы искра рыцарскихъ чувствъ зажглась въ этихъ сухихъ сердцахъ, при видѣ такой красоты и граціи!

Бичеръ перебиралъ въ умѣ всѣхъ леди Юлій и Георгинъ большого свѣта, всѣхъ кто бывали царицами лондонскаго сезона; ни одной изъ нихъ нельзя было поставить рядомъ съ Лицци. Она затмѣвала всѣхъ ихъ не только красотою, но и неопредѣленною прелестью каждаго жеста, этою смѣсью достоинства съ дѣтскою веселостью, которыя дѣлали ее недосягаемымъ образцомъ благородства и красоты.

Все это навело Бичера на размышленія о ея будущемъ, о томъ, какого мужа пошлетъ ей судьба. Странно! онъ не могъ смотрѣть на нее иначе, какъ на дочь Грога Девиса. На ней можетъ жениться Маунтфой Стеббсъ,—у него пятьдесятъ тысячъ дохода; отецъ его ростовщикъ. Локвудъ Гаррисъ также можетъ жениться на ней; онъ нажилъ себѣ состояніе торгомъ невольниками. Есть еще два, три человѣка, такихъ же богатыхъ и въ такомъ же

двусмысленномъ положеніи: съ ними встрѣчаются въ клубахъ, обѣдаютъ, играютъ въ карты, у нихъ роскошныя яхты, охотничьи дома — въ Шотландіи; но въ Лондонѣ они считаются за негодяевъ.

Въ своей сферѣ эти люди дѣлаютъ, что хотятъ; они могутъ позволять себѣ всѣ шалости, — а какая восхитительная шалость жениться на Лицци Девисъ! Бичеръ часто завидовалъ этимъ людямъ, но теперь, болѣе чѣмъ когда либо. На нихъ не лежитъ отвѣтственности предъ своею кастою; у нихъ нѣтъ братьевъ— перовъ, нѣтъ невѣстокъ, которыя пилили бы ихъ то за то, то за другое. «Будь я Стеббсомъ, я женился бы на ней», — это Бичеръ повторилъ себѣ съ дюжину разъ, каждый разъ утверждая клятвою.

Какой грустный контрастъ проводилъ онъ между Стеббсомъ и собою! Было время, правда, когда правительство рѣшилось было вознаградить несправедливость судьбы къ младшимъ сыновьямъ; государственная служба была переполнена джентльменами и онораблями, которыхъ оно поддерживало своими отеческими попеченіями; но теперь на нихъ прошла мода. «Попроси я себѣ какой-нибудь милости, то мнѣ откажутъ, именно потому, что у меня братъ — перъ».

Бичеръ обладалъ весьма представительною наружностью и имѣлъ при этомъ тотъ отпечатокъ фэшенебельнаго круга, котораго не могли стереть съ него привычки дурной среды, гдѣ онъ вращался. Разговоръ его былъ свободенъ и простъ; голосъ и улыбка привлекательны; обращеніе его представляло пріятную смѣсь вѣжливости съ достоинствомъ. Онъ, какъ и сословіе, къ которому онъ принадлежалъ, имѣлъ отрицательныя достоинства, то есть, не имѣлъ тѣхъ недостатковъ, которыя, къ сожалѣнію, составляютъ свойства большинства.

Не знаемъ, понравилось ли бы общество Бичера нашимъ читателямъ; но знаемъ, что оно нравилось Лицци. Онъ могъ говорить ей о томъ, что ее наиболѣе интересовало, о лондонской жизни. Она инстинктивно угадывала тѣ тайныя пружины, которыя двигаютъ обществомъ, гдѣ, при всемъ вліяніи таланта и богатства, истинная сила все-таки находится въ рукахъ тѣхъ, кто занимаетъ высокое положеніе, или пользуется наслѣдственными правами. Она поняла, что великосвѣтскіе брамины составляютъ нѣкоторую недоступную исключительность и что сознанію-то этого недоступнаго положенія они и обязаны своимъ яснымъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Она заставляла его раз-

сказывать ей о жизни въ англійскихъ замкахъ, о толпѣ осаждающихъ ихъ посѣтителей, о прогулкахъ, о занятіяхъ, наполняющихъ время этихъ особъ, о политическихъ и свѣтскихъ интригахъ, волнующихъ ихъ подъ этою ясною поверхностью.

Они роскошно пообѣдали. Двусмысленное положеніе, въ которомъ они находились, только увеличивало услужливость прислуги, очень хорошо знавшей, что такія лица, за какія ихъ принимали, обыкновенно тратятъ больше и платятъ лучше. Поэтому имъ подавали самыя роскошныя блюда, слуги были въ парадномъ платьи; не забыли и о букетѣ для «mademoiselle». Всѣ эти любезности имѣли очень понятное значеніе для Бичера.

— Объясните мнѣ одну вещь, мистеръ Бичеръ, спросила его Лицци, когда они сидѣли за кофеемъ:—принято-ли въ этой чопорной Англіи, чтобы молодая дѣвушка путешествовала съ джентльменомъ, который не приходится ей роднею?

— Если это дѣлается по волѣ ея отца, то я не вижу тутъ ничего неприличнаго, — сказалъ онъ, нѣсколько затрудняясь.

— Это не совсѣмъ прямой отвѣтъ на мой вопросъ, хотя я и могу усмотрѣть изъ него, что такой фактъ, по крайней мѣрѣ, не обыченъ.

— Оно, конечно, не совсѣмъ принято,—сказалъ Бичеръ, но не забудьте, что я старинный и близкій другъ вашего отца.

— Вѣроятно, папа былъ вынужденъ къ этому крайностью, перебила она.

— Отчего же? спросилъ онъ; развѣ это вамъ непріятно?

— Можетъ быть, нѣтъ,—а можетъ быть, очень пріятно. Можетъ быть, я нахожу васъ очень милымъ, очень занимательнымъ—очень... ну что еще тамъ?..

— Почтительнымъ.

— Пожалуй, и это. Но все же я повторяю, что папа не распорядился бы такимъ образомъ безъ особенной крайности. Теперь мнѣ хотѣлось бы узнать, что его къ этому понудило.

Бичеръ не возражалъ, и она вдругъ съ живостью спросила его:—Вы не знаете?

— Знаю, сказалъ онъ серьезно; но прошу васъ не распрашивать меня.

— Не могу не распрашивать, мистеръ Бичеръ, сказала она, тѣмъ полу-безпечнымъ тономъ, который такъ шелъ къ ней. Послушайте, начала она серьезно и глядя ему прямо въ глаза: изъ того что вы разсказали мнѣ объ англійскихъ обычаяхъ, я убѣждена, что я дѣлаю теперь то, что у насъ не принято и считается

неизвинительнымъ. Причиною этому, можетъ быть, или нѣчто такое важное, что заставило избирать изъ двухъ золъ меньшее,— а выборъ слѣдовало бы предоставить мнѣ, или еще хуже, — по крайней мѣрѣ, еще тягостнѣе...

— Что же такое? вскричалъ Бичеръ.

— Что я стою не на той общественной ступени, гдѣ бы нужно было затрудняться подобными обстоятельствами.

Она произнесла эти слова такъ холодно и рѣшительно, что Бичеръ содрогнулся.

— Вотъ она, дочь Девиса, подумалъ онъ. Поставьте всѣ шансы противъ нея, она и тогда выступитъ одна противъ цѣлаго міра. Что за дѣвушка!

Бичеръ чувствовалъ удивленіе, смѣшанное съ страхомъ.

— И такъ, мистеръ Бичеръ, сказала она наконецъ,—надѣюсь, что я внушаю вамъ хотя сколько нибудь довѣрія. Какъ ни свѣжо наше знакомство, но я уже говорю съ вами, какъ съ старымъ другомъ. Докажите же мнѣ, что вы не находите этого нескромностью.

— Но что же мнѣ дѣлать? въ отчаяніи вскричалъ Бичеръ. Если я скажу вамъ, зачѣмъ вашъ отецъ такъ поспѣшно уѣхалъ изъ Брюсселя, то, увѣряю васъ, онъ меня весьма скоро внесетъ въ списки умершихъ.

— Я не о томъ спрашиваю, горячо прервала она,—меня интересуетъ другой вопросъ.

Онъ, блѣднѣя, поглядѣлъ ей въ лицо, не понимая, на что она намекаетъ.

— Я хочу, чтобы вы сказали мнѣ только, кто такіе Девисы? Кто мы такіе? кто? Если насъ не признаетъ за равныхъ себѣ тотъ кругъ, о которомъ вы мнѣ разсказываете, то какой же нашъ кругъ? Помните, что прямымъ отвѣтомъ на мой вопросъ вы укажете мнѣ путь въ моей будущей жизни. Не бойтесь огорчить меня,—тяжелѣе всего неизвѣстность. Будьте же откровенны.

Бичеръ закрылъ лицо, обдумывая отвѣтъ. Онъ не смѣлъ взглянуть на нее, боясь, что она замѣтитъ его затрудненіе.

— Я пощажу васъ, сэръ, сказала она, гордо улыбаясь; но если бы вы болѣе знали меня, вы сознались бы, что ваша чрезмѣрная осторожность совершенно неумѣстна. У меня больше отваги, чѣмъ вы думаете.

— Вы тверже всѣхъ мужчинъ, какихъ я знавалъ! вскричалъ Бичеръ.

— Докажите же мнѣ, что это такъ, отвѣчайте прямо на мой вопросъ. Кто мы такіе?

— Я только что сказалъ вамъ, началъ Бичеръ, теряясь и заикаясь все болѣе и болѣе,—я только что сказалъ вамъ, что вашъ отецъ никогда не говорилъ мнѣ о своихъ родственникахъ. Я вовсе не знаю ни его исторіи, ни его семейства.

— Значитъ, остается только спросить, что мы такое? или, иными словами: имѣетъ ли мой отецъ какое-нибудь ремесло и профессію. Это, по крайней мѣрѣ, вы скажете мнѣ, сэръ.

— Вашъ отецъ служилъ капитаномъ въ вестъ-индскомъ полку и, когда я впервые встрѣтился съ нимъ, то онъ былъ весьма популярнымъ человѣкомъ въ городѣ, всѣхъ зналъ, любилъ скачки, держалъ пари, проигрывалъ и выигрывалъ, подобно всѣмъ намъ.

— «Sporting character»—такъ, кажется, называется это въ газетахъ? сказала Лицци, съ лукавымъ взглядомъ.

— Какъ вы это мѣтко опредѣлили! вскричалъ Бичеръ, чистосердечно дивясь ея находчивости.

— Такъ вотъ объясненіе загадки! сказала она и принялась въ раздумьи ходить по комнатѣ. Лучше было бы давно сказать мнѣ это, — лучше было бы дать мнѣ приготовиться къ этому положенію, что было бы такъ легко для меня тогда, и произошло бы безъ всякихъ страданій.

Она вздохнула. Бичеръ всталъ и подошелъ къ ней.

— Надѣюсь, что вы не сердитесь на меня, милая миссъ Девисъ, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Я готовъ всему подвергнуться скорѣе, чѣмъ оскорбить васъ.

— Вы ни мало не оскорбили меня, сказала она холодно.

— Но мнѣ кажется, что я огорчилъ васъ. Не хорошо, право, и съ вашей стороны, что вы меня такъ допытывали.

— Вы забываете, сэръ, прервала она надменно, что вы почти ничего не сказали мнѣ и что я только изъ нѣкоторыхъ намековъ могла понять, что въ нашемъ положеніи есть что-то такое, чего деликатность не дозволяетъ вамъ объяснить мнѣ.

— Нисколько, сказалъ онъ торопливо. Первыя лица Англіи принадлежатъ къ спорту. Вашъ отецъ имѣетъ дѣло со всѣми франтами бархатной книги.

— Такъ въ этихъ дѣлахъ многіе учавствуютъ, сэръ, сказала она съ равнодушною ироніей. Позвольте узнать, учавствуетъ ли въ ней почтенный мистеръ Бичеръ?

— Гмъ! да, конечно; пробормоталъ онъ, сильно конфузясь. У насъ бывали иногда дѣлишки,—въ скверѣ, разумѣется.

— Не открывайте тайнъ фирмы, сэръ. Я даже болѣе вашего стою за то, чтобы вы были скромны. Теперь еще одинъ вопросъ; онъ касается лично до меня, и вы не откажетесь отвѣтить мнѣ. Какимъ образомъ, зная наше положеніе въ обществѣ, вы осмѣлились играть моею неопытностью и убѣждать меня въ мнѣніи, что мнѣ открытъ доступъ въ сферу, которая, какъ вамъ очень хорошо извѣстно, совершенно недоступна мнѣ?

Бичеръ былъ уничтоженъ стыдомъ и смущеніемъ и глупо стоялъ, не зная что сказать.

— Вы поступили очень легкомысленно, сэръ,—сказала она въ грустномъ раздумьи; но можетъ, вы не сознавали этого.

— Не сознавалъ, клянусь честью, не сознавалъ! вскричалъ онъ съ жаромъ. Все что я говорилъ, сказано совершенно чистосердечно. Я знаю Лондонъ лучше кого бы то ни было, и готовъ поставить пятьсотъ противъ пятидесяти, если вы найдете тамъ равную себѣ.—Все что я могу сказать, это—что васъ надо представить королевѣ.

— Я не разсчитываю на это, сэръ, сказала она гордо и ушла изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Ахенъ.

Прошло три дня; Бичеръ и его спутница все еще оставались въ Ахенѣ. Они избѣгали говорить о своемъ странномъ положеніи относительно другъ друга, но мысли ихъ были постоянно заняты имъ. Отъ Девиса не приходило ни телеграммы, ни письма и тревога Бичера возрастала. Онъ придумывалъ всевозможныя непріятности: Девисъ арестованъ и отправленъ въ брюссельскую тюрьму;—онъ убитъ разбойниками въ арденскихъ горахъ;—онъ боленъ, умираетъ въ какой-нибудь деревушкѣ;—онъ задержанъ

по какому нибудь старому дѣлу.—Спрашивается: что онъ, Бичеръ, будетъ дѣлать теперь съ Лицци Девисъ?

Что касается до послѣдней, то, благодаря ли разнообразію этой жизни, послѣ пансіонскаго заключенія, или новости обстановки, или какой нибудь высшей философіи и покорности, только она не скучала и не выказывала особеннаго нетерпѣнія въ ожиданіи извѣстій отъ отца. Она любовалась природою, осматривала церкви и галлереи, гуляла и завершала день въ театрѣ, чистосердечно сознаваясь, что это праздная жизнь ей очень нравится. Весь городъ говорилъ о ея необыкновенной красотѣ; обожатели гостинницъ собирались на ея пути, когда она садилась въ экипажъ; а въ театрѣ всѣ бинокли были направлены на ея ложу. Впрочемъ это вниманіе было не совсѣмъ почтительно, и Бичеръ читалъ составленное о ней мнѣніе въ дерзккихъ взглядахъ мужчинъ и въ еще менѣе двусмысленныхъ взглядахъ женщинъ. Богатыя наряды и развязная веселость Лицци въ публикѣ еще болѣе говорили во вредъ ея.

Бичеръ испытывалъ подлѣ нея тоже самое чувство, какое испытываетъ человѣкъ, которому поручено пронести ящикъ съ драгоцѣнностями черезъ воровскіе кварталы Лондона.

Бичеръ слишкомъ хорошо зналъ обычаи полу-свѣта, чтобы не понимать, что составляется какой-то заговоръ и что Лицци окружена опасностями. Взгляды, бросаемые на нее на улицѣ, становились все смѣлѣе; изящные, бородатые франты по десяти разъ въ день врывались, ошибкою, къ нимъ въ гостинную и потомъ безконечно извинялись, оставаясь слишкомъ долго въ комнатѣ.

Слуга значительно увѣдомилъ ихъ, что князь Ботовскій остановился въ гостинницѣ; что при немъ семь экипажей и восемнадцать человѣкъ прислуги. Тотъ же смышленный слуга совѣтовалъ имъ отправиться посмотрѣть камеліи графа Чантовича, говоря: что «онъ уже прислалъ изъ нихъ букетъ для ея личности». Бичеръ мысленно проклялъ его, когда онъ подалъ этотъ букетъ.

— Вижу, чѣмъ это должно кончиться,—говорилъ онъ самъ съ собою, шагая по комнатѣ и не будучи въ состояніи скрывать своего безпокойства. Того и гляди, что одинъ изъ этихъ проклятыхъ иностранцевъ заговоритъ съ нею на прогулкѣ и тогда я распутывай. А все Девисъ вановатъ. Да и она тоже. Почему бы ей не походить на другихъ, не одѣваться какъ всѣ, не ходить какъ всѣ? Что за нелѣпость поступать во всемъ, какъ будто она королевская принцесса! Не далѣе какъ вчера, она на-

дѣла въ оперу кружевной платокъ въ пять тысячь франковъ, зацѣпила его, садясь въ карету, и разорвала. А потомъ засмѣялась и говоритъ: — Какъ обрадуется этому Аннетъ! ей очень хотѣлось пріобрѣсть этотъ платокъ и она все придумывала, какъ бы это сдѣлать.—Вотъ вамъ воспитаніе, которымъ такъ гордится Грогъ! Будь она настоящею графинею, съ десятью тысячами дохода, она была бы плохимъ товаромъ.

О Бичеръ! ваше сердце не участвовало въ этихъ жестокихъ рѣчахъ. Вы говорили ихъ только подъ вліяніемъ досады и сплина, тогда какъ сохранившіяся еще въ этой маленькой частицѣ вашей особы честныя чувства говорили вамъ *за нее*, и вы полюбили бы *ее*, еслибы знали, какъ это дѣлается. Бѣдняга! жизнь была для него тяжелою борьбою; вѣчно по уши въ долгахъ, каждую минуту боясь ареста, на каждомъ шагу встрѣчая кредиторовъ, онъ только прикрывался безпечностью, какъ и многіе другіе, и жилъ съ ужасомъ ожидая себѣ, каждую минуту, позора и гибели. Когда онъ оставался одинъ, меланхолія его доходила до отчаянія; воображеніе рисовало ему сцены въ полицейскомъ судѣ и, чтобы разсѣяться, онъ бросался въ общество,— въ какое бы то ни было,—и тамъ, усиліе, которое онъ дѣлалъ надъ собою, придавало ему ту наружную, шумную веселость, которая всѣхъ обманывала.

Какъ обаятельно должна была дѣйствовать Лицци Девисъ на такого человѣка! Красота ея и грація были бы тутъ недостаточны безъ роскошныхъ нарядовъ и свойственнаго ей, необыкновеннаго изящества всѣхъ движеній. Приэтомъ, какъ она умѣла веселить его! Какія смѣшныя каррикатуры представляла она ему со всѣхъ оригинальныхъ личностей,—съ бородатаго, стараго полковника, съ пустыхъ фатовъ, толкавшихся въ курсъ-залѣ! Какими мѣткими эпиграмами пересыпала она все это, а потомъ какъ восхитительно пѣла она ему какую нибудь замысловатую сцену Верди, или страстную венеціанскую баркаролу! Однимъ словомъ, она умѣла смѣшить его,—а чего бы мы не дали съ вами, почтенный читатель, чтобы имѣть подлѣ себя кого нибудь, ктобы смѣшилъ насъ?

Лицци умѣла смѣшить Бичера въ самыя серьезныя и тяжелыя для него минуты; она подмѣчала всѣ комическія положенія и воспроизводила ихъ съ совершенствомъ опытной актрисы. У нея была восхитительная мимика, и для Бичера, который мало размышлялъ и никогда не читалъ, ея неистощимая веселость служила постояннымъ развлеченіемъ.

— Что это за дѣвушка! говорилъ онъ себѣ:—какая вышла бы изъ нея актриса! Съ нею рѣшительно никто не сравнится ни въ красотѣ, ни въ талантахъ.

Онъ раздумывалъ о томъ, какъ «чертовски счастливъ» будетъ тотъ, кто на ней женится. Много дали бы за нее на любой лондонской сценѣ, а потомъ остались бы еще въ запасѣ амераканскія сцены.

— Какими это вы заняты вычичленіями? — спросила Лицци, видя, какъ онъ высчитываетъ по пальцамъ. Что за глубокомысленныя соображенія занимаютъ моего ученаго опекуна?

— А вѣдь вамъ бы не угадать, какія,—сказалъ онъ, смѣясь.

— Не обо мнѣ ли дѣдо?—спросила она.

— О васъ.

— Знаю; вы считаете, сколько дней мы провели здѣсь, или сколько намъ остается еще провести.

— Нѣтъ, не угадали.

— Вы, можетъ быть, перечисляете вашихъ великосвѣтскихъ друзей, которыя будутъ шокированы моими выходками.

— Далеко нѣтъ. Мнѣ онѣ...

— Вамъ онѣ очень нравятся, диговорила она. Еще бы не нравились, когда эти опасныя штуки забавляютъ васъ. Публика всегда аплодируетъ канатному плясуну, который рискуетъ сломать себѣ шею. Вы были бы болѣе чѣмъ неблагодарны, если бы не защитили меня отъ порицаній. Но я облегчу это бремя благодарности; сознаюсь вамъ, что я дѣлаю все это на потѣху самой себѣ. Я, конечно, не желаю людямъ зла, но не могу не смѣяться надъ ними.

— Позвольте поблагодарить васъ отъ лица всего общества,—сказалъ онъ съ поклономъ.

— Вспомните, какъ мало знаю я то, что осмѣиваю, и извините мои недостатки неопытностью. Но что же вы это высчитывали по пальцамъ? Конечно, не мои недостатки, иначе учавствовали бы обѣ руки.

— Не знаю, могу ли я сказать вамъ это, хотя чувствую, что, узнавъ васъ поближе, я буду въ состояніи сказать вамъ все на свѣтѣ.

— Желала бы я знать, когда наступитъ это счастливое время. Это что?—спросила она, принимая отъ вошедшаго слуги поданную ей визитную карту.

— Графъ спрашиваетъ, можетъ ли ваша свѣтлость пронять его.

— Что? кто такой? — вскричалъ Бичеръ въ ужусѣ и удивленіи.

— Да,—просите;—сказала Лицци слугѣ.

— Милосердый Боже! что вы дѣлаете? Знаете ли вы этого графа? видали вы его?

— Никогда.

— И не слыхали о немъ?

— Никогда,—сказала она, забавляясь его ужасомъ.

— Но кто же? какъ онъ смѣетъ?

— Не дамъ,—сказала она, пряча за спиною карту, которую онъ покушался взять у нея;—это моя *тайна.*

— Невыносимо! вскричалъ Бичеръ:—что сказалъ бы отецъ, узнавъ, что вы принимаете незнакомыхъ людей? Совершенно незнакомый, Богъ вѣсть—кто.

Въ ту же минуту, какъ будто олицетрвореннымъ отвѣтомъ на его слова, въ комнату вошелъ изящно одѣтый господинъ, среднихъ лѣтъ и привлекательной наружности. Онъ прошелъ мимо Бичера съ полнѣйшимъ невниманіемъ, какъ будто мимо мебели, и подойдя къ Лицци, взялъ ее руку и почтительно поцѣловалъ. Она не только не возмутилась этою вольностью, но самымъ привѣтливымъ образомъ улыбнулась незнакомцу и указала ему мѣсто подлѣ себя на софѣ.

— Клянусь честью, это невыносимо! — вскричалъ Бичеръ и подошелъ къ гостю, стараясь придать себѣ мужества.

— Надѣюсь, вы понимаете по англійски?—спросилъ онъ плохимъ французскимъ языкомъ.

— Ни слова, возразилъ незнакомецъ. Я знаю только по англійски «all right» прибавилъ онъ, добродушно засмѣявшись и подражая тому, какъ англичане произносятъ это слово.

— Ну, довольно васъ мучить,—сказала Лицци, смѣясь,—читайте. Она протянула ему карту, гдѣ было написано рукою ея отца: «Прими графа; онъ разскажетъ тебѣ все.—С. Д.»

— Графъ Ліенштальǃ—я слыхалъ это имя, подумалъ Бичеръ. Видѣлъ онъ вашего отца? гдѣ онъ?—спросилъ онъ торопливо.

— Онъ все разскажетъ, если вы не будете мѣшать,—сказала Лицци, слушая графа, который разсыпался совершенно непонятными бѣдному Бичеру фразами.

Любопытство услышать то, что могъ сообщить ей гость, и удовольствіе говорить на любимомъ ею языкѣ заставили вскорѣ Лицци совершенно позабыть о Бичерѣ и исключительно заняться своимъ новымъ знакомымъ.

Полный, гладко выбритый, голубоглазый джентльменъ, съ добродушною физіономіею, сидѣвшій подлѣ Лицци, нимало не напоминалъ собою «континентальнаго графа.» Онъ не носилъ ни нашивокъ, ни усовъ; выраженіе лица его не грозило Священному Союзу и не показывало короткаго знакомства съ билліардомъ и рулеткою.

Это былъ человѣкъ веселаго, ровнаго нрава, съ кроткимъ улыбающимся лицомъ, будто ручавшимся за то, что съ нимъ никому не придется спорить. Мало было людей болѣе извѣстныхъ всей Европѣ,—но въ то же время, происхожденіе, родство, состояніе графа оставались для всѣхъ покрытыми мракомъ неизвѣстности. Одни говорили, что онъ изъ Помераніи; другіе, что онъ шведъ; третьи считали его русскимъ; а нѣкоторые увѣряли, что онъ изъ Далмаціи. Онъ былъ однако графъ, имѣлъ доступъ въ европейскіе кружки; былъ членомъ самыхъ избранныхъ клубовъ и друженъ съ тѣми, кто гордился разборчивостью въ дружбѣ. При всей образцовой аристократичности своихъ манеръ, онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ привѣтливостью и постоянною веселостью; онъ обладалъ неоцѣненнымъ даромъ сближать общество. Едва онъ показывался въ дверяхъ, какъ чувствовали, что скучный разговоръ оживился, что въ него внесенъ новый элементъ общительности. Вы понимали изъ ровныхъ, ласковыхъ пріемовъ графа, что его не собьетъ никакое высокомѣріе, не смутитъ никакая холодность. Молодымъ было весело, что пожилой человѣкъ снисходительно участвуетъ во всѣхъ ихъ забавахъ; пожилымъ было пріятно глядѣть, что ихъ ровесникъ танцуетъ, поетъ и играетъ лучше всякого молодого. Но онъ съ такимъ тактомъ употреблялъ свои таланты, что никому не приходило въ голову подозрѣвать его въ желаніи блеснуть ими. Это было чистѣйшее добродушіе; онъ танцевалъ, игралъ, чтобы потѣшить васъ; онъ находилъ тысячи случаевъ доставить вамъ удовольствіе, угодить,—и вамъ столь же мало приходило въ голову благодарить его, какъ благодарить солнце, за то что оно льетъ на васъ свой теплый свѣтъ. Такіе люди—*конфекты* человѣчества; они пріятны даже тѣмъ, кто не любитъ ничего пріятнаго.

Его средства къ жизни были извѣстны еще менѣе его происхожденія. Никто не зналъ его агентовъ и банкировъ; онъ не выигрывалъ въ картахъ и не имѣлъ недвижимой собственности; а между тѣмъ одѣвался и жилъ, какъ любой изъ аристократовъ. Онъ игралъ по небольшой и постоянно проигрывалъ. Лошадей

онъ страстно любилъ; но спортъ былъ для него удовольствіемъ а не спекуляціею,—какъ онъ говорилъ, по крайней мѣрѣ. Посмотрѣли бы мы, когда онъ обниметъ васъ за плечи и заговоритъ своимъ добросердечнымъ тономъ,—какой мужчина, а еще менѣе, женщина, не повѣрили бы ему?

Спортъ, какъ и бѣдность, сближаетъ съ самыми разнокалиберными личностями; этимъ объясняется знакомство (а можетъ и болѣе) графа съ Грогомъ Девисомъ. Они увидали другъ въ другѣ то, чего не доставало каждому изъ нихъ и, проведя часъ вмѣстѣ, скрѣпили тѣсную дружбу. Инстинктъ шепталъ имъ: «У насъ одинъ путь въ жизни,—пойдемъ же вмѣстѣ.» И товарищество имъ было весьма выгодно.

Графъ пріѣхалъ съ порученіемъ отъ Девиса, котораго онъ встрѣтилъ въ Трирѣ, и который просилъ дочь пріѣхать въ Карльс-руэ, гдѣ онъ ее ждалъ. Девисъ уполномочилъ графа объяснить Лицци, по своему усмотрѣнію, его внезапный отъѣздъ изъ Брюсселя и не допускать Аннеслея Бичера болтать ей что нибудь, по собственнымъ соображеніямъ.

Лицци нашла своего новаго знакомца «очень милымъ»; онъ превосходилъ составленный ею идеалъ свѣтскаго человѣка. Веселость его была неистощима и онъ постоянно имѣлъ на готовѣ какой нибудь проэктъ удовольствія. Въ противуположность Бичеру, который никого не зналъ, графъ, идя по улицѣ, безпрестанно раскланивался, жалъ руки, иныхъ цѣловалъ, перебрасывался привѣтствіями на всѣхъ языкахъ: «Ah! lieber Freund!—Come sta?—Addio!—Mon meilleur ami!—Казалось, весь свѣтъ населенъ только тѣми, кто его любитъ.

Что до Бичера, то не смотря на первоначальное недовѣріе, онъ вскорѣ подчинился вліянію обращенія, передъ которымъ никто не могъ устоять, хотя отношенія его съ графомъ ограничивались пожатіемъ рукъ и улыбками. Смѣшное восклицаніе графа: «All right», сопровождаемое дружескимъ ударомъ по плечу, заставляло Бичера сознаваться, что онъ добрый малый и «надежный».

Только одно тайное чувство подрывало его уваженіе къ графу, — онъ завидовалъ его вліянію на Лицци; онъ замѣчалъ ея удовольствіе, когда она разговаривала съ нимъ, ея радость когда онъ приходилъ, ея готовность пѣть и играть съ нимъ. Все это возбуждало въ Бичерѣ тяжелое, горькое чувство, хотя онъ спрашивалъ себя по двадцати разъ въ день: «Да тебѣ-то что до этого? Тебѣ-то какое дѣло до того, кто ей нравится? — Досада

Онъ почувствовалъ и ревность и опасенія. «Это худо кончится, не покидала его и стала его мученіемъ. Графъ дѣлалъ со всѣми, что хотѣлъ. Риверсъ, который не показалъ-бы Клиппера королевскому высочеству, заставлялъ его галопировать передъ графомъ; суровая хозяйка гостинницы разсыпалась передъ нимъ въ любезности и въ улыбкахъ; даже люди необразованнаго класса, наемные кучера, подкупленные его привѣтливостью, и тѣ на перерывъ старались услуживать ему.

— Завтра мы поѣдемъ въ Бисбаденъ, сказала Лицци Бичеру.

— Si, si, andiamo all right! вскричалъ съ смѣхомъ графъ и отъѣздъ былъ рѣшенъ.

ГЛАВА VII.

Иностранный графъ.

Прибытіе графа Ліеншталя въ Бисбаденъ было встрѣчено всеобщею радостью. «Теперь, дѣйствительно, откроется сезонъ. Теперь у насъ начнутся балы, пикники, скачки, parties de plaisir, водою и сушею! *Онъ* все это устроитъ.»

Такія восклицанія огласили Бисбаденъ при видѣ новопріѣзжихъ. Менѣе нежели черезъ полчаса, графъ успѣлъ уже побывать въ Бибсрихѣ, у герцога, перецѣловать руки у полдюжины высочествъ, сдѣлать визитъ первому министру и губернатору, — и вернулся къ обѣду сіяющій отъ благосклонности двора.

Но какъ ни велика была популярность Ліеншталя, однако явившись къ table d'hôte, онъ привлекъ на себя только малую часть общаго вниманія. Оно было поглощено красотою Лицци Девисъ, молва о которой уже разнеслась по городу. Желаніе видѣть ее дошло до безразсудныхъ размѣровъ, такъ что за мѣсто за столомъ предлагали огромныя цѣны, а одинъ вѣнскій щеголь заплатилъ слугѣ пять луидоровъ, за то чтобы тотъ уступилъ ему свою салфетку и предоставилъ ему прислуживать за столомъ, мѣсто себя. Бичеръ ни мало не обрадовался такому успѣху.

ворчалъ онъ про себя, и за кофеемъ явно выказалъ свое неудовольствіе.

— Eh, caro mio—all right? весело сказалъ графъ, обнялъ его за плечи.

— Нѣтъ, чортъ возьми! all wrong (*).

— Мнѣ это вовсе не нравится.

— Васъ шокируетъ вниманіе, которымъ удостоиваетъ меня здѣшняя публика? сказала Лицци, войдя въ комнату;—а что до меня, то признаюсь, это мнѣ нравится. Я нахожу это очень лестнымъ, очень пріятнымъ; но при всемъ томъ, немножко—немножко и дерзкимъ. Вы тоже такъ думаете?

Она сказала это съ такимъ чистосердечіемъ, что Бичеръ былъ побѣжденъ.

— Я не знаю континента такъ, какъ вашъ пріятель; я не считаю себя вправѣ давать вамъ совѣты, подобно ему,—но если вы сами спрашиваете моего мнѣнія, то я скажу вамъ: не обѣдайте внизу, не ходите на гулянья.

— Не постричься ли мнѣ въ монахини? Какъ вы думаете? Мнѣ кажется, я имѣю къ этому призваніе.

Сказавъ это, она обратилась къ графу и произнесла что-то по французски, отчего тотъ расхохотался.

Недовольный собою и ею, а еще болѣе недовольный непониманіемъ того, что при немъ говорилось, Бичеръ взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты. Онъ самъ того не подозрѣвалъ, что къ его непріятностямъ прибавилась новая: онъ ревновалъ. Человѣкъ рѣдко сознаетъ въ себѣ чувство ревности; онъ обыкновенно объясняетъ свое отвращеніе къ сопернику какими нибудь пороками послѣдняго. Въ такомъ настроеніи находился и Бичеръ, вышедши изъ дома и направившись за-городъ. Онъ чувствовалъ, что онъ ненавидитъ графа, но не могъ опредѣлить, за что Ліеншталь не нравится Бичеру. Онъ былъ веселъ, любезенъ, добродушенъ, никогда не горячился; характеръ его приспособлялся ко всѣмъ обстоятельствамъ. За что же его ненавидѣть? Ему было обидно, что Грогъ приставилъ къ дочери этого графа, не удостоилъ его, Бичера, ни одною строкою. — «А что, еслибы я теперь удралъ отъ нихъ,» — и онъ началъ раздумывать объ этомъ вопросѣ.

Настоящее положеніе его, дѣйствительно, не представляло ему ничего пріятнаго или лестнаго. Ему было очень хорошо извѣ-

---

(*) Очень скверно.

стно, что Лицци съ графомъ подтруниваютъ по французски надъ его англійскимъ невѣжествомъ въ иностранныхъ обычаяхъ. Онъ дошелъ до такого состоянія, что еще одна капля, и чаша переполнилась-бы, и онъ, бросивъ все, уѣхалъ бы одинъ въ Италію. Но ужасъ при мысли встрѣтиться когда нибудь съ Девисомъ связывалъ ею по рукамъ и по ногамъ. Грогъ неумолимъ, Грогъ никогда не прощаетъ!

Ему приходило иногда на мысль чистосердечно сознаться во всѣмъ своихъ проступкамъ Лакингтону, или даже этому страшному графу, который могъ бы тогда однимъ словомъ навсегда уничтожить честь и репутацію его фамиліи. Если бы онъ могъ вдохновиться мужествомъ до такой степени, то Лакингтонъ могъ бы еще разъ поставить его на ноги. Вѣдь больше ничего не остается дѣлать.

Странная сила логики заключается, для нѣкоторыхъ людей въ этихъ словахъ. Подобныя условныя фразы разомъ рѣшаютъ для нихъ тѣ вопросы, которые, при болѣе приличной фразеологіи, представили бы непреодолимыя затрудненія.

Бичеръ дошелъ до сосноваго лѣса, расположеннаго у подошвы горы, и погрузился въ его темныя тропинки. Мысли его были мрачнѣе этой темноты. Все чѣмъ онъ былъ, все что такъ легко давалось ему, все что представила ему жизнь, горько противорѣчило тому, что онъ сознавалъ. Совѣсть, правда мало прибавляла къ его настоящимъ страданіямъ; онъ былъ чистосердечно убѣжденъ, что во всемъ виноваты другіе, а не онъ. Одни втянули его въ одно, другіе въ другое. Онъ припоминалъ себя честнымъ, великодушнымъ, довѣрчивымъ, а міръ, — этотъ міръ, съ Теттерсолемъ, Гудвудомъ, Аскотомъ, былъ ничто иное, какъ притонъ мошенниковъ и воровъ.

Еслибы Лакингтонъ отправилъ его куда нибудь далеко,—напримѣръ хоть въ Бразилію, въ Лиму,—онъ зналъ, что только гдѣ нибудь очень далеко ему удастся избѣжать преслѣдованій Грога Девиса,—съ какимъ презрѣніемъ сталъ бы онъ тогда думать объ этомъ страшномъ Грогѣ! Они—онъ затруднялся сказать, кто именно,—они не отказали бы исполнить желаніе Лакингтона. Лакингтонъ конечно завелъ бы старую пѣсню о честныхъ людяхъ, но гдѣ они нынче. «Возмите адресъ-календарь, сказалъ Бичеръ вслухъ, читайте мнѣ по порядку имена, и я разскажу вамъ частную жизнь и поступки каждаго. Вы увидите, что всѣ эти Локвуды, Гейтаны, Берклеи, Мельтоны и др. перещеголяли меня. Нѣтъ, нѣтъ, въ общественной жизни они должны сдѣлать то же, что

тотъ сержантъ шотландской гвардіи, который сказалъ мнѣ на дняхъ, что теперь трехвершковыхъ не подберешь, такъ пришлось довольствоваться и малыми».

Должно быть, эти размышленія подѣйствовали на него утѣшительно, потому что онъ пошелъ бодрѣе и приподнялъ голову. Онъ незамѣтно ушелъ за нѣсколько миль отъ города и очутился въ самомъ густомъ мѣстѣ лѣса. Вдругъ на пересѣкавшей его узкой тропинкѣ раздался ровный топотъ скачущей лошади. Изъ-за перегиба дороги показался темный предметъ, и Бичеръ, чтобы дать дорогу, свернулъ въ кусты, которые совершенно скрыли его изъ вида. Едва онъ успѣлъ это сдѣлать, какъ мимо него во весь галопъ пронеслась лошадь, и онъ узналъ Клиппера. На ней сидѣлъ Риверсъ, опустивъ руки, какъ во время скачки. Бичеръ вспомнилъ, что грумъ въ то самое утро говорилъ ему, что лошадь не совсѣмъ здорова, или устала, а вотъ она несется въ полномъ здоровьи и въ лучшемъ видѣ. Достаточно было бы десятой доли всего этого, чтобы возбудить подозрѣнія въ умѣ Бичера, не подкупленъ ли Риверсъ? Вотъ его, Аннеслея Бичера, теперь припрячутъ, «пришпилятъ». Ему не пришло въ голову, какъ безплодна была бы такая мѣра для его враговъ,—какъ будто какими нибудь уловками въ мірѣ изъ него можно было что нибудь выжать. Самолюбіе не допускало его понять этого, и онъ рѣшился выжидать, что будетъ далѣе. Онъ недолго ждалъ; на поворотѣ тропинки, гдѣ скрылась лошадь, показались двое всадниковъ, медленно приближавшихся къ тому мѣсту, гдѣ скрывался Бичеръ. Онъ замѣтилъ, что у нихъ шла конфиденціальная бесѣда. Въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ графа, въ другомъ, къ крайнему своему удивленію, Спайсера, о прибытіи котораго въ Висбаденъ онъ ничего не слыхалъ. Они такъ тихо ѣхали, что онъ разслышалъ нѣсколько словъ изъ ихъ разговора, хотя и сказанныхъ по французски. Прежде всего онъ былъ пораженъ своимъ собственнымъ именемъ, произнесеннымъ графомъ.

— C'est un pauvre gaillard Beecher, сказалъ графъ; не понимаю, какая намъ польза въ немъ.

— Девисъ его любитъ, или по крайней мѣрѣ, этотъ Бичеръ нуженъ ему,—отвѣтилъ Спайсеръ;—вотъ довольно. Положитесь на Бичера, онъ никогда не ошибается.

Графъ засмѣялся, но отвѣтъ его потерялся въ отдаленіи.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде нежели Бичеръ рѣшился выйти изъ засады и вернуться въ городъ. Главнымъ свойствомъ, его характера была подозрительность. Это единственный урокъ

который онъ вынесъ изъ жизни. Каждую ошибку, каждое постигавшіе его несчастіе онъ приписывалъ своей чрезмѣрной довѣрчивости, которая, по его мнѣнію, испортила всю его жизнь. Спайсеръ сказалъ, что онъ, Бичеръ, нуженъ Девису. Чтобы это могло значить? Просто то, что Девисъ видитъ въ немъ не товарища, а удобное орудіе. Какое оскорбленіе! онъ, онорабль Аннеслей Бичеръ, служилъ только передовымъ пикетомъ въ корпусѣ Грога Девиса!

Золба его возрастала по мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ. Рана, нанесенная его самолюбію, пришлась въ самое чувствительное мѣсто. Такъ вотъ для чего онъ пожертвовалъ друзьями, карьерою, положеніемъ въ обществѣ! Какъ часто, въ минуты мрачнаго раздумья, онъ утѣшался мыслью, что Грогъ Девизъ понимаетъ и цѣнитъ его! «Спросите у Грога, глупъ ли я», съ гордостью говорилъ онъ, когда кто нибудь сомнѣвался въ его проницательности. Бичеръ всегда смотрѣлъ на ловкаго плута, какъ на счастливѣйшаго изъ смертныхъ, а на дурака, котораго надуваютъ, какъ на самаго злополучнаго изъ людей, на мѣстѣ котораго онъ сошелъ бы съ ума.

— Нѣтъ, никогда не удастся имъ сказать, что они «провели» Аннеслея-Бичера,—говорилъ онъ, волнуясь негодованіемъ.

Конечно, найдутся мѣста въ Германіи, или въ Италіи, гдѣ человѣкъ можетъ жить безопасно. Онъ сталъ припоминать всѣ средства, какія употребляются для измѣненія наружности. Гоуардъ Венъ носитъ парикъ, бакенбарды, которыя сдѣлали его неузнаваемымъ для родной матери; Крафтонъ Кемпбель ищетъ съ инспекторомъ Фильдомъ самого себя, благодаря накладному носу. Удивительно, какъ много дѣлаетъ каждый день наука для человѣческаго счастія.

Планъ, составленный Бичеромъ, представлялъ нѣкоторыя затрудненія. Во первыхъ, у него не было денегъ. Девисъ далъ ему только на дорогу и онъ жилъ въ гостинницѣ въ долгъ. Это было серьезнымъ затрудненіемъ; но оно такъ часто встрѣчалось въ жизни Бичера, что онъ перестал придавать ему ту важность, какую придаютъ ему другіе. «Деньги всегда можно найти», было закономъ его философіи; весь вопросъ былъ въ находчивости и въ ловкости человѣка. Ахенъ городъ большой, населенный иностранцами, и по всѣмъ вѣроятіямъ представляющій всѣ условія цивилизаціи,—т. е. жидовъ, растовщиковъ и пр.— Въ такихъ случаяхъ, предпочтеніе обыкновенно отдается содержателю гостиницы. Онъ конечно не откажетъ дать взаймы нѣ-

сколько сотъ франковъ человѣку, явившемуся къ нему съ такимъ богажемъ, какъ Бичеръ. Одинъ Клипперъ стоитъ въ десятеро болѣе, нежели сколько Бичеру нужно занять. Говорить ли о томъ, какъ онъ возвысился въ собственномъ мнѣніи, составивъ такой планъ? Онъ доказывалъ его смѣтливость, этотъ пробный камень человѣчества, по мнѣнію Бичера. Потомъ онъ сталъ перебирать всѣ коментаріи, которымъ подвергнется его отъѣздъ,—бѣшенств Грога, удивленіе Спайсера и графа;—наконецъ, онъ дошелъ до Лицци, и тутъ невольная краска стыда покрыла его лицо. Что она подумаетъ, какъ она объяснитъ себѣ его побѣгъ, какое составитъ о немъ мнѣніе?

ГЛАВА VIII.

Сельскій визитъ.

Теперь вернемся въ эрмитажъ и взглянемъ на мирную жизнь тѣхъ, кто поселился въ немъ. Конечно, путешественнику, взглянувшему съ гленгаррифской дороги на эту дачу, потонувшую въ зелени, изъ которой выглядывали только стѣны ея, обвитыя плющемъ, тотчасъ явилась бы мысль объ удаленіи отъ свѣта и его треволненій. Весь пейзажъ, растилавшійся отъ небольшого залива, ровно ударявшаго волною о пески, до пурпуровыхъ горъ, виднѣвшихся позади, навѣвалъ на душу миръ и тишину. Какъ отрадно, подумали бы вы, жить среди такихъ красотъ природы въ безмятежномъ покоѣ, не волнуясь ни честолюбіемъ, ни горькими ошибками! А между тѣмъ, это было вовсе не такъ; повсюду, гдѣ бьется человѣческое сердце, вы найдете страсти, надежды, опасенія. Подъ этою мирною кровлею скрываются всѣ элементы жизненной борьбы, и возвышенныя стремленія, и низкіе помыслы, и любовь, и страхъ, и ревность, и жадность къ деньгамъ, точно также, какъ и среди населенныхъ улицъ.

Сибелла Келлетъ уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ поселилась на

этой дачѣ. Она сблизилась съ леди Августою, на сколько можно близиться съ гордой аристократкой. Будь миссъ Келлетъ постарше, не столь мила и не столь граціозна, то, смѣемъ увѣрить, леди Августа была бы не менѣе довольна ею. Она подозрѣвала, что мистеръ Дённъ не совсѣмъ понялъ смыслъ ея письма, или «не обратилъ вниманія на ея требованія». Привлекательная наружность вовсе не входила въ поставленныя ею условія. Милорда также удивила эта рекомендація «единственной дѣвушки», которой было не болѣе двадцати лѣтъ, которая, слѣдовательно, не могла имѣть требуемыхъ имъ познаній.

Но достаточно было двухъ мѣсяцевъ для доказательства отцу и дочери, что они ошибались. Сибелла не только приняла на себя огромную корреспонденцію, но составляла отчеты, проекты и входила въ сложныя финансовыя подробности, съ такимъ толкомъ и знаніемъ дѣла, что заслуживала похвалы отъ различныхъ обществъ, съ которыми входила въ сношенія. Гленгаррифская компанія Джойнтъ-Стокъ, съ полумильономъ капитала, заняла видное мѣсто на столбцахъ газетъ; въ иллюстрированныхъ листкахъ появились рисунки, снятые съ этой мѣстности; въ періодическихъ изданіяхъ печатались умныя статьи, привлекавшія вниманіе публики на проектъ, который долженъ былъ сдѣлать Ирландію благословенною страною. Втянувшись въ это дѣло, Сибелла Келлетъ трудилась надъ нимъ неутомимо.

Она уже представляла себѣ то время, когда населеніе скромной деревеньки, въ настоящее время, терпѣвшее крайнюю нищету, сдѣлается достаточнымъ и счастливымъ. Надо было возбудить рыболовство, — источникъ богатствъ,—устроить больницы, открыть сообщенія съ богатыми, англійскими рынками. Сибелла открыла въ сосѣдствѣ слѣды свинцовой руды и написала Дённу, чтобы онъ прислалъ свѣдущаго человѣка, для разработки этого металла. Эта промышленная дѣятетьность соединялась съ практическимъ умомъ, находившимъ удовлетвореніе каждому новому требованію и работавшимъ непрерывно. Старый лордъ, убѣдившись въ ея находчивости, предоставилъ ей осуществленіе всѣхъ своихъ плановъ и во всемъ сообразовался съ ея мнѣніемъ. Онъ впрочемъ очень хорошо понялъ, что ее вдохновляла въ этомъ дѣлѣ филантропія, а не барыши. Она имѣла въ виду образованіе народа, облегченіе его нищеты, воспитаніе его дѣтей, заботы о больныхъ. «Какой урокъ дадимъ мы всей Ирланію, если дѣло наше удастся! восклицала она постоянно. Какое торжество будетъ для насъ, когда Гленгаррифъ сдѣлается образцовою школою

для всего государства!» Поддерживаемая своими надеждами, она уже предвкушала это торжество и находила, что день слишкомъ коротокъ для всѣхъ ея занятій. Даже леди Августа заразилась ея энтузіазмомъ, хотя и сдерживала его осторожнымъ замѣчаніемъ: «Что-то скажетъ объ этомъ мистеръ Дённъ? Любопытно слышать его мнѣніе».

Насталъ день, когда это желаніе должно было удовлетвориться. Почтальонъ принесъ краткую, но подѣйствовавшую на всѣхъ записку, извѣщавшую, что мистеръ Дённъ пріѣдетъ къ обѣду въ эрмитажъ.

Лордъ Гленгаррифъ былъ бы крайне обиженъ, еслибы кто нибудь заподозрилъ его въ тревожномъ ожиданіи прибытія Дённа, а между тѣмъ, мы, краснѣя, сознаемся, что это было именнно такъ.

«Конечно, Дённъ никогда не забываетъ, кто онъ такой, никогда не преступаетъ должныхъ границъ»,—повторялъ себѣ въ утѣшеніе благородный лордъ; но сильныя опасенія продолжали томить его; плохое пришло время, когда люди изъ сословія Дённа могутъ пріобрѣтать такое вліяніе въ обществѣ. Трудно было лорду рѣшить, какъ ему съ нимъ обращаться. Холодное достоинство оттолкнетъ, пожалуй, всякое довѣріе, а фамильярность еще опаснѣе, потому что ею какъ будто признается превосходство положенія Дённа. Впрочемъ, люди столь же важные, даже поважнѣе его милости, приглашали Дённа къ обѣду. Передъ нимъ открывались двери самыхъ недоступныхъ домовъ Пиккадилли, и напудренные лакеи въ Паркъ-Ленѣ звали «карету мистера Дённа.» Онъ пользовался репутаціею патрона всей Ирландіи, и тѣ, на чью долю выпадали милости, разумѣется, не скрывали, кому они ими обязаны. Правительство великой державы обыкновенно бываетъ окружено такимъ же таинственнымъ обаяніемъ, какъ древняя религія грековъ, такъ что министры, подобно жрецамъ и авгурамъ, кажутся неравными намъ—слабымъ смертнымъ, а благодѣтелями человѣчества и раздавателями земныхъ благъ. Точно такое же обаяніе окружало и Дённа. Онъ представлялъ смѣсь какой-то таинственности съ скромностью, но при видимомъ желаніи, чтобы вы не вѣрили ни той, ни другой. Сила, сквозившая изъ-подъ этой наружной скромности, оскорбляла лорда Гленгаррифа и выводила его изъ себя во всѣхъ его сношеніяхъ съ Дённомъ.

Но взглянемъ на леди Августу. Зачѣмъ это она такъ разрядилась въ этотъ день? Правда, что нарядъ ея непышный и недорогой, но она видимо изучила его и была въ немъ положительно

красива. Она припомнила о нѣкоей фуксіи, бывшей, давно когда-то, у нея въ волосахъ, и теперь, конечно, просто изъ прихоти, воткнула такую же въ ихъ черныя массы, никогда не отличавшіяся шелковистостью. Ея спокойныя, холодныя черты приняли болѣе мягкое выраженіе; голосъ сталъ тише и нѣжнѣе. Горничная не понимала, что съ нею. Леди Августа стала такъ внимательна, что освѣдомилась о здоровьи ея больной бабушки. Этотъ солнечный лучь доказываетъ только, что самая холодная природа оживляется подъ ясными небесами.

А что же Сибелла? Блѣдная, печальная, одѣтая въ траурѣ, она, впрочемъ, тоже обрадовалась предстоящему посѣщенію, и слабая краска покрыла ея блѣдныя щеки. Она была очень рада, что мистера Дённа ожидаютъ. «Ей нужно было поблагодарить его за многое,—за его скорые отвѣты на ея письма, за его расположеніе къ бѣдному Джеку, къ которому онъ неоднократно писалъ въ Horse Gvards; не говоря ужъ о словахъ ободрѣнія и надежды, которыя говорилъ онъ ей самой. Да, конечно, онъ ея другъ—можетъ, ея единственный другъ во всемъ мірѣ».

Они собрались въ гостинной, прислушиваясь съ безспокойствомъ ко всякому звуку, который возвѣстилъ бы о прибытіи великаго человѣка. Три окна въ гостинной открыты; они выходятъ на роскошный лугъ, усыпанный тамъ и сямъ гвоздиками и спускающійся къ маленькой рѣчкѣ съ моста, черезъ которую открывается видъ на гленгаррифскую дорогу; на это-то мѣсто каждый молчаливо поглядывалъ, и потомъ съ притворною небрѣжностью оборачивался назадъ, не произнося ни слова.

— Мы ждемъ мистера Дённа, Августа, не правда ли? спросилъ лордъ Гленгаррифа, какъ будто эта мысль только что теперь пришла ему въ голову въ первый разъ.

— Да, отвѣчала она съ важностью; онъ обѣщалъ быть у насъ сегодня на обѣдѣ.

— Увѣрена ли ты, что онъ назначилъ именно сегодняшній день,—сказалъ лордъ Гленгаррифъ, съ притворнымъ равнодушіемъ въ голосѣ.

— Объ этомъ миссъ Келлетъ можетъ сообщить намъ съ достовѣрностью.

— Онъ сказалъ, что будетъ въ четвергъ, къ обѣду, отвѣчала она, удивленная этою притворной забывчивостью.

— Человѣкъ, который самъ даетъ обѣщанія, долженъ исполнять ихъ. Ужъ пять минутъ прошло послѣ полчаса, сказалъ Гленгаррифъ, посмотрѣвши на свои часы.

— Я подозрѣваю, что вы немного голодны, замѣтила леди Августа.

— Наконецъ-то! Мнѣ послышалось хлопанье бича почтальона, воскликнула Сибелла, когда она вышла за двери прислушаться. Леди Августа послѣдовала за ней и стала возлѣ нее.

— Вы, по видимому, съ нетерпеніемъ ожидаете пріѣзда мистера Дённа. Развѣ онъ такой близкій другъ вашъ, миссъ Келлетъ? сказала она, смѣло и быстро глядя на нее своими черными глазами.

— Онъ былъ добрымъ другомъ моего отца, а послѣ его смерти онъ оказывалъ неменьшее расположеніе ко мнѣ. Да, я теперь слышу совершенно ясно конскій топотъ. Вы слышите, леди Августа?

— Въ чемъ же обнаруживалась эта доброта — въ отношеніи васъ? сказала леди Августа, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Въ совѣтахъ, указаніяхъ, въ великодушномъ ходатайствѣ, которое доставило мнѣ мое настоящее мѣсто здѣсь, не говоря уже о духѣ его писемъ ко мнѣ.

— Такъ вы ведете переписку съ нимъ? спросила она, внезапно краснѣя.

— Да, отвѣчала Сибелла, смотря прямо въ глаза леди Августѣ. Онѣ простояли такимъ образомъ нѣсколько секундъ, когда наконецъ леди Августа сказала съ слабымъ, едва замѣтнымъ движеніемъ нетерпѣнія:

— Я не замѣтила... я хотѣла сказать, что я не помню, чтобы вы сообщили мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ.

— Я сообщила бы вамъ, если бы я думала, что это будетъ сколько нибудь интересно для васъ, сказала Сибелла спокойно. Ну вотъ и коляска показалась! Я знала, что не ошиблась.

Леди Августа ничего не отвѣчала и поспѣшно вернулась домой. Белла постояла еще нѣсколько секундъ и послѣдовала за ней.

Не успѣлъ еще экипажъ мисстера Дённа подъѣхать къ мостику черезъ рѣчку, какъ Лордъ Гленгаррифъ распорядился подавать обѣдъ.

— Это будетъ служить ему упрекомъ, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ, сказалъ онъ,—когда онъ, войдя, увидитъ супъ на столѣ.

Въ этомъ заключалось нѣчто болѣе, чѣмъ простое движеніе раздраженія. Его сіятельство считалъ это тонкимъ маневромъ политики, посредствомъ котораго неловкій и конфузящійся Дённъ былъ бы поставленъ въ невыгодное положеніе, такъ какъ любимая те-

орія лорда Гангаррифа была та, что этотъ народъ нестерпимъ, если чувствуетъ себя нисколько нестѣсненнымъ.

О, милордъ, ваша память рисовала вамъ бѣднаго гувернера двадцать лѣтъ тому назадъ, осыпаемаго насмѣшками за неловкія манеры и неуклюжее платье, человѣка, который былъ угрюмъ, если его забывали, и сердился, если съ нимъ говорили:—таковъ былъ Девенпортъ Дённъ вашихъ мыслей. Вотъ та самая дверь, въ которую онъ, конфузясь, входилъ, чтобы пробраться въ другую сторону стола, гдѣ онъ обѣдалъ подъ градомъ насмѣшекъ. Какъ же мало вы были приготовлены встрѣтить того, чей самоувѣренный голосъ ужъ былъ слышенъ за дверями отдающимъ приказанія своему слугѣ, и кто теперь вошелъ въ гостиную со всею непринужденностью свѣтскаго человѣка.

— А, Дённъ, очень счастливъ видѣть васъ здѣсь. Надѣюсь, что съ вами ничего не случилось, чтобы могло задержать васъ, сказазъ лордъ Гленгаррифъ, встрѣчая его съ поддѣльнымъ равнодушіемъ, и не дожидая отвѣта, продолжалъ: моя дочь, леди Августа—ваша старая знакомая, если вы еще не забыли ее. Съ миссъ Келлетъ вы уже знакомы.

Мистеръ Дённъ низко поклонился два раза леди Августѣ, а потомъ, пройдя черезъ комнату, крѣпко пожалъ руку Сибеллѣ.

— Какъ вы находите дороги, Дённъ, спросилъ его сіятельство, страстный охотникъ до похвалы, я боюсь, что очень дурны въ это время года.

— Отличныя дороги, милордъ, и превосходнѣйшія лошади. Мы давно ужъ ѣздимъ такъ, что неповоротливыя почты на континентѣ пришли бы въ неописанное удивленіе, если бы вы узнали нашъ образъ ѣзды.

— Кушанье подано, милордъ, сказалъ буфетчикъ, растворяя обѣ половинки двери.

— Не угодно ли вамъ, Дённъ, подать вашу руку леди Августѣ, сказалъ лордъ Гленгаррифъ, предлагая свою собственную миссъ Келлетъ.

— Мы перемѣнили столовую, мистеръ Дённъ, сказала леди Августа, когда они шли туда, потомъ прибавила: давно минувшее время!

— И хорошо сдѣлали, замѣтилъ онъ непринужденно, окинувъ взглядомъ огромный и высокій апартаментъ, въ который они теперь вошли. Прежняя столовая была съ нижнимъ потолкомъ и мрачная.

— Развѣ вы помните ее? спросила она съ любезной улыбкой.

— Отличная память не оставляла меня во всю жизнь, леди Августа, отвѣчалъ онъ. А потомъ, замѣтивъ увеличивающійся румянецъ на ея щекахъ, спокойно прибавилъ: эта способность рѣдко наводила меня на такія пріятныя воспоминанія, какъ настоящее.

Столъ лорда Гленгаррифа былъ хорошимъ образчикомъ деревенской жизни. Всѣ припасы были превосходны и поворъ довольно хорошъ. Вина были отборныя; знатокъ полюбопытствовалъ бы узнать о числѣ ихъ лѣтъ. Но мистеръ Дённъ ѣлъ умѣренно и пилъ мало. Онъ прожилъ 40 лѣтъ, не сдѣлавшись гастрономъ; а послѣ этихъ лѣтъ человѣкъ не чувствуетъ склонности къ эпикуреизму. Его сіятельство замѣтилъ не безъ тайнаго неудовольствія, какъ отклонили его любимую лососину, какъ отослали почти не попроб6бвавши его чудесный соусъ,—и о ужасъ! увидалъ, что его кларетъ 1815 г. мѣшаютъ съ водой, какъ будто бы это было petit Bordeau въ швейцарскомъ table d'hôte.

— Мистеръ Дённъ не имѣетъ никакого аппетита къ нашему скудному деревенскому столу, Августа, сказалъ лордъ Гленгаррифъ; ты должна завтра поводить его по скаламъ, и заставить подышать рѣзкимъ гленгаррифскимъ воздухомъ. Тогда онъ проголодается.

— Извините, милордъ, хотя я принимаю съ благодарностью предлагаемое лекарство, но оно меня не вылечитъ. Я всегда мало ѣмъ.

— Разскажи ему о Беверли, Августа, — разскажи ему о Беверли, сказалъ милордъ.

— О, это былъ простой случай, похожій на вашъ, сказала она, запинаясь, и по всей вѣроятности отъ той же причины. Герцогъ Беверли, человѣкъ чрезвычайно много работающій, какъ вы знаете, каждый день являющійся въ Даунингъ-Стритъ въ 10 ч. и сидящій тамъ до самой ночи,— пріѣзжалъ сюда два года назадъ тому провести нѣсколько недѣль съ нами; онъ былъ очень худъ на видъ, не ѣлъ ничего, т. е. не заботился ни очемъ; напрасно истощили мы всю свою изобретательность въ кухонномъ искуствѣ, чтобы соблазнить его; сидитъ, бывало, за столомъ и также, какъ вы, старается убѣдить насъ, что обѣдаетъ, хотя на самомъ дѣлѣ ни до чего не дотрогивается. Въ крайнемъ отчаяніи, я наконецъ рѣшилась испытать, что могутъ сдѣлать вольный воздухъ и прогулка.

— Она хочетъ сказать—трудныя восьми-часовыя прогулки каж-

дый день,—прибавьте къ этому гористую мѣстность и охотничій образъ хожденія.

— Что же, сознайтесь, вѣдь мое лекарство помогло, сказала она съ торжествующимъ видомъ.

— Совершенно правда. Герцогъ возвратился въ городъ, помолодѣвши 15 годами. Никто не узнавалъ его; королева не узнала его. И до сихъ поръ онъ говоритъ: если на меня нападетъ когда нибудь хандра, я знаю, какъ мнѣ можетъ помочь Гленгаррифъ.

Очень понятно, что Девенпортъ Дённъ слушалъ съ большимъ интересомъ эту маленькую исторію, потому что героемъ ея былъ герцогъ и министръ.

Безъ всякаго сомнѣнія, маленькія непріятности жизни, незначительное разстройство желудка и т. п., переносятся легче, когда мы знаемъ, что они постигаютъ также лордовъ и аристократовъ, не *насъ съ вами*, дорогой читатель,—но Девенпортъ Дённовъ этого міра, объ одномъ изъ которыхъ мы теперь разсказываемъ. Ему пріятно было чувствовать, что онъ имѣлъ не только герцогскую болѣзнь, но что его и лечить будутъ также, какъ лечили его свѣтлость. Поэтому онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, когда леди Августа начала описывать различныя мѣстности, которыя они посѣщали съ герцогомъ; разсказывать, о томъ, что его свѣтлость любилъ плавать въ такомъ-то рукавѣ озера, любилъ всходить на такую-то гору. «Впрочемъ вы сами увидите, мистеръ Дённъ, прибавила она съ улыбкой; я приглашаю васъ на завтрашній день, послѣ завтрака». Съ этими словами она встала и, въ сопровожденіи Сибеллы, ушла въ гостинную. Дённъ хотѣлъ было послѣдовать за ними, но лордъ Гленгаррифъ воскликнулъ: «я человѣкъ стараго покроя, Дённъ, и долженъ просидѣть полчаса за бутылкой, прежде чѣмъ присоединиться къ дамамъ.

Мы не станемъ объяснять, какъ это случилось, что Дённъ сдѣлался болѣе веселъ, доволенъ и болѣе въ духѣ, чѣмъ при началѣ обѣда, но это такъ было; и когда онъ выпилъ стаканъ кларету, онъ разчувствовался и сталъ увѣрять себя, что онъ преувеличивалъ себѣ непріятности этого визита, и что всѣ были добрѣе, любезнѣе и естественнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Шутки въ сторону, сказалъ лордъ, Августа права. Вамъ необходимъ отдыхъ — совершенный покой; не читать и не писать ни одного письма въ теченіи трехъ недѣль, не заглядывать въ газету, не получать ни одной телеграфической депеши.

Позвольте намъ попробовать, не можетъ ли Гленгаррифъ доставить вамъ такой отдыхъ.

— Ваше мнѣніе слишкомъ лестно, милордъ; и дѣйствительно кто нибудь другой — я разумѣю такого, котораго виды были бы честны и намѣренія благородны, — можетъ продолжать дѣло, которое я началъ. Въ этомъ нѣтъ никакого секрета, никакой тайны.

— Полноте, вы черезъ-чуръ скромны. Мы всѣ знаемъ, что только ваша голова можетъ заправлять всѣми нашими великими операціями. Могли бы вы сказать точное число тѣхъ компаній, въ которыхъ вы директоромъ?

— Мнѣ страшно выговорить, отвѣчалъ Деннъ, улыбаясь.

— Конечно, страшно. Удивительно, непостижимо просто, какъ вы выносите. Вы конечно рано встаете?

— Да, милордъ, въ пять часовъ лѣтомъ, а зимой развожу огонь и сижу у конторки до восьми, — въ это время я оканчиваю мою дѣловую кореспонденцію. Потомъ выпиваю чашку чаю съ маленькимъ буттербродомъ. Это мое приготовленіе къ политическимъ вопросамъ, которыми я обыкновенно занятъ до 11. Отъ 11 до 3 я принимаю депутаціи — старшинъ компаній и т. п. Потомъ сажусь на лошадь, если погода позволяетъ, и гуляю въ Лоджѣ до обѣда. Когда я одинъ, мой обѣдъ очень скромный. Послѣ обѣда начинается настоящее дневное занятіе. Сонъ, продолжающійся не болѣе 20 минутъ, освѣжаетъ меня, и тогда я принимаюсь со всей энергіей за свое дѣло. Въ эти спокойные часы — потому что я въ это время не принимаю рѣшительно никого — мой умъ, неразвлекаемый ничѣмъ, ясенъ и нестѣсненъ, и я могу работать безъ всякаго утомленія, за полночь; случалось, что утро заставало меня за работой, и я не замѣчалъ этого.

— Никакое здоровье, никакое тѣлосложеніе не выдержало бы, Дённъ, — сказалъ лордъ Гленгаррифъ, голосомъ, въ которомъ чрезвычайно искусно выражено было глубочайшее участіе.

— Люди, просто подставныя лошади на большой дорогѣ жизни; если одинъ падетъ или сдѣлается неспособнымъ, является другой свѣжій, готовый занять его мѣсто.

— Очень можетъ быть — очень можетъ быть въ массѣ случаевъ; но есть исключительные люди, Дённъ, люди, которые... которыхъ способности такъ отлично приспособлены къ вѣку, въ которомъ мы живемъ — вы понимаете меня? — Люди de la situation, какъ говорятъ французы. Здѣсь его сіятельство почувствовалъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, и не былъ увѣренъ

удастся ли ему возвратиться назадъ цѣлымъ и невредимымъ, какъ вдругъ, сдѣлавши отчаянный прыжокъ, онъ сказалъ:—Уашингтонъ былъ одинъ изъ этихъ людей, Луи-Наполеонъ — другой, а вы — я, скажу не колеблясь, — вы также можете служить примѣромъ подобнаго рода людей.

Блѣдное лицо Дённа вспыхнуло, и онъ пробормоталъ нѣсколько отрывочныхъ словъ умоляющаго свойства.

— Я знаю, что обстоятельства различны. Вы не имѣете цѣли революціонизировать страну, но вы предприняли благородное и трудное дѣло—преобразовать ея соціальное состояніе: воздвигнуть изъ разрушенныхъ матеріаловъ обанкрутившагося народа элементы національнаго богатства и величія. Я не позволю, сэръ, никому говорить, что эта попытка менѣе смѣла, чѣмъ та. И вамъ не отъ кого ждать помощи въ этомъ дѣлѣ; вы должны полагаться только на вашу свѣтлую голову и смѣлый духъ.

— Милордъ, прервалъ Дённъ голосомъ, нелишеннымъ волненія, вы преувеличиваете и мой трудъ, и мои способности. Я увидѣлъ, что арендаторы ирландской собственности не были ея владѣльцами, и рѣшилъ, что они должны быть. Я увидѣлъ, что народъ не предусмотрителенъ, и далъ ему банки. Увидѣлъ, что страна не производительна по недостатку капиталовъ, — и установилъ начало займовъ для дренажа и другихъ улучшеній. Я замѣтилъ, что наша почва и климатъ благопріятны для нѣкоторыхъ родовъ растеній и вѣроятно не благопріятны для нѣкоторыхъ другихъ,—я популяризовалъ эту науку.

— И вы называете это ничѣмъ! Гдѣ же, сэръ, тотъ государственный человѣкъ, который могъ бы указать на подобный списокъ изданныхъ имъ законовъ. Самъ Пилъ не оставилъ послѣ себя такого законодательства.

— Вы слишкомъ льстите, милордъ, — слишкомъ льстите. И Дённъ пилъ по немногу вино и смотрѣлъ внизъ. — Кстати, милордъ, сказалъ онъ послѣ небольшой паузы, какъ оправдалась моя рекомендація насчетъ миссъ Келлетъ?

— Очень замѣчательная дѣвушка, чрезвычайно даровитая особа,—высокопарно сказалъ старый лордъ:—правда, что нѣкоторыя ея идеи проникнуты той сентиментальной филантропіей, которой теперь у насъ заражены, стремленіемъ находить всѣ добродѣтели—въ лохмотьяхъ и всѣ пороки—въ пурпурѣ; но за исключеніемъ этого, она обладаетъ очень высокимъ умомъ. Она происходитъ отъ хорошей фамиліи?

— Какъ нельзя болѣе хорошей. Келлеты не уступали никому изъ джентри въ этомъ графствѣ.

— И лишились всего?

— Небольшой клочекъ земли остался, но на него такъ много притязаній и процессовъ, что я не рѣшусь сказать, могутъ ли они назвать себя владѣльцами хоть одного акра земли.

— Бѣдная дѣвушка! Трудное положеніе, очень трудное. Мы очень любимъ ее, Дённъ. Моя дочь находитъ ее хорошей компаньенкой; ея услуги неоцѣнены. Всѣ тѣ рисунки, которые вы видѣли, сдѣланы ея рукой.

— Я замѣтилъ, какое рвеніе и понятливость она выказываетъ, сказалъ Дённъ, нежелавшій дать разговору перейти на любимую тему Гленгаррифа; — я также замѣтилъ, какую благодарность она чувствуетъ за доброту, которую ей оказываютъ въ вашемъ домѣ.

— Такъ и должно быть, Дённъ, и я очень радъ слышать это. Безъ всякаго хвастовства скажу, что моя дочь и я, мы стараемся дать ей почувствуетъ, что ея положеніе нестолько положеніе подчиненнаго, сколько... сколько друга.

— Я ничего меньшаго и не ожидалъ отъ вашего сіятельства и отъ леди Августы, сказалъ Дённъ серьезно.

— Да, да; вы знали Августу прежде; вы можете оцѣнить ея высокой умъ и благородный характеръ, хотя, мнѣ помнится, она была еще ребенкомъ, когда вы увидѣли ее въ первый разъ.

— Да, очень молода была, милордъ, отвѣчалъ Дённъ, краснѣя немного.

— Изъ нея вышло то, чего можно было ожидать, сэръ: ни капли лжи, ни тѣни сомнѣнія, простая, откровенная,—даже можетъ быть, слишкомъ для нашего лицемѣрнаго вѣка; но дѣвушка съ благороднымъ сердцемъ.

Въ словахъ стараго лорда была честная и серьезная искренность, которая заставила Дённа слушать ихъ съ уваженіемъ, хотя эпитетъ «дѣвушки», примѣненный къ леди Августѣ, показался ему дурно подобраннымъ.

— Я вижу, вы совсѣмъ не пьете вина; если вамъ угодно, мы присоединимся къ дамамъ.

— Ваше сіятельство предложили мнѣ быть здѣсь, совершенно какъ дома; позвольте мнѣ воспользоваться теперь же этой добротой и въ нынѣшній вечеръ пораньше удалиться. Мнѣ нужно прочитать много писемъ и на нѣкоторыя отвѣчать.

— Леди Августа будетъ считать себя оскорбленной, если вы будете избѣгать ея чайнаго стола.

— Нѣтъ, милордъ. Это только въ нынѣшій вечеръ, и я увѣренъ, что леди Августа извинитъ меня.

— Пусть будетъ такъ, какъ вамъ угодно, сказалъ старый лордъ съ крайней любезностью.

— Благодарю васъ, милордъ, благодарю. Спокойной ночи!

ГЛАВА IX.

Поиски.

На слѣдующее утро, великолѣпно приготовленному завтраку не суждено было украшаться присутствіемъ м-ра Дённа. Клеркъ пріѣхалъ рано поутру съ кипой бумагъ изъ Дублина, а часомъ позднѣе праскакалъ правительственный курьеръ, вооруженный зловѣщею красной сумкой; тогда просьба м-ра Дённа о присылкѣ чашки чаю въ его комнату объяснила хозяевамъ, что м-ръ Дённъ не появится въ обществѣ.

— Это пахнетъ крайнимъ рабствомъ, сказала леди Августа утренній туалетъ которой былъ удивительно изысканный.

— На мой взглядъ, это пахнетъ крайнимъ плутовствомъ, сказалъ лордъ Гленгаррифъ. Человѣкъ не имѣетъ времени поѣсть, какъ слѣдуетъ джентльмену. И государственный секретарь не принимаетъ на себя такого вида. Что это? Другой курьеръ! Кто это такой?

— Курьеръ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ сейчасъ пріѣхалъ къ м-ру Дённу, сказала миссъ Келлетъ, входя въ комнату.

— Нашъ маленькій коттэджъ сталъ похожъ на домъ въ Уайтголлъ, тоскливо замѣтилъ лордъ. Я не сомнѣваюсь, что для насъ должна быть чрезвычайно лестной извѣстность, которую доставятъ намъ газеты.

— М-ръ Дённъ достоинъ сожалѣнія больше чѣкъ кто нибудь изъ насъ, сказала леди Августа съ состраданіемъ.

— Я подозрѣваю, что онъ не будетъ согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, возразилъ лордъ. Я напротивъ думаю, что м-ръ Дённъ совершенно иначе смотритъ на свое настоящее положеніе.

— Такая жизнь вовсе не завидна. Впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь, прибала она спокойно;—миссъ Келлетъ, кажется, не раздѣляетъ моего взгляда.

Сибелла покраснѣла слегка и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ проговорила:—нѣкоторые умы находятъ величайшее счастье въ неутомимомъ трудѣ; м-ръ Дённъ можетъ быть одинъ изъ такихъ умовъ.

— Польтени находилъ время для охоты, а Чарльзъ Фоксъ для виста. Это нынѣшніе господа выдумали, что парламентъ, есть что-то въ родѣ манчестерской мельницы.

— М-ръ Дённъ приказалъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе, сказалъ лакей, кладя на столъ нѣсколько незапечатанныхъ писемъ; онъ думаетъ, что вашему сіятельству пріятно было бы просмотрѣть послѣднія извѣстія изъ Крыма.

Когда лордъ Гленгаррифъ надѣлъ очки, его лицо побагровѣло, и онъ едва былъ способенъ удержать вспышку негодованія; но едва только лакей вышелъ, онъ не могъ долѣе удерживаться и разразился:—Что за нелѣпость съ ихъ стороны посылать эти депеши къ какому-то Дённу, когда я здѣсь, я, ирландскій перъ, неуступающій никому въ этой странѣ древностью рода и благородствомъ крови, я имѣющій право ожидать, что мнѣ будетъ отведено помѣщеніе въ буккингамскомъ дворцѣ, когда я пріѣду въ Лондонъ. Если бы я не видѣлъ собственными глазами этого адреса: «Девенпорту Дённу, эскв. находящемуся на службѣ ея величества», я прямо сказалъ бы, что это невозможная вещь.

— Могу я прочесть нѣкоторыя изъ нихъ? спросила леди Августа, желая какимъ бы то ни было способомъ прекратить этотъ припадокъ гнѣва.

— Читай, сказалъ онъ, кладя очки. Миссъ Келлетъ также можетъ удовлетворить свое любопытство,—если у нее имѣется таковое, насчетъ войны.

— Я очень интересуюсь ею, отвѣтила Сибелла, краснѣя.

— Я мало вижу здѣсь такого, чего бы мы не читали ужъ въ Times: вылазки противъ работающихъ въ траншеяхъ, трудность службы и злоупотребленія коммисаріата.

— Здѣсь есть интересная вещь, прервала Сибелла. Извлече-

ніе изъ частнаго письма какого-то важнаго лица въ арміи. Онъ пишетъ: «неудовольствіе нашихъ союзниковъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, и каждая почта изъ Франціи повторяетъ, какъ непопулярна тамъ эта война. Я полагаю, что ничто, кромѣ какого нибудь великаго fait d'armes, слава котораго принадлежала бы однимъ французамъ, не можетъ побудить императорское правительство продолжать борьбу. Удовольствіе, которое чувствовали во Франціи, читая нападки англійскихъ журналовъ на нашу армію и на ея организацію, прошло, и французы ищутъ теперь другого болѣе возбуждающаго средства для народнаго тщеславія.

— Кто это пишетъ? воскликнулъ съ живостью лордъ Гленгарифъ.

— Подписи нѣтъ, отвѣчала миссъ Келетъ. Депеша говоритъ только: «ваше сіятельство хорошо сдѣлаете, если придадите этимъ словамъ то значеніе, какого они заслуживаютъ.» Потомъ далѣе: «холодность маршала увеличивается и наши отношенія не искренни».

— Все это плохо, сказалъ лордъ. Я думаю, что кончится это тѣмъ, что намъ придется однимъ продолжать борьбу.

— О, если бы такъ случилось! воскликнула Сибелла. Одинъ великій ораторъ сказалъ однажды въ парламентѣ, что коалиціи всегда гибельны—англичане никогда не любили ихъ. Онъ говорилъ только о тѣхъ союзахъ, когда союзники забываютъ свои несогласія и соединяются для какого нибудь общаго дѣла; но гораздо опаснѣе коалиціи, въ которыхъ націи стараются воскресить старинную вражду и зависть. Мнѣ гораздо пріятнѣе было бы, если бы наша маленькая армія стояла одна, имѣя врага передъ собой и море за собой, чѣмъ если бъ мы вошли въ Севастополь рука объ руку съ французскими легіонами.

Страшный минутный энтузіазмъ увлекъ миссъ Келлетъ, и когда она кончила, лицо ея было блѣдно и сердце сильно билось.

— Мистеръ Дённъ, я надѣюсь, былъ бы способенъ извлечь пользу изъ вашихъ стратегическихъ соображеній, сказала леди Августа, вставая изъ-за стола.

— Что такое сказала леди Августа? вскричалъ лордъ, когда она вышла изъ комнаты.

— Я почти не слыхала, что она говорила, отвѣчала Сибелла, лицо которой теперь сдѣлалось синимъ.

Это была первая минута въ ея жизни, когда зависимость под-

вергала ее оскорбленію, и она не могла опомниться, и не знала что дѣлать.

— Эти извѣстія, сказалъ лордъ, бросая съ презрѣніемъ депеши, не прибавляютъ ничего къ тому, что мы знаемъ. Times пишетъ все, что намъ нужно знать, и пишетъ гораздо лучше. Отошлите ихъ назадъ къ Дённу и передайте, если можете, какъ намъ пріятно было бы видѣть его. Я желалъ бы, чтобы онъ побывалъ на бухтѣ; онъ долженъ видѣть гавань и морской берегъ. Устротей же это, миссъ Келлетъ,—не для *меня* конечно, а отъ вашего имени—и дайте мнѣ знать.

Лордъ Гленгаррифъ вышелъ изъ комнаты, а Сибелла сейчасъ же углубилась въ чтеніе депешъ.

Какъ ни были эти депеши сухи и сдержанны, какъ ни оффиціальны онѣ были, но все таки говорили о величайшей и грандіознѣйшей борьбѣ нашего вѣка. Это была настоящая война титановъ, имѣющая зрителями цѣлый міръ. Блестящій героизмъ нашей арміи при постоянныхъ лишеніяхъ, казалось, превзошелъ даже то мрачное мужество, которое хладнокровно смотрѣло на смерть, и съ страшнымъ отпечаткомъ совершенной безнадежности въ лицѣ шло къ роковымъ траншеямъ.

Какъ ни безпокоила ее судьба «дорого Джека», но она съ гордостью думала о томъ, что и онъ тамъ, что и онъ раздѣляетъ всѣ труды и славу арміи. О, если бы ей удалось гдѣ нибудь прочитать его имя, если бы она могла услышать о какомъ нибудь его рыцарскомъ подвигѣ, или еще лучше, подвигѣ человѣколюбія, о томъ, какъ онъ отыскалъ раненаго товарища, или помогъ какому нибудь погибающему врагу...

Какъ ни старалась она убѣдить себя, что мирные тріумфы искусства, великія открытія науки представляютъ болѣе глубокое и болѣе грандіозное развитіе человѣческой природы,—они казались ей жалкими по сравненію съ блистательныти проявленіями героизма.

— Теперь за дѣло, сказала она со вздохомъ, складывая карту Крыма, на которой она отличала мѣста, ознаменованныя событіями войны.

Занятіемъ ея въ это утро была окончательная отдѣлка небольшой статьи о Глингаррифѣ и его окрестностяхъ, написанной тѣмъ легкимъ и популярнымъ слогомъ, который находитъ доступъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, и имѣющей цѣлію обратить вниманіе на великій проектъ, для осуществленія котораго образовалось особенное общество. Лордъ Гленгаррифъ желалъ, чтобы

эта статейка была окончена во время пребыванія Дённа, такъ чтобы ее можно было показать ему и спросить его мнѣнія.

Никогда работа не казалась ей такой тяжелой; ея мысли постоянно уносились, противъ ея воли, на берега Крыма и на равнины Севестополя. Рѣшившись наконецъ испытать, не поможетъ ли перемѣна мѣста, она перешла въ маленькую бесѣдку, выходящую къ рѣчкѣ, и принялась рѣшительно за работу. При помощи энергіи, которая рѣдко оставляла ее, она скора преодолѣла послѣднія остатки разсѣянности и начала писать скоро и легко. Въ это время тѣнь упала на ея тедрадь. Она обернулась и увидѣла мистера Д нна. Онъ случайно проходилъ около этого мѣста и вошелъ незамѣченный ею.

— Какое очаровательное мѣсто вы выбрали для своихъ занятій, миссъ Келлетъ,—сказалъ онъ, садясь у стула. Впрочемъ я думаю, что кто весь погруженъ въ свою работу, тотъ мало обращаетъ вниманія на окружающіе предметы Лучшія идилліи сочинялись на чердакахъ, а нашъ величайшій романистъ написалъ нѣкоторыя изъ своихъ самыхъ раздирающихъ сценъ въ судѣ, посреди шума и площадныхъ вопросовъ, которыми ему надоѣдали безпрестанно его сосѣди.

— Такая работа, какъ моя, не требуетъ, да и не заслуживаетъ удобнаго и уединеннаго мѣста, отвѣчала она съ улыбкою.

— Вы занимаетесь описаніемъ Гленгаррифа, сказалъ Дённъ; могу я посмотрѣть? И онъ взялъ бумагу со стола. Сначала онъ читалъ довольно небрежно, но потомъ по мѣрѣ того, какъ читалъ далѣе, онъ становился все внимательнѣе.

— Ваша статья написана очень хорошо—превосходно, сказалъ онъ, кладя тетрадь на столъ; но могу ли я сдѣлать вамъ одно, не совсѣмъ пріятное замѣчаніе?

— Говорите, отвѣчала миссъ Келлетъ съ добродушной улыбкой.

— Извольте. Вы трудитесь для потеряннаго дѣла. Тѣ, которые затѣяли его, руководились желаніемъ успѣха великихъ предпріятій, которыя каждый день появляются у насъ и которыя магическимъ словомъ «компанія», хотятъ увѣрить въ своей жизненности и силѣ; они спекулировали на огромные барыши, точно тахъ какъ могли бы рѣшить арифметическую задачу. Для этого нужна извѣстная ловкость и больше ничего. *У васъ* были совершенно другія побужденія—я не имѣю надобности, чтобы вы разсказывали мнѣ объ этомъ. Вы хотѣли принести пользу бѣднымъ и всѣми забытымъ мужикамъ, распространить между ними

блага комфорта и цивилизаціи; вы ухватились съ жаромъ за филантропическую сторону проекта, а они за барыши.

— Но почему же этотъ проектъ долженъ потерпѣть неудачу, какъ простая спекуляція? спросила миссъ Келлетъ.

— Для такого исхода слишкомъ много причинъ, отвѣчалъ Дённъ съ грустной улыбкой; довольно будетъ, если я вамъ приведу одну изъ нихъ. Мы, ирландцы, не въ милости теперь. Когда мы были безпокойны и бунтовались, нами интересовались — мы были опасны, и даже сквозь сарказмы англійской прессы, проглядывалъ тайный страхъ великаго возстанія въ Ирландіи, которое могло бы потрясти всю англійскую имперію. Теперь мы благоденствуемъ, но перестали быть интересными. Наша лучшая доля лишила насъ двухъ правъ, которыя мы имѣли на англійскую симпатію: мы перестали быть смѣшными и нищими, и они не могутъ теперь ни смѣяться надъ нашей рѣчью, ни глумиться надъ нашими лохмотьями. Развѣ вы не видите изъ этого, что мы теперь совсѣмъ не въ модѣ? Я говорю такъ съ вами; съ лордомъ Гленгаррифомъ я буду говорить другимъ языкомъ. Я скажу ему, что его проектъ не привлечетъ спекуляторовъ. Я самъ не берусь хлопотать за него. Я никогда не связываю моего имени съ неудачами. За это онъ, конечно, вознегодуетъ, и мы разстанемся далеко не друзьями. Онъ не первый, котораго я отказываюсь обогатить.

Онъ произнесъ эти слова съ такой надменной самоувѣренностью, что Сибелла смотрѣла на него съ удивленіемъ, не произнося ни слова.

— Счастливы ли вы здѣсь? спросилъ онъ вдругъ.

— Да, то есть, я была счастлива до этого.....

— Короче, до тѣхъ поръ, пока я не лишилъ васъ вашихъ иллюзій, сказалъ Дённъ, прерывая ее. Увы! какъ много страданій стоятъ намъ эти «пробужденія» въ жизни, пробормоталъ онъ почти про себя. Каждый имѣетъ свое честолюбіе и воображаетъ, что цѣль, къ которой онъ стремится, и есть истинная цѣль; но если вѣра его разрушится, ему страшно трудно принять также горячо другое вѣрованіе.

— Если дѣло идетъ о долгѣ и если мы сознаемъ честность и чистоту намѣреній...

— То есть, если мы рѣшаемъ наше дѣло въ судѣ, въ которомъ мы сами засѣдаемъ судьями, сказалъ Дённъ съ поспѣшностью, которая поразила миссъ Келлетъ. Я, напримѣръ, имѣю свои собственныя понятія о честности и справедливости, но могу

ли я быть совершенно увѣренъ, что и у васъ такія же понятія объ этомъ? Я вижу нѣкоторыя уродливости въ нашей общественной жизни, ужасныя страданія, тяжелыя обиды; если я вознамѣрюсь исправлять ихъ, могу ли я быть увѣреннымъ, что другіе захотятъ помочь мнѣ? Борьба жизни, подобно всякой другой борьбѣ, такова, что для защиты праваго дѣла нужно сдѣлать много жестокостей. И наконецъ, если всѣ ваши усилія будутъ увѣнчаны успѣхомъ, вы добьетесь только того, что міръ снисходительно скажетъ: онъ хорошо дѣйствовалъ.

— Вы, изъ всѣхъ людей, можете терпѣливо ожидать такого приговора.

— Отчего вы такъ думаете обо мнѣ? спросилъ онъ съ живостью.

— Потому что ваше имя всегда быто соединено съ дѣлами гуманныхъ реформъ, да и не съ этими только дѣлами, а съ каждымъ великимъ предпріятіемъ, которое могло возбудить дѣятельность и развить средства страны.

— Другіе могутъ сказать, что мной руководили при этомъ одни только личные интересы, сказалъ онъ тихимъ голосомъ.

— Какъ жалко и близоруко было бы подобное сужденіе, возразила съ жаромъ миссъ Келлетъ. Высокій подвигъ проникнутъ такимъ благороднымъ энтузіазмомъ, подъ который никогда не поддѣлается узкое себялюбіе.

— Вы правы, совершенно правы, сказалъ Дённъ, но увѣрены ли вы, что свѣтъ дѣлаетъ такое различіе? Развѣ толпа не смѣшиваетъ филантропа съ спекуляторомъ? Мнѣ тяжело говорить это, сказалъ онъ съ усиліемъ, потому что я самъ—жертва подобной несправедливости. Онъ молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ вставая, сказалъ: походимъ вдоль берега; мы съ вами довольно ужъ работали для сегодняшняго дня. — Миссъ Келлетъ сейчасъ же встала и пошла съ нимъ. — Это весьма непріятная тема для разговора, продолжалъ онъ на прогулкѣ, —но я долженъ высказаться передъ вами и, если вы позволите, высказаться откровенно. Во Франціи, во времена регенства герцога орлеанскаго, былъ одинъ человѣкъ, по имени Ло, который глубокимъ изученіемъ предмета и неутомимымъ трудомъ дошелъ до открытія великаго финансоваго проекта, такого обширнаго, что при помощи его можно было не только спасти государство отъ банкротства, но и распространить между торговымъ сословіемъ здравыя понятія о кредитѣ, на которыхъ только и можетъ основываться торговля. И этотъ человѣкъ — человѣкъ неоспоримо

геніальный и филантропъ —дожилъ до того, что увидѣлъ, какъ его великое открытіе было искажено до послѣдней крайности жадными спекуляторами. Отъ герцога до самаго ничтожнаго биржевого агента, вездѣ онъ встрѣчалъ только лицемѣріе, ложь и измѣну, и кончилось тѣмъ, что его выгнали со стыдомъ и позоромъ изъ той страны, которую онъ спасъ отъ неизбѣжной гибели. Вы, можетъ быть, скажете, что народъ и вѣкъ объясняютъ эту низкую неблагодарность, но, повѣрьте мнѣ, всѣ народы и эпохи удивительно сходны между собой. Добро и зло въ мірѣ идутъ циклами, повторяясь съ поразительною правильностью. Участь, постигшая Ло, можетъ постигнуть всякаго, кто попытается подражать ему; одно только можетъ предотвратить такую катастрофу—это успѣхъ. Ло не позаботился обезпечить свою безопасность. Слишкомъ занятый своей великой задачей, онъ не подумалъ о томъ, чтобы сдѣлаться богатымъ или могущественнымъ, такъ что когда наступилъ черный день, между нимъ и его противниками не было никакой границы богатства, или силы. Предчувствуй онъ эту развязку, онъ могъ бы такъ связать свои интересы съ интересами государства, что нападеніе на одного изъ нихъ повлекло бы за собою гибель другого. Но Ло ничего этого не сдѣлалъ—и онъ палъ!— Нѣсколько минутъ Дённъ шолъ молча, потомъ продолжалъ: «зная эти факты, я могу предвидѣть, что участь Ло можетъ быть и моею участью.»

— Да развѣ вы... Сибелла остановилась, покраснѣла и не знала, какъ продолжатъ.

— Да, сказалъ Дённъ, отвѣчая на то, что она могла бы сказать,—да, моимъ честолюбіемъ было сдѣлаться для Ирландіи тѣмъ, чѣмъ Ло былъ для Франціи—не тѣмъ, чѣмъ его рисуетъ клевета, но великимъ реформаторомъ, великимъ экономистомъ, великимъ филантропомъ,—сдѣлать изъ этой, раздираемой партіями, страны великую и единую націю. Развить источники богатѣйшей страны въ Европѣ — это не пустая цѣль, и тотъ, кто стремился къ достиженію ея, заслуживаетъ лучшей награды, чѣмъ нападки и оскорбленія.

— Я не замѣчала ихъ, прервала миссъ Келлетъ; я помню только одни похвалы вашему рвенію, вашему уму и величію вашихъ плановъ.

— Они есть, однакожъ, сказалъ онъ мрачно, — это первые предвѣстники той бури, которая въ послѣдствіи разразится съ полной силой. Пусть разражается, пробормоталъ онъ тихо. Если

я долженъ пасть,—я паду, какъ Самсонъ, и повалю храмъ вмѣстѣ съ собой.

Сибелла не могла разслышать этихъ словъ, но выраженіе его лица, когда онъ произносилъ ихъ, заставило ее почти задрожать отъ страха.

— Вернемся назадъ,—сказала она,—уже поздно.

— Дённъ молча направилъ шаги къ коттеджу и шелъ въ глубокой задумчивости.

— Мистеръ Генксъ пріѣхалъ, сэръ, сказалъ лакей Дённа, когда онъ подошолъ къ двери. Дённъ поспѣшно пошолъ въ свою комнату, не произнеся ни одного слова.

ГЛАВА X.

Девенпортъ Дённъ на единѣ съ своимъ повѣреннымъ.

Хотя мистеръ Генксъ играетъ и не очень значительную роль въ нашемъ романѣ, однако, появленіе его въ эрмитажѣ произошло съ такимъ блескомъ и эффектомъ, что о немъ слѣдуетъ разсказать.

Подобно тому, какъ при большихъ театрахъ находится особый классъ людей, искусству которыхъ поручается всѣ подробности постановки, всѣ блестящіе эффекты, перспективы, отъ которыхъ зависитъ въ нѣкоторой степени успѣхъ драмы, хотя, въ сущности, они должны бы служить только аксессуаромъ,—такъ нынѣшніе спекуляторы имѣютъ къ своимъ услугамъ особыхъ машинистовъ и декораторовъ, талантливыхъ людей, умѣющихъ придавать сухому и краткому проэкту какого нибудь коммерческаго предпріятія пышную обстановку и заманчивую прелесть балета.

Если дѣло идетъ о мореходномъ предпріятіи, въ главѣ проекта находится раскрашенная виньетка, изображающая высокіе

трехъ-палубные суда и каттеры съ развѣвающимися парусами. Эта картина, полная оживленной дѣятельности, говоритъ о берегахъ, гдѣ процвѣтаетъ торговля. Если дѣло идетъ о строительномъ предпріятіи, то архитектура служитъ только фономъ блистательному гульбищу, гдѣ красуются экипажи, ловкіе наѣздники и дамы съ разноцвѣтными зонтиками.

При этомъ видѣ, надежды акціонеровъ заходятъ далеко выше «пяти процентовъ». Насъ радуетъ и вдохновляетъ сознаніе благополучія, распространяемаго на тысячи нашихъ ближнихъ,—«развитіе цивилизаціи», какъ мы обыкновенно величаемъ увеличеніе бумажныхъ фабрикъ; выгодно помѣщая наши капиталы, мы, въ тоже время, пускаемъ въ оборотъ наши сердца съ большимъ балансомъ, по части филантропіи. Для поддержанія этого похвальнаго стремленія и на удовлетвореніе любящихъ сердецъ, явился особый классъ людей, опытныхъ въ составленіи рекламъ, иллюстрацій, и въ обращеніи съ капиталами.

Къ такимъ-то людямъ принадлежалъ и мистеръ Генксъ. Ученикъ нѣкогда знаменитаго Джорджа Робинса, — онъ былъ привезенъ въ Ирландію Девенпортомъ Дённомъ, въ качествѣ главнаго управляющаго его дѣлами, т. е, великаго визиря всевозможныхъ акціонерныхъ компаній и другихъ коммерческихъ предпріятій.

Если докторъ Панглосъ былъ добрымъ знатокомъ всякаго зла, то и мистеръ Генксъ могъ претендовать на искуство въ коммерческихъ предпріятіяхъ, испытавъ впродолженіе многихъ лѣтъ всевозможныя неудачи въ нихъ. Исчисленіе всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ перебывалъ, заняло бы полстолбца газеты. Чѣмъ только онъ не перебывалъ въ своей жизни, начиная отъ «главнаго коммиссіонера компаніи для прорытія перешейка (мы не слыхивали, какого перешейка),—до парламентскаго агента приверженцевъ эманципаціи евреевъ. Дённъ, съ свойственною ему проницательностью, оцѣнилъ его способности. Видя, какъ онъ храбро борется съ судьбою, имѣя всѣ шансы противъ себя, Дённъ сообразилъ: чѣмъ могъ бы быть такой человѣкъ, если бы его поставить въ благопріятныя обстоятельства. Человѣкъ, подстрѣливающій птицу изъ плохого ружья, конечно долженъ быть отличнымъ стрѣлкомъ, получивъ хорошій карабинъ. Однако разсчетъ оказался не совсѣмъ вѣренъ. Генксъ хотя и оказался весьма умнымъ человѣкомъ, но дѣйствительно великимъ онъ былъ только въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Только при трескѣ лопающихся вокругъ него состояній, только среди долговъ

банкротствъ, конфискацій,—онъ выросталъ надъ всѣми своими товарищами и развертывалъ всѣ средства своей неистощимой находчивости. Но мелкіе практическіе результаты плохо ему удавались. И Генксъ какъ-то опустился; сдѣлался безпеченъ, занялся своимъ нарядомъ, обвѣсился цѣпочками и мало по малу опустился до того декораціоннаго искусства, о которомъ мы только-что говорили.

Девенпортъ Дённъ былъ счастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Попутный вѣтеръ несъ всѣ его карабли и бранные доспѣхи Генкса заржавѣли отъ неупотребленія. Вынужденный поэтому найти новый путь, нѣкоторымъ образомъ, для своей дѣятельности, онъ изобрѣлъ тотъ широкій способъ веденія дѣлъ, котораго блескъ и быстрота уничтожаютъ всѣ жалкія попытки мелкихъ спекуляторовъ. Онъ считалъ только милльонами, не заботясь о тысячахъ. Онъ принималъ въ директоры своихъ компаній только людей съ самыми громкими коммерческими именами. Нужно ли ему было переѣхать каналъ, для него отправлялся особый пароходъ, чтобы не было задержки; — ѣхалъ ли онъ по желѣзной дорогѣ, его ждалъ особый поѣздъ. Простые смертные, плетущіеся своимъ вязкимъ путемъ, чувствовали себя уничтоженными сравненіемъ съ этимъ метеоромъ, перелетавшимъ изъ одного полушарія въ другое.

Блестящій, дорожный экипажъ, запряженный четырьмя дымящимися лошадьми, только-что привезъ мистера Генкса къ эрмитажу, и онъ сидѣлъ въ уборной мистера Дённа, разбирая бумаги и разные документы, которые слѣдовало приготовить къ его пріѣзду.

Замѣтно было, что когда Дённъ входилъ въ комнату, онъ нисколько не былъ пріятно пораженъ, увидѣвъ тутъ же своего помощника.

— Чтожь такое случилось, мистеръ Генксъ, сказалъ онъ, что нельзя было отложить до моего пріѣзда въ городъ?

— Бурное и очень бурное общее собраніе акціонеровъ Алленской свинцовой компаніи,—собраніе, право, чрезвычайно бурное; акціи упали до 27% — неблагопріятное извѣстіе о положеніи копей и слухъ, разумѣется, одинъ только пустой слухъ, что послѣдній дивидентъ выплаченъ акціонерамъ изъ капитала.

— Кто это говоритъ?—сказалъ Дённъ сердито.

— Въ вечернемъ номерѣ «Голубой газеты» былъ намекъ, и

разумѣется, всѣ торійскія газеты сейчасъ же воспользовались имъ.

— Это, кажется, Мэкенъ издаетъ «Голубую газету»?

— Да, сэръ; мистеръ Мэкенъ.

— Что мы знаемъ противъ него, Генксъ?

— Если я не ошибаюсь, то у насъ что-то было.

— Да, да, я помню. Это онъ поддѣлывалъ газетную пошлинную марку. Я тогда остановилъ дѣло, но всѣ бумаги по этоту дѣлу у меня въ рукахъ. Повидайтесь съ нимъ,—не пишите, Генксъ. Повидайтесь и покажите, въ чемъ дѣло. Пусть статья будетъ вполнѣ опровергнута и заставьте его извиниться печатно.

Генксъ сдѣлалъ замѣтку въ своей памятной книжкѣ и продолжалъ:

— Фенуикъ,—сэръ, Уильямъ Фенуикъ намѣренъ оставить дирекцію монстерскаго банка и грозится написать публичное письмо, съ изложеніемъ своихъ неудовольствій.

— Я ихъ знаю: онъ получилъ заемъ, въ которомъ нуждался, а теперь хочетъ отдѣлаться отъ насъ; но мы не такъ легко разстаемся съ добрыми друзьями. И съ нимъ бы нужно повидаться, Генксъ: намекните ему, что нѣкоторая его карточная продѣлка въ Мальтѣ вышла бы очень некрасивой въ какой нибудь публичной корреспонденціи и, что я знаю господина, поднявшаго тогда карту изъ-подъ стола.

— Да это будетъ объявленіе войны.

— Напротивъ, это положитъ прочное основаніе нашей дружбѣ на всю жизнь.

— Капитанъ Палмеръ...—скверная исторія съ капитаномъ Памеромъ,—сказалъ Генксъ, качая головою. Вчера онъ пришелъ въ контору въ ужасномъ гнѣвѣ. Я едва могъ удержать его, чтобы онъ не разразился тутъ же передъ клерками. Онъ сказалъ, что когда онъ оставилъ доходное мѣсто мирового судьи, ему навѣрное обѣщали консульство во Францію, а теперь его отправляютъ коммисаромъ въ Гвіяну, гдѣ, какъ извѣстно, никто еще первой осени не прожилъ.

— Скажите ему, что онъ можетъ отложить свою поѣздку до весны. Это намъ даетъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ времени, чтобы найти ему другое мѣсто, если не въ этомъ мірѣ, такъ въ томъ. Во всякомъ случаѣ, ужь онъ намъ не нуженъ.

— Полковникъ Мэшамъ—отказывается отъ продажи села Кельбикона.

— Это почему? На какомъ основаніи? — спросилъ сердито Дённъ.

— Онъ говоритъ, что вы обѣщали поддержать его во время выборовъ въ Лохри, а что теперь ваши агенты дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы повредить его кандидатурѣ; что въ послѣднее воскресенье отецъ Уошъ...

— Ну, ну, — нетерпѣливо перебилъ его Дённъ; мнѣ нѣкогда, да и не хочется слушать всѣ эти исторіи.

— Что же мнѣ ему отвѣтить?—спросилъ Генксъ.

— Скажите ему... объясните ему, — что потребности партіи.. Нѣтъ, этого нельзя... Лучше пошлите въ Лохри Гарта устроить эти выборы: пусть выберутъ Мэшама. Но скажите Гарту, чтобы онъ приготовилъ какой нибудь крючекъ, по которому бы можно было полковника лишить мѣста. Пока дѣло не дойдетъ до разбирательства, мы покончимъ съ продажею. Мы покажемъ полковнику, что мы, пожалуй, ловчѣе его.

Генксъ одобрительно улыбнулся и въ эту минуту истинно гордился своимъ начальникомъ; однако онъ еще разъ вернулся къ своей записной книжкѣ и къ ея нескончаемому списку вопросовъ и затрудненій; но Дённъ уже не слушалъ его; онъ глубоко погрузился въ свою частную корреспонденцію, съ неимовѣрной скоростью распечатывая и прочитывая письмо за письмомъ.

— Что о Крымѣ? что это вы говорите? — воскликнулъ Дённъ, останавливаясь вдругъ при звукѣ этого имени.

— На этотъ слухъ изъ «Morning Post» слѣдовало бы поскорѣе отвѣтить.

— Какой слухъ?—спросилъ Дённъ.

— А вотъ что пишутъ,—и Генксъ прочелъ изъ лежащей передъ нимъ газеты: «наши читатели,—мы увѣрены,—узнаютъ съ большимъ удовольствіемъ, что правительство серьезно думаетъ о предложеніи господину Девенпорту Дённу отправиться въ Крымъ. Всякій, кто знаетъ грустную исторію нашего коммисаріата и всѣхъ его безконечныхъ ошибокъ и промаховъ, обрадуется вмѣстѣ съ нами, что завѣдываніе этою частію перейдетъ въ руки нашего перваго административнаго таланта?»

— А вотъ что говоритъ «Examiner»: «мы слышали, къ сожалѣнію, что сильное затрудненіе остановило на время извѣстные уже переговоры между правительствомъ и господиномъ Девенпортомъ—Дённомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ послѣдній требуетъ такое возмездіе за свои услуги, на какое не смѣлъ бы согласиться ни одинъ министръ.»

— И «Punch» не преминулъ сказать свое словцо. «Предложеніе г-на Девенпорта Дённа,—оно состоитъ въ слѣдующемъ: вести англо-французскій союзъ на основаніи товарищества на паяхъ. За акціями можно обращаться къ графу Морни въ Парижѣ, или къ мистеру Даубу въ Балаклавѣ».

— Вотъ что значитъ офиціальная тайна! только сію минуту я получилъ предложеніе этого мѣста отъ министра,—и вотъ уже 48 часовъ, какъ вся англійская пресса разсуждаетъ, разбираетъ и осмѣиваетъ его. А что скажетъ, «Times»,—прибавилъ онъ, развертывая газету.

— Очень коротко и очень неопредѣленно,—читая, бормоталъ онъ про себя.—«Никто не знаетъ лучше самого г-на Дённа, какъ мало могли бы прибавить къ славѣ его имени и къ успѣшности его дѣйствій самыя высокія почести, которыми располагаетъ правительство.»

— Какое вранье!—воскликнулъ онъ сердито, бросивъ газету на полъ и отходя къ окну.

Генксъ между тѣмъ сталъ громко читать одинъ изъ тѣхъ напыщенныхъ панегириковъ, какими нѣкоторыя популярныя газеты имѣютъ обыкновеніе превозносить добродѣтели, способности и успѣхи средняго класса. — «Самымъ лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить г. Дённъ. Происходя, такъ сказать, изъ самаго низкаго званія...

— Кто это пишетъ? Что это за газета?

— Dailly Tidings, отвѣтилъ Генксъ.

— Вѣдь вы, кажется, знаетесь со всей этой пишущей братіей. Вы, кажется, гордитесь тѣмъ, что все это были когда-то ваши друзья и пріятели. Ну такъ вотъ я вамъ приказываю, не смотря ни на какія издержки, согнать этого человѣка съ его мѣста; да и потомъ не упускайте его изъ виду, преслѣдуйте его вездѣ,—куда бы онъ ни пошелъ, и гдѣ бы ни нашелъ себѣ занятіе. Пусть онъ узнаетъ, какъ я плачу тѣмъ, кто самовольно располагаетъ моимъ именемъ для украшенія своихъ статей.

Генксъ никогда еще не замѣчалъ, чтобы Дённъ обращалъ хоть малѣйшее вниманіе на то, что говоритъ о немъ пресса; и при видѣ столь необыкновеннаго гнѣва, совершенно разтерялся.

— Родись я французомъ, италіянцемъ, или нѣмцемъ, продолжалъ Дённъ громкимъ голосомъ, — никто бы не подумалъ упрекать меня низостію моего происхожденія. Кто бы напомнилъ обществу, въ которомъ я вращаюсь, что оно изъ снисхожденія

приняло меня? Я вамъ говорю, сэръ, — и онъ произносилъ эти слова глухимъ, сдержаннымъ тономъ,— я вамъ говорю, что при всей хваленой свободѣ нашихъ учрежденій, мы живемъ въ такомъ соціальномъ рабствѣ, что негръ, въ сравненіи съ нами, свободный человѣкъ. — Легкій стукъ въ дверь перебилъ его, и онъ сказалъ: — взойдите!

Это былъ лакей, пришедшій сказать, что обѣдъ поданъ и что лордъ Гленгаррифъ дожидается его.

— Потрудитесь сказать, что я нездоровъ; у меня сильная головная боль. Прошу извинить, что не могу сойти.

И по уходѣ лакея онъ прибавилъ мистеру Генксу:

— А вы можете отправиться въ гостинницу. Вѣроятно, есть же здѣсь какая нибудь гостинница. Завтра мнѣ нужны будутъ лошади съ подставой по дорогѣ въ Килярней. Распорядитесь. А если я еще что нибудь вспомню, то увѣдомлю васъ.

Расчитывалъ ли мистеръ Генксъ на возможность пообѣдать въ обществѣ лорда Гленгаррифа, или деревенская гостинница не представлялась ему слишкомъ привлекательной,—какъ бы то ни было, онъ поспѣшно собралъ всѣ свои бумаги и вышелъ, не сказавъ ни слова. За нимъ вошелъ второй лакей съ изъявленіемъ сожалѣнія лорда, по поводу болѣзни его гостя, и съ вопросомъ, что угодно г-ну Дённу.

— Немного супу и рыбы, если есть,—отвѣтилъ Дённъ, открывая секретеръ и принимаясь за работу. Не обращая вниманія на слугу, подавшаго обѣдъ, онъ сѣлъ писать; потомъ всталъ, закусилъ и снова принялся за занятіе Онъ написалъ министру въ отвѣтъ на полученное имъ утромъ предложеніе. Въ этомъ отвѣтѣ онъ въ одно и тоже время и очень ловко отказывался отъ предложенія, и намекалъ, разумѣется, въ самыхъ неясныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, на тѣ огромныя выгоды, которыхъ можно бы ожидать отъ такого человѣка, какъ Дённъ, желая показать такимъ образомъ, сколько потеряетъ государство, если не съумѣетъ пріобрѣсти для себя человѣка съ такимъ громаднымъ талантомъ. Мы не беремся разсказать, какъ извиненіе мистера Дённа было принято его благороднымъ хозяиномъ, но мы въ правѣ замѣтить, что расположеніе духа хозяина отъ этого нѣсколько пострадало и обѣдъ прошелъ въ глубокомъ молчаніи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ неусыпной работы Дённъ открылъ окно, чтобы насладиться свѣжимъ воздухомъ ночи. Вліяніе природы, тихій и спокойный свѣтъ луны, равномѣрное движеніе тихихъ и холодныхъ волнъ у прибрежья

имѣютъ удивительное вліяніе на всѣхъ многоработающихъ кабинетныхъ людей.

Между деревьями Дённъ могъ разглядѣть полузакрытое окно скромной комнатки, которая была его спальнею лѣтъ 20 тому назадъ. Да, вотъ это та самая комнатка, въ которую онъ уходилъ бывало съ стѣсненнымъ сердцемъ. Высокомѣріе гордаго лорда глубоко засѣло въ его душѣ и каждый день приходилось выносить новыя оскорбленія, новыя раны, наносимыя его самолюбію. И въ то же время постоянное присутствіе ея — той молодой дѣвушки, которую онъ тогда любилъ, — чуть не довело его до сумасшествія. Всѣ эти маленькія приключенія давно забытаго времени, одни за другими, воскресали въ его памяти. Онъ вспомнилъ, какъ онъ бывало тихо сходилъ съ лѣстницы, пробирался въ паркъ и встрѣчалъ ее по утрамъ и какъ она на его почтительный поклонъ отвѣчала одною изъ тѣхъ странныхъ улыбокъ, въ которой было замѣтно гораздо болѣе насмѣшки, чѣмъ доброты. Онъ вспомнилъ также тотъ день, когда онъ взлезалъ на сосѣднюю скалу, чтобы собрать для нея букетъ пунцовыхъ цвѣтовъ, которые она такъ любила, и какъ послѣ долгихъ колебаній, онъ наконецъ осмѣлился предложить ей букетъ. Она, полушутя, приняла цвѣты и потомъ отдала ихъ своей любимой козѣ.

Въ это утро онъ чуть не застрѣлился, а теперь онъ могъ сидѣть тутъ и улыбаться при этихъ воспоминаніяхъ. Въ это время изъ нижняго этажа послышались звуки музыки. Это было то же фортепьяно, такъ коротко ему знакомое. Припоминая разныя мелодіи, которыя разыгрывались на этомъ самомъ инструментѣ, онъ задумался такъ глубоко, что и не замѣтилъ, какъ музыка умолкла и все стало тихо вокругъ. Съ балкона, на который выходило его окно, шла лѣстница прямо въ паркъ, и по ней-то спустился онъ, намѣреваясь погулять съ полчаса, прежде нежели лечь спать. Безцѣльно шагая, онъ очутился вдругъ на берегу рѣчки, близь того мѣста, гдѣ онъ встрѣтилъ миссъ Келлетъ. Какъ бы онъ обрадовался, если бы она и теперь была здѣсь. Но въ то же время на мостикѣ показалось бѣлое платье. Онъ прибавилъ шагу и пошелъ нарочно такъ, чтобы шаги его были слышны. Дама, шедшая впереди, остановилась и сказала:

— А, мистеръ Дённъ! Кто бы могъ надѣяться встрѣтить васъ здѣсь.

— Я могъ бы сдѣлать вамъ тотъ же вопросъ, леди Августа, сказалъ онъ, совершенно озадаченный.

— Что до меня касается, отвѣтила она совершенно спокойно,— то это моя обыкновенная вечерняя прогулка. Я отправляюсь на берегъ и рѣдко возвращаюсь назадъ раньше полуночи; но вы,— прибавила она, говорили, что вы нездоровы—и до того заняты, что мы и не надѣялись видѣть васъ.

— Работа, какъ судьба, преслѣдуетъ людей, подобныхъ мнѣ,— вздыхая, отвѣтилъ онъ, — и, какъ игрокъ ставитъ на карту все свое состояніе, такъ и мы рискуемъ спокойствіемъ, вкусами, счастіемъ, всѣмъ—чтобы выиграть въ концѣ всѣхъ концовъ, незнаю что.

— Ваше сравненіе идетъ только къ проигрывающему; но тотъ, кто выигралъ и притомъ выигралъ такъ много, можетъ выйти изъ-за стола, когда ему угодно.

— Это правда, сказалъ онъ послѣ паузы. Счастіе мнѣ везло. Эти самыя деревья, подъ которыми мы теперь идемъ, свидѣтели того времени, когда я гулялъ подъ ихъ тѣнью бѣднѣе и безнадежнѣе всякаго. У меня не было человѣка, который бы мнѣ сказалъ: — не бойся, придетъ и твое время. Еслибы вы только знали, леди Августа, какъ высоко я цѣнилъ тогда малѣйшее вниманіе ко мнѣ, то вы бы удивились, какъ такое слабое существо, какъ я, могло такъ окрѣпнуть въ борьбѣ съ жизнію.

— Въ то время я еще была ребенкомъ, отвѣтила она,—но я помню васъ очень хорошо.

— Въ самомъ дѣлѣ? подхватилъ онъ голосомъ, въ которомъ ясно выражалось удовольствіе.

Они продолжали путь молча, но во взаимной увѣренности, что мысли ихъ заняты другъ другомъ. Наконецъ, остановившись передъ маленькимъ гротомъ, надъ входомъ котораго висѣли разныя водяныя растенія, она сказала.

— Помните, какъ вы называли этотъ гротъ гротомъ Калипсы? Онъ и до сихъ поръ сохранилъ это названіе.

— Я помню больше, сказалъ онъ и вдругъ остановился.

— Можетъ быть, какое нибудь ребячество съ моей стороны? прибавила она поспѣшно. Но теперь позвольте мнѣ разъ навсегда просить у васъ прощенія за многія необдуманныя слова, многія дѣтскія обиды. Потомъ, вдругъ перемѣняя разговоръ, она сказала:

— Отчего это море, подобно небу, всегда возбуждаетъ вопросъ:—что тамъ дальше?

— Это происходитъ отъ стремленія къ какому-то идеальному

состоянію, внѣ всякихъ заботъ и трудовъ. Какое дѣйствительно великолѣпное мѣсто!—такъ тихо, мирно и спокойно.

— Я его очень люблю, сказала она тихимъ голосомъ, какъ бы говоря сама съ собою.

— И я бы его могъ любить, прибавилъ онъ,—если бы судьба назначила мнѣ спокойную и свободную жизнь.

— Это такъ странно—слушать людей, подобныхъ вамъ, людей, которые нѣкоторымъ образомъ создаютъ себѣ свою судьбу, и въ то же время постоянно обвиняютъ ее. Кто, позвольте васъ спросить, — могъ бы легче отказаться отъ жизненныхъ трудовъ и занятій, какъ не тотъ, кто работалъ такъ долго и успѣшно для своихъ ближнихъ? Гдѣ же тотъ человѣкъ, который, пріобрѣтя богатство, друзей, положеніе... Почему вы качаете головой? спросила она вдругъ.

— Вы цѣните меня слишкомъ высоко, леди Августа,—сказалъ онъ тихо. Богатства у меня дѣйствительно больше, нежели сколько мнѣ нужно; друзей,—т. е. то, что свѣтъ называетъ друзьями,—у меня тоже достаточное количество; но что касается положенія, то есть, то званіе, которое даетъ извѣстное мѣсто въ обществѣ и безъ котораго...

— Оно ваше, если только вы его захотите. Отечество покрываетъ почестями солдата не тогда, когда онъ идетъ на штурмъ, но тогда, когда онъ возвращается побѣдителемъ, т. е., послѣ битвы. Вамъ стоитъ только объявить, что ваша работа кончена, и вы сейчасъ же получите высшую награду за ваши услуги. Вы знаете моего отца, сказала она, вдругъ впадая въ дружескій тонъ,—вы знаете, какъ глубоко онъ проникнутъ всѣми предразсудками нашего званія; а между тѣмъ, даже онъ, не позже, какъ вчера вечеромъ сказалъ мнѣ: —«Дённъ долженъ быть однимъ изъ нашихъ, Августа. Намъ нужны такіе люди. Адвокаты ужъ очень насъ одолѣли. Намъ нужны люди съ болѣе широкимъ взглядомъ, люди менѣе техническіе, не съузившіеся въ спеціальныхъ занятіяхъ. Да, онъ долженъ принадлежать намъ.» Зная, какой вѣсъ слова эти имѣютъ въ его устахъ, я осмѣлилась спросить, какими средствами можно бы этого достигнуть?

— Ну, и что же онъ на это сказалъ? нетерпѣливо спросилъ Дённъ.

— Пусть онъ только откроется мнѣ, Августа,—сказалъ онъ. Я берусь указать ему дорогу, лишь бы только у него нашлась добрая воля.

Дённъ не сказалъ ни слова и, опустивъ голову, шелъ, погруженный въ размышленія.

— Дайте мнѣ вашу руку, мистеръ Дённъ, сказала лэди Августа самымъ нѣжнымъ голосомъ. У Дённа забилось сердце и онъ почувствовалъ какую-то странную гордость, подавая ей руку.

Они мало говорили, возвращаясь въ Коттеджъ.

ГЛАВА XI.

Письмо къ Джеку.

Когда всѣ обитатели эрмитажа уже давно спали, Сибелла Келлетъ сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ. Это было единственное время, которое она могла назвать своимъ, и она посвятила его на то, чтобы написать письмо къ брату. Мистеръ Дённъ объявилъ ей въ то утро, что представляется случай послать ея брату все, что она пожелаетъ, и вотъ она приготовила небольшой пакетъ вещей, большею частію ея собственнаго рукодѣлья, чтобы отправить его въ Крымъ бѣдному солдату.

Слезы грусти, и въ то же время, удовольствія, капали изъ ея глазъ, когда она укладывала въ ящикъ всѣ эти скромные предметы; ей думалось о томъ, что будетъ чувствовать ея бѣдный Джекъ, вынимая ихъ оттуда и видя, какъ она заботилась о немъ, какъ она старалась угадать, что ему понадобится. Уложивъ все, она встала и, взявъ съ полки небольшую книгу, съ жаромъ поцѣловала ее три раза и также положила въ ящикъ. Потомъ, она опустилась на колѣна, и, положивъ голову на руки, горячо и долго молилась. Послѣ этой молитвы, лицо ея просвѣтлѣло надеждою, хотя слѣдъ грусти и не совсѣмъ сошелъ съ него; оно напоминало типы рафаэлевскихъ мадоннъ, въ которыхъ преобладаетъ выраженіе вѣры.

Она присѣла, чтобы прибавить еще нѣсколько строкъ къ своему длинному письму. Изъ него вышелъ родъ дневника, гдѣ она описала всѣ свои заботы и занятія. Она сама испугалась его длинноты и написала:

«Я, конечно, не требую, чтобы ты писалъ мнѣ такія длинныя письма, какія я пишу тебѣ, но ты доставилъ бы мнѣ большое удовольствіе, дозволивъ сдѣлать гласными нѣкоторыя извлеченія изъ твоихъ писемъ, столь противорѣчащихъ тому, что выдумываютъ для насъ газеты. Я знаю, что жалобный тонъ весьма популяренъ. Нѣкоторые корреспонденты очень удачно играютъ по этимъ нотамъ и публика развѣшиваетъ уши, когда ей толкуютъ о страданіяхъ, которыхъ можно бы избѣжать, и о лишеніяхъ, которымъ не было надобности подвергаться. Но ты, милый Джекъ, смотришь на это совершенно съ иной точки зрѣнія, которая мнѣ гораздо болѣе нравится! Ты справедливо замѣчаешь, что всѣ эти описанія, весьма интересныя, конечно, для насъ, читающихъ ихъ у себя дома, производятъ самое вредное дѣйствіе на духъ арміи. Солдаты начинаютъ слишкомъ дорожить газетными восхваленіями и слишкомъ пренебрегать такъ называемымъ *esprit de camaraderie,* чувствомъ, самымъ возвышеннымъ и наиболѣе способнымъ воодушевить. Мнѣ казалось, что я слышу, какъ ты говоришь: «Напрасно они разсказываютъ о томъ, что мы ходимъ по болотамъ, питаемся сырымъ кофеемъ, носимъ мокрую одежду и получаемъ малые раціоны; право, не стоитъ такъ много толковать объ этомъ; мы пошли сюда затѣмъ, чтобы бить русскихъ, и никто изъ насъ не помышлялъ, чтобы это можно было сдѣлать, не перенося нѣкоторыхъ лишеній». Я нахожу совершенно справедливымъ все, что ты говоришь о дурномъ дѣйствіи этихъ жалобъ на вымышленныя, или дѣйствительныя бѣдствія солдатъ. Это большая ошибка.

«Извини, что я показала твое послѣднее письмо мистеру Дённу, который убѣдительно проситъ тебя, вмѣстѣ со мною, позволить напечатать его въ газетахъ. Онъ увѣряетъ, что оно доставитъ большое удовольствіе ирландцамъ, вообще склоннымъ находить смѣшное въ непріятномъ, и утѣшитъ публику, показавъ ей, что и на бивуакахъ случаются забавныя исторіи, и въ сырыхъ траншеяхъ нѣтъ недостатка въ веселомъ смѣхѣ.

«Мистеръ Дённъ вполнѣ одобряетъ твое намѣреніе не «покупать». Это было бы уже слишкомъ несправедливо, если бы такія заслуги, какъ твои, не доставили тебѣ повышенія; такъ онъ полагаетъ и, можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы его поддерживать;

но признаюсь, я почти сомнѣваюсь правъ ли онъ, такъ какъ твои семьсотъ фунтовъ все равно лежатъ у банкира, безъ всякой пользы, пока ты тянешь лямку. Я говорю это, чтобы доказать тебѣ однажды на всегда, что я ничего не приму изъ этихъ денегъ. Я ни въ чемъ не нуждаюсь и окружена такимъ вниманіемъ и ласкою, какихъ и не ожидала. Конечно, я стараюсь заслужить такое обращеніе.

«Часто я думаю о томъ, милый Джекъ, когда и гдѣ мы съ тобою встрѣтимся. Едва ли найдется на бѣломъ свѣтѣ двое болѣе одинокихъ существъ, какъ мы съ тобою. Мы должны, по крайней мѣрѣ, держаться другъ за друга. Но я чувствую, что въ одинокой борьбѣ съ судьбою мы узнали самихъ себя и пріобрѣли опытность, которая послужитъ намъ въ будущемъ. Читая въ твоихъ письмахъ, какъ ты, благодаря многимъ сторонамъ твоего характера, съумѣлъ привлечь къ себѣ товарищей и услаждаешь теперь ихъ трудную жизнь тѣми качествами, которыя ты пріобрѣлъ въ иной сферѣ, я съ новымъ рвеніемъ сближаюсь съ бѣдными сосѣдними семьями, въ надеждѣ, что и мнѣ удастся внести утѣшеніе въ бѣдную, всѣми презираемую среду.

«Когда ты откроешь этотъ ящикъ, милый Джекъ, то тебѣ прежде всего попадетъ въ руки мой молитвенникъ. Я нарочно положила его сверху. Давно, давно когда-то, мы часто держали его вмѣстѣ съ тобою. О, если бы можно было вернуть эту пору дѣтства, когда мы жили съ тобою душа въ душу! Будемъ молиться, милый братъ мой, о томъ, чтобы Богъ привелъ насъ встрѣтиться и быть такими же счастливыми, какъ тогда; но если этого не суждено, если одинъ изъ насъ долженъ остаться круглымъ сиротою на бѣломъ свѣтѣ, то помолись, чтобы эта доля выпала не мнѣ, потому что я слишкомъ слаба.

«Вотъ уже свѣтаетъ,—пора кончить. Посылаю тебѣ съ этимъ письмомъ мою молитву и благословеніе, пусть они донесутся до тебя, за моря. Прощай, Господь съ тобою.»

Но почему же она все еще не рѣшалась запечатать письма, и сидѣла, грустно глядя, то на него, то на открытыя передъ нею страницы послѣдняго письма ея бѣднаго Джека?

ГЛАВА. XII.

Планы и предположенія.

Почтовыя лошади, заказанныя для мистера Дённа, явились на зарѣ, но вслѣдствіе перемѣны намѣренія, котораго мы не можемъ здѣсь объяснить, этотъ джентльменъ не поѣхалъ и отправилъ гонца за мистеромъ Генксомъ.

— Я остаюсь здѣсь сегодня, Генксъ, сказалъ онъ раунодушно,—а можетъ быть, и завтра. Здѣшній воздухъ мнѣ полезенъ, я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо этимъ временемъ.

Мистеръ Генксъ поклонился; но даже его привычная скрытность не могла утаить удивленія, внушеннаго ему этими заботами о здововьи. Онъ понималъ положительную болѣзнь, — что нибудь въ родѣ горячки, или вывихнутой ноги; но чтобы какое нибудь легкое нездоровье могло дѣйствовать на дѣлового человѣка, это онъ считалъ за непростотельную слабость; это было въ его глазахъ тѣмъ же самымъ, какъ если бы человѣкъ не могъ продолжать идти своею дорогою потому только, что встрѣчный толкнулъ его на улицѣ.

Дённъ слишкомъ хорошо умѣлъ читать чужія мысли, чтобы не замѣтить впечатлѣнія, произведеннаго его словами, но обыкновенно равнодушный къ мнѣнію нисшихъ, онъ продолжалъ:

— Пересылайте сюда письма ко мнѣ, пока не услышите обо мнѣ, — теперь ничего нѣтъ такого важнаго, что бы призывало меня въ городъ. Постойте—у меня назначенъ обѣдъ на субботу, отложите его. Клоусъ покажетъ вамъ списокъ приглашенныхъ; объявите въ какой нибудь вечерней газетѣ, что я задержанъ дѣлами на югѣ,—не упоминайте о болѣзни.

— Конечно, нѣтъ, сэръ; сказалъ Генксъ, даже нѣсколько обиженный тѣмъ, что его считаютъ такимъ простакомъ.

— Почему же—конечно, мистеръ Генксъ? тихо спросилъ Дённъ; я не знаю, чтобы дѣловые люди пользовались привеллегіею никогда не хворать.

— Нехорошо говорить объ этомъ, сэръ,—очень не хорошо; значительно сказалъ Генксъ. Вы постоянно слышите, какъ люди го-

ворятъ: «Онъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ со времени этой болѣзни.»

— Пфъ! презрительно отозвался Дённъ.

— Увѣряю васъ, сэръ; я говорю то, что всѣ говорятъ. Знаете старую поговорку: «Два переѣзда стоятъ однаго пожара;» я сказалъ бы: «два припадка подагры стоятъ отставки».

— Вздоръ! нетерпѣливо сказалъ Дённъ. Я не хочу знать объ этой отвѣтственности передъ публикою.

— Хотимъ ли мы, нѣтъ ли, а она лежитъ на насъ,—смѣло сказалъ Генксъ.

Дённъ вздрогнулъ при этихъ словахъ и отвернулся, чтобы скрыть свое лицо; и хорошо сдѣлалъ, потому что оно было блѣдно, какъ полотно, и даже губы посинѣли.

— Ждите меня въ воскресенье утромъ, Генксъ ,— сказалъ онъ, не поворачиваясь къ нему,—и приготовьте отчеты оссорійскаго банка, мнѣ нужно просмотрѣть ихъ. Мы не можемъ болѣе дѣлать ссуды тамошней буржуазіи.

— Невозможно, сэръ, невозможно. Не слѣдуетъ пріобрѣтать враговъ,—въ настоящее время, по крайней мѣрѣ,—сказалъ Генксъ и голосъ его понизился до шопота.

Дённъ быстро повернулся и очутился лицомъ къ лицу передъ нимъ. Они простояли такъ нѣсколько минутъ, пристально глядя другъ на друга.

— Вы конечно не хотите сказать, что... Дённъ остановился.

— Именно это, сэръ, тихо сказалъ тотъ. Я говорю, чтобы предупредить васъ.

— Ну, такъ это вслѣдствіе большой безпечности, сэръ, надмѣнно сказалъ Дённъ. Это мы увидимъ. Что далъ намъ этотъ банкъ, кромѣ сорока семи тысячъ фунтовъ, отданныхъ лорду Лакингтону, подъ залогъ покупаемаго имѣнія?

— Вспомните, сэръ, сказалъ шопотомъ Генксъ, осторожно оглянувшись по сторонамъ,—вспомните, что заемъ виконту былъ сдѣланъ самими нами по шести на сто, а имѣніе куплено на ваше имя, такъ что обязательство передъ банкомъ лежитъ теперь на насъ.

— А развѣ я не могу ручаться за такую сумму, мистеръ Генксъ? насмѣшливо спросилъ Деннъ.

— Безъ сомнѣнія, можете, сэръ; можете даже за сумму въ десять разъ болѣе. Время,—все въ этихъ дѣлахъ.

— Боюсь, что время перемѣнчиво, задумчиво сказалъ Дённъ.

Время уже мнѣ перестать только и думать, что объ этихъ заботахъ. Не стоитъ и жить, если никогда не наслаждаться.

— Дѣло дѣломъ, сэръ; изрекъ Генксъ, съ тою торжественностью, съ какою эти люди изрекаютъ свои плоскости, считая ихъ за мудрость.

— Скажите лучше—«рабство»,—это вѣрнѣе,—возразилъ Дённъ. Для чего, или для кого, скажите пожалуйста, долженъ я вѣчно тащить на себѣ эту обузу? Не для свѣта ли, который при первомъ же столкновеніи, или неудачѣ, надѣлитъ меня своимъ презрѣніемъ? Дайте ему только малѣйшій предлогъ, и онъ взвалитъ на меня всѣ неудачи, которыя онъ потерпѣлъ по своей собственной безпечности, и позабудетъ все добро, которое извлекъ изъ моей трудовой жизни.

— Таковъ ужь свѣтъ, сэръ! сказалъ Генксъ со вздохомъ и съ тою же стереотипною философіею.

— Я знаю, продолжалъ Дённъ, не обращая на нее вниманія, что другіе воспользовались бы моимъ положеніемъ; они обратили бы въ наличный капиталъ тѣ доходы, которыми я довольствуюсь. Эти люди,—министры, посланники, губернаторы колоній. Только такіе, какъ я, служатъ безъ жалованья. Другіе думали бы только о себѣ и, сбросивъ съ себя это ярмо, посвятили бы остатокъ жизни на составленіе себѣ мирнаго домашняго счастія.

Мистеру Генксу хотѣлось сказать: «Дамашній очагъ,—великое счастіе!» Но онъ удержался и промолчалъ.

Дённъ ходилъ по комнатѣ, скрестивъ руки и опустивъ голову. Онъ шевелилъ губами, будто разговаривая самъ съ собою. Мистеръ Генксъ, между тѣмъ, собиралъ бумаги, готовясь къ отъѣзду.

— Этого Гедлинеса взяли. Слышали вы? сказалъ онъ разбирая письма.

— Нѣтъ, сказалъ Дённъ, вдругъ остановившись; гдѣ его арестовали?

— Въ Ливерпулѣ. Онъ намѣревался отплыть на *Персіи* и уже взялъ билетъ, подъ именемъ нѣмецкаго часовыхъ дѣлъ мастера, отправляющагося въ Бостонъ.

— Что онъ такое сдѣлалъ?—я позабылъ,—равнодушно спросилъ Дённъ.

— Всего по немножку; давалъ ложныя свидѣтельства отъ компаніи *Great Coast Railway*, захватилъ въ свой карманъ до тридцати тысячь фунтовъ, закладывалъ векселя компаніи и такъ лов-

ко мошенничалъ, что въ продолженіи четырехъ лѣтъ никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Что же возбудило ихъ? спросилъ мистеръ Дённъ, заинтересовавшись, по видимому, любопытною исторіею.

— Самый простой случай. Онъ послалъ записку къ герцогу Уайкамдъ, чтобы освѣдомиться объ искуствѣ и свойствахъ французскаго повара.

Въ то время, какъ принесли записку, вь комнатѣ случился управляющій герцога, Поллардъ, и тотъ попросилъ его отвѣтить на нее. Поллардъ, какъ вамъ извѣстно, президентъ Костъ - Лайна. Увидѣвъ подпись «Lionel Redlieness», онъ тотчасъ-же бросился съ этою вѣстью въ судъ.

— Небольшая осторожность спасла бы его отъ этой глупой ошибки,—серьезно сказалъ мистеръ Дённъ. Возможно ли жить до такой степени несообразно съ своими средстами, хорошо извѣстными всѣмъ?

— Въ другое время такъ; но мы живемъ въ такомъ, что никто не знаетъ гдѣ, чѣмъ и какъ люди пріобрѣтаютъ состояніе; сказалъ Генксъ. Посмотрите хоть на французовъ. Тамъ вы найдете людей, которые, за полгода, не могли выдать вексель въ тысячу франковъ, а теперь вдругъ ворочаютъ милліонами. Теперь нѣтъ ни бѣдныхъ,—ни богатыхъ, потому что каждый можетъ перебывать и тѣмъ, и другимъ,—въ двадцать четыре часа.

— Этого Редлинесса вѣроятно сошлютъ? сказалъ Дённъ, помолчавъ.

— Разумѣется; но по моему мнѣнію, лучше бы имъ выпустить его; вѣдь въ этихъ дѣлахъ всегда есть что нибудь темное. Вотъ увидите, что эти господа, что сами судьи окажутся нечистыми!

— И такъ его сошлютъ! перебилъ Дённъ, не слушая его.

— Ну такъ что-жъ?

— Какъ—ну такъ чтожь? гнѣвно сказалъ Дённъ. Развѣ ссылка не наказаніе?

— Я не говорю этого, но когда человѣкъ хорошо устроитъ дѣла у себя дома, то это наказаніе не такъ тяжело, какъ полагаютъ.

— Не понимаю, отрывисто сказалъ Дённъ.

— Да возьмите, напримѣръ, хоть дѣло сэра Джона Челема. Онъ былъ основателемъ великаго мошенничества, гринвичскаго королевскаго банка. Когда его выслали, то леди Челемъ выѣхала съ первымъ мальпостомъ, наняла и убрала богатый домъ и

потомъ, дождавшись пока сэра Джона отпустили, взяла его къ себѣ въ качествѣ слуги. И что всего лучше, такъ это то, что эта чета, привыкшая дома цѣлый день ссориться, живетъ теперь въ голубиномъ согласіи.

Веселый тонъ этого послѣдняго замѣчанія не встрѣтилъ сочувствія въ мистерѣ Дённѣ, смотрѣвшемъ все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Странно! проворчалъ онъ. Въ нравственности, также какъ и въ медицинѣ, польза или вредъ зависятъ отъ количества пріема. Потомъ онъ вдругъ повернулся и сказалъ: «Генксъ, помните вы о томъ ужасномъ случаѣ, который произошелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во Франціи,—въ Анферѣ, кажется? Какой-то полкъ переходилъ висячій мостъ, который, не выдержавъ тяжести, обрушился подъ нимъ. Это образъ того, что мы называемъ кредитомъ. Онъ вынесетъ значительную тяжесть, если она случайная, раздробленная; но скопите эту тяжесть заразъ, ступите твердою ногою, — и мостъ рухнетъ!» Ахъ, Генксъ, мнѣ не хорошо.

— Это замѣтно, сэръ, сказалъ Генксъ, не совсѣмъ понявшій метафору.

— Его сіятельство ожидаютъ васъ къ завтраку, сэръ, донесъ щегольски одѣтый слуга.

— Сію минуту. Надѣюсь, Генксъ, что мы ничего не позабыли. Лучше раздѣлаться съ компаніею Клойна и Керрика. А тотъ проэктъ?—дайте мнѣ взглянуть. Такъ вы думаете, что мы должны уплатить по счетамъ Баррингтона?

— Непремѣнно, сэръ. Королевскій банкъ завтра приметъ ихъ.

— Надо поддержать кредитъ этого банка, Генксъ. Намъ вредятъ эти сатирическія статьи въ газетахъ; трусливые акціонеры осаждаютъ насъ письмами и многіе уже требуютъ выдачи капиталовъ. Вотъ что, Генксъ! вскричалъ онъ вдругъ, озаряясь мыслью: — берите сейчасъ особый поѣздъ и привезите мнѣ отчетъ и списокъ векселей. Вы можете вернуться завтра, — постойте, въ десять часовъ; — ну, самое позднее, завтра вечеромъ. Этимъ временемъ я обдумаю свой планъ.

— Желалъ бы я знать ваши намѣренія,—сказалъ Генксъ.

— Завтра все узнаете,—отвѣтилъ Дённъ и, кивнувъ на прощанье головою, отправился завтракать.

Онъ впрочемъ еще разъ вернулся въ комнату, гдѣ Генксъ все еще собиралъ бумаги.

— Впрочемъ, лучше я скажу вамъ теперь, Генксъ. Садитесь.

Они оба сѣли къ столу и цѣлый часъ не трогались съ мѣста.

Слуга три раза приходилъ звать мистера Дённа къ завтраку; онъ торопливо говорилъ: «сейчасъ, сію минуту»,—но не двигался съ мѣста.

Наконецъ онъ всталъ.

— Мнѣ пора. Эта прекрасная мысль, сэръ,— великая мысль. она дѣлаетъ вамъ честь.

— Я могу имѣтъ успѣхъ, Генксъ, сказалъ Девенпортъ спокойно.

— Можете! должны имѣть. Это такая ловкая тактика, о какой я и не слыхивалъ. Поручите дѣло мнѣ, вотъ и все.

— Но помните, Генксъ, что тутъ все зависитъ отъ быстроты дѣйствія. Прощайте!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Исторія девятнадцатаго вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса. Г. Гервинуса. Т. I. СПБ. 1863.

Въ прошломъ февралѣ явился въ русскомъ переводѣ первый томъ капитальнаго творенія Гервинуса. Мы обѣщали читателямъ заняться этимъ сочиненіемъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Русскаго Слова» и этимъ исполняемъ наше обѣщаніе.

Гервинусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которымъ суждено пережить двѣ эпохи, рѣзко отличныя одна отъ другой. Онъ началъ свою карьеру, какъ ученый, въ смыслѣ того германскаго ученаго, для котораго въ наукѣ заключается высшій идеалъ жизни; сперва онъ былъ профессоромъ въ геттингенскомъ университетѣ и, по самому роду своей дѣятельности, жилъ внѣ всякихъ практическихъ интересовъ, обращаясь между аудиторіей и мирнымъ кабинетомъ ученаго. Но съ 1848 года Гервинусъ принялъ участіе въ общемъ движеніи Германіи, вступившей въ иной періодъ развитія; она сдѣлала нѣсколько попытокъ къ осуществленію своихъ идеаловъ, — попытокъ кратковременныхъ, мало-энергическихъ, носившихъ на себѣ скорѣе характеръ протестовъ, чѣмъ осаждающихъ усилій самостоятельной инициативы. Въ былыя времена профессоръ геттингенскаго университета Гервинусъ, по всей вѣроятности, благополучно дожилъ бы до старости въ этомъ званіи, быть можетъ,

пришолъ бы къ какимъ нибудь самостоятельнымъ, даже крайнимъ выводамъ; но ничто не помѣшало бы ему оставаться въ жизни спокойнымъ королевскимъ надворнымъ совѣтникомъ. Но теперь такому человѣку, какъ Гервинусъ, трудно было удержаться на этой нейтральной умственной почвѣ; практическая энергія его родины въ стремленіи къ ясно-сознанному умомъ возвысилась до протеста противъ слишкомъ рѣзкихъ противорѣчій этому сознанію, и вотъ — профессоръ геттингенскаго университета Гервинусъ подписываетъ протестъ противъ нарушенія ганноверскимъ правительствомъ конституціи. Но ходъ событій не замедлилъ повернуть въ другую сторону, и одни протесты не отклонили германской реакціи. Въ этотъ періодъ временнаго безсилія, лучшіе люди германской націи вновь обратились къ чисто-умственной дѣятельности; но уже внесли въ нее отголосокъ только-что прожитой дѣйствительной жизни, ея бурь, конечно бѣдственныхъ, но пополнявшихъ грудь здоровымъ дыханіемъ настоящихъ вѣтровъ, управлявшихъ ходомъ корабля, а не отвлеченныхъ колебаній какого-то надзвѣзднаго эфира. Въ этотъ періодъ, въ политикѣ, наукѣ и искусствѣ возобновились главныя воспоминанія народной, высокой самостоятельности 1813 года, и начатое еще подъ вліяніемъ этого народнаго движенія стремленіе къ сближенію науки съ жизнью, идеаловъ съ дѣйствительностью, было продолжаемо съ особенной ревностью. Гервинусъ оставилъ Геттингенъ, сдѣлался профессоромъ въ Гейдельбергѣ, а потомъ оставилъ устное преподованіе и отдался весь задуманной имъ «Исторіи девятнадцатаго вѣка». Потребность имѣть такую исторію ощущалась не только, такъ сказать, поверхностная—для справокъ, но и глубокая—для утѣшенія себя въ періодъ выжиданія. Изъ того, что мы сейчасъ сказали о нравственномъ настроеніи Германіи, слѣдуетъ, что, увидѣвъ неудачу своихъ слабыхъ и несамостоятельныхъ практическихъ попытокъ, видя повсемѣстное торжество реакціи,—германская нація должна была искать себѣ извиненія и утѣшенія. Ей было отрадно, привольно въ теоріи о «постепенномъ, естественномъ, органическомъ развитіи», которое идетъ само собою, котораго не можетъ удержать общественное сопротивленіе и котораго не слѣдуетъ «мутить преждевременными, насильственными порывами». Это извиненіе и утѣшеніе должна была дать германской націи исторія. Еще въ эпоху французскаго владычества, возникла въ Германіи, также въ идѣ протеста и утѣшенія, такъ называемая «историческая школа»,

основателями которой были Нибуръ и К. О. Миллеръ. Блестящими представителями ея, въ ея дальнѣйшемъ развитіи и въ двухъ различныхъ ея развѣтвленіяхъ, служатъ съ одной стороны—Ранке, съ другой Шлоссеръ и Гервинусъ. Главнымъ методомъ ея есть очищеніе фактовъ отъ всѣхъ легендарныхъ, условныхъ или чисто-предполагательныхъ ихъ толкованій и изображеній,—возстановленіе ихъ на прочномъ основаніи историческихъ памятниковъ, съ неумолимымъ хладнокровіемъ критической анатоміи. На этомъ прочномъ и строго-научномъ фундаментѣ «историческая школа» воздвигаетъ свое зданіе, но тутъ историки-строители уже разнятся въ своихъ архитектоническихъ пріемахъ. Одни изъ нихъ, как Ранке, строго держатся *«объективности»*, то есть, стараются отрѣшиться отъ всѣхъ современныхъ явленій, пишутъ не въ виду настоящей потребности общества, не подъ вліяніемъ тѣхъ народныхъ и соціальныхъ условій, среди которыхъ они сами находятся; такъ что если въ твореніяхъ ихъ и есть какой-либо руководящій духъ, какое-либо внутреннее дѣятельное вліяніе, то это — духъ и вліяніе самой только индивидуальности автора, который, успѣвъ отрѣшиться отъ своей народности, не могъ однакоже дойти до самоотрицанія. Здѣсь мы замѣтимъ, что «историческая школа», которая на критической, строго-научной разработкѣ фактовъ возводитъ зданіе исторіи раціональной, объясняющей всѣ явленія въ ихъ внутренней связи, прагматически, и поглощаетъ въ себѣ такимъ образомъ философію исторіи, не признавая ни этой философіи, ни даже «исторіи цивилизаціи» за отдѣльныя науки, — постоянно и въ ущербъ своему достоинству держится начала «постепенности, естественности» хода историческихъ событій. Преувеличивая это отвлеченное начало, она иногда преклоняется передъ всѣми общественными формами уже потому самому, что онѣ есть, — въ чемъ она и встрѣчается съ Гегелемъ, независимо отъ коренного различія ея взглядовъ съ его идеализаціею. Отсюда ясно, что «историческая школа» по своему общему направленію имѣетъ чисто консервативный характеръ. Эта историческая консервативность невредна въ томъ случаѣ, когда писатель-историкъ имѣетъ въ виду современныя потребности общества, когда онъ самъ одушевленъ гуманно-либеральными стремленіями и когда онъ не отрѣшается въ своемъ трудѣ отъ своей народности и настоящихъ нуждъ общества. Но если онъ не поддается этому реальному направленію, которое

одно даетъ исторической наукѣ смыслъ въ настоящемъ и дѣлаетъ изъ нея важный рычагъ политическаго развитія, а не пустую понораму; если онъ придерживается исключительно объективности,—тогда трудъ его не только не полезенъ, но вреденъ для общества, и вредъ въ этомъ случаѣ заключается въ томъ раболѣбствѣ передъ совершившимся фактомъ, передъ успѣхомъ, которое ведетъ къ оправданію самыхъ гнетущихъ политическихъ формъ, на томъ только основаніи, что онѣ существуютъ. Различіемъ этихъ двухъ направленій опредѣляется параллель между двумя современными намъ представителями «исторической школы» — Шлоссеромъ и Ранке. Ранке хотѣлъ быть только объективнымъ, но вышелъ просто реакціонернымъ. Историческая же школа, которая имѣетъ своихъ представителей, между прочимъ, въ Шлоссерѣ и Гервинусѣ, основывается также на строгой научной разработкѣ фактовъ, на критической провѣркѣ источниковъ; затѣмъ ведетъ изложеніе также прагматически, т. е. въ причинной связи (эти пріемы исторической школы составляютъ уже окончательное пріобрѣтеніе науки и необходимыя условія для всякого историческаго труда),—но въ то же время не отрѣшается отъ предобладающихъ идей своего времени; въ писателяхъ этой школы часто говоритъ современный народный взглядъ или воззрѣніе національно-субъективное. Труды ихъ представляютъ не только описаніе и объясненіе прошедшаго, но и поученіе для настоящаго, а отчасти и утѣшеніе въ настоящемъ логической необходимостью свѣтлой будущности. При такомъ направленіи возможна, разумѣется, нѣкоторая преднамѣренность въ изложеніи фактовъ; но вѣдь дѣйствительной, полной «объективности» нельзя найти и у историковъ чисто-объективнаго направленія. Такъ напримѣръ хоть бы у Гервинуса мѣстами проявляется нѣкоторое пристрастіе къ величію германской націи и къ ея исторической роли. Но объективный Зибель, ученикъ Ранке, далеко перещеголялъ Гервинуса въ этомъ отношеніи. Гервинусъ посвятилъ свою исторію девятнадцатаго вѣка Шлоссеру и въ посвященіи объясняетъ, что смотритъ на нее, какъ на продолженіе исторіи весемнадцатаго вѣка Шлоссера. Шлоссеръ, обладая вполнѣ высокими качествами исторической школы, которой онъ считается однимъ изъ основателей, удачно соединилъ наружную неприкосновенность фактовъ съ твердымъ, никогда непокидающимъ его, либеральнымъ воззрѣніемъ на нихъ. Онъ смѣло осуждаетъ то, что достойно осужденія по вѣч-

нымъ законамъ гуманности и свободы, и осужденіе его имѣетъ тѣмъ болѣе вѣса, что онъ произноситъ его не во имя умозрительной системы, а на основаніи неоспоримо-вѣрнаго изложенія фактовъ. Достоинство Шлоссера наслѣдовалъ и Гервинусъ. Начавъ свое авторское поприще съ сочиненій по части собственно литературной исторіи, онъ въ послѣднемъ своемъ произведеніи, какъ мы уже сказали, удовлетворилъ естественной потребности современнаго германскаго, а отчасти и всего континентально-европейскаго общества. Глубокое убѣжденіе въ истинѣ новыхъ началъ и въ торжествѣ ихъ, имѣющемъ осуществиться со временемъ,—вотъ главное, вполнѣ сочувственное свойство, сообщающее труду Гервинуса такую поучительность и давшее ему такую огромную популярность въ Германіи. «Трудъ мой, говоритъ Гервинусъ, изображаетъ время обмана и лжи, упрямство властителей и слабости ихъ чиновниковъ, время конгрессовъ и протоколовъ, политическихъ преслѣдованій и заговоровъ, надеждъ и разочарованій со времени 1815 года». Мы хотимъ бросить бѣглый взглядъ на тѣ историческія эпохи, которыя изложены въ предлежащей книгѣ, и привесть изъ нея нѣкоторыя мѣста. Но намъ сперва необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ мѣстѣ, которое занимаетъ Гервинусъ въ нѣмецкой исторической литературѣ. Завидно положеніе тѣхъ литературъ, въ которыхъ неутомимая дѣятельность множества лицъ и обществъ уже открыла достаточную массу подлиннаго историческаго матеріала для того, чтобы можно было построить изъ него сколько нибудь прочное зданіе цѣлой исторической жизни народа. Безъ такого усерднаго и долговременнаго розысканія памятниковъ и безъ строгой критической ихъ разработки представленіе о цѣлой исторіи народа не можетъ имѣть ни основательности, ни прочности. Каждый впослѣдствіи открываемый, сколько нибудь значительный документъ можетъ пролить совершенно новый свѣтъ на важное событіе, пожалуй на цѣлый рядъ событій.

Гервинусъ сперва пріобрѣлъ учено-литературную извѣстность своими трудами о Шекспирѣ и своей исторіей національной поэтической Германіи. Съ 1855 года онъ издаетъ свою исторію девятнадцатаго вѣка. Послѣдній изданный имъ шестой томъ вышелъ въ прошломъ году. Въ нихъ Гервинусъ довелъ свое изложеніе до третьяго десятилѣтія текущаго вѣка. Въ первомъ томѣ перевода оно доведено только до второго десятилѣтія. Къ изданію перваго тома своего сочиненія Гервинусъ предпослалъ интересное

«введеніе», вышедшее отдѣльной брошюрою. Оно, къ сожалѣнію, еще не появлялось въ русскомъ переводѣ; издатель перевода утѣшаетъ насъ надеждою, что оно выйдетъ особо. Мы искренно желаемъ, чтобы онъ былъ въ состояніи исполнить свое обѣщаніе.

Время, котораго событія изложены въ лежащей передъ нами книгѣ перевода, далеко отъ современной намъ эпохи; однакоже, описаніе его представляетъ много поучительнаго для насъ, излагаетъ созданіе тѣхъ искуственныхъ опоръ, которыя положены въ основаніе существовавшему до послѣднихъ годовъ «равновѣсію», и установленіе нѣкоторыхъ тяготѣющихъ по сіе время надъ Европою отношеній. Это время, начинающееся съ перваго паденія Наполеона и оканчивающееся на царствованіи императора Франца I, было запечатлѣно памятною, многостороннею реакціею 1815—1830 годовъ. Гервинусъ описывалъ это время въ подобный же періодъ начала пятидесятыхъ годовъ, не имѣя въ виду новаго просвѣтленія горизонта, начавшагося четыре года спустя. Обнимаемое настоящею книгою время было велико по событіямъ, значительно по механическимъ своимъ результатамъ, но крайне бѣдственно по многимъ изъ своихъ внутреннихъ, нравственныхъ послѣдствій. Писатели, которые хотятъ отыскать свѣтлую сторону въ этой эпохѣ, задушившей на время испареніями только-что совершеннаго великаго европейскаго кровопролитія свободное движеніе умовъ, начавшееся въ концѣ прошлаго столѣтія — обыкновенно указываютъ на пробужденіе Наполеоновскимъ игомъ чувствъ національности и стремленіе къ свободѣ въ націяхъ итальянской и германской. Но это пробужденіе національностей чужеземнымъ притѣсненіемъ, либеральныхъ стремленій императорскимъ игомъ, само по себѣ уже было неестественно. Съ совершившимся актомъ историку конечно нельзя сопоставлять предположеній о томъ, что бы было, еслибы онъ не совершился. Но мыслителю нестѣсненному строго-научными формами и допускающему вліяніе различныхъ случайностей на направленіе дальнѣйшихъ событій по тому или другому пути, въ ту минуту, когда историческая драма времени происходитъ, такъ сказать, на перекресткѣ этихъ путей—дозволено подумать, что еслибы толчокъ французскаго движенія, сообщившійся болѣе или менѣе и Италіи, и Германіи, не былъ парализованъ механическимъ завоеваніемъ прочихъ народовъ, и не проявившись въ такомъ неблагопріятномъ видѣ, не былъ бы остановленъ неестествен-

ными союзами въ остальной Европѣ новыхъ началъ съ старыми,—то Европа была бы спасена отъ многихъ болѣзненныхъ недоразумѣній, задержавшихъ развитіе ея политическаго устройства. Замѣчательно, что Гервинусъ, не смотря на всю свою трезвость воззрѣнія, какъ бы поддался обаянію наполеоновскаго величія. Правда, онъ сознаетъ всѣ слабыя стороны, мелкія свойства этого человѣка, его вѣроломную, убійственно-холодную и безплодную политику, его безвѣріе къ началамъ, на которыхъ, по самому Гервинусу, зиждется благосостояніе народовъ; но онъ, какъ Гюго, Байронъ, Мадзини и Гейне, увлекается наружнымъ величіемъ этого гигантскаго монумента незрѣлости народовъ и дряхлости правительствъ начала нашего вѣка. Вотъ какъ Гервинусъ описываетъ паденіе Наполеона I:

Великій человѣкъ двухъ вѣковъ, для дѣяній котораго Европа была слишкомъ тѣсной сценой, долженъ былъ ограничиться небольшимъ пространствомъ маленькаго острова. Это было роковое паденіе, полное трагическаго величія. И никогда трагическая поэзія не могла придумать болѣе рѣзкихъ образовъ, чѣмъ какія представила здѣсь исторія для выраженія той мысли, что преступленіе всегда само себя наказываетъ и что природа человѣка и его дѣйствія собственно опредѣляютъ его судьбу. Откровенно сознаваясь въ своей страсти, Наполеонъ хвалился, что на такую высоту подняла его гордость духа; такъ же точно съ покорнымъ смиреніемъ онъ долженъ былъ бы сознаться, что она же и низвергла его съ высоты. Выросшій среди идей и событій французскаго переворота, оставшись чистымъ отъ его преступленій, умѣвшій сознавать его истины и заблужденія, онъ сдѣлался спасителемъ Франціи во времена внутренняго и внѣшняго неустройства и, по-видимому, былъ призванъ сдѣлаться собирателемъ великой жатвы вѣка, благодѣтелемъ Европы и основателемъ новаго порядка въ будущемъ. Міръ призналъ за нимъ это призваніе, — призналъ его и онъ самъ. Въ то время, когда ему случилось подводить итогъ своей жизни, онъ говорилъ, что великая цѣль его стремленій была — служить посредникомъ между народами и монархами, соединить свободное государственное устройство съ монархическими формами, закрыть навсегда бездну революціонныхъ бурь, положить конецъ старымъ, изгнившимъ формамъ, привести въ силу всѣ здоровыя государственныя начала новаго времени и основать «господство разума» въ возрожденной Европѣ. Въ томъ, что это возрожденіе не совершилось, онъ обвинялъ случайныя обстоятельства, напр. враждебность стихій въ Россіи. Но еслибы онъ былъ способенъ вникнуть чистосердечно въ самого себя, то онъ сознался бы, что его повели къ паденію не эти случайности, заграждавшія его пути и мѣшавшія его цѣлямъ, но самые пути, имъ избранные. Еслибы онъ

представилъ на своемъ отечествѣ великій примѣръ воспитанія народа для свободы и благосостоянія, соединяя благодѣянія своего законодательства съ непоколебимымъ и постояннымъ исполненіемъ закона, и порядокъ своихъ административныхъ учрежденій съ самоуправленіемъ и свободною дѣятельностью всѣхъ членовъ государства,—еслибы онъ хотѣлъ основать могущество Франціи на успѣшномъ ея развитіи сообразно времени, а собственное свое безсмертіе—на внутреннемъ содѣйствіи требованіямъ вѣка,—то такой примѣръ дѣйствительно послужилъ бы Европѣ для ея обновленія. Но такъ какъ благодѣяніе это соединялось съ насиліемъ, такъ какъ Наполеонъ поставлялъ свою славу въ блескѣ оружія, а благоденствіе Франціи во владычествѣ надъ Европою, то, вслѣдствіе одного этого заблужденія, тѣ великія цѣли, если онѣ только существовали, не только не были достигнуты, но и уничтожились сами собою. Потому что при такомъ пути посредничество между народомъ и монархомъ было невозможно, прежнее раздвоеніе могло только болѣе увеличиться; гнилыя формы прежняго времени не могли обновиться, а напротивъ должны были гнить еще болѣе. Всѣ качества государя, равно какъ и народа, нравственныя, умственныя, гражданскія, должны были измельчать или ухудшиться. Такимъ путемъ, какой избралъ Наполеонъ, нельзя было исправить прежнюю испорченную нравственность народа, которая поддерживалась примѣромъ Бурбонскихъ дворовъ, и уничтожить одичалость массъ, которая дошла до крайности во время революціи; въ государствѣ, которое безъ устали и безъ цѣли бросалось отъ одной отчаянной мечты къ другой, не могли развиваться неблестящія, но истинныя добродѣтели, семейныя и гражданскія. Какъ нравственные, такъ же точно и умственные успѣхи народа были невозможны при такомъ пути. Наполеонъ самъ говорилъ, что кто подавляетъ идеи, тотъ трудится для собственной погибели: онъ же самъ, собственными дѣлами, доказалъ истину этихъ словъ. Онъ всегда издѣвался надъ идеею, когда она не совпадала съ его стремленіями: искусству онъ предоставлялъ свободу только для лести, наукѣ—только для служенія его интересамъ; онъ не уважалъ, но преслѣдовалъ и подавлялъ всякое свободное проявленіе ихъ въ школѣ, въ печати, въ обществѣ и на трибунѣ. Гражданская зрѣлость народа была бы для него стѣснительна на томъ пути, какимъ онъ шелъ; ему нужна была власть сосредоточенная и единичная, и онъ не хотѣлъ, чтобы собранія сословій распоряжались тѣми средствами, которыми дѣйствуетъ власть. Поставленный въ эту необходимость, онъ старался пріискать оправданіе для своихъ стѣснительныхъ мѣръ, ссылаясь на то, что подвижному легкомыслію француза не достаетъ настойчиваго постоянства, свойственнаго англичанину и составляющаго главное условіе для свободной государственной жизни,—и что француза воодушевляетъ только воинственное честолюбіе, а не истинная любовь къ свободѣ. Это оправданіе, кажется, все болѣе и болѣе переходило въ полное его убѣжденіе и, что еще замѣчательнѣе, онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ, какъ будуо бы считалъ для

себя славной задачей—поработить еще болѣе рабскій духъ народа. Онъ уничтожалъ одно за другимъ великія политическія пріобрѣтенія Франціи. На мѣсто революціи онъ поставилъ деспотизмъ, на мѣсто національности—всемірную державу, на мѣсто свободнаго государства — династію, выводившую свое право на всемірное господство отъ Карла Великаго, на мѣсто равенства — наслѣдственное и жалованное дворянство, на мѣсто раздѣльности наслѣдствъ — маіораты и субституціи, на мѣсто изгнаннаго суевѣрія — конкордатъ, на мѣсто коллективной воли общинъ—единоличную дѣятельность префектовъ. Онъ насильно вторгался въ домашніе круги и семейства, и окружалъ ихъ шпіонами и доносчиками. Передовыхъ людей народа, имъ же самимъ упоеннаго славою, онъ оскорблялъ грубымъ обращеніемъ и унижалъ ихъ до слѣпыхъ орудій своей воли. Даже какому нибудь Тиверію былъ противенъ раболѣпный духъ сенаторовъ, а французскаго императора удовлетворяла только самая подлая угодливость. И до чего, до какой степени высокомѣрнаго эгоизма извратились, на пути къ всемірному господству, самая природа Наполеона, его великодушіе и гордость души! Какая пропасть лежала между генераломъ Бонапартомъ, котораго Талейранъ когда-то назвалъ скромнымъ сыномъ времени, отечества и революціи, и хвалилъ его въ глаза за античную простоту и презрѣніе ко всѣмъ пустымъ внѣшнимъ прикрасамъ, и—императоромъ Наполеономъ, который возстановилъ нелѣпый, придворный блескъ гнилого прошедшаго, который съ роскошью азіятскаго властелина возилъ съ собою до Москвы любимое вино свое (какъ персидскій царь свою воду), который при самомъ паденіи дерзнулъ сказать, что онъ для Франціи болѣе необходимъ, чѣмъ Франція для него, который вѣрилъ въ свое полнѣйшее превосходство и непогрѣшительность и угодники котораго требовали съ наглою увѣренностью, чтобы люди «смотрѣли на его волю, какъ на велѣніе судьбы». Но даже лучшіе изъ людей никогда не бываютъ властителями судьбы, а только ея слугами. И если Наполеонъ, при тѣхъ цѣляхъ, которыя онъ, послѣ своего паденія, называлъ своими, и могъ бы быть служителемъ судьбы, то во всякомъ случаѣ провидѣніе поражало Францію страшными переворотами съ 1789 г. не для тѣхъ цѣлей, которыя въ дѣйствительности преслѣдовалъ возвышавшійся Наполеонъ. Но завоевателямъ болѣе могучимъ и героямъ болѣе человѣчнымъ, чѣмъ Наполеонъ, не удавалась дерзкая попытка уничтожать народы, пренебрегать пространствомъ и временемъ, и дѣло столѣтій совершать въ короткій періодъ человѣческой жизни. Національная гордость народовъ, притѣсненныхъ и угрожаемыхъ имъ, вооружилась противъ него, и ею онъ былъ побѣжденъ, когда первый ударъ въ борьбѣ съ Россіею поколебалъ вѣру въ его счастіе. Не слѣпая судьба поразила его, а его погубило крайнее напряженіе собственной и чужой силы. Онъ самъ когда-то говорилъ, что на войнѣ великое несчастіе всегда падаетъ на того, кто провинился во многомъ; этимъ онъ произнесъ свой собственный приговоръ. Вслѣдствіе излишняго напряженія силы, одна за другою разру-

шались опоры и ослаблялись пружины. Союзники его уже перестали увлекаться надеждой на выгоды; передъ властію его внутри государства уже не трепетали съ ужасомъ; его собственные, напряженные труды уже не служили примѣромъ для другихъ. Орудія, неимѣвшія собственной силы, выпали изъ его рукъ; народъ, отвыкшій отъ самодѣятельности, не откликнулся болѣе на его призывъ; малодушіе министровъ, занимавшихъ должности, измѣна министровъ, бывшихъ въ отставкѣ, грубая неблагодарность любимцевъ, вялость полководцевъ, пресыщенныхъ наслажденіями,—все это возстало наконецъ противъ прежняго владыки! Въ немъ самомъ боролись до конца отчаяніе побѣжденнаго и горькое чувство униженія послѣ такого величія съ гордостью и надеждою на прежнее счастіе; военный геній истощилъ свои послѣднія силы въ послѣднемъ напрасномъ усиліи. Политическое паденіе было ужасно, но еще ужаснѣе было паденіе человѣческое. Гордость внушила Наполеону глубокое презрѣніе къ людямъ, и оно было оправдано собственнымъ его печальнымъ опытомъ; гордость же развила въ немъ мысль, что онъ обладаетъ самымъ глубокимъ знаніемъ людей, но въ этой мысли онъ горько долженъ былъ разочароваться. Правда, вѣрность войска въ низшихъ его рядахъ, даже при послѣднемъ испытаніи, достойна была удивленія и доходила до самопожертвованія, но чѣмъ выше мѣста занимали люди въ войскѣ, тѣмъ скорѣе измѣняли они вождю. Самые храбрые оставили его въ послѣднюю минуту, награжденные и отличенные имъ прятались или измѣняли, напротивъ того обиженные и пренебреженные оказались самыми благородными; родственники его въ Италіи струсили или измѣнили. Отвергнутая супруга пережила паденіе своего любимаго мужа только нѣсколькими недѣлями; напротивъ того царствующая императрица измѣнила своей столицѣ, своему супругу, своему царскому достоинству и вскорѣ даже самой себѣ и своему женскому достоинству; сыну выпалъ трагическій жребій Астіанакса, и это было для отца ужаснѣе всего.

Въ этомъ приговорѣ, не смотря на всю его кажущуюся строгость и справедливость, нельзя не замѣтить нѣкотораго увлеченія личностью основателя первой имперіи. Замѣтимъ, что Гервинусъ въ этомъ бѣгломъ, но полномъ, по намѣренію, очеркѣ наполеоновской дѣятельности, ни разу не упомянулъ о 18 брюмерѣ, о государственномъ переворотѣ, то есть, о государственной измѣнѣ Наполеона I, и хотя вмѣняетъ ему въ вину поставленіе на мѣсто свободнаго государственнаго правленія — «династіи, выводившей свое право на всемірное господство отъ Карла Великаго», но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, что Наполеонъ, не смотря на свою измѣну и

не смотря на основаніе во Франціи своей династіи, могъ бы, если бы захотѣлъ, «представить на своемъ народѣ великій примѣръ *воспитанія народа* для свободы и благосостоянія». Нельзя не замѣтить въ этой мысли противорѣчія всей теоріи исторической школы объ «органическомъ саморазвитіи» народовъ, противорѣчія, происходящаго именно отъ увлеченія «великою личностью». Человѣкъ, который въ государствѣ, только-что издержавшемъ громадный капиталъ крови на освобожденіе себя отъ древняго деспотизма, рѣшился поставить новый деспотизмъ, удовлетворявшій его мелочному тщеславію, и употребить этотъ деспотизмъ на то, чтобы погубить «три милліона людей»,—могъ ли онъ воспитывать народъ къ свободѣ, еслибы народы и могли быть «воспитываемы» такими самозванными педагогами? Человѣкъ, который истратилъ на военныя издержки «пять милліардовъ» франковъ — могъ ли онъ воспитывать народъ для благосостоянія, еслибы народы и нуждались въ такомъ воспитаніи, которое лишило ихъ послѣдняго благосостоянія. Нѣтъ, съ той минуты, как сынъ революціи, генералъ Бонапартъ, преобразился въ преемника Бурбоновъ, онъ уже не могъ продолжать великой задачи своего вѣка и народа. Онъ долженъ былъ рано или поздно придти къ террору и, дѣйствительно, Наполеонъ былъ величайшимъ изъ террористовъ. Еслибы, пользуясь законнымъ авторитетомъ, какой дали ему по заслугѣ въ защитѣ территоріи республики, онъ направилъ бы революцію на естественный ея путь; еслибы онъ остановилъ революцію на томъ бѣдственномъ поприщѣ, гдѣ она сдѣлалась продолжительницею дѣла «стараго порядка» — централизаціи; еслибы онъ направилъ ее туда, куда велъ естественно протестъ противъ похищенія мѣстныхъ свободъ—къ той федераціи, которую Прудону приходится теперь доказывать при второй имперіи,— тогда онъ оказалъ бы Франціи великую услугу, предохранилъ бы ее отъ пяти слѣдующихъ революцій, и дѣйствительно предоставилъ бы народу возможность политическаго воспитанія, въ естественномъ видѣ саморазвитія, самодѣятельности, а стало быть и самовоспитанія. Но тогда онъ былъ бы уже не Наполеономъ, а скорѣе Вашингтономъ, Вашингтономъ не одной національной независимости, а также и личной эмансипаціи.

Одну изъ второстепенныхъ причинъ паденія, подготовленную себѣ самимъ Наполеономъ, Гервинусъ выставилъ очень вѣрно. Она исте-

кала изъ главной его ошибки, или вѣрнѣе сказать, преступленія. Гервинусъ пишетъ:

Чѣмъ болѣе дворъ Наполеона подражалъ древнему королевскому двору и превосходилъ его блескомъ и великолѣпіемъ, тѣмъ охотнѣе роялисты, даже древнѣйшее дворянство, оставляли интересы обѣднѣвшихъ Бурбоновъ. Въ 1804 г. люди самаго крайняго роялизма проникли во всевозможныя административныя должности; въ 1805 г. уже нѣкоторые члены древняго придворнаго дворянства поступили ко двору императора; между 1806 и 1808 годами они въ большомъ количествѣ встрѣчаются при дворахъ императорскихъ родственниковъ; въ 1811 г. почти всѣ дворянскія имена стараго двора являются при новомъ. Видя эту всеобщую измѣну, графъ Лилль (такъ назывался Людовикъ XVIII въ изгнаніи) съ горькою рѣшимостію отказался отъ своихъ послѣднихъ надеждъ. Но эта–то измѣна и положила основаніе его послѣдующимъ ошибкамъ. Еще во времена консульства люди проницательные указывали несовмѣстность этого дворянства и его старыхъ предразсудковъ съ новою системою Наполеона; оно принимало благодѣянія новаго государя, но сохраняло свои прежнія убѣжденія: оно завидовало военному дворянству Наполеона, которое по чинамъ стояло выше древнихъ фамилій; и потому несчастіе императора разрушило его неестественную связь съ старымъ дворянствомъ гораздо скорѣе того, чѣмъ она укрѣпилась во времена его счастія. Тоже самое было и съ духовенствомъ.

Но главной причиною паденія Наполеона было все-таки, кромѣ «чрезвычайнаго напряженія силъ», о которомъ говоритъ Гервинусъ, то же свойство, которое онъ подмѣтилъ у бурбонскаго претендента графа де-Лилль:

Прежде у него было убѣжденіе, столь свойственное всѣмъ монархамъ во время народныхъ движеній, что во Франціи противъ нето была только горсть бунтовщиковъ Онъ говорилъ, что для страны было бы неизгладимымъ позоромъ, еслибы онъ не надѣялся возвратить на истинный путь обманутую «грубую массу»; онъ полагалъ, что будетъ въ состояніи «образовать общественное мнѣніе и руководить имъ», какъ только онъ своимъ личнымъ появленіемъ «приведетъ въ дѣйствіе утроенную моральную силу», заключающуюся въ его королевскомъ правѣ.

И приведенная выше, второстепенная, и эта послѣдняя— отрицаніе народной самостоятельности,—причины паденія Наполеона, а съ побѣжденіемъ его арміи положеніе самой Франціи удачно обрисовано въ нѣсколькихъ словахъ, въ одномъ сочиненіи, современномъ рестав-

раціи. «Эти люди, сказано тамъ, которые столько разъ клялись умереть,—эти люди, всегда готовые пролить свою кровь до послѣдней капли за любимаго властителя, за обожаемую фамилію, за священную особу,—эти люди, которые умираютъ, а не сдаются,—въ сущности весьма податливы на соглашеніе. Но есть у насъ иной классъ людей, менѣе возвышенный и такой, который не умираетъ ни за кого, и все, что дѣлаетъ, дѣлаетъ безъ всякой преданности: строитъ, пашетъ, фабрикуетъ, насколько это позволено; читаетъ, думаетъ, расчитываетъ, изобрѣтаетъ, совершенствуетъ искусства, знаетъ все, что можно знать въ настоящее время,—а между прочимъ знаетъ и науку о томъ, какъ драться, если только это наука. Нѣтъ такого простолюдина, который не изучилъ бы ее и не могъ бы дать по ней уроки потомкамъ Дюгесклена. Юрій—хлѣбопашецъ, Андрей—винодѣлецъ, Яковъ — добрякъ и Карлъ, обработывающій свои триста десятинъ земли, и купецъ, и ремесленникъ, судья, адвокатъ, и достойный нашъ священникъ,—всѣ носили оружіе, всѣ вели войну. О если бы они никогда не имѣли въ главѣ своей «великаго человѣка»... если бы они обошлись безъ раззолоченной толпы графовъ, герцоговъ, князей, блестящихъ офицеровъ... если бы простой народъ во Франціи не унизился неравнымъ союзомъ и храбрость не выродилась въ жантильомерію,—никогда бы наши жены не услыхали звуковъ союзныхъ барабановъ».

Конечно, пока люди будутъ прельщаться преимущественно величіемъ тѣхъ, кто ихъ бьетъ и истребляетъ, а не тѣхъ, кто созидаетъ ихъ благосостояніе,—великая фигура Наполеона останется неприкосновенною на вандомской колоннѣ, вылитой изъ завоеванныхъ пушекъ. Только такой странной абберраціею можно объяснить себѣ удивленіе и сочувствіе къ Наполеону величайшихъ либеральныхъ поэтовъ и нѣкоторое увлеченіе самихъ историковъ философовъ. Признавая Наполеона геніемъ, Гервинусъ выражаетъ однако въ иномъ мѣстѣ своего сочиненія мнѣніе, что настоящему времени несоотвѣтствуютъ такъ называемыя «великія» личности. Замѣтимъ, что эта аристократія генія часто обязана своимъ дипломомъ болѣе случайностямъ, чѣмъ своей «высшей» природѣ (имѣя за собой mehr Glück als Verstand, какъ говорятъ нѣмцы). Распространеніе познаній въ массѣ и возвышеніе общаго благосостоянія ведетъ за собой уравненіе составляющихъ ее личностей, изъ которыхъ только нѣкоторыя выдаются впередъ, но никакая не можетъ похвастаться какою-то

высшею природою, чѣмъ-то въ родѣ «голубой крови» испанскихъ гидальго. Но и тѣ личности, которыя выдаются впередъ, служатъ только представителями общественнаго настроенія и слугами потребностей общества, а никакъ не самопроизвольными властелинами его судьбы и создающими «все изъ ничего» его воспитателями.

Впрочемъ, пристрастіе къ личности Наполеона въ историкахъ перваго періода нашего вѣка нѣсколько объясняется при ближайшемъ знакомствѣ съ прочими личностями, выдававшимися въ то время впередъ въ западной Европѣ. Уже одна гордость и честолюбіе Наполеона исключаютъ возможность всякого сравненія между нимъ и прочими современными дѣятелями западной Европы, среди которыхъ особенно прославились своимъ «государственнымъ умомъ» пресловутые великіе дипломаты: Талейранъ и Меттернихъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить читателямъ мастерскую характеристику обоихъ этихъ дѣятелей въ сочиненіи Гервинуса.

«Четверо упомянутыхъ французовъ, изъ коихъ трое были куклами четвертаго (Талейрана), и одинъ нѣмецъ, были единственные люди, у которыхъ спрашивали о желаніяхъ и о настроеніи народа. Всѣ они изъ пресыщенныхъ любимцевъ и безстыдныхъ льстецовъ Наполеона сдѣлались его клеветниками и измѣнниками. Между ними баронъ Люи отозвался, что Наполеонъ уже почти трупъ, только безъ запаха; а за годъ передъ этимъ онъ превозносилъ его до небесъ, какъ второго Карла Великаго. Самый дерзкій и пустой изъ нихъ, де-Прадтъ нагло утверждалъ, что «вся Франція роялистическая», а чрезъ два года, онъ публично доказывалъ *), что нужно было не жить тогда ни одной минуты въ Парижѣ, чтобы не видѣть, что «продолженіе господствовавшаго порядка, только безъ ига Наполеона» (регенство), было всеобщимъ желаніемъ. Судьбы Франціи эти люди своими показаніями все-таки не рѣшили; но то обстоятельство, что именно эти люди призваны были для совѣта, хотя бы только для формы, при этомъ чрезвычайномъ переворотѣ великаго государства, и вслѣдствіе этого тотчасъ опредѣлены были къ самымъ важнымъ должностямъ, было первымъ изъ всѣхъ опасныхъ промаховъ, которые съ самой минуты рожденія реставраціи предуготовили ея роковыя послѣдствія. Въ этотъ великій кризисъ, можетъ быть, было столь же и возможно, какъ необходимо, внушить французскому народу благородныя и возвышенныя стремленія для его будущаго, приведя на

*) Въ récit hist. sur la restauration, 1816. Въ позднѣйшіе годы признался онъ съ беззаботною откровенностью въ разговорахъ съ Любисомъ, что въ тѣ времена всѣ лгали и онъ также.

встрѣчу возстановленному королю государственныхъ людей нравственно неиспорченныхъ и съ незапятнаннымъ политическимъ прошедшимъ. Но какое и кому могли внушить довѣріе именно эти лица, и въ ихъ главѣ особенно человѣкъ, который въ продолженіи всего своего поприща возбудилъ къ себѣ отвращеніе въ своей и чужихъ странахъ всѣхъ классовъ народа, во все время послѣднихъ движеній Франціи! Его ненавидѣли приверженцы революціи, не смотря на его заслуги въ національномъ собраніи,—ибо онъ измѣнилъ всѣмъ ея принципамъ и даже въ то время, когда онъ ихъ проповѣдывалъ; своею безнравственностью потерялъ онъ всякое уваженіе, уличенный много разъ въ страсти къ игрѣ, обвиненный въ ажіотажѣ, заговорѣ и продажности. Онъ былъ ненавистенъ привиллегированнымъ классамъ старо-королевскаго порядка: дворянству, его родному сословію, котораго силу онъ ослаблялъ вмѣстѣ съ другими и котораго пустой блескъ онъ потомъ снова старался возстановить; духовенству, своему сословію по знанію, которое онъ въ молодости опозорилъ, потомъ старался уничтожить, и наконецъ совершенно его оставилъ. Его ненавидѣли искренніе приверженцы Бонапарта, въ правленіе котораго, какъ во время директоріи, такъ и послѣ въ качествѣ его министра иностранныхъ дѣлъ, онъ компрометировалъ французскую политику въ отношеніяхъ почти со всѣми странами міра, изъ которыхъ Португалія, Америка, Турція, Англія, Германія, Италія, Испанія—каждая попеременно испытали его вѣроломство, корыстолюбіе, продажность и фальшивость. Что могло сдѣлать этого человѣка сколько нибудь пріятнымъ новымъ повелителямъ Франціи, — развѣ только его двусмысленная способность не быть вѣрнымъ другу и не быть сговорчивымъ съ врагомъ! Почему союзники именно къ нему обратились за совѣтомъ, — развѣ опять вслѣдствіе той же безхарактерности его, по которой они не могли опасаться никакихъ противорѣчій съ его стороны! Къ сожалѣнію, онъ тогда еще пользовался извѣстностью непогрѣшимаго оракула; думали, что онъ можетъ угадывать напередъ всѣ зловредные умыслы Наполеона;—то обстоятельство, что Наполеонъ самъ постоянно совѣтовался съ своимъ отставнымъ министромъ (о которомъ онъ зналъ, что ему извѣстны всѣ его тайны), еще болѣе увеличило вѣру въ необходимость его проницательности. Къ тому же онъ безспорно владѣлъ тою ясностью духа, тою увлекательною остротою слога и пріятною гибкостію формы, которыя однѣ въ состояніи были расположить и привлечь къ нему знатныхъ людей. Они вздыхали теперь о такомъ человѣкѣ, какъ онъ, по тѣмъ же побужденіямъ, по которымъ Наполеонъ еще долго послѣ вздыхалъ по немъ,—именно потому, что интриги его всегда такъ искусны, а заслуги такъ ничтожны, или, какъ сказалъ Людовикъ XVIII, что желающіе добра такъ дурно, а желающіе зла—такъ искусно все видятъ. Поставивъ себя во главѣ событій, Талейранъ снова показалъ прежнее свое искусство; онъ умѣлъ замедлить и отдалить исполненіе того, что предсказывалъ ему Наполеонъ въ бурной сценѣ разрыва съ нимъ: что всякій новый переворотъ прежде всего погубитъ его и

Фуше, какой бы партіи они не держались. Онъ такъ себя поставилъ, что, приставая ко всякой партіи, онъ во всякомъ переворотѣ успѣвалъ оставаться выше всѣхъ и оправдывалъ такимъ образомъ употребленное имъ подобіе *): «что онъ съ своей кривой ногой кажется черепахой, которая однако обгоняетъ зайца». Въ настоящихъ обстоятельствахъ Франціи подобное искусство не предвѣщало ничего добраго. Въ эти времена, которыя назвали «тяжелыми, даже невозможными», бразды государства должны были находиться въ рукахъ человѣка, которому чистая совѣсть придавала бы самоувѣренность, а благія намѣренія—твердость и безстрашіе; но когда они попали въ руки человѣка, котораго хитрые разсчеты и своекорыстные выгоды сдѣлали податливымъ, тогда въ государствѣ непремѣнно должно было усилиться ожесточеніе и взаимная вражда между крайними партіями, — эта главная опасность при всякомъ внезапномъ государственномъ переворотѣ. Можно было предвидѣть, что Талейранъ не пристанетъ ни къ одной крайней партіи, но также точно ни одной изъ нихъ не съумѣетъ обуздать; что онъ будетъ совѣтовать королю умѣренность, но всегда уступитъ его упрямству; что онъ станетъ препятствовать безумнымъ мѣрамъ роялистовъ, но что послѣдніе, раздраженные уже одною его личностью и ободренные его низкими интригами, будутъ ему противодѣйствовать съ явнымъ насиліемъ.

Вотъ изображеніе Меттерниха:

«Князь Клементій фонъ-Меттернихъ былъ созданъ на то, чтобы въ блаженное время мира и въ блаженной землѣ наслаждаться жизнію, полною умственнаго и физическаго бездѣйствія. Меттернихъ былъ ничто иное, какъ человѣкъ рутины, которому даже порицатели его не могли отказать въ понятливости, вкрадчивости и ловкости; великія современныя событія развили эти природные дары, но знанія его и понятія были лишены всякой основательности. Даже такой мастеръ своего дѣла, какъ Фуше, прославлялъ его полицейскую проницательность, его быстрое пониманіе людей, ихъ слабостей и ошибокъ;— не смотря на это, онъ до такой степени былъ лишенъ основательнаго познанія людей и самого себя, что всю жизнь оставался въ полномъ убѣжденіи, что у него не было ни одного личнаго врага. Съ такимъ же простодушіемъ, которое было возможно только въ такой нѣмой странѣ и при такой фальшивой обстановкѣ, онъ выставлялъ на видъ отсутствіе всякихъ другихъ познаній, каждый разъ когда ему приходилось обнаруживать ихъ устно или письменно; въ важнѣйшихъ случаяхъ, онъ писалъ письма, полныя логическихъ и граматическихъ ошибокъ и доказывавшія всю поверхностность его образованія. Когда однажды Рахиль Левинъ охарактеризовала современное состояніе общества названіемъ «безконечной глубины пустоты», Меттернихъ назвалъ это выраженіе «по

*) Въ запискахъ Людовика XVIII, (1862).

истинѣ геніальнымъ вдохновеніемъ»: то было характеристическое обозначеніе пустоты образованія романтиковъ, которые ощущали въ себѣ порывы глубокаго пониманія и глубокаго чувства, но при этомъ оставались необходимыми украшеніями каждаго развлеченія, каждаго свѣтскаго общества, каждой пустой бесѣды, и были лишены той основательности характера, которая одна даетъ достоинство и здравое направленіе всякому остроумію и уму. Изъ первыхъ порывовъ, то есть, порывовъ чувства и ума, въ Меттернихѣ не было ничего; жажда же развлеченій и наслажденій жила въ немъ во всей своей цѣлости. Подобно Генцу, онъ съ юныхъ лѣтъ находился въ кругу женщинъ и былъ обязанъ имъ своимъ образованіемъ. Безнравственная жизнь, которую онъ велъ въ 1794 году въ Вѣнѣ и которая лишила его всякаго серьезнаго національнаго направленія, не нравилась даже тамъ и уже въ то время. Въ бытность его посланникомъ въ Парижѣ, его дипломатическія похожденія и побѣды шли рядомъ съ успѣхами въ свѣтѣ. О неприличной жизни его по вступленіи въ министерство, въ 1810 г., было уже упомянуто выше. Привычка къ этой распущенности завела его такъ далеко, что онъ, подобно Генцу, въ своихъ признаніяхъ, касавшихся его частной жизни, щеголялъ своей пустотой. Можетъ быть, что во многихъ исторіяхъ и случаяхъ изъ домашней, общественной и семейной жизни князя, которая всегда была противна благопристойной императорской фамиліи, есть большая доля неправды; но во всякомъ случаѣ не хорошо, когда даже клеветы подобнаго рода, касающіяся общественнаго дѣятеля, остаются неопровергнутыми и когда исторія, даже облеченная въ панегирическую одежду, разсказываетъ такъ мало о добропорядочной частной жизни, а скандалезная хроника, напротивъ того, сообщаетъ такъ много. Мы не имѣемъ средствъ излагать здѣсь, на основаніи документовъ, безконечные толки о подкупности и ненасытномъ корыстолюбіи Меттерниха, также какъ и не можемъ доказывать такими же документами неимовѣрныя растраты, которымъ онъ подвергалъ какъ свое собственное состояніе, такъ и государственную казну, употребляя эту послѣднюю на полицейскія и дипломатическія издержки, въ которыхъ ему была предоставлена полная свобода до смерти императора Франца I, когда онѣ доросли до 13 милліоновъ. Тѣмъ не менѣе «разрушительное» финансовое и домашнее управленіе его извѣстны всему міру. Съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ назвалъ его въ лицо подкупленнымъ Англіею (въ ту самую минуту, какъ другіе утверждали, что его подкупила Россія черезъ посредство герцогини Саганъ), какъ часто упоминалось о деньгахъ, которыя онъ получалъ съ вѣдома своего государя, отъ русскаго императора, какъ плату за частныя донесенія, подобно Зундерланду и другимъ такимъ же государственнымъ людямъ, пользовавшимся самою дурною славою! Съ какою увѣренностью и легкостью Каподистрія (1812 и 1819 г.) всегда разсчитывалъ на возможность склонить Меттерниха нѣсколькими милліонами къ содѣйствію великому плану опаснѣйшаго врага его отчизны! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, уже будучи посланникомъ

въ Дрезденѣ, находился въ критическомъ денежномъ положеніи, до послѣднихъ годовъ его вліянія, въ какихъ дѣлахъ не обвиняли его, сколько слуховъ не распространяли о его лихоимствѣ, о сношеніяхъ всевозможнаго рода съ большими и малыми правительствами, въ искусительныхъ и неискусительныхъ случаяхъ! Конечно, скандальная хроника впадаетъ въ смѣшное преувеличеніе, когда исчисляетъ сотнями множество подарковъ, биржевыя выигрыши, выгоды отъ условій съ финансовыми знаменитостями, барыши отъ дорогихъ продажъ (Оксенгаузенъ королю виртембергскому) и дешевыхъ покупокъ (аббатство Плесъ въ Богеміи), милліоны отъ разныхъ «вознагражденій, мирныхъ договоровъ, выводовъ войскъ изъ городовъ, пріобрѣтеній и мореплаванія»,—однимъ словомъ, все, что князь получилъ во время тридцатилѣтняго мира: тѣмъ не менѣе исчисленіе только неопровержимыхъ фактовъ, бывшихъ началомъ, каковы французскіе милліоны 1814 г., выгоды отъ французскаго займа 1817—1818 г., возвышеніе въ санъ неаполитанскаго герцога и подарокъ Іоганнисберга (1815—1816 г.),—только эти факты уже свидѣтельствуютъ о неизмѣримости суммъ, полученныхъ Меттернихомъ; а по этому извѣстному началу, какія заключенія можно вывести о неизвѣстномъ продолженіи! Человѣкъ, ведшій такую жизнь и пользовавшійся такою дурною славою, могъ быть образцомъ придворнаго, но никогда не могъ сдѣлаться великимъ государственнымъ мужемъ. Незаслуженную славу этого послѣдняго онъ началъ пріобрѣтать въ то время, когда Австрія совершенно неожиданно поднялась блестящимъ образомъ, то есть тогда, когда въ войнѣ 1813 г, недостаточныя силы Пруссіи и Россіи позволили Австріи предписать условія своего вступленія въ союзъ. На вѣнскомъ конгрессѣ, своею увертливостью онъ, казалось, оправдалъ выраженіе о немъ Наполеона, что онъ принимаетъ страсть къ проискамъ за искусство государственнаго управленія; мы видѣли, какое неудовольствіе возбудилъ онъ въ государственныхъ людяхъ фальшивостью, съ которою онъ вызывалъ запутанныя положенія, доставлявшія, какъ видно, наслажденіе его натурѣ. Въ виду этихъ маневровъ русскій сановникъ Меріанъ съ швейцарскою рѣзкостью назвалъ его «лакированною пылью»; даже Талейранъ осмѣливался давать ему названіе политика de semaine, который каждую минуту мѣняетъ цѣль и средства, не обращая вниманія на вѣрность и честь. Когда просматриваешь приговоры о немъ бывшихъ съ нимъ въ дружбѣ англійскихъ сановниковъ, когда читаешь, напримѣръ, какъ Кестльри разсуждаетъ о его двуличной политикѣ и кривыхъ дѣйствіяхъ въ вопросѣ объ устройствѣ судьбы Евгенія, какъ Веллингтонъ говоритъ о его поведеніи по поводу уменьшенія французскаго гарнизона, какъ Мюнстеръ судитъ о его поступкахъ въ различныхъ событіяхъ Германіи, какъ всѣ они произносятъ одинаково строгій судъ, — когда, говоримъ мы, читаешь все это, то не понимаешь, какъ имя этого человѣка могло пріобрѣсть славу. И дѣйствительно, это было бы совершенно непонятно, еслибы не было извѣстно, что могущество ослѣпляетъ приговоръ соотчичей, и что чужестранцы, есте-

ственно, воздаютъ хвалу тому государственному искусству, которое приноситъ имъ выгоды. Однакожъ и въ Австріи, при началѣ мира, въ то время, когда Меттернихъ стоялъ на высшей степени своего величія, противъ него выказывалось сильное неудовольствіе, особенно со стороны военныхъ, которымъ и позже не нравилось его мелкое нѣмецкое искусство управленія государствомъ и которые даже совѣтовали отказаться отъ союза, для того чтобы Австрія была готова на востокѣ ко всякому столкновенію. Князь Меттернихъ достигъ въ Австріи высшихъ почестей и мѣста государственнаго канцлера. Европа украсила его рѣшительно всѣми орденами, но въ исторіи Австріи не можетъ сохраниться за нимъ слава великаго министра. Его, можетъ быть, будутъ сравнивать съ Талейраномъ, на котораго онъ походилъ лѣностію и равнодушіемъ, поверхностностью и безнравственностью, сухостью сердца, страстью къ наслажденіямъ, неспособностью къ благодѣтельнымъ политическимъ дѣламъ; но никто не сравнитъ его, какъ и Талейрана, съ дѣятельными министрами французскаго абсолютизма, даже съ такими изъ нихъ, каковы были Ришелье и Мазарини, пользовавшіеся слишкомъ двусмысленною славою. Были, правда, великіе правители, угнетавшіе государство болѣе чѣмъ Меттернихъ, но эти люди искупали свою жестокость другими заслугами государству; если они, какъ Меттернихъ, и ставили свои личные интересы выше общественнаго блага, за то въ дѣлахъ, въ которыхъ не была затронута ихъ собственная польза, они дѣлали добро, вслѣдствіе ли ума, природной ли склонности къ дѣятельности, или привычки къ ней. Не таковъ былъ Меттернихъ. Главный интересъ его составляло бездѣйствіе, находившееся вслѣдстіе того въ постоянной борьбѣ съ государственнымъ благомъ. О немъ можно было сказать тоже, что говорилъ кардиналъ Ретцъ о Ришелье «что государство интересовало его только на время его собственной жизни»; но за то къ Меттерниху вовсе не шли слѣдовавшія за этимъ слова Ретца: «ни одинъ министръ не старался такъ ревностно убѣдить другихъ, что онъ заботится о будущности государства». Меттернихъ былъ равнодушенъ даже къ тому, чтобы составить о себѣ такое мнѣніе; это видно изъ того, что когда онъ однажды, во время разрыва съ нимъ ганноверскихъ и англійскихъ министровъ, высказалъ надежду, что его дѣйствія не останутся безъ пользы для общаго блага, и когда онъ, взявши подъ защиту свой принципъ упрямства, старался скрасить его худшія мѣста, то и тогда даже это стараніе было такъ неловко «аффишировано», что оно не только не опровергало мнѣнія о равнодушіи, но еще болѣе подтверждало его. Между тѣмъ наблюдатели, находившіеся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ него, утверждали, что онъ, по своей внутренней натурѣ, не былъ чуждъ либеральныхъ началъ, но что онъ подавлялъ ихъ изъ желанія угодить своему государю и вслѣдстіе этого постоянно обнаруживалъ свое презрѣніе къ «gens liberale», давалъ полную волю орудіямъ крутого деспотизма, Генцу и Седльницкому, не стѣсняя ихъ въ самыхъ произвольныхъ

дѣйствіяхъ, и ставилъ все свое призваніе въ подавленіи какого бы то ни было свободнаго движенія.

Когда Меттернихъ, согласно съ истиною, увѣрялъ, что императоръ питаетъ къ нему довѣренность только потому, что онъ «слѣдуетъ пути, указываемому ему императоромъ», — то эти слова въ устахъ Меттерниха были самовосхваленіемъ и самооправданіемъ. Только во внѣшнихъ дѣлахъ министру былъ предоставленъ большой кругъ дѣятельности и на него падала вся тяжесть заботъ; во внутреннихъ же дѣлахъ вліяніе его было незначительно. Правительственная система, далеко несозданная имъ, шла, со времени Тугута и Кобенцля по прочно проложенной колеѣ, и мастеромъ великой машины все болѣе и болѣе становился самъ императоръ.

Когда нарушилось эфемерное владычество Наполеона, пришлось строить вновь политическую систему Европы. Къ сожалѣнію, дѣятели тогдашняго времени ограничились одной перестройкою только-что рухнувшаго зданія, изъ тѣхъ же матеріаловъ, съ новыми, искусственными контрафорсами. Задача, предлежавшая дипломатамъ того времени была поистинѣ велика. Представлявшійся имъ случай для созданія чего нибудь естественно-прочнаго въ Европѣ былъ случай дотолѣ невиданный и который не такъ скоро представится. Въ самомъ дѣлѣ, революціонный элементъ, котораго внутреннее содержаніе было задушено желѣзными руками Наполеона, и который остался въ видѣ одной грубой матеріальной силы, вихремъ прошелъ по всей западной Европѣ и на пути свалилъ многое изъ того, что было дѣйствительно дряхло и не выдержало ни пробы времени, ни человѣческихъ силъ. Такъ онъ уничтожилъ тиранническія правительства Италіи, сложилъ ветхую «священную римско-германскую имперію» и лишилъ было папу его свѣтской власти. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Наполеона, какъ и дѣятельность Аларика или Аттиллы, имѣли свое плодотворно-отрицательное значеніе. Оставалось создать нѣчто пригодное для современности изъ обломкомъ ветхой старины. Тогда былъ возможенъ тотъ немедленный раціональный пересмотръ карты Европы, который впослѣдствіи, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ совершаться мало по малу, цѣною столькихъ жертвъ и столькихъ напрасныхъ усилій. Въ то время все это было пущено въ ходъ. Оставалось придумать удовлетворительное исполненіе. Къ сожалѣнію, это неосуществилось. Дипломаты тогдашняго времени не рѣшили ни одного вопроса въ пользу національнаго или общественнаго развитія. Будучи не истинно-государственными людьми, а только дипломатами, они занялись одними дипломатическими побужденіями, одними династическими интересами. Они

какъ бы предоставили самимъ народамъ заявлять впослѣдствіи свои права. Намъ могутъ, пожалуй, сказать на это, что дипломаты не могли имѣть иныхъ побужденій, кромѣ дипломатическихъ, что въ отсутствіи народной самодѣятельности, представляя одни правительства, которыя свергли иго, они естественно занялись только раздѣломъ добычи. Но это возраженіе было бы совершенно неосновательно. Иго Наполеона было свергнуто не одними правительствами; заслуга его ниспроверженія въ значительной степени принадлежала народнымъ повсемѣстнымъ порывамъ, въ Испаніи, Россіи, Германіи и Италіи. Итакъ, народы имѣли право на участіе въ дѣлежѣ послѣ побѣды или хоть на подачку отъ общаго пира. Но этого не случилось, и въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается вся тайна непрочности «европейскаго равновѣсія», созданнаго вѣнскими трактатами.

Приведемъ изъ Гервинуса двѣ картины внѣшней обстановки конгресса и его внутренняго значенія.

Праздники, даваемые дворомъ, министрами и дворянствомъ Австріи своимъ гостямъ, казалось, должны были опровергнуть, или по крайней мѣрѣ, скрывать то и другое. Этимъ не было конца праздникамъ, равно какъ и мнимому единодушію и доброму согласію присутствовавшихъ. Все это придавало Вѣнскому конгрессу съ внѣшней стороны характеръ одного изъ тѣхъ праздиествъ, которыя были послѣ Вестфальскаго мира, конечно по окончаніи всѣхъ дѣлъ на немъ. Частные балы и придворные рауты, маскерады и живыя картины, фейерверки и карусели, охота, прогулки въ экипажахъ и верхомъ, маневры и смотры войскамъ,— все это смѣнялось одно другимъ въ какой-то безпрерывной суетѣ; сегодня ни къ чему неидущая панихида по Людовикѣ XVI, вечеромъ балъ, а на завтра пышное катанье въ саняхъ. Вся картина того времени представляла чрезвычайно много разнообразія. На тѣсномъ пространствѣ города Вѣны толпились государи съ своими свитами, литературныя, военныя и политическія знаменитости, пышное дворянство Австріи, Венгріи и Богеміи съ ихъ иностранными гостями, салонные бонмотисты, германскіе и космополитическіе мечтатели, чудаки и искатели приключеній, фокусники и акробаты, танцовщики и пѣвцы; утонченныя страсти запада встрѣчались здѣсь съ болѣе грубыми потребностями представителей полувосточныхъ державъ; высшій кругъ общества выставлялъ свои богатства па показъ и на приманку продажныхъ танцовщицъ, которыя увозили съ собой огромныя суммы; легкомысленные и желчные остряки —мефистофелевскій хоръ въ этой драмѣ—распространяли эти горькія тайны въ публикѣ. Впрочемъ злые языки не высказывались въ печати; напротивъ того, краснорѣчивы были восторженныя описанія всѣхъ празднествъ, выходившія изъ-подъ пера оффиціальныхъ писарей нѣмецкихъ

министровъ и печатавшіяся въ «Австрійскомъ Наблюдателѣ». Эта суета пустой, праздной, безнравственной жизни цѣлаго общества и эта безмѣрная расточительность денегъ, времени и силъ нашли себѣ осужденіе не въ однихъ только строгихъ судьяхъ, но и въ людяхъ, которые далеко не были жолчными моралистами. Можно еще было простить знати этотъ взрывъ радости послѣ 25 лѣтъ безпокойства и униженія; но нельзя было оправдать того, что на придворной кухнѣ ежедневно тратились страшныя суммы, и по увѣренію людей, знавшихъ дѣло, на всѣ увеселенія по случаю конгресса было употреблено вѣнскимъ дворомъ болѣе 30 милліоновъ гульденовъ, въ странѣ, гдѣ три года тому назадъ государственное банкротство раззорило безчисленное множество людей, гдѣ въ то самое время находилось болѣе 50 тысячь инвалидовъ, на половину па самомъ скудномъ содержаніи, а на половину просто при однихъ документахъ на подобную пенсію,—когда въ Трансильваніи былъ страшный голодъ, отъ котораго погибло нѣсколько тысячь народу (въ началѣ 1715 г.),—и гдѣ везли коронованныхъ гостей (въ Офенъ) по дорогамъ, которыя послѣ долгаго времени въ первый разъ были исправлены.

Мы бы хотѣли привесть изъ предлежащей книги еще нѣкоторыя рельефныя мѣста, въ особенности прекрасную характеристику реакціи съ 1815 до 1820 года, столь богатую важными и для современности уроками. Но мы должны отослать читателей къ самому сочиненію Гервинуса; тѣхъ, которые имѣютъ возможность прочесть его въ оригинальномъ текстѣ — къ оригиналу, а тѣхъ, которымъ онъ недоступенъ,—хоть къ вышедшему пока первому тому русскаго перевода. Надѣемся, что переводъ книги Гарвинуса не остановится на половинѣ, какъ это не рѣдко случается, съ нашими изданіями. Какъ ни равнодушна наша публика, воспитанная на произведеніяхъ мелкихъ, чахлыхъ, и оборванныхъ,—къ такимъ произведеніямъ, какъ исторія девятнадцатаго вѣка, но нѣтъ сомнѣнія, что книга Гервинуса многими прочитается охотно. Бѣдность нашей доморощенной мысли и робость нашихъ лучшихъ дѣятелей въ мощныхъ умственныхъ предпріятіяхъ, которыя могутъ отнять много времени и силъ и остаться подъ спудомъ, наконецъ самая критика, занимающаяся разными мошками и букашками, но не замѣчающая слоновъ,— все это содѣйствуетъ интересу изданія Гервинуса на русскомъ языкѣ.

Л. П—скій.

ТОРГОВЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

Статья вторая.

Основные законы общественной экономіи. — Настоящая цѣна всѣхъ произведеній труда опредѣляется издержками на ихъ производство. — Продажная цѣна должна быть равна настоящей. —Въ народномъ хозяйствѣ чистаго дохода быть не можетъ.

Монополь и конкуренція въ торговлѣ одинаково нарушаютъ эти основные экономическіе законы. — Конкуренція, притомъ, убиваетъ конкуренцію, вѣнчаетъ монополь, укореняетъ лихоимство, порождаетъ торговый обманъ, подделку и порчу товаровъ и, наконецъ, повальное банкротство.

«Правдой не наживешься».
Торговая поговорка.

Наша торговля нуждается въ коренномъ преобразованіи. Лихоимство и обманъ, эти обыкновенные спутники конкуренціи, по замѣчанію ученаго г. Киттары, «до того вошли въ плоть и кровь русскаго промышленнаго люда, что *честному* человѣку нельзя удержаться въ этой сферѣ: онъ невольно увлекается подражаніемъ и мало по малу становится самъ образцомъ для другихъ». Да! самое пылкое воображеніе безсильно создать картину тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій, которыя совершаются ежедневно въ нашемъ торговомъ мірѣ, благодаря равнодушію самого общества къ своимъ интересамъ. Пора, въ самомъ дѣлѣ, обратить серьезное вниманіе на состояніе нашей торговли и принять рѣшительныя мѣры для искорененія тунеядства, плутовста, умышленнаго банкротства, поддѣл-

ки товаровъ, короче — всѣхъ торговыхъ преступленій. Они производятъ гибельное вліяніе на народное хозяйство и подтачиваютъ въ самомъ корнѣ промышленность, которая поэтому и находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Надо удивляться, какимъ образомъ еще могутъ существовать наши фабрики и заводы! Если наши мануфактурныя издѣлія дурно приготовляются, продаются въ поддѣльномъ видѣ и по дорогой цѣнѣ, то въ этомъ виновата болѣе всего торговля или, говоря вѣрнѣе, торговый произволъ.

Дѣйствительно, развитіе или упадокъ производства вообще зависитъ всегда отъ увеличенія или сокращенія сбыта товаровъ. Поэтому, если сбытъ ихъ находится въ рукахъ купцовъ, то отъ ихъ произвола зависитъ конечно ходъ работъ и отчасти репутація производителей. Торговые посредники, не занимаясь сами работой, не умножаютъ количества вещей и товаровъ, не улучшаютъ ихъ качества, а только возвышаютъ продажныя цѣны и производятъ общую дороговизну. Но чѣмъ товары дороже, тѣмъ меньше ихъ раскупаютъ; слѣдовательно, торговцы сокращаютъ сбытъ, порождаютъ застой промышленности и, по своему положенію, какъ посредники между производителями и потребителями, наносятъ ущербъ и тѣмъ и другимъ. Вотъ, между прочимъ, фактъ, который ясно показываетъ, какъ торговцы могутъ вредить развитію фабричной и заводской промышленности.

Въ Петербургѣ существуютъ три или четыре купеческія конторы, черезъ которыя финляндцы выписываютъ русскіе товары. Весною и лѣтомъ эти конторы посылаютъ въ Финляндію своихъ агентовъ съ прейсъ-курантами, на коихъ для одного и того же товара выставляется нѣсколько цѣнъ; напр. — стеариновыя свѣчи—10 р., 10 р. 50 к., 11 р., 11 р. 50 к., 12 р. за пудъ. Кромѣ того, въ подобныхъ прейсъ-курантахъ говорится, что за перемѣну выставленныхъ цѣнъ контора не отвѣчаетъ; такимъ образомъ, если цѣны въ дѣйствительности понизятся, то съ покупателя все-таки берется по тѣмъ цѣнамъ, которыя назначены въ прейсъ-курантѣ; если же цѣны повысятся, то покупатель обязанъ приплатить. Деньги за товары должны высылаться заранѣе; перевозка и страхованіе дѣлаются на счетъ заказчика, который притомъ платитъ 2% за коммиссію.

Предлагая финляндцамъ такія невыгодныя условія, наши купцы, въ сношеніи съ ними, прибѣгаютъ затѣмъ къ слѣдующимъ продѣлкамъ: по полученіи денегъ, они не исполняютъ порученій иногда

по шести мѣсяцевъ и, когда ихъ просятъ выслать, по прейсъ-куранту, напр.—пудъ свѣчей въ 12 р., отправляютъ такія свѣчи, пудъ которыхъ стоитъ въ продажѣ не болѣе 10 р., а вѣроятно и дешевле. Мало того: вмѣсто настоящихъ товаровъ, чаще всего они посылаютъ поддѣльные или испорченные. Подобное посредничество или плутовство, разумѣется, даетъ большіе барыши конторамъ: изъ ничего и за ничто онѣ получаютъ ежегодно по 20, 25 тысячъ чистой прибыли. Но каково финлядцнамъ?

«Получая за дорогую цѣну дурные товары, финляпцы говорятъ, что русскія мануфактуры никуда не годятся, что гораздо лучше и выгоднѣе выписывать все изъ-за границы. Русскіе же фабриканты, понятно, лишаются черезъ это покупателей; вотъ почему я и говорилъ въ прошедшемъ письмѣ, что лучше будетъ, если фабриканты станутъ посылать своихъ агентовъ съ образчиками въ Финляндію *сами отъ себя*», (Изъ Улеаборга. «С.-Пб. Вѣдомости», февраль 1863 г.)

Для постояннаго и правильнаго хода работъ, а тѣмъ болѣе для усиленія производства, каждый фабрикантъ долженъ, прежде всего, заботиться о томъ, чтобы найти сбытъ своимъ издѣліямъ и обезпечить его. Къ сожалѣнію, наши производители усвоили дурную привычку сбывать свои товары оптовымъ купцамъ и коммиссіонерамъ и не думаютъ вовсе отказываться отъ этой вредной рутины, которая держитъ ихъ въ крѣпостной зависимости отъ разнаго рода кулаковъ. Въ предъидущей статьѣ, говоря о дурной выдѣлкѣ, поддѣлкѣ и торгѣ нашихъ товаровъ, я высказалъ ту мысль, что въ этомъ виноваты не фабриканты и заводчики, а купцы, которымъ они продаютъ. Дѣйствительно, сокращеніе мѣры, вѣса, объема разныхъ матерій, употребленіе негодныхъ подмѣсей, съ цѣлію удешевить обработку — все это дѣлается по приказу не самого хозяина, а того купца, отъ котораго онъ получаетъ заказы. Въ этомъ случаѣ производитель поневолѣ становится сообщникомъ его въ подлогѣ; иначе, если бы онъ захотѣлъ дорожить своей честью болѣе, чѣмъ сбытомъ поддѣльныхъ вещей, то ему пришлось бы потерять заказчика, а можетъ быть, и прекратить вовсе работы.

Не мѣшаетъ также обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: фабрикантъ, который продаетъ свои товары не прямо потребителямъ, а купцамъ, *рѣшительно не можетъ обмануть послѣднихъ*, потому что они умѣютъ, не хуже его, оцѣнить качество ма-

теріаловъ, стоимость и достоинство ихъ обработки. Другое дѣло—сами торговцы: они продаютъ неопытнымъ покупателямъ, и потому легко могутъ злоупотреблять ихъ незнаніемъ или довѣрчивостью. Притомъ продавецъ, обманывающій публику, увѣренъ заранѣе, что если мошенничество его и откроется, то уже по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Вотъ почему первая забота ловкаго торгаша состоитъ въ томъ, чтобы показать товаръ лицомъ и поскорѣе сбыть его съ рукъ по самой дорогой цѣнѣ; а тамъ, если покупатель станетъ обличать въ подлогѣ, можно свалить всю вину на фабриканта или мастерового. «Сами изволите-съ знать: не мы-съ дѣлаемъ товаръ, а получаемъ его съ фабрики».

Поддѣлка и порча всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ издѣлій доведена въ нашей промышленности до такого искусства, что часто ставитъ въ тупикъ ученыхъ технологовъ, химиковъ и экспертовъ. У насъ въ послѣднее время придумали даже средство поддѣлывать *желѣзо подъ мѣдь*.

«Недавно мнѣ пришлось купить нѣсколько сотъ винтовъ въ одной изъ лавокъ, пользующихся извѣстностью. Винты нужны были мѣдные. Выбравъ, по представленному мнѣ торговцемъ образчику, тѣ, которые мнѣ показались подходящими, я взялъ ихъ и заплатилъ нѣсколько дешевле обыкновеннаго, не болѣе впрочемъ 1%. Но представьте мое удивленіе, когда я принесъ домой и даже десятка два употребилъ въ дѣло: вдругъ оказывается, что винты—желѣзные, и только покрыты мѣдью... Обращаюсь въ лавку: послѣ нѣсколькихъ ужимокъ и отговорокъ, торговецъ сталъ оправдываться, что «онъ, дескать, самъ получилъ такіе, что это дѣло мастеровъ» и т. п. (М. Ф. «Народн. Богатство», № 73, 1863 г.)

Неизвѣстный г. М. Ф., предавшій гласности этотъ новый обманъ, не потрудился сообщить имени того «извѣстнаго» купца, который продалъ ему поддѣльную мѣдь. Напрасно! Если уже обличать плутовъ, то обличать ихъ поименно, чтобы не заставлять публику играть съ ними въ жмурки... И если бы собрать и напечатать разные анекдоты и разсказы о продѣлкахъ нашихъ торгашей, то изъ этого вышелъ бы презанимательный и поучительный сборникъ для народнаго чтенія. Для нравственнаго развитія нашего народа, который съ завистью смотритъ на разбогатѣвшихъ торговцевъ и считаетъ вообще торгашество самымъ прибыльнымъ промысломъ, нужно раскрыть передъ нимъ картину торговаго разврата во всемъ

его безобразіи, съ тѣмъ чтобы пробудить чувство омерзѣнія къ лихоимству, обману, воровству и тунеядству. Мало того: народу слѣдуетъ постоянно доказывать на примѣрахъ, что человѣкъ, который наровитъ жить не работая, неизбѣжно дѣлается негодяемъ, врагомъ своего ближняго. Мы убѣждены, что народъ нашъ на столько сохранилъ еще здраваго смысла, что подобное нравоученіе не покажется ему смѣшнымъ. Когда онъ пойметъ, что безчестность въ торговлѣ, прибыльная для немногихъ, подрываетъ общее благосостояніе и поражаетъ всегда рабочій классъ, тогда лихоимство и тунеядство вызовутъ его справедливое негодованіе. Это не подлежитъ сомнѣнію.

Народъ бѣденъ, не долго и дурно живетъ, худо одѣвается и ѣстъ, дорого платитъ даже за предметы первой необходимости, если покупаетъ ихъ въ городѣ отъ купцовъ и лавочниковъ, которые притомъ сбываютъ ему поддѣльный и гнилой товаръ. Въ урожайные годы, когда цѣны на хлѣбъ низки, поддѣлывать его, конечно, нѣтъ разсчета. Поддѣлка и порча его является всегда во время неурожая, который порождаетъ дороговизну. Въ этомъ случаѣ, алчные торгаши примѣшиваютъ къ мукѣ разную дрянь и даже камни, въ видѣ тонкаго, бѣлаго порошка, который легко соединяется съ мукою и увеличиваетъ ея вѣсъ. Опытные лабазники умѣютъ, кромѣ того, бѣлить муку низкаго сорта и продаютъ ее за первосортную. Вреднѣе подмѣси чаще всего можно найдти въ булкахъ, куличахъ, пирожкахъ и пряникахъ, на которые такъ падки особенно дѣти. Безсовѣстные торгаши не только приготовляютъ эти припасы изъ скверной муки, но примѣшиваютъ къ нимъ разныя минеральныя окиси, окрашиваютъ и золотятъ ихъ вредными составами. Дѣти очень часто дѣлаются жертвами подобнаго плутовства, по своей страсти къ лакомствамъ.

Порча и поддѣлка товаровъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ составляетъ предметъ изслѣдованія ученыхъ спеціалистовъ. Путемъ химическаго анализа и разложенія они открываютъ ежедневно такія подмѣси въ продажныхъ издѣліяхъ, которыя явно показываютъ, до какой безчестности доводитъ торгашей неутолимая алчность къ барышамъ. Вотъ для примѣра, нѣсколько рецептовъ, по которымъ производится поддѣлка самыхъ обыкновенныхъ припасовъ въ овощныхъ и мелочныхъ лавочкахъ.

Сливочное масло составляется изъ примѣси мѣлу, картофельнаго

крахмала, телячьяго сала, и окрашивается затѣмъ шафраномъ, сокомъ изъ моркови и цвѣтка ноготки.

Уксусъ приготовляется изъ воды, всевозможныхъ кислотъ, уксусной, сѣрной, селитряной, виннокаменной, щавельной и другихъ, съ цѣлію придать водѣ кислый вкусъ, который бы напоминалъ настоящій уксусъ.

Толченый перецъ составляется изъ примѣси выжимокъ коноплянпаго сѣмени, которое превращаютъ предварительно въ мелчьайшій порошокъ.

Молотый кофе дѣлаютъ изъ кофейной гущи, которую торгаши скупаютъ отъ кухарокъ, поваровъ и трактирной прислуги; заграницей умѣютъ даже приготовлять искусственныя кофейныя зерна, которыя и продаются у нихъ за настоящія.

Цикорій самъ по себѣ составляетъ уже вредную примѣсь къ кофе; лавочники примѣшиваютъ къ этому корню еще до 25% простой земли.

Хорошій шоколадъ у насъ очень дорогъ и потому его пьютъ весьма немногіе. Подъ названіемъ шоколада наши лавочники и разносчики продаютъ самую чудовищную смѣсь изъ чечевицы, картофельнаго крахмала, грязнаго сахарнаго песку, яичныхъ желтковъ, телячьяго или бараньяго сала и корки какао. Къ этой смѣси прибавляютъ еще киновари или сурика. Настояшій шоколадъ съ ванилью въ продажѣ—рѣдкость. Желая однако угодить любителямъ этого шоколада, продавцы подмѣшиваютъ, вмѣсто дорогой ванили, росной ладонъ, а чаще всего простую канифоль, и за эту дешевую поддѣлку берутъ очень дорого.

Различные сорты чая постоянно смѣшиваются въ различной пропорціи, по личному соображенію торгующаго, при чемъ къ настоящему чаю прибавляется вывареный. Кухарки, экономы и экономки, домовая и трактирная прислуга сушатъ вывареный чай въ печи или на солнцѣ и потомъ продаютъ лавочникамъ по 20 и 30 к. за фунтъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдить читателя въ находчивости и искусствѣ торговцевъ. Мы не станемъ говорить уже о поддѣлкѣ вина и водки и другихъ напитковъ; публика сама знаетъ по опыту, что настоящая водка или чистое вино въ нашей продажѣ еще недавно были рѣдкостью. Въ Петербургѣ, напримѣръ, по самому умѣренному разсчету, отжившій откупъ выкачивалъ изъ рѣки Невы еже-

годно не менѣе милльона ведеръ воды, для разбавки водки и вина.

Всѣмъ жителямъ нашей столицы извѣстно, что на рынкахъ, особенно на Сѣнной площади постоянно продается испорченная провизія, которая, по полицейскимъ правиламъ, должна истребляться. Вѣдомости С. Петербургской городской полиціи, однако, весьма рѣдко сообщаютъ о подобныхъ истребленіяхъ, изъ чего можно вывести прямое заключеніе, что продажа испорченныхъ припасовъ и напитковъ у насъ составляетъ подземную исторію...

Въ нашихъ уголовныхъ законахъ опредѣлены наказанія «за нарушеніе правилъ, охраняющихъ безвредность жизненныхъ припасовъ и напитковъ». Надо сознаться, что эти наказанія отличаются крайней снисходительностію, которой нельзя найти даже въ филантропической Англіи, которая такъ заботится объ интересахъ своихъ купцовъ и лавочниковъ.

«Если продающіе что-либо съѣстное на рынкахъ или улицахъ будутъ употреблять для приготовленія испортившіеся или вредные для здоровья прапасы, то, по изобличеніи, подвергаются, въ первый разъ денежному взысканію отъ 50 к. до 2 р., а въ третій подлежатъ аресту отъ 7 до 21 дня и запрещенію продавать съѣстное.» (§ 1103, XV т. гражд. зак.)

«За всякую вредную примѣсь въ съѣстные припасы или напитки, за небрежное, грозящее вредомъ здоровью ихъ приготовленіе, виновные подвергаются денежному взысканію отъ 10 до 100 р. или аресту отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ. Буде отъ означенныхъ злоупотребленій причинится кому либо смерть, то виновные, сверхъ опредѣленнаго взысканія, лишаются навсегда права приготовлять и продавать напитки или что-либо съѣстное и предаются, если они христіане, церковному покаянію». (§§ 1106—1007. Тамъ же).

Итакъ мы видимъ, что наказанія за непозволительную продажу довольно мягки и ограничиваются, въ большей части случаевъ, денежными взысканіями. Кто не согласится, что, при нѣсколько бдительномъ надзорѣ за торговцами, городскіе доходы могли бы значительно увеличиться, а дума имѣла бы возможность уменьшить налогъ на дома и тѣмъ самымъ удешевить городскую жизнь. Поверхностный даже взглядъ на состояніе нашей торговли убѣждаетъ каждаго, что въ ней встрѣчается множество такихъ злоупотребленій, которыя не могутъ быть терпимы ни одной минуты, потому что представляютъ явное и наглое посягательство на благосостояніе об-

щества. Въ числѣ подобныхъ преступленій, порча и поддѣлка съѣстныхъ припасовъ, напитковъ и лекарствъ должна подлежать строгому преслѣдованію. Того требуетъ не только общественная совѣсть, но и гигіена. Неужели достаточно подвергнуть только денежному взысканію и духовному покаянію того безсовѣстнаго торгаша, который отравляетъ своего покупателя, тогда какъ за нанесеніе ранъ или увѣчья, «въ запальчивоти, раздраженіи и безъ обдумавнаго заранѣе намѣренія», виновнаго лишаютъ свѣхъ правъ состоянія и ссылаютъ въ Сибирь? (§ 2032 угол. зак.). Развѣ такое наказаніе соразмѣрно винѣ? Всякое торговое преступленіе—преступленіе противъ всего общества, а не противъ одного лица; поэтому оно и должно наказываться гораздо строже.

Публичное обличеніе и преслѣдованіе торговой безчестности окажетъ благотворное вліяніе на развитіе нашего народнаго хозяйства и общественной нравственности; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Англія, которая заботится о своихъ матеріальныхъ интересахъ, разумѣется, болѣе другихъ странъ, давно уже убѣдилась, что для поощренія торговцевъ нуженъ, прежде всего, страхъ денежнаго взысканія и позора за подлогъ. Вотъ почему въ англійскомъ законодательствѣ на виновнаго торгаша налагается громадная денежная пеня и продѣлка его предается гласности. Впрочемъ надо отдать справедливость англійскимъ купцамъ: долгая практика торговли укоренила въ нихъ то убѣжденіе, что обмануть покупателя значитъ потерять его, и потому они не такъ легко рѣшаются на обманъ и подлогъ.

«Правдой не наживешься», говорятъ наши доки-торгаши и потому, во вредъ себѣ, не пользуются довѣріемъ ни дома, ни заграницей. О домашнихъ продѣлкахъ ихъ мы уже говорили; намъ остается теперь привести доказательство, какъ поступаютъ наши купцы въ отношеніи иностранцевъ.

Лишь до барышей коснется,
Такъ чужеземцамъ и своимъ
Отъ нихъ жестоко достается.

Въ Петербургѣ проживаютъ спокойно братья С... и торгуютъ мясомъ. Два года тому назадъ, эти купцы получили изъ Лондона заказъ приготовить и отправить туда нѣсколько сотъ окороковъ и языковъ. По условію съ англичаниномъ Рошфоромъ, братья С... согласившись исполнить этотъ заказъ, какъ водится, взяли

задатокъ и приступили къ дѣлу. Дѣло состояло въ томъ, чтобы партію окороковъ, назначенную для отправки, предварительно просолить. Не долго думая, наши мясники распарили ихъ въ 3-хъ-копѣечныхъ баняхъ, посолили и послали за-границу. Что же оказалось? «Вслѣдствіе подобнаго омерзительнаго способа приготовленія окороковъ въ засолкѣ, они испортились во время пути до такой степени, что англичане принуждены были выбросить ихъ въ воду; иначе, по медицинскому уставу, Рошфоръ долженъ былъ бы заплатить 3000 руб. за провозъ такой мерзости. (Изъ газ. «Народное Богатство», N 39, 1863 г.)

Вотъ образчикъ торговаго обмана, который подрываетъ всякое довѣріе иностранцевъ къ нашимъ купцамъ. Впрочемъ подобные обманщики не унываютъ: имъ только бы сбыть скорѣе съ рукъ негодный товаръ и, не мытьемъ такъ катаньемъ, зашибить барышъ. Сегодня они отправятъ за границу тухлые окорока, завтра гнилыя кожи, послѣ завтра поддѣльное сало или масло, испорченный хлѣбъ и т. д. «Подай намъ денежки, а тамъ поминай насъ за морями, какъ знаешь: брань на вороту не виснетъ». Развѣ можно, послѣ этого, жаловаться на упадокъ нашей внѣшней торговли?... О продѣлкахъ нашихъ торгашей на азіятской границѣ и говорить стыдно: съ китайцами, бухарцами, персіанами, турками и другими «бусурманами» они не церемонятся. И тѣ въ свою очередь, платятъ имъ тою же монетой и, конечно, не остаются въ проигрышѣ...

«Что наша торговая наука и вся наша торговля — ложь, это всѣмъ извѣстно, всѣ единогласно говорятъ объ этомъ, всѣ статистики прибавляютъ къ своимъ цифрамъ оговорки болѣе или менѣе рѣзкія, приводить которыя считаемъ излишнимъ».—Такъ замѣчаетъ одна изъ нашихъ газетъ.

Да! торговая проказа губитъ въ зародышахъ наше домашнее благосостояніе и страшно вредитъ нашимъ промышленнымъ и политическимъ сношеніемъ съ иностранцами. Кто виноватъ въ этомъ? Виновато, прежде всего, разумѣется, само общество, которое до такой степени равнодушно къ своимъ прямымъ насущнымъ интересамъ, что на недобросовѣстность въ торговлѣ оно смотритъ до сихъ поръ, какъ на неизбѣжное зло. «Какъ велась у насъ торговля двѣсти, триста лѣтъ тому назадъ, такъ ведется теперь, такъ слѣдовательно и слѣдуетъ ее вести всегда. Что было и есть, то и будетъ». Вотъ логика, которой слѣдуетъ наше общество, вотъ его понятіе о прог-

рессѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такомъ настроеніи умовъ наши торговцы, коснѣя въ рутинѣ, не любятъ науки, боятся приступать къ ней и подозрительно смотрятъ на всякое преобразованіе, которое заставляетъ ихъ идти по новому пути.

Нашимъ купцамъ, говорятъ прогрессисты, необходимо образованіе: пока они не станутъ учиться, до тѣхъ поръ отъ нихъ нельзя ничего и ожидать. Образованіе!—какой же смыслъ имѣетъ это слово для нашихъ торговцевъ? «не въ ученьи, отецъ родной, дѣло, а въ деньгахъ: съ деньгами и дуракъ уменъ». Такъ разсуждаютъ настоящіе, образцовые доки, представители нашего купечества, которые безъ науки всю науку барышничества произошли.

«Съ молоду, говоритъ г. Киттары, поклоняются они золотому кумиру, съ молоду получаютъ слѣпую вѣру въ деньги, и нѣтъ мѣста ни нравственному развитію, ни стремленію къ знанію.

О воспитаніи купечества я не могу говорить безъ вздоха и, знаете ли, что вызываетъ этотъ вздохъ? Это — горькое сознаніе, что молодое поколѣніе должно идти по той узкой тропѣ, которую указываетъ ему воля стараго поколѣнія.... Купцы смотрятъ на своихъ дѣтей съ точки зрѣнія *крѣпостного права*, какъ на законную даровую силу. Первая забота ихъ: какъ бы сынъ подросъ поскорѣе, поспѣлъ какъ бы поскорѣе къ дѣлу. Или учатъ дѣтей своихъ дома у дешевыхъ учителей, учатъ грамотѣ да цифири, — такихъ много, очень много на Руси; другіе отдаютъ годика на два, на три въ какое нибудь учебное заведеніе, находя это болѣе удобнымъ и выгоднымъ: «подростетъ, молъ, тамъ, да и дома не помѣха». Находятся, наконецъ, и такіе купцы, которые изъ амбиціи не хотятъ видѣть дѣтей своихъ образованнѣе себя. Вы, можетъ быть, не повѣрите возможности подобныхъ примѣровъ, но вотъ вамъ фактъ и, притомъ, недавній. Въ одномъ изъ московскихъ учебныхъ заведеній воспитывался сынъ русскаго коммерсанта: учился онъ хорошо и дошелъ уже до 4-го класса. Отпускался этотъ ученикъ къ родителямъ на праздники. Застаетъ онъ однажды своего отца съ прикащикомъ за какимъ-то учетомъ товара, гдѣ нужно было золотники превратить въ фунты, а фунты въ пуды, да еще помножить... Долго работали два промышленныхъ дѣятеля, не умѣя подвѣсти вѣрнаго итога; даже костяшки счетовъ устали отъ безпрестанной выкладки. Сынъ присѣлъ къ столу и внимательно слѣдилъ за работой: она казалась такъ проста и легка, что онъ не вытерпѣлъ: «тятенька! да вы все не такъ дѣлаете: позвольте мнѣ, я вамъ въ пять минутъ это сдѣлаю». Отецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на сына, подумалъ съ минуту — «ну, говоритъ, попробуй». Ученикъ принялся за работу и, дѣйствительно, скоро ее кончилъ. Итогъ былъ вѣренъ. Другого бы отца порадовало, что деньги, платимыя за ученье сына, не пропадаютъ даромъ; не такъ было на этотъ разъ. Чувство досады на собст-

венное невѣжество вызвало у купца такое рѣшеніе; «э, э! да ты... того.... яйца, значитъ, курицу учатъ.... оставайся-ко дома: будетъ съ тебя, и то хитеръ сталъ». (III публичная лекція проф. Киттары о товаровѣденіи)

Развѣ въ школахъ, гимназіяхъ, академіяхъ, университетахъ учатъ, какъ барышничать? Если нѣтъ, то зачѣмъ же тратить время понапрасну: время—деньги, поэтому ихъ надо добывать за прилавкомъ, а не сидя на школьной скамейкѣ, слушая, развѣсивъ уши, учителей и профессоровъ. Торговля не теорія, а практика; она изучается не по книгамъ, а по живымъ примѣрамъ — на покупатяляхъ. Такъ разсуждаютъ опытные торговцы, которые изловчились перекидывать костяшки на счетахъ и пріобрѣли сноровку обмѣривать, обвѣшивать, показывать товаръ лицомъ и, въ случаѣ надобности, поддѣлывать его. Въ этомъ заключается вся практическая мудрость нашего торговца. Прибѣгая къ этой мудрости съ утра и до вечера, въ молодости и въ старости, въ званіи богатаго купца и бѣднаго прикащика, онъ не чувствуетъ надобности въ образованіи, потому что дѣятельность его не требуетъ ни соображеній, основанныхъ на наукѣ, ни строгости правилъ въ коммерческомъ дѣлѣ. Здѣсь все покоится на старинномъ обычаѣ, который выработалъ себѣ свою собственную логику, свою совѣсть и нѣсколько общепринятыхъ уловокъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нашъ торговый людъ, воспитанный за прилавками, на подзатыльникахъ и хозяйскихъ встрепкахъ, презираетъ науку и смотритъ на нее враждебными глазами. Это инстинктивное презрѣніе ко всему образованному и мыслящему объясняется очень просто. Наука ссоритъ купца съ его ремесломъ; она раскрываетъ ему взглядъ на его предразсудки, тревожитъ совѣсть, указывая на честность, какъ на непремѣнное условіе всякой человѣческой дѣятельности. Много разъ было замѣчено въ нашей литературѣ: отъ чего дѣти нашихъ купцовъ, получившіе порядочное образованіе, не хотятъ идти по слѣдамъ своихъ отцовъ и заниматься той же торговлей, которой занимались ихъ почтенные родители. Оттого, что съ развитіемъ имъ дѣлается противенъ тотъ родъ занятій, гдѣ обманъ и подлогъ составляютъ весь секретъ торговой смѣтливости; видя на своихъ отцахъ, какъ наживается копѣйка въ гостинно-дворскихъ закоулкахъ, съ какимъ униженіемъ личнаго достоинства достается не совсѣмъ чистая прибыль, они естественно не желаютъ подвергаться

тѣмъ же неудобствамъ, особенно когда наслѣдственный капиталъ освобождаетъ ихъ отъ необходимости жить торговыми барышами. Кромѣ того самая среда, въ которой растутъ купеческія дѣти, не отличается особеннымъ нравственнымъ комфортомъ. Деспотизмъ семейства, доходящій до высшихъ проявленій самодурства, до произвола, смѣсь ханженства съ лицемѣріемъ, простоты жизни съ глубочайшимъ развратомъ—все это не можетъ внушить чувства любви къ этому кругу въ образованномъ человѣкѣ. При первой возможности онъ вырывается изъ него и ищетъ другой обстановки и другой дѣятельности.

Но откуда же можно ожидать духа реформы, который рано или поздно долженъ пробудить коснѣющія силы нашего торговаго класса и внести въ его темное царство новый свѣтъ? Эта реформа совершится извнѣ, потому что внутри самаго торговаго сословія нѣтъ никакихъ преобразующихъ началъ. Образованіе почти не дѣйствуетъ и даже не проникаетъ въ эту замкнутую среду, гдѣ невѣжество считается какимъ-то спасеніемъ человѣка и нравственнымъ достоинствомъ его, гдѣ ненависть ко всему новому и освѣжающему также велика, какъ велика приверженность къ обычаю и старинѣ. Отсюда нечего ждать преобразованія; оно должно придти со стороны образованныхъ классовъ, которые, отбросивъ нелѣпое предубѣжденіе къ торговымъ занятіямъ, примутся за нихъ, какъ слѣдуетъ, и принесутъ съ собой въ эту дѣятельность побольше ума и честности. Въ этомъ отношеніи каждый шагъ къ уничтоженію сословныхъ разграниченій ведетъ къ хорошему результату. Да и самая дѣятельность торговаго класса не можетъ навсегда оставаться при своей рутинѣ и постоянной враждѣ съ интересами общества. Не скоро, но настанетъ то время, когда производитель сблизится съ потребителемъ и не будетъ нуждаться въ этихъ полчищахъ тунеядцевъ, которые теперь живутъ на счетъ рабочаго класса и поглощаютъ огромную массу силъ совершенно непроизводительно, которые соединяютъ въ своихъ рукахъ если не мертвые, то чисто-эфемерные капиталы, поддерживающіе съ одной стороны роскошь и лѣнь, а съ другой—нищенство и изнурительный трудъ. Наука, главныя условія современнаго прогресса, общественная справедливость и здравый смыслъ каждаго изъ насъ требуютъ равновѣсія человѣческихъ интересовъ и силъ, — и чѣмъ больше это равновѣсіе осуществится, тѣмъ меньше будетъ торговыхъ преступленій и торговаго мошенничества.

Н. Соколовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Лермонтова, приведенныя въ порядокъ С. С. Дудышкинымъ. 2 т. Санктпетербургъ, изданіе А. И. Глазунова. 1863. — Стихотворенія К. Павловой. Москва 1863. — Курсъ исторіи русской литературы (съ библіографическими указаніями). Сочиненіе К. Петрова. СПБ. 1863. — Исторія всеобщей литературы XVIII в. Г. Геттнера. Томъ 1 (Англійская литература). Изданіе Н. Тиблена СПБ. 1863. — Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ, М. Стасюлевича. Періодъ первый отъ паденія западной римской имперіи до Карла В. 476—771. СПБ. 1863. — Руководство къ изученію Всеобщей исторіи для гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, Т. Б. Вельтера. Исторія среднихъ вѣковъ. Переводъ съ нѣмецкаго 19-го изданія Л. Левенстерна и А. Карлова. Изданіе Д-ра Хана, СПБ. — Крестовый походъ императора Фридриха втораго, разсужденіе В. Бильбасова, СПБ. 1863.

Лермонтовъ, Демонъ, Печоринъ! Сколько чувства возбуждаютъ эти слова въ голубиныхъ душахъ провинціальныхъ барышень, сколько слезъ пролито, по ихъ поводу, непорочными воспитанницами разныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, сколько вздоховъ было обращено къ лунѣ мечтательными служителями Марса, львами губернскихъ городовъ и помѣщичьихъ кружковъ! Много значенія было въ этихъ словахъ для всѣхъ этихъ лицъ, составлявшихъ то, что по аналогіи съ другими государствами, можно было назвать россійскимъ образованнымъ обществомъ. Какое громадное множество экземпляровъ Демона было переписано въ чистенькія тетрадки, завязанныя розовыми ленточками, и подарено чувствительными кузенами своимъ еще болѣе чувствительнымъ кузинамъ! Сладко спалось въ то время въ этомъ обществѣ, сладко ѣлось и еще слаще мечталось! И хотя это блаженное время уже нѣсколько лѣтъ назадъ кануло въ вѣчность;

хотя служители Марса и невинныя дѣвы, которые восхищались Печериным, давно отбросили поэзію жизни и, обратясь къ ея прозѣ, занимаются ревностно службой или хозяйствомъ, и жирѣютъ; хотя замѣнившее ихъ новое поколѣніе гражданъ и гражданокъ толкуетъ о сословномъ антагонизмѣ и самоуправленіи,—не смотря на все это, слова Лермонтова не померкли, и если прошло увлеченіе имъ, то его не смѣнило разочарованіе. И теперь еще издаются за границей или ходятъ въ рукописи нѣкоторыя его стихотворенія, и эта таинственность поддерживаетъ славу поэта.

Г. Дудышкинъ, издавъ *всѣ* сочиненія Лермонтова, выводитъ изъ заблужденія тѣхъ, которые ожидали чего нибудь особенно замѣчательнаго отъ него. Въ составъ изданныхъ Г. Дудышкинымъ произведеній нашего Байрона вошли даже такія стихотворенія, какъ Петергофскій Праздникъ, Уланша, Монго, которыя хотя и испещрены точками, но потому что безъ нихъ, годились бы скорѣе для украшенія «Физіологіи брака» г. Дебе, чѣмъ для полнаго собранія сочиненій русскаго Байрона.

Странное впечатлѣніе производятъ эти сочиненія на человѣка, не-читавшаго ихъ со времени счастливыхъ дней своей юности. Впечатлѣніе это можно сравнить развѣ съ тѣмъ, которое производитъ на взрослаго домъ, который онъ оставилъ ребенкомъ, а возвратился взрослымъ. Его дѣтскому воображенію казались огромными, великолѣпными эти комнаты, которыя онъ находитъ теперь такими жалкими и пустыми. Темные корридоры, мрачные высокіе потолки, говорившіе ему прежде о чемъ-то таинственномъ, страшномъ, представляются ему теперь грязными, закопченными, сырыми; и не таинственный трепетъ, а скуку возбуждаетъ въ немъ видъ того, что нѣкогда ему казалось прекраснымъ. Такъ и сочиненія Лермонтова. Полными чудной гармоніи, роскошныхъ образовъ, живаго интереса, высокой поэзіи, а главное полными мыслей и ума казались они тому поколѣнію, которое въ своемъ развитіи дальше Рудина не пошло. Невыразимый восторгъ овладѣваетъ ими при чтеніи Демона, и въ ихъ память крѣпко западали необыкновенно звучные, сильные, плавные стихи поэта, такъ крѣпко, что при малѣйшемъ поводѣ, а часто и безъ всякаго повода, принимались они декламировать ихъ. Выйдетъ, напримѣръ, барышня на крыльцо, увидитъ дворъ, окруженный надворными строеніями, на дворѣ двухъ собакъ и бабу, развѣ-

шивающую бѣлье: кажется, чего бы тутъ такого найдти, чтобы образы поэтическіе вызывало. А барышня стоитъ и говоритъ:

...... но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ,
Не отразилось ничего[3]

Или посмотритъ барышня въ окно, увидитъ луну,—если новолуніе, то, замѣтивъ съ какой стороны увидала, вздохнетъ и скажетъ:

Въ пространствѣ синяго эфира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ...

Или услышитъ, что отецъ—помѣщикъ щипетъ за вихоръ Ваньку, сейчасъ пропоетъ речитативомъ:

Отецъ, отецъ! оставь угрозы и т. д.

Или читаетъ, напримѣръ, юноша «героя нашего времени» и встрѣчаетъ такого рода поученіе:

«Я сказалъ одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай».

— Ахъ, думаетъ юноша, я-то и не зналъ объ этомъ.

И долго потомъ ломаетъ голову, изобрѣтая одну изъ фразъ, которыя *должны* быть заготовлены для такого казуса. Какая разница между этими впечатлѣніями и тѣми, которыя производитъ Лермонтовъ на человѣка, привыкшаго искать мысли и значенія въ литературномъ произведеніи. Но здѣсь мнѣ необходимо прежде всего поговорить о предисловіи, написанномъ г. Дудышкинымъ къ собранію сочиненій Лермонтова.

«Въ стихахъ пятнадцатилѣтняго Лермонтова, говоритъ г. Дудышкинъ, мы отыскиваемъ уже главный мотивъ его поэзіи, которому онъ не измѣнялъ до конца жизни. Инстинктъ поэта указалъ ему самому, больному недугами и *шалостями* общества, на больную сторону тогдашняго человѣка,—и всю жизнь свою онъ только больше и больше уяснялъ себѣ эту болѣзнь. Замѣчательная черта многихъ великихъ людей повторилась на нашемъ

Лермонтовѣ: онъ въ дѣтствѣ почуялъ эту идею, которой остался вѣренъ до конца жизни. Это главное. Отсюда появленіе одного и того же лица въ его созданіяхъ, подъ разными именами, начиная Демономъ и кончая Героемъ нашего времени; отсюда происходитъ и то однообразіе, и та настойчивость въ этомъ однообразіи, которая проходитъ черезъ всѣ стихотворенія. Если и встрѣчаются уклоненія отъ главнаго настроенія, то это не что иное, какъ ложная мечтательность, внѣшняя сторона того, что крыло подъ собой силу. Такъ онъ плѣнялся внѣшнимъ, колоссальнымъ величіемъ Наполеона, давившаго народъ, и воспѣвалъ островъ Св. Елены; такъ есть стихотворенія («опять народные витіи»), внушенныя ему внѣшней силой, физической громадностью Россіи и недоброжелательствомъ къ врагамъ этой силы; таково стихотвореніе «Два Великана». Поклоненія этой внѣшности очень много и въ «Печоринѣ». Только имъ можно объяснить стихъ «Думы», обращенный къ тогдашнему обществу:

....Подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно.

Что же это такое за мотивы? спроситъ читатель. Но г. Дудышкинъ, какъ искусный составитель похвальнаго слова Лермонтову, приберегаетъ объясненіе мотивовъ къ концу, такъ что нужно прочесть всѣ 69 страницъ Введенія, и только на послѣдней изъ нихъ открывается, что мотивы эти суть:

«Негодованіе за то, что мысль преслѣдуется, что истинному чувству нѣтъ простора, что гражданской дѣятельности нѣтъ мѣста, что право сильнаго живетъ еще въ обществѣ, какъ звѣрь въ лѣсу....»

И такъ, вотъ мотивы лермонтовской музы, вотъ, по словамъ г. Дудышкина, идея, проходящая черезъ всѣ эти созданія и являющаяся въ главныхъ герояхъ его: Демонѣ и Печеринѣ. Посмотримъ, насколько это справедливо.

Я не говорю уже о томъ, что увлеченіе внѣшней, физической силой, о которомъ говоритъ самъ г. Дудышкинъ, уже исключаетъ возможность существованія у Лермонтова подобнаго мотива. Люди, которыхъ поэзія имѣетъ мотивы, подобные тѣмъ, которые г. Дудышкинъ приписываетъ Лермонтову, не могутъ увлекаться физической силой, потому что увлеченіе физической силой предполагаетъ неразвитость увлекающагося ума, а мотивы эти могутъ быть только выраженіемъ и слѣдствіемъ развитія. Покойный Добролюбовъ, писавшій

подъ вліяніемъ этихъ мотивовъ, увлекался физической силой только подъ именемъ Якова Хама. Мнѣ, можетъ быть, укажутъ на Гейне, которому эти мотивы не мѣшали восторгаться Наполеономъ; но я отвѣчу, что въ этомъ случаѣ Гейне судилъ съ чисто германской точки зрѣнія, ошибочно думая, что наполеоновскій деспотизмъ все-таки легче для Германіи деспотизма германскаго. Но для Лермонтова такого объясненія не можетъ существовать. Онъ поклонялся физической силѣ отъ души, какъ поклонялись почти всѣ его современники и какъ поклоняется и будетъ, вѣроятно, долго поклоняться большинство людей. И какъ большинство поклоняется ей вслѣдствіе недостатка развитія, такъ и Лермонтовъ воспѣвалъ ее по той же причинѣ. И могъ ли онъ быть другимъ, чѣмъ были всѣ при той обстановкѣ, которая его окружала, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ росъ и жилъ? Всякому извѣстна аксіома, что одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія: поэтому какъ же предполагать, что тѣ условія, въ которыхъ находился Лермонтовъ со дня рожденія до смерти, условія, исказившія цѣлое поколѣніе его современниковъ, могли развить въ немъ понятія діаметрально противоположныя всему тогдашнему обществу. Какъ бы ни былъ высокъ умъ человѣка, онъ тогда только можетъ разойтись съ понятіями общества, когда какія нибудь обстоятельства способствуютъ его развитію. Если же этихъ обстоятельствъ нѣтъ, если среда, въ которой развивается мозгъ генія таже самая, отъ которой тупѣютъ умственныя способности современниковъ генія, то что предохранитъ генія отъ ея пагубнаго вліянія?

Г. Дудышкинъ представилъ въ введеніи краткій очеркъ жизни Лермонтова. Изъ этого очерка очевидно, что отъ него и требовать нельзя тѣхъ мотивовъ, которые приписываетъ ему г. Дудышкинъ. Имъ рѣшительно не откуда было взяться. Но для большей убѣдительности посмотримъ на произведенія *нашего* Лермонтова, какъ называетъ его ласкательно г. Дудышкинъ. Мотивы, руководившіе перомъ поэта, г. Дудышкинъ въ особенности видитъ въ его герояхъ: Демонѣ и Печоринѣ.

Но я разберу впослѣдствіи подробно эти произведенія и тогда видно будетъ, какіе мотивы заключаются въ нихъ.

Судя по словамъ Бѣлинскаго, этихъ мотивовъ не было у Лермонтова. Бѣлинскій говоритъ, что онъ хотѣлъ написать трилогію, въ которой намѣревался изобразить вѣка: Екатерины II, Александ-

ра I и Николая I, по примѣру Купера, написавшаго: «Послѣдняго изъ могикановъ,» «Путеводителя въ пустынѣ», «Піонеръ» и «Степи».

Теперь я обращаюсь къ довольно избитой темѣ, а именно хочу разсмотрѣть всѣми признанное вліяніе, которое имѣлъ на Лермонтова Байронъ. Впрочемъ, дѣло, разумѣется, не въ томъ: признано ли это вліяніе или нѣтъ; но оно существуетъ.

Байронъ имѣлъ огромное вліяніе въ особенности на Пушкина, который въ свою очередь перенесъ это вліяніе, вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ, на Лермонтова. Такъ, напримѣръ, сцена изъ Фауста Пушкина, очевидно, написана не подъ вліяніемъ Фауста, а подъ впечатлѣніемъ сочиненій Байрона. Но изъ нея мы можемъ видѣть, какъ понималъ Байрона Пушкинъ, который во всякомъ случаѣ былъ умнѣе Лермонтова. Но и онъ не могъ, не смотря на свой умъ, выйдти изъ оковъ, наложенныхъ на него средой, среди которой онъ выросъ, развился и дѣйствовалъ. Ему незнакомы были тѣ побужденія, подъ которыми создались творенія Байрона; ему въ голову не приходило то, что руководило англійскимъ поэтомъ въ созданіи его Люцифера. Точно также не могъ онъ создать ничего, чтобы, хотя нѣсколько, напоминало гетевскихъ Фауста и Мефистофеля. Для того, чтобы не только приблизиться, но даже съумѣть подражать гетевскому Фаусту, нужно обладать хотя малой долей той громадной массы знанія, которой обладалъ Гете. Этого не могло быть у Пушкина. Кругомъ него и въ немъ самомъ не было ничего такого, что Байрона и у Гете отразилось въ Каинѣ и Фаустѣ. За неимѣніемъ этихъ данныхъ, онъ бралъ то, что могъ, черпалъ свои мысли изъ того мутнаго источника, который одинъ былъ у него подъ рукою. Отъ этого его Фаустъ вышелъ плотнымъ, русскимъ помѣщикомъ, незнающимъ куда дѣваться отъ скуки, причиненной сытнымъ обѣдомъ и лѣтнимъ жаромъ.

—Мнѣ скучно, бѣсъ,—говоритъ онъ, какъ Сидоръ Карповичъ батюшкину брату въ разсказѣ г. Щедрина. На это батюшкинъ братъ, т. е. Мефистофель, замѣчаетъ, что всѣ скучаютъ: таковъ вамъ положенъ предѣлъ! Фаустъ соглашается, что дѣйствительно ему было всегда скучно и что онъ проклялъ знаній ложный свѣтъ. При этомъ невольно вспоминается Ничкина.

— Ахъ, отстаньте отъ меня, безъ васъ тошно! Куда дѣться-то отъ жару? Батюшки!

— Шли бы, сударыня, на погребицу.

— И то, на погребицу!

Но подъ конецъ Фаустъ снова дѣлается болѣе похожъ на самодура—помѣщика, когда отъ скуки забавляется тѣмъ, что топитъ людей.

И это гетевскій Фаустъ! и это Байроновскій Люциферъ! Но откуда же и взяться имъ было въ обществѣ, гдѣ единственными идеалами были Ничкины, да Сидоры Карпычи.

На нѣтъ и суда нѣтъ, говоритъ пословица, и я не думаю обвинять Пушкина въ томъ, что онъ не могъ создать того, что могли Гете и Байронъ. Удивительно непониманіе истинно высокаго тѣми, которые считаютъ себя наиболѣе компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ; удивительна близорукость эстетическихъ критиковъ, считающихъ Пушкина и Лермонтова нашими Байронами.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, взглянемъ на произведенія Байрона. Здѣсь мы увидимъ вопервыхъ удивительный образъ Манфреда съ его громадной, непонятной скорбью, образъ такъ восхищавшій нашихъ поэтовъ и такъ мало понятый ими. Ни одно частное горе, какъ бы велико оно ни было, никакое исключительно личное огорченіе не были въ состояніи породить такую ужасающую, бездонную грусть, такое полное отчаяніе, какое мы видимъ въ Манфредѣ. Наши подражатели напрасно насиловали свой мозгъ, стараясь выдумать какую-нибудь уважительную причину горя того пошлаго лица, въ которомъ они воображали воспроизвести Манфреда. Они не могли достичь этого потому, что причину скорби искали чисто личную, исключительную. Чего не выдумывали они, чтобы объяснить страданія разныхъ Арбениныхъ, Печориныхъ и Онѣгиныхъ! Дошли до того, что изобразили страданія раскаявшагося шулера (въ Маскарадѣ)! Но все было тщетно: герои выходили пошлы, а скорбь ихъ пуста и безсмысленна.

Горе Манфреда не есть частное горе его самого. Нѣтъ и не будетъ такого личнаго горя, которое бы могло породить такія муки. Въ Манфредѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо поэтъ изобразилъ самого себя, свою скорбь и свое отчаяніе. Поэтому-то причина горя Монфреда—темна и непонятна. Поэтъ не могъ найти достаточно великое несчастье, чтобъ оправдать это великое отчаяніе; онъ понялъ, что найдти его нельзя — и предпочелъ набросить занавѣсъ на причину страданій своего героя. Источникъ же горя настоящаго героя поэмы—ея автора скрывался не въ личномъ его капризѣ или несчастіи. Его горе было горе цѣлаго поколѣнія его современниковъ, его скорбью—бы-

ла скорбь вѣка, его отчаяніе—было отчаяніемъ всѣхъ европейскихъ народовъ отъ Вислы до Дуэро. Это было время реакціи, время торжествующаго насилія, время обманутыхъ народовъ, время мести и цѣпей. Вся Европа страдала,—торжествовали одни Меттернихи. И эта-то гражданская, всемірная скорбь проникла въ сердце поэта и вызвала то рыданіе, которое называется Манфредомъ. Только страданія цѣлой Европы могли вызвать такую жгучую боль, передъ которой ничто личное горе одного субъекта; только несчастья, поражающія сразу цѣлыя поколѣнія, цѣлые народы, могутъ причинить муки, которыя терпитъ Манфредъ. Этого конечно не могли понять наши поэты, неразделявшіе дней радости прочихъ европейскихъ народовъ и немогшіе раздѣлять ихъ скорби. Они не знали лучшаго, а напротивъ видѣли позади себя еще худшія времена,—чего же было имъ скорбѣть и въ чемъ отчаяваться? Они ничего не потеряли; ихъ надежды, если онѣ ихъ имѣли, цѣлыя и невредимыя, впереди ихъ.

Другая идея одушевляетъ другое твореніе Байрона—«Каинъ». Самъ поэтъ назвалъ эту драму мистеріей. Но если по многимъ причинамъ она дѣйствительно мистерія, за то по ея смыслу можно скорѣе назвать ее аллегоріей. Только близорукость можетъ видѣть въ Люциферѣ демона. Въ немъ ничего нѣтъ демоническаго,—нѣтъ ничего того, что есть напр. въ Мефистофелѣ, который есть самое удачное выраженіе понятія о чортѣ. Въ Люциферѣ же, кромѣ имени, нѣтъ ничего демонскаго, и не соглашаться съ этимъ можетъ только тотъ, кто непремѣнно желаетъ видѣть въ лицѣ, названномъ именемъ Люцефера, того самаго Люцифера съ когтями и хвостомъ, который сидитъ въ центрѣ дантовскаго ада. На такого господина конечно не подѣйствуютъ даже слова самого байроновскаго Люцифера, которому, кажется, лучше всѣхъ можно знать, кто онъ,—слова, въ которыхъ онъ прямо отрицаетъ свой демонизмъ: «Я, говоритъ онъ, не искушаю никого ни чѣмъ, кромѣ истины,—а истина по существу своему не можетъ быть дурна». Онъ отрицаетъ всякое тождество между собой и зміемъ искусителемъ и прямо говоритъ, что ему до людей нѣтъ никакого дѣла, что онъ не только губитъ ихъ, но и знать не хочетъ. Но эстетическіе критики, задавшись, подобно г. Дудышкину, мыслью, что Люцеферъ есть начало зла, не вѣрятъ ему даже тогда, когда онъ говоритъ имъ: что ни зла, ни добра нѣтъ, что все это — понятія относительныя; они твердятъ свое, не обращая вниманія на слова Люцифера, вѣроятно помня, что онъ творецъ лжи и что повѣрить ему нельзя.

Люциферъ не есть начало зла, потому что Байронъ въ этой мистеріи высказываетъ отрицаніе какъ зла, такъ и добра, слѣдовательно не можетъ изображать начала зла. По той же причинѣ «Каинъ» вовсе не изображаетъ въ себѣ борьбы зла съ добромъ: приписывать величайшему творенію Байрона такую идею, значитъ не понимать этой аллегоріи. Она представляетъ не борьбу добра съ зломъ, а борьбу знанія съ тупостью и невѣжествомъ; а Люциферъ, не будучи началомъ зла, служитъ олицетвореніемъ знанія. Чтобы доказать это, я отсылаю къ 1 сц. 1 акта читателя, желающаго ближе познакомиться съ характеромъ байроновскаго люцифера), и приведу одно мѣсто изъ этой драмы, гдѣ наиболѣе рѣзко выступаетъ высказанная мною идея:

> Люциферъ. Нѣтъ! У меня есть побѣдитель, правда; но нѣтъ высшаго надо мной. Ему поклоняются всѣ, но не я; я до сихъ поръ сражаюсь съ нимъ, какъ сражался въ небесахъ. Впродолженіе всей вѣчности, въ непроницаемыхъ безднахъ смерти, въ безграничныхъ царствахъ пространства, въ безконечности вѣковъ — все, все я буду оспаривать у него. Міръ за міромъ, звѣзда за звѣздой, вселенная за вселенной будутъ колебаться въ своемъ равновѣсіи до тѣхъ поръ, пока эта борьба не прекратится; а прекратится она только тогда, когда одинъ изъ насъ погибнетъ. А кто можетъ уничтожить наше безсмертіе, или нашу непримиримую ненависть? *Въ качествѣ побѣдителя онъ называетъ побѣжденнаго зломъ; но какого добра онъ виновникъ? Еслибъ я былъ побѣдителемъ, за его дѣлами осталось бы названіе зла.* (Актъ II. Сцена 2)

Замѣчательно, что г. Дудышкинъ, цитируя это самое мѣсто, не замѣчаетъ подчеркнутыхъ много словъ, прямо разрушающихъ понятіе о злѣ и добрѣ.

Никто, конечно, не станетъ доказывать, что лермонтовскій Демонъ сколько нибудь можетъ олицетворять знаніе, слѣдовательно, мнѣ нечего и доказывать, что Лермонтовъ не понялъ Люцифера. Поэтому я и не стану сравнивать Демона съ этимъ смѣлымъ твореніемъ Байрона. Я буду сравнивать его съ тѣмъ, что видѣло гусарское воображеніе Лермонтова въ Люциферѣ,—а эстетическая критика устами г. Дудышкина говоритъ, что онъ видѣлъ въ немъ изображеніе зла. Ну вотъ и посмотримъ, насколько изображаетъ собою Демонъ начало зла. Кто же Демонъ Лермонтова!?

Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда расцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичь рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и природы,
Я врагъ небесъ, я зло природы.

Изъ этого заявленія о самомъ себѣ Демона мы можемъ узнать о немъ очень мало. Мы бы пожалуй обратили вниманіе на стихъ

Я царь познанья и природы,

если бъ не видѣли изъ всего прочаго, что познаніе здѣсь поставлено для размѣра. Такимъ образомъ, не будучи въ состояніи рѣшить заданный вопросъ изъ словъ Демона о его сущности, посмотримъ, не узнаемъ ли мы чего нибудь объ этой сущности изъ его занятій и препровожденія времени. Здѣсь мы узнаемъ больше. Мы узнаемъ, что

Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
И зло наскучило ему.
. . . .

Онъ правилъ людьми, училъ ихъ грѣху;

Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ,

Но это все ему, какъ видите, надоѣло. Тогда онъ принялся вотъ что дѣлать.

И скрылся я въ ущельяхъ горъ
И сталъ бродить, какъ метеоръ,
Во мракѣ полночи глубокой.
И мчался путникъ одинокій,
Обманутъ близкимъ огонькомъ,
И въ бездну падая съ конемъ,
Напрасно звалъ — и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что онъ похвастался, сказавъ Тамарѣ, что онъ «зло природы». Изъ описанія его дѣяній видно, что онъ не начало, не источникъ, не творецъ зла, не царь и соперникъ добраго начала вполнѣ ему равный, а просто какой-то плутъ, который дѣлаетъ разныя низости, зная очень хорошо, что это низости, потому что самъ говоритъ, что

Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ.

Еслибъ онъ былъ начало зла, то онъ бы не могъ этого сказать, потому что для него благородное и прекрасное вовсе не благородно и прекрасно. Онъ относился бы къ нему, какъ къ злу, потому что для него добромъ было бы зло. Онъ бы не безславилъ его низкимъ образомъ, а боролся бы съ нимъ.

Но хотя это занятіе не дѣлаетъ ему чести, но оно все-таки лучше того, за которое онъ принялся, когда первое надоѣло ему. Прежде онъ хотя низкимъ и мелочнымъ образомъ, но все-таки нападалъ на добро; а теперь, какъ мы видѣли, онъ принялся подставлять ногу черкесамъ, которые никогда союзниками добра не были, и слѣдовательно, не зачѣмъ ему было ихъ и трогать. А если даже и трогать, то трогать ихъ душу, а за что же бренное тѣло толкать съ горы? Вообще «гордый демонъ», бывшій прежде просто негодяемъ, сдѣлался отъ скуки глупцомъ.

Но и это ему опротивѣло. Конечно, проживъ милліоны милліоновъ лѣтъ, не мудрено наскучить забавами, но только оказывается, что онъ опять прихвастнулъ, сказавъ:

Ничто пространство мнѣ и годы.

Оказывается, что годы свое взяли, и отъ долговременнаго школьничества оно ему надоѣло хуже горькой рѣдьки. Тогда онъ не зная, чтобы такое надъ собою сдѣлать, принялся безъ всякой цѣли носиться въ облакахъ, «подымая прахъ» по его же выраженію. Неизвѣстно, что бы такое придумалъ онъ еще, потому что вѣдь въ облакахъ должно быть еще скучнѣе, чѣмъ безобразничать на горахъ, если бъ не занесло его на Кавказъ, гдѣ впрочемъ, повидимому, онъ имѣлъ свою резиденцію. На красы природы онъ взглянулъ холодно:

Презрительнымъ окинувъ окомъ
Творенье Бога *своего* (?),
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

Эти стихи хотя ничего не доказываютъ и отзываются явной безсмыслицей,—такъ какъ сперва сказано, что онъ окинулъ творенье презрительнымъ окомъ, а потомъ—что на челѣ его ничего не отразилось, что противорѣчитъ одно другому,—но я все-таки думаю, что нужно вѣрить второму двустишію и принимать, что Казбекъ со всѣми прочими прелестями не произвелъ на него впечатлѣнія. Причину этого я полагаю въ томъ, что все это онъ уже тысячу разъ видѣлъ, и оно успѣло ему опротивѣть. Но если не произвелъ на него впечатлѣнія Казбекъ, то произвела Тамара. Какое это было впечатлѣніе, мы увидимъ сейчасъ:

. . . На мгновенье
Не изъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ;
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ...
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты.

. . . .

. . . .

Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ;
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ ли признакъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ.

Такимъ-то образомъ влюбилось начало зла. И все зло подверглось серьезной опасности, такъ какъ его начало «постигнуло святыню любви, *добра* и красоты». Я даже полагаю, что зло совсѣмъ сгибло,—потому гдѣ же ему быть, когда его начало «постигнуло святыню добра». Демонъ для спасенія зла хотѣлъ было ухитриться, самого себя надуть, но

. . . словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ,

и зло по всей вѣроятности сгибло.

Но съ другой стороны оно не сгибло, потому что хотя Демонъ и постигъ святыню добра,—тѣмъ не менѣе это не помѣшало ему обратиться къ старымъ проказамъ. Онъ искусилъ жениха Тамары; помѣшалъ ему помолиться передъ часовней и потомъ подослалъ осетиновъ, которые его и убили. Какъ ужъ это такъ случилось, не знаю: я въ этомъ не виноватъ, и объяснять не берусь; нужно спросить у эстетической критики. Что касается до меня, то я думаю, что это доказываетъ справедливость извѣстной пословицы: какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

Дальше идутъ вещи еще болѣе изумительныя: такъ, Демонъ услышалъ пѣсню и испугался, хотѣлъ даже обратиться въ бѣгство, но крылья не поднялись, что его такъ поразило, что онъ даже расплакался. Подобныя штуки могли бы заставить предпологать, что это былъ вовсе не Демонъ, а какой нибудь пятигорскій франтъ, и что подъ крыльями нужно подразумѣвать просто ноги, если бы лицо, о которомъ идетъ рѣчь, не доказывало своего адскаго происхожденія тѣмъ, что его слеза прожгла камень.

Потомъ дѣло опять повидимому принимаетъ оборотъ грозный для существованія зла, потому что начало его увѣряетъ Томару, что

Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья,—
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ.

Далѣе онъ говоритъ:

Я все былое бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ.

И наконецъ, поклявшись кудрями дѣвы, объявляетъ, что

Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ни чей ужъ не встрѣвожитъ умъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,—
Хочу я вѣровать добру.

Такимъ образомъ зло въ мірѣ кончилось бы pour les beaux yeux Тамары. Но тутъ вышло что-то странное; поэтъ отзывается довольно глухо о причинѣ того, что зло уцѣлѣло, вслѣдствіе чего можно разсуждать двояко: 1) или—что Демонъ надулъ и божился кудрями напрасно, никогда истиннаго разскаянія не чувствовалъ и молиться не хотѣлъ, а дѣлалъ это съ цѣлью соблазнить дѣвушку; 2) или что добро было разсудительнѣе его и, помня, что онъ подтвердилъ примѣромъ пословицу о волкѣ, не приняло его къ себѣ. Какъ бы то ни было, но подъ конецъ поэмы онъ снова смотрѣлъ злобнымъ взглядомъ и былъ полонъ смертельнымъ ядомъ

Вражды, не знающей конца.

Но въ то же время снова и съ большею силою возникаетъ подозрѣніе, что это былъ пятигорскій франтъ, и даже не изъ молодыхъ, а просто сластолюбивый старецъ. На это наводитъ то обстоятельство, что Демонъ, увѣщевая Тамару отдаться ему и говоря ей о тщетѣ всего земнаго, ничего лучшаго не находитъ посбѣщать ей, какъ прислужницъ, чертоги и ароматы, и говоритъ:

Я дамъ тебѣ все, все земное,—

изъ чего ясно, что онъ не могъ ей дать ничего, кромѣ земнаго, а про тщету говорилъ краснорѣчія ради.

Но съ другой стороны, слеза и многое другое противорѣчитъ этому; но этимъ смущаться нельзя, потому что это можетъ быть поэтическая вольность.

Этотъ самый пятигорскій франтъ, уже безъ всякихъ претензій на демонизмъ, является въ «Героѣ нашего времени». Я не буду подробно разбирать этотъ романъ. Мы видѣли уже искаженіе «Люцифера» въ «Демонѣ», который имѣетъ хотя кое-какіе внѣшніе атрибуты демонизма. Въ Печоринѣ же и этого нѣтъ, и я право не могу придумать, какъ можетъ эстетическая критика, видящая въ Демонѣ изображеніе начала зла, находить какое-бы то ни было сходство между нимъ и Печоринымъ. На самомъ дѣлѣ сходство это поразительно, ибо и тотъ и другой сильно смахиваютъ на самого Лермонтова. Но эстетическая критика видитъ въ Демонѣ начало зла; я не думаю, чтобы она могла договориться до того, чтобы видѣть это начало зла и въ Печоринѣ. Послѣ этого, такихъ на-

чалъ зла безконечное множество: во всякомъ полку ихъ нѣсколько, во всякой канцеляріи есть нѣсколько писарей, могущихъ съ такимъ же успѣхомъ изображать его, какъ и Печоринъ, потому что вся разница между ними и Печориными состоитъ въ томъ, что послѣдніе говорятъ лучше ихъ по французски и носятъ сюртуки моднаго покроя, какъ и они, по сшитые не изъ солдатскаго, а изъ тонкаго сукна.

Теперь, когда мы видѣли, что у Лермонтова Люциферъ является въ видѣ пятигорскаго франта, мы уже съ большимъ хладнокровіемъ посмотримъ на его изображеніе Манфреда въ видѣ раскаявшагося шулера.

Но теперь рождается невольно вопросъ: какимъ образомъ человѣкъ, котораго главныя произведенія обличаютъ такую непослѣдовательность идей и образовъ, такую мелочность содержанія, могъ заставить восхищаться собой не только возведенныхъ имъ въ перлъ созданія юнкеровъ и золотушныхъ помѣщичьихъ дочекъ, но даже нашу ученую и глубокомысленную эстетическую критику? Какимъ образомъ могъ онъ попасть въ число геніевъ? Отчего же никто не падалъ ницъ передъ г. Майковымъ, не благоговѣлъ передъ г. Полонскимъ; отчего осмѣяли и освистали г. Крестовскаго? Положимъ, что Лермонтовъ былъ умнѣй Майкова и Полонскаго и нѣтъ сомнѣнія лучше зналъ орфографію, чѣмъ г. Крестовскій; но міросозерцаніе ихъ было одинаковаго калибра, потому что развитіе было равно-ничтожно. Но если слово *геній* идетъ къ гг. Майкову, Полонскому и Крестовскому также, какъ къ коровѣ сѣдло, то откуда же пришла геніальность Лермонтова? Вѣдь стоитъ только посмотрѣть не сквозь зеленые очки эстетической критики на Демона, Героя Нашего Времени и на Маскарадъ, чтобы увидѣть въ нихъ множество нелѣпостей. Или быть можетъ, у Лермонтова есть что нибудь кромѣ этихъ произведеній, что даетъ ему право на лавровый вѣнокъ? Но, не говоря уже о томъ, что Демонъ и Герой Нашего Времени признаны всѣми за лучшія его сочиненія, въ остальныхъ мы не находимъ ничего, кромѣ мелкихъ альбомныхъ стишковъ, мадригаловъ разнымъ графинямъ, и рабскихъ подражаній Пушкину, такъ что нужно имѣть даже громадную память, чтобы запомнить, что именно принадлежитъ ему и что Пушкину; напримѣръ, Пушкинъ написалъ «О чемъ шумите вы, народные витіи», а Лермонтовъ «Опять шумите вы, народные витіи»; или наоборотъ, — Лермонтовъ «О

чемъ», а Пушкинъ — «Опять шумите вы, народные витіи»? Есть еще правда нѣсколько стихотвореній, какъ напримѣръ тѣ, которыя помѣщены въ первый разъ у г. Дудышкина, но они не годны даже для чтенія юнкеровъ. Наконецъ, большая часть, я полагаю, около $^2/_3$ произведаній Лермонтова описываютъ черкескія, лезгинскія и кабардинскія страсти, которыя намъ кажутся довольно скучны. Возмемъ, напримѣръ, «общее оглавленіе». Здѣсь мы увидимъ, по заглавіямъ стихотвореній, что я правъ. Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такія заглавія: «Атаманъ», «Аулъ Бастунджи», «Ашикъ Керибъ», «Бѣглецъ», «Видъ горъ», «Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана», «Грузинская пѣсня», «Грузинову», «Дары Терека», «Два сокола», «Измаилъ Бей», «Кавказскій Плѣнникъ», «Кавказъ», «Казбеку», «Кинжалъ» и т. д. Это снова наводитъ меня на мысль о томъ стихотвореніи, гдѣ Лермонтовъ сообщаетъ, что онъ не Байронъ, а другой,—

Какъ онъ, гонимый міромъ, странникъ, —
Но только съ русскою душой.

Изъ этого признанія мы понимаемъ одно, что Лермонтовъ дѣйствительно не Байронъ, а былъ ли онъ гонимый міромъ странникъ— объ этомъ надо справиться въ его формулярномъ спискѣ; что же касается до его русской души, то эстетическая критика еще доселѣ не рѣшила, чѣмъ именно русская душа отличается отъ кабардинской или турецкой.

Но переходъ отъ Лермонтова къ г-жѣ Каролинѣ Павловой кажется намъ еще рѣзче, чѣмъ переходъ изъ пустыхъ, но все же свѣтлыхъ барскихъ хоромъ, прямо въ душный и темный чуланъ.

Стихотворенія г-жи Каролины Павловой доказываютъ, что поэзія еще находится у насъ въ дѣтскомъ періодѣ своего развитія, но можетъ нравиться самымъ развитымъ умамъ. Я бы желалъ, напримѣръ, посмотрѣть такой умъ, который не прійдетъ въ восторгъ отъ слѣдующей «Серенады».

Ты все, что сердцу мило,
Съ чѣмъ я сжился умомъ;
Ты мнѣ любовь и сила:
Спи безмятежнымъ сномъ.

Ты мнѣ любовь и сила,
И свѣтъ въ пути моемъ;

Все, что мнѣ жизнь сулила:
Спи безмятежнымъ сномъ.

Весь бредъ младого пыла
О счастіи земномъ
Судьба осуществила:
Спи безмятежнымъ сномъ.

Судьба осуществила
Все въ образѣ одномъ,
Одно горитъ свѣтило:
Спи безмятежнымъ сномъ.

Одно горитъ свѣтило
Мнѣ радостнымъ лучомъ,
Какъ буря бъ не грозила:
Спи безмятежнымъ сномъ.

Какъ буря бъ не грозила,
Хотя бъ сквозь вихрь и громъ
Неслось мое вѣтрило:
Спи безмятежнымъ сномъ.

Неслось мое вѣтрило...

Виноватъ, вѣтрило г-жи Каролины Павловой неслось только одинъ разъ.

Но покажите мнѣ теперь такое каменное сердце, которое осталось бы холоднымъ при чтеніи этого вѣтрила? Молешоттъ, говорятъ, такой матеріалистъ, что ничему прекрасному не сочувствуетъ; но я убѣжденъ, что и это чудовище пролило бы потоки слезъ надъ этимъ «вѣтриломъ». Мило, мило пишетъ г-жа Каролина Павлова. И откуда это у ней берется? Чего вѣдь только нѣтъ въ ея стихотвореніяхъ! Мирабо и графиня Ростопчина, И. С. Аксаковъ и Витикиндъ, Н. М. Языковъ и Каліостро, Ришелье и Марина Мнишекъ, Варавва и Донна Инезилья (должно быть вымышленное лицо впрочемъ), Кромвель и Н. Ф. Павловъ... Опять виноватъ, Н. Ф. Павлова именно и нѣтъ.

Стихотворенія г-жи Каролины Павловой полны мыслей, что доказывается тѣмъ, что многіе изъ нихъ называются думами; думаетъ же г-жа Каролина Павлова о многомъ: о перстѣ бытія, о своей душѣ, о маркизѣ Позѣ, о хороводахъ поэтовъ, объ остаткахъ своихъ силъ, о чемъ-то, что мелькая ясно, манитъ насъ во снѣ, —и додумывается до такого четверостишія:

И каждая лишала встрѣча
Меня призрака моего,
И не звала я издалеча
Назадъ душею никого.

Учености также нахваталась г-жа Павлова тьму.

Такъ упоминаетъ она про какихъ-то трехъ: Иксіона, Полліона и Аарона. Не знаю, вымышленныя это лица или были такія. А можетъ, это и алегорія, и подъ ними—тремя нужно подразумѣвать Н. Ф. Павлова—одного. Не обладая ученостью г-жи Павловой, рѣшить не могу. Впрочемъ это рѣшитъ г. Дудышкинъ, когда будетъ писать введеніе къ полному собранію ея сочиненій.

На иностранныхъ языкахъ г-жа Павлова также вѣроятно объясняется хорошо. Это доказываютъ эпиграфы, какъ-то: what is right is right, или salut, salut, contulatrice или Vae victis; а также заглавія, какъ-то: Laterna magica, и еще Salasy Gomez. Есть еще милый разговоръ между графиней и Вадимомъ. Вѣроятно про эту же графиню изображено, что она:

Хоть петербургская графиня,
Но москвитянкой рождена.

Вообще, къ Москвѣ г-жа Павлова питаетъ уваженіе и привязанность и разсказываетъ, какъ она неслась на конѣ по полямъ и увидала нерукотворный городъ, (т. е. Москву). Здѣсь она себя спрашиваетъ:

Москва! Москва! что въ звукѣ этомъ?
Какой отзывъ сердечный въ немъ?
Зачѣмъ такъ сроденъ онъ съ поэтомъ, —
Такъ властенъ онъ надъ мужикомъ?
Зачѣмъ сдается, что предъ нами
Въ тебѣ вся русь насъ ждетъ, любя?
Зачѣмъ блестящими глазами,
Москва, смотрю я на тебя?

Я могу отвѣтить тотько на одну часть вопроса г-жи Павловой, а именно: отчего Москва властна надъ мужикомъ. Я полагаю, что оттого, что тамъ власти. Почему же смотритъ на Москву г-жа Павлова блестящими глазами—не знаю. Вообще же г-жа Павлова пишетъ очень мило и начинаетъ подавать большія надежды. Я не сомнѣ-

ваюсь, что лѣтъ черезъ двадцать изъ нея выйдетъ перлъ русской поэзіи.

Отъ частностей перейдемъ къ общему: отъ стихотвореній Лермонтова и г-жи Павловой къ «исторіи русской литературы» г. Петрова. Посмотримъ, какова вопервыхъ исторія г. Петрова, а вовторыхъ какова исторія русской литературы.

Объ исторіи г. Петрова можно уже судить потому, что онъ самъ ее испугался, когда написалъ. Книжка его довольно маленькая (236 страничекъ in 8° листа самаго маленькаго формата) и мизерная. Но онъ въ предисловіи говоритъ, что величина ея объема произошла оттого, что въ училищахъ, по недостатку средствъ изученія исторіи иностранныхъ литературъ, занимаются изученіемъ русской. Но вѣроятно чувствуя, что этого объясненія недостаточно, чтобы заставить читателя погрузиться въ бездну его премудрости, совѣтуетъ облегчать себѣ этотъ трудъ предварительнымъ чтеніемъ эстетики Гегеля. На читателя отъ этихъ словъ нападаетъ ужасъ: онъ воображаетъ, что такое дожна быть книга, для уразумѣнія которой нужно сперва переварить Гегеля. Но это только запугиваніе со стороны г. Петрова. Въ книгѣ нѣтъ никакой особой премудрости; напротивъ того, она весьма кратка, но не весьма впрочемъ ясна. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ г. Петровъ поэзію екатерининскаго времени:

> «При Екатеринѣ II бояре сами съ охотою (каково!) давали балы, ѣздили въ золотыхъ каретахъ и вообще любили окружать себя великолѣпіемъ и роскошью, отчасти потому, (слушайте)! что она вполнѣ соглашалась съ широкою натурою русскаго человѣка. Самыя произведенія поэзіи отличались блескомъ и заключали въ себѣ восклицанія, порывы, картины часто ненатуральныя, но великолѣпныя. Описывая сраженія, поэты употребляли слова, напоминающія сраженіе (вотъ чудаки-то были!). Слѣдовательно, блескъ былъ какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи». (Стр. 76).

Видите ли, бояре любили при Екатеринѣ роскошь; оттого и поэ-

зія описывала разныя великолѣпія; теперь поэзія занялась преимущественно «простымъ, сѣроодѣтымъ, русскимъ человѣкомъ», по выраженію какого-то демократа; это вѣроятно оттого, что бояре почувствовали отвращеніе отъ роскоши и склонность къ буколизму. А то вотъ еще прелесть:

«Николай Ивановичъ Новиковъ былъ замѣчателенъ своею любовью къ общему благу и просвѣщенію отечества. Въ то время были въ образованномъ обществѣ неправильные взгляды на жизнь, распространяемые французскими энциклопедистами. Многіе русскіе заразились этими взглядами. Люди благонамѣренные старались удержать своихъ соотечественниковъ въ предѣлахъ добродѣтели и гуманности. Къ числу такихъ друзей человѣчества относится и Новиковъ». (Стр, 96).

Это мѣсто доказываетъ сразу двѣ вещи: 1) что французскіе энциклопедисты были злы и жестоки; 2) что въ то время благонамѣренность не всегда спасала отъ ссылки. Характеристики нѣкоторыхъ писателей и ихъ произведеній обнаруживаютъ въ авторѣ проницательность и остроуміе. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что содержаніе романа Гете «Страданія молодаго Вертера», видно изъ заглавія; онъ порицаетъ Крылова за то, что тотъ назвалъ льва — охотникомъ до куръ; онъ утверждаетъ, что можно сказать о Баратынскомъ, будто онъ думалъ стихами,—при чемъ я долженъ сознаться, что тоже не вижу причины, почему бы и не сказать такъ, если ужъ очень захотѣлось; про Лермонтова онъ, въ противоположность мотивамъ г. Дудышкина, говоритъ, что онъ былъ выше предразсудковъ, которыхъ не былъ чуждъ даже Пушкинъ, который впрочемъ тоже написалъ и «Бородинскую Годовщину» и «Клеветникамъ Россіи». Онъ упрекаетъ барыню въ повѣсти Тургенева *Муму* за то, что она хотя и желала сдѣлать добро, но не имѣла правильнаго понятія о человѣческомъ сердцѣ, и наконецъ онъ увѣряетъ, что г. Щербина напоминаетъ ему Анакреона, Алкея и Ксенофона—вмѣстѣ.

Но въ особенности назидательно читать тѣ страницы труда г. Петрова, гдѣ идетъ рѣчь о мѣрахъ правительства для народнаго образованія. Болѣе подробное изложеніе этихъ мѣръ начинается съ Екатерины II, хотя упоминается и о томъ, что императрица Анна Іоанновна учредила сухопутный шляхетскій кадетскій корпусъ, и о томъ, что императрица Елисавета Петровна основала московскій университетъ. Но императрица Екатерина Алексѣевна не ограничи-

валась тѣмъ, что поощряла и награждала поэтовъ, но и заботилась также о народномъ образованіи.

«Это доказывается, говоритъ г. Петровъ, открытіемъ женскихъ институтовъ, учрежденіемъ коммиссіи духовныхъ училищъ, открытіемъ коммерческаго училища, вызовомъ изъ-за границы опытныхъ педагоговъ и проч.» (Стр. 95).

Мѣры императора Павла, къ сожалѣнію, не упомянуты въ трудѣ г. Петрова, который прямо переходитъ къ мѣрамъ императоровъ Александра I и Николая I.

Теперь, когда мы видѣли, какова исторія г. Петрова, посмотримъ на исторію русской литературы. Перелистывая, не говорю уже о такой громоздкой движимости, какъ напр. исторія литературы г. Галахова, но даже такую маленькую книженку, какъ трудъ г. Петрова, мы будемъ поражены обиліемъ болѣе или менѣе знаменитыхъ именъ въ нашей литературѣ. Кто никогда не читалъ «Курсовъ русской литературы», тотъ и не подозрѣваетъ, сколько богатства и разнообразія заключаетъ въ себѣ наша литература. Обыкновенно полагаютъ, что до Гоголя не было никакой литературы; другіе полагаютъ начало ея въ Карамзинѣ; наконецъ наиболѣе смѣлое воображеніе третьихъ рѣшается проникнуть въ глушь XVIII ст. и ведетъ родословную нашей литературы отъ Ломоносова.

Проникнуть далѣе имъ и въ голову не приходитъ. Ломоносовъ—это геркулесовскіе столпы нашей литературы. Но я, начитавшись книжки г. Петрова, рѣшаюсь посрамить такихъ невѣждъ, полагающихъ предѣломъ русской литературы Ломоносова; я укажу на *Мелетія Смотрицкаго*, *Іоанникія Голятовскаго*, а въ особенности на *Исайю*, митрополита Кіевскаго, подвизавшихся на поприщѣ русской литературы за долго до Ломоносова. Полагающимъ предѣлъ ея—въ Карамзинѣ я назову громкія имена *Аблесимова, Сѣченова*, а преимущественно Братановскаго, насаждавшихъ этотъ вертоградъ въ то время, когда еще спали въ колыбелькахъ или покоились у груди матерней дѣдушки и бабушки П. Шевырева, Краевскаго, Погодина, Буслаева и др. современныхъ знаменитостей.

Но въ особенности жестоко могу я поразить тѣхъ, которые ничего не видятъ раньше Гоголя. Я упомяну только о митрополитѣ Филаретѣ и Амфитеатровѣ, какъ ораторахъ; о Бутковѣ и Арцыбашевѣ, какъ историкахъ; о Тепляковѣ и Подолинскомъ, какъ по-

этахъ; перечисленіе же беллетристовъ завело бы меня слишкомъ далеко, и я докажу обилье мужскихъ именъ, стяжавшихъ себѣ славу на этомъ поприщѣ, перечисленіемъ женскихъ: Анна Бунина, Марія Извѣкова, Теплова, Сара Толстая, Жукова,—вотъ писательницы, заслужившія себѣ безсмертіе Изъ этого обилья писательницъ легко можно заключить, какое множество писателей услаждали своими произведеніями досуги россіянъ.

По Сенькѣ и шапка, говоритъ пословица; какова литература, такова и исторія ея: насколько европейская литература выше нашей, настолько же и Исторія этой литературы Геттнера выше Исторіи русской литературы г. Петрова.

Вышедшій въ русскомъ переводѣ первый томъ исторіи Геттнера содержитъ въ себѣ исторію англійской литературы отъ реставраціи 1660—1770 года. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ великомъ значеніи для цивилизаціи этого періода умственной жизни англійскаго народа; открытіе Ньютона, сочиненія Толенда, Локка, Гартли и др.,—все это имѣло конечно огромное вліяніе на развитіе европейскаго ума. Съ другой стороны въ Англіи люди, подобные Сидни, начали строгое изслѣдованіе принципа феодальнаго абсолютизма,—изслѣдованіе неоставшееся безплоднымъ и окончившееся побѣдой парламентаризма не только въ теоріи, но и въ практикѣ. Тѣмъ не менѣе этого недостаточно, чтобы считать англійскую націю за руководительницу прочихъ въ дѣлѣ прогресса, какъ считаютъ ее у насъ такъ называемые англоманы, какъ считаютъ сами англичане, напримѣръ Бёкль и какъ наконецъ полагаетъ Геттнеръ.

«Гете, такъ начинаетъ онъ свою книгу, сравниваетъ исторію науки съ обширной фугой; голоса народовъ выступаютъ въ ней только одинъ за другимъ».

Потомъ онъ говоритъ, что первый раздавшійся голосъ принадлежалъ Англіи, и на основаніи этого начинаетъ свою исторію литературы изложеніемъ англійской.

Это несправедливо. Если какой нибудь націи принадлежитъ честь этого передового *solo*, то это безъ сомнѣнія—Италіи. Въ ней первой, по выходѣ изъ мрачнаго подземелья среднихъ вѣковъ, загорѣлся огонекъ науки и прогресса; она была первая въ той эпохѣ, которая называется возрожденіемъ; въ ней, несмотря на то, что она была центромъ католицизма, появились тѣ науки, которымъ суждено

теперь стоять въ головѣ всѣхъ прочихъ, науки изъ обширной области естествознанія. Въ то время, когда въ Англіи и Германіи еще царствовала тьма, а во Франціи черезъ Сорбонну теологическое направленіе преобладоло въ Европѣ, въ это время всеобщей схоластической тупости Италія имѣла великихъ физиковъ, математиковъ, анатомовъ, химиковъ. Правда, ея голосъ, продолжая сравненіе Гёте, скоро замолкъ на многіе вѣка, и Германія, Англія и Франція, выступивъ впередъ, заслонили Италію; дальнѣйшая разработка открытаго ею клада, перешла въ ихъ руки, и онѣ съумѣли сдѣлать это дѣло. Но ужъ если идетъ рѣчь о томъ, кому первому принадлежитъ честь открытія этого клада, то безъ всякаго сомнѣнія—Италіи, что весьма впрочемъ естественно, потому что средневѣковыя италіянскія республики допускали гораздо больше свободы въ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ, чѣмъ феодально-монарахическій абсолютизмъ прочей Европы. Но уже такъ завелось считать Англію передовой страной во всемъ, и Геттнеръ не отступаетъ отъ общаго взгляда, чѣмъ наноситъ значительный вредъ своему прекрасному сочиненію, излагая исторію всеобщей литературы XVIII в. не въ общей связи, а послѣдовательно, націю за націей; отчего общая идея теряется изъ виду, и автору придется дѣлать ненужныя повторенія и безпрестанно возвращаться назадъ. Это — первый недостатокъ книги Геттнера. Но у него можно найдти и другія, несравненно важнѣйшія ошибки, происходящія отъ того же пристрастія къ Англіи. Примѣромъ ихъ можетъ служить его взглядъ на политическую жизнь англійскаго народа въ періодъ, литературу котораго онъ разсматриваетъ. Здѣсь я сравню взглядъ автора съ взглядомъ другого историка, писавшаго о той же эпохѣ, а именно знаменитаго Шлоссера. Извѣстно, что Яковъ Стюартъ своими безобразными, тиранническими поступками, въ три года такъ успѣлъ вооружить противъ себя всѣхъ, что, за исключеніемъ своихъ же палачей, не могъ ни на кого положиться въ минуту опасности. Поэтому, когда умный и ловкій принцъ Оранскій высадился въ Англіи, то король остался совершенно одинъ, потому что палачи,—люди всегда трусливые,—поспѣшили спрятаться; а остальные, такъ терпѣливо переносившіе деспотизмъ не только его брата, но и его самого, покуда онъ казался сильнымъ, оставили его, не надѣясь дождаться ничего лучшаго, кромѣ висѣлицъ и эшафотовъ,—и пристали къ смѣлому противнику его. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, потому что такія же явленія бываютъ между са-

мыми варварскими народами, въ глубинѣ Азіи или Африки; неистовствуетъ какой нибудь деспотъ лѣтъ десять, двадцать, иногда сорокъ; и кажется, что сила его несокрушима,—но наконецъ является какой нибудь смѣлый авантюристъ, и воображаемая сила одинокого деспота изчезаетъ, какъ дымъ. Ему измѣняетъ прежде всего его собственная совѣсть; его преслѣдуетъ страхъ, порождаемый угнетеніемъ и неизбѣжными при немъ преступленіями; его наконецъ тяготитъ его ложное положеніе,—и онъ остается одинъ, когда удается какому нибудь смѣльчаку овладѣть симпатіями угнетенной націи...

Поэтому, и англійская революція 1688 нисколько не говоритъ въ пользу необыкновенной развитости англійскаго народа, какъ думаетъ Гетнеръ. Но такъ какъ это событіе укрѣпило англійскую систему конституціонализма, то защитники и апологисты этой системы, въ родѣ Маколэ, тѣ, которымъ она доставляетъ силу, значеніе и титулы, восхвалили его и превознесли до небесъ. Правда, англійская нація развита несравненно болѣе многихъ другихъ европейскихъ народовъ и развилась гораздо раньше всѣхъ, за исключеніемъ французской—я говорю здѣсь исключительно о народѣ, о такъ называемой грубой массѣ—но это доказывается вовсе не побѣдой виговъ въ 1688, а другими фактами, изъ которыхъ нѣкоторые встрѣчаются и въ книгѣ Геттнера. Я укажу, напримѣръ, на процессъ Вилькса, о которомъ довольно подробно говоритъ Геттнеръ. Участіе, принятое народомъ въ этомъ процессѣ о прессѣ, доказываетъ значительную степень развитія, на которой онъ стоялъ; потому что только развитый народъ можетъ принимать такое живое участіе въ судьбѣ своей прессы, сочувствовать ей и поддерживать ее. Народы же, стоящіе на низкой ступени развитія, игнорируютъ, какъ прессу, такъ и ея обстоятельства.

Факты, подобные поведенію народа въ процессѣ Вилькса, дѣйствительно доказываютъ развитость народа. Если же мы будемъ смотрѣть на конституціонализмъ, какъ на доказательство этого развитія, то мы плохо докажемъ послѣднее; потому что послѣ борьбы, продолжавшейся полтора столѣтія, конституція не помѣшала Георгу III и его Питту неистовствовать въ Англіи, хуже чѣмъ средневѣковые деспоты, не говоря уже о томъ, что двухвѣковая борьба за одну и ту же идею, скорѣе можетъ доказывать застой народа, чѣмъ его развитіе;—тѣмъ болѣе, что послѣ всѣхъ великихъ и малыхъ переворотовъ, прославленныхъ писателями въ родѣ Макалэ и ихъ ино-

странными послѣдователями, не далѣе какъ въ 1840 г. было отмѣнено важнѣйшее изъ пріобрѣтеній англійскаго народа Habeas Corpus.

Все это очень хорошо извѣстно и защтникамъ англійскаго конституціонализма; но они все таки твердятъ свое:

«Кто взглянетъ безпристрастно на благодѣянія революціи (1688), продолжаетъ Гетнеръ, тотъ съ радостью повторитъ гордое слово, сказанное Галламомъ объ его отечествѣ: мы чувствуемъ гордость и достоинство республиканцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ твердость и спокойное постоянство, которыя обыкновенно бываютъ свойственны только единовластію. Ту же мысль выражаетъ Монтескье; онъ называетъ англичанъ народомъ, у катораго республика скрывается подъ монархическими формами». (стр. 117)

Конечно, Галламъ могъ это говорить, а Монтескье перефразировать, потому что одинъ пользовался плодами этой конституціи, а другой былъ ея пропагандистомъ. Но съ радостью повторять ихъ слова никто не станетъ, если посмотритъ на соціальный складъ англійской конституціи Основанная на аристократическихъ привиллегіяхъ съ одной стороны, а съ другой на поголовномъ пролетаріатѣ націи, лишенной земли на своей же собственной землѣ, эта конституція, по самому существу своему, исключаетъ всякую республиканскую свободу. Народъ пріобрѣталъ ее медленно, путемъ постоянной борьбы и соціальнаго антагонизма; онъ платилъ за каждое новое право цѣной долголѣтнихъ страданій, нищенствовалъ и бѣдствовалъ наровнѣ съ другими европейскими народами; и потому въ характерѣ его никогда не было республиканскаго темперамента. Послушаемъ лучше, что говоритъ объ англійской конституціи старый Шлоссеръ. Это будетъ гораздо справедливѣе.

«Заразы свободныхъ рѣчей имъ (Питту и англійской, какъ онъ выражается, аристократіи и плутократіи) нечего было бояться, потому что Джонъ-Буль совершенно ослѣпленъ предразсудками и упрямымъ высокомѣріемъ, какъ народы, воспитанные іезуитами, ослѣплены папизмомъ». (Тамъ V, стр. 215).

«Старикъ докторъ Прайсъ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, защищалъ демократическую республику противъ старо-англійскихъ предразсудковъ, противъ панегиристовъ *счастливой англійской конституціи* и противъ оглушительнаго крика людей, пользовавшихся бенефиціями, пенсіями и синекюрами». (стр. 219)

Со стороны Геттнера тѣмъ страннѣе восхволять конституціона-

лизмъ, что у него попадаются выраженія, которыя трудно согласить съ похвалами этой системѣ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о Беркѣ слѣдующее:

«Ничего нѣтъ ошибочнѣе того мнѣнія, которое объясняетъ различіе въ положеніи Бёрка до и послѣ французской революціи *изъ внезапной перемѣны его взглядовъ* (*) Въ сущности Бёркъ оставался всегда однимъ и тѣмъ же. Его образъ мыслей всегда былъ чисто конституціоннымъ; онъ рѣшительный и строго-послѣдовательный приверженецъ англійской конституціи 1688 г. Эта конституція была для него идеаломъ всякой политики; онъ видѣлъ въ ней господство образованности и собственности; она была дорога ему и внушала ему уваженіе своимъ естественнымъ развитіемъ. (Стр. 173).

Но мы опять сошлемся на историка, авторитету котораго мы болѣе довѣряемъ. Вотъ что говоритъ Шлоссеръ о парламентскомъ отступничествѣ Бёрка:

«Подъ знаменами Рокингама, Бёркъ яростно декламировалъ за Сѣверную Америку, за свободу, за реформы въ Англіи; но когда получилъ мѣсто въ министерствѣ, эта гора, чреватая обѣщаніями великихъ преобразованій, родила смѣшную мысль дѣйствительныхъ реформъ. Потерявъ мѣсто, этотъ мощный ревнитель закона, истины и свободы подобно Фоксу, неколеблясь вступилъ въ коалицію съ безсовѣстнымъ лордомъ Нортомъ и его товарищами противъ основаній безконечно прославляемой имъ конституціи. Они говорили, что дѣлаютъ это по политической необходимости. Потомъ онъ снова сталъ страшнымъ гонителемъ позорныхъ злоупотребленій плутократіи, обличителемъ гнусныхъ и свирѣпыхъ притѣснителей, которыхъ производила или по крайней мѣрѣ ограждала отъ всякаго человѣческаго суда аглійская конституція, впослѣдствіи столь превозносимая имъ и сама по себѣ, правда, превосходная, но страшная въ своемъ приложеніи. По порученію палаты общинъ онъ былъ обвинителемъ главныхъ правителей и судей Остъ Индіи; его рѣчи разоблачаютъ и преувеличиваютъ дурныя стороны того аристократическаго государства, которое потомъ называлъ онъ ненуждающимся ни въ какихъ улучшеніяхъ. При спорахъ о регентствѣ, Бёркъ, бывшій тогда еще союзникомъ Фокса, также возставалъ съ республиканскою горячностью противъ Питта и поддерживавшей его королевы. Этому человѣку, впослѣдствіи являвшемуся столь яростнымъ монархистомъ,

*) Эта фраза не дѣлаетъ чести г. переводчику, равно какъ и слѣдующая: она (книга Гогарта) угадывала въ волнистой линіи линію индивидуальной особенности, т. е. *право индивидуализированія, пробивающаго типическій канонъ рода* (!!?).

тѣмъ непростительнѣе прежнія демагогическія рѣчи, что онѣ были старательно обдуманы и заучены на память, и не были минутными взрывами взволнованнаго чувства. Въ нихъ есть мѣста, гдѣ пылкость доходитъ до бѣшенства,—такія мѣста, которыми возбуждалось негодованіе цѣлаго парламента, такъ что Питтъ выражалъ состраданіе къ этому бѣшенству, какъ къ помѣшательству. Но совершенно инымъ человѣкомъ явился Бёркъ въ 1790 г. и неожиданно излилъ длинною рѣчью на французское національное собраніе. Эта длинная, оскорбительная рѣчь, прилежно обработанная, заключала въ себѣ самыя свирѣпыя выходки на все совершившееся во Франціи съ мая 1789 г. Онъ выводилъ изъ новыхъ учрежденій Франціи гибель всей страны и всевозможныя бѣдствія и пороки». (Томъ V стр. 221—222)

И такія превращенія, объясняемыя только болѣзненнымъ разстройствомъ мозга, очень обыкновенное явленіе въ исторіи государственныхъ людей Англіи и даже въ исторіи ея писателей. Люди, поставленные между двумя противоположными потоками мнѣній и общественныхъ системъ, вытекающихъ изъ антагонизма, способны мѣнять свои убѣжденія также, какъ они мѣняютъ свое бѣлье. Отъ англійской законности совершенно логически можно перейдти къ кулачному праву.—Восхищается также Геттнеръ просвѣщеннымъ феодализмомъ, котораго, по его словамъ, Фридрихъ Великій съ своимъ творческимъ умомъ первый подалъ возвышенный примѣръ. Только напрасно онъ думаетъ, что съ нимъ согласенъ въ этомъ Шлоссеръ. Шлоссеръ смѣется надъ просвѣщеннымъ феодализмомъ. Творческій же умъ Фридриха Великаго, какъ нельзя лучше доказала Іенская битва, въ нѣсколько часовъ разрушившая ту казарму, которая называлась прусскимъ королевтсвомъ и которую творческій умъ Фридриха сооружалъ цѣлыхъ 46 лѣтъ.

За исключеніемъ этихъ мѣстъ, книга Геттнера превосходна, такъ что нельзя довольно нарадоваться, видя ее въ русскомъ переводѣ. Изложеніе ясно, сжато, но тѣмъ не менѣе весьма подробно. Нѣкоторые отдѣлы въ особенности можно назвать превосходными. Я укажу напр. на второй отдѣлъ второй книги, гдѣ говорится въ высшей степени занимательно о Попѣ и Де-Фо. Но я обращу вниманіе читателей на разборъ Геттнеромъ одного сочиненія, о которомъ какъ онъ, такъ и Шлоссеръ, совершенно согласный съ нимъ въ этомъ пунктѣ, судятъ не справедливо. Я говорю о «Баснѣ о Пчелахъ» Мандевиля.

Это маленькое, но чрезвычайно замѣчательное сочиненіе доставило

своему автору самую невыгодную репутацію. Шлоссеръ осыпаетъ его ядовитыми насмѣшками и по своему обыкновенію сильно бранитъ. Тоже, хотя въ мягкой формѣ, высказываетъ Геттнеръ; а между тѣмъ Мандевиль нисколько не заслуживаетъ этихъ порицаній.

«Басня о Пчелахъ», явившаяся въ первый разъ въ 1706 г., была направлена противъ аристократической морали Шефтсбѣри, смотрѣвшаго на весь міръ глазами богатаго и высокороднаго цѣнителя искуствъ и художествъ и про котораго Геттнеръ мѣтко, хотя съ медвѣжьей услужливостью, говоритъ, что онъ понятенъ только тому, кто понимаетъ чистую художественность. Слабонервный аристократъ, Шефтсбѣри толкуетъ о прекрасномъ, объ идельномъ, объ эстетическомъ, о Платонѣ; а все дѣйствительное земное считаетъ грязнымъ и не достойнымъ своего высокаго вниманія. Геттнеръ опять-таки съ медвѣжьей услужливостью говоритъ, что средоточіе его мысли составляетъ эстестическій идеалъ. Изъ этаго идеала прекраснаго, взятаго изъ древняго міра, изъ разсматриванія античныхъ статуй и чтенія Платона, онъ выводитъ, основанное на *хорошемъ вкусѣ*, ученіе о нравственности, добродѣтели, которой требуетъ отъ рода человѣческаго во имя идеи прекраснаго. А такъ какъ человѣческій родъ не удовлетворяетъ его, потому что поступаетъ весьма недобродѣтельно, то онъ отворачивается отъ него и снова уносится въ периклововскія Аѳины.

Противъ этой-то морали выступилъ Мандевиль въ своей «Баснѣ о Пчелахъ», содержаніе которой можно объяснить двумя словами, сказавъ, что порядокъ и благоустройство пчелинаго улья весьма похожаго на Англію, продолжались до тѣхъ только поръ покуда существовали между ними пороки; едва сдѣлались пчелы добродѣтельны, какъ порядокъ изчезъ: всѣ тунеядцы, всѣ паразиты, жившіе насчетъ труда другихъ, всѣ обманщики, шарлатаны, художники, торгаши, фабриканты пришли въ отчаяніе и должны были удалиться изъ страны, гдѣ господствуетъ добродѣтель, гдѣ никого нельзя надувать.

«Что было дѣлать адвокатамъ! Темницы стали пусты. Что сталось съ кузнецами и слесарями, дѣлавшими цѣпи!? Что наконецъ сталось съ палачами, сыщиками и всей почтенной полиціей»!

Такихъ раззоренныхъ лицъ нашлось столько, что когда они удалились изъ улья — онъ обезлюдѣлъ. На оставшихся напали сосѣд-

нія пчелы и хотя добродѣтельныя одержали побѣду, но ихъ было такъ мало, что они должны были покинуть улей и удалиться въ другой. Изъ этого Гетнеръ и Шлоссеръ выводятъ, что Мандевиль хотѣлъ доказать необходимость пороковъ, хотѣлъ защитить ихъ, представивъ въ хорошемъ свѣтѣ ихъ послѣдствія, и въ худомъ,—послѣдствія добродѣтели. Я не знаю, могла ли критика сдѣлать болѣе грубую ошибку, и что всего удивительнѣе, что ошибка эта такъ и повторяется всѣми и никому въ голову не приходитъ нелѣпость этого вывода.

Мандевиль имѣлъ двоякую цѣль, или лучше сказать, его цѣль имѣла двѣ стороны: вопервыхъ показать, что порядокъ, господствовавшій въ Англіи несовмѣстенъ съ понятіями о нравственности и добродѣтели, потому что онъ есть продуктъ пороковъ общества: такъ какъ онъ безъ нихъ немыслимъ, то слѣдовательно они и суть причина, корень его. Вовторыхъ онъ желалъ показать нелѣпость Шефтсбёри, ищущаго высокой добродѣтели и эстетическаго, прекраснаго, въ обществѣ, немыслимомъ безъ пороковъ, не могущемъ безъ нихъ существовать. Эта «Басня о Пчелахъ» имѣетъ великое достоинство и доказываетъ необыкновенный умъ автора. Ее еще и до нынѣшняго дня полезно цитировать людямъ, нежелающимъ помириться съ обществомъ, какое оно есть на самомъ дѣлѣ, и ищущихъ себѣ идеаловъ.

Переводы иностранныхъ книгъ дѣлаются у насъ теперь въ обширныхъ размѣрахъ. Въ послѣднее время издано очень много хорошихъ книгъ, что̀, при бѣдности нашей отечественной литературы, составляетъ капитальное пріобрѣтеніе. Къ сожалѣнію, я не могу сказать того же о самомъ выборѣ переводимыхъ книгъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ издателей, большая часть ихъ фабрикуетъ свои переводы какъ попало, не разбирая ни достоинства книги, ни ея содержанія. Поэтому почти съ математическою точностію можно утверждать, что на одну хорошую переведенную книгу приходится

сотня негодныхъ, давно обратившихся въ печатный соръ за границей. Зачѣмъ, напримѣръ, трудились гг. Левенстернъ и Карловъ надъ переводомъ Всемірной Исторіи Вельтера? На оберткѣ сказано, что это сочиненіе предназначено для гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Но у насъ есть достаточно туземныхъ произведеній этого достоинства для того, чтобы забивать разсудокъ учениковъ среднихъ заведеній. Я не вижу причины, почему слѣдуетъ замѣнить преподаваніе исторіи Кайданова, Смарагдова или Лоренца преподаваніемъ исторіи Вельтера. Наконецъ, въ недавнее время вышла во всевозможныхъ своихъ сокращеніяхъ, исторія Вебера, надъ которой трудились гг. Корши, и которой теперь завалены всѣ книжныя лавчонки на толкучемъ. А каковы бы ни были недостатки исторіи Вебера, во всякомъ случаѣ она уже потому лучше исторіи Вельтера, что дѣйствительно—всемірная, т. е. говоритъ о годахъ вступленія на престолъ и смерти государей всѣхъ націй, перечисляетъ министровъ, генераловъ и мѣста битвъ всѣхъ европейскихъ государствъ, тогда какъ исторія Вельтера подробно разсказываетъ только о поступкахъ и жизни германскихъ императоровъ и королей. Быть можетъ, для нѣмцевъ необходимо знать все, что относится къ подвигамъ Генриха I, Фридриха I или Рудольфа габсбургскаго; но я не понимаю, зачѣмъ набивать голову этимъ вздоромъ ученикамъ рускихъ гимназій.

Зачѣмъ же имъ, выдолбивъ русскаго Устрялова, приниматься долбить еще нѣмецкаго Устрялова? Что касается достоинства исторіи Вельтера и ея перевода, то желающіе доказательствъ могутъ убѣдиться слѣдующими образчиками:

«Послѣ паденія западн. римской имперіи, Европа являла собою плачевную картину общаго неустройства.

. . . «При такомъ ужасномъ разрушеніи, всѣ узы порядка и законовъ расторгались сами собою» (Стр. 1).

Далѣе объясняется, что явились германцы, и описывается образъ жизни ихъ, при чемъ переводчики не упускаютъ случая провести въ примѣчаніи параллель съ Россіею. Такъ, напримѣръ, Вельтеръ говоритъ, что германцы обучали и пріучали сокола къ охотѣ за другими птицами; а гг. Левенстернъ и Карловъ замѣчаютъ:

«Наши древніе князья и цари также очень любили соколиную охоту. При московскомъ дворѣ даже были особенныя должностныя лица, такъ называемые сокольничіе, которые обязаны были сопровождать царя на соколиную охоту. (Стр. 7).

А вотъ какъ описываетъ Вельтеръ бесѣды германцевъ:

«Часто пріятели, сидя за веселой чашей, толковали между собою о дѣлахъ семейныхъ и отечественныхъ и при этомъ высказывали свои мнѣнія, конечно, самымъ чистосердечнымъ образомъ, потому что подъ вліяніемъ хмѣля душа человѣка всегда сообщительнѣе обыкновеннаго»·

Жаль, что гг. переводчики не потрудились сдѣлать и къ этимъ словамъ соотвѣтствующаго примѣчанія. Отношенія разныхъ властителей, папъ и королей къ народу, представлены довольно странно. Такъ на стр. 94 мы узнаемъ, что Карлъ В., соболѣзнуя о вѣроломствѣ нежелавшихъ покориться ему саксонцевъ, перерѣзалъ въ одинъ день $4^1/_2$ тысячи человѣкъ;—о чемъ же онъ соболѣзновалъ?—спросятъ ученики. Потомъ мы узнаемъ, что римляне были коварны, потому что хотѣли возстать противъ Оттона III и поставленнаго имъ папы, которые только-что передъ этимъ казнили безчисленное число жителей и уничтожили республику Кресцентія Криспа.

О тѣхъ же римлянахъ сказано позднѣе, что они были злонамѣренны, потому что оскорбили папу Льва III. О миланцахъ сказано, что они были горды.

Само собою разумѣется, что всѣ событія всемірной исторіи приписаны дѣйствію провидѣнія и что перечислены всѣ проявленія этого дѣйствія, начиная съ голубя съ склянкой при крещеніи Клодвига до Орлеанской дѣвы.

Переводъ поражаетъ своей странностью, такъ на стр. 206 сказано, что когда осаждающіе Іерусалимъ крестоносцы устроили вокругъ города крестный ходъ, то осажденные «мѣшали имъ своими неумѣстными подражаніями». Любопытно знать, кто это такъ выразился: Вельтеръ или гг. переводчики. Но вотъ это ужъ вѣрно принадлежитъ послѣднимъ:

«При такихъ обстоятельствахъ Петру Пустыннику ничего больше не оставалось, какъ собрать *свои бренные остатки* — по добру и по здорову возвратиться *съ ними* въ Константинополь». (стр. 191—92).

Вообще же я полагаю, что исторія Вельтера не понравится даже всѣмъ довольному и крайне невзыскательному библіографу Библіотеки для Чтенія, знаменитому г. Е. Эдельсону,

Взглядъ на такіе учебники, какъ исторія Вельтера, обязываетъ насъ отнестись съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ книгѣ г. Стасюлевича. Исторія среднихъ вѣковъ, составленная имъ, можетъ какъ нельзя лучше способствовать къ изгнанію изъ школьнаго преподаванія Кайдановыхъ, Смарагдо-Шульгиныхъ, Лоренцовъ и Веберовъ. Г. Стасюлевичъ, нѣкогда претендовавшій на эрудицію, которая ему не удалась, теперь положился на счастіе, и совершенно успѣлъ; надо отдать справедливость удачному способу составленія, избранному имъ для его компилятивной книги. Онъ разсказываетъ исторію устами современныхъ ей писателей и новѣйшихъ ученыхъ, разработывавшихъ средніе вѣка, воздерживаясь отъ собственнаго краснорѣчія, исключая тѣхъ немногихъ мѣстъ, гдѣ это необходимо, какъ напр. при описаніи географическаго положенія странъ и государствъ. Книгу г. Стасюлевича справедливо упрекали, что въ выборѣ источниковъ онъ былъ не очень разборчивъ, что рядомъ съ Тацитомъ и Бедой преподобнымъ, онъ помѣстилъ отрывки изъ произведеній Шатобріана, Кудрявцева, Монталанбера и Гизо. Хотя конечно это не дѣлаетъ чести критическому такту г. Стасюлевича, но не составляетъ никакого неудобства при употребленіи его книги въ гимназіяхъ, такъ какъ порядочный учитель съумѣетъ отдѣлить годное отъ негоднаго, полезное и хорошее отъ галиматьи и дичи. Что же касается до тѣхъ учителей, которые не съумѣютъ этого сдѣлать, то все-таки въ числѣ многихъ хорошихъ отрывковъ они заставятъ своихъ учениковъ прочесть только нѣсколько пустыхъ страницъ, а не будутъ набивать голову сплошнымъ вздоромъ Веберовъ и Вельтеровъ.

Во всякомъ случаѣ, г. Стасюлевича слѣдуетъ поблагодарить за то, что онъ предпочелъ передавать исторію въ ея сыромъ видѣ или въ сочиненіяхъ извѣстныхъ ученыхъ Запада, какъ Тьерри, Мишле или Бекля, чѣмъ написать свою собственную.

Я нисколько не сомнѣваюсь въ способности г. Стасюлевича къ самостоятельному труду, но знаю также по многимъ опытамъ, что

самостоятельный трудъ нашимъ ученымъ не удается, и потому охотно слѣдую поговоркѣ: «не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки».

Въ доказательство же неспособности русскаго люда къ серьезному труду могу на этотъ разъ предстатить «разсужденіе» г. Бильбасова о крестовомъ походѣ императора Фридриха II.

Прочитавъ огромное множество источниковъ, такъ что ссылки занимаютъ 50 страницъ въ книгѣ, имѣющей ихъ всего 225, не читая примѣчаній, которыми изобилуютъ страницы текста, г. Бильбасовъ съ этой огромной начитанностью не могъ справиться, не переварилъ ее, и потому допустилъ грубѣйшія ошибки. Такъ на страницѣ 12 онъ говоритъ, что оба императора Филиппъ Швабскій и Оттонъ IV сошли со сцены въ 1212 г. и поясняетъ это, говоря: Филиппъ былъ убитъ, а Оттонъ отлученъ отъ церкви,—между тѣмъ какъ Филиппъ былъ убитъ еще въ 1208 г., а Оттонъ до самой смерти (1218) пользовался властью на сѣверѣ; а если въ остальной Германіи утратилъ ее, то вовсе не вслѣдствіе наглаго проклятія, а вслѣдствіе пораженія при Бувинѣ (1214). Далѣе (стр. 17) Г. Бильбасовъ упоминаетъ про свиданіе Фридриха II съ *дофиномъ*, между тѣмъ какъ дофинами старшіе сыновья французскихъ королей стали называться не раньше 1349 г. На стр. 41 онъ говоритъ, что кардиналъ Конти (будущій папа Григорій IX) получилъ это званіе 27-ми лѣтъ отъ дяди своего Иннокентія III; а на слѣдующей страницѣ говоритъ, что онъ при вступленіи на престолъ имѣлъ восемьдесятъ лѣтъ. Между тѣмъ отъ вступленія на престолъ Иннокентія III (1198) до вступленія на престолъ Григорія IX (1227) прошло всего только 29 лѣтъ, такъ что если бъ даже последній былъ сдѣланъ кардиналомъ тотчасъ по воцареніи своего дяди и имѣлъ бы въ это время 27 лѣтъ отъ роду, то при избраніи своемъ не могъ быть старше 56 лѣтъ. На стр. 130 онъ называетъ дамасскаго султана Дауда, сына Моаттама, сыномъ Саладина. Наконецъ оказывается даже, что онъ вѣритъ въ магію и чародѣйство, потому что говоритъ: «Походъ дѣтей *справедливо* приписанъ однимъ монахомъ того времени дѣйствію волшебства» (стр. 82). Вотъ вамъ и русская ученость! Она доселѣ еще не разучилась вѣрить въ чародѣйства. Но это ничего; продолжайте, г. Бильбасовъ,

все въ такомъ же направленіи и вѣрьте, что у васъ найдутся соотечественники, которые не только будутъ читать васъ, но еще пожалуй и угостятъ обѣдомъ въ калашныхъ московскихъ рядахъ, какъ это намѣрено сдѣлать московское купечество съ извѣстнымъ своимъ чародѣемъ, И. С. Аксаковымъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Плачевный и въ то же время радостный финалъ французскихъ выборовъ. — *Національный историкъ* Тьеръ отвергнутъ, какъ императорскій присяжный. — Государственная мудрость г. Персиньи въ этомъ дѣлѣ. — Вмѣшательство полиціи въ назначеніе кандидатовъ. — Подлоги именъ въ спискахъ выборныхъ. — Чего желаетъ французское правительство и чего хочетъ парижская публика. — Назидательный выводъ изъ настоящихъ выборовъ Франціи. — Процессъ Фаусти въ Римѣ. — Католическіе ирландцы передъ судомъ протестантскихъ англичанъ. — Обвиненіе епископа Каленсо за неумѣстное толкованіе Библіи. — Кризисъ Пруссіи и послѣдніе симптомы американской войны.

Я, кажется, въ предъидущемъ своемъ письмѣ достаточно распространялся о томъ роковомъ значеніи, какое имѣетъ для французской имперіи отсутствіе конституціонной оппозиціи. Эту-то оппозицію должны были доставить выборы 1863 года; но правительство воспротивилось такому исходу дѣла. Оно отвергло примиреніе, предложенное ему врагами изъ буржуазіи и либеральной молодежи, и отвѣтило имъ съ негодованіемъ: «Я ничего не хочу принять отъ своихъ противниковъ». Это было сказано съ величайшею рѣзкостью г. Тьеру, тому самому, котораго правительство нѣкогда старалось завербовать въ свои ряды и о которомъ самъ императоръ отзывался

въ лестныхъ выраженіяхъ въ одной рѣчи, произнесенной съ большимъ эффектомъ.

«Національный историкъ» велъ себя осторожно; онъ принималъ даже видъ, что готовъ, при первомъ удобномъ случаѣ, послѣдовать примѣру своего экс-друга, Дюпена, и чистосердечно пристать къ имперіи, если только согласятся сдѣлать его первымъ министромъ или главной пружиной правленія. Какъ только г. Персиньи узналъ, что Тьеръ готовъ присягнуть императору, онъ, вмѣсто крика восторга, испустилъ крикъ ярости и велѣлъ покрыть стѣны Парижа манифестомъ, въ которомъ представлялъ новаго кандидата поборникомъ древнихъ партій и единомышленникомъ враговъ имперіи.

«Г. Тьеръ — честный человѣкъ, восклицаетъ министръ съ кровавой ироніей, и никто не обвинитъ его въ готовности дать присягу, которой онъ не намѣренъ исполнить Но онъ желаетъ возстановленія правительственной формы, имѣвшей роковое вліяніе на Францію и на него самаго, лестной для тщеславія нѣкоторыхъ и пагубной для благосостоянія всѣхъ. Эта форма лишила власть ея естественныхъ основъ и предала ее на жертву страстямъ трибуны. Она замѣнила благотворное движеніе впередъ безплодною агитаціею и впродолженіе восемнадцати лѣтъ содѣйствовала только внутренней и внѣшней слабости страны. Начавшись мятежомъ, она сохранялась при крикахъ мятежа и кончилась мятежомъ.

«Нѣтъ, въ виду возвеличенной Франціи, достигшей благосостоянія и славы только тогда, когда лишены были власти Тьеръ и его единомышленники, всеобщая подача голосовъ въ нашей столицѣ, теперь самой спокойной, самой богатой и самой красивой во всей вселенной, не противопоставитъ правительству, освободившему край отъ погибели, людей, которые содѣйствовали паденію страны!»

Много было чести г. Тьеру. Онъ признавался опаснымъ врагомъ имперіи; его намѣреніе вступить на службу представлялось обстоятельствомъ, угрожавшимъ разрушить благоденствіе цѣлой страны. Рѣдко такое могущественное правительство, какъ правительство его величества, императора Людовика Наполеона Бонапарта, такъ сильно тревожилось по поводу явленія новаго союзника. Приходитъ «честный человѣкъ» къ своему государю, съ намѣреніемъ присягнуть ему въ вѣрноподданствѣ, — и что же? противъ него высылается вооруженная сила, какъ противъ какого нибудь затаеннаго убійцы! Какъ бы то ни было, мы согласны, что заблужденіе г. Персиньи

извинительно. Онъ не могъ укротить своего гнѣва и своего ужаса при видѣ человѣка, погубившаго іюльскую монархію и предлагавшаго свои услуги декабрьской династіи. Но гнѣвъ, какъ извѣстно, плохой совѣтникъ.

Этотъ циркуляръ произвелъ удивительной эффектъ. Онъ въ одно мгновеніе настроилъ всѣ умы на одинъ ладъ, вооруживъ противъ себя общественное мнѣніе. Правительство, возставая заранѣе и съ такою запальчивостью противъ кандидатуры Тьера, тѣмъ самымъ ее возвышало въ глазахъ общества. Съ публикою французскою, и въ особенности парижскою, надо обращаться осторожно. Она похожа на тѣхъ деликатныхъ лошадей, воторыхъ можно укрощать лаской, но которыя иногда становятся на дыбы, какъ скоро подвергаются ударамъ хлыста. Нельзя сказать, чтобъ масса публики положительно ненавидѣла власть; но ей страшно надоѣло, вездѣ и во всемъ, въ малыхъ вещахъ и въ великихъ, видѣть надъ собою неустанную опеку правительства. Полагаютъ, что правительство уже черезъ-чуръ заботится о томъ, чтобы освободить насъ отъ труда жить и мыслить, какъ намъ заблагоразсудится. Оно не только читаетъ всѣ журналы и безпрестанными *предостереженіями* парализуетъ ихъ дѣятельность; но также читаетъ и романы и указываетъ намъ, какими изъ нихъ мы можемъ пользоваться на желѣзной дорогѣ и какими должны наслаждаться у себя дома. Оно принимаетъ на себя обязанность отличать ложныя доктрины отъ истинныхъ, какъ будто обладаетъ непогрѣшимымъ критеріумомъ истины и лжи.

Правительство намъ указываетъ, въ пользу кого мы должны вотировать и кому довѣрять. Чтобы доставить успѣхъ хорошимъ кандидатамъ и помѣшать дурнымъ, оно не только употребляетъ все свое вліяніе и всѣ средства убѣжденія, но даже печатаетъ на свой счетъ, т. е. на нашъ, кандидатуры хорошихъ кандидатовъ и безденежно разсылаетъ имъ циркуляры и бюллетени посредствомъ жандармовъ и городскихъ стражей, тогда какъ дурные кандидаты должны дѣлать всѣ эти неизбѣжные расходы изъ своего собственнаго кармана и притомъ платить очень дорого.

Подобныя выходки раздражаютъ Францію болѣе. чѣмъ могли бы ее раздражить преступленія. Отличаясь впечатлительностью, она сильно чувствуетъ эту несправедливость и это предпочтеніе, отдаваемое однимъ передъ другими. Такихъ прегрѣшеній требуется не много для того, чтобы сдѣлать неудобоуправляемымъ французскій народъ,

1*

по преимуществу удобоуправляемый, и котораго пріучили къ повиновенію тысяча лѣтъ феодализма и тысяча четыреста лѣтъ католицизма. Здѣсь кстати вспомнить слова Лабріера:

«Бываютъ случаи, когда чувствуешь, что можно безнаказанно оскорблять французскій народъ, сколько угодно; но бываютъ и такіе, когда, сколько ни менажируй его, онъ все будетъ недоволенъ. Сегодня вы можете отнять у Парижа всѣ его преимущества, права и привилегіи, а завтра не думайте коснуться даже къ какой нибудь вывѣскѣ!»

Послѣ того понятно, что республиканцы всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ не могли противостоять соблазну сдѣлать непріятность правительству. Буржуазія, оскорбленная тѣмъ, что ея мирныя предложенія были грубо отвергнуты, отняла у имени Тьера значеніе капитуляціи съ имперіею и придала этому имени значеніе гнѣва и угрозы. По этому случаю, многіе изъ самыхъ умѣренныхъ людей увлеклись настроеніемъ большинства, ибо само правительство рѣзко дало замѣтить, что не намѣрено считать серьезною присягу, которая ему предлагалась. Тѣ, которые не измѣнили своему убѣжденію и, не смотря ни на что, хотѣли остаться безукоризненными, должны были обладать геройскою твердостью, чтобы противостоять страсти къ мщенію, составляющему, какъ говорятъ, «удовольствіе боговъ.»

Самымъ невыгоднымъ обстоятельствомъ для г. Персиньи было то, что онъ своимъ манифестомъ подалъ страшное орудіе своимъ врагамъ, которые не довѣряли его искренности. Эти люди вспомнили циркуляръ, писанный имъ при вступленіи въ должность министра, когда онъ старался убѣдить приверженцевъ прежнихъ партій оставить свою ненависть къ имперіи. «Многіе почтенные и весьма заслуженные люди прежнихъ правительствъ, говорилъ онъ тогда, — отдавая должную справедливость великимъ дѣламъ императора, не рѣшаются пристать къ имперіи, изъ опасенія уронить свое достоинство. Оказывайте имъ то уваженіе, какое они заслуживаютъ. Старайтесь, при всякомъ удобномъ случаѣ, убѣдить ихъ, что страна нуждается въ ихъ свѣдѣніяхъ и опытности, и напомните имъ, что если благородно сохранять воспоминаніе прежнихъ отношеній, то еще благороднѣе быть полезнымъ отечеству». Далѣе, тѣ же самые люди вспомнили, что самъ г. Персиньи когда-то признавалъ весь произволъ той власти, какую онъ пріобрѣлъ надъ литературой. Онъ тогда, по-видимо-

му, тяготился этой властью и во всякомъ случаѣ обѣщался пользоваться ею умѣренно. Онъ даже просилъ писателей и журналистовъ свободно критиковать администрацію, обнаруживать всевозможныя злоупотребленія и контролировать всѣхъ чиновниковъ, начиная съ него самаго... «Какъ! говорили по этому случаю, — вы приглашаете самыхъ достойныхъ людей прежнихъ партій вступить на службу имперіи,—а когда они являются, вы обращаетесь съ ними, какъ съ злодѣями! Какъ! вы требуете отъ журналовъ откровенности, — а когда они рѣшаются почтительно выразить свое мнѣніе, вы велите имъ сказать, чтобъ они не осмѣливались писать подобныхъ вещей! Такое поведеніе достойно ли серьёзнаго государственнаго человѣка? Не напоминаетъ ли оно дѣйствій мальчика, который проливаетъ на столъ нѣсколько капель подслащенной воды, чтобы заманить мухъ и потомъ ихъ поймать и прихлопнуть!»

И какъ будто мало было одного циркуляра, г. Персиньи увеличилъ свою ошибку новой публикаціей. Онъ пожаловался своему офиціальному повѣренному, префекту Сены, что «въ первый разъ, съ основанія имперіи, *непріязненныя партіи* осмѣлились аттаковать его въ виду всеобщей подачи гососовъ. Люди разныхъ правительствъ, и 1815 года, и 1830 г. и 1848 г., общими силами стараются поколебать довѣріе страны къ администраціи, съ тѣмъ чтобы обратить противъ императора льготы, имъ самимъ дарованныя. Всѣ прибѣгаютъ къ одному и тому же маневру: къ нападкамъ на наши финансы»... Затѣмъ слѣдуетъ оправданіе министра:» Наши финансы очевидно въ наилучшемъ состояніи, наша администрація обходится недорого, притомъ, употребивъ милліардъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, правительство тѣмъ самымъ сдѣлало подарокъ краю въ двадцать милліардовъ... Финансовое положеніе Франціи прочно и результаты дѣйствій имперіи блистательны. Вотъ истина, которую пойметъ французскій народъ и которую исторія со славой передастъ потомству».

Баронъ Гаусманъ, префектъ Сены, прибавилъ къ этой хвалебной пѣснѣ, какъ подобаетъ: «Въ глазахъ нашихъ совершается коалиція развалинъ роялистскихъ, республиканскихъ, парламентскихъ! Остерегайтесь! Имперія васъ обогатила (!), она васъ освободила отъ адвокатовъ (не отъ правосудія ли также?). Но вотъ являются люди праздные и безпокойные... Если вы не будете вотировать въ пользу кандидата правительства, то подвергнетесь бѣдствіямъ политическимъ, финансовымъ и пр. и пр.».

Всѣ эти выходки, конечно, не служатъ признакомъ добросовѣстной политики, также какъ и запрещеніе чиновникамъ казначейства и высшихъ административныхъ учрежденій преслѣдовать строго государственныхъ должниковъ и предъявлять ко взысканію ихъ долговыя обязательства. Сюда же относится разсылка почтой многихъ тысячъ экземпляровъ бранной брошюры, написанной противъ Тьера и которую редактировалъ Полэнъ Лимейракъ (*). Разнощики писемъ сгибались подъ тяжестью этой прозы, исполненной упрековъ и ругательствъ.

Здѣсь говорится, но собственно для того, чтобы намотать себѣ на усъ, объ огромныхъ суммахъ, употребленныхъ правительствомъ въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ на расходы по выборамъ. Множество было административныхъ скандаловъ, въ особенности въ провинціи: притѣсненій, подкуповъ и разныхъ подобныхъ выходокъ со стороны супрефектовъ и другихъ властей. Многихъ кандидатовъ оппозиціи, съ большимъ эффектомъ и съ соблюденіемъ всѣхъ наружныхъ судебныхъ формъ, приглашали въ судъ, для производства надъ ними импровизированныхъ слѣдствій. Оппозиціонныя афиши срывались со стѣнъ полицейскими комиссарами и городскими сержантами, бѣгавшими по улицамъ. Подобная продѣлка произведена была въ одной деревнѣ прибивателемъ объявленій, сопровождаемыхъ цѣлою бригадою жандармовъ, съ обнаженными саблями, какъ будто дѣло шло о казни преступника (на этотъ разъ, человѣкъ, противъ котораго принимались такія страшныя мѣры, былъ Леонсъ Лавернъ, весьма почтенный писатель журнала Revue des Deux Mondes). Прибѣгали также къ подмѣнѣ именъ: такъ, въ Гренoблѣ Казиміръ Перье замѣненъ

(*) Paulin Limayrac — личность замѣчательная въ парижской литературѣ. Намъ нельзя обойти его молчаніемъ. Онъ жалкій авторъ плохой книги, вышедшей подъ заглавіемъ Coups de Plume Sincère. Въ этой книгѣ г. Полэнъ выставляетъ себя добродѣтельнымъ Катономъ. Но когда онъ увидѣлъ, что имперія продолжается долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, тогда онъ перестaлъ сердиться на ходъ судьбы Франціи и предложилъ свое благородное перо и свои искреннія убѣжденія властямъ, для защиты дѣла, которое онъ прежде преслѣдовалъ своимъ негодованіемъ. Онъ считаетъ себя человѣкомъ ѣдкимъ, тогда какъ онъ въ сущности только золъ. Такъ какъ онъ страдаетъ желтухой, то и воображаетъ, что перо его проникнуто желчью; такъ какъ онъ умѣетъ ругаться на старомъ площадномъ жаргонѣ, и при томъ ругаться по найму, то ему кажется, что онъ очень язвителенъ. Много есть такихъ людей, которые выдаютъ себя за чудовищъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они только продажные плуты.

былъ Казиміромъ Ройе, а въ Парижѣ—Пикаромъ, торговцемъ винъ, который столько же знаетъ орфографію, сколько кухарка, и весьма затруднился бы сказать, находится-ли Турція на востокѣ, или востокъ въ Турціи. Дѣлались также самыя фантастическія измѣненія относительно границъ избирательныхъ округовъ, измѣненія въ такой же мѣрѣ забавныя, въ какой неблаговидна была ихъ цѣль. Министры разъѣзжали по округамъ и давали официціальные банкеты. Инженеры путей сообщенія являлись въ разныхъ мѣстахъ, съ обѣщаніемъ строить желѣзныя дороги на огромныхъ протяженіяхъ. Да мало-ли чего не было еще! Но васъ, конечно, это не слишкомъ интересуетъ.

Вотъ, однакожъ, двѣ аффиши, заслуживающія быть спасенными отъ забвенія; онѣ обѣ интересны: одна, какъ удачное выраженіе чувствъ въ трагическомъ родѣ; а другая, какъ образецъ наивнаго слога, употребленнаго съ цѣлью—дѣйствовать на дураковъ. Первая исходитъ отъ ніортской супрефектуры и гласитъ:

ВАЖНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

«Да не забудутъ избиратели, что, стирая съ своего бюллетеня имя кандидата императорскаго правительства, они замѣняютъ этого кандидата другимъ, называемымъ:

РЕВОЛЮЦІЯ 1848 ГОДА.

«Это такого рода бюллетень, который вмѣсто того, чтобы класть въ урну, слѣдуетъ опустить въ дуло ружья, такъ какъ онъ означаетъ выборъ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ!»

Вторая афиша направлена противъ г. Монталамбера, принадлежащаго теперь къ оппозиціи, но прежде принимавшаго большое участіе въ декабрьскомъ Coup d'Etat. Вотъ ея содержаніе:

«Избиратели!

Вотировать въ пользу г. Монталамбера, значитъ вотировать:
Въ пользу невѣжества вашихъ дѣтей,
Въ пользу прежняго образа правленія и его злоупотребленій,
Въ пользу войны противъ Италіи,

Въ пользу возвышенія цѣны за фунтъ соли до пяти су, а за сотню сыровъ до тридцати франковъ.

Наконецъ, это значитъ избрать

«Врага правительства!»

Поэтому, мы не должны удивляться, что притѣсненія злоупотребленіе вліянія со стороны администраціи, матеріальныя и нравственныя препятствія, противопоставляемыя гласности, недостатокъ общественныхъ совѣщаній и избытокъ усердія со стороны агентовъ правительства имѣли такой огромный вѣсъ на выборахъ въ провинціи. Въ большихъ городахъ избиратель—лицо безотвѣтственное; въ провинціи же люди, отлученные отъ остальнаго общества, должны имѣть извѣстную степень отваги, чтобы одолѣть препятствія, противопоставляемыя всемогущею и не слишкомъ скрупулезною полицейской властью. Надо еще удивляться, что наши провинціалы, не отличающіеся геройствомъ, выказали въ этомъ дѣлѣ еще столько храбрости. Въ ожиданіи обнародованія всѣхъ чиселъ относительно департаментовъ, мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь нѣкоторыя статистическія данныя относительно двухъ послѣднихъ выборовъ. Вотъ эти данныя:

	Число избирателей, внесенныхъ въ списки.	Число вотировавшихъ.	Число голосовъ въ пользу правительственныхъ кандидатовъ.
Въ 1863 г.	325,710	235,750	82,007
» 1856 »	356,069	212,899	110,600

Надо отдать справедливость правительству: оно всегда было на сторонѣ Парижа и болѣе полагалось на несмѣтные артиллерійскіе припасы, накопленные въ Венсенѣ и Mont-valerien, чѣмъ на бюллетени своихъ приверженцевъ и друзей. Поэтому власть, основанная на всеобщей подачѣ голосовъ, старалась всѣми возможными средствами ослабить ея силу въ столицѣ. Она въ этомъ отношеніи дѣйствовала съ такимъ успѣхомъ, что Парижъ, избиравшій въ 1856 году 10 депутатовъ, теперь избираетъ ихъ всего 9, хотя присоединеніе къ нему подгородныхъ населеній увеличило число его жителей отъ 1.050,000 до 1.750,000. Такимъ образомъ, въ то время, когда народонаселеніе столицы возросло на 67% число избирателей, по росписи, уменьшилось на $8\frac{1}{2}$%, и эти избиратели

могутъ назначать не болѣе девяти депутатовъ, вмѣсто шестнадцами, на которыхъ имѣли право. Поэтому, отношеніе числа избирателей къ количеству народонаселенія въ Парижѣ уменьшилось на 43 $^1/_2$ $^0/_0$!

Но нѣтъ худа безъ добра: избиратели, которыхъ внесеніе въ списки было поддержано, болѣе стали придавать значенія праву, превратившемуся въ привиллегію, и число такъ называемыхъ обстенціонистовъ, воздержанныхъ по принципу или по равнодушію, значительно уменьшилось.

Въ 1856 году оно составляло		40 $^0/_0$,
» 1863 » » » всего		28 $^0/_0$.
	Разница	12 $^0/_0$.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа обстенціонистовъ, уменьшилось и число голосовъ въ пользу кандидатовъ правительства и притомъ въ болѣе значительной пропорціи:

Въ 1856 году число этихъ голосовъ составляло		52 $^0/_0$,
» 1863 » » » » »		35 $^0/_0$.
	Разница	17 $^0/_0$.

Такимъ образомъ, число избирателей, бывшихъ противъ кандидатовъ, благопріятныхъ правительству, увеличилось присоединеніемъ многихъ лицъ, которыя прежде были партизанами этихъ самыхъ кандидатовъ.

Результатомъ этого было совершенное торжество противниковъ правительства, которые избрали девять депутатовъ на девять, что составляетъ невѣроятную пропорцію!

Когда вѣсть объ этой побѣдѣ распространилась въ Парижѣ, все народонаселеніе пришло въ какое-то электрическое сотрясеніе. И друзья и недруги правительства одинаково были изумлены; никто не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. На бульварахъ люди, встрѣчавшіеся другъ съ другомъ, сличали листки разныхъ газетъ, чтобъ убѣдиться, не обманулись ли они по случаю какой-нибудь опечатки. «Итакъ, восклицали одни,—не смотря на всѣ раздѣленія демократической партіи, соединеніе которыхъ правительство хотѣло сдѣлать невозможнымъ, уничтоживъ коллективный выборъ кандидатовъ, и не

смотря на строгую дисциплину бонапартистовъ, вотировавшихъ единодушно въ пользу поборниковъ Персиньи, —всего восемьдесятъ двѣ тысячи избирателей были на сторонѣ правительства, тогда какъ сто пятьдесятъ четыре тысячи нанесли ему оскорбительный ударъ!»—«Какъ! возражали другіе:—вы причисляете къ категоріи избирателей всѣхъ тѣхъ, которые вотировали въ пользу правительства! Но изъ этихъ восьмидесяти двухъ тысячъ человѣкъ исключите полиціантовъ, вотировавшихъ отрядами; исключите тюльерійскую челядь и всѣхъ служителей, состоящихъ при министерствахъ и другихъ административныхъ учрежденіяхъ; исключите всю армію чиновниковъ, великихъ и малыхъ, начиная съ начальниковъ отдѣленій до писцовъ; исключите всѣхъ праздныхъ блюдолизовъ, примазывающихся къ имперіалистамъ, всѣхъ инвалидовъ имперіи, всѣхъ таможенныхъ смотрителей, жандармовъ, шпіоновъ, всѣхъ поставщиковъ двора, присутственныхъ мѣстъ и императорскихъ конюшенъ; словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые вотировали по заказу и которыхъ нужно считать тысячами,—и тогда посмотрите, сколько изъ восьмидесяти двухъ тысячъ человѣкъ, дѣйствовавшихъ въ пользу правительственныхъ кандидатовъ, останется такихъ, которые подавали свое мнѣніе свободно».

Здѣсь я долженъ сдѣлать вопросъ посторонній съ нравоучительною цѣлью: еслибъ г. Гаусманъ не плутовалъ въ составленіи избирательныхъ списковъ, и еслибъ Парижъ могъ избрать шестнадцать депутатовъ, на которыхъ онъ имѣлъ право, вѣроятно ли тогда, чтобъ правительству не пришлось воспользоваться нѣкоторыми изъ семи депутатовъ, избранію которыхъ оно помѣшало?

«Позвольте, однакожъ, милостивый государь! спрашиваетъ какой-то господинъ, схвативъ насъ за пуговицу въ то время, когда уже мы хотѣли раскланяться.—Вы намъ представили торжество оппозиціи. Это вы обязаны были сдѣлать, въ качествѣ хроникера. Но вы ничего не сказали о послѣдствіяхъ, какія должно имѣть это событіе. Вамъ вѣроятно извѣстно, что политика стремится сдѣлаться наукою математическою и что событія и лица имѣютъ второстепенное значеніе въ сравненіи съ высшими взглядами и опредѣленіемъ законовъ, на которыхъ основаны явленія физическаго міра. Политика требуетъ знанія положенія дѣлъ, и каждому новому положенію должна соотвѣтствовать и новая политика. На этотъ счетъ мы и желаемъ получить отъ васъ свѣденія».

Вопросъ, предложенный намъ очень труденъ, и мы приступаемъ

къ рѣшенію его неохотно, зная, что безчисленное множество непредвидѣнныхъ обстоятельствъ могутъ разбить въ прахъ всѣ наши предположенія, какъ это бываетъ съ метеорологическими предсказаніями, основанными однакожъ, по замѣчанію ихъ авторовъ, на самыхъ строгихъ вычисленіяхъ. Не всякій въ состояніи рѣшить уравненія высшихъ степеней при неопредѣленномъ числѣ неизвѣстныхъ. Попытаемся однакожъ резюмировать мнѣнія, которыя теперь слышатся со всѣхъ сторонъ; легко себѣ представить, что въ Парижѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ, умы и языки не остаются праздными. Въ настоящее время мы видимъ такое броженіе идей, какого еще не бывало съ 1848 года.

Итакъ постараемся угадать нѣкоторыя изъ послѣдствій этого событія, которое, по мнѣнію «Таймса», составляетъ явленіе важное для всей Европы. Но прежде попытаемся опредѣлить значеніе этихъ знаменитыхъ выборовъ. Собственно говоря, это событіе, само по себѣ, не имѣетъ никакой важности. Какая польза оттого, что оппозиція будетъ имѣть въ палатѣ тридцать депутатовъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ и всѣхъ возможныхъ качествъ, вмѣсто пяти, которыхъ имѣла въ прежніе годы? Не забудьте, что эти депутаты лишены конституціею всякой инициативы и что ихъ рѣчи доступны публикѣ не иначе, какъ послѣ предварительнаго пересмотра и разныхъ исправленій, производимыхъ чиновниками правительства. Не забудьте также, что г. Персиньи, кажется, ссылаясь на конституцію, запретилъ журналамъ разсуждать объ этихъ рѣчахъ и разбирать ихъ смыслъ.

Итакъ намъ важны не матеріальные и непосредственные результаты этого событія, но причина ихъ и тѣ явленія, которыя отъ нея могутъ произойти въ будущемъ. Выборы доказали самымъ неопровержимымъ образомъ, что Франція стала чувствовать отвращеніе къ натянутой опекѣ, и что она наконецъ намѣрена сама заняться своими собственными дѣлами. Не думайте, что это мнѣніе одного только Парижа—этого безпокойнаго, неблагодарнаго, революціоннаго города, какъ называютъ его приверженцы деспотизма. Парижъ не только самый многолюдный изъ всѣхъ французскихъ городовъ,—въ немъ сосредоточивается все, что есть лучшаго и что есть худшаго во Франціи. Парижъ въ одно и то же время и голова и сердце страны. Мнѣнію его придерживается остальная часть націи; черезъ восемь дней оно принимается въ Ліонѣ, черезъ

пятнадцать въ Бордо и Марсели, черезъ три мѣсяца въ префектурахъ и супрефектурахъ, а черезъ шесть мѣсяцевъ оно господствуетъ во всей странѣ. Въ Соединенныхъ штатахъ термометромъ для политиковъ служатъ выборы, производимые въ Нью-Йоркѣ, а въ Англіи—выборы, совершаемые въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ. Парижъ сказалъ правительству: «Насъ двое, ты и я»; вскорѣ вся Франція скажетъ правительству: «Насъ двое, ты и я!»

Второе явленіе, обнаруженное выборами, и на которое слѣдуетъ обратить особое вниманіе, это—нерасположеніе страны къ крайнимъ партіямъ. Изъ легитимистовъ былъ выбранъ только г. Беррье; всѣ прочіе представители партіи клерико-легитимистской претерпѣли неудачу. За то и кандидаты, приверженные къ рабочему классу и которые подозрѣвались въ чрезмѣрной привязанности къ соціальнымъ идеямъ, также не имѣли успѣха. Нельзя сказать, что буржуазія воспрянула отъ сна съ тѣмъ, чтобы провозгласить имена орлеанистовъ. Напротивъ, избранъ былъ одинъ только истинный орлеанистъ, именно Тьеръ, и то—благодаря неловкости г. Персиньи и уступчивости республиканской оппозиціи, которая устранила своего кандидата, какъ только передъ избирателями явился бывшій министръ Людовика Филиппа. Не смотря однакожъ на такое выгодное стеченіе обстоятельствъ, большинство въ пользу г. Тьера было одно изъ наименѣе значительныхъ въ Парижѣ.

Полагали, что Стразбургъ, городъ либеральной оппозиціи, провозгласитъ единодушно Одиллона Барро, одного изъ корифеевъ революціонной буржуазіи. Не тутъ-то было: Стразбургъ не почелъ нужнымъ безпокоиться изъ-за такой мелочи! Поэтому, модный политическій цвѣтъ теперь не зеленый—бонапартистовъ, не бѣлый—легитимистовъ, не голубой—бурзуазіи, не красный—республиканцевъ; но какой-то розовый, который со временемъ, быть можетъ, приметъ болѣе темный оттѣнокъ, теперь же отличается блѣдностью.

Все правительство шло по ложной дорогѣ, а не одинъ несчастный Персиньи, котораго та и другая сторона готовы принять за ветхозавѣтнаго козла, назначеннаго въ жертвоприношеніе для искупленія всеобщихъ грѣховъ. Правительство ошиблось, полагая, что проснутся старыя партіи и въ особенности, что подымется знамя орлеанистовъ. Такая ошибка съ его стороны извинительна, тѣмъ болѣе, что само общество ошиблось относительно своего собственнаго мнѣнія. Такъ какъ буржуазія выходила изъ оцѣпенѣнія, то и

полагали, что ея партія желала вступить на политическую арену,—иллюзія естественная. Доказательствомъ того, что старыя партіи въ этихъ выборахъ не имѣли значенія, служитъ то обстоятельство, что самыя выдающіяся ихъ личности какъ только подымали голову, немедленно должны были ее опустить. Итакъ, не въ этихъ партіяхъ дѣло. Нація не хотѣла возращаться къ прошедшему, къ которому чувствуетъ отвращеніе и котораго боится. (Она не всегда отличается твердой головой). Она только пожелала что нибудь новенькаго; а это новенькое заключается для нея въ нѣкоторой долѣ свободы. Она просто требуетъ отъ имперіи нѣкоторыхъ либеральныхъ реформъ, за которыя готова чистосердечно помириться со многими невыгодами своего положенія. Такъ какъ она не могла ожидать этихъ реформъ отъ правительственныхъ кандидатовъ, наскучившихъ своей рутиной, то она принуждена была обратиться къ кандидатамъ оппозиціи. При совершенномъ подавленіи всякой политической жизни, во Франціи не могло прославиться ни одно новое имя, а потому по неволѣ пришлось прибѣгнуть къ именамъ старымъ, но извѣстнымъ. Поэтому, нація обратилась къ такимъ людямъ, какъ Баррье, Дюфоръ, Тьеръ, Одиллонъ Барро, и эти имена произвели на правительство такое же дѣйствіе, какъ производитъ на быка видъ краснаго плаща.

Если въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ не являлся ни одинъ замѣчательный человѣкъ; если тѣ изъ людей новой генераціи, которые въ чемъ нибудь проявили свое достоинство, не могутъ соперничать съ старыми знаменитостями; и если наконецъ мы не въ состояніи выставить и десяти именъ, пріобрѣтшихъ извѣстность въ настоящую эпоху, то не должно ли это приписать молчанію, тяготѣющему надъ Франціею съ 1852 года? Едва юношество достигало возраста, когда начинаетъ проявлятьтя мысль, какъ уже ему говорили, что первая изъ политическихъ добродѣтелей есть—молчаніе. Молодымъ людямъ внушали, что забота объ общественныхъ дѣлахъ можетъ породить въ нихъ только безплодную агитацію и что всего лучше предоставить попеченіе о народномъ благѣ префектамъ. Въ послѣдствіи, возмужавъ, мы захотѣли говорить. «Молчите, отвѣчали намъ,—свобода возможна будетъ только тогда, когда изчезнутъ старыя партіи».—Но мы не принадлежимъ къ старымъ партіямъ, отвѣчала молодежь,—и вы не можете запретить намъ говорить, подъ предлогомъ того, что отцы наши злоупотребляли словомъ.—«Молчите!» былъ отвѣтъ.

И молодежь замолчала.

При отсутствіи свободы прессы, при отсутствіи права составлять общества и при существованіи цѣлой арміи полицейскихъ чиновниковъ, обязанныхъ руководить всеобщею подачею голосовъ, можетъ ли какая нибудь скромная кандидатура проникнуть сквозь густые слои, покрывающіе такъ называемый suffrage universel? Чтобы противодѣйствовать безпрестанному вліянію администраціи и чтобы чѣмъ нибудь вознаградить отсутствіе гласности, оппозиція должна была предложить кандидатуры, которыхъ значеніе и программы извѣстны. Такъ какъ отсутствіе свободы воспрепятствовало проявленію новыхъ знаменитостей, то пришлось обратиться къ людямъ, которые пріобрѣли извѣстность въ эпоху, когда достиженіе славы было возможно. Такимъ образомъ самая отсрочка свободы, имѣвшая цѣлью разсѣяніе старыхъ партій, и послужила именно къ поддержанію авторитета людей, принадлежавшихъ къ этимъ партіямъ.

Маленькая группа абстенціонистовъ въ этомъ случаѣ не ошиблась. Съ инстинктомъ, свойственнымъ ненависти, они почувствовали, что нація покидаетъ ихъ дѣло и что выборы 1863 года предвѣщаютъ новую политику. Они съ горькимъ сожалѣніемъ поняли, что Франція даетъ возникнуть парламентской оппозиціи единственно для того, чтобы предоставить полную возможность посредникамъ содѣйствовать примиренію между нею и правительствомъ.

«Что вы дѣлаете? восклицаетъ неизвѣстный авторъ одной абстенціонистской брошюры (*), обращаясь къ французскому народу:—Что дѣлаете вы, избиратели, съ своимъ Богомъ, когда отправляетесь къ избирательнымъ урнамъ торжественною процессіею, позади какого нибудь мэра или священника, позади жандарма или коммиссара; что дѣлаете вы, soi disant либеральные кандидаты, когда входите въ совѣтъ императора, позади префекта, съ маскою и присягою?

«Присяга, данная депутатами главѣ государства, не имѣетъ смысла. Присяга, если только она есть, можетъ быть дана уполномоченнымъ исключительно его довѣрителю. Но кандидатъ, а вмѣстѣ съ нимъ избиратель, не могутъ присягнуть правительству, которое они призваны судить, руководить, исправлять или смѣнять. Что бы сказали объ обвинен-

(*) Эта брошюра вышла не только безъ имени автора, но и съ означеніемъ вымышленной типографіи: à Paris, imprimerie de la liberté aux Catacombes, напечатано на заглавномъ листѣ.

номъ, который, прежде появленія въ ассизный судъ, потребовалъ бы присяги отъ судей и присяжныхъ и заставилъ бы ихъ предварительно клясться въ повиновеніи и вѣрности къ своей особѣ? Что бы подумали о кандидатѣ, легитимистскомъ, орлеанскомъ, или республиканскомъ, который, при вступленіи въ должность, далъ бы клятву не быть представителемъ своихъ согражданъ и обязался бы честнымъ словомъ уронить ихъ честь? Позоръ присягѣ ложной! позоръ присягѣ истинной!

«И какія же права пріобрѣтаетъ будущій депутатъ цѣною вѣроломной клятвы? Получаетъ ли онъ право дѣлать предложеніе, дѣлать вопросъ въ палатѣ, предъявлять прошеніе? Увы! онъ не смѣетъ быть такимъ, какимъ есть; онъ не принадлежитъ самому себѣ, а своей клятвѣ; онъ лишается своей собственной личности, подобно истертой монетѣ; онъ осматриваетъ себя и не узнаетъ; онъ имѣлъ лобъ чистый и всѣмъ смотрѣлъ въ глаза прямо, а теперь онъ стыдится, видя, что весь запачкался бонапартизмомъ. Что, если это пятно останется?! думаетъ онъ. И пятно остается; онъ привыкаетъ и къ нему, и къ своей ливреѣ, и къ своей новой фигурѣ; онъ перестаетъ тревожиться этимъ и спокойно въ такомъ видѣ выходитъ со двора. Это значитъ обкрадывать старыя времена, и находятся же люди, которые подобнаго человѣка называютъ новымъ! Такое покушеніе на человѣческую совѣсть не дѣлается безнаказанно. Приведите человѣка къ ложной присягѣ, и всегда на немъ что нибудь да останется. Всѣ эти клейменые кандидаты долго сохранятъ слѣды отъ раскаленнаго желѣза, которымъ клеймились. Они будутъ и другими считаться и самихъ себя считать связанными присягой. И это, къ счастію, служитъ къ чести человѣческой натуры; это доказываетъ, что общественная совѣсть еще не погибла....

—«Но развѣ вы не видите, что всѣ эти выборы—комедія? Развѣ вы не видите, что правительство хочетъ только подновить старую систему, впустивъ нѣсколько капель менѣе испорченной крови въ жилы законодательнаго корпуса, и именно только нѣсколько капель, такъ чтобы этотъ корпусъ не жилъ, а только казался живымъ. Правительству нужна оппозиція, но не истинная, а мнимая. Оппозиція пяти депутатовъ въ прежней палатѣ служила только къ поддержанію административнаго зла. Главная сила имперіи заключалась не въ маршалахъ, не въ префектахъ, не въ мэрахъ, хотя и ихъ заслугъ нельзя отрицать, но въ четырехъ оппозиціонныхъ журна-

листахъ и въ пяти оппозиціонныхъ депутатахъ, служившихъ предводителями оппозиціи его величества. Правительство безъ народа могло бы наконецъ показаться страннымъ: говорили бы, что чего-то не достаетъ... Депутаты оппозиціи имѣютъ почти такое же значеніе для имперіи, какое имѣютъ для ветхаго дома подставки, поддерживающія его стѣны. Такіе оппозиціонные члены содѣйствуютъ къ прочности гг. Гаусмановъ и Персиньи и представляютъ оппозицію смѣшной!...»

Все это было бы строгою истиною, еслибъ правительство чувствовало себя достаточно сильнымъ для того, чтобы разыгрывать интермедію конституціонной имперіи. Сдѣлавшись, вслѣдствіе своего продолжительнаго всемогущества, нетерпѣливымъ и раздражительнымъ, оно не съумѣло придать слову *оппозиція* значеніе мира и союза, а приняло это слово въ смыслѣ войны и непріязни, точь въ точь, какъ поступилъ бы какой нибудь школьникъ. Оно совершенно не замѣчало современнаго оттѣнка политическаго чувства и вело себя грубо. На деликатныя предложенія своихъ противниковъ, скрывавшія легкую французскую иронію, оно отвѣчало палкою. Франція потрепала его по плечу почти дружественно, но оно возразило ударомъ кулака. Тогда, правда, ему отвѣтили щелчкомъ!

Какой-то знаменитый полководецъ, котораго спросили, что значитъ пораженіе, потребовалъ нѣсколько дней на размышленіе, и потомъ отвѣтилъ, что не знаетъ, какъ рѣшить этотъ вопросъ. Наше правительство также не знало, что такое побѣда, и чистосердечно смѣшало торжество съ пораженіемъ. Весьма натурально, Европа и Франція полагали, что оно въ этомъ дѣлѣ лучшій судья.

При такомъ оборотѣ дѣлъ, каково будетъ поведеніе оппозиціи?

Конечно, не въ чаду восторга, порожденнаго первою побѣдою, люди предаются великимъ стратегическимъ соображеніямъ. Въ эту минуту оппозиція только наслаждается своимъ торжествомъ, поздравляетъ его превосходительство, г. Персиньи, подтруниваетъ надъ префектами и повторяетъ, потирая себѣ руки отъ удовольствія: «Удастся! Удастся.» Когда ее спрашиваютъ: «Что же удастся»? она отвѣчаетъ: «Не знаю, но оно удастся, удастся!»

Что касается правительства, то неизвѣстно, приготовило ли оно планъ дѣйствія, или нѣтъ. Послѣ такого удара, какой получило оно, весьма извинительно, если рождается желаніе собраться съ мыслями прежде, чѣмъ идти далѣе. Какъ бы-то ни было, на другой день по-

слѣ выборовъ, императоръ Наполеонъ Бонапартъ, изливъ свой гнѣвъ на нѣсколькихъ епископовъ и архіепископовъ, виновныхъ въ составленіи избирательныхъ рекламъ, совершенно антиправительственныхъ, отправился въ Фонтенбло, оставивъ Барона въ оцѣпенѣніи, а Персиньи въ изумленіи. Ея величество, императрица Евгенія, была также очень недовольна.

Мы старались доказать, что оппозиція играла какъ будто для правительства, а правительство какъ будто для оппозиціи. Кто же изъ нихъ окончательно воспользуется неловкостью своего противника?

Мы этого не знаемъ. Намъ извѣстно только, что эта борьба нравственно уменьшилась, что антогонизмъ принциповъ потерялъ свою логическую ясность, что въ настоящее время гораздо труднѣе отличить бонапартиста отъ республиканца, и что теперь орлеанистъ легко можетъ быть смѣшанъ съ тѣмъ или другимъ, или даже съ легитимистомъ.

Республиканская оппозиція, парившая высоко надъ имперіею, въ области принциповъ нравственности и справедливости, спустилась теперь въ область, гдѣ укрѣпился ея противникъ. Оба врага, рано или поздно, должны будутъ вступить въ рукопашный бой другъ съ другомъ, такъ какъ они оба находятся на одной и той же территоріи. Безъ всякаго сомнѣнія, власть могла бы найти сотню случаевъ для обезоруженія оппозиціи, присвоивъ себѣ ея программу. Еще разъ пусть произведетъ она реформу въ финансахъ, если можно; пусть, если можно, дозволитъ она общественному мнѣнію высказываться нѣсколько свободнѣе; пусть освободитъ насъ отъ навязчивости клерикаловъ, если можно; пусть, если можно, она оставитъ Римъ и Мексику—и тогда вся Франція захлопаетъ въ ладоши.

Но будетъ ли правительство достаточно имѣть ума для осуществленія того, чего оно не съумѣло понять? Обладаетъ ли оно эластичностью, необходимою для того, чтобы измѣнить политику? Осуществитъ ли оно мечтательное обѣщаніе «*положить вѣнецъ зданію*», обѣщаніе, которымъ не переставало насъ угощать, но осуществленіе котораго оно представляло въ отдаленномъ будущемъ? Все это намъ докажетъ будущность. Многіе находятъ имперію уже весьма старою и считаютъ ее неспособною склониться къ новымъ требованіямъ времени. Замѣчаютъ, что съ самаго Coup d'Etat все одни и тѣ же люди производятъ во Франціи холодъ и жаръ, ненастье и ведро. Все одинъ и тотъ же кружекъ остается во влад-

ніи государственныхъ тайнъ и по своему приводитъ въ движеніе всѣ офиціальныя пружины и всѣ дипломатическія нити. Совѣтъ Десяти, образующій одинъ всю имперію, повидимому, рѣшился не принимать никого въ свой очарованнный кругъ и никому не довѣрять своихъ страшныхъ тайнъ. Теперь эти люди, повидимому, не нуждаются болѣе ни въ соучастникахъ заговоровъ, ни въ совѣтникахъ, а только въ послушныхъ исполнителяхъ своей воли. Теперь имъ нѣтъ надобности пріобрѣтать что бы то ни было; имъ достаточно сохранять то, что они имѣютъ. Теперь они ничего не домогаются и только наслаждаются пріобрѣтеннымъ. Они держатъ въ рукахъ бразды правленія и думаютъ, что также могутъ ворочать судьбами міра. Они по горло набиты деньгами и властью и насыщены всѣмъ, что можетъ доставить свѣтъ: славою, богатствомъ, роскошью, нѣгой. Ихъ страсти уже не юношескія, но переходятъ въ страсти зрѣлаго возраста. Они не увлекаются желаніемъ видѣть или сдѣлать что нибудь новое, но для нихъ остается еще одна послѣдняя и притомъ самая сильная страсть, именно гордость; они должны еще наложить печать своей личности на все, что ихъ окружаетъ. Имъ нужно оставаться теперь одними, т. е. не видѣть въ цѣломъ мірѣ никого, кромѣ самихъ себя. Но при такомъ настроеніи духа возможно ли подчиниться требованіямъ современной эпохи и слѣдовать внушеніямъ общественнаго мнѣнія съ такимъ же постоянствомъ, какъ тѣнь слѣдуетъ за свѣтомъ?

Та самая историческая необходимость, которая уже произвела кризисъ въ Пруссіи, по всей вѣроятности, вызоветъ подобный же кризисъ во Франціи... Пруссія представляетъ феодальную монархію, окруженную конституціонными учрежденіями, а имперія французская—диктатуру, навязанную свободной націи. Поэтому, эти два несообразныхъ принципа, образующіе почти въ одинаковой степени эссенцію того и другого правительства, должны необходимо придти въ столкновеніе для одержанія перевѣса одного надъ другимъ. Но не забудемъ, что въ Пруссіи монархъ есть представитель средневѣковаго феодализма, тогда какъ во Франціи императоръ (конечно, противъ собственной воли) есть представитель новой революціи. Поэтому будущіе Coups d'Etat одного будутъ, по своей натурѣ, совершенно противоположны тѣмъ Coups d'Etat, которые совершитъ другой. Но здѣсь мы остановимся; мы уже, быть можетъ, слишкомъ многое сказали. Гораздо благоразумнѣе выжидать рѣшенія времени,

чѣмъ стараться разгадать его загадки. Изучая настоящее и прошедшее, скажемъ относительно будущаго: Кто его знаетъ?

Въ Италіи новостей нѣтъ никакихъ, за исключеніемъ впрочемъ одной; въ Римѣ производится процессъ Фаусти Венанчи и консортовъ. Фаусти былъ домашнимъ секретаремъ Антонелли и поэтому предметомъ особой ненависти Мерода. Въ одинъ прекрасный день Фаусти, по окончаніи церковной службы, былъ арестованъ съ большимъ скандаломъ у дверей самой церкви и отведенъ въ тюрьму. Партія Мерода обвиняетъ его во множествѣ преступленій: говорятъ, что онъ продавалъ государственныя тайны королю піемонтскому, что онъ совершилъ нѣсколько поджоговъ и покушался на жизнь нѣкоторыхъ людей. Самымъ тяжкимъ его преступленіемъ считается то, что онъ одинъ изъ предводителей либеральной партіи. Нашлись бумаги, болѣе чѣмъ компрометирующія его и подписанныя его рукою. Друзья Фаусти ихъ похитили и тогда судъ рѣшился судить его безъ этихъ документовъ; но вдругъ нашлись новыя бумаги, еще болѣе поразительныя и также подписанныя рукою подсудимаго. На это Фаусти отвѣчалъ: «Я чистосердечный приверженецъ папы и ревностный реакціонеръ; но я жертва какого-то адскаго заговора: всѣ эти бумаги поддѣланы какимъ-то гнуснымъ злодѣемъ»...

И вотъ мы въ недоумѣніи, кто правъ: Фаусти-ли, или его обвинители? Меродъ-ли, или Антонелли?

Судъ предварительно приговорилъ Фаусти къ двадцатилѣтнему заключенію въ тюрьму за либерализмъ и убійство, не считая того наказанія, какое имѣется въ виду за поджоги. Такое рѣшеніе, конечно, не произвело слишкомъ благопріятнаго впечатлѣнія на подсудимаго. Но этимъ дѣло еще не кончилось: самый судъ обвиняется партіею Антонелли-Фаусти въ поддѣлкѣ бумагъ.

Одно только не подлежитъ сомнѣнію: и Маттеуччи и Антонелли поникли головами. Самъ папа замѣтилъ, что нѣкогда блестящій и сладострастный взоръ его прежняго фаворита сдѣлался неподвижнымъ и мрачнымъ. Всего забавнѣе то, что, благодаря этому случаю, Антонелли представляется либеральнымъ лицомъ и что его паденіе припишется дѣйствію римской реакціи. Такимъ образомъ и этому человѣку предстоитъ попасть въ мученики либерализма. Боже ты мой! Какому же спадассину нашего времени нельзя прослыть за либерала!

Въ Англіи занятія въ послѣднее время приняли оттѣнокъ рели-

гіозный, или, лучше сказать, церковный. Явленіе замѣчательное: интересы церкви въ одинъ и тотъ-же день обратили на себя вниманіе трехъ большихъ представительныхъ собраній: палаты общинъ, палаты лордовъ и того клерикальнаго парламента, который извѣстенъ подъ именемъ «Convocation». Въ одинъ и тотъ же день разсматривались вопросы:

Въ палатѣ общинъ: должна ли остаться неприкосновенною протестантская церковь въ Ирландіи?

Въ палатѣ лордовъ: не должно ли чего вычеркнуть въ страшномъ спискѣ духовныхъ присягъ?

Въ палатѣ клерикальной: должно ли осудить епископа Каленсо, осмѣлившагося противорѣчить пятикнижію?

Вопросъ, поднятый относительно протестантской церкви въ Ирландіи, резюмируется такимъ образомъ:

На одномъ островѣ находится 750,000 протестантовъ, и 6 милльоновъ каталиковъ, то есть по одному протестанту на восемь католиковъ. Однакожъ католицизмъ, религія большинства, существуетъ въ Ирландіи не на законномъ основаніи; онъ только терпимъ, и потому не пользуется пособіемъ со стороны государства. Католическіе священники живутъ очень бѣдно приношеніями, получаемыми отъ народа, котораго бѣдность обратилась въ пословицу; они существуютъ свадьбами, служеніемъ обѣдень и похоронами. Напротивъ, протестантскіе священники, имѣющіе мало или неимѣющіе вовсе никакой работы, получаютъ въ обезпеченіе опредѣленное и регулярное жалованье, простирающееся въ общей сложности до 20,125,000 франковъ въ годъ, что составляетъ по 134 франка съ каждаго протестантскаго жителя, или по 335 франковъ съ каждаго взрослаго протестанта; такъ что протестанизмъ каждаго совершеннолѣтняго протестанта обходится государству нѣсколько болѣе восемьнадцати су въ день. Это средняя мѣра; но есть приходы, состоящіе всего изъ двадцати четырехъ прихожанъ, со включеніемъ въ это число и двухъ сторожей церкви, и церковной служительницы, и кухарки пастора, и его жены, и кормилицы его дѣтей, и также дѣтей церковныхъ сторожей, — приходы, доставляющіе протестантскому священнику ежегодный доходъ въ 335 фунтовъ стерлинговъ, или въ 8250 франковъ. Это называется хорошею *бенефиціею*,—слово, которое впрочемъ въ разговорномъ языкѣ означаетъ приходъ.

Справедливъ-ли такой порядокъ?

Никогда ни о чемъ подобномъ не мечтали ни въ Канадѣ, ни въ обѣихъ Индіяхъ, какъ замѣтилъ въ парламентѣ г. Дилльвинъ.

Политично-ли это?

Чтобы поддержать въ Ирландіи установленную церковь, требуется постоянная армія въ 21,000 солдатъ и въ 12,450 констеблей, ибо страна эта никогда не примирится съ Англіею, пока въ ней будетъ свирѣпствовать раздоръ между религіями католическою и англиканскою, и взаимная ненависть той и другой стороны будетъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, такъ же долго, какъ и самое существованіе такого несправедливаго закона.

Члены консервативной партіи, само собою разумѣется, утверждаютъ, что такой порядокъ вещей самый справедливый, потому что онъ основанъ во времена королевы Елизаветы и, въ особенности, потому что онъ для нихъ выгоденъ въ настоящее время. Они говорятъ, что допущеніе ирландскихъ католиковъ къ участію въ церковныхъ доходахъ страны было бы новою несправедливостью со стороны этихъ революціонеровъ, которые на своей совѣсти имѣютъ уже множество другихъ преступленій.

Вторымъ вопросомъ, по которому производились пренія, было: долженъ ли тотъ, кто получаетъ бенефицію, или переходитъ изъ одного прихода въ другой, или дѣлается діакономъ, каноникомъ, товарищемъ пастора, или просто студентомъ теологіи, предварительно присягнуть, что вѣруетъ чистосердечно въ XXXIX параграфовъ ученія англиканской церкви, въ безконечную ея литургію и во все то, что содержится въ толстой книгѣ, называемой. «Common Praer»? Достаточно замѣтить, что эта книга, и эти параграфы, и эта литургія имѣютъ своимъ основаніемъ положенія: что дѣти, умершія безъ крещенія, не могутъ войти въ царствіе небесное, что французы, ирландскіе католики, турки и русскіе безвозвратно осуждены на вѣчныя муки и что солнце обращается вокругъ земли, какъ это подтверждается латинскимъ псалтыремъ и исторіею Іисуса Навина. Этого довольно. Присяги сохранились и священники будутъ присягать по прежнему.

Въ клерикальномъ парламентѣ происходили самыя жаркія пренія по поводу доктора Каленсо. Это имя одного честнаго епископа, проповѣдывавшаго каффрамъ въ Портъ-Наталѣ, на мысѣ Доброй Надежды, куда также распространилось ученіе англиканской церкви. Этотъ проповѣдникъ переводилъ библію для дикарей, и потому принужденъ

былъ, читая, вникнуть въ ея смыслъ. Сотрудникомъ его былъ чернокожій мѣстный уроженецъ, учившій его языку Сехуана. Переводчики добрались до того англійскаго перифраза, гдѣ сказано: «Если кто изъ васъ побьетъ своего невольника и невольникъ умретъ подъ его палкой, то хозяинъ этого невольника будетъ наказанъ; но если невольникъ умретъ сорокъ восемь часовъ спустя, то хозяинъ его наказанъ не будетъ; такъ какъ невольникъ пріобрѣтенъ на его собственныя деньги».

Здѣсь негръ прервалъ епископа Каленсо вопросомъ: «Какъ, неужель таковъ законъ Бога?»

Бѣдный епископъ былъ сильно озадаченъ такимъ вопросомъ. Его совѣсть была задѣта заживое. Онъ сталъ изучать англійскую библію съ этой новой точки зрѣнія и передъ нимъ, одно за другимъ, возникло тысяча недоразумѣній. Онъ попалъ въ цѣлый лабиринтъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, и нравственныхъ, и религіозныхъ, и матеріальныхъ. Изъ множества подобныхъ критикъ Коленсо вывелъ заключеніе, что англійскій переводъ библіи написанъ не буквально со словъ Бога, такъ какъ онъ содержитъ ошибки, противорѣчащія дѣйствительности, и что нравственное значеніе его подвергается сомнѣнію нашего времени. Обогащенный такимъ драгоцѣннымъ открытіемъ, онъ оставилъ мысъ Доброй надежды и поѣхалъ въ Англію, чтобы возвѣстить своимъ собратамъ, что религія ихъ есть религія «духа», а не религія «буквы». Можете себѣ представить, какъ онъ былъ принятъ въ Великобританіи духовенствомъ. Но что было дѣлать съ этимъ основателемъ новой ереси? Осудить его было невозможно, по его положенію въ духовной іерархіи; притомъ, англиканскіе каноническіе законы не предвидѣли такого чудовищнаго явленія, какимъ представляется епископъ-еретикъ. Церковь, которой онъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ, оставалась передъ нимъ безоружною. По закону епископъ непогрѣшимъ и не можетъ быть отрѣшенъ. Людямъ, требовавшимъ, чтобъ онъ оставилъ церковь, которой мнѣнія противорѣчатъ его собственнымъ, онъ отвѣчалъ: «Я епископъ для того, чтобъ проповѣдывать истину, и останусь епископомъ». Онъ твердо убѣжденъ, что наука и вѣра его отцевъ не могутъ противорѣчить другъ другу, и полагаетъ, что интересы церкви тождественны съ интересами истины! Наконецъ, онъ признаетъ себя православнымъ.

Отрѣшить его невозможно. Спорить съ нимъ еще менѣе возможно. Вздумали осудить его книгу; но при этомъ не рѣшались ни ука-

зать на ея недостатки, ни упомянуть имени автора, даже ни намекнуть про то, что онъ епископъ. За то на всѣхъ углахъ Лондона и Эдинбурга прибивались огромныя афиши, въ которыхъ длинными литерами было изображено:

МОИСЕЙ ПРАВЪ!

ПРОФЕССОРЪ КАЛЕНСО ОШИБАЕТСЯ!!!

Празднество, устроенное при Сэнт-джэмскомъ дворѣ принцемъ уэльскимъ и его молодою супругой, отвлекло вниманіе публики отъ этихъ важныхъ теологическихъ споровъ. Принцесса сдѣлалась героиней дня, молодой львицей фешенебельнаго общества. Послѣ свадебныхъ празднествъ, послѣ принятія великолѣпныхъ подарковъ, которыхъ хватило бы на приданое для цѣлыхъ сотень, даже тысячь другихъ невѣстъ, менѣе благопріятствуемыхъ судьбою, она вступила въ отправленіе своихъ официальныхъ обязанностей, которыя должны заключаться въ томъ, чтобъ держать у себя открытый аристократическій салонъ.

Послѣ смерти мужа королева воздерживается отъ всякихъ торжественныхъ пріемовъ, и потому высшій кругъ былъ лишенъ своего дѣйствующаго центра; тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ онъ привѣтствовалъ прибытіе молодой принцессы, особенно когда узналъ, что Викторія поручила своей невѣсткѣ заступить ея мѣсто при Сентъ-Джемскихъ выходахъ. Весьма потѣшное зрѣлище представилъ первый придворный съѣздъ (Drawing-Room). Вообразите себѣ тысячи экипажей, наполненныхъ старыми и молодыми леди, разукрашенными всѣми радужными цвѣтами; представьте процессію каретъ, растянувшуюся на нѣсколько километровъ и подвигающуюся медленно впередъ, останавливающуюся минутъ на десять, потомъ опять двигающуюся далѣе и опять останавливающуюся на мѣстѣ. Вокругъ экипажей не замедлили собраться толпы горожанъ и народная чернь разсматривала выставку, представляемую ей аристократіей трехъ королевствъ; нѣкоторые молодые леди имѣли удовольствіе слышать аплодисменты толпы,—за то насчетъ старыхъ вдовушекъ дѣлались весьма необязательныя замѣчанія, необязательныя до того, что онѣ принуждены были поднять окна каретныхъ дверецъ. Изъ колебанія страусовыхъ перьевъ, ударявшихся о верхи каретъ, выводили заключеніе, что ихъ превосходительства изволятъ кушать сэндвичи и меринги. Бѣдныя леди! нужно же было провести такимъ образомъ пять смертельныхъ

часовъ, въ придворныхъ платьяхъ, на глазахъ народа, не знающаго салонныхъ приличій!

По истинѣ любопытное зрѣлище представляли эти тысячи существъ, принадлежащихъ къ высшей породѣ. Они были, говоритъ *London Review*, какъ овцы, украшенныя для жертвоприношенія, растерявшіяся, неподвижныя, утомленныя, не въ состояніи шевельнуть ни ногой, ни лапой; ожиданіе, скука, отчаяніе изнурили ихъ; иныя еще кисло улыбались народнымъ толпамъ, большая часть страшно зѣвала, какъ бы толкаемыя механической пружиной. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ часовъ смертельной тоски, пожилые и юныя куртизанки вступили въ Сентъ-Джемскій дворецъ, прочистивъ себѣ дорогу съ большимъ или меньшимъ изъяномъ въ своемъ туалетѣ; въ общей толкотнѣ головные уборы сильно страдали, въ суматохѣ ломались страусовые перья, раздирались платья; кружевные бахрамы, стоющія нѣсколькихъ тысячь франковъ, летѣли какъ клочья шерсти; но леди за опустошеніе въ нарядахъ мстили пламенными гнѣвными взорами. Такъ какъ пріемъ продолжался шесть часовъ, то принцесса утомилась; она даже была вынуждена прервать на нѣсколько минутъ церемонію для отдохновенія. Но и тогда не перестала осаждать ее неотвязчивая толпа гостей, двинувшихся впередъ подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы засвидѣтельствовать свое уваженіе «обожаемой матери нашихъ будущихъ королей».

Польскій вопросъ стоитъ по прежнему въ Англіи; тамъ, по прежнему, собираются митинги, происходятъ пренія въ парламентѣ. Вся тайна англійской дипломатіи, по видимому, обнаруживается слѣдующимъ выводомъ изъ одной статьи, помѣщенной въ *Morning-Post*, какъ извѣстно каждому, въ полуофиціальномъ органѣ Лорда Пальмерстона:

«Англія сочувствуетъ Польшѣ; но она предпочла бы видѣть ее возстановленною Австріей, а не Франціей. Бросившись въ движеніе, Австрія привлекла бы къ себѣ либеральную Германію, убила бы свою политическую соперницу — Пруссію и пріобрѣла бы дружбу Англіи. Потому, будетъ непростительной ошибкой со стороны Австріи, если она упуститъ удобный случай, о которомъ долго будетъ сожалѣть».

Лордъ Пальмерстонъ наконецъ удовлетворенъ. Онъ нашелъ короля, какого ему нужно было для Греціи. Рѣшительно онъ выкопалъ изъ гнѣзда молодого принца датскаго, котораго и женитъ на Греціи,

и Іоническіе острова будутъ въ полномъ смыслѣ свадебнымъ подаркомъ. Бракъ заключенъ былъ по разсудку; съ той и съ другой стороны долго торговались: Пальмерстонъ и Греція не могли согласиться; Датскій король и отецъ молодого принца съ своей стороны предъявляли неумѣреныя притязанія. Но наконецъ согласіе установилось, такъ какъ Греція не могла надѣяться найти другого короля, точно также какъ молодой принцъ не могъ питать надежды отыскать себѣ другое королевство. Во всей Европѣ не могли найти человѣка, который согласился бы на принятіе этого престола и потому Греціи волей - неволей приходилось удовольствоваться ребенкомъ, еще несовершеннолѣтнимъ; за то родители обѣщали за него, что онъ составитъ счастіе своихъ народовъ.

Не смотря на угрозу союзной экзекуціи, то есть, не смотря на перспективу войны съ сеймомъ, Данія не уступаетъ. По прежнему она продолжаетъ считать себя въ правѣ не давать Шлезвигу, датско - германскому герцогству, тѣхъ льготъ, какія дала она Гольштиніи, герцогству германско - датскому, и по прежнему продолжаетъ утверждать, что Германія не можетъ ставить ей въ преступленіе того, что сама Данія называетъ милостью и уступкой. Въ послѣдней своей депешѣ, отправленной 16 мая въ Вѣну и въ Берлинъ, датскій дворъ утверждаетъ, что патентъ 30 мая, относящійся къ шлезвигъ-гольштинскому вопросу, не даетъ конфедераціи ни малѣйшаго предлога къ возмездію. Сверхъ того, онъ объявляетъ, что послѣ союзныхъ рѣшеній и угрозъ со стороны Германіи, Даніи остается выборъ только одного пути: въ случаѣ уступки, подъ страхомъ самоуниженія, сохранять патентъ 30 мая...

Въ заключеніе остается сказать, что Данія ждетъ съ твердою рѣшимостью протоколовъ германскаго Сейма и по видимому нисколько не боится штыковъ, которыми ей грозятъ.

Между тѣмъ Германія, стѣсненная между Пруссіей и Австріей, Сеймомъ, Польшею, Даніей и Россіей еще разъ сильно озабочена невыносимымъ положеніемъ, въ которое она поставлена. Конечно ей было бы пріятно вывернуться изъ него, если бъ только могла, если бъ только смѣла, если бъ того хотѣла.

Добрая вѣсть дошла до насъ изъ Бадена, родины либеральнаго министра фонъ-Розенбаха. Палата депутатовъ почти единодушно (за исключеніемъ только двухъ голосовъ) выразила желаніе, чтобы смертная казнь была уничтожена въ непродолжительномъ времени.

Буря наконецъ разразилась надъ Спре, которая теперь катитъ въ своемъ руслѣ волны и не сегодня такъ завтра можемъ услышать, что онѣ вышли изъ береговъ.

Давно предсказываемый кризисъ наконецъ наступилъ въ Берлинѣ. Палата представителей закрыта, и въ настоящую минуту въ Берлинѣ не существуетъ свободы печати, даже той свободы, какой пользуется Австрія.

Читатель припомнитъ странную выходку г. фонъ-Роона, утверждавшаго, что въ качествѣ министра онъ не подчиненъ дисциплинарной власти палаты. Гг. Грабовъ и Бокумъ-Дольфъ могли бы предоставить своему знаменитому сочлену требуемую имъ свободу и предложить палатѣ согласиться на принятіе постановленія, въ силу котораго было бы положительно позволено министрамъ не соблюдать парламенскихъ приличій. Но вмѣсто того, чтобъ дозволить это г. Роону, палата предпочла принести жалобу королю и отправила адресъ, направленный противъ министерства и его политической системы, увлекающей Пруссію и монархическую власть въ величайшую опасность. Палата категорически объявила, что не можетъ и не желаетъ имѣть дѣло съ министерствомъ. Король отказался отъ принятія адреса, удостоивъ впрочемъ палату отвѣтомъ, что онъ относитъ къ ея винѣ всѣ нынѣшнія затрудненія, что министры владѣютъ его довѣріемъ и что прежде всего ихъ дѣйствія совершаются съ его одобренія.

Такъ какъ депутаты грозили правительству отказать въ средствахъ къ веденію войны, то король въ своемъ отвѣтѣ считаетъ это посягательствомъ на право короля и говоритъ, что никогда не позволитъ перемѣстить центръ тяжести власти въ пользу конституціонализма. Вслѣдствіе всего этого правительство рѣшилось закрыть парламентскую сессію и распустить палату до новаго распоряженія.

Послѣ прочтенія королевскаго посланія, президентъ Грабовъ сдѣлалъ общій обзоръ трудовъ послѣдней сессіи и кончилъ слѣдующими словами:

«Пруссія соединяется вокругъ конституціи, которой она присягала; она станетъ противиться всякимъ законамъ, которые, вопреки конституціи, могутъ быть даны безъ ея участія».

Грабовъ закрылъ засѣданіе, сказавъ, что не смотря на постигшее замѣшательство, вся страна съ радостью воскликнетъ: «да здравствуетъ его величество нашъ король Вильгельмъ». Палата трижды

повторила это восклицаніе, а президентъ прибавилъ: «Пусть наша родина будетъ подъ защитою Бога».

Но хорошо ли онъ поступилъ, что не присоединилъ нѣкоторыхъ указаній насчетъ пути, которому должны слѣдовать депутаты во время своихъ невольныхъ каникулъ?.. Позволено ли имъ или нѣтъ платить налоги, ими невотированные?.. Не намѣрены ли они вновь собраться въ срокъ, назначенный закономъ?.. Президентъ не счелъ благоразумнымъ поднимать эти вопросы. Быть можетъ, онъ имѣетъ на то уважительныя причины.

Большинство депутатовъ заблагоразсудило не присутствовать при закрытіи палатъ, происходившемъ въ коровевскомъ замкѣ. Присутствовало не болѣе сорока членовъ второй палаты, тогда какъ палата господъ находилась тамъ въ полномъ составѣ. Рѣчь о закрытіи, прочитанная г. Бисмаркомъ, есть ничто иное, какъ повтореніе королевскаго посланія. Король въ ней объявляетъ, что послѣдній адресъ палаты сдѣлалъ необходимымъ закрытіе законодательныхъ совѣщаній и что точка зрѣнія, съ которой собраніе смотрѣло на иностранную политику правительства, повлекло за собою усиленное волненіе въ провинціяхъ, смежныхъ съ Польшей. Въ рѣчи не объяснены намѣренія правительства, а говорится только, что оно рѣшитъ по своему усмотрѣнію вопросы, остающіеся теперь безъ рѣшенія по случаю закрытія палаты.

Послѣ этого депутаты были отпущены, но при выходѣ изъ дворца, на площади ихъ ожидала значительная толпа, состоявшая преимущественно изъ лицъ средняго класса, громко привѣтствовавшая этихъ людей. Во всѣхъ провинціяхъ пріѣхавшіе депутаты также были встрѣчены взрывомъ энтузіазма.

Журналъ феодальной партіи, La Nord смотритъ на это событіе, какъ на явленіе, неимѣющее важности.

«Происходившее вчера закрытіе парламентской сессіи — говоритъ онъ — не произвело никакого замѣтнаго впечатлѣнія на населеніе Берлина. Тремя стами людей, чуждыхъ намъ, стало менѣе. Вотъ и все».

Вотъ и все! Нарушена конституція, разорванъ союзъ между народомъ и его королемъ, уничтоженъ договоръ, на которомъ покоились законодательство и политическій бытъ страны, прекращено легальное отправленіе правосудія, упразднена свобода, надъ которою уже не разъ насмѣялись, — и послѣ этого намъ говорятъ: *вотъ и все*!

Поверхностные наблюдатели тѣмъ болѣе могли повѣрить приведенной нами выходкѣ журнала le Nord, что видъ Берлина по наружности не измѣнился; дѣла продолжали идти своей обычной чередой; не произошло ни возстанія, ни попытки къ возстанію, ни даже ничего такого, что было бы на то похоже. Только одинъ человѣкъ, какой-то мазурикъ, по фамилии Жарикъ, съумѣлъ извлечь выгоду изъ закрытія парламента. Отправившись къ министрамъ, онъ донесъ имъ о существованіи заговора на жизнь короля и тѣмъ временемъ, покуда г. Бисмаркъ и собраты снисходительно выслушивали его, Жарикъ обчистилъ министерскіе карманы отъ платковъ, табатерокъ и портъ-монэ. Всѣ эти вещи конечно помогутъ ему сохранить воспоминаніе о счастливыхъ минутахъ, въ которыя онъ удостоился чести бесѣдовать съ такими важными особами.

Причина, почему столь знаменательное событіе, какъ закрытіе сессіи, произвело только слабое впечатлѣніе, кроется въ томъ обстоятельствѣ, что умы, въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль, предшествовавшихъ закрытію, могли освоиться съ мыслью о возможности наступленія кризиса. Говоря истину, либеральная Пруссія не была ни удивлена, ни обезкуражена; вездѣ какъ въ частномъ быту, такъ и въ органахъ прессы замѣчалось настроеніе мрачное и въ то же время осторожное, подъ наружнымъ покровомъ котораго не трудно было видѣть твердую рѣшимость встрѣтить на ногахъ наступающую бурю.

Въ самомъ дѣлѣ, немедленно по разогнаніи законныхъ представителей страны, правительство приняло всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобъ воспрепятствовать голосу народа дойдти до короля. Кенисбергская администрація запретила даже посылать государю вообще всякія жалобы, адресы или просьбы.

Почти непосредственно за закрытіемъ парламента было издано повелѣніе, контрсигнированное всѣми министрами, въ силу котораго административнымъ властямъ предоставлено полномочіе прекращать временно или же запрещать навсегда послѣ двухъ предостереженій тѣ журналы, которыхъ общее направленіе признано будетъ опаснымъ для общественнаго спокойствія. По той же причинѣ иностранныя періодическія изданія могутъ быть недопускаемы къ привозу въ предѣлы государства.

Приведенная въ текстѣ декрета для подкрѣпленія силы его, 63 статья конституціи разрѣшаетъ правительству, въ случаѣ надобности,

въ то время когда палаты не собраны, издавать постановленія, имѣющія силу подъ условіемъ, *чтобъ они не противорѣчили конституціи*; по открытіи палатъ эти постановленія должны быть представлены на ихъ одобреніе.

Министерскій декретъ не даетъ себѣ труда доказать, что въ настоящее время существуетъ та *необходимость*, о которой упомянуто въ 63 статьѣ; онъ предполагаетъ, какъ фактъ общеизвѣстный, что Пруссія находится въ такомъ положеніи, при которомъ свобода печати невозможна.

Какъ и слѣдовало ожидать, на эту мѣру правительства, журналистика отвѣтила протестомъ. Шесть изъ числа важнѣйшихъ берлинскихъ журналовъ: *Всеобщая газета*, *Спенерова газета*, *Національныя Вѣдомости*, *Фоссова газета*, *Народныя Вѣдомости*, *Реформа* издали сообща объявленія съ цѣлью защитить свои права и пригласили правительство доставить странѣ доказательства законности принятой имъ мѣры.

Безъ сомнѣнія, всѣ эти журналисты, протестовавшіе во имя законности, показались людьми очень наивными г. Бисмарку, съумѣвшему стать выше ея, и онъ не затруднился сдѣлать шести журналамъ предостереженіе, подъ предлогомъ, что они искажаютъ факты, выставляютъ ихъ въ темномъ свѣтѣ, возбуждаютъ въ народѣ ненависть и неповиновеніе правительству, наконецъ—что ихъ направленіе вообще грозитъ опасностію общественному спокойствію.

Еще одно такое предостереженіе и — шесть журналовъ окончатъ свое существованіе.

Само собою разумѣется, что все это дѣлается по внушенію *юнкерской* партіи; понятно также, что верхняя палата стоитъ горой за гг. фонъ-Роона и Бисмарка, и предана имъ и душею и тѣломъ. Потому непопулярность этой палаты усиливается съ каждымъ днемъ. Во всемъ Берлинѣ не могли отыскать человѣка, который согласился бы быть въ этой палатѣ представителемъ столицы. Сперва было обратились къ бургомистру Слиделю, но тотъ отказался подъ предлогомъ, что сильно занятъ муниципальными дѣлами. Засимъ обратились даже къ либералу Шульцу, который отозвался, что хлопоты по дѣламъ общинныхъ школъ поглащаютъ все его время.

Не остался равнодушенъ къ новому порядку вещей и берлинскій муниципальный совѣтъ и, по соглашеніи съ магистратурой, (слѣдуетъ замѣтить, что въ главѣ прусскихъ муниципальныхъ учрежденій на-

ходятся должностныя лица), отправилъ къ королю адресъ. Въ немъ говорится, что ограниченія, введенныя правительствомъ къ свободѣ печати, не только колеблятъ вѣру въ прочность конституціи и ненарушимость закона, но что они относятъ къ административной юрисдикціи существенныя права собственности и содержатъ въ себѣ посягательство на самостоятельность гражданскихъ судовъ. Муниципальный совѣтъ обращаетъ сверхъ того вниманіе короля на постоянно возрастающее недовѣріе собственниковъ и промышленниковъ къ министерству, которое управляетъ страною, не имѣя законно-утвержденнаго бюджета, и которое силится затянуть на неопредѣленное время конституціонный кризисъ.

Въ то же время многочисленное собраніе берлинскихъ граждапъ приняло слѣдующее рѣшеніе:

«Избиратели обѣихъ котегорій, принадлежащіе къ 1-му берлинскому избирательному округу, согласно началамъ, которыя защищала до сихъ поръ палата депутатовъ и которыя она окончательно сформулировала въ своемъ послѣднемъ адресѣ, объявляютъ, что на каждомъ пруссакѣ, намѣревающемся остаться вѣрнымъ конституціи, лежитъ долгъ сообразоваться съ словами, произнесенными президентомъ палаты, что: «въ виду повелѣнія, нарушающаго конституцію, народъ будетъ непоколебимо придерживаться права».

Между тѣмъ какъ столица и вся страна находятся въ такомъ сильномъ броженіи, король, по настоянію медиковъ, какъ говорятъ, счелъ нужнымъ уѣхать изъ своего королевства въ Карльсбадъ, куда за нимъ послѣдуетъ и Бисмаркъ.

Къ чему это путешествіе, предпринимаемое въ минуту сильнаго кризиса? Вотъ вопросъ, надъ которымъ ломаютъ голову въ Пруссіи всѣ, неимѣющіе чести принадлежать къ числу медиковъ его величества. Одни утверждаютъ, что реакціонерная партія желаетъ склонить короля на отреченіе отъ престола въ пользу своего племянника, Фридриха Карла, или по крайней мѣрѣ замѣнить имъ себя временно (?). Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ обсужденіе, на сколько нелѣпъ этотъ проектъ, заставляющій короля отречься въ пользу племянника съ устраненіемъ отъ престола своего собственнаго сына. Мы упомянули о немъ единственно съ цѣлью показать степень разгоряченія умовъ, вслѣдствіе чего нѣтъ такого преувеличеннаго слуха, который не получилъ бы тотчасъ ходъ въ публикѣ.

Крестовая газета не перестаетъ повторять на всѣ лады, что

нынѣ идетъ борьба на жизнь и на смерть между короною и революціонною партіей. *Крестовая Газета* выражается не точно: борьба шла до сихъ поръ между націей и министерствомъ; но несчастной судьбѣ угодно было, чтобъ король Вильгельмъ вѣрилъ своему министерству и, если это продолжится, то слова этой газеты могутъ опровдаться: дуэль тогда дѣйствительно начнется уже между короной и революціей.

Потомакская армія, подъ командой генерала Гукера, вторично подлялась въ походъ для овладенія Ричмондомъ, но эта вторая компанія быта не успѣшнѣе первой. Федералисты счастливо переправились черезъ Роганагокъ и заняли выгодную позицію близь Чансервиля, въ 16 километрахъ къ Ю. В. отъ Фредериксбурга. Въ тылъ арміи Сепаратистовъ былъ посланъ генералъ Штуцмонъ. Обѣ арміи сошлись 2 мая. Федератисты сознаются, что они потеряли 12,000 убитыми и ранеными; потеря сепаратистовъ исчисляется въ 18,000; всего слѣдовательно легло съ обѣихъ сторонъ до 30,000 человѣкъ. Сражавшіяся войска доходили почти до самаго Ричмонда, разрушая желѣзные дороги, предавая огню мосты и магазины, изъ которыхъ нельзя было увесть съ собою запасовъ. Небольшой отрядъ сепаратистовъ заходилъ даже на нѣсколько времени въ одно изъ предмѣстій Ричмонда, гдѣ кавалеристы взяли себѣ лошадей на смѣну изнуренныхъ въ битвѣ. Еслибъ генералъ Гукеръ обождалъ еще сутки или двое, то при новой встрѣчѣ, вѣроятно, побѣда осталась бы на его сторонѣ; но онъ не зналъ объ успѣхѣ Штуцмона, онъ не зналъ также о томъ, что на подкрѣпленіе его идутъ тридцать тысячь человѣкъ подъ начальствомъ Гунцельмона, посланнаго Линкольномъ, который былъ обезпокоенъ неполученіемъ вѣстей изъ арміи. Вслѣдствіе этого незнанія Гукеръ перешелъ обратно чрезъ Роппанагокъ и скорѣе проигралъ, нежели выигралъ битву.

Въ числѣ тридцати тысячь человѣкъ, павшихъ въ сраженіи, находился и сепаратистскій генералъ Стонвель Джаксонъ. Возвращаясь въ лагерь, онъ былъ пораженъ выстрѣлами, раздавшимися изъ ря-

довъ сепаратитскаго же потруля, который по ошибкѣ принялъ свиту генерала за отрядъ федератистовъ. Въ Джоксона попало три пули, изъ которыхъ двѣ въ лѣвую руку. Доктора сочли нужнымъ сдѣлать ампутацію. Спустя недѣлю онъ умеръ. Однимъ изъ послѣднихъ вопросовъ, сказанныхъ имъ въ самый день смерти, случившейся въ воскресенье, былъ вопросъ:—Кто теперь говоритъ проповѣдь моимъ солдатамъ? — Давній ученикъ Уестъ-Пуэнтской школы, бывшій потомъ долгое время безвѣстнымъ преподователемъ военнаго искусства; онъ обнаружилъ стратегическія свои дарованія только въ настоящую, гражданскую войну. Онъ первый, какъ бы инстиктивно, угадалъ, въ чемъ должна состоять мѣстная тактика. Экспедиціи его въ Аллеганскіе горы распространили смятеніе въ рядахъ федеральной арміи, повлекли за собой неуспѣхъ похода Макъ-Клеллана и пораженіе корпуса Попе; да и при послѣднемъ покушеніи Гукера только Джаксону сепаратисты обязаны тѣмъ, что успѣли заставить федеральнаго генерала отступить.

Джаксонъ былъ безспорно самый замѣчательный военный человѣкъ, явившійся вслѣдствіе нынѣшнихъ прискорбныхъ событій въ Америкѣ. Главнокомандующій сепаратитскою арміей, Ли, до сихъ поръ отличался умѣньемъ организовать, приводить въ движеніе и сосредоточивать арміи; но личность Джаксона гораздо интереснѣе. Это былъ пуританскій фанатикъ, столь же убѣжденный въ святости невольничества, какъ были убѣждены патріархи Воозъ или Исаія. Подчиненные обожали его, не смотря на то, что онъ держался самой строгой дисциплины. Сепаратисты говорятъ, что понесенная ими въ лицѣ его потеря стоитъ нѣсколькихъ проигранныхъ сраженій. Линкольнъ однажды сказалъ, что Стонвель Джаксонъ замѣняетъ непріятелямъ армію въ 50,000 человѣкъ. Джаксонъ былъ великій человѣкъ для сепаратистовъ; онъ одинъ изъ числа ихъ, если не отличался симпатичною личностью, то по крайней мѣрѣ, носилъ на себѣ своеобразный отпечатокъ, которому нельзя отказать въ извѣстной дозѣ уваженія,—отпечатокъ салдата-фанатика. Тѣ изъ числа англичанъ, которые стоятъ за невольничество, въ отчаяніи отъ смерти этого полководца, сравниваемаго ими съ нѣкіимъ Гавлокомъ, какъ извѣстно отличавшимся въ войну съ Сипаями. Одинъ лондонскій корреспондентъ пишетъ, что по этому случаю вся британская аристократія надѣла трауръ.

Военная операція федератистовъ на Миссисипи до сихъ поръ была

успѣшна. Цѣль ихъ состоитъ въ овладѣніи Виксбургомъ, который теперь обложенъ оболиціоносткими силами, подъ командою двухъ адмираловъ, Портеро Феррагута и Шермона. Одна телеграфическая депеша (до сихъ поръ впрочемъ не подтвердившаяся) извѣстна даже о взятіи этога форта.

Въ Менфисѣ федералисты организовали десять полковъ негровъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ. Имѣетъ быть набрано еще десять такихъ же полковъ. Эти двадцать тысячъ негровъ вознаграждаютъ съ избыткомъ потерю, понесенную федеральной арміей въ битвѣ при Фредериксбургѣ; но 18 тысячь, которыя потерялъ Ли въ тотъ же день, составляютъ потерю невозвратимую.

На ряду съ этими великими битвами, гдѣ кровь течетъ потоками, поучительно также взглянуть на малую партизанскую войну, которая опустошаетъ впрочемъ цѣлыя области. Мы ею по неволѣ пренебрегаемъ, погрузясь въ разсказы объ истребительныхъ сѣчахъ *en grand*, или становимся мало по малу равнодушны къ убійствамъ, жертвами коихъ бываютъ десятки, а не тысячи людей.

Вотъ что мы находимъ въ журналахъ, выходящихъ въ Миссури:

Многіе бѣглые негры отправляются въ свободные штаты Иллинойсъ, Огіо и Канзасъ, гдѣ фермеры нанимаютъ ихъ для полевыхъ работъ.

Недавно 90 негровъ, убѣжавшихъ за союзную черту, были отправлены въ Каиръ, оттуда въ Сенъ-Луи, въ Миссури, гдѣ большая часть ихъ сѣла на пороходъ Іam-Foty отплывшій въ Канзасъ.

Судно приставало къ дебаркодеру въ *Сиблетъ-Лендингъ*, когда на него напалъ вооруженный отрядъ, выстрѣлившій изъ дюжины ружей: кормчій долженъ былъ сойти на берегъ и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ на бортъ одинъ изъ начальниковъ сепаратисткихъ гверильясовъ, по имени Тоддъ, съ своими людьми. День еще не наступалъ, но уже можно было разпознать нападающихъ; они были вооружены съ ногъ до головы топорами и ножами и имѣли при себѣ нѣсколько револьверовъ. На суднѣ находилось много дамъ, пассажиры были безъ оружія. Сцена началась тѣмъ, что Тоддъ приблизился къ одному изъ пассажировъ, на которомъ увидѣлъ хорошую новую бобровую шапку, и безъ церемоніи обмѣнялъ ее на свою подержанную шляпу. Затѣмъ онъ подалъ сигналъ къ рѣзнѣ.

Первою жертвою сдѣлался Джоржъ Мейеръ, котораго застрѣлили въ спину. Это былъ молодой человѣкъ, добрый и простой, хорошо извѣстный въ цѣломъ околодкѣ. Разбойники за тѣмъ принялись аз

другого человѣка, по имени Ганри; но подшкиперъ остановилъ ихъ словами: постойте, это не пассажиръ, а одинъ изъ моихъ людей.— Ганри оставили жизнь, взявъ у него впрочемъ 72 доллара.

У молодаго Шютнера сначала взяли 200 долларовъ, а потомъ умертвили его выстрѣломъ въ голову. . . . . (Здѣсь слѣдуютъ имена многихъ ограбленныхъ пассажировъ).

Но все это было только еще прелюдіей. Высадивъ па берегъ двадцать негровъ, гверильясы поставили ихъ въ рядъ и между тѣмъ какъ одинъ изъ разбойниковъ держалъ фонарь въ уровень съ лицомъ, чтобъ лучше можно было видѣть, другіе умерщвляли несчастныхъ по одиночкѣ выстрѣлами изъ револьвера.

Дамы отчаянно кричали и плакали, прося пощады неграмъ; пощады не было. Изъ числа 80 негровъ, бывшихъ на бортѣ судна, 60 успѣли броситься въ воду и спаслись вплавь. Они добрались до стана полковника Пеннико, вступили въ ряды его войска и теперь бьются съ сепаратистами, отыскивая убійцъ.

И все это совершается въ наши дни, и война за певольничество еще находитъ среди насъ почитателей, да еще какихъ — самыхъ восторженныхъ!..

Жакъ Лефрень.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Проектъ новаго устава о книгопечатаніи — Необходимость возможно-большаго простора для литературной дѣятельности — Мнѣніе комиссіи объ административныхъ взысканіяхъ за проступки противъ печати. — Можно ли закономъ опредѣлить всѣ случаи преступленій по книгопечатанью? — Залоги по періодическимъ изданіямъ. — Какъ способно отнестись общество къ новому уставу? — Старая пѣсня о нашей самодѣятельности. — Пермское юридическое общество. — Необходимость подобныхъ обществъ и въ другихъ случаяхъ. — Басня "лебедя, рака и щуки" въ нашихъ общественныхъ предпріятіяхъ. — Таже басня въ примѣненіи къ литературному фонду. — Близкая кончина его.

Той части публики, которая не совсѣмъ равнодушна къ нашей умственной жизни, извѣстны главныя черты будущаго законадательства о печати. Работы по этому важному вопросу, продолжающіяся болѣе года, почти окончены; по крайней мѣрѣ основныя положенія установились окончательно и если остались нѣкоторыя подробности не разработанными, то онѣ конечно не замедлятъ такъ или иначе разрѣшиться. Новое законоположеніе о печати было предметомъ спеціальнаго занятія двухъ комиссій — сперва отъ мин. нар. просвѣщенія, потомъ отъ мин. внутр. дѣлъ. Сравнивая характеръ дѣятельности этихъ двухъ комиссій, Петербургскія вѣдомости выражаются такъ:

Комиссія (послѣдняя), по крайней мѣрѣ въ меньшинствѣ своихъ членовъ старалась, на сколько позволяли обстоятельства, истолковать въ болѣе мягкомъ духѣ постановленія прежняго устава; мы не можемъ конечно, предугадать, какая судьба ожидаетъ усилія этого меньшинства,

но все убѣждаетъ насъ, что если когда либо было полезно распространить существенныя облегченія на литературу, такъ именно теперь. Русскому обществу приходится отстаивать въ борьбѣ почти со всей Европой права свои на великую политическую будущность, и тогда только голосъ этого общества будетъ выслушиваемъ со вниманіемъ, когда никто не усомнится въ его независимости и свободѣ». (С.-Петерб. вѣдом. № 156, 1863).

Но прежде чѣмъ мы станемъ отстаивать посредствомъ печатнаго слова свою великую политическую будущность, независимость и успѣхъ нашей умственной дѣятельности необходимы для болѣе близкихъ и осязательныхъ цѣлей. Мы всѣ чувствуемъ потребность въ образованіи, хотя не всѣ одинаково стремимся къ нему; съ этой потребностью мы встрѣчаемся на каждомъ шагу и съ чего бы ни начали, приходимъ къ одному убѣжденію, что безъ образованія нѣтъ возможности одолѣть препятствія, стоящія на пути нашего общественнаго развитія. Настоящій экономическій кризисъ, вызванный громаднымъ переворотомъ крѣпостнаго сословія, открываетъ въ перспективѣ множество новыхъ отношеній, которыя должны имѣть роковое вліяніе на будущее устройство нашего сельскаго хозяйства, промышленности и всего гражданскаго склада; теперь съ одной стороны многимъ приходится подумать о томъ, какъ и чѣмъ жить, а съ другой—трудъ нѣсколькихъ милльоновъ людей, освобождаясь отъ крѣпостного произвола, нуждается въ раціональномъ и правильномъ развитіи. Рутина и невѣжество дѣлаются не только убыточными, но положительно вредными во всевозможныхъ случаяхъ. Каждый сельскій хозяинъ, нежелающій ставить свое состояніе на карту или предоставлять его слѣпому случаю, ищетъ указаній и отвѣтовъ на тѣ тревожные вопросы, которые занимаютъ его въ настоящую минуту. Надо приниматься за дѣло, говорятъ помѣщики, въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыя ожидаютъ ихъ черезъ пять или десять лѣтъ. Да, надо работать, потому что мы слишкомъ долго не признавали справедливости труда и не понимали его пользы. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческій трудъ еще для многихъ поколѣній останется главнымъ источникомъ нашего существованія, а онъ требуетъ прежде всего знанія. Нѣтъ ни одной науки, начиная химіей и оканчивая математикой, которая бы не прилагалась къ хорошему воздѣлыванію земли. Наши превосходныя почвы, благодаря апатіи труда и глубочайшему невѣжеству сельскихъ хозяевъ, не даютъ и десятой доли того, что онѣ могли бы

дать при другой, болѣе осмысленной разработкѣ ихъ. Этого мало,— онѣ постепенно истощаются и теряютъ даже тѣ производительныя силы, которыя дала имъ природа и къ которымъ человѣкъ не прибавилъ ни одной іоты своего собственнаго труда. Если мы не взглянемъ на это обстоятельство еще нѣсколько лѣтъ, то намъ придется снова обратиться въ кочевое состояніе. Кромѣ земледѣлія, далеко неудовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ общества, намъ нужна промышленность и машинное производство. Здѣсь опять усложняется дѣятельность и требуетъ образованія. Переходя изъ области экономическихъ вопросовъ въ область умственныхъ занятій, мы должны сознаться, что и тутъ приходится начинать съ азбуки. У насъ нѣтъ научнаго образованія въ точномъ его смыслѣ; у насъ еще не начато воспитаніе народа, которое совершается не десятками, а сотнями и тысячами лѣтъ; мы не имѣемъ ни достаточнаго числа университетовъ и школъ, ни хорошихъ руководствъ по какой бы то ни было отрасли знанія, ни серьезныхъ дѣятелей на пути умственнаго прогресса; то, что мы называемъ литературой, есть не болѣе какъ дѣтскій лепетъ, если принять во вниманіе громадную массу безграмотныхъ людей и тотъ узкій кругозоръ, въ которомъ обращается наша мысль, какъ бѣлка въ колесѣ. Послѣ этого нечего удивляться, если намъ не удалось сдѣлать ни одного замѣчательнаго открытія, ни одного такого умственнаго порыва, который бы заявилъ о нашемъ участіи въ общечеловѣческомъ движеніи; однимъ словомъ намъ предстоитъ начать свой трудъ по всѣмъ отраслямъ дѣятельности съ первыхъ основаній. Поэтому образованіе становится необходимымъ, какъ воздухъ. Нечего и говорить, что независимость и свобода мысли, на которыя выражаютъ свое чаяніе Петерб. вѣдомости, имѣетъ огромное значеніе для нашего будущаго образованія. Онѣ не столько полезны тѣмъ, что расширяютъ кругъ умственныхъ занятій и даютъ имъ разнообразіе, сколько той справедливой и спокойной увѣренностію, которая такъ необходима писателю и вообще мыслящему человѣку. Тамъ, гдѣ умственная дѣятельность подвергается произволу, плоды ея бываютъ не только горьки, но и зелены. Мы видимъ ясно, до чего доведена современная французская литература рядомъ стѣснительныхъ мѣръ, предпринятыхъ второй имперіей; тамъ нѣтъ болѣе ни одного замѣчательнаго писателя, ни одного мнѣнія, свободнаго отъ постороннихъ вліяній, болѣе или менѣе искажающихъ естественное движеніе общественнаго мнѣнія. Но во Франціи наука и литера-

тура успѣли уже многое сдѣлать; тамъ можно указать на многія капитальныя пріобрѣтенія человѣческаго ума и на многія вѣтви знаній, разработанныя вполнѣ удовлетворительно; а у насъ только начинается умственная дѣятельность, и потому стѣснить ее—значитъ погубить ее въ самомъ зародышѣ. Притомъ отношеніе нашей литературы къ самому обществу нѣсколько иное, чѣмъ во Франціи; у насъ еще не оцѣнена, какъ слѣдуетъ, практическая сторона образованія; на него смотрятъ съ полнымъ равнодушіемъ или недовѣріемъ цѣлыя сословія, какъ напр., невѣжественное и тупое купечество, вся масса раскольниковъ, которыхъ нелѣпое понятіе о старинѣ держитъ въ дикомъ состояніи. Самые, такъ называемые образованные классы, еще не имѣли случая примѣнить знаніе къ дѣлу и ввести его въ кругъ своихъ жизненныхъ потребностей. Поэтому, между прочимъ, наше общество вовсе не интересуется ни новыми открытіями науки, ни ея лучшими дѣятелями. При такомъ взглядѣ на вещи лишить литературу независимаго голоса было бы страшной ошибкой.

Комиссія, составляющая новый уставъ о книгопечатаніи, имѣла въ виду это обстоятельство. Одинъ изъ членовъ ея, говоря объ административныхъ взысканіяхъ, принятыхъ на случай нарушенія вводимыхъ правилъ о печати, подалъ такое мнѣніе:

«Административныя взысканія, по самому существу своему, суть мѣра ненормальная. Въ мірѣ печати они имѣютъ смыслъ, почти соотвѣтствующій тому, какой въ мірѣ политическомъ вообще соединенъ съ объявленіемъ страны въ осадномъ положеніи: когда пріостанавливается дѣйствіе закона и правильно организованнаго суда; когда, ради общей безопасности и въ силу высшаго общественнаго права, нарушаются законные интересы отдѣльныхъ лицъ; когда отдѣльное лицо чувствуетъ себя, такимъ образомъ, постоянно угрожаемымъ въ спокойномъ обладаніи своими несомнѣнными правами. Административныя взысканія, сверхъ того, суть мѣра и положительно опасная, по тому обоюдно-развращающему вліянію, какое оказываютъ они и на органы властей и на органы печати, по той легкости, съ какою органы власти соблазняются на принятіе мѣръ противныхъ всякой справедливости, единственно въ угоду своимъ личнымъ видамъ, и съ какою органы печати поощряются къ угодливости, затушающей всякую способность къ честному убѣжденію—единственной истинной опорѣ власти и порядка. Живой примѣръ всему этому представляетъ современная Франція, которой административныя взысканія, въ смыслѣ правильно организованной системы, и одолжены своимъ происхожденіемъ. Но разница та, что во Франціи къ принятію системы административныхъ взысканій теперешняя государственная власть

вынуждена своимъ революціоннымъ происхожденіемъ; она вынуждена дѣйствовать на печать *per fas et nefas,* и должна дѣйствовать преимущественно *per nefas,* для того только, чтобъ удержаться. Она принуждена опираться единственно на угодливость, потому что не можетъ надѣяться найти для себя опору въ свободномъ общественномъ мнѣніи. Однимъ словомъ, во Франціи власть прибѣгаетъ къ административнымъ взысканіямъ въ печати, потому что боится общественнаго мнѣнія, которое выражается въ литературѣ, и боится суда, который есть органъ того же мнѣнія. Но ничего подобнаго не должно быть у насъ. У насъ государственная власть, и по своему происхожденію, и по своему нравственному значенію въ народѣ, крѣпче, чѣмъ гдѣ нибудь. Правительству нѣтъ основанія бояться общественнаго мнѣнія; напротивъ, въ немъ оно можетъ найдти для себя самую крѣпкую поддержку, ибо интересы его и интересы народа—одни и тѣже»... Спб. Вѣд. № 156. 1863.

Но тотъ же членъ, который такъ энергически говорилъ противъ административныхъ взысканій и почти неизбѣжнаго при нихъ произвола, потомъ присоединился къ большинству и согласился въ ихъ справедливости.

Но здѣсь, какъ и вообще въ цѣломъ примѣненіи новаго устава о печати, все будетъ зависѣть отъ того, какъ выразится его карательная сила на практикѣ, потому что никакіе законы не могутъ съ полной точностію опредѣлить всѣ случаи, могущіе возникнуть въ сферѣ неуловимыхъ и въ высшей степени разнообразныхъ направленій человѣческой мысли. Ни одинъ законодатель не можетъ даже мечтать о томъ, чтобы предвидѣть, какъ и когда будетъ дѣйствовать идея, въ чемъ выразится ея стремленіе и на чемъ остановится ея развитіе. Не только законодатель, но и самъ авторъ не въ состояніи располагать произвольно своими мнѣніями и убѣжденіями; они слагаются также органически, какъ и другія жизненныя отправленія; не въ моей власти думать объ извѣстномъ предметѣ такъ, а не иначе, точно также не во власти, напримѣръ, г. Аскоченскаго снять свою голову съ плечъ и помѣняться ею на голову г. Леонтьева или Павлова. А почему являются тѣ, а не другія идеи въ головѣ писателя — это опять не зависитъ отъ него. Идеи вырабатываются духомъ времени и обществомъ; отсюда онѣ проникаютъ въ индивидуальные умы и, смотря по воспріимчивости и силѣ мозга, принимаютъ то или другое направленіе. Разумѣется, писатель можетъ быть неискреннимъ,—но если онъ хочетъ остаться честнымъ дѣятелемъ, то перемѣнить образъ мыслей невозможно. Поэтому всѣ

усилія законодателей — управлять ходомъ человѣческой мысли всегда оставались напрасными, и какъ ни были подробны правила ценсурныхъ уставовъ, за ними всегда было много простора личному произволу.

Нѣтъ сомнѣнія, что и нашъ новый уставъ о печати многое оставитъ личному усмотрѣнію той власти, которая будетъ непосредственно слѣдить и карать преступленія по книгопечатанію. Слѣдовательно здѣсь главный вопросъ не въ томъ, какъ опредѣлитъ законъ тотъ или другой случай, а въ томъ, какъ распорядится этимъ закономъ исполнитель его. Если онъ отнесется мягко и гуманно къ литературѣ, будетъ сочувствовать ея успѣхамъ, онъ въ большей части случаевъ найдетъ болѣе справедливымъ взглянуть снисходительно на проступокъ, котораго значеніе часто не можетъ быть взвѣшено самимъ виновникомъ его; если же онъ будетъ искать только поводъ для обвиненія, то нигдѣ нельзя найдти его такъ легко и скоро, какъ въ области мысли и слова. Прежняя комиссія, допустивъ подобныя соображенія, старалась строго разграничить *вредъ*, наносимый распространеніемъ извѣстной идеи, отъ ея безвреднаго состоянія, когда она не выражается вовнѣ и публично. Въ первомъ случаѣ, законодательство можетъ карать, опредѣливъ тотъ или другой критеріумъ вреда, а въ послѣднемъ, какъ я уже сказалъ, оно напрасно и безполезно вторгалось бы въ совѣсть отдѣльнаго лица.

Прежняя и новая комиссія, вводя реформу въ наше законодательство о печати, допускаетъ и отвѣтственную и предупредительную ценсуру. Повидимому такая неопредѣленность доказываетъ нежеланіе перейдти прямо къ новому порядку, можетъ быть, не желаніе поставить литературу еще въ болѣе тяжелое состояніе, чѣмъ изъ какого она выходитъ. Такое соображеніе легко могло представиться на основаніи слѣдующихъ обстоятельствъ: во первыхъ, справедливость отвѣтственной ценсуры обусловливается характеромъ суда, которому будетъ подвергаться виновный. До введенія гласнаго судопроизводства, даже съ тѣми ограниченіями, какія сдѣланы относительно политическихъ преступленій, настоящая форма нашего судопроизводства не соотвѣтствуетъ требованіямъ той быстроты и безпристрастія, какія необходимы для рѣшенія дѣлъ по печати. Ни одинъ издатель и редакторъ періодическаго изданія, преданные суду, не могутъ выдер-

жать всѣхъ канцелярскихъ проволочекъ, почти неизбѣжныхъ теперь. Во вторыхъ, какую бы гарантію справедливости не представлялъ самый разборчивый, быстрый и гуманный судъ, но онъ не убережется отъ произвольныхъ толкованій печатнаго слова, потому что въ немъ, какъ мы уже замѣтили, все зависитъ отъ личнаго взгляда судьи и степени его развитіа. Пока не выработалась у насъ юридическая практика этого рода, было бы опасно подвергнуть всѣхъ отвѣтственной системѣ. И потому независимымъ періодическимъ изданіямъ предоставляется на выборъ остаться подъ надзоромъ предупредительнаго цензора или подчиниться отвѣтственной системѣ.

Мы убѣждены, что на первый разъ всякое періодическое изданіе, желающее сохранить побольше независимости въ своихъ мнѣніяхъ, предпочтетъ предупредительную цензуру. Подальше отъ грѣха, скажутъ редакторы и останутся на прежнемъ положеніи. Но если при отвѣтственной системѣ главную роль будетъ играть органъ судебной и административной власти, то для предупредительной—попрежнему цензоръ. Конечно, можно избрать такихъ цензоровъ, что каждый издатель и редакторъ согласится лучше нести личную отвѣтственность; и обратно можно устроить такой судъ и ввести такія административныя взысканія, что всякій предпочтетъ подчиниться предупредительному порядку. Опять все зависитъ отъ того, насколько правительство пожелаетъ независимости и свободы общественнаго мнѣнія, выражаемаго въ печати.

Относительно залоговъ, которые будутъ обязаны вносить издатели повременныхъ изданій, новая комиссія уменьшила ихъ итоги. Такъ для ежедневной газеты вмѣсто 5000 р. опредѣляется 2800 р.; для изданія, выходящаго не рѣже одного раза въ недѣлю — 1500 р., вмѣсто прежнихъ 3000 р.; для изданія, выходящаго два раза въ мѣсяцъ и рѣже—1200 р. вмѣсто прежнихъ 2000 р. Такое измѣненіе было вызвано отчасти тѣмъ соображеніемъ, что издатели у насъ почти всѣ люди бѣдные; а богатыхъ, которые бы предпринимали изданія con amore доселѣ народилось очень не много. Во всякомъ случаѣ, эта мѣра не замедлитъ обнаружить свое дѣйствіе на нашихъ періодическихъ изданіяхъ....

Въ какомъ бы видѣ ни явился новый уставъ о книгопечатаніи,

но ожиданіе его составляетъ самый насущный предметъ для литературы. Неопредѣленность ея отношеній къ цензурѣ и къ обществу тяготитъ и ту, и другую сторону. Это чувствуется всѣми, кто хоть нѣсколько участвуетъ въ движеніи силоамской воды нашего книгопечатанія. И нѣтъ сомнѣнія, что хорошее примѣненіе всякаго новаго закона много зависитъ отъ самаго общества, отъ его способности отнестись умно къ дѣлу, которое касается его высшихъ интересовъ. Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемся съ старой пѣсней о самодѣятельности нашего общества.

Въ нашемъ обществѣ происходитъ, въ числѣ прочихъ, одно страшное недоразумѣніе. Возьмите любую руководящую статью любого изъ такъ называемыхъ либеральныхъ органовъ; если эта статья трактуетъ объ отношеніяхъ нашего общества къ какому либо изъ касающихся его дѣлъ, то въ этой статьѣ всенепремѣнно доказывается польза общественной самодѣятельности, иниціативы и т. д. Вникая же въ дѣло поглубже, мы находимъ, что въ самомъ обществѣ лежитъ какое-то неизлечимое отвращеніе къ самодѣятельности, о которой мы, повидимому, вздыхаемъ день и ночь. Это отвращеніе, между прочимъ, объясняется разъединеніемъ силъ и не умѣньемъ соединять ихъ для общаго дѣла. Въ этомъ неумѣньи мы видимъ главнѣйшую причину плачевнаго сосстоянія нашихъ обществъ и компаній. Съ 1856 года явилось много предпріятій, проектовъ и всевозможныхъ компаній, но почти всѣ они умерли прежде своего рожденія или остались жалкими недоносками. Отчего это?—спрашиваютъ люди, которые попробывали на своихъ карманахъ, что значитъ наша общественная самодѣятельность. Оттого, господа, что мы народъ не привыкшій понимать и дѣйствовать въ духѣ общихъ интересовъ. Объяснимся примѣромъ: положимъ, что составляется общество для проведенія желѣзной дороги по какому нибудь направленію; собираются члены, вносится капиталъ, открываются торжественныя засѣданія, пишется уставъ, нагоняется цѣлый полкъ секретарей и чиновниковъ, и что же потомъ оказывается?—что члены этого общества, при вступленіи въ него, вовсе не думали о постройкѣ желѣзной дороги, какъ о дѣлѣ общемъ, и каждый думалъ только о себѣ и соображалъ только свои личные интересы. Что же выходитъ? Повторяется басня лебедя, рака и щуки:—общество расползается врозь и въ барышахъ остаются

только тѣ, кто шелъ погрѣть свои руки насчетъ общественнаго предпріятія. Эту черту, выражающую крайнее неуваженіе къ общественнымъ дѣламъ и полнѣйшее отсутствіе соціальнаго чувства, мы можемъ прослѣдить въ тысячи самыхъ разнообразныхъ случаевъ. Другая причина, разумѣется, заключается въ крайне ограниченномъ полѣ дѣятельности, т. е. въ неимѣніи тѣхъ общихъ сферъ, гдѣ могли быть примѣнены соединенныя силы дѣятелей, И этотъ недостатокъ чувствуется на каждомъ шагу. Еще недавно мы обнаружили порывъ къ независимой дѣятельности на пользу саморазвитія, стали учреждать школы, составлять общества для развитія народа, начались сборы на эту благую цѣль подъ предлогомъ спектаклей, концертовъ и т. д. Но все это такъ и остановилось на первомъ словѣ. Нынѣ общественная самодѣятельность проявляется преимущественно на пристаняхъ пароходовъ, въ случаѣ неаккуратности компаній и тутъ не рѣдко встрѣчается господинъ, призывающій строго къ отвѣтственности предъ обществомъ—кассира, толкующій о необходимости контроля общества надъ тѣми, кто управляетъ его увеселеніями. Неужели же на этомъ и остановится наша общественная инищіатива? Нѣтъ! въ этомъ утѣшаютъ насъ пермскія губернскія вѣдомости, гдѣ мы сейчасъ прочитали, что въ Перми больше чѣмъ гдѣ либо ощущается потребность образованія «юридическаго общества». Пермскія губернскія вѣдомости изложили въ краткихъ чертахъ предполагаемыя основанія для учрежденія такого общества, въ которомъ могли бы образоваться дѣятели, нужные для того края. Основаніе это состоитъ въ томъ, чтобы желающіе приготовить себя теоретически и практически къ судебной дѣятельности вносили небольшую сумму въ годъ на покупку юридическихъ книгъ; чтобы члены общества, для обмѣна своихъ знаній, собирались раза два въ недѣлю; чтобы обществу, для практическаго ознакомленія съ судопроизводствомъ дано было право брать изъ судебныхъ мѣстъ дѣла и разбирать ихъ въ своихъ собраніяхъ, и также предлагать свои совѣты тяжущимся за самое умѣренное вознагражденіе. Противъ этого проекта могутъ возражать, что безъ опытнаго руководства и систематическаго изложенія права, какъ науки, трудно воспользоватся научными и практическими матеріалами и пріобрѣсть основательныя свѣдѣнія. Этого нельзя оспаривать; но основаніе предположеннаго юридическаго общества все-таки очень желательно. Нельзя ожидать, чтобы не только теперь, но и втече-

ніи еще долгаго времени, всѣ судебныя должности у насъ были заняты людьми, окончившими полный курсъ наукъ въ университетѣ. А между тѣмъ, судебная практика крайне страдаетъ отъ недостатка развитости въ лицахъ, ею занимающихся. Пусть бы занимающіе судебныя должности или готовящіеся къ судебной практикѣ почитали бы себѣ, хоть безъ руководства, сколько нибудь раціональное изложеніе юридическихъ началъ. За невозможностью пользоваться иностранными сочиненіями по этой части, пусть почитали бы хоть немногія отечественныя произведенія по этой части: все лучше, чѣмъ ничего. Научное изложеніе заразительно; оно всегда имѣетъ вліяніе на мыслительное развитіе человѣка; умъ привыкаетъ къ раціональности, отвыкаетъ отъ рутины. А то напримѣръ—страхъ сказать!—у насъ еще доселѣ недиковинка встрѣтить служащаго, по-видимому, неглупаго человѣка, который признаетъ пользу извѣстнаго рода понудительныхъ мѣръ, для добытія признанія преступника. Надо желать, чтобы у насъ основалось побольше такихъ взаимно-образовательныхъ обществъ не только по части юридическихъ, но и другихъ наукъ. Для того, чтобы отъ нихъ была польза, необходимо только одно—чтобы члены ихъ имѣли порядочное общее образованіе. Иначе, они не совладаютъ съ тѣмъ запасомъ свѣденій, который представится имъ въ ученыхъ трактатахъ. Кто знаетъ, быть можетъ, изъ такихъ взаимно-образовательныхъ обществъ выходили бы у насъ люди съ болѣе прочнымъ и самостоятельнымъ, а главное — болѣе специальнымъ образованіемъ, чѣмъ какимъ могутъ похвалиться многіе изъ получившихъ по экзаменамъ формальныя удостовѣренія о своихъ знаніяхъ. Конечно, руководство профессора незамѣнимо, и тѣ многочисленные слушатели въ нашихъ университетахъ, которые не довольствуются записками профессора и аккуратнымъ посѣщеніемъ его лекцій, и ищутъ въ немъ наставника для самостоятельной работы, которые на экзаменѣ могутъ отвѣчать не по лотерейнымъ билетамъ програмы, а выдержать настоящее испытаніе въ видѣ разговора или диспута, неограниченнаго строго-указаннымъ конспектомъ,—такіе молодые ученые станутъ всегда выше самыхъ талантливыхъ и ревностныхъ самоучекъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе будутъ подѣльнѣе тѣхъ университетскихъ слушателей, которые удовольствовались пріобрѣтеніемъ только требуемой отъ нихъ поверхностной и ничуть неспеціальной подготовки, которые шли въ

университетъ за дипломами и привиллегіями, а не за познаніями и развитіемъ. Мы положительно думаемъ, что основаніе многочисленныхъ обществъ по разнымъ спеціальностямъ, подобныхъ тому, какое предполагается въ Перми, повело бы къ самымъ хорошимъ результатамъ. Независимо отъ распространенія познаній въ массѣ и отъ приготовленія значительнаго числа спеціалистовъ (замѣтимъ, что юридическая спеціальность едва ли не легче всѣхъ прочихъ изучается по книгамъ), эти общества принесли бы еще ту несомнѣнную пользу, что они содѣйствовали бы къ сближенію между людьми одной профессіи, а чрезъ то и къ сплоченію въ извѣстной степени части мыслящаго и развитого населенія извѣстной мѣстности. А это чрезвычайно важно. У насъ жалуются, что нѣтъ общественнаго мнѣнія, нѣтъ ничего общаго ни въ дѣйствіяхъ, ни даже въ желаніяхъ лицъ, живущихъ въ одной мѣстности и находящихся въ сходномъ между собою положеніи, что все наше общество не соединено никакими общими идеями, общими стремленіями; но для того, чтобы люди сознали свою солидарность, необходимо, чтобы они пріучились дѣйствовать вмѣстѣ хоть на какомъ нибудь пунктѣ дѣятельности. Сверхъ того, самая личность, если она встрѣчаетъ въ какомъ либо кружкѣ не формальное стѣсненіе своей свободы, а напротивъ сочувственную поддержку, истекающую изъ солидарности, — становится сильнѣе противъ всякихъ внѣшнихъ, непріязненныхъ напоровъ. Ассоціація изъ десяти человѣкъ сильнѣе, чѣмъ десять разъединенныхъ личностей; и сверхъ того, въ ассоціаціи, быть можетъ, удесятеряется и энергія каждой отдѣльной личности. Въ кружкѣ, связанномъ одной мыслью, человѣкъ находитъ иногда огражденіе отъ произвола сильнаго; во всякомъ же случаѣ утѣшеніе въ случаѣ невозможности борьбы съ сильнѣйшимъ его человѣкомъ почерпаетъ то осмысленное терпѣніе, которое называется надеждой. По всѣмъ этимъ поводамъ, примѣненіе ассоціаціоннаго принципа въ возможно-большемъ размѣрѣ и во всѣхъ видахъ особенно желательно у насъ. Взгляните на Англію, Францію, Германію. Тамъ въ городахъ нѣтъ такого человѣка, который бы не былъ членомъ какого нибудь, а по большей части нѣсколькихъ обществъ. Онъ членъ церковнаго совѣта въ своемъ приходѣ, или совѣта мѣстной школы и библіотеки, членъ какого нибудь National-verein'a, членъ медицинскаго братства, общества для распространенія полезныхъ книгъ, для взаимнаго стра-

хованія и т. д. Всѣ эти частныя связи, не говоря уже о связяхъ оффиціальныхъ, сильно организованныхъ и обладающихъ какъ административными, такъ и политическими правами оффиціальныхъ обществъ: муниципалитетовъ, избирательныхъ общинъ и т. п. — стягиваютъ все населеніе въ нѣчто единое, сплошное и устойчивое. Общество, кристаллизованное въ группахъ, представляетъ твердость и солидарность, о которой нѣтъ и помину тамъ, гдѣ каждый человѣкъ живетъ особнякомъ и гдѣ общество разбивается какъ разорванная цѣпь на отдѣльныя кольца.

Но осуществится ли проектъ, изложенный Пермскими губ. вѣдомостями? Сомнѣваемся. Сомнѣваемся потому, что, какъ мы сказали выше, отъ нашего общества всѣ требуютъ самодѣятельности, а между тѣмъ всякая серьёзная попытка самодѣятельности доселѣ какъ-то неудается. Въ то время, когда она стала было зарождаться на нашей почвѣ и пустила слабые отпрыски, появилось много проектовъ объ образованіи обществъ, подобныхъ тому, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Эти неосуществившіяся общества назывались по большей части обществами «любителей просвѣщенія». Проекты ихъ учредителей могли быть несовершенны, но цѣль была самая близкая, осязательная: собирать деньги на изданіе народныхъ книгъ, на учрежденіе школъ, на открытіе популярныхъ курсовъ и т. п. Общества эти были предположены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Мы теперь помнимъ только проектъ костромскаго общества «любителей просвѣщенія»; но всѣ проектированныя общества, по мысли учредителей, были очень сходны между собою. Это одно уже доказывало сознаніе и потребность въ нихъ въ разныхъ концахъ Россіи, а слѣдовательно и полную естественность ихъ учрежденія. Мы можемъ только выразить сожалѣніе, что они не осуществились. За что же взяться? Мы «не созрѣли», стало быть нужны прежде всего школы. Но гдѣ же одному не связанному съ обществомъ человѣку создавать школу? Да еще у него, быть можетъ, и дипломато на этакое дѣло нѣтъ. Издавать популярныя книги? Онъ охотно внесъ бы нѣсколько рублей съ этой цѣлью въ общество; но издавать самому на эти нѣсколько рублей ничего нельзя, да и указаніе-то негдѣ найти: что издавать, если бы и были деньги. Итакъ остается ему сближаться съ народомъ только «духомъ», да развѣ под-

девку надѣть, для вящшаго поощренія народнаго россійскаго возрожденія, воспѣваемаго велімъ козлогласованіемъ г. И. Аксакова.

Но нигдѣ извѣстная басня лебедя, рака и щуки не повторилась съ такой осязательной правдой, какъ на нашемъ бѣдномъ обществѣ литературнаго фонда. Со времени своего основанія оно все идетъ назадъ и, кажется, скоро потеряетъ возможность даже идти назадъ. За чѣмъ существуетъ литературный фондъ—никто этого не знаетъ, кромѣ нѣсколькихъ почтенныхъ его членовъ. Какимъ наличнымъ капиталомъ обладаетъ литературный фондъ — это также немногимъ извѣстно. Какое участіе принимаетъ публика въ поддержаніи литературнаго фонда — думаемъ, что никакого, по той простой причинѣ, что она почти ничего не знаетъ о его распоряженіяхъ, —не знаетъ, кому именно онъ благотворитъ и какими соображеніями руководствуется въ опредѣленіи мѣры своего благотворенія. А извѣстно, что принимать горячее участіе въ томъ, чего не знаемъ, было бы уже слишкомъ щедро. Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, нашъ литературный фондъ страдаетъ общею болѣзнію со всѣми другими обществами и того и гляди, истощится отъ своего собственнаго худосочія? Развѣ не кому помогать? Но, кажется, въ числѣ нашихъ писателей, сколько извѣстно изъ исторіи литературы, рѣдкій не нуждался въ самомъ необходимомъ поддержаніи его трудовой жизни; многіе оставили свои семейства на произволъ судьбы, не обезпечивъ за ними, кромѣ честнаго имени, ни пенсіоновъ, ни наслѣдственнаго состоянія, хотя работали всю свою жизнь до истощенія силъ и умирали на тридцатомъ или сороковомъ году своего возраста. Правда, были и такіе, какъ напр. Булгаринъ, которые дописались до благосостоянія прочнаго и наслѣдственнаго, но такихъ счастливыхъ сочинителей можно насчитать не много, если даже принять во вниманіе и другихъ Булгариныхъ. Большинство же нашихъ писателей еще не поступило на даровые кормы и живетъ своимъ собственнымъ трудомъ, не имѣя ни за собой, ни передъ собой никакихъ заранѣе обезпеченныхъ синекюръ. Слѣдовательно помогать есть кому, были бы на то добрая воля и средства литературнаго фонда. Можетъ быть, мало находится желающихъ пользоваться благодѣяніями его? Но не надо забывать, что мы иначе и не жили, какъ на жалованьи и разными благотворительными средствами; слѣ-

довательно и съ этой стороны нѣтъ причинъ, подрывающихъ дѣятельность литературнаго фонда. По мнѣнію «Народнаго Богатства», причины эти заключаются въ самомъ составѣ Комитета, управляющаго дѣлами литературнаго фонда:

Благотворители, говоритъ эта газета, естественно, менѣе заинтересованы въ существованіи его и дѣятельности Общества, чѣмъ тѣ, которые могутъ быть и благотворимыми, въ особенности, если принять въ соображеніе, что самое Общество возникло подъ вліяніемъ *моды*, которая уже теперь прошла, и общество для большинства своихъ членовъ сдѣлалось тягостью и внушило имъ желаніе удалиться отъ участія въ немъ. Комитетъ, для наибольшаго оживленія его дѣятельности, долженъ быть составляемъ изъ двухъ противоположныхъ элементовъ, или партій: *сытой* и *голодной*; взаимодѣйтвіе ихъ только и можетъ сообщить жизнь и движеніе комитету. Теперь, кажется, въ комитетѣ преобладаютъ *сытые*, или даже исключительно его составляютъ; а извѣстно изъ пословицы: «сытый голоднаго не разумѣетъ».

Чтобы уравновѣсить арифметическое отношеніе между сытыми и голодными желудками, «Народное Богатство» предлагаетъ слѣдующую мѣру:

Предлагаемъ для обсужденія досужихъ членовъ Общества и для всѣхъ желающихъ слѣдующую мѣру, какъ источникъ доходовъ общества: по нашимъ законамъ всякая собственность, если послѣ ея владѣльца нѣтъ наслѣдниковъ, дѣлается выморочной, т. е, казенной, общественной; собственность литературная, сравненная по закону вообще съ движимымъ имуществомъ, также должна быть выморочной, но, конечно, казна далека отъ того, чтобы пользоваться выморочнымъ правомъ на произведенія литературы, послѣ умершаго писателя, если у него нѣтъ наслѣдниковъ, или они не желаютъ пользоваться этимъ правомъ.

Еели бы Общество испросило себѣ право пользоваться выморочной литературной собственностью и считать таковой тѣ произведенія, на которыя, вслѣдствіе публикаціи, не отыщется законныхъ наслѣдниковъ, то оно могло бы продавать въ свою пользу право на изданіе въ свѣтъ этихъ произведеній и приносить тѣмъ пользу, какъ себѣ, такъ и издателямъ и публикѣ.

Въ настоящее время есть такія творенія уже умершихъ писателей, которыя могли бы съ успѣхомъ быть изданы; но остаются нетрону-

тыми, потому что сами наслѣдники не желаютъ пользоваться правомъ, а издатели не знаютъ, кто именно эти наслѣдники, и гдѣ ихъ отыскать.

И такъ, чтобы увеличить матеріальныя средства литературнаго фонда, авторъ приведенной нами замѣтки совѣтуетъ *вымарывать* нѣкоторыя произведенія, на которыя не отыскивается наслѣдниковъ. Конечно, такія произведенія найдутся, но стоятъ ли они того, чтобы издавать ихъ въ свѣтъ? Притомъ такая мѣра можетъ быть принята только тогда, когда установится у насъ ясный и правильный взглядъ вообще на литературную собственность; а пока этого взгляда не существуетъ и онъ постоянно подвергается самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Вѣроятно, давно ожидаемый, новый цензурный уставъ не оставитъ этого важнаго вопроса безъ положительнаго опредѣленія и дастъ ему ту или другую юридическую форму, но до тѣхъ поръ литературная собственность у насъ признается только въ идеѣ. между тѣмъ практическое значеніе этого вопроса чувствуется на каждомъ шагу. Я совершенно увѣренъ, что если мною купленъ домъ, то никто не имѣетъ права выгнать меня изъ него; но я не увѣренъ, чтобы не лишиться права на изданіе, которому отданы лучшія мои силы и все мое состояніе. Само собою разумѣется, что за нарушеніе извѣстныхъ правилъ, строго обозначенныхъ въ законѣ, я могу подвергаться лишенію права на собственность; но тогда эти правила должны дѣйствительно существовать и полная отвѣтственность за соблюденіе ихъ должна быть перенесена на автора или издателя. Изъ всѣхъ юридическихъ правъ собственности право на умственный трудъ являлось послѣднимъ въ европейскихъ законодательствахъ и доселѣ еще не разработано, какъ слѣдуетъ, но никакое честное законодательство не оставалось къ этому вопросу совершенно равнодушнымъ. И это понятно; оставить человѣка, живущаго умственнымъ трудомъ, растроивающаго свои силы и здоровье напряженной работой головы и нервовъ — это значитъ отбить послѣднюю охоту вступать на эту карьеру; а такихъ охотниковъ и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ находится не много. Умственный трудъ тяжелъ и не всякому по силамъ; онъ требуетъ огромнаго приготовительнаго образованія, постоянно сосредоточенной жизни, иногда угрожаетъ опасностію въ изслѣдованіи новыхъ и спеціальныхъ вопросовъ. во всякомъ случаѣ трудъ, по вознагражденію своему, небла-

годарный, и потому люди мыслящіе и замѣчательные писатели составляютъ у каждаго общества каплю въ морѣ. И если это общество дѣйствительно дорожитъ своимъ образованіемъ и пе желаетъ преслѣдовать своихъ дѣятелей, то оно должно дать имъ просторъ для дѣятельности и обезпечить за ними право труда и слѣдовательно жизни....

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Роковое вліяніе лѣтнихъ мѣсяцовъ на русскую журналистику. — Рядъ весьма любопытныхъ явленій. — Самобичеваніе А. Григорьева, истерика Е. Туръ, и бѣгство Г. И. Кори. — Существовалъ ли когда нибудь Громека или являлось намъ одно привидѣніе въ его образѣ?—Галлюцинація Отечественныхъ Записокъ. — «Таинственное видѣніе А. А. Краевскаго» — Сцена въ стихахъ.—Крѣпостная муза г. Фета въ новомъ нарядѣ.—Разсужденіе о томъ, что его прежнія лирическія пѣсни были рядъ восторженныхъ гимновъ крѣпостному праву.—Его новыя пѣсни въ прозѣ и плачъ о пропавшихъ одинадцати цѣлковыхъ. — Шесть гусенятъ, вооружившихъ г. Фета противъ русской литературы. — *«Гнусныя валянья въ ногахъ»*, возмутившія помѣщика-публициста. — Выдуманные имъ штрафы. — Пѣсни во вкусѣ *новаго* Фета. — Греческій поэтъ Щербина въ обществѣ Бурачка и Аскоченскаго. — Брошюра г. Щербины о томъ, что наставниками народа должны быть пономари и дьячки, и о томъ, что наставники должны непремѣнно постомъ ѣсть постное и отрицать мясо. — Игривыя засѣданія въ московскомъ обществѣ любителей россійской словесности и остроумное сближеніе М. П. Погодина—нигилистовъ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ.—Вновь открытый секретъ безъ всякаго труда сдѣлаться литераторомъ или сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія» — Нѣкто г. П. Родіоновъ, выдающій чужія произведенія за свои собственныя — Новые благодѣтели рода человѣческаго гг. Блокъ и Быстротоковъ.—Каковы бываютъ у насъ мировые посредники!

Каждый проницательный наблюдатель долженъ непремѣнно замѣтить, что лѣтніе мѣсяцы имѣютъ какое-то роковое вліяніе на русскую журналистику. Въ прошломъ году едва наступилъ май мѣсяцъ, какъ острый воздухъ раздражилъ нервы озлобленныхъ журналистовъ и они предались азартному писанію противъ новѣйшихъ нигилистовъ, призывая на ихъ головы громы земные и небесные.

Нигилсты, по ихъ мнѣнію, были тогда причиной всевозможныхъ золъ; наводненія, голодъ, дурная погода — все это было, по ихъ указанію, дѣломъ рукъ нигилистовъ.

Такъ было въ прошломъ году. Едва прекратилась зима нынѣшняго года, какъ въ нашей журналистикѣ обнаружились новые припадки—припадки общаго самобичеванія и самоотреченія. Эта болѣзнь, причины которой еще не объяснимы, разомъ охватила ту половину журналистики, которая годъ назадъ ратовала противъ современнаго нигилизма.

Укажу теперь на рядъ такихъ весьма любопытныхъ явленій.

Съ наступленіемъ «лѣтняго сезона» филантропическій комитетъ литературнаго фонда отрекся отъ своей дѣятельности и выѣхалъ за городъ.

Аполлонъ Григорьевъ совершилъ литературное самоубійство, самъ наложилъ на себя руки, покаясь публично въ томъ, что онъ только безобразничалъ въ русской журналистикѣ.

Евгенія Туръ съ слезами раскаянія призналась въ томъ, что всѣ ея прежнія статьи о деспотизмѣ современной Франціи—есть сущій вздоръ, которому проситъ теперь не вѣрить.

Г. И. Кори отрекся отъ своего органа и бросилъ его на жертву двухъ членовъ ихъ прежняго тріумвирата.

Наконецъ—и здѣсь мы не надолго остановимся,—гг. Фетъ и Громека совершенно отреклись отъ самихъ себя.

Какъ вы думаете, любезный читатель, существовалъ ли г. Громека въ дѣйствительности? Мифъ онъ или нѣтъ?

Я увѣренъ, что такой вопросъ будетъ для васъ очень страненъ. Только на основаніи старой философской теоріи, что въ мірѣ ничего нѣтъ, а только *кажется*, что есть,—вы можете вѣрить въ мифическое существованіе г. Громеки; но вѣдь въ этомъ случаѣ вы не должны вѣрить ни въ одно существованіе.

Всѣ мы до сихъ поръ были увѣрены, что современную хронику «Отечественныхъ Записокъ» составлялъ г. Громека: объ этомъ было печатно объявлено отъ редакціи этого ученаго органа. Сѣверный гонитель нигилизма, изобрѣтатель новыхъ снарядовъ подъ названіемъ «бомбы отрицанія», авторъ «современной хроники» стяжалъ себѣ очень скоро курьезную извѣстность и его имя ни для кого не было тайною, и вдругъ что же открывается?—открывается, что суще-

ствованіе г. Громеки также спорно, какъ существованіе Гомера или желѣзной маски.

Читатель, вы все еще не вѣрите, но я ссылаюсь на свидѣтельство самихъ «Отечественныхъ Записокъ», которыя объявили, что напрасно русскіе журналы составленіе «современной хроники» приписываютъ г. Громекѣ, что онъ ихъ никогда не писалъ и что даже—таковъ смыслъ статьи—подлежитъ большому сомнѣнію самое существованіе г. Громеки.

— Но мы читали статьи за подписью г. Громеки! раздаются вокругъ голоса.

— Это была ваша галлюцинація! отвѣчаютъ «Отечественныя Записки.»

— А мы даже видѣли портретъ вашего хроникера.

— Галлюцинація, господа! продолжаютъ утверждать «Отечественныя Записки».

Итакъ мы должны знать, что передъ нами являлось привидѣніе, которое назвало себя г. Громекой. Мы теперь не имѣемъ права сомнѣваться въ возможности призраковъ, и хотя въ нашъ скептическій вѣкъ привиденія являются рѣдко, но я ссылаюсь на свидѣтельство исторіи, убѣждающей насъ въ ихъ возможности.

Бруту являлся призракъ убитаго имъ Цезаря.

Гёте въ своемъ ученіи о свѣтѣ, указываетъ на одинъ необыкновенный случай изъ собственной жизни. Однажды вечеромъ въ одномъ трактирѣ онъ пристально взглянулъ на вошедшую странную женщину съ чрезвычайно блѣднымъ лицемъ, черными волосами и въ красномъ корсетѣ. Когда она скрылась, онъ увидалъ на стѣнѣ черное лицо, окруженное свѣтомъ и тѣло въ зеленомъ платьѣ.

Такихъ примѣровъ можно привести множество.

Опираясь на исторію и на свидѣтельство «Отечественныхъ Записокъ», мы должны увѣровать теперь въ призрачность г. Громеки, который есть ничто иное, какъ созданіе пламеннаго воображенія Андрея Александровича Краевскаго. По всѣмъ вѣроятіямъ Андрею Александровичу однажды почудилось, что онъ открылъ новаго человѣка, новаго сотрудника для своего журнала, въ чемъ онъ и поспѣшилъ убѣдить и публику и журналистовъ.

Но прошла минута галлюцинаціи, повязка спала съ глазъ А. А. Краевскаго и онъ рѣшилъ, что Громека—мечта, несуществующій фантастическій образъ. Господа! узнайте же теперь:

Заклинанья, свистъ Громеки,
Много, много прозы
О погибшемъ человѣкѣ...
Это были грезы!
Страстныхъ хроникъ катакомбы,
Краснорѣчья розы,
Отрицающія бомбы...
Это были грезы.

Впрочемъ многіе эту журнальную мистификацію объясняютъ иначе, увѣряя, что ея участникомъ былъ самъ А. А. Краевскій.

О таинственномъ пребываніи г. Громеки въ Отечественныхъ Запискахъ сложилось цѣлое устное повѣрье, и чтобы оно не пропало безслѣдно для исторіи русской литературы, я заношу его въ свой дневникъ, какъ явленіе вообще выходящее изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ.

Повѣрье это разсказываетъ о слѣдующемъ необыкновенномъ событіи.

ТАИНСТВЕННОЕ ВИДѢНІЕ А. А. КРАЕВСКАГО.

Въ тѣ дни, когда Краевскій «Голосъ»
Еще не думалъ издавать,
И съ нигилизмомъ не боролась
Журналовъ доблестная рать;
Когда въ прогрессъ въ россійскомъ свѣтѣ
Мы стали вѣрить на обумъ,
Когда романъ «Отцы и дѣти»
Не взбрелъ Тургеневу на умъ;
Когда журналы гибли въ спорѣ
Отъ полемическихъ враговъ
И «Взбаломученное Море»
Не покидало береговъ,—
Въ тѣ дни, въ уныніи глубокомъ

Шепталъ Краевскій: «я одинъ!»
И на челѣ его высокомъ
Явилось множество морщинъ.

*
* *

Я все одинъ — ни въ комъ опоры!
Мой путь тяжелъ! онъ молвилъ вслухъ,
И вдругъ случайно поднялъ взоры:
Передъ нимъ стоялъ какой-то духъ.

Краевскій.

Зачѣмъ ты здѣсь? Я — видишь — занятъ!
Не спалъ три ночи и три дня.

Духъ.

Твой взоръ спокойный лишь обманетъ
Простыхъ людей, но не меня.

Краевскій.

Но кто ты?

Духъ.

Духъ.

Краевскій.

Чего ты хочешь?

Духъ.

Мнѣ жаль тебя — ты все хлопочешь,
И я-бъ хотѣлъ тебѣ помочь,
Для облегченья старой груди.
Чего желаешь, старецъ?

Краевскій.

Прочь!
Ты только духъ—мнѣ нужны люди;
Мнѣ нуженъ новый публицистъ,

Но не журнальный нищій—парій,
Который, испуская свистъ,
Беретъ за это гонорарій
И продаетъ печатный листъ.
Сотрудникъ нуженъ мнѣ рѣчистый,
Трудолюбивый, безкорыстный,
Писать готовый хоть за двухъ.
Кто жъ мнѣ поможетъ въ этомъ?

Духъ.

Духъ.

Краевскій.

Ты шутишь?

Духъ.

Слушай: въ годъ, не болѣ
Я оживлю твой вялый хоръ,
Явившись въ новой, строгой ролѣ,
Какъ публицистъ и хроникеръ;
Я буду—вѣрь—разнообразенъ,
Неистощимъ, уменъ, игривъ,
Порой—немножко безобразенъ,
Порой—совсѣмъ краснорѣчивъ.
Уйму журнальные содомы,
Надъ отрицаньемъ поглумлюсь
И, расточая всюду *громы*,
Громекой въ мірѣ назовусь.

Краевскій.

Я радъ... конечно... безъ сомнѣнья...
Но порицая иль хваля,
Какія жъ будутъ убѣжденья?..
Твои тенденціи?..

Духъ.

Helas!
Повѣрь мнѣ: истый литераторъ
Есть тотъ, кто нынче—либералъ,

А завтра — ярый консерваторъ:
Таковъ мой строгій идеалъ.
Тотъ только мудрость постигаетъ
Въ томъ только силы велики,
Кто убѣжденія мѣняетъ,
Какъ на ногахъ своихъ чулки.

***

И вотъ, въ журнальные абреки
Вступаетъ духъ, — и съ этихъ поръ
Подъ славнымъ именемъ Громеки
Писалъ воздушный хроникеръ,
А мы, презрѣнной персти дѣти,
Того не знали... Господа!
Узнайте всѣ — на этомъ свѣтѣ
Громека не жилъ никогда. —

Теперь посмотримъ, что сдѣлалось съ г. Фетомъ.

Фетъ нынѣшній и Фетъ минувшій!
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Литературный типъ г. Фета—типъ вообще очень поучительный. Разсматривая его дѣятельность, нельзя не замѣтить, что онъ принадлежитъ къ особенной плеядѣ писателей и пѣвцовъ, воспѣвшихъ сладость крѣпостного состоянія въ Россіи. Въ то время, какъ наше правительство думало приступить къ крестьянской реформѣ и ждало съ этой стороны помощи отъ либеральной русской прессы,—въ то время г. Фетъ поставилъ задачей своего лиризма разукрасить самыми яркими, соблазнительными красками нашу сельскую жизнь, жизнь простого русскаго человѣка. Его лирическія пѣсни есть рядъ восторженныхъ гимновъ крѣпостному праву. Прежде въ немъ этого не подозрѣвали и видѣли въ немъ просто объективнаго поэта, поющаго безъ всякой предвзятой идеи; но правительственная реформа,

сдѣлала свой великій шагъ впередъ, вдругъ освѣтила дѣятельность такихъ писателей, какъ г. Фетъ, и показала намъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ; показала намъ, какія гражданскія доблести такъ долго скрывались подъ ихъ поэтической скорлупой.

Маска была сорвана.

Въ то время, когда крѣпостное иго тяготѣло надъ русской жизнью, г. Фетъ въ жизни русскаго крестьянина видѣлъ только:

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья;

видѣлъ только однѣ праздничныя картины,

Серебро и колыханье
Сонпаго ручья;

Онъ мирился съ этой жизнью силился и насъ помирить съ нею. Все это мы объяснили въ тѣ времена особеннымъ свойствомъ поэтическаго дарованія г. Фета.

Но вотъ въ русской жизни пахнуло новымъ воздухомъ; началось освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Казалось бы краски фетовскаго лиризма должны были сдѣлаться еще ярче и веселѣе; но какъ безсознательный пѣвецъ крѣпостного права, г. Фетъ былъ застигнугъ въ расплохъ новой реформой, и новое положеніе дѣлъ не умилило его музу. Г. Фетъ бросилъ въ сторону лиру и сдѣлался публицистомъ. Въ Русскомъ Вѣстникѣ начали являться его статьи подъ рубрикой: «Изъ деревни».

Передъ нами является новый Фетъ—Фетъ обиженный, Фетъ взволнованный, Фетъ оскорбленый. Онъ не поетъ уже теперь: «шепотъ, робкое рыданье, трели соловья»; но у него вырываются другія мрачныя пѣсни:

Холодъ, грязныя селенья,
Лужи и туманъ,
Крѣпостное разрушенье,
Говоръ поселянъ,
Отъ дворовыхъ нѣтъ поклона,
Шапки на-бекрень,
И работника Семена
Плутовство и лѣнь.
На поляхъ—чужіе гуси,

Дерзость гусенятъ, —
Посрамленье, гибель Руси,
И развратъ, развратъ!..

Фетовская идиллія превратилась въ слезныя, раздирающія жалобы на злосчастное положоніе поэта.

Войдите, въ самомъ дѣлѣ, въ положеніе г. Фета; съ нимъ стряслись такія бѣды: у него, напримѣръ, едва не пропало *одинадцать* руб. и вотъ какимъ образомъ. Отдалъ онъ работнику Семену въ задатокъ двадцать руб., а работникъ пошелъ да и загулялъ на три дня. Фетъ тотчасъ къ мировому посреднику, который порѣшилъ, что онъ долженъ изъ задаточныхъ денегъ, отданныхъ Семену, получить обратно одинадцать цѣлковыхъ. Проходитъ мѣсяцъ, но г. Фетъ все еще не получаетъ своихъ денегъ.

— Мои деньги, мои деньги! кричитъ онъ, обращаясь къ мировому посреднику.

Наконецъ одинадцать цѣлковыхъ были имъ получены.

Но вотъ другое испытанное имъ несчастіе, ужаснѣе котораго и воображать невозможно. Представьте себѣ, что шесть дерзкихъ гусей съ гусенятами осмѣлились полакомиться пшеницей на полѣ г. Фета.

— Отмщенья мнѣ, отмщенья! возопилъ г. Фетъ и потребовалъ съ гусей, виноватъ — съ ихъ владѣльцевъ 60 яицъ за безчестіе.

О, гуси, гуси! васъ винимъ
И порицаемъ мы за это:
Спасали вы когда-то Римъ
А раззорили нынче Фета.

За преступленіе, сдѣланное этими гусями, г. Фетъ дѣйствительно получилъ 60 яицъ.

Пойдемъ дальше. Скоро ему представился случай испытать новую систему домашняго исправленія мужицкой нерадивости посредствомъ штрафовъ. Однажды случилось, что крестьянскіе мальчики, пасшіе лошадей г. Р., сосѣда г. Фета, допустили ихъ зайти въ поле, принадлежащее г. Фету. По его распоряженію, лошади эти были взяты въ плѣнъ и оставлены подъ арестомъ впредь до выкупа.

Далѣе, чтобъ не измѣнить впечатлѣнія, приведу слова самого автора:

«Первыми парламентерами явились виновники, мальчишки-табунщики. Я имъ объявилъ на отрѣзъ, чтобъ они несли по двацати коп. сер. за лошадь,—всего рубль шестьдесятъ коп. сер.; и что безъ этого лошади будутъ кормиться у насъ на ихъ счетъ.

«Съ тѣмъ они и ушли.

«Не смотря на сырую погоду и мѣстами стоявшія лужи, я вышелъ въ поле посмотрѣть на всходы кормовыхъ травъ. Возвращаясь, вижу на гумнѣ коллосальную фигуру крестьянина. Вѣрно за лошадьми, подумалъ я и не ошибся.

— «Отпустите лошадокъ, явите божескую милость, завопилъ онъ еще издали: мальчишка-то мой ихъ пасетъ. Такъ теперь нашъ баринъ скажетъ: выручайте, какъ хотите. Лошади-то господскія. А и барину-то обидно будетъ,за тѣмъ—что мы вашу скотину ловили да отдавали. (Дѣйствительно, скотникъ упустилъ однажды быка къ Р-мъ и выпросилъ его обратно, не сказавъ мнѣ ни слова).

— «Напрасно отдавали! Я только объ одномъ прошу всѣхъ сосѣдей: ловите мою скотину и берите законный штрафъ. За то и я никому безъ штрафа не отпускаю.

— «Да оно точно, батюшка. Вѣдь вотъ и крестьянскихъ нашихъ насчитали у васъ сорокъ лошадей; вотъ вы съ нихъ-то и возьмите. Полно имъ озорничать по чужимъ дачамъ. А ужъ барскихъ-то отпустите. По вѣкъ этого не увидите. Тогда хоть по два рубля съ лошади берите.

— «Я беру по положенію, а не по своей волѣ, и ты хоть до завтра толкуй, а рубль шестьдесятъ коп. штрафу неси. Безъ этого нѣтъ лошадей.

— «Сдѣлай же милость, батюшка! и коллосъ шлепнулся въ грязь на колѣни».

Здѣсь наше общее негодованіе равняется, вѣроятно, тому негодованію, которое овладѣло въ ту минуту г. Фетомъ, который такимъ образомъ продолжаетъ свой язвительный разсказъ:

«Я махнулъ рукою и пошелъ по направленію къ дому, а мужикъ продолжалъ выводить: — Батюшка, да гдѣ же намъ взять рубль шестьдесятъ коп. Оглянитесь на мужицкія слезы!

«Видя, что я ухожу, мужикъ всталъ и догналъ меня у крыльца.

— «Ваше благородіе, хоть что нибудь!..

«Какъ и всегда, эта продѣлка надоѣдала мнѣ.

— «Ну, слушай, шестьдесятъ коп. тебѣ спущу, а рубль неси!

— «Батюшка! оглянись на мужицкія слезы!

— «Эхъ, братъ, ты пришелъ лазаря пѣть, а мнѣ некогда.

«Приэтомъ я пошелъ на крыльцо.

— «Ваше благородіе, надо же намъ расходиться.

— «Я тебѣ сказалъ.

— «Стало, получайте рубль.

«Съ этими словами мужикъ вынулъ изъ-за пазухи ассигнацію. Смотрю... новенькая... и... *красненькая!!!*»

Вы прочли этотъ разсказъ и видите, что

Сатира и мораль смыслъ этого всего.

Вопль: оглянитесь на мужицкія слезы, жалобы на бѣдность и на неимѣніе рубля сер. и наконецъ вынутая красненькая!.. Мало развѣ всего этого, чтобы отравить жизнь чистаго духомъ поэта, безславно погибающаго въ борьбѣ съ неразвитымъ и грубымъ человѣчествомъ.

Огорченный своими убытками, г. Фетъ объясняетъ свои несчастія общимъ невѣжествомъ, пристрастіемъ мирового посредника, а главное зловреднымъ направленіемъ современной журналистики. Наше искусство, говоритъ онъ — есть только одинъ *мочальный хвостъ съ кислымъ запахомъ рогожи.*

И такъ, милостивые государи, узнаете ли вы теперь вашего прежняго, спокойнаго и всѣмъ довольнаго поэта? Узнаете ли вы его музу, знакомую когда-то только съ однѣми кипридами и афродитами, а теперь погрузившуюся въ море житейскихъ дрязгъ, сельскихъ убытковъ и штрафовъ? Узнате-ли вы г. Фета?—спрашиваю я васъ.

Не дождаться намъ теперь отъ г. Фета его прежнихъ пѣсенъ, а если и запоетъ онъ, то не будетъ уже больше предаваться безцѣльному лиризму, но затянетъ лирическія пѣсни съ новымъ гражданскимъ отливомъ, вотъ въ слѣдующемъ родѣ:

СЕРЕНАДА.

Солнце спряталось въ туманѣ.
Тамъ, въ тиши долинъ,
Сладко, смирно спятъ крестьяне —
Я не сплю одинъ.
Лѣтній вечеръ догораетъ,

Въ избахъ огоньки,
Майскій воздухъ холодаетъ...
Спите, мужички!

* * *

Этой ночью благовонной,
Не смыкая глазъ,
Я придумалъ штрафъ законный
Наложить на васъ.
Если вдругъ чужое стадо
Забредетъ ко мнѣ, —
Штрафъ платить вамъ будетъ надо...
Спите въ тишинѣ.

* * *

Если въ полѣ встрѣчу гуся,
То (и буду правъ)
Я къ закону обращуся
И возьму съ васъ штрафъ;
Буду съ каждой я коровы
Брать четвертаки,
Чтобъ стеречъ свое добро вы
Стали, мужички:

Или же будетъ слагать пѣсенки въ такомъ родѣ:

НА НИВѢ.

Тучной нивой иду; колосистая рожь
Словно волны, кругомъ колыхается,
Въ каждомъ колосѣ ржи мой хозяйственный грошъ,
Точно въ банкѣ — въ рубли обращается.
На зеленой травѣ засверкала роса,
Вспыхнулъ пурпуромъ западъ пылающій,
Мглистой дымкой одѣлись кругомъ небеса...
Вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ управляющій.
Обтирая свой потъ, показалъ мнѣ Ѳаддѣй,
Какъ роскошною нашею нивою
Изъ сосѣдней деревни табунъ лошадей
Мчался, быстро взмахнувъ своею гривою.
— Изловить весь табунъ! я въ волненьи кричалъ
— И держать его впредь до взысканія!..
Мой болѣзненный слухъ не шутя возмущалъ
Конскій топотъ и конское ржаніе.

Я уже сказалъ, что двойственная дѣятельность такихъ писателей, какъ г. Фетъ, явленіе вовсе не случайное. Онъ не одинъ въ своемъ родѣ и мы можемъ указать еще на одного поэта, котораго можно поставить съ нимъ рядомъ.

Помните ли вы, господа, то время, когда г. Щербина являлся передъ публикой, съ своими греческими стихотвореніями и воспѣвалъ волосы Береники и ногу Аспазіи. То время прошло невозвратно. Г. Щербина скрылся куда-то съ поля русской словесности и мы нигдѣ долго не встрѣчали его имени.

Въ наше время весьма любопытно наблюдать, куда, къ какому лагерю примкнетъ тотъ или другой литературный дѣятель прежнихъ лѣтъ; а потому нельзя было не обратить вниманія на г. Щербину, когда вновь раздался его голосъ.

Увы! г. Щербину соблазнила литературная слава гг. Бурачка, Беллюстина и Аскоченскаго, и онъ смѣло примкнулъ къ ихъ лагерю, издавъ свою брошюру «о народной грамотности и устройствѣ возможнаго просвѣщенія въ народѣ». Брошюру эту вызвало предполагаемое устройство учительскихъ семинарій, противъ которыхъ возсталъ г. Щербина и старался доказать, что дьячки и пономари — есть самые лучшіе и полезные наставники народа! Г. Щербина приходитъ въ ужасъ при мысли, что казенные городскіе учителя *будутъ ѣсть мясо по постамъ*.

Какъ ни благоразумны, какъ ни справедливы мнѣнія г. Щербины, но нельзя не замѣтить, что они не ему принадлежатъ, а взяты изъ статьи г. Беллюстина: «Религія въ дѣлѣ воспитанія и образованія». Какъ ученикъ г. Беллюстина, г. Щербина заслуживаетъ поощренія; но не имѣетъ никакого значенія, какъ самобытный публицистъ.

Всю свою статью г. Щербина почерпнулъ изъ слѣдующихъ замѣчательныхъ афоризмовъ г. Беллюстина:

«Человѣкъ родится поврежденнымъ».

«Воспитаніе требуетъ разныхъ мѣръ строгости дисциплины, чтобъ его исправить».

«Современные спеціалисты науки и знаменитости литературы не всегда владѣютъ сокровищемъ здраваго смысла».

И вотъ, рядомъ съ авторомъ этихъ изреченій, г. Щербина вступаетъ въ новую эру своей литературной дѣятельности, и поднимаетъ важный вопросъ: могутъ-ли учителя народныхъ школъ ѣсть постомъ мясо?

Читатель задумывается. Да, объ этомъ, дѣйствительно, стоитъ задумываться.

Въ Москвѣ, члены «общества любителей россійской словесности» по прежнему продолжаютъ забавляться разными словопреніями, доходящими часто до игривости. Какъ и всегда игривостью этой особенно отличается М. П. Погодинъ. Недавно, на одномъ изъ засѣданій этого общества, онъ, желая задѣть нигилистовъ (нигилисты ихъ все еще очень безпокоютъ), нечаянно, помимо—собственной воли, высказалъ свое глубокое уваженіе къ нигилистамъ, и если бы послѣдніе сколько нибудь цѣнили тонкую похвалу Михаила Петровича, то его рѣчь ихъ навѣрно бы утѣшила. Очень жаль, что нигилисты не обращаютъ никакого вниманія на московскаго отставного профессора и литератора!..

Читая въ «обществѣ люб. рос. словесности» разсужденіе о заслугахъ Кирилла и Меѳодія, г. Погодинъ весьма неожиданно поставилъ параллель между ихъ дѣятельностію и дѣятельностью... кого бы вы думали?—дѣятельностью нигилистовъ. Какъ не бранитъ московскій ученый нигилистовъ, но самая идея подобной параллели уже показываетъ степень его тайнаго уваженія къ послѣднимъ.

«Они—ничего (говоритъ онъ),—ничего, не только въ сравненіи съ дѣйствіями Кирилла и Меѳодія, но и вообще ничего! Неужели они думаютъ, что горячешнымъ ихъ бредомъ, наполняющимъ современные листы, которые разноситъ ежедневно вѣтеръ, можетъ удовлетвориться русскій, добрый, толковый, православный народъ? Неужели же они думаютъ, что изъ ихъ *ничего* можетъ произойти *что нибудь* путное, дѣльное. E nihilo nihil fit, кромѣ развѣ нигилистовъ, погрязающихъ въ своемъ ничтожествѣ. Туда имъ и дорога!»

Что вы скажете объ этой тирадѣ? Вѣдь въ устахъ М. П. Погодина сопоставленіе такихъ именъ, какъ Кириллъ и Меѳодій рядомъ съ нигилистами—многозначительно. Лишь только ради шутки, напр. мы могли бы провести параллель между Михайлами Погодиномъ и Лонгиновымъ—и Кирилломъ и Меѳодіемъ, или же сравнить г. Громеку

съ Цицерономъ, а г. Скарятина съ Кромвелемъ или Вильгельмомъ Телемъ. Но какъ извѣстно, шутки въ обществѣ любителей россійской словесности не допускаются; туда вульгарныя улыбки и ироніи входа не знаютъ; а потому сравненіе Михайла Петровича нужно понимать въ строгомъ смыслѣ слова. Нужно теперь только удивляться тому, какъ ученые, никогда неулыбающіеся «любители» не поняли одного, что М. П. своимъ сравненіемъ оскорбилъ память первыхъ просвѣтителей Россіи. Ихъ близорукость и недогадливость можно объяснить только тѣмъ, что существованіе нигилистовъ и днемъ и ночью тревожитъ ихъ старческое воображеніе, и они ко всему, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, сами готовы приплести ненавистное для нихъ имя.

«Ничто не ново подъ луною», рѣшили многіе русскіе журналисты и писатели, и вспомнивъ эту старую истину, рѣшились перепечатывать за-ново старыя статьи изъ самыхъ старѣйшихъ изданій. Мы уже знаемъ о продѣлкахъ гг. Апол. Григорьева и Григоровича, которые изъ *писателей* сдѣлались *переписывателями*, вторично перепечатывая свои прежнія произведенія. Мы совершенно впрочемъ въ этомъ случаѣ понимаемъ положеніе такого древняго писателя, какъ А. Григорьевъ, понимаемъ тѣ причины, которыми онъ руководствовался въ своихъ перепечаткахъ. Сотрудничая нѣкогда въ какомъ-то допотопномъ изданіи, онъ совершенно справедливо полагалъ, что и въ тѣ времена его статей никто не зналъ, а въ настоящее время онѣ и подавно должны ѝдти за-ново; тѣмъ болѣе, что А. Григорьевъ, какимъ былъ во времена прозябанія «Маяка» и «Москвитянина», такимъ остался и теперь, шагу впередъ не двинувшись. Логически А. Григорьевъ остался правъ: пусть себѣ повторяетъ зады...

Но войдите теперь въ положеніе молодого писателя, который, желая идти по стопамъ А. Григорьева, не можетъ дѣлать перепечатокъ по той простой причинѣ, что онъ никогда ничего не писалъ и не печа-

талъ. Что жъ ему дѣлать? Вновь писать — и скучно, а главное— нѣтъ умѣнья, а авторское слово между тѣмъ заманчиво... Что ему дѣлать въ такомъ случаѣ?

На этотъ вопросъ даетъ положительный отвѣтъ нѣкто Н. Родіоновъ, который всѣмъ неопытнымъ юношамъ предлагаетъ рецептъ— за дешевую цѣну добыть себѣ если не славу, то хоть названіе автора.

Рецептъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ наставленій:

Возьми какой нибудь иностранный романъ или повѣсть и вообрази, что авторъ ихъ—ты самъ. Вообразивши это, ты уже сдѣлаешь половину дѣла.

Если этотъ романъ уже переведенъ на русскій языкъ, то трудъ твой будетъ облегченъ еще больше.

Прочтя переводъ этого романа, выбери изъ него нѣсколько главъ или сценъ по собственному усмотрѣнію.

Французскія имена дѣйствующихъ лицъ назови русскими именами.

Чтобъ совершенно отвести глаза разнымъ непрошенымъ обличителямъ, дай этому отрывку особое названіе и сдѣлай нѣкоторыя вставки, почерпнутыя или изъ географіи Арсеньева или изъ исторіи Смарагдова. Такъ напр. если дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ, то скажи, что этотъ городъ стоитъ на рѣкѣ Темзѣ и что въ этомъ городѣ живутъ англичане, народъ промышленный и предпріимчивый.

За тѣмъ подпиши подъ чужимъ сочиненіемъ свое имя и обратись съ рукописью къ какому нибудь неопытному и юному редактору, въ родѣ г. Бобарыкина. Рукопись будетъ напечатана и ты получишь титло литератора: И дешево, и сердито.

Свѣдѣнія эти я почерпнулъ изъ... (едва не сказалъ я собственной), статьи Н. Родіонова, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», подъ названіемъ: «Наши похожденія» (будто бы изъ заграничныхъ писемъ). Строго слѣдуя своему рецепту, г. Родіоновъ не прямо обнаруживаетъ тайну своего литературнаго заимствованія, а начинаетъ съ весьма замѣчательныхъ новостей изъ французской исторіи, доселѣ кромѣ шутокъ никому неизвѣстныхъ.

Такъ увѣряетъ онъ, что «въ Луврѣ совершилась роковая варфоломеева ночь»; что Генрихъ (IV) Беарнскій былъ братъ (!!) Карла IX. Здѣсь я привожу только два историческіе факта, которые *сочинены* самимъ г. Родіоновымъ; что же касается до остальныхъ историческихъ свѣдѣній, то надо отдать г. Родіонову справедливость—

онъ выписалъ ихъ вѣрно и точно изъ любого краткаго учебника. Но тутъ дѣло собственно не въ исторической точности, а въ хитромъ маневрѣ, придуманнымъ авторомъ статьи «Наши похожденія». Главная задача г. Родіонова состояла въ томъ, чтобъ обмануть читателя и выдать извѣстное произведеніе французскаго писателя Ксавье де Монтепена—«Любовныя побѣды Нарцисса Мистраля»—за свое собственное созданіе. Романъ этотъ былъ уже переведенъ на русскій языкъ въ «Карманной библіотекѣ» Прейса, такъ что г. Родіоновъ былъ даже избавленъ отъ труда перевода съ одного языка на другой: онъ только позаботился о томъ, чтобъ исказить легкій языкъ романа на свой образецъ съ славянскимъ запахомъ, а главнаго героя изъ Нарцисса перекрестилъ въ Луку Ивановича. На сколько искусно г. Родіоновъ распорядился съ чужимъ произведеніемъ, выдавъ его за свое собственное, можно видѣть изъ слѣдующихъ приведенныхъ здѣсь отрывковъ.

Французскій текстъ.

— Она надѣется, что вы не будете сердиться на нее за то, что она не сдержала слова, такъ какъ это совершенно не зависило отъ нея.

— Переданное такими прекрасными устами, отвѣчалъ Нарциссъ, горе мое кажется мнѣ менѣе великимъ...

Молодая женщина, нѣсколько покраснѣвъ, улыбнулась и возразила:

— Госпожа де-Леспаръ болѣе несвободна, милостивый государь, она замужемъ. Мужъ ея ревнивъ, какъ цѣлая стая тигровъ... Она должна быть осторожной, чтобы не компрометировать себя страшно. Она васъ любитъ, я этого не скрою отъ васъ...

— Правда?! вскричалъ съ восхищеніемъ Нарциссъ.

— Совершенная правда!

— О, счастіе! могу ли я предложить вамъ вопросъ, сударыня?

— Почему же нѣтъ?

Оригинальное сочиненіе г. Родіонова.

— Она поручила выразить вамъ сожалѣніе, ея досаду на эту непредвидѣнную помѣху... Она надѣется на ваше снисхожденіе.

На щекахъ Луки Ивановича, пристально глазѣвшаго все время на молодую собесѣдницу, заиграла краска.

— Мнѣ это передано такой прекрасной поручительницей, что я охотно... Позвольте вашу ручку?

Молодая женщина смутилась.

—Графиня несвободна, сказала она, не отвѣчая на послѣднія слова:—ея мужъ ревнивъ, какъ бенгальскій тигръ; она должна дѣйствовать тонко, осторожно... Она васъ любитъ, я отъ васъ не скрою...

— Неужто?! вырвалось у Луки Ивановича; но онъ торопился присовокупить:—я ей весьма благодаренъ; это для меня такая честь, что я можно сказать, не стою... Позвольте

— Какимъ же образомъ началась эта любовь? Я полагаю, не сегодня ночью.

— Конечно.

однако освѣдомиться, сударыня, съ какого числа длится эта... эта привязанность? Я имѣю основаніе полагать, что не совчерашняго же вечера?

— О, безъ сомнѣнія!

Изъ Монтепена.

— Вы также добры, какъ и прекракрасны! воскликнулъ Нарциссъ, до того опустившійся на одно колѣно,— но вставая; о, сударыня! позвольте поцаловать васъ!

Изъ Родіонова.

— Прошу извиненія! выразилъ Лука Ивановичъ, крѣхтя, подымаясь съ полу: — а въ знакъ примиренія позвольте васъ поцаловать.

А вотъ для параллели и другой еще отрывокъ:

— Перестаньте

— О, позвольте!

— Вы опять начинаете? На этотъ разъ это будетъ непростительно.

— Хорошо, пусть такъ... не бойтесь; но скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, когда я увижусь съ ангеломъ моей жизни, госпожею де-Леспаръ?

— Скоро.

— Это слишкомъ неопредѣленно.

— Ну, такъ можетъ быть даже завтра.

— Завтра?

— Я сказала: можетъ быть.

— Но все-таки я имѣю право надѣяться?

— Конечно.

— Мнѣ можно будетъ представиться ей въ ея отелѣ?

— Нѣтъ.

— Какъ??

— Я вамъ уже сказала и повто-

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, кричала она въ то время, когда сырыя губы Луки Ивановича уже чмокали ея залѣвшуюся щеку, а руки крѣпко обхватывали вздрагивающія, молодыя плечи. — Вы опять!

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, будьте благонадежны! Но скажите, когда же, когда узрю я мою жизнь, мое счастіе очаровательную графиню (*).

— Скоро.

— То есть, какъ скоро?

— Можетъ быть, завтра.

— Завтра?

— Я сказала, можетъ быть.

— Одначе, могу-ли питать надежду?

— Можете питать.

— Гдѣ же увидѣть бы ее?

— О, будьте покойны: она сама укажетъ способъ.

— Какъ? какимъ образомъ?

(*) Родіоновъ даже не постыдился въ другомъ мѣстѣ своихъ выписокъ оставить безъ всякаго измѣненія самое имя графини де-Леспаръ. (См. стр. 19).

ряю, что моя подруга далеко не свободна; вслѣдствіе этого ей невозможно принять васъ у себя, исключая непредвидѣнныхъ обстоятельствъ...

— Но въ такомъ случаѣ, гдѣ я съ ней встрѣчусь?

— Будьте покойны... она найдетъ средство.

— Точно-ли она найдетъ?

— Она поищетъ и найдетъ; не сомнѣвайтесь въ этомъ.

— Она сама, — какимъ образомъ?

— Она напишетъ вамъ.

— Она мнѣ напишетъ!! Но когда?

— Завтра, а можетъ быть и сегодня вечеромъ.

Нарциссъ не могъ удержаться отъ крика: онъ подскочилъ, завертѣлся и въ сумазбродномъ опьяненіи принялся отплясывать монгольскую макарбскую, или марсельскую пляску, навѣрное вовсе незнакомую всѣмъ профессорамъ хореографіи цѣлаго свѣта.

Госпожа де-Сентъ-Джемсъ смотрѣла на него съ полнымъ изумленіемъ.

Онъ остановился только тогда, когда не хватило дыханія.

— Васъ вѣрно укусилъ тарантулъ, господинъ виконтъ? спросила его молодая женщина.

— Женщина, которая любитъ, всегда находчива; поищетъ—найдетъ случай!

— Какъ же я-то узнаю? отъ кого?

— Отъ нея самой.

— Какъ, то есть, отъ нея?

— Она вамъ напишетъ.

— Напишетъ! Будетъ писать! Да когда только?

— Завтра, сегодня, можетъ статься.

Лука Ивановичъ всполошился; онъ вскочилъ со стула, на которомъ его давно подмывало и завертѣлся по комнатѣ, увлекая съ собой и молодую хозяйку. При этомъ онъ подпѣвалъ:

Ай да, Феня, моя Феня,
Феня ягода моя!

Та помирала со смѣху:

— Въ вашемъ медвѣжьемъ сѣверѣ, въ Россіи, спросила она сквозь слезы,—всегда такъ радуются?

Итакъ въ бѣдной русской журналистикѣ появился еще новый типъ, типъ литературныхъ камелій. Чтожь? милости просимъ! Для такихъ гостей у насъ ворота отворены. Будь чѣмъ угодно въ этой гостепріимной журналистикѣ — вопіющей бездарностью, мѣднымъ лбомъ, лазутчикомъ, будочникомъ—только не будь нигилистомъ. Мы все простимъ литературному новобранцу....

Ошибаются очень многіе, думая, что только одна филантропія научаетъ людей дѣлать что нибудь для пользы ближнихъ. «Въ пользу ближнихъ» мы часто наживаемъ *себѣ* состояніе и капиталы. Всюду

Насъ окружаетъ толпа благодѣтелей,

предлагающихъ и продающихъ намъ свою помощь и свои выдумки. Вотъ хоть бы г. Блокъ, избравъ своей спеціальностью научать людей хорошему и красивому почерку, и въ накладѣ не остался, не остался безъ поощренія и благодарности. Мнѣ случилось прочесть объявленіе подъ игривымъ названіемъ: «красивый почеркъ есть капиталъ», въ которомъ восемь господъ печатно выражаютъ свою признательность г. Блоку за то, что онъ въ теченіи шести часовъ научилъ ихъ красивому почерку.

Итакъ, всѣмъ имѣющимъ скромное, незатѣйливое желаніе — красиво подписывать свою фамилію (а это для многихъ непослѣднее наслажденіе въ жизни), благодѣтельное изобрѣтеніе г. Блока оказываетъ несомнѣнную услугу. Но вотъ въ чемъ дѣло: бываютъ такіе случаи, что человѣкъ, научившійся довольно грамотно и четко писать по русски, на этомъ не останавливается, но заражается новою страстью— сдѣлаться *сочинителемъ* и увидѣть свое имя—въ печати. Чѣмъ въ такомъ случаѣ пособить горю? Иной пороги обилъ по редакціямъ всѣхъ газетъ и журналовъ, но всыду получалъ свои толстыя рукописи обратно.

Благодѣтель нашелся и для тагого калибра людей. Недавно мнѣ попалась въ руки прелестная печатная прокламація слѣдующаго содержанія:

«Арсеній Амвросіевичъ Быстротоковъ,

«Жительство имѣетъ на набережной р. Мойки, на углу Фонарнаго переулка, въ домѣ Воронина, въ квартирахъ пѣвчихъ Исакіевскаго Собора, въ С. Петербургѣ.

«Занимается литературой духовнаго и свѣтскаго содержанія. Гг. иногороднихъ, имѣющихъ подъ руками готовыя статьи, или только матеріалы для статей различнаго содержанія, и желающихъ оныя отпечатать, покорнѣйше проситъ обращаться по вышеозначенному адресу».

Радуйтесь же и ликуйте всѣ непризнанные писаки, одержимые бѣ-

сомъ писанія, всѣ праздношатающіеся, исписавшіе на своемъ вѣку груды бумаги:—для васъ наступилъ праздникъ.

Долго, долго за отвѣтами
По редакціямъ газетъ
Беззаконными кометами
Вы блуждали: ты, поэтъ,
Въ тьмѣ незнанья прозябающій,
Не смотря на сѣдину,
Въ длинныхъ виршахъ воспѣвающій
Дѣвъ, природу и луну;
Вы, писатели бездомные
Непопавшіе въ печать,
Но романы многотомные
Преуспѣвшіе писать;
Вы, творцы изъ канцеляріи
И изъ земскаго суда,
Вы, гонимые, какъ паріи,—
Всѣ сбирайтеся сюда,
Путь для поприща широкаго
Открываетъ вамъ теперь
Господина Быстротокова
Всѣмъ распахнутая дверь.
Журналисты ненавистные
Больше вамъ ужъ не страшны,
И тетради рукописныя
Вы нести къ нему должны.
Смолкнутъ прежнія проклятія
Рокъ не будетъ такъ жестокъ,
И раскроетъ вамъ объятія
Гуттенберговскій станокъ.

Мы перенесемся теперь въ провинціальный міръ.

Первая наша встрѣча въ этомъ мірѣ—съ пензенскимъ мировымъ посредникомъ. Не смотоя на важную роль, какую занимаютъ мировые посредники въ дѣлѣ крестьянскаго вопроса, намъ очень часто случается встрѣчать между ними людей съ нравами и замашками

крутогорскихъ чиновниковъ. Нѣсколько времени тому назадъ, мировые посредники только тѣмъ и отличались у насъ отъ членовъ городской или земской полиціи, что даромъ получали отъ г. Калиновскаго «Свѣточъ»; теперь же, когда «Свѣточъ» угасъ, и это послѣднее различіе угасло.

Какого сорта люди попадаютъ часто въ мировые посредники, я узналъ изъ слѣдующаго случая.

Знаю я одного молодого чиновничка, который принадлежитъ къ типу тѣхъ полуотупѣвшихъ канцелярскихъ писцовъ, для которыхъ высшая задача существованія состоитъ въ томъ, чтобъ на службѣ переписать докладъ безъ подчиски, а во внѣ службы сшить себѣ новую пару пантолонъ и общитать извощика или хозяйку. Чиновничекъ, о которомъ я говорю, былъ именно такой: тупость его только тѣмъ и была выносима, что молчалива и добродушна. Онъ постоянно всюду молчалъ или ухмылялся во все свое глупое лицо. Онъ жилъ очень бѣдно, потому что, имѣя семью, служилъ гдѣ-то въ департаментѣ съ жалованьемъ 12 рублей въ мѣсяцъ.

Недавно я его встрѣтилъ какимъ-то сіяющимъ; онъ, видимо, еще болѣе даже, чѣмъ прежде, отупѣлъ отъ своей радости.

— Что такое съ вами случилось? спросилъ я.

— Мѣсто получилъ-съ.

— Какое же?

— Мирового посредника въ в—ой губерніи.

Я просто онѣмѣлъ отъ удивленія и въ первую минуту не повѣрилъ его словамъ. Но онъ былъ правъ; онъ дѣйствительно получилъ это мѣсто, хотя я очень сомнѣваюсь, чтобъ этотъ будущій мировой посредникъ зналъ о томъ, что въ Россіи послѣдовало уничтоженіе крѣпостного состоянія.

Можете себѣ представить, какой мировой посредникъ выйдетъ изъ этого идіотика?

Возвращусь теперь къ пензенскому мировому посреднику и къ нѣкоторымъ его распоряженіямъ. Письмо г. N изъ Пензы, помѣщенное въ Голосѣ (*), даетъ намъ для этого матеріалы.

Въ одной изъ волостей керенскаго уѣзда, волостной старшина отличался удивительной способностью никогда не быть трезвымъ; его художественная способность заразила также волостного писаря, ко-

(*) Голосъ № 152.

торый считалъ тотъ день потеряннымъ, когда онъ не былъ пьянъ. Одно изъ сельскихъ обществъ нѣсколько разъ объясняло мировому посреднику, что для нихъ весьма неудобны эти волостные поклонники Бахуса. Мировой посредникъ на жалобу эту не обратилъ никакого вниманія. Такъ прошло почти два года. Однажды, когда крестьянамъ нужно было обратиться по дѣламъ къ волостному старостѣ и писарю, они, какъ и всегда, нашли ихъ занимающимися спиртовыми возліяніями и совершенно неспособными ни на какую работу.

Это окончательно возмутило поселянъ, и они тотчасъ же рѣшили написать жалобу къ мировому посреднику съ просьбою дать имъ другого старшину и писаря. И вотъ общими силами было написано прошеніе и за подписью тридцати человѣкъ съ тремя выборными было отправлено къ мировому посреднику. Посредникъ встрѣтилъ ихъ словами Фамусова:

А, бунтъ! я такъ и жду содома!...

и объявилъ, что для разбора ихъ жалобы онъ пожалуетъ къ нимъ самъ... Черезъ нѣсколько дней онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ въ селеніе. Все село, узнавъ объ его пріѣздѣ, сошлось около той избы, гдѣ онъ остановился.

И вотъ тутъ начинается домашняя расправа посредника.

Прежде всего онъ крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Къ чему собралось сюда цѣлое село? Идите по домамъ!.. Мнѣ нужны только тѣ тридцать человѣкъ, которые подписали прошеніе.

Мужики возразили на это, что просьба подана отъ лица всего міра, а подъ просьбой только потому подписались тридцать человѣкъ, что они считали достаточнымъ числомъ этихъ подписей.

Посредникъ возвысилъ голосъ до начальнической ноты.

— Повторяю, что всѣ должны идти по домамъ. Я буду только говорить съ этими тридцатью крестьянами. Остальные маршъ по избамъ!..

Удивленная, растерявшаяся толпа не двинулась съ мѣста.

Посредникъ быстро обратился къ становому съ трагическимъ восклицаніемъ:

— Теперь уже ваше дѣло принять свои мѣры!..

Судя по восклицанію посредника, вы пожалуй подумаете, что случилось нѣчто въ родѣ демонстраціи, волненія?.. ничуть не бывало.

Становой приставъ вошелъ въ толпу, и она черезъ минуту разбрѣлась въ разныя стороны, говоря: «мы тебѣ, батюшка, вѣримъ—ты по правдѣ живешь».

Всѣ разошлись. Передъ посредникомъ осталось только тридцать рукоприкладчиковъ къ прошенію. Тутъ новѣйшій Соломонъ разсудилъ такъ: ужъ если я мировой посредникъ, то долженъ мирить между собою враждующія стороны; а потому потребовалъ, чтобъ рукоприкладчики тотчасъ же, въ его присутствіи, покаялись (въ чемъ?) и просили прощенья у волостнаго старшины (въ чемъ? не въ томъ ли, что онъ пьяница)?

— Если же, заключилъ онъ свою рѣчь, вы не хотите этого, то должны внести по три цѣлковыхъ штрафу.

Какъ вамъ нравится такое рѣшеніе?

Мужики по общему невольному побужденію объявили, что они лучше внесутъ штрафъ. Деньги были собраны, и тѣ изъ крестьянъ, у которыхъ не было наличныхъ денегъ, подверглись описи своихъ имуществъ, для уплаты штрафа, придуманнаго мировымъ посредникомъ.

Судъ былъ конченъ. Волостные старшины и писарь продолжали попрежнему предаваться своимъ возліяніямъ.

СОДЕРЖАНІЕ ЯНВАРЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

II. **Внутреннія дѣла.**—Борьба за франкмасонское общество.—Направленіе французской литературы, принимаемое вслѣдствіе законовъ о прессѣ.—Графъ Кастелланъ—герой 2-го декабря.—Новый парижскій архіепископъ.—Бѣдствія рабочихъ классовъ въ провинціяхъ. — Частная благотворительность и духовенство—противъ нея,—III. **Юридическая хроника.**—Процессъ по вопросу: могутъ ли женщины быть наборщиками въ типографіяхъ? Такъ называемый процессъ **пятидесяти.**—Процессъ мнимой отцеубійцы, г-жи Дуазъ. IV. **Клерикальныя извѣстія.**—Раздача индульгенцій и іезуитская пропаганда.

Домашняя лѣтопись.

Общественная самодѣятельность среди бездѣятельности; отчего у насъ нѣтъ людей способныхъ, — оттого что мы — *народъ будущаго*. — Замѣтка изъ исторіи нашего законодательства. — Начало постоянныхъ законодательныхъ работъ.—Ихъ результаты. — Лиризмъ нашей эпохи. — Центральность и частныя попытки. — Совѣщательность съ обществомъ по законодательной части.—Запросы чиновникамъ.—Посторонніе проекты. — Литература.—Разрѣшеніе главныхъ вопросовъ.—Проекты для преобразованія судебной части.—Способъ ихъ составленія.—Элементы иностраннаго законодательства.—Практическая сторона дѣла.—Историческія записки. — Собраніе государственной канцеляріи и юристовъ.— Особая коммисія и ея обращеніе къ частнымъ лицамъ.—О раздѣленіи имперіи на судебные округи.—Руководительныя свѣденія по этой части. — Значеніе статистики и отчетовъ. — Могущія быть ошибки при развитіи «Основныхъ Положеній». — О совпадаемости административнаго раздѣленія имперіи съ судебнымъ.—Встрѣчающіяся при этомъ неудобства.—Судопроизводство должно требовать наименьшихъ денежныхъ издержекъ.

О казачествѣ.—Казакъ А. К. т...въ

Дневникъ Темнаго человѣка.

Не всякая *благонамѣренность* — *благонамѣренна,* афоризмъ, подсказанный мнѣ опытомъ. — Сходство судьбы Темнаго человѣка съ участью короля Оттона. — Новый годъ и новое тысячелѣтіе. — Взглядъ назадъ на движеніе русскаго прогресса. — Гимнъ тысячелѣтію. — Ясные признаки нашего десятивѣковового существованія. — Мѣсяцесловъ на 1863 годъ и его скептицизмъ. — Мертваго человѣка можно ли считать живымъ? — Греческій вопросъ наизнанку. — Образчики нигилизма во вкусѣ героя Мижуева. — Сѣверная Пчела и ея *внутренніе* собственные корреспонденты.—Эпилогъ къ роману «Отцы и Дѣти». — Кому помогли петербургскіе пожары? — Примѣръ наивной довѣрчивости.—Невозможный слухъ о «Занозѣ», мною блистательно опровергаемый. — Что новаго въ Петербургѣ? — Воспоминаніе о лѣтнихъ мѣсяцахъ и о посѣщеніи Петербурга японскимъ посольствомъ. — Желчная эпиграмма, непопавшая въ цѣль. — Мода давить людей на улицѣ рысаками. — Петербургскіе танцовальные вечера и увеселенія. — *Пусть по ночамъ до денницы*—колыбельная пѣсня. — Безнравственность Петербурга и строгость Московскихъ нравовъ. — *Мужскія* кадрили и танцы безъ женщинъ.—Нашествіе ежедневныхъ газетъ и мой новогодній сонъ.—Литературные слухи. — Въ театрѣ: на сценѣ и за кулисами.—Театральный комитетъ и его заслуги и услуги.—Легатовскіе драматурги и пѣшія и конныя представленія Александринскаго театра. — Драматическіе жеребцы и ихъ первый дебютъ.—Мои театральные стансы.—Гамлетъ на русской сценѣ въ новомъ переводѣ М. Загуляева.—Нѣчто о шалостяхъ «россійскаго общества любителей садоводства».—Пѣсня «*о полиціи въ сердцѣ*», посвящ. Н. Ф. Павлову.—Опытъ безцеремоннаго обращенія съ наукой.—Вѣсти изъ г. Симбирска. — Градоправитель «*Городка*» и нѣкоторыя его ображенія.—Борисоглѣбскій почтмейстеръ, какъ жертва суровой гласности.

СОДЕРЖАНІЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

пейскихъ журналовъ, сочувствующихъ рабовладѣльцамъ.—Италія. Раттацци—довѣренный большинства палаты, партіи дѣйствія Людовика Наполеона и Виктора Еммануила.—Проектъ его относительно перенесенія итальянской революціи изъ Италіи въ Грецію и Венгрію.—Союзъ республиканизма съ роялизмомъ и имперіализмомъ.—Уничтоженіе плана Раттацци.—Обида, нанесенная народу, и скрѣпленіе дружбы двухъ монарховъ.—Крестовый походъ въ Римъ.—Тираннія, ненуждающаяся въ солдатахъ, и популярное правительство, принужденные для поддержанія своей популярности прибѣгнуть къ военной силѣ.—Торжество Раттацци и его паденіе. Что теперь дѣлаетъ Гарибальди?—Внутреннее положеніе Италіи.

Домашняя лѣтопись.

Чѣмъ интересуется наше общество? Общія свойства нашихъ журналовъ.—Говядина и телятина, какъ современные интересы петербургскаго населенія.—Причины общественнаго индиферентизма.—Взаимныя отношенія общества и литературы.—Время скандаловъ, какъ пища для нашихъ публицистовъ, миновало.—Отсутствіе общественыхъ интересовъ.—Неудачные опыты самодѣятельности нашего общества.—Мѣры о понужденіи общества къ самодѣятельности.—Проектъ положенія о новомъ городскомъ устройствѣ.—Общественное мнѣніе и примѣры, доказывающіе его слабость.—Просвѣщеніе какъ якорь спасенія.—Вѣрно ли это? По нашему мнѣнію однимъ просвѣщеніемъ ничего нельзя сдѣлать.—Проектъ преобразованія земскихъ учрежденій.—Наше мнѣніе по этому предмету.—Проектъ преобразованія народныхъ училищъ.—Подробный разборъ этого проекта.—Исторія народнаго *обученія* въ Россіи.—Заключительные выводы изъ нея.—Основанія новаго проекта.—Системы для народнаго образованія во Франціи, Пруссіи и Англіи.—Сравненія нашей системы съ англійской.—Свободное открытіе училищъ и ограниченіе относительно лицъ, открывающихъ училища.—Отношеніе по этому предмету общества и училищнаго совѣта.—Причины антипатіи народа къ грамотности.—Печальныя послѣдствія грамотности.—Недостатокъ образовательныхъ пособій въ народной литературѣ.—Плачъ помѣщиковъ о барщинѣ.—Объ условіяхъ хозяйства съ вольнонаемнымъ трудомъ. Затрудненія.—Артели рабочихъ и подрядчики, какъ пособія для организаціи свободнаго труда. Возможность иниціативы въ этомъ дѣлѣ помѣщиковъ.—Польское дѣло.—Послѣднія извѣстія.—Лангевичъ и его циркуляръ.

Дневникъ Темнаго Человѣка.

Слово къ потомкамъ. — Петербургъ и его физіологія. — Нѣсколько словъ о *водобоязни* с. петербургскаго общества водопроводовъ.—Подвиги *водяного* правленія.—«Сонъ въ руку».—Акціонерная пѣсня.—А. И. Кронъ и его предложеніе обществу. — Петербургскіе книгопродавцы и ихъ торговля.—Дюфуръ и его продѣлка. — Находчивый маклеръ.—Изгнаніе женщинъ изъ Петербургскаго университета. — Эпизодъ изъ жизни русскихъ студентовъ.—Аммосовъ, его статьи и печи. — Врачи-благотворители въ максимиліановской лечебницѣ.—Московскія сельско-хозяйственныя бесѣды въ обществѣ сельскаго хозяйства. — *Бесѣдовать*—значитъ *молчать*. — «На Кузнецкомъ мосту»—Сцена изъ московскихъ нравовъ.—Дворянскіе и купеческіе выборы въ Москвѣ и ихъ курьеры. — Городской голова, запирающій выборныхъ подъ замокъ.—Наши новости. — Г. Стелловскій, остановившійся на *якорь*.—Новый замѣчательный талантъ въ журналѣ *Время*.—Гг. Скарятинъ и Юматовъ, отказавшіеся отъ своего пола и вступившіе въ сестры милосердія.—Лекціи профессора отъ розогъ и философіи г. Юркевича. — Пропажа вагона въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ.—Опытъ сюжетовъ для произведеній будущихъ русскихъ писателей. — Вѣсти изъ провинціи. — Скромность провинціаловъ. — Волга и ея редакторъ. — Русскіе журналы предъ судомъ Черниговскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей.—Воронежскій прогрессъ и его уличные тореадоры.—Оренбургскіе киргизы во фракахъ и мундирахъ.—Странный случай самовозгаранія въ кассѣ Кронштадтскаго театра.—Какихъ крестьянъ можно считать *зажиточными*?

СОДЕРЖАНІЕ МАРТОВСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

германскаго сейма.—Споръ въ этой странѣ между палатою депутатовъ и министерствомъ.—Выходки Бисмарка.—Онъ мѣняется ролями съ своимъ монархомъ.—Различіе во взглядахъ на королевское достоинство между прусскимъ народомъ и его правителемъ.—Противоположность между политикою австрійскою и прусскою.

Домашняя лѣтопись.

Состояніе нашей общественной дѣятельности въ послѣднее время.—Наклонность удовлетворяться.—Толки о войнѣ.—Польское возстаніе.—Политическая сторона польскаго вопроса и его національное значеніе.—Отношеніе Наполеона III къ польскому возстанію.—Освобожденіе дворовыхъ.—Несчастное положеніе ихъ при существованіи крѣпостного права.—Отказъ дворовымъ въ надѣлѣ земли.—Грустныя послѣдствія, которыя могутъ произойдти изъ этого отказа.—Разбой и грабежи вслѣдствіе голода въ архангельской губерніи.—Голодъ въ губерніяхъ вологодской и пермской.—Бѣдствія работниковъ въ оренбургской губерніи.—Причины этихъ бѣдствій.—Положеніе нашего рабочаго класса.—Кризисъ произведенный въ ихъ положеніи съ переходомъ на вольный трудъ.—Безсиліе филантропіи исправить соціальное зло.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Указъ правительствующему сенату отъ 17-го апрѣля. Несправедливость тѣлесныхъ наказаній.—Цѣль, которую должно имѣть въ виду всякое гуманное законодательство.—Зависимость числа преступленій отъ экономическаго быта общества.—Мнѣніе сотрудника газеты «Голосъ» о народномъ образованіи.—Неудачная ссылка его на Бокля.—Мнѣніе Бокля объ этомъ предметѣ.—Проектъ устава рязанскаго общества распространенія грамотности и образованія въ народѣ.—Сущность народнаго образованія въ Англіи.

Дневникъ темнаго человѣка.

Нашествіе нигилистовъ на русскую землю.—Свистуны на табачной фабрикѣ М. М. Достоевскаго.—Новый романъ, обидѣвшій публику.—Общество литературнаго фонда и его дѣла.—Канцелярская филантропія.—Члены благотворительнаго комитета не благотворящіе во время «лѣтняго сезона».—Могутъ ли люди болѣть и умирать лѣтомъ?—Московское общество любителей россійской словесности и его засѣданія.—Плачъ о старыхъ людяхъ.—Слово объ «отцахъ и дѣтяхъ» М. Лонгинова.—Философскія лекціи профессора Юркевича въ Москвѣ.—Исторія анонимнаго письма и острота московскаго философа.—«Старые знакомые» шутка-водевиль въ стихахъ.—Петербургскія новости.—Литературные вечера.—Промышленность новаго рода.—Проектъ чрезвычайнаго литературно-музыкальнаго вечера.

СОДЕРЖАНІЕ АПРѢЛЬСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика.

Теченіе французской исторіи уподобляется теченію рѣки Роны. — Что такое всеобщая подача голосовъ второй имперіи? — Старое и новое поколѣніе Франціи. — Выборы депутатовъ и зависимость ихъ отъ правительства. — Невозможность оппозиціи въ французской палатѣ. — Пять независимыхъ депутатовъ еще не составляютъ дѣйствительной оппозиціи. — Политика Наполеона III; внѣшняя и внутренняя сторона ея или соединеніе въ одномъ лицѣ Макіавелли и Наполеона I. — Спекуляція дижонскихъ монаховъ чудесами. — Замѣненіе вольтеровскаго кресла въ французской академіи господиномъ Карне вмѣсто г. Литре.

Домашняя лѣтопись.

Застой въ производительности нашего народнаго труда.—Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1863 годъ.—Относительная льготность или обременительность народныхъ податей, по сравненію русскаго государственнаго бюджета съ англійскимъ. Статья нѣкоего моряка, перепечатанная во «Времени» подъ заглавіемъ: «Нуженъ ли намъ флотъ?»—Курьезныя доказательства, приведенныя г. морякомъ въ подтвержденіе необходимости флота.—Что нужно для нормальнаго развитія морскихъ силъ, и чего недостаетъ у насъ для этого развитія?—Проектъ объ устройствѣ «Учительскихъ Институтовъ.»—Мнѣнія нашихъ педагоговъ о народномъ образованіи по поводу этого проекта.—Спартанскій коммунизмъ костромского епископа Платона.—Могутъ ли «Учительскіе Институты» приготовить учителей для народа?»—И есть ли дѣйствительная потребность въ этихъ институтахъ? — Кто долженъ оплачивать народное образованіе—государство или общество?

Дневникъ темнаго человѣка.

Наступленіе петербургской весны. — Контрабанда или невское солнце. — Наша флора и русскіе пѣвцы, ей измѣнившіе. — Слухъ о новой весенней серенадѣ г. Щербины. — «Русскій Вѣстникъ», какъ богадѣльня для престарѣлыхъ вдовъ и литературныхъ содержанокъ. — «Мрачная элегія», посвященная русскимъ поэтамъ. — Нѣчто о шляпкахъ и о женской эмансипаціи.—Моя весенняя пѣсня о дѣйствіяхъ правленія Общества царскосельской желѣзной дороги. — Система «глазомѣра», введенная правленіемъ общества. — Годовое собраніе общества и польза протестовъ. — Г. Очкинъ, уступающій свое директорское кресло дамѣ. — «Два хора» — акціонерная пѣсня. — Родословная русскаго прогресса. — Сюжеты изъ міра фантазіи. — Дмит. Бенардаки и его управляющій. — Весенніе пророческіе сны. — «Голосъ» и его мнѣніе о личномъ оскорбленіи. — Пензенскіе жандармы. — Нѣсколько экземпляровъ изъ міра педагоговъ. — Г. Дмитрій Соболевскій начинаетъ исправляться. — Симбирская полиція. — Канцелярская разсѣянность. — Революція почтоваго чиновника.

СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Литературное обозрѣніе.

ОТДѢЛЪ III.

Современное обозрѣніе.

Политика. Жакъ Лефрень.

Франція: Продолженіе выборовъ во Франціи. — Недовѣріе императорскаго правительства къ свободнымъ выборамъ націи. — Взглядъ буржуазіи на современное состояніе дѣлъ. — Нѣтъ свободы, но много порядка. — Мнѣніе г. Геру, выражающее мнѣніе большинства французскаго общества.— Австрія: Послѣднія реформы ея. — Признаніе голштинскаго герцогства независимымъ, и отношеніе Даніи къ Германіи. — Пруссія: Закрытіе парламента и дальнѣйшее поведеніе правительства въ отношеніи народа. — Друзья короля — первые его недруги. — Воинственный азартъ консервативной прусской партіи. — Англія: Смерть военнаго секретаря Корнваля Льюиса. — Поведеніе англійской аристократіи въ американскомъ вопросѣ.

Домашняя лѣтопись.

Нѣсколько словъ по поводу указа 17-го апрѣля. — Урокъ любителямъ розогъ и тѣлесныхъ истязаній вообще. — Услуги современной филантропіи. — Ея лицемѣріе и несостоятельность. — Она можетъ только развить нищету, а не искоренить ее. — Примѣръ Англіи, гдѣ филантропія достигла крайняго предѣла безсилія и поощряетъ одно лишь преступленіе. — Число преступленій въ Россіи. — Воровство — слѣдствіе нищеты. — Нелѣпости экономистовъ-англомановъ. — Непростительная шалость г. Бабста — Зловоніе Петербурга и вновь открытый способъ уничтожать его. — Настоящая причина зловонія — наше невѣжество. — Послѣднія новости.

Дневникъ темнаго человѣка.

Бѣлыя финскія ночи и ихъ пѣвцы.— Итальянскія ночи, созданныя для любовниковъ, а невскія—для городовыхъ.— Афоризмъ М. Бурбонова.— Петербургъ лѣтомъ.—Лѣса, выросшіе на улицахъ.—Разрушенныя улицы.— Участь бѣдныхъ городскихъ дѣтей. — Городъ, построенный для однихъ подагрическихъ старцевъ.— Городскіе сады.— Проэктъ г. Альварда объ устройствѣ публичныхъ садовъ, и Дума, отвергающая этотъ проэктъ.— Русская жизнь и судьба русскихъ женщинъ.— Прогулка съ моими читательницами —Общество въ вагонѣ царскосельской желѣзной дороги. — Отголоски общественнаго мнѣнія — Нѣчто о *павловскомъ* журналѣ и *павловскомъ* воксалѣ. — Публика *слушающая* и *подслушивающая* Іоганна Страуса.—*Преданіе объ И. И. Излерѣ.* Лѣтняя пѣсня.— «Минеральныя Воды» и ихъ увеселительные вечера.—Прежняя *Ассамблея*—теперешній *Хуторокъ*.—Гулянья на островѣ *Тиволи*.— Безопасныя прогулки по Невѣ.— *Сватьба*, сцена въ стихахъ (съ натуры)— Петербургскія сомнамбулистки.— Мой первый визитъ къ ясновидящей.— Сеансъ первый.— Провинціальныя извѣстія.— Цѣломудренный педагогъ въ юбкѣ— Библія, какъ безнравственная книга для дѣтей.— Безгрѣшная классная дама.—Городской голова въ училищѣ. — Псковское уѣздное училище и его обстановка.— Тамбовскій помѣщикъ и итальянка.— Сибирскій голодъ— Для чего существуетъ въ Самарѣ общественный банкъ?— Самарскіе славянофилы обоего пола.— Мундиръ, дающій самостоятельность.—Госпиталь на Кавказѣ.— Поголовное свидѣтельство женщинъ.— Взятка новаго рода.

до Карамзина) выдается; 2-й томъ еще печатается СПБ. 1861 г. ц. за оба тома. 3 р. съ пер. 4 р. На 2-й томъ выдается билетъ.

Полная русская христоматія. Сост. А. Голаховъ; изд. 9-е съ перемѣнами, 2 тома. СПБ. 1861 г. ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 50 к.

Русская христоматія съ примѣчаніями для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. А. Филоновъ. Большой томъ въ 800 стр. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1. р. 60 к.

Христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Сост. П. Басистовъ; изд. 2-е съ примѣчаніями. Томъ въ 400 стр. М. 1862 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р. 25 к.

Дѣтскій міръ и христоматія, книга для класснаго чтенія; изд. 2-е исправленное и дополненное съ 4 таблицами рисунковъ. К. Ушинскаго. 2 книжки; СПБ. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Исторія русской словесности. Лекціи С. Шевырева. 4 тома. М. 1860 г. ц. 6 р. съ пер. 7 р. 50 к.

Обзоръ русской духовной литературы. Соч. Филарета Архіепископа черниговскаго. Два тома. СПБ. 1861 г. ц. 3 р. съ пер. 3 р. 75 к.

Историческіе очерки русской народной словесности и искуствава. Соч. Ф. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома, великолѣпное изданіе, въ большую 8 д. л. на веленевой гласированной бумагѣ, съ 212 рисунками съ древнихъ рукописей. СПБ. 1861 г. ц. за оба тома 7 р. съ пер. 8 р. 50 к.

Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованія П. Пекорскаго. Два большихъ тома. СПБ. 1863 г. ц. 7 р. съ пер, 8 р. 50 к.

Исторія польской литературы отъ начала ея до настоящаго времени, Людвига Кондратовича (Владислава Сырокомли), перев. съ польскаго. О. Кузьминскаго. Два большихъ тома. М. 1863 г. ц. 3. р. съ пер. 4 р.

Исторія греческой литературы (поэзія) соч. Мунка. СПБ. 1862 г. ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Исторія испанской литературы по Тикнору, сост. П. Кулишъ СПБ. 1861 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р.

Исторія французской литературы, Юліана Шмидта, два тома, болѣе 50 печатныхъ листовъ, по 5 выпусковъ въ каждомъ, 1 и 2 выпуски выдаются. СПБ. 1863 г. ц 4 р. съ пер. 5 р.

Естественная исторія міроздапія. Съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта. Перевелъ и дополнилъ примѣчапіями А. Пальховскій. М. 1863 г. ц. 2 р.. съ пер. 2 р. 50 к.

Общая естесвенная исторія насѣкомыхъ, содержащая въ себѣ подробное описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, ихъ превращеній, пищи, пріемовъ, служащихъ для ея добыванія, жилищъ и проч. Соч. Кэрби и Спенсъ. Перевелъ съ англійскаго седьмого изданія Андрей Минъ. М. 1863 г. ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Курсъ международнаго права. Профессора Каченовскаго. Часть первая. Харьковъ. 1863 г. ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 50 коп.

Географическо-статистическій словарь Россійкой Имперіи. Составилъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго общества дѣйствительный членъ общества П. Семеновъ. Выпускъ четвертый, СПБ. 1863 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р. Тоже выпуски 1, 2 и 3; ц. по 75 к., съ пер. 1 р.

Сравнительное обозрѣніе силъ и богатства Европейскихъ Государствъ. Соч. Блокка. Переводъ съ французскаго, съ атласомъ, СПБ. 1863 г. ц. 2 р. 75 к. съ пер. 3 руб. 50 коп.

Всемірная исторія Шлоссера. Томъ восьмой. СПБ. 1863г. ц. 1. 50 к. съ пер. 2 р. Тоже томы 1, 2, 3, 4, 6, и 7, ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Поѣздка на востокъ. М. Г. Дохтурова. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ уголовнаго права, составленный Спасовичемъ. Томъ 1-й, выпускъ 1-й. СПБ. 1863 г. ц. 80 к. съ пер. 1 р. 20 к.,

Руководство къ химіи описательной и теоретической, В. Одлинга, переводъ съ англійскаго Д. Савченковымъ. горнымъ инженеромъ. Выпускъ первый СПБ. 1863 г. ц. за два выпуска 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; па второй выпускъ выдается билетъ.

Естественная исторія мірозданія. Съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта. Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А. Пальховскій. М. 1863 г. ц. 2 р.. съ пер. 2 р. 50 к.

Общая естесвенная исторія насѣкомыхъ, содержащая въ себѣ подробное описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, ихъ превращеній, пищи, пріемовъ, служащихъ для ея добыванія, жилищъ и проч. Соч. Кэрби и Спенсъ. Перевелъ съ англійскаго седьмого изданія Андрей Минъ. М. 1863 г. ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

Курсъ международнаго права. Профессора Каченовскаго. Часть первая. Харьковъ. 1863 г. ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 50 коп.

Географическо-статистическій словарь Россійкой Имперіи. Составилъ по порученію Императорскаго Русскаго Географическаго общества дѣйствительный членъ общества П. Семеновъ. Выпускъ четвертый, СПБ. 1863 г. ц. 75 к. съ пер. 1 р. Тоже выпуски 1, 2 и 3; ц. по 75 к., съ пер. 1 р.

Сравнительное обозрѣніе силъ и богатства Европейскихъ Государствъ. Соч. Блокка. Переводъ съ французскаго, съ атласомъ, СПБ. 1863 г. ц. 2 р. 75 к. съ пер. 3 руб. 50 коп.

Всемірная исторія Шлоссера. Томъ восьмой. СПБ. 1863г. ц. 1. 50 к. съ пер. 2 р. Тоже томы 1, 2, 3, 4, 6, и 7, ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

Поѣздка на востокъ. М. Г. Дохтурова. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

Учебникъ уголовнаго права, составленный Спасовичемъ. Томъ 1-й, выпускъ 1-й. СПБ. 1863 г. ц. 80 к. съ пер. 1 р. 20 к.,

Руководство къ химіи описательной и теоретической, В. Одлинга, переводъ съ англійскаго Д. Савченковымъ. горнымъ инженеромъ. Выпускъ первый СПБ. 1863 г. ц. за два выпуска 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; на второй выпускъ выдается билетъ.
